ВЕСТНИК НАУКИ

ВЫПУСК № 10 (103)

ТОМ 2

Международный научный журнал

www.вестник-науки.рф

Тольятти 2026

Международный научный журнал

«ВЕСТНИК НАУКИ»

№ 10 (103) том 2

ОКТЯБРЬ 2026 г.

(ежемесячный научный журнал)

В журнале освещаются актуальные теоретические и практические проблемы развития науки, территорий и общества. Представлены научные достижения ученых, преподавателей, специалистов-практиков, аспирантов, соискателей, магистрантов и студентов научно-теоретического, проблемного или научно-практического характера.

Предназначено для преподавателей, аспирантов и студентов, для всех, кто занимается научными исследованиями в области инновационного развития науки, территорий и общества.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются, публикуются в авторской редакции.

Авторы несут ответственность за содержание статей, за достоверность приведенных в статье фактов, цитат, статистических и иных данных, имен, названий и прочих сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

** В выпусках журнала могут упоминаться организации (Meta, Facebook, Instagram) в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ "О противодействии экстремистской деятельности" (далее - Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности"), или об организации, включенной в опубликованный единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими, без указания на то, что соответствующее общественное объединение или иная организация ликвидированы или их деятельность запрещена.*

Главный редактор журнала:

РАССКАЗОВА ЛЮБОВЬ ФЁДОРОВНА

Главный редактор: *Рассказова Любовь Федоровна*

Адрес учредителя, *издателя и редакции: г. Тольятти*

ISSN 2712-8849

сайт: *https://www.вестник-науки.рф*

eLibrary.*ru: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=67626*

Дата выхода в свет: *11.10.2026 г.*

Периодическое ***электронное научное издание***.

© Авторы статей, 2026.

16+

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENT)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ И МЕНЕДЖМЕНТ (ECONOMIC SCIENCES & MANAGEMENT)

1. Байшуакова А.К., Шоман С. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ С КЛИЕНТАМИ В СТРАХОВОМ СЕКТОРЕ	13 - 22
2. Борзенков Д.М. ТАЛАНТ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ: ДЕФИЦИТ КОМПЕТЕНЦИЙ, РАЗВИТИЕ И УДЕРЖАНИЕ ПЕРСОНАЛА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	23 - 31
3. Гайрабекова А.И., Криворотова А.Р., Моложавенко В.Л. ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА	32 - 41
4. Думкина Е.С., Шапошников В.А. АНАЛИЗ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	42 - 50
5. Железтов И.И. ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ HR-ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	51 - 61
6. Керимова М.Г., Керимов Ф.Дж., Джафарова Х.Р. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ	62 - 78
7. Колпаков П.А. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОФШОРНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	79 - 84
8. Коржакова Я.О. ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАЙМЕ, ОБУЧЕНИИ И СОПРОВОЖДЕНИИ ПЕРСОНАЛА	85 - 96
9. Котенко С.А., Сахарова Л.В. АНАЛИЗ ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ, ПРИМЕНЕНИЕ И ВЫЗОВЫ	97 - 103
10. Терегулов Т.Д. «ПРОФЕССИОНАЛИТЕТ» КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, БИЗНЕСА И ВЛАСТИ	104 - 113
11. Ткаленко В.И., Гурнович Т.Г. ИНТЕГРИРОВАННЫЙ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ И АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ	114 - 123
12. Шишкин К.Е. РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ	124 - 145

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ (JURIDICAL SCIENCES)

13. Арлаускас Д.Э. ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ	146 - 159
14. Бяшимов Т.А., Брутян Ю.А. ПЕРЕВОДЧИК КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ	160 - 168
15. Бяшимов Т.А., Брутян Ю.А. ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ, ФИКСАЦИИ И ОЦЕНКИ	169 - 179
16. Воробьева С.М. БАНКРОТСТВО ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА	180 - 186
17. Гаджирагимова К.М. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	187 - 193
18. Голубев Д.В. ТРЕТЕЙСКАЯ ОГОВОРКА В ДОГОВОРАХ МИКРОЗАЙМА: ЗАПРЕТ ЕСТЬ, ПРОБЛЕМА ОСТАЁТСЯ	194 - 201
19. Губанова В.А. ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ	202 - 209
20. Давыдов Д.Д., Соич Л.М. ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМАХ	210 - 220
21. Ерофеева Е.А. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАСЛЕДНИКИ НЕДВИЖИМОСТИ: ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ ИНТЕРЕСОМ И ЗАЩИТОЙ ЧАСТНЫХ ПРАВ	221 - 230
22. Зайцева М.В. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ВЫДАЧИ ЛИЦ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ	231 - 241
23. Закарян М.А., Азарова Е.С. УСМОТРЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ: ПРЕДЕЛЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ	242 - 249
24. Змановская А.Н. САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА ЗАНЯТОСТИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ	250 - 255
25. Кабаргина В.А. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК, В ТОМ ЧИСЛЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА	256 - 264
26. Куйкеева А.Ч. БРАЧНЫЙ ДОГОВОР (НИКАХ) И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА СУПРУГОВ	265 - 273

27. Малютина М.Ю. ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	274 - 282
28. Мартынов И.И. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ И ПРЕДЕЛЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ И МАЙНИНГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	283 - 294
29. Митьковская В.А. ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО ПРИ ПЕРЕМЕНЕ ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЧЕРЕЗ 8 ЛЕТ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КС РФ ПО ДЕЛУ БОЛЧИНСКИХ	295 - 313
30. Мулдашев Р.Н. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ	314 - 323
31. Муртазина Р.Ш. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ ОБ ОРУЖИИ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВАХ	324 - 330
32. Муртазина Р.Ш. ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ	331 - 337
33. Нагеева К.Ю. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СУДОВ КУЗБАССА)	338 - 347
34. Павловская А.Р. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА	348 - 356
35. Пупыкина М.А. СРАВНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ	357 - 363
36. Савченко Д.Е., Пастухов Д.Е., Иванова Т.А. ОФШОРНЫЕ КОМПАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	364 - 372
37. Степанов А.А. ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ	373 - 386
38. Трепалин С.С. ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ	387 - 395
39. Тюнина В.В. НАУЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ, ЗНАЧЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ПРИГОВОРА СУДА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ	396 - 401
40. Федотова Е.В. К ВОПРОСУ ОБ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ	402 - 409

41. Федотова Е.В. СТАТУС АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	410 - 415

ПЕДАГОГИКА И ОБРАЗОВАНИЕ (PEDAGOGY & EDUCATION)

42. Арипова А.Х. РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ	416 - 422
43. Баймуканова Г.Д., Диканбай К.Т. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	423 - 435
44. Галеева З.З. ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА НА УРОКАХ ФИЗИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ	436 - 441
45. Елеусизова С., Муталип У., Тасыбеков А. МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	442 - 451
46. Коргушева В.Н. ДИНАМИКА ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ СИСТЕМНОЙ РАБОТЕ С АУДИОВИЗУАЛЬНЫМИ МЕДИА	452 - 457
47. Мифирия С.А. СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ	458 - 465
48. Мифирия С.А. СЮЖЕТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УРОКА ИНФОРМАТИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИИ	466 - 476
49. Михайлова А.Е. МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	477 - 483
50. Модестова Н.А. ЛИНИЯ ФУНКЦИЙ. МЕТОДИКА ИХ ИЗУЧЕНИЯ В КУРСЕ ШКОЛЫ	484 - 494
51. Новикова В.Д. ОТ АНАЛИЗА ТЕКСТА К СОЗДАНИЮ СОБСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 8 КЛАССЕ	495 - 503
52. Носиров Л.Х. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	504 - 510
53. Романенко Т.Н. ДИАГНОСТИКА ОСТАТОЧНЫХ ЗНАНИЙ ПО ТВОРЧЕСТВУ А.С. ПУШКИНА В 5-7 КЛАССАХ: МЕТОДИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ	511 - 516
54. Чекаева В.С. ЛАТИНИЗМЫ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	517 - 522

55. Чекаева В.С. РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ-ЯЗЫКОВЕДА - ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ	523 - 529
56. Шарипова Н.Э. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ТРЕБОВАНИЯ	530 - 534
57. Якимова А.А., Калиниченко А.В. ОБОГАЩЕНИЕ АТРИБУТИВНОГО СЛОВАРЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СРЕДСТВАМИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР И ИГРОВЫХ ПОСОБИЙ	535 - 543

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
(STATE & MUNICIPAL GOVERNMENT)

58. Карабаева Я.С. ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ	544 - 552
59. Пангина А.А. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОССЛУЖАЩИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНАЛИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ	553 - 559
60. Читадзе В.Б. ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА	560 - 567

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ (HISTORICAL SCIENCES)

61. Вуколов М.Ю. РЕЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ГЕРБЕРТА МАРКУЗЕ В СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ Ю.А. ЖУКОВА)	568 - 578
62. Окунева Е.П., Чеченков П.В. ОСНОВАНИЕ БАЛАХНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ И КОММЕМОРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ	579 - 586

ЖУРНАЛИСТИКА (PRESS)

63. Беляев Е.Д., Цуканов Е.А. КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ СПОРТИВНОГО СОБЫТИЯ СРЕДСТВАМИ КОММЕНТИРОВАНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ	587 - 599

ЛИНГВИСТИКА - НАУКИ О ЯЗЫКЕ (LINGUISTICS)

64. Оздоева Д.М., Барахоева Н.М. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ	600 - 610

МУЗЫКА (MUSIC)

65. Торяник О.П. ПРЕЛОМЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ТРАГИЧЕСКОГО В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ В.А. МОЦАРТА	611 - 618
66. Торяник О.П. ТРАГИЧЕСКОЕ В МУЗЫКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА	619 - 626

СОЦИОЛОГИЯ (SOCIOLOGY)

67. Maharramov B.M., Taghiyeva S.N. PATRIARCHAL ORDER AND MALE DOMINANCE: AN OVERVIEW OF WOMEN'S POSITION IN TURKEY'S SOCIAL STRUCTURE	627 - 633

ПСИХОЛОГИЯ (PSYCHOLOGY)

68. Бовсуновская А.А., Черенёва Е.А. ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ОНТОГЕНЕЗЕ	634 - 642
69. Горепекина М.Г., Кондратенко И.В. СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА	643 - 649
70. Горепекина М.Г., Лях Ю.А. ЛИЧНОСТНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	650 - 663
71. Сергеенко М.А., Шапошникова Т.Д. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МАТЕРЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ И РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ	664 - 677

ОБЩЕГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ (ALL HUMANITARIAN SCIENCES)

72. Саттенова А.А., Мукатаева А.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: ОТ АНТИЧНОГО ЭВДЕМОНИЗМА ДО АБАЯ	678 - 686

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ (COMPUTER TECHNOLOGY)

73. Гупал М.О., Ровзенко Р.С., Газизов А.Р. СИСТЕМА ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	687 - 696
74. Гусятников Д.В., Егорова Е.С. АВТОМАТИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТЯЖЁЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	697 - 704
75. Сейдакматов Н.А., Элебесова Г.Ч. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: УГРОЗЫ, МЕТОДЫ ЗАЩИТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ	705 - 714
76. Слесарев Р.А., Панюшкин А.М. ПРЕДИКТИВНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ ДОСТАВКИ КРИТИЧЕСКИХ УВЕДОМЛЕНИЙ В ПРИЛОЖЕНИЯХ REACT NATIVE ДЛЯ УСТРОЙСТВ APPLE WATCH НА БАЗЕ WATCHOS	715 - 726

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА (CONSTRUCTION & ARCHITECTURE)

77. Копылов Л.Н., Пугин К.Г. ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИМЕРОВ И КОМПОЗИТОВ ДЛЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ МАЛОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ	727 - 735
78. Люльков Г.А. КОНВЕРГЕНЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫМИ ПРОЕКТАМИ	736 - 744
79. Хаджиков Р.П. ИННОВАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ГРАЖДАНСКИХ ЗДАНИЙ	745 - 753

АВИАЦИЯ (AVIATION)

80. Огренич Е.М., Огренич А.А. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БАЗОВОЙ КОНТРОЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РУКОЯТОК ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ	754 - 760

МЕДИЦИНА И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ (MEDICINE & HEALTHCARE)

81. Астапова А.С., Остроухова О.Н., Лущик М.В. ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ДИНАМИКИ ТИРЕОТРОПНОГО ГОРМОНА НА ПРОГРЕССИРОВАНИЕ КИСТ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ ПРИ СУБКЛИНИЧЕСКОМ ГИПОТИРЕОЗЕ	761 - 769
82. Байбак Д.В., Остроухова О.Н., Лущик М.В. ТЕЧЕНИЕ ГИПЕРТРОФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ АУТОИММУННОГО ТИРЕОИДИТА ОТ ДЕБЮТА ДО ТИРЕОИДЭКТОМИИ: КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ	770 - 778
83. Ге А.В. МЕТОД ИМПАКЦИОННОЙ КОСТНОЙ ПЛАСТИКИ ДЕФЕКТОВ ВЕРТЛУЖНОЙ ВПАДИНЫ ПРИ РЕВИЗИОННОМ ЭНДОПРОТЕЗИРОВАНИИ ТАЗОБЕДРЕННОГО СУСТАВА	779 - 791
84. Гордалионова Д.Д., Остроухова О.Н., Лущик М.В. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРОЖДЁННОГО ИММУНИТЕТА, HLA-ГЕТЕРОГЕННОСТИ И Т-КЛЕТОЧНОЙ РЕАКТИВНОСТИ ПРИ ПОСТСТРЕПТОКОККОВОЙ МИМИКРИИ	792 - 801
85. Завгородняя В.Р., Остроухова О.Н., Лущик М.В. ФЕНОМЕН ИШЕМИИ БЕЗ ОБСТРУКЦИИ КОРОНАРНЫХ АРТЕРИЙ (INOCA): ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ	802 - 811
86. Куспекова А.А., Шамсиддинова К.З. ВЛИЯНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫХ ФОРМ ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПАРАЛИЧА НА КЛИНИЧЕСКИЙ ФЕНОТИП И РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТЕЙ: АНАЛИЗ ДАННЫХ WES	812 - 819
87. Лахин М.И., Остроухова О.Н. ВЛИЯНИЕ ПЕРСИСТИРУЮЩЕЙ ВПЧ-ИНФЕКЦИИ НА ВРОЖДЁННЫЙ И АДАПТИВНЫЙ ИММУНИТЕТ: МЕХАНИЗМЫ И КЛИНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ	820 - 826
88. Муминов С., Тихонова Е.В., Подшибякина М.В. ПРИМЕНЕНИЕ КОМБИНИРОВАННОГО ТЕЙПИРОВАНИЯ У ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ОНМК	827 - 839
89. Нермин Бассам Мохаммад Абдаллат СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К УХОДУ ЗА ПОЖИЛЫМИ ПАЦИЕНТАМИ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА	840 - 852
90. Пак М., Саттарова Д., Убайдуллаева С.Ф. ПОРАЖЕНИЕ ОБЩЕГО МАЛОБЕРЦОВОГО НЕРВА ПОСЛЕ ТОТАЛЬНОГО ЭНДОПРОТЕЗИРОВАНИЯ КОЛЕННОГО СУСТАВА. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ	853 - 868

СПОРТ И ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА (SPORT)

91. Белозерцева Е.А. РАЗВИТИЕ СИЛОВОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У ПЛОВЦОВ-СПРИНТЕРОВ НА ЭТАПЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА	869 - 880
92. Новикова Д.А. РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У ВЕЛОСИПЕДИСТОВ-ШОССЕЙНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ГИПОКСИЧЕСКОЙ ТРЕНИРОВКИ	881 - 889
93. Парамонов М.А. ПЛАВАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ТРИАТЛОНИСТОВ В ГРУППЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА	890 - 899
94. Парамонова А.Н. ГИПОКСИЧЕСКАЯ ТРЕНИРОВКА ПЛОВЦОВ-СПРИНТЕРОВ В ГРУППЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА	900 - 910

ЭКОЛОГИЯ (ECOLOGY)

95. Белоконь Е.А., Сакулина В.А. КАЧЕСТВО ВОЗДУХА В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: ВКЛАД АВТОТРАНСПОРТА И МЕРЫ ПО СНИЖЕНИЮ	911 - 920

ПРИРОДА И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО (NATURE)

96. Абанина О.А., Беспалова Н.С. ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОРОШЕНИЮ ПОЧВ В УСЛОВИЯХ КАМЕННОЙ СТЕПИ	921 - 927

ЭНЕРГЕТИКА И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЭНЕРГИЯ (ENERGY & ALTERNATIVE ENERGY)

97. Байрамалиева Э.Н. НАДЕЖНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДУШНЫХ ЛИНИЙ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ	928 - 935

КУЛЬТУРА (CULTURE)

98. Балыка Ю.К. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА ЗАГРОБНОГО МИРА В КАРТИНЕ А. БЁКЛИНА «ОСТРОВ МЁРТВЫХ»	936 - 944
99. Балыка Ю.К. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СМЕРТИ И «КОНЦА ВРЕМЕНИ» В ИСКУССТВЕ СИМВОЛИЗМА	945 - 958

ТЕХНИКА БЕЗОПАСНОСТИ (SAFETY PRECAUTIONS)

100. Хариков С.В. ВЛИЯНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ШУМА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РАБОТОСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ВО ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СВОЕЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	959 - 968

УДК 338.262.4

Байшуакова А.К.
магистр делового администрирования, докторант
программа доктора делового администрирования
Алматы Менеджмент Университет
(г. Алматы, Казахстан)

Шоман С.
кандидат технических наук, ассоциированный профессор
Алматы Менеджмент Университет
(г. Алматы, Казахстан)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯМИ С КЛИЕНТАМИ В СТРАХОВОМ СЕКТОРЕ

***Аннотация**: в настоящей статье проведен системный сравнительный анализ международного и регионального опыта управления взаимоотношениями с клиентами в страховом секторе за период с 2020 по 2025 год. В исследовании смещен фокус с сугубо технологических решений на общие стратегические, организационные и сервисные подходы к формированию лояльности страхователей. Рассмотрены ключевые концепции построения доверия, стандарты обслуживания клиентов при урегулировании убытков, методы профилактики оттока и регуляторные особенности различных регионов мира. Особое внимание уделено специфике рынка Казахстана и стран СНГ, где управление взаимоотношениями со страхователями развивается через государственные сервисные стандарты (электронный полис, упрощенная фиксация страхового случая, доступность страховых данных) и партнерство с финансовыми экосистемами. На основе аналитических данных показана роль гибридного формата взаимодействия, объединяющего удобство оперативных сервисов с эмпатичным человеческим контактом в ключевых точках общения.*

***Ключевые слова**: страхование, управление клиентскими отношениями, лояльность страхователей, урегулирование убытков, гибридное обслуживание, Казахстан.*

Страховой сектор мировой экономики проходит этап глубокого переосмысления того, как компании должны строить работу с клиентами.

Исторически система взаимодействия со страхователями строилась вокруг разовых продаж и администрирования договора. Однако рост конкуренции, изменение ожиданий потребителей и ориентация на их долгосрочную ценность заставили страховщиков сместить фокус с привлечения новых клиентов на удержание и развитие отношений с существующими.

В страховании продукт обладает важной спецификой: клиент оплачивает услугу заранее, а ее реальное потребление происходит либо при продлении договора, либо при наступлении страхового случая. Это делает решающим фактор накопленного опыта и институционального доверия к агентству и страховой компании. Привлечение нового страхователя в любом сегменте страхования обходится компании в среднем в 5 раз дороже, чем сохранение действующего портфеля. В отсутствие системного сервисного сопровождения показатель удержания клиентов резко падает: в первый год действия договора агентство поддерживает до 84% клиентов, а на второй год без активной работы их доля может снизиться до 29% [1].

В международной практике стратегическое управление взаимоотношениями опирается на следующие ключевые принципы:

Страхование перестает быть «документом, о котором вспоминают раз в год». Компания стремится сопровождать клиента на всех этапах жизненного цикла: от консультирования по снижению рисков до моментальной поддержки при происшествиях.

На лояльность одинаково сильно влияют как честность и скорость выплат, так и вежливость, понятность условий и сопереживание сотрудников.

Качественная обработка жалоб и оперативное исправление ошибок компании позволяют не только сохранить клиента, но и сделать его более приверженным бренду [2].

Управление взаимоотношениями со страхователями превратилось из учетной функции в главный фактор финансовой устойчивости страхового агентства. Эффективность работы оценивается через уровень удовлетворенности

клиентов, индекс чистой поддержки, степень клиентских усилий и показатель удержания портфеля.

Страховой рынок Казахстана демонстрирует высокую динамику развития сервисных моделей в агентской и корпоративной среде. Главная особенность казахстанского опыта заключается в том, что базовые стандарты сервиса, учет полисных данных и прозрачность выплат задаются при активном участии государства и регулятора (Агентства РК по регулированию и развитию финансового рынка).

В других странах СНГ страховые агентства также активно внедряют специализированные решения для автоматизации работы агентов, учета комиссионных вознаграждений и автоматического контроля сроков пролонгации договоров по всему портфелю рисков.

На североамериканском рынке страховые агентства и брокеры работают в условиях высокой конкуренции за удержание клиента по всем видам личного, коммерческого и имущественного страхования. Ключевым направлением развития CRM выступает предиктивная аналитика и использование умных устройств интернета вещей (IoT) — датчиков защиты имущества от протечек и пожаров, а также фитнес-трекеров в медицинском страховании. Агентские CRM-системы автоматически подсказывают менеджеру оптимальный момент для предложения комплексного страхового пакета (например, совмещение страхования дома, ответственности и медицинского страхования со скидкой), что существенно повышает средний чек и лояльность.

В США и Великобритании страховые агентства и независимые брокеры работают в условиях высокой конкуренции за удержание клиента по всем видам личного, коммерческого и имущественного страхования. Ключевым направлением развития CRM выступает предиктивная аналитика оттока и использование умных устройств интернета вещей (IoT) — датчиков защиты имущества от протечек и пожаров, а также фитнес-трекеров в медицинском страховании. Агентские CRM-системы автоматически подсказывают менеджеру оптимальный момент для предложения комплексного страхового пакета

(например, совмещение страхования дома, ответственности и медицинского страхования со скидкой), что существенно повышает средний чек и лояльность.

В Европе деятельность страховых агентов и брокеров строго регламентирована законодательством о защите прав потребителей финансовых услуг и персональных данных (GDPR). Европейские страховщики делают ставку на профессиональное финансовое консультирование и абсолютную прозрачность условий по программам накопительного страхования жизни, пенсионным продуктам и защите имущества. В агентской практике доминирует гибридный сервис: стандартные операции и проверку статуса страхового случая клиенты выполняют через личный кабинет, но подбор сложных программ защиты бизнеса или здоровья осуществляется через личное общение с аккредитованным страховым агентом.

В Азии работа страховых посредников тесно переплетена с повседневными цифровыми сервисами и классическими агентскими сетями. В Китае продажа страховых продуктов (включая страхование путешествий, здоровья и покупок) массово встроена в повседневные супер-приложения. В Индии развивается подход «Фиджитал», где страховые компании оснащают сотни тысяч независимых агентов мобильными CRM-терминалами. Это позволяет агентам на месте оформлять полисы личного и имущественного страхования и регистрировать страховые случаи в отдаленных районах, что определяет до 73% уровня удовлетворенности клиентов и свыше 75% их долгосрочной лояльности.

Международная практика показывает, что построение эффективной системы CRM в страховом агентстве требует учета национальных регуляторных рамок, уровня цифровой грамотности и культурных особенностей потребителей. Ниже представлено систематизированное сравнение обновленной типологии региональных подходов к организации деятельности страховых агентств и компаний.

Таблица 1. Сравнительная типология сервисных моделей CRM в страховых агентствах.

Модель / Страновые лидеры	**Стратегический фокус CRM**	**Основные инструменты и каналы**	**Регуляторный и социальный контекст**	**Ключевые вызовы и барьеры**
Интегрированная государственная модель	Автоматизация агентских продаж, упрощение выплат, интеграция с государственными базами.	Электронный полис, сквозная проверка данных через ЕСБД, партнерство с банковскими приложениями.	Государственное регулирование (АРРФР), цифровизация реестров страховых историй.	Риск снижения роли классического агента из-за роста прямых экосистемных продаж.
Брокерско-аналитическая модель	Предиктивное удержание, пакетные мультипродуктные продажи, автоматизация брокеров.	Предиктивный анализ оттока по портфелю, датчики безопасности имущества и здоровья.	Стандарты защиты прав потребителей, жесткое регулирование страховых тарифов.	Высокая стоимость обновления устаревшего программного обеспечения в агентствах.
Континентальная консультативная модель	Финансовое консультирование, прозрачность условий, гибридный агентский сервис.	Разделение задач: простые операции — онлайн, сложные программы рисков — с агентом.	Законодательство GDPR, Solvency II, жесткие требования к квалификации агентов.	Высокие затраты на обеспечение юридической чистоты сделок и защиту данных.
Платформа гиперавтоматизации	Встроенное страхование, мобильные рабочие места агентов, модель «Фиджитал».	Продажи через супер-приложения, оснащение агентов мобильными CRM-терминалами.	Государственные программы повышения финансовой инклюзивности населения.	Разница в уровне подготовки агентов и инфраструктуре между городами и селами.
Мобильно-инклюзивная модель	Повышение доступности услуг, микрострахование, мобильные агентские каналы.	Простые страховые продукты, коммуникация агентов с клиентами через мессенджеры.	Государственные программы развития базового страхования.	Низкий исходный уровень доверия населения к финансовым посредникам.

Примечание. Составлено автором на основании источников [3-6].

Ключевым трендом в мировой агентской практике является ориентация на сбалансированный сервис, где технологии ускоряют вычисления и оформление, но не заменяют личную консультационную роль агента. Казахстанский рынок демонстрирует высокие темпы цифровизации агентской среды за счет государственной инфраструктуры, что позволяет сократить операционные расходы агентств и ускорить сервис для клиентов по всем видам личного и имущественного страхования.

Для реализации выбранной модели страховые агентства внедряют специальный комплекс практических CRM-инструментов, охватывающих весь жизненный цикл работы с клиентом. В таблице 2 систематизированы основные операционные механизмы деятельности агентств и дана оценка их фактического влияния на показатели бизнеса.

Таблица 2. Операционные CRM-практики агентств и их влияние на клиентский портфель.

Операционная практика CRM	**Содержание и механика применения**	**Влияние на показатели агентства**
Единая база клиентов и портфеля (360 профиль)	Централизованный учет всех действующих и завершенных договоров клиента по всем видам страхования.	Исключение дублирования данных, рост кросс-продаж
Автоматический контроль сроков пролонгации	Системные уведомления агенту и клиенту о приближении даты окончания договора страхования.	Снижение неконтролируемого оттока клиентов, рост удержания портфеля
Прозрачное онлайн-урегулирование убытков	Подача заявлений об ущербе имуществу или здоровью через приложение с прикреплением документов.	Рост доверия к агентству, повышение уровня удовлетворенности.
Умный мониторинг рисков (IoT в имуществе и медицине)	Использование датчиков защиты жилья и медицинских трекеров для расчета индивидуальных скидок.	Снижение частоты страховых случаев, рост пролонгации договоров.
Гибридный контакт-центр (Бот + Агент)	Первичный прием обращений и частых вопросов ботом с моментальным переводом на личного агента.	Сокращение времени ожидания ответа, высвобождение времени агентов для консультаций.

Примечание. Составлено автором на основании источников [2-5].

Оценка успешности внедрения CRM-систем и сервисных моделей в деятельность страховых агентств требует комплексного анализа конкретных показателей. Обобщение данных международных и казахстанских исследований позволяет наглядно проследить экономический и операционный эффект от повышения качества работы с клиентским портфелем.

Обобщение данных исследований позволяет выделить следующие ключевые показатели:

Затраты на удержание против привлечения: Потеря действующего клиента по любому виду страхования обходится агентству в 5 раз дороже, чем его повторное привлечение через качественный сервис пролонгации.

Влияние качества обслуживания на портфель: Высокий уровень сервисного сопровождения и удобство общения на 73% определяют удовлетворенность клиентов, а удовлетворенность, в свою очередь, более чем на 75% формирует их долгосрочную лояльность к агентству.

Эффективность гибридной поддержки: Использование автоматизированных систем для рутинных уведомлений в сочетании с личным контактом агента сокращает время обработки запросов на 20% и повышает удовлетворенность клиентов на 15–25%.

Точность систем удержания: CRM-системы с функциями аналитики способны с точностью до 91–96% выявлять клиентов, склоняющихся к расторжению договора, давая агенту время предложить более выгодные или адаптированные условия.

Роль защиты данных в агентской деятельности**:** Обеспечение полной безопасности и конфиденциальности личных данных клиентов в агентской базе повышает готовность граждан оформлять комплексные продукты страхования на 47–58%.

Трансформация процессов работы страховых агентств и перестройка работы персонала неизбежно сталкиваются со сложными барьерами на всех уровнях организации. Понимание этих системных вызовов позволяет

руководителям агентств и страховых компаний своевременно предотвращать риски и избегать распространенных ошибок при реализации CRM-стратегий.

При строительстве эффективных систем управления взаимоотношениями страховые агентства сталкиваются со следующими проблемами:

Переход на работу в единой CRM-системе часто вызывает опасения агентов за сохранность их личной клиентской базы и требует переобучения сотрудников.

Чрезмерная автоматизация и замена агентов чат-ботами при подборе сложных страховых продуктов (жизнь, медицина, ответственность) приводит к снижению доверия и потере эмоциональной связи с клиентом.

Агентства сталкиваются с давлением со стороны прямых онлайн-продаж страховых компаний и банковских приложений, что требует развития уникальной экспертизы и высокого уровня личного сервиса.

Хранение подробной информации о клиентах (медицинские данные, сведения об имуществе, финансовое состояние) накладывает на агентства строгие юридические обязательства по защите информации.

Обобщение международной и отечественной практики показывает, что эффективная деятельность страховых агентств в современных условиях опирается на сочетание технологичной CRM-платформы и экспертного человеческого консультирования. Главным научно-практическим результатом проведенного исследования выступает обоснование разработки и формирования гибкой казахстанской модели управления взаимоотношениями со страхователями. Данная модель синтезирует регуляторные стандарты государства (сквозная интеграция с Единой страховой базой данных и госреестрами), высокую мобильную доступность в рамках финансовых экосистем и гибридную сервисную структуру, позволяющую автоматизировать рутинные операции по всем видам личного и имущественного страхования при сохранении высокой роли персонального экспертного консультирования для укрепления долгосрочного доверия клиентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамов В.И., Чуркин Д.А. Оценка уровня зрелости системы управления взаимоотношениями с клиентами // Вестник университета. 2022. № 12. С. 5–13.
2. Калайда С.А., Тарасова Ю.А., Белова Л.А. Современные аспекты развития взаимного страхования // Экономическая безопасность. 2024. Т. 7, № 10. С. 2485–2500. DOI 10.18334/ecsec.7.10.121884.
3. Щербакова Н.В., Ильиных Ю.М. Страхование в эпоху цифровых и интернет-технологий // Экономика. Профессия. Бизнес. 2019. № 1. С. 83–86. DOI 10.14258/201912. EDN YYJHHV.
4. Сепп М.В. Задачи АО РНПК в реализации концепции устойчивого развития // Современные страховые технологии. 2021. № 6. URL: https://consult-cct.ru/upload/files/auto-pdflink/14-42701-9883.pdf (дата обращения: 12.07.2023)
5. Орехов А.Н. Сравнительный анализ программ устойчивого развития на примере лидеров международного страхового рынка // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2021. Т. 7, № 2. С. 83–96.
6. Ерланова Д.Е. Страховой рынок Казахстана: анализ и оценка эффективности // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5 (69). С. 563–570.

Bayshuakova A.K.
Master of Business Administration
doctoral student
Doctor of Business Administration program
Almaty Management University
(Almaty, Kazakhstan)

Shoman S.
PhD in Engineering, Associate Professor
Almaty Management University
(Almaty, Kazakhstan)

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN CUSTOMER RELATIONSHIP MANAGEMENT IN THE INSURANCE SECTOR

Abstract: *this article presents a systematic comparative analysis of international and regional approaches to customer relationship management in the insurance sector from 2020 to 2025. The study shifts focus from purely technological solutions to broader strategic, organizational, and service approaches to fostering policyholder loyalty. It examines key concepts of trust building, customer service standards in claims settlement, methods of preventing customer churn, and regulatory characteristics across different regions of the world. Particular attention is paid to Kazakhstan and CIS markets, where policyholder relationship management is developing via government service standards (electronic policies, simplified documentation of insured events, and access to insurance data) and partnerships with financial ecosystems. Analytical evidence highlights the role of hybrid customer engagement, which combines the convenience of prompt services with empathetic human contact at key touchpoints.*

Keywords: *insurance, customer relationship management, policyholder loyalty, claims settlement, hybrid service, Kazakhstan.*

УДК 33+005.95

Борзенков Д.М.

магистрант

Самарский государственный технический университет

(г. Самара, Россия)

ТАЛАНТ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ КОМПАНИЙ: ДЕФИЦИТ КОМПЕТЕНЦИЙ, РАЗВИТИЕ И УДЕРЖАНИЕ ПЕРСОНАЛА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

***Аннотация**: в статье рассматривается талант-ориентированная кадровая политика российских компаний в условиях цифровой трансформации и устойчивого дефицита квалифицированных кадров. Анализируются тенденции спроса на цифровые и ИКТ-компетенции, подходы к развитию, оценке и удержанию персонала, а также роль цифровых инструментов в управлении талантами.*

***Ключевые слова**: управление талантами, кадровая политика, цифровая трансформация, дефицит кадров, цифровые компетенции, персонал, профессиональное развитие, удержание, кадровый резерв, внутренняя мобильность, человеческий капитал.*

Цифровая трансформация бизнеса меняет предмет кадровой политики, для компании становится критичным наличие компетенций, которые обеспечивают внедрение технологий, обновление процессов и устойчивость ключевых функций, на российском рынке этот сдвиг развивается на фоне кадрового дефицита, к концу 2023 г. 75% опрошенных работодателей отмечали увеличение сроков найма, более 70% сообщали, что поиск и подбор сотрудников стали сложнее, 52% связывали трудности с отсутствием специалистов требуемой квалификации [7]. В июне 2024 г. 88% опрошенных работодателей полностью или частично согласились с тем, что дефицит кадров приобрел фундаментальный характер [8]. Управление талантами нужно рассматривать как основу кадровой политики, связывающую стратегическое планирование, развитие компетенций,

внутреннюю мобильность и удержание работников, от которых зависит реализация бизнес-задач, отметим, что в российской научной литературе управление талантами трактуется как системная деятельность, а не как работа с узкой группой высокопотенциальных сотрудников, к примеру, Е. П. Инчина связывает результативность этой системы с согласованностью выявления потенциала, развития и мотивации персонала [1]. Л. В. Гирш и А. Г. Будрин рассматривают управление талантами как направление развития человеческого капитала, обеспечивающее инновационную активность организации [2]. Е. А. Панова, Н. Н. Опарина и Л. В. Бондарева указывают на изменение требований к таланту в цифровой среде, где возрастает значение обучаемости, гибкости и способности работать с новыми технологиями, эти позиции позволяют определить талант-ориентированную кадровую политику как систему решений о критических ролях и компетенциях, способах их воспроизводства и механизмах удержания носителей дефицитной экспертизы [3].

Статистика занятости подтверждает расширение спроса на цифровые компетенции, по данным ИСИЭЗ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и Росстата, численность занятых в профессиях, связанных с интенсивным использованием информационно-коммуникационных технологий, увеличилась с 9,013 млн человек в 2021 г. до 9,391 млн в 2024 г., численность ИКТ-специалистов за тот же период выросла с 1,756 млн до 2,206 млн человек, а их доля в общей занятости - с 2,4 до 3,0% [5, с. 140]. Рост означает увеличение емкости соответствующего сегмента рынка труда, но одновременно усиливает конкуренцию за работников с актуальными технологическими навыками.

Таблица 1. Динамика занятости в профессиях, связанных с интенсивным использованием ИКТ в России, 2021-2024 гг. [5, с. 140].

Показатель	2021	2022	2023	2024
Занятые в профессиях с интенсивным использованием ИКТ, тыс. чел.	9 013,3	8 643,1	8 993,6	9 390,9
ИКТ-специалисты, тыс. чел.	1 756,4	1 931,7	1 991,6	2 205,9
Доля ИКТ-специалистов в общей занятости, %	2,4	2,7	2,7	3,0

Кадровое расширение цифрового сектора продолжилось, ИСИЭЗ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» оценивал среднесписочную численность работников российского сектора ИКТ в 1,7 млн человек, что на 102,1 тыс., или на 6,5%, превышало уровень предыдущего года [6]. Дополнительное ограничение связано с искусственным интеллектом, исследование более 2,3 тыс. российских организаций, использовавших технологии искусственного интеллекта, показало, что работники с профессиональными и пользовательскими компетенциями в этой области составляли 8,5% персонала, а специалисты с профильными компетенциями - 0,8%, в 55,3% организаций, где имелись специалисты по искусственному интеллекту, их число ограничивалось одним-двумя работниками, это означает высокий риск концентрации знаний у единичных экспертов и необходимость создавать преемственность, резерв и внутреннее обучение [4].

Управление талантами дает больший эффект при соединении внешнего привлечения и внутреннего воспроизводства компетенций, а О. В. Журавлева, И. В. Королева и О. Н. Митрофанова на примере российских промышленных компаний выделяют работу с молодежью, кадровым резервом, карьерным развитием и оценкой как взаимосвязанные элементы системы, для ПАО «Новолипецкий металлургический комбинат» авторы приводят данные о более чем 20 тыс. участников профориентационных мероприятий за три года и 2,5 тыс.

студентов, прошедших практику в 2022 г., с 770 студентами были заключены персональные соглашения, подход уменьшает зависимость от точечного внешнего найма и формирует ранний кадровый поток по дефицитным направлениям [9].

Цифровые инструменты расширяют возможности выявления и развития талантов, но их ценность определяется качеством кадровой модели. Корпоративный профиль компетенций может объединять результаты оценки, обучение, опыт участия в проектах, карьерные предпочтения и сведения о доступности к внутренней мобильности, на этой основе формируются рекомендации по развитию и перечень кандидатов на проектные роли. Решение не должно сводиться к автоматическому рейтингу работников, алгоритмические рекомендации требуют проверки руководителем и кадровой функцией, прозрачных критериев и контроля качества данных. Ошибка в модели компетенций масштабируется быстрее, чем при ручной оценке, поэтому цифровизация усиливает требования к методологии управления талантами.

Российский корпоративный опыт дает примеры такого соединения процессов, например, в ПАО «ГМК «Норильский никель» в 2024 г. доля работников, прошедших обучение, достигла 98,8%, среднее количество часов обучения на одного сотрудника составило 126. Корпоративное приложение «Суперника» использовали более 65 тыс. человек, или 83% персонала, а система объединяла свыше 40 сервисов [10]. Компания применяла оценку «360 градусов» более чем для 11 тыс. работников, показатели важны не как доказательство автоматической результативности цифрового инструмента, а как пример инфраструктуры, позволяющей связать массовое развитие, оценку и кадровые решения в организации с десятками тысяч сотрудников, другой механизм выявления потенциала связан с участием работников в улучшениях. «Фабрика идей» ПАО «Северсталь» ежегодно аккумулирует около 57 тыс. предложений, число уникальных авторов достигает 20 тыс., реализуется около 40 тыс. идей, потенциальный эффект инициатив за 2025 г. компания оценивает в 12 млрд руб. [11]. Система создает поведенческие данные о способности сотрудника видеть

проблему, предлагать решение и участвовать в его внедрении. Использование данных в кадровой политике дает более содержательную основу для выявления инициативных работников, чем формальная оценка потенциальности без учета результатов деятельности.

Таблица 2. Кадровые и цифровые маркеры условий управления талантами в России, 2023-2025 гг.

Показатель	Значение	Период
Работодатели, отметившие увеличение сроков найма	75%	2023
Работодатели, считающие кадровый дефицит фундаментальным	88%	2024
Доля работников с компетенциями в области ИИ в организациях, использующих ИИ	8,5%	2024
Доля обученных работников ПАО «ГМК «Норильский никель»	98,8%	2024
Численность работников российского сектора ИКТ	1,7 млн чел.	2025

Примечание. Составлено автором по данным [4, 6-8, 10].

Кадровая политика не может опираться преимущественно на внешний найм, приоритетом становится архитектура критических компетенций. Компания должна определить роли, потеря которых создает операционный или технологический риск, описать необходимые для них навыки и оценить внутреннее предложение этих навыков, карта используется при формировании кадрового резерва, планов обучения и решений о найме. Единицей планирования становится компетенция, а должность остается организационной формой ее применения, это особенно важно для цифровых ролей, содержание которых быстро меняется и часто включает сочетание отраслевой экспертизы, аналитики данных и навыков работы с автоматизированными системами.

Развитие талантов нужно связывать с измеримым дефицитом навыков. Массовое обучение без связи с будущими ролями увеличивает охват, но не

гарантирует закрытия кадрового риска, практически значимая модель включает оценку текущего уровня компетенции, целевой профиль, индивидуальный маршрут, проектное применение нового навыка и повторную оценку, для критических ролей к этому циклу добавляются наставничество и передача знаний преемнику, механизм особенно важен для организаций, где отдельные цифровые или инженерные компетенции сосредоточены у малого числа экспертов.

Удержание талантов требует отдельной системы решений, для работников с дефицитной экспертизой существенны конкурентное вознаграждение, понятная профессиональная траектория, доступ к сложным задачам, качество непосредственного руководства и контролируемая нагрузка. Внутренняя мобильность снижает риск ухода сотрудника, если интерес к развитию невозможно реализовать в текущем подразделении, в кадровой политике удержание должно оцениваться отдельно по критическим ролям и ключевым компетенциям, поскольку общая текучесть скрывает риск потери единичных носителей знаний.

Целевой контур управления талантами можно представить как три взаимосвязанных блока, первый блок определяет критические роли и требуемые компетенции на основе стратегии компании, второй содержит доказательные данные о навыках: результаты оценки, обучение, проектный опыт, показатели деятельности и инновационную активность, третий охватывает опыт сотрудника: карьерные возможности, качество управления, нагрузку и факторы удержания. Разрыв между блоками снижает результативность системы, кадровый резерв без связи с критическими ролями превращается в список сотрудников, цифровая платформа без валидных данных автоматизирует формальные процедуры, обучение без последующего применения не формирует устойчивую компетенцию, оценивать результативность такой политики следует по показателям, связанным с кадровым риском и воспроизводством компетенций, к ним относятся доля критических вакансий, закрытых внутренними кандидатами, обеспеченность критических ролей преемниками,

нежелательная текучесть высокопотенциальных работников и ключевых экспертов, время закрытия разрыва навыков, доля актуализированных профилей компетенций, срок выхода сотрудника на целевую продуктивность после назначения и доля программ развития, завершившихся реальным расширением ответственности. Показатели охвата обучением или количества участников кадрового резерва полезны как операционные, но без связи с этими результатами не отражают качества управления талантами.

Управление талантами в эпоху цифровизации выступает механизмом устойчивого воспроизводства дефицитных компетенций, статистика 2021-2025 гг. фиксирует рост численности ИКТ-специалистов, расширение цифрового сектора и сохраняющийся кадровый дефицит [5-8]. Корпоративные практики демонстрируют переход к системам, где обучение, оценка, внутренние инициативы и цифровые сервисы образуют общий кадровый контур [9-11]. Перспективной моделью для российских компаний является талант-ориентированная кадровая политика, в которой стратегические роли определяют требования к навыкам, цифровые данные обеспечивают наблюдаемость компетенций, а развитие и удержание строятся вокруг карьерной мобильности и реального применения знаний, подход снижает зависимость от дефицитного внешнего рынка труда и позволяет связывать инвестиции в персонал с кадровыми рисками и задачами бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Инчина Е.П. Современные подходы к повышению эффективности управления талантами в сложно-структурированной организации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2021. № 2. С. 74–84. DOI: 10.17308/econ.2021.2/3460.

2. Гирш Л.В., Будрин А.Г. Управление талантами как направление развития человеческого капитала организации для создания инноваций // Научный журнал

НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. 2021. № 1 (44). С. 76–84. DOI: 10.17586/2310-1172-2021-14-1-76-84.

3. Панова Е.А., Опарина Н.Н., Бондарева Л.В. Управление талантами: задачи и вызовы «цифрового» завтра // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2021. Т. 10. № 3. С. 49–55. DOI: 10.12737/2305-7807-2021-10-3-49-55.

4. Демьянова А.В., Талакаускас Д.С. Обеспеченность организаций кадрами с компетенциями в области искусственного интеллекта. Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2024. URL: https://issek.hse.ru/news/938377457.html (дата обращения: 04.10.2026)

5. Индикаторы цифровой экономики: 2026: статистический сборник / Абашкин В.Л., Абдрахманова Г.И., Бочаров М.Я., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др. Москва: ИСИЭЗ Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», 2026. 304 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-3047-4.

6. Абдрахманова Г.И., Демьянова А.В., Зинина Т.С. и др. Российский сектор ИКТ: ключевые показатели 2025 года. Москва: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2026. URL: https://issek.hse.ru/news/1051508049.html (дата обращения: 04.10.2026)

7. HeadHunter. Про HR, людей и бизнес: итоги года и взгляд в будущее. 2023. URL: https://hh.ru/article/32178 (дата обращения: 04.10.2026)

8. HeadHunter. Рынок труда в публикациях СМИ: дайджест июня 2024 года. 2024. URL: https://hh.ru/article/rynok-truda-v-smi-dajdzhest-iyunya-2024 (дата обращения: 04.10.2026)

9. Журавлева О.В., Королева И.В., Митрофанова О.Н. Управление талантливыми сотрудниками: опыт российских промышленных компаний // Лидерство и менеджмент. 2024. Т. 11. № 2. С. 709–728. DOI: 10.18334/lim.11.2.121063.

10. ПАО «ГМК «Норильский никель»». Годовой отчет за 2024 год. Раздел «Персонал». URL: https://ar2024.nornickel.ru/ru/sustainable-development/personnel (дата обращения: 04.10.2026)

11. ПАО «Северсталь». Фабрика идей. URL: https://promo.severstal.com/fi (дата обращения: 04.10.2026)

Borzenkov D.M.
master's degree student
Samara State Technical University
(Samara, Russia)

TALENT-ORIENTED PERSONNEL POLICY IN RUSSIAN COMPANIES: SKILLS SHORTAGES, EMPLOYEE DEVELOPMENT AND RETENTION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

***Abstract**: talent-oriented personnel policy in Russian companies is examined amid digital transformation and persistent shortages of skilled personnel. Trends in demand for digital and ICT competencies, approaches to employee development, assessment, and retention, and the role of digital tools in talent management are analyzed.*

***Keywords**: talent management, personnel policy, digital transformation, skills shortage, digital competencies, personnel, professional development, retention, talent pool, internal mobility, human capital.*

УДК 331.108.2

Гайрабекова А.И.
магистрант
кафедра маркетинга и муниципального управления
Тюменский индустриальный университет
(г. Тюмень, Россия)

Криворотова А.Р.
магистрант
кафедра маркетинга и муниципального управления
Тюменский индустриальный университет
(г. Тюмень, Россия)

Научный руководитель:
Моложавенко В.Л.
доктор педагогических наук, доцент, профессор
кафедра маркетинга и муниципального управления
Тюменский индустриальный университет
(г. Тюмень, Россия)

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ВНУТРЕННИХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ПЕРСОНАЛА

***Аннотация**: разработана методическая схема оценки внутренних коммуникаций в процессе адаптации персонала. На основе тематического обзора исследований выделены критерии понятности текстов, функциональности визуальных материалов и завершённости обратной связи. Представлены таблица критериев, порядок ситуационной проверки и правила интерпретации показателей. На условном примере передачи клиентского запроса показан выбор корректирующих действий. Определены ограничения схемы и условия её дальнейшей эмпирической апробации.*

***Ключевые слова**: адаптация персонала, внутренние коммуникации, обратная связь, адаптационный материал, оценка качества, методическая схема.*

Постановка проблемы.

При адаптации сотрудник знакомится с корпоративной культурой через инструкции, сообщения коллег и повседневные решения руководителя. Однако факт получения памятки или просмотра публикации ещё не свидетельствует о понимании принятых норм. Для внутреннего PR это создаёт задачу оценки того, насколько коммуникация помогает новичку ориентироваться в организации и обсуждать возникающие затруднения.

Объект исследования — внутренние коммуникации при адаптации персонала, предмет — критерии оценки адаптационных материалов и обратной связи. Цель работы — разработать схему, позволяющую выявлять коммуникативные затруднения новичков. Задачи включают сопоставление исследовательских подходов, выделение критериев и определение порядка их применения. Использованы тематический обзор четырёх научных публикаций 2023–2025 годов и методическое моделирование. Источники отобраны по связи с организационной социализацией и внутренним PR, обзор не претендует на исчерпывающий охват литературы. Эмпирическая апробация предлагаемой схемы не проводилась.

Теоретические основания и метод исследования.

В обзоре Э. Фрёгели и соавторов показано, что наиболее убедительная из рассмотренных авторами доказательная база относится к структурированному обучению на рабочем месте с поддержкой. При этом достоверность совокупных доказательств оценена как низкая [1]. Следовательно, наличие формальной программы само по себе не позволяет утверждать, что адаптация успешна. При оценке коммуникаций важно проверять, может ли новичок применить полученные объяснения в рабочей ситуации.

Т. Бауэр и соавторы рассматривают поиск обратной связи и построение отношений в обновлённой модели организационной социализации [2]. Метаанализ С. Лю и соавторов связывает преимущества программ социализации для удержания новичков с сочетанием освоения рабочих действий, поддержки

инициативности и социальной интеграции [3]. Эти результаты обосновывают внимание к диалогу, однако не доказывают эффективность какого-либо отдельного формата памятки или корпоративного сообщения.

В рассмотренных работах различаются уровни анализа. Исследования социализации [1–3] оценивают освоение роли и включение человека в организацию, тогда как работа о внутреннем PR [4] раскрывает связь коммуникаций с корпоративной идентичностью. Для нашей задачи эти подходы дополняют друг друга: первый задаёт ориентиры адаптации, второй позволяет рассматривать сообщения как способ передачи ценностей. При этом выводы о программе социализации в целом нельзя непосредственно переносить на качество отдельной инструкции.

Методическое моделирование выполнено в следующей последовательности: из публикаций выделены положения о понимании рабочей роли, поддержке и двусторонней коммуникации, каждому положению сопоставлена наблюдаемая коммуникативная задача, для задачи предложены способ проверки и возможное корректирующее действие. Полученная схема представляет авторскую операционализацию этих положений. Она не является стандартизированной шкалой, а её диагностическая точность требует отдельной проверки.

Внутренний PR связывает передачу корпоративных ценностей с вовлечением работников и двусторонними коммуникациями [4]. Применительно к адаптации предлагаем оценивать три взаимосвязанных элемента: содержание сообщения, возможность его практического использования и ответ организации на затруднения сотрудника. Такая схема позволяет перейти от учёта опубликованных материалов к выявлению конкретных препятствий для взаимопонимания.

Критерии оценки адаптационных коммуникаций.

Первый критерий — понятность текста. В памятке должны быть обозначены действие, последовательность шагов и контакт для уточнений,

внутренние сокращения следует раскрывать. Проверка предполагает короткое ситуационное задание: сотрудник своими словами объясняет, как поступит и к кому обратится. Например, вместо общей фразы «соблюдайте принципы командной работы» предлагается описать порядок передачи задачи коллеге и согласования срока. Это авторский пример конкретизации нормы, а не результат наблюдения в организации.

Второй критерий — функциональность визуального материала. Схема подразделений, маршрут согласования или карточка контактов должны помогать решать определённую задачу. Предлагается проверять, может ли новичок найти нужного специалиста и восстановить порядок действий по изображению без дополнительных пояснений. При межкультурном взаимодействии следует отдельно выявлять неоднозначные символы, профессиональный жаргон и неочевидные правила обращения. Изображения необходимо сопровождать краткими текстовыми пояснениями.

Третий критерий — завершённость обратной связи. У сотрудника должен быть понятный канал вопроса, а у обращения — ответственный и согласованный срок ответа. Существенен не только факт ответа, но и подтверждение того, что проблема решена. Для корпоративного сообщества в социальных медиа это означает возможность обсуждения и уточнения сообщений. Молчание участника нельзя автоматически трактовать как понимание или согласие.

Критерии объединены в таблице 1. Единицей анализа выступает завершённая ситуация: сотрудник получает сообщение, решает задачу и при необходимости запрашивает пояснение. Такая единица позволяет различать непонятную формулировку, неудобное представление информации и отсутствие организационного ответа.

Таблица 1. Критерии и способы проверки адаптационных коммуникаций.

Критерий	**Проверяемое действие**	**Основание для доработки**
Понятность текста	Объяснить шаги решения и назвать адресата вопроса	Пропуск обязательного шага, неоднозначная инструкция
Функциональность визуального материала	Найти контакт или восстановить маршрут по схеме	Невозможность найти адресата, неверное чтение обозначений
Завершённость обратной связи	Получить пояснение и подтвердить решение вопроса	Нет ответственного, ответ не устраняет затруднение

Примечание. Составлено авторами на основе методического обобщения [1–4].

Порядок применения методики.

Для применения схемы предлагается составить перечень материалов, которые получает новичок, и сопоставить каждый материал с рабочей задачей. Затем проводится проверка на нескольких ситуационных заданиях и короткая беседа. Результат фиксируется по каждому критерию отдельно: «затруднение выявлено», «затруднение не выявлено» или «недостаточно данных». Последняя категория необходима, если сотрудник ещё не сталкивался с соответствующей задачей. Суммировать эти категории в единый рейтинг адаптированности без проверки методики некорректно.

До начала проверки специалист по внутренним коммуникациям совместно с наставником выбирает типичные ситуации первого месяца работы. Для каждой ситуации заранее фиксируются обязательные шаги и допустимые варианты решения. В перечень материалов включают действующую памятку, схему взаимодействия и относящиеся к задаче сообщения корпоративного сообщества. Следует указать версии документов и дату проверки, поскольку противоречие между старой публикацией и новой инструкцией само может стать источником ошибки.

Во время проверки сотруднику предоставляют обычный доступ к материалам. Проверяющий сначала наблюдает самостоятельное выполнение и записывает, где возникло затруднение, затем просит объяснить ход решения. Подсказки фиксируются отдельно: успешное выполнение после помощи не равно самостоятельному пониманию. Короткая беседа дополняет наблюдение вопросами о том, какие слова непонятны, каких сведений не хватило и почему был выбран конкретный канал обращения.

Для воспроизводимости предлагается вести карточку случая со следующими полями: задача, использованный материал, ожидаемое действие, фактическое действие, характер затруднения и предлагаемое исправление. Если сотрудник правильно выполняет обязательные шаги без подсказки, по соответствующему критерию фиксируют отсутствие выявленного затруднения. Если проверка была прервана или нужного материала не оказалось в доступе, причина отмечается отдельно, отсутствие наблюдения нельзя засчитывать как успешное выполнение.

Повторную проверку целесообразно проводить после изменения проблемного материала. Например, если сотрудник не находит адресата вопроса, в памятку добавляют контакт и повторяют аналогичное задание. Для мониторинга можно учитывать долю верно решённых ситуационных заданий, время поиска нужной информации и долю обращений с подтверждённым решением. Знаменатель каждого показателя и период наблюдения должны быть одинаково определены при сравнении. Просмотры публикаций характеризуют доступ к материалам, но не заменяют проверку понимания.

Показатели целесообразно рассчитывать раздельно. Доля самостоятельных решений определяется как отношение числа заданий, выполненных без подсказки с соблюдением обязательных шагов, к числу завершённых проверяемых заданий. Для обратной связи учитывается отношение обращений с подтверждённым решением к обращениям, срок ответа по которым истёк к моменту оценки. Открытые обращения, срок которых ещё не наступил, отражаются отдельно.

При малом числе наблюдений рядом с долей необходимо приводить абсолютные значения, чтобы единичный случай не создавал впечатление устойчивой тенденции.

Пример применения и интерпретации результатов.

Рассмотрим условную ситуацию передачи клиентского запроса между подразделениями. В исходной памятке указано: «Нестандартные вопросы согласовываются с ответственным подразделением», а на организационной схеме приведены только названия отделов. Задача новичка — определить адресата запроса и порядок действий, если ответа нет. Пример сконструирован для демонстрации методики и не описывает результаты обследования конкретного предприятия.

Первичная экспертная проверка выявляет два недостатка самих материалов: в тексте не определён признак нестандартного вопроса, а схема не связывает тип обращения с конкретной ролью. В новой редакции следует указать, какие вопросы требуют согласования, куда направлять запрос и какие сведения приложить. Визуальный материал дополняется маршрутом передачи и резервным контактом. Срок ответа и порядок повторного обращения устанавливает организация с учётом рабочих процессов, универсальное значение для всех подразделений задавать необоснованно.

После изменения материалов сотруднику предлагают аналогичную ситуацию с другим содержанием запроса. Если адресат найден, но смысл ответа остался неясен, это основание для проверки обратной связи, а не для повторного изменения схемы отделов. Если инструкция понята, но согласование задерживается из-за отсутствия ответственного, требуется организационное решение. Пример показывает, как методика помогает выбирать адресную корректировку и разделять проблемы сообщения и исполнения процесса.

Ограничения и условия дальнейшей проверки.

Предлагаемые критерии имеют диагностическое назначение. На ответы влияют опыт сотрудника, сложность должности и отношения с руководителем, поэтому обнаруженные затруднения нельзя объяснять только качеством материалов. Обсуждение лучше проводить без оценочных санкций и с возможностью конфиденциального обращения. Проверка эффективности схемы потребует отдельного исследования с исходным и повторным измерением, сопоставимыми группами и учётом условий работы.

Для последующей апробации необходимо заранее определить состав участников, сроки наблюдения и критерии исключения незавершённых заданий. Результаты исходной и повторной проверки желательно сопоставлять для одинаковых должностных групп, учитывая стаж и обучение между измерениями. Часть карточек могут независимо оценить два специалиста, расхождения помогут уточнить формулировки критериев. Даже улучшение результатов после редактирования материалов без сопоставимой группы не доказывает причинного эффекта: оно может объясняться накопленным опытом новичков.

Заключение.

Таким образом, результат работы — методическая схема оценки понятности текстов, функциональности визуальных материалов и завершённости обратной связи при адаптации. Её практическое применение состоит в выборе конкретного изменения: уточнить инструкцию, переработать схему или наладить ответ на вопрос. Связь с корпоративной культурой проявляется в переводе декларируемых ценностей в понятные действия и доступный диалог с новичком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Frögéli E., Jenner B., Gustavsson P. Effectiveness of formal onboarding for facilitating organizational socialization: A systematic review // PLOS ONE. 2023. Vol. 18, № 2. e0281823. DOI: 10.1371/journal.pone.0281823.
2. Bauer T.N., Erdogan B., Ellis A.M. et al. New Horizons for Newcomer Organizational Socialization: A Review, Meta-Analysis, and Future Research Directions // Journal of Management. 2025. Vol. 51, № 1. P. 344–382. DOI: 10.1177/01492063241277168.
3. Liu S., Watts D., Feng J., Wu Y., Yin J. Unpacking the Effects of Socialization Programs on Newcomer Retention: A Meta-Analytic Review of Field Experiments // Psychological Bulletin. 2024. Vol. 150, № 1. P. 1–26. DOI: 10.1037/bul0000422.
4. Локтева А.М., Акулинин В.Н. Бренд в каждом сотруднике: стратегии PR через внутренние коммуникации // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 11. С. 176–182. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-11-176-182.

Gairabekova A.I.
master's degree student
Department of Marketing and Municipal Management
Tyumen Industrial University
(Tyumen, Russia)

Krivorotova A.R.
master's degree student
Department of Marketing and Municipal Management
Tyumen Industrial University
(Tyumen, Russia)

Scientific advisor:
Molozhavenko V.L.
PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor
Department of Marketing and Municipal Management
Tyumen Industrial University
(Tyumen, Russia)

ASSESSING INTERNAL COMMUNICATION QUALITY DURING STAFF ONBOARDING

Abstract: *a methodological framework for assessing internal communications during staff onboarding has been developed. A thematic review of research identified criteria for text clarity, functionality of visual materials, and completeness of feedback. A table of criteria, a procedure for scenario-based assessment, and guidelines for interpreting indicators are presented. A hypothetical example involving the handover of a customer request illustrates how corrective actions are selected. Limitations of the framework and conditions for its further empirical validation are identified.*

Keywords: *staff onboarding, internal communications, feedback, onboarding material, quality assessment, methodological framework.*

УДК 33

Думкина Е.С.
магистрант 2 курса
направление 38.04.02 «Менеджмент»,
программа «Управление капиталом хозяйствующих субъектов рынка»
Уральский государственный педагогический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

Научный руководитель:
Шапошников В.А.
доктор экономических наук, профессор, доцент
кафедра экономики, менеджмента,
маркетинга и технологий экономического образования
Уральский государственный педагогический университет
(г. Екатеринбург, Россия)

АНАЛИЗ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОТРАСЛИ РОССИИ: ДИНАМИКА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация**: промышленность является системообразующим сектором российской экономики, формирующим материальную основу национального хозяйства и обеспечивающим технологический суверенитет страны. В условиях существующего санкционного давления анализ динамики промышленного производства приобретает особую актуальность. В статье проанализированы основные тенденции развития промышленной отрасли РФ за 2021-2025 гг., проанализированы факторы, ограничивающие рост промышленной отрасли.*

***Ключевые слова**: промышленность, производство, индекс производства, санкции, экономический рост, технологический суверенитет.*

Промышленность занимает центральное положение в структуре ВВП России, формируя материальную основу экономики страны. Доминирующий объем в структуре ВВП России отводится таким отраслям промышленности, как добыча природных ресурсов, оборонно-промышленный комплекс, машиностроение, химическая и нефтехимическая промышленность, космическая промышленность [3, с. 101]. Санкционные ограничения, введенные в отношении российской экономики в 2022 году, стали отправной точкой пересмотра промышленной политики в стране и запустили механизмы структурной адаптации промышленной отрасли [1, с. 8].

Проводя анализ динамики промышленного производства в России за период 2021-2025 гг. можно отметить ее волнообразный характер, что было обусловлено сменой условий развития российской экономики, изменением приоритетов и расширением мер стимулирования экономической активности [5, с. 192].

По официальным данным Росстата, индекс промышленного производства в России в 2021 году составлял 105,3% к предыдущему году, что было обусловлено восстановительным ростом после пандемийного спада 2020 года [7]. Однако уже в 2022 году ситуация изменилась, после резкого спада в апреле 2022 года (индекс составил 91,2%) промышленность прошла V-образную траекторию и уже в июне вышла в положительную зону (102,2%) [5, с. 193].

В таблице 1 представлена динамика индекса промышленного производства в РФ за 2021-2025 гг.

Таблица 1. Динамика индекса промышленного производства в РФ в 2021-2025 гг. [7].

Год	Индекс промышленного производства, % к предыдущему году	Основные факторы влияния
2021	105,3	Восстановительный рост после пандемии
2022	99,4	Санкционное давление, разрыв логистических цепочек
2023	103,5	Адаптация к санкциям, рост обрабатывающих производств
2024	104,4	Рекордный рост, максимум в декабре
2025	101,0	Замедление роста, исчерпание потенциала

В 2023-2024 гг. темпы роста российского ВВП превышали среднемировые, а среднегодовой рост промышленного производства достиг 4,5%, что на 1,4 п.п. выше, чем за период с 2010 по 2019 гг. Однако рост не был органическим, его характер можно определить как адаптационный, обусловленный перестройкой хозяйственных связей и новыми приоритетами экономической политики государства.

Значимые изменения в промышленной отрасли в рамках рассматриваемого периода были связаны с тем, что начиная с 2023 года лидерство от добывающей промышленности перешло к обрабатывающей промышленности [4, с. 59].

В таблице 2 представлены данные о росте объемов продукции отдельных отраслей промышленного производства России.

Таблица 2. Отрасли промышленного производства России с ростом объема продукции свыше 10% в 2025 году [7].

№	Сектор	Рост объема продукции, %
1	Выпуск компьютеров, электронных и оптических изделий	33,3
2	Производство прочих транспортных средств и оборудования	31,8
3	Производство готовых металлических изделий	28,0
4	Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	17,5
5	Производство лекарственных средств и материалов	14,1

Бесспорными лидерами по росту объемов продукции стали отрасли промышленного производства, значительная доля выпуска которых идет на нужды оборонно-промышленного комплекса. Так, производство готовых металлических изделий за 2025 год по отношению к 2021 году выросло в 2,6 раза, компьютеров, электронных и оптических изделий в 2 раза, летательных аппаратов в 1,7 раза.

Важнейшим фактором, обеспечившим рост промышленности в России, стало увеличение инвестиционной активности. В 2025 году индекс физического объема инвестиций в обрабатывающих производствах составил 115,8%, в 2024 году он составил 119,0%.

Наиболее высокий рост объема инвестиций наблюдался на предприятиях по производству электрического оборудования (в 1,9 раза). В добыче полезных ископаемых инвестиции также росли, но меньшими темпами (109,4% в 2024 г. и 105,9% в 2025 г.) [2, с. 54].

В таблице 3 представлена динамика инвестиций в основной капитал по видам деятельности в 2024-2025 гг.

Таблица 3. Динамика инвестиций в основной капитал по видам деятельности в 2024-2025 гг., % к предыдущему году [7].

Вид деятельности	2024 г.	2025 г.
Обрабатывающие производства	115,8	119,0
Добыча полезных ископаемых	109,4	105,9
Производство электрического оборудования	-	190,0

Необходимо отметить, что к концу 2024 года потенциал наращивания темпов роста промышленного производства в России несколько снизился. В 2025 году промышленность столкнулась с заметным замедлением. Так, в январе 2025 года индекс промышленного производства с исключением сезонного и календарного факторов составил 95,8%, а с июля по сентябрь промышленность не росла. Лишь в октябре 2025 года был показан хороший рост, индекс промышленного производства вышел на самый высокий уровень за все месяцы 2023-2025 гг. (103,0%).

Среди основных проблем, ограничивающих развитие промышленного производства в России, необходимо отметить следующие:

1. Дефицит рабочей силы. На конец II квартала 2025 года численность работников, требуемых для занятия вакантных мест, составила 8,0% от списочной численности, что поддерживает рост заработных плат и ограничивает возможности расширения производства.

2. Рост ключевой процентной ставки ЦБ РФ привел к удорожанию приобретаемого оборудования и оборотных средств для промышленных предприятий, что делает их менее конкурентоспособными.

3. Технологическое отставание и необходимость импортозамещения. Модернизация промышленного производства предполагает не только внедрение отечественного программного обеспечения, но и проведение автоматизации ряда операционных и управленческих процессов [6, с. 59].

Перспективы развития промышленности в Российской Федерации связаны с реализацией национального проекта «Экономика данных» (его реализация планируется до 2030 года), который включает цифровизацию различных отраслей экономики и достижение технологического суверенитета. Согласно прогнозам Минэкономразвития России, в 2026-2028 гг. ожидается умеренный рост промышленного производства в стране на 2,3% ежегодно, при этом наибольший объем прироста отводится обрабатывающей отрасли.

В таблице 4 представлены прогнозные данные об основных макроэкономических показателях Российской Федерации на 2026-2028 гг.

Таблица 4. Прогноз основных макроэкономических показателей Российской Федерации на 2026-2028 гг., %.

Показатель	2026 г.	2027 г.	2028 г.
ВВП	2,4	2,8	3,0
Промышленное производство	2,3	2,3	2,3

Тем не менее, с учетом сложившихся ограничений, промышленность в отдельные кварталы и даже годы, скорее всего, будет расти темпами, близкими к 1%. Наиболее вероятным сценарием на среднесрочную перспективу для развития промышленного производства в России становится переход российской промышленности на темпы роста, существенно уступающие уровням 2023-2024 гг.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что промышленная отрасль в Российской Федерации в 2021-2025 гг. прошла через череду внешних шоков. После спада 2022 года промышленность в России продемонстрировала восстановительный рост в 2023-2024 гг., обусловленный преимущественно государственной поддержкой, перестройкой хозяйственных связей и наращиванием выпуска в отраслях, работающих на ОПК. Однако к концу 2024 года потенциал этого роста был исчерпан, и в 2025 году наметилась тенденция к замедлению. Основными факторами, определяющими дальнейшее развитие промышленной отрасли в России, остаются дефицит квалифицированных кадров, ограниченный доступ к финансовым ресурсам, необходимость технологической модернизации и импортозамещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ахапкин Н.Ю. Динамика промышленного производства в России: эффекты санкционных ограничений и изменений отраслевой структуры // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 6. С. 7–23
2. Мальцев А.А., Чичилимов С.В. Регионально-отраслевая реструктуризация инвестиционных потоков как фактор укрепления устойчивости экономики Урала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2025. № 2. С. 52–70
3. Нижегородцев Р.М., Иванова А.Н., Аристова Н.И., Калянов Г.Н. Повышение эффективности хозяйственной деятельности на промышленных предприятиях России // Риск: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2025. № 2. С. 100–104
4. Николаев И.А. Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 1. С. 58–74
5. Рейхерт Н.В. Развитие промышленного производства в России на современном этапе // Актуальные проблемы теории и практики управления. 2024. С. 190–195
6. Российская экономика под санкционным давлением: промежуточные итоги (2022–2025 гг.) и перспективы развития: Научные доклады ИЭ РАН / М.Ю. Головнин, И.А. Николаев, Н.Ю. Ахапкин [и др.]. М.: ИЭ РАН, 2025. 120 с.
7. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Промышленное производство. Индексы производства. URL: https://rosstat.gov.ru/enterprise_industrial (дата обращения: 17.09.2026)

Dumkina E.S.
master's degree student of 2nd year
field of study 38.04.02 «Management»,
program «Capital Management of Business Entities»
Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)

Scientific advisor:
Shaposhnikov V.A.
PhD in Economics, Professor, Associate Professor
Department of Economics, Management,
Marketing and Economic Education Technologies
Ural State Pedagogical University
(Ekaterinburg, Russia)

ANALYSIS OF RUSSIA'S INDUSTRIAL SECTOR: DYNAMICS, CHALLENGES, AND PROSPECTS

Abstract: *industry is a systemically important sector of Russia's economy, providing the material foundation for the national economy and ensuring the country's technological sovereignty. Amid ongoing sanctions pressure, analysis of industrial production trends is particularly relevant. This article examines key trends in the development of Russia's industrial sector from 2021 to 2025 and the factors constraining its growth.*

Keywords: *industry, production, production index, sanctions, economic growth, technological sovereignty.*

УДК 331.108.2:004.9

Железтов И.И.

магистрант группы 24ИИЭГО-303М

направление подготовки 38.04.03 «Управление персоналом»

Самарский государственный технический университет

(г. Самара, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТООБОРОТ КАК ИНСТРУМЕНТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ HR-ПРОЦЕССОВ РОССИЙСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

***Аннотация**: в статье исследуется кадровый электронный документооборот как самостоятельный инструмент цифровой трансформации управления персоналом, на основе действующего трудового законодательства, научных публикаций и актуальных данных 2024–2026 гг. проанализированы масштабы внедрения КЭДО в российских организациях, изменение требований к кадровым специалистам и экономико-организационные эффекты перехода от бумажных процедур к цифровым кадровым процессам, предложена авторская четырехуровневая модель зрелости КЭДО, позволяющая различать простую оцифровку документов, процессную автоматизацию, интеграцию с HRM-системами и использование данных для управленческой аналитики.*

***Ключевые слова**: кадровый электронный документооборот, управление персоналом, цифровая трансформация, автоматизация, электронная подпись, модель зрелости КЭДО, HRM-система, управленческая аналитика.*

Цифровая трансформация управления персоналом в российских организациях постепенно смещается от локальной автоматизации отдельных операций к перестройке сквозных HR-процессов, одним из наиболее заметных направлений этой трансформации стал кадровый электронный документооборот (КЭДО), который охватывает создание, подписание, использование, передачу и хранение документов, связанных с трудовыми отношениями, в отличие от систем контроля активности работников, КЭДО не направлен на наблюдение за

поведением сотрудника, его управленческая функция состоит в сокращении административного цикла, стандартизации кадровых процедур, повышении доступности документов и формировании единой цифровой среды взаимодействия работника, кадровой службы и руководителей.

В ТК РФ электронный документооборот определяется как создание, подписание, использование и хранение работодателем, работником или лицом, поступающим на работу, документов, связанных с работой, оформленных в электронном виде без дублирования на бумажном носителе, за исключением прямо установленных законом случаев [9]. Работодатель может использовать цифровую платформу «Работа в России» либо собственную информационную систему, обеспечивающую подписание, хранение документа и фиксацию факта его получения сторонами трудовых отношений [9]. Законодательство закрепляет право работодателя выстроить электронное взаимодействие при соблюдении установленных процедур и гарантий, а научная литература рассматривает КЭДО преимущественно через три группы эффектов, первая связана с сокращением длительности операций и трудоемкости кадрового администрирования. П. С. Козминых пишет, что переход на цифровые системы позволяет улучшить качество HR-процессов при условии предварительного анализа документооборота и осознанного выбора решения [3, с. 225-231]. А. В. Савельева рассматривает КЭДО как часть более широкой автоматизации управления персоналом и подчеркивает связь кадрового документооборота с HRM-системами и цифровыми сервисами [7, с. 141-147]. С. В. Жасан, Н. В. Иевлева и Н. Н. Муравьева связывают внедрение КЭДО с ускорением кадровых процедур, снижением затрат на бумажный оборот, упрощением взаимодействия с удаленными сотрудниками и необходимостью организационной подготовки персонала, вторая группа эффектов относится к качеству данных и прозрачности маршрутов согласования, третья - к изменению роли кадровой службы, часть рутинных функций переносится в цифровой контур, а значение методологии, настройки процессов и контроля качества данных возрастает[1, с. 142-146].

КЭДО вышел за пределы экспериментальной практики, но глубина внедрения остается неоднородной, в исследовании SuperJob 2025 г., охватившем 1000 представителей кадровых служб из 205 населенных пунктов России, 56% организаций сообщили об использовании КЭДО, 29% перевели в электронный вид большую часть кадровых документов, еще 27% внедрили электронный формат частично, в 2024 г. соответствующие показатели составляли 26% и 29%, доля компаний, не использовавших КЭДО, снизилась с 42 до 37% [6]. Суммарная доля организаций, применяющих КЭДО, изменилась лишь на один процентный пункт, но внутри этой группы заметен переход от частичной цифровизации к более глубокому охвату документов, именно такое изменение структуры внедрения является более содержательным показателем цифровой зрелости, чем простое число организаций, имеющих доступ к соответствующему сервису.

Таблица 1. Динамика распространения кадрового электронного документооборота в российских организациях в 2024-2025 гг.

Вариант ответа	2024	2025	Изменение, п.п.
Большую часть кадровых документов перевели в электронный вид	26	29	+3
КЭДО внедрен частично	29	27	-2
КЭДО не внедрен	42	37	-5
Затруднились ответить	3	7	+4

Примечание. Составлено автором по данным исследования SuperJob [6].

Рынок КЭДО растет за счет расширения контура внутри уже подключенных организаций. Доля компаний, переведших большую часть кадровых документов в электронный вид, увеличилась на 3 процентных пункта, в то время как частичное применение снизилось на 2 пункта, одновременно на 5 пунктов сократилась доля организаций, не использующих КЭДО, конфигурация может отражать переход от пилотного режима к промышленной эксплуатации,

после апробации ограниченного перечня документов работодатели расширяют количество цифровых сценариев, подключают новые категории сотрудников, автоматизируют типовые заявления и согласования, связывают КЭДО с учетными и HRM-системами.

Распространение КЭДО меняет требования к компетенциям кадровых специалистов, в 2025 г. 1140 компаний размещали вакансии для HR- и кадровых специалистов с упоминанием КЭДО, тогда как в 2024 г. таких компаний было 949, а в 2023 г. 529, за два года число работодателей выросло на 115%. Доля компаний, прямо указывающих КЭДО в тексте профильных вакансий, увеличилась с 1,67% в 2023 г. до 2,73% в 2024 г. и 4,11% в 2025 г., показатель охватывает не все вакансии и зависит от практики формулирования требований, однако динамика отражает институционализацию цифрового кадрового документооборота: работодателю нужен не только оператор кадровой системы, но специалист, понимающий цифровые маршруты, электронные подписи, требования к хранению документов и интеграции с другими HR-процессами [8].

Таблица 2. Изменение спроса работодателей на кадровых специалистов со знанием КЭДО в 2023-2025 гг.

Год	Количество компаний	Доля компаний, упоминающих КЭДО в вакансии, %
2023	529	1,67
2024	949	2,73
2025	1140	4,11

Примечание. Составлено автором по данным Контур.КЭДО [8].

Рост требований к цифровым навыкам означает изменение содержания кадровой функции, при бумажной модели ценность специалиста во многом определяется корректностью оформления документов, соблюдением сроков и знанием нормативных требований, в цифровой модели компетенции

сохраняются, но дополняются навыками настройки маршрутов, тестирования шаблонов, управления правами доступа, анализа причин зависших операций, взаимодействия с ИТ-подразделением и поставщиком системы. Кадровая служба становится владельцем части цифровых бизнес-процессов, если такое изменение ролей не закреплено организационно, КЭДО может увеличить количество исключений и ручных корректировок вместо ожидаемого сокращения трудозатрат.

Таблица 3. Авторская модель зрелости кадрового электронного документооборота.

Уровень	Характеристика	Ключевой управленческий эффект	Основной риск
1. Оцифровка	Электронные документы и подписи при сохранении прежних маршрутов	Снижение бумажного оборота, удаленное подписание	Перенос неэффективных бумажных процедур в цифровую среду
2. Автоматизация	Типовые маршруты, шаблоны, уведомления, контроль сроков	Сокращение длительности операций и числа ручных действий	Избыточная унификация нестандартных кадровых случаев
3. Интеграция	Связь КЭДО с HRM/ERP, личными кабинетами и учетными системами	Единый ввод данных, самообслуживание, снижение дублирования	Ошибки интеграции и несогласованность справочников
4. Аналитика	Использование обезличенных процессных метрик и данных о качестве операций	Непрерывное улучшение HR-процессов и управление нагрузкой	Подмена оценки качества простыми количественными показателями

Примечание. Разработано автором.

Бумажная модель требует доставки оригиналов, контроля подписей и физического хранения в разных точках, в КЭДО географическая дистанция перестает определять длительность большинства стандартных операций, это влияет не только на административные затраты, но и на скорость оформления

трудовых отношений, в условиях конкуренции за персонал длительная процедура приема способна увеличить риск отказа кандидата, поэтому цифровое оформление становится частью общего опыта взаимодействия сотрудника с работодателем, при этом универсального набора процессов для первоочередной цифровизации не существует. Крупная производственная компания, розничная сеть, ИТ-организация и учреждение государственного сектора имеют разные профили кадровых событий, структуру занятости и уровень цифровой грамотности. Приоритизацию нужно проводить по четырем критериям: массовость операции, трудоемкость, юридическая стандартизируемость и возможность получения данных из уже существующих систем. Процессы с высокой частотой и четкими правилами дают наиболее быстрый эффект, редкие операции с большим количеством исключений могут быть оставлены на более поздний этап, чтобы не перегружать проект сложной настройкой до стабилизации базовых сценариев, сотрудник оценивает КЭДО по удобству конкретного действия, насколько быстро можно подписать документ, понятен ли интерфейс, требуется ли отдельная установка приложения, можно ли восстановить доступ и увидеть историю операций, кадровый специалист, напротив, оценивает надежность маршрута, наличие массовых операций и возможность исправления ошибки. Руководителю важны скорость согласования и отсутствие лишних уведомлений, поэтому проектирование КЭДО должно учитывать разные пользовательские роли. Обучение необходимо строить вокруг типовых сценариев, а не вокруг перечня функций программного продукта.

Сопротивление кадровой службы может быть связано с риском потери контроля над привычным процессом, бумажный документ физически видим, его местоположение и статус понятны опытному специалисту, в цифровом процессе контроль должен быть воспроизведен иначе: через статусы, журналы событий, уведомления, дашборды и механизм эскалации, если система не дает прозрачности, пользователь начинает создавать параллельные реестры в таблицах, пересылать файлы по электронной почте и фактически восстанавливать ручной контур. Поэтому качество интерфейса и управляемость

исключений являются не второстепенным удобством, а условием отказа от теневого документооборота.

Работодатель должен определить используемую информационную систему, перечень электронных документов, категории работников, порядок уведомления и взаимодействия, а также применяемые виды электронной подписи в тех случаях, где это предусмотрено законом [9, 10]. Сервис позволяет запустить новый тип документа, но локальный акт не описывает соответствующий процесс или ответственность участников. В этом случае цифровизация увеличивает неопределенность вместо ее снижения.

КЭДО содержит персональные данные, сведения о трудовых отношениях, документах, выплатах, изменениях должности и иных кадровых событиях, чем глубже интеграция, тем выше ценность единого цифрового профиля и тем заметнее последствия ошибочного доступа, следовательно, зрелая модель КЭДО требует ролевого разграничения прав, многофакторной аутентификации там, где она обоснована, журналирования действий администраторов, резервного копирования, контроля сроков хранения и процедуры отзыва доступа при кадровых изменениях. Система должна облегчать кадровую работу, не превращаясь в дополнительный источник неуправляемых копий персональных данных.

КЭДО становится частью профессионального стандарта цифровой кадровой функции, рост числа вакансий с прямым упоминанием КЭДО с 529 компаний в 2023 г. до 1140 в 2025 г. [8], это означает спрос на специалистов, способных сопровождать процесс после внедрения, требуется постоянная работа с обновлениями законодательства, новыми шаблонами, организационными изменениями, интеграциями и обратной связью пользователей, поэтому в структуре HR-службы целесообразно закреплять владельца процесса или группу ответственных за методологию цифрового кадрового документооборота, заказчики оценивают решения по возможностям массовой обработки, интеграции с корпоративными системами, мобильному взаимодействию и поддержке [2].

Критерием выбора является масштабируемость. Пилот на одном подразделении может работать успешно при ручном сопровождении специалиста, но при подключении тысяч сотрудников число исключений, обращений в поддержку и массовых операций резко возрастает, до промышленного запуска следует моделировать нагрузку в пиковые периоды: массовое ознакомление с локальными актами, графики отпусков, индексация, реорганизация, ежегодные кампании по документам. Система должна обеспечивать пакетные операции и устойчивое хранение истории, иначе технические ограничения становятся организационными задержками, для оценки качества внедрения предлагается использовать набор процессных показателей: медианное время прохождения типового документа, долю документов без ручной корректировки, число возвратов на исправление, долю операций, инициированных через самообслуживание, количество обращений в поддержку на 100 пользователей, долю интеграционных ошибок и время восстановления операции после сбоя. Экономические показатели дополняются стоимостью обработки одного кадрового события и трудозатратами на его сопровождение, при этом показатели должны сравниваться с базовым периодом до внедрения, иначе невозможно отделить эффект системы от сезонных колебаний и изменения численности персонала.

Кадровый электронный документооборот является самостоятельным фактором трансформации HR-функции, его эффект не сводится к отказу от бумаги. КЭДО меняет распределение обязанностей между кадровой службой, руководителями и работниками, повышает требования к качеству данных, стимулирует развитие самообслуживания и создает измеримый цифровой след кадровых процессов. Рынок решений продолжает расти, а компетенция работы с КЭДО все чаще закрепляется в требованиях к HR-специалистам, для кадровой политики ключевым становится переход от показателя количества электронных документов к оценке зрелости процесса, предложенная четырехуровневая модель показывает, что наиболее высокий управленческий эффект возникает на стадиях интеграции и аналитики, когда устраняется повторный ввод данных,

работники получают цифровое самообслуживание, а HR-служба использует процессные метрики для постоянного совершенствования операций, при этом юридическая значимость, защита персональных данных и возможность обработки нестандартных случаев должны оставаться ограничителями автоматизации, стратегия КЭДО заключается не в максимальной цифровизации любой ценой, а в создании более короткого, прозрачного и контролируемого кадрового процесса, который снижает административную нагрузку и одновременно сохраняет гарантии участников трудовых отношений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жасан С.В., Иевлева Н.В., Муравьева Н.Н. Эффективное управление персоналом: внедрение кадрового электронного документооборота как ключ к оптимизации процессов // Экономика и бизнес: теория и практика. 2025. № 4. С. 142–146. DOI: 10.24412/2411-0450-2025-4-142-146.
2. Кадровый электронный документооборот 2025: обзор российского рынка // CNews. 14.08.2025. URL: https://www.cnews.ru/reviews/kedo_2025 (дата обращения: 04.10.2026)
3. Козминых П.С. Совершенствование HR-процессов предприятия с помощью систем кадрового электронного документооборота // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 5. С. 225–231. DOI: 10.24412/2304-120X-2023-13002.
4. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации. Электронный документооборот в сфере трудовых отношений. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/trudotn/ekd (дата обращения: 04.10.2026)
5. Приказ Минтруда России № 423 от 17.09.2026 «О мероприятиях по апробации механизма подписания кадровых документов в электронном виде с использованием многофункционального сервиса обмена информацией». URL: https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/orders/3231 (дата обращения: 04.10.2026)

6. Работодатели стали чаще внедрять системы автоматизации рекрутинга — SuperJob // Журнал «Штат». 29.04.2025. URL: https://www.hrmedia.ru/node/2174 (дата обращения: 04.10.2026)

7. Савельева А.В. Автоматизация управления персоналом предприятия // Управленческий учет. 2024. № 2. С. 141–147. DOI: 10.25806/uu22024141-147.

8. Спрос на кадровиков со знанием КЭДО за два года вырос вдвое // СКБ Контур. 12.03.2026. URL: https://kontur.ru/press/news/83976-spros_na_kadrovikov_so_znaniem_kedo_za_dva_goda_vyros_vdvoe (дата обращения: 04.10.2026)

9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.05.2026). Ст. 22.1–22.3. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/ (дата обращения: 04.10.2026)

10. Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400854/ (дата обращения: 04.10.2026)

Zheleztov I.I.
master's degree student, group 24ИИЭГО-303М
field of study 38.04.03 «Human Resource Management»
Samara State Technical University
(Samara, Russia)

ELECTRONIC DOCUMENT MANAGEMENT AS A TOOL FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF HR PROCESSES IN RUSSIAN ORGANIZATIONS

***Abstract**: the article examines electronic HR document management as a tool for the digital transformation of human resource management. Drawing on current labor legislation, scholarly publications, and data from 2024–2026, it analyzes the extent of its adoption in Russian organizations, changing requirements for HR professionals, and the economic and organizational effects of moving from paper-based procedures to digital HR processes. The article proposes an original four-level maturity model for electronic HR document management that distinguishes basic document digitization, process automation, integration with HRM systems, and the use of data for management analytics.*

***Keywords**: electronic HR documentation, human resource management, digital transformation, automation, electronic signature, HR documentation maturity model, HRM system, management analytics.*

УДК 336.64

Керимова М.Г.
доктор философии по экономике, доцент
кафедра экономики
Азербайджанский технологический университет
(г. Гянджа, Азербайджан)

Керимов Ф.Дж.
доктор философии по экономике, доцент,
декан факультета экономики и управления
кафедра экономики
Азербайджанский технологический университет
(г. Гянджа, Азербайджан)

Джафарова Х.Р.
преподаватель
Гянджинский государственный университет
(г. Гянджа, Азербайджан)

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

***Аннотация**: в статье рассматриваются теоретические и практические аспекты обеспечения финансовой устойчивости предприятий в условиях изменяющейся экономической среды. Финансовая устойчивость рассматривается как комплексная характеристика состояния предприятия, отражающая способность формировать и эффективно использовать финансовые ресурсы, своевременно выполнять обязательства и сохранять устойчивость хозяйственной деятельности в долгосрочной перспективе. Определены основные факторы, влияющие на уровень финансовой устойчивости, включая структуру капитала, соотношение собственных и заемных источников финансирования, ликвидность, платежеспособность, рентабельность и эффективность использования оборотных средств. Особое внимание уделено приоритетным направлениям совершенствования финансового управления, связанным с оптимизацией структуры капитала, повышением эффективности управления денежными потоками, снижением финансовых рисков, совершенствованием финансового планирования и укреплением платежеспособности предприятия. Обосновано, что обеспечение финансовой устойчивости требует системного подхода, предусматривающего взаимосвязь текущего финансового управления, стратегического планирования и оценки потенциальных рисков.*

***Ключевые слова**: финансовая устойчивость, предприятие, ресурсы предприятия, структура капитала, ликвидность, платежеспособность, рентабельность, финансовый риск, стратегическое планирование, управление капиталом, денежный поток.*

ВВЕДЕНИЕ.

Современные условия хозяйствования характеризуются высокой динамичностью экономических процессов, изменением структуры рынков, усилением конкурентного давления и повышением требований к эффективности использования финансовых ресурсов. В таких условиях финансовая устойчивость предприятия приобретает значение одного из ключевых факторов сохранения его экономической самостоятельности, способности выполнять обязательства и обеспечивать непрерывность хозяйственной деятельности. Финансовая устойчивость отражает не только текущее состояние финансовых ресурсов, но и способность предприятия адаптироваться к изменениям внешней среды, поддерживать необходимое соотношение источников финансирования и формировать условия для долгосрочного развития.

Актуальность исследования обусловлена тем, что устойчивость предприятия во многом определяется качеством управления финансовыми ресурсами и способностью своевременно реагировать на изменения экономической конъюнктуры. [1, 2].

Особое значение в современных условиях приобретает способность предприятий обеспечивать рациональное использование имеющегося ресурсного потенциала. В исследованиях, посвящённых развитию материально-технического ресурсного потенциала сельскохозяйственного сектора, подчёркивается взаимосвязь ресурсного обеспечения с эффективностью хозяйственной деятельности и развитием соответствующих рынков [1].

Финансовое состояние предприятия находится под воздействием не только внутренних факторов. Существенное значение имеют состояние товарных и ресурсных рынков, государственное регулирование, уровень технологического развития и изменения внешней экономической среды. Исследования агропродовольственных рынков показывают, что эффективность функционирования хозяйствующих субъектов зависит от характера рыночных механизмов и качества их регулирования [2,3].

Важным направлением является совершенствование механизмов регулирования экономических процессов. Исследования механизмов регулирования агропродовольственного рынка показывают необходимость их адаптации к особенностям современной экономической среды [3].

Цель исследования заключается в обосновании приоритетных направлений обеспечения финансовой устойчивости современных предприятий и определении комплекса финансово-управленческих инструментов, способствующих укреплению их платежеспособности, оптимизации структуры капитала и повышению эффективности использования финансовых ресурсов.

Для достижения поставленной цели предусматривается решение следующих задач:

– раскрыть экономическое содержание финансовой устойчивости предприятия,

– определить основные внутренние и внешние факторы, влияющие на уровень финансовой устойчивости,

– систематизировать основные показатели оценки финансового состояния предприятия,

– выявить ключевые проблемы управления финансовыми ресурсами в современных условиях,

– определить приоритетные направления укрепления финансовой устойчивости,

– обосновать значение финансового планирования, управления капиталом и финансовыми рисками в обеспечении устойчивого развития предприятия.

Объектом исследования выступает финансово-хозяйственная деятельность предприятий в условиях изменяющейся экономической среды.

Предметом исследования являются экономические отношения и управленческие механизмы, связанные с формированием и поддержанием финансовой устойчивости предприятия.

Методологическую основу исследования составляют методы системного и сравнительного анализа, обобщения, группировки, анализа финансовых показателей и экономической интерпретации результатов.

Научная значимость исследования заключается в систематизации приоритетных направлений обеспечения финансовой устойчивости предприятий с учётом современных изменений экономической среды, цифровизации управления и необходимости повышения эффективности использования финансовых ресурсов.

1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ.

Финансовая устойчивость предприятия является одной из фундаментальных характеристик его финансово-экономического состояния и определяет возможности сохранения стабильности хозяйственной деятельности в условиях изменения внутренней и внешней среды. Ее значение особенно возрастает в условиях нестабильности рынков, изменения стоимости финансовых ресурсов, усиления конкурентного давления и необходимости постоянной адаптации предприятий к новым экономическим условиям.

Финансовая устойчивость тесно связана с эффективностью использования ресурсов. В исследованиях экономического развития и функционирования ресурсных рынков подчеркивается значение обеспеченности хозяйствующих субъектов необходимыми ресурсами и эффективности их использования для достижения устойчивых экономических результатов [1]. В данном контексте финансовые ресурсы выступают не изолированным элементом, а частью общей системы ресурсного обеспечения предприятия. Их недостаток ограничивает возможности развития, тогда как неэффективное использование приводит к замедлению оборота капитала и снижению отдачи от вложенных средств.

Существенное влияние на финансовое положение предприятий оказывают процессы, происходящие на соответствующих товарных и ресурсных

рынках. Изменение цен, объемов спроса и предложения, условий доступа к ресурсам и характера государственного регулирования способно непосредственно отражаться на доходах, затратах и денежных потоках предприятий. Исследования механизмов функционирования и регулирования рынков подтверждают необходимость учета внешних экономических факторов при формировании хозяйственной политики предприятий [2].

В современных условиях финансовая устойчивость все в большей степени зависит от качества информационного обеспечения управленческих решений. Цифровые инструменты позволяют ускорить обработку финансовой информации, повысить оперативность контроля денежных потоков и улучшить прогнозирование финансовых результатов. Исследования, посвященные цифровизации экономических процессов, указывают на значение технологических решений для повышения эффективности управления и качества принимаемых решений [3]. Для финансового менеджмента это создает возможность более раннего выявления отклонений от плановых показателей и своевременной корректировки финансовой политики.

Финансовая устойчивость также зависит от способности предприятия адаптироваться к изменениям экономической среды. Исследования экономических процессов показывают, что изменение механизмов регулирования и условий функционирования рынков оказывает влияние на поведение хозяйствующих субъектов и результаты их деятельности [2, 4]. В этих условиях предприятие должно обладать определенной финансовой гибкостью, позволяющей изменять структуру расходов, источники финансирования и направления использования капитала в зависимости от складывающейся ситуации.

Таким образом, финансовая устойчивость представляет собой динамическое состояние финансовой системы предприятия, при котором обеспечивается относительное равновесие между имеющимися ресурсами, обязательствами, доходами и расходами. Ее устойчивый характер определяется не отсутствием финансовых рисков, а способностью предприятия своевременно

выявлять и контролировать их последствия. Такой подход предполагает переход от пассивной оценки финансового состояния к активному управлению факторами, формирующими финансовую устойчивость.

2. ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ФИНАНСОВУЮ УСТОЙЧИВОСТЬ ПРЕДПРИЯТИЯ.

Финансовая устойчивость предприятия формируется под воздействием совокупности внутренних и внешних факторов, определяющих способность хозяйствующего субъекта сохранять финансовое равновесие, своевременно выполнять обязательства и обеспечивать развитие в долгосрочной перспективе.

К внутренним факторам относятся те элементы финансово-хозяйственной деятельности, на которые предприятие может непосредственно воздействовать посредством управленческих решений. К ним относятся структура капитала, состав и состояние активов, уровень рентабельности, эффективность использования оборотных средств, состояние дебиторской и кредиторской задолженности, объем денежных потоков и качество финансового планирования.

К внешним факторам относятся процессы, которые непосредственно не контролируются предприятием, но оказывают существенное воздействие на его финансовое состояние. К ним относятся инфляция, изменение процентных ставок, состояние спроса, уровень конкуренции, изменение цен на сырье и материалы, государственное регулирование, состояние финансового и товарных рынков, а также технологические изменения.

Изменения рыночной среды могут непосредственно отражаться на объемах продаж, себестоимости и финансовых результатах предприятий. Исследования экономических процессов и механизмов регулирования рынков показывают значимость внешних условий для формирования экономических результатов хозяйствующих субъектов [2, 3]. Поэтому финансовое управление должно учитывать не только внутренние показатели предприятия, но и динамику факторов внешней среды.

Таким образом, внутренние и внешние факторы находятся в постоянном взаимодействии. Изменение внешних условий может усиливать или ослаблять влияние внутренних факторов. Например, рост стоимости заемного капитала повышает значение оптимальной структуры источников финансирования, а снижение спроса усиливает необходимость контроля затрат и управления денежными потоками.

Для систематизации указанных факторов целесообразно представить их в виде следующей схемы.

Источник: разработано автором.

Рисунок 1. Система факторов финансовой устойчивости предприятия.

Представленная схема показывает, что финансовая устойчивость является результатом взаимодействия внутренних возможностей предприятия и внешних условий его функционирования. При этом финансовое планирование, управление денежными потоками и контроль финансовых рисков выступают связующими механизмами, позволяющими предприятию адаптироваться к изменениям экономической среды.

3. ОЦЕНКА ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ.

Оценка финансовой устойчивости предприятия предполагает комплексное исследование показателей, характеризующих структуру капитала, ликвидность, платежеспособность и эффективность использования финансовых ресурсов. Применение системы взаимосвязанных коэффициентов позволяет выявить сильные и слабые стороны финансового состояния предприятия и определить направления его дальнейшего совершенствования.

Одним из основных показателей является коэффициент автономии, характеризующий долю собственного капитала в общей величине активов. Чем выше данный показатель, тем меньше зависимость предприятия от внешних источников финансирования. Вместе с тем его значение необходимо рассматривать во взаимосвязи с рентабельностью собственного капитала и возможностями привлечения заемных ресурсов.

Не менее важное значение имеют показатели ликвидности и платежеспособности. Они позволяют определить способность предприятия выполнять краткосрочные обязательства и поддерживать непрерывность хозяйственной деятельности. При этом анализ должен учитывать динамику показателей, поскольку однократное соответствие нормативному уровню не гарантирует устойчивого финансового положения в последующих периодах.

Для комплексной оценки целесообразно использовать несколько взаимодополняющих показателей.

Таблица 1. Основные показатели оценки финансовой устойчивости предприятия.

Показатель	Расчет	Экономическое значение
Коэффициент автономии	Собственный капитал / Активы	Характеризует финансовую независимость
Коэффициент финансовой зависимости	Заемный капитал / Активы	Показывает степень зависимости от заемных средств
Коэффициент текущей ликвидности	Оборотные активы / Краткосрочные обязательства	Оценивает способность погашать текущие обязательства
Рентабельность активов	Чистая прибыль / Активы × 100%	Характеризует эффективность использования активов
Рентабельность собственного капитала	Чистая прибыль / Собственный капитал × 100%	Показывает эффективность использования собственного капитала

Источник: составлено автором.

Комплексное применение данных показателей позволяет избежать односторонней оценки финансового состояния. Например, высокий уровень автономии при низкой рентабельности может свидетельствовать о недостаточно эффективном использовании собственного капитала. В свою очередь, высокая рентабельность при значительной долговой нагрузке может сопровождаться повышенными финансовыми рисками.

Таким образом, оценка финансовой устойчивости должна основываться не только на сопоставлении отдельных коэффициентов с нормативными значениями, но и на изучении их динамики, взаимосвязи и соответствия стратегическим целям предприятия. Такой подход позволяет своевременно выявлять финансовые дисбалансы и принимать обоснованные управленческие решения.

4. ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ.

В современных условиях предприятия сталкиваются с рядом факторов, способных ограничивать их финансовую устойчивость. К наиболее существенным относятся рост стоимости заемного капитала, нестабильность спроса, увеличение себестоимости, недостаточная скорость оборота оборотных средств и рост финансовых рисков.

Одной из распространенных проблем является несбалансированная структура капитала. Чрезмерная зависимость от заемных источников повышает обязательства предприятия и увеличивает чувствительность его финансового положения к изменению процентных ставок. Одновременно недостаточное использование заемного финансирования может ограничивать инвестиционные возможности.

Другой проблемой является недостаточно эффективное управление оборотным капиталом. Увеличение запасов и дебиторской задолженности приводит к замедлению оборота денежных средств. В результате предприятие может испытывать дефицит ликвидности даже при наличии положительного финансового результата.

5. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ.

Обеспечение финансовой устойчивости требует комплексного совершенствования финансового управления. Приоритет должен отдаваться не отдельным финансовым показателям, а согласованному управлению капиталом, денежными потоками, оборотными активами и финансовыми рисками.

Первым направлением является оптимизация структуры капитала. Предприятию необходимо поддерживать такое соотношение собственных и заемных средств, которое позволяет финансировать развитие без формирования чрезмерной долговой нагрузки.

Вторым направлением выступает повышение эффективности управления оборотным капиталом. Сокращение излишних запасов, ускорение расчетов с покупателями и рациональное управление кредиторской задолженностью позволяют высвободить денежные средства и уменьшить потребность в дополнительном финансировании.

Третьим направлением является совершенствование управления денежными потоками. Регулярное сопоставление поступлений и выплат позволяет заранее выявлять возможный дефицит денежных средств и принимать корректирующие решения.

Четвертое направление связано с управлением финансовыми рисками. Предприятие должно оценивать последствия изменения процентных ставок, цен, валютных условий, спроса и других факторов.

Пятое направление — развитие цифровых инструментов финансового управления. Современные информационные технологии позволяют повысить оперативность анализа финансовых данных, автоматизировать контроль расходов и денежных потоков и повысить качество управленческих решений [4].

Таблица 3. Приоритетные направления укрепления финансовой устойчивости.

Направление	Основной инструмент	Ожидаемый результат
Оптимизация капитала	Управление соотношением собственных и заемных средств	Снижение финансовой зависимости
Управление оборотным капиталом	Контроль запасов и дебиторской задолженности	Ускорение оборота средств
Управление денежными потоками	Бюджетирование и прогнозирования	Повышение платежеспособности
Управление рисками	Мониторинг идиверсификация	Снижение вероятности финансовых потерь
Цифровизация управления	Автоматизация финансового анализа	Повышение оперативности решений

Источник: составлено автором.

6. ФИНАНСОВОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОСТИ.

Финансовое планирование обеспечивает взаимосвязь между текущими финансовыми решениями и долгосрочными целями предприятия. Его основная задача заключается в определении необходимых финансовых ресурсов, источников их формирования и направлений использования.

Эффективная система планирования должна включать прогнозирование доходов и расходов, движение денежных средств, инвестиционные потребности и обслуживание обязательств. При этом плановые показатели необходимо регулярно сопоставлять с фактическими результатами. Выявление отклонений позволяет своевременно корректировать финансовую политику.

Особое значение имеет сценарное планирование. Предприятие может формировать базовый, оптимистичный и неблагоприятный сценарии развития. Такой подход позволяет заранее определить возможные последствия изменения спроса, цен, стоимости кредитных ресурсов и других факторов. В результате финансовое управление становится более адаптивным.

7. МЕХАНИЗМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ.

На основе проведенного анализа можно сформировать последовательность действий по укреплению финансовой устойчивости предприятия.

Рисунок 2. Механизм укрепления финансовой устойчивости предприятия.

Источник: разработано автором.

Предлагаемый механизм предполагает циклический характер финансового управления. После оценки результатов предприятие вновь осуществляет диагностику финансового состояния и при необходимости корректирует структуру капитала, расходы, инвестиционные решения и источники финансирования. Это позволяет поддерживать соответствие финансовой политики изменяющимся условиям деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Финансовая устойчивость является важнейшим условием стабильного функционирования и долгосрочного развития предприятия. Проведенное исследование показало, что ее формирование определяется совокупным воздействием структуры капитала, ликвидности, платежеспособности, рентабельности, эффективности использования оборотных средств, качества денежных потоков и уровня финансовых рисков.

Приоритетными направлениями укрепления финансовой устойчивости определены оптимизация структуры капитала, повышение эффективности управления оборотным капиталом, совершенствование управления денежными потоками, развитие финансового планирования и прогнозирования, снижение финансовых рисков и внедрение цифровых инструментов финансового управления.

Финансовая устойчивость должна обеспечиваться на основе постоянного мониторинга ключевых показателей и своевременной корректировки управленческих решений. Использование комплексного подхода позволяет не только поддерживать текущую платежеспособность, но и формировать финансовый потенциал для инвестиционного развития, повышения конкурентоспособности и устойчивого функционирования предприятия в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Амрахов В.Т. оглы, Керимова М.Г., Каримов Ф.Д. Возможности развития материально-технического ресурсного потенциала в сельскохозяйственном секторе // Европейский журнал экономики и управленческих наук. 2022. С. 62–68. URL: https://cyberleninka.ru/
2. Altman E.I. Financial Ratios, Discriminant Analysis and the Prediction of Corporate Bankruptcy // The Journal of Finance. 1968. Vol. 23. № 4. P. 589–609. DOI 10.2307/2978933
3. Джавадзаде Х.Н. Влияние сельскохозяйственных рынков на обеспечение продовольственного спроса в Азербайджане. 2025. URL: https://bsu.by/
4. Beaver W.H. Financial Ratios as Predictors of Failure // Journal of Accounting Research. 1966. Vol. 4. P. 71–111. DOI 10.2307/2490171
5. Джавадзада Х.Н. Совершенствование механизмов регулирования агропродовольственного рынка Республики Азербайджан // Аудит. 2024. Т. 4. № 46. С. 93–105. URL: https://audit-journal.az/
6. Modigliani F., Miller M.H. The Cost of Capital, Corporation Finance and the Theory of Investment // The American Economic Review. 1958. Vol. 48. № 3. P. 261–297. DOI 10.2307/1809766
7. Трилло Х.Р., Керимов Ф.Д., Гусейнов Ю.Р., Ахмедова М.И., Керимова М.Г. Технопарк как инструмент повышения эффективности принятия управленческих решений в текстильном производстве // Известия вузов. Технология текстильной промышленности. 2026. № 2 (422). С. 73–89. URL: https://academia.edu/
8. Myers S.C. The Capital Structure Puzzle // The Journal of Finance. 1984. Vol. 39. № 3. P. 575–592. DOI 10.1111/j.1540-6261.1984.tb03646.x
9. Нуриева С.Р. Роль физики в развитии современных цифровых технологий // Вестник науки. 2026. Т. 4. № 8 (101). С. 326–339. URL: https://cyberleninka.ru/
10. Titman S., Wessels R. The Determinants of Capital Structure Choice // The Journal of Finance. 1988. Vol. 43. № 1. P. 1–19. DOI 10.2307/2328319

11. Нуриева С.Р. Физические основы энергоэффективности и их влияние на экономическую эффективность промышленных предприятий // Вестник науки. 2026. Т. 1. № 7 (100). С. 57–63. URL: https://cyberleninka.ru/

12. Rajan R.G., Zingales L. What Do We Know about Capital Structure? Some Evidence from International Data // The Journal of Finance. 1995. Vol. 50. № 5. P. 1421–1460. DOI 10.1111/j.1540-6261.1995.tb05184.x

13. Гулиев Э.А., Джавадзаде Х.Н. Направления совершенствования государственной поддержки сельскохозяйственного сектора посредством применения цифровых технологий // Международная конференция по интеллектуальным экологическим технологиям и «зеленым» технологиям. 2025. С. 195–205. URL: https://www.researchgate.net/

Kerimova M.G.
PhD in Economics, Associate Professor
Department of Economics
Azerbaijan Technological University
(Ganja, Azerbaijan)

Kerimov F.Dzh.
PhD in Economics, Associate Professor,
Dean of the Faculty of Economics and Management
Department of Economics
Azerbaijan Technological University
(Ganja, Azerbaijan)

Jafarova Kh.R.
Lecturer
Ganja State University
(Ganja, Azerbaijan)

PRIORITY AREAS FOR ENSURING FINANCIAL STABILITY OF MODERN ENTERPRISES

Abstract: *this article examines theoretical and practical aspects of ensuring enterprise financial stability in a changing economic environment. Financial stability is viewed as a comprehensive measure of an enterprise's condition, reflecting its ability to generate and use financial resources effectively, meet its obligations on time, and maintain stable operations over the long term. Key factors affecting financial stability are identified, including capital structure, the balance between equity and debt financing, liquidity, solvency, profitability, and working capital efficiency. Particular attention is paid to priority areas for improving financial management: optimizing capital structure, improving cash flow management, reducing financial risks, strengthening financial planning, and enhancing enterprise solvency. The article argues that ensuring financial stability requires a systematic approach integrating day-to-day financial management, strategic planning, and assessment of potential risks.*

Keywords: *financial stability, enterprise, enterprise resources, capital structure, liquidity, solvency, profitability, financial risk, strategic planning, capital management, cash flow.*

УДК 336.227

Колпаков П.А.
магистрант 3 курса
Центральный филиал
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
(г. Воронеж, Россия)

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ БОРЬБЫ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОФШОРНЫХ ЮРИСДИКЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация**: в статье рассматривается процесс деофшоризации в Российской Федерации, запущенный в 2012 году как ответ на масштабный отток капитала в офшорные юрисдикции. Исследуются три стадии развития деофшоризации, её нормативная база и практические результаты. Эмпирическую основу составляют кейсы восьми российских компаний: государственных (Газпром, Роснефть) и частных (НЛМК, VEON, ЛУКОЙЛ, РУСАЛ, ТМК, ЕВРАЗ). Автор приходит к выводу, что деофшоризация оказалась лишь частично успешной: первые фискальные меры не привели к репатриации капитала. Лишь ужесточение санкций в 2022 году и создание специальных административных районов (САР) стимулировали возврат активов, но преимущественно со стороны компаний, имеющих тесные связи с государством. Исследование показывает, что эффективность деофшоризации зависит от взаимодействия правовых, политических и экономических факторов.*

***Ключевые слова**: деофшоризация, офшорная юрисдикция, контролируемая иностранная компания, амнистия капитала, специальный административный район, санкции, российская компания.*

Одним из важнейших элементов общей безопасности государства является экономическая безопасность, которая не только обеспечивает устойчивое развитие экономики страны, но и является гарантией для социальной и политической стабильности. Внутренние проблемы в экономике спровоцировали экономическую стагнацию в России в 2014 году. Этому виной

усиление напряжённости международных отношений. По официальным данным дефицит бюджета составил около 1,3% ВВП в 2014 году и 2,6% ВВП в 2015 году. Данная ситуация требует более эффективного управления экономикой. Утечка капитала с помощью оффшорных зон является серьёзный экономической угрозой для страны. Поэтому вопрос деофшоризации экономики является одним из ключевых направлений развития законодательства.

Офшорная зона - это территория, на которой существует бизнес-среда, ориентированная на упрощение условий для ведения международных операций и максимизации прибыли компаний, которые не являются резидентами данного государства. Она может включать в себя не только юридически определенные государства, но и отдельные регионы, обладающие специфическими налоговыми и правовыми режимами. Использование офшорных зон для ведения бизнеса позволяет компаниям минимизировать налоговые выплаты и улучшать свои финансовые показатели. Существуют разные типы офшорных зон. Для начала следует выделить налоговую гавань. В этой зоне с организаций-нерезедентов не взыскивается налог на прибыль. Деятельность организации может облагаться налогом, если та занимается внутренней деятельностью. Налоговые взносы не применяются к внешним операциям. Оформление документов по регистрации и перерегистрации компаний - это значимый доход правительств государств-офшоров, таких как Багамы, Панама и Либерия. Финансовые офшоры предоставляют благоприятные условия для предпринимательства и низкие налоги, несмотря на то, что налоговая база определяется по всем доходам компании. В других случаях, предпринимателям могут быть предоставлены налоговые льготы, как на Кипре. Трастовые компании и оффшорные банки - еще один тип оффшорных организаций. Открытие филиалов или дочерних компаний позволяет банкам получать прибыль, не облагаемую налогом, например, швейцарские банки могут выплачивать проценты по вкладам без обложения налогом. Филиалы американских и английских банков были открыты для обслуживания трастовых компаний, которые занимаются международными операциями. Кроме того,

использование офшорных зон может привести к уклонению от уплаты налогов и увеличению нефтегазовых доходов, что повлияет на ослабление бюджета России. Офшоры также облегчают легализацию средств, полученных из нелегальных источников, что негативно сказывается на экономике страны.

В целом, использование офшорных зон может предоставить определенные преимущества для бизнеса, но при этом необходимо быть внимательным и рассмотреть все потенциальные риски [1, с. 9-16]. Важно также учитывать, как бизнес в офшорных зонах сочетается с национальными стратегиями и интересами. Для эффективного противодействия этому явлению необходимо проведение комплексных мер, прежде всего, на уровне законодательства. Следует ужесточить ответственность за использование офшорных схем, вводить налоговые льготы для внутренних инвесторов и упрощать процедуру регистрации бизнеса на территории России. Необходимо также создать специальные органы, которые будут отслеживать и контролировать деятельность компаний с оффшорной регистрацией. Важным шагом будет разработка национальной стратегии по выведению экономики из оффшорной зоны и стимулирование внутренних инвестиций. В целом, борьба с офшоризацией требует системного подхода и скоординированных усилий государства и бизнес-сообщества.

В российском законодательстве нет понятия «офшоры», но существуют понятия «свободные экономические зоны», их деятельность регламентирована Федеральным Законом «Об особых экономических зонах в РФ» [2]. Решением вопроса офшоризации экономики занялись не только в России, но и во многих странах мира. В международной антиофшорной компании активно участвуют международные организации, такие как ОЭСР, FATF. Целью данных организаций является борьба с отмыванием средств и недобросовестной налоговой конкуренцией. С 2012 года Россия активно борется с уклонением от уплаты налогов через использование оффшорных зон [3, с. 187-193]. Введены меры по контролю за всеми внешнеторговыми сделками с офшорными компаниями, а также нормы в Уголовный кодекс, регулирующие

ответственность за создание фирм-однодневок. В 2014 году была объявлена налоговая амнистия для репатриированных капиталов, но пока реальных результатов по программе деофшоризации нет. В 2018 году был подписан пакет документов о проведении второго этапа амнистии, но эксперты считают, что предложенные меры непоследовательны и нет полной определенности с их введением [4]. Российская экономика действительно нуждается в оздоровлении, но борьба с офшорами должна быть более целенаправленной и последовательной [5].

Использование офшоров российскими компаниями вредит государству, причиняя больший ущерб, чем просто потеря налогов. Почти все отрасли промышленности в России зависят от иностранных инвестиций и управляются из-за границы. Бизнес в залогах использует деньги, привлеченные из-за границы. Опасности для государства связаны с потерей контроля над экономикой в ТЭКе, металлургии, машиностроении и оборонных производствах. Офшоризация российской экономики угрожает безопасности и обороноспособности страны из-за оттока капитала и потери контроля над ним. Главной причиной этой ситуации является неравенство конкуренции между компаниями, использующими офшоры, и теми, которые еще не интегрировались в международный бизнес. Именно такая неравенство заставляет бизнес переходить в офшоры для сохранения конкурентоспособности. Следовательно, для достижения этой цели необходимо прежде всего укрепить правовую базу по борьбе с офшоризацией, провести масштабную информационную кампанию среди бизнеса и населения о вреде офшорных компаний и финансовых схем, а также создать условия для развития национального бизнеса и привлечения инвестиций в российскую экономику [6, с. 15-31]. Необходимо принять меры, которые устранят диспропорцию, приоритетным должно стать развитие национального бизнеса, закрепив законодательно его преимущественное положение по сравнению с оффшорными юрисдикциями. Это не только способствует развитию экономики, но и повышению благосостояния российских граждан и процветанию страны. В настоящее время условия развития политики в различных сферах диктуется

геополитической и геоэкономической ситуацией в мире. Одним из возможных решений проблемы офшоров является установление международных стандартов для регулирования финансовых трансграничных операций. Этот подход позволит создать единые критерии и правила, которые будут действовать для всех стран и снизят возможность использования офшоров для уклонения от уплаты налогов. Кроме того, необходимо развивать сотрудничество между налоговыми службами разных стран, чтобы улучшить обмен информацией и детализировать отчетность оффшорных компаний. В целом, деофшоризация должна стать долгосрочной программой, которая будет способствовать не только увеличению налоговых поступлений, но и повышению прозрачности и конкурентоспособности национальной экономики. Для этого нужно создавать условия, которые будут привлекательны для бизнеса, но не будут допускать масштабный налоговый обман. Разработка грамотного правового механизма, а также улучшение и соблюдение уже существующих законов создаст атмосферу для благоприятного ведения бизнеса, поспособствует сокращению оттока капитала из страны и увеличит контроль над ним. Все эти шаги позволят модернизировать и улучшить предпринимательство. Крайне сложно прогнозировать как долго продлится данный период развития России, и станет ли он новой реальностью российской экономики на длительное время. В настоящее время, когда чрезвычайно высок уровень неопределенности, ожидать в ближайшей перспективе возвращения к прежней реальности представляется маловероятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Артемьев А.А. Офшоризация российского бизнеса: причины и пути преодоления // Вестник Тверского государственного университета. 2013. № 3. С. 9–16.
2. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 596 // Официальный сайт Президента России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35260 (дата обращения: 2 сентября 2026 г.)

3. Булатов А.С. Географические аспекты участия России в международном движении капитала // Региональные исследования России. 2012. Т. 2. № 3. С. 187–193.
4. Базанова Е., Папченкова М. Примерно 2500 человек воспользовались амнистией капитала // Ведомости. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/06/30/647368-amnistiya-dlya-menshinstva (дата обращения: 24 сентября 2026 г.)
5. Россия частично приостановила налоговые соглашения с 38 странами // RBC News. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/08/08/2023/64d24d039a79470fa9e41998 (дата обращения: 11 сентября 2026 г.)
6. Хейфец Б.А. Влияние антироссийских санкций на процесс деофшоризации // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 8. С. 15–31.

Kolpakov P.A.
master's degree student of 3rd year
Central Branch
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Voronezh, Russia)

ASSESSING EFFECTIVENESS OF EFFORTS TO COMBAT USE OF OFFSHORE JURISDICTIONS IN RUSSIA

***Abstract**: the article examines the deoffshorization process in Russia, launched in 2012 in response to large-scale capital outflows to offshore jurisdictions. It explores three stages in the development of deoffshorization, its legal framework, and its practical outcomes. The empirical analysis draws on case studies of eight Russian companies: state-owned Gazprom and Rosneft and privately owned NLMK, VEON, LUKOIL, RUSAL, TMK, and EVRAZ. The author concludes that deoffshorization has been only partially successful: initial fiscal measures did not lead to capital repatriation. Only the tightening of sanctions in 2022 and the establishment of special administrative regions (SARs) encouraged the return of assets, primarily by companies with close ties to the state. The study shows that the effectiveness of deoffshorization depends on the interaction of legal, political, and economic factors.*

***Keywords**: deoffshorization, offshore jurisdiction, controlled foreign company, capital amnesty, special administrative region, sanctions, Russian company.*

УДК 33+005.96:004.8

Коржакова Я.О.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

(г. Москва, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В НАЙМЕ, ОБУЧЕНИИ И СОПРОВОЖДЕНИИ ПЕРСОНАЛА

***Аннотация**: в статье рассмотрены основные возможности применения технологий искусственного интеллекта в подборе и найме персонала, в его обучении и развитии, а также в сопровождении. Обозначены преимущества внедрения соответствующих технологий в адаптационные программы для сотрудников организации, повышение эффективности автоматизированных систем электронного документооборота. Дополнительно обозначены конкретные примеры успешного внедрения технологий искусственного интеллекта в образовательные процессы. На основе материалов судебной практики выявлены основные правовые риски использования искусственного интеллекта в подборе персонала.*

***Ключевые слова**: персонал, управление, искусственный интеллект, подбор, найм, обучение, развитие, сопровождение, адаптация, электронный документооборот, правовой риск.*

Новый виток цифровизации управления персоналом обусловлен широкомасштабным внедрением в разные сферы общественной жизни искусственного интеллекта. Его функционирование включает в себя в первую очередь машинное обучение – алгоритмы, которые позволяют системе обучаться на данных и улучшать свои результаты с опытом подобно человеческому мозгу. На основе такого принципа работы появились такие продукты, как нейросети, представляющие собой модели, вдохновленные структурой мозга, способные распознавать сложные шаблоны. Однако это лишь небольшая часть широкого спектра возможностей, которые предлагают сервисы, автоматизирующие те виды деятельности, где большую часть занимает рутинная работа, связанная с монотонными и повторяющимися манипуляциями.

Технический прогресс привел к тому, что в рамках взаимодействия субъектов управленческой деятельности непосредственного контакта между сотрудниками и между сотрудником и руководителем становится все меньше. Закономерно также появление таких понятий, как «этика виртуального общения», «стандарты деловой переписки», «правила организации совещаний по видеоконференцсвязи» и другое. При появлении возможностей общаться на расстоянии множество задач, возложенных на отдел кадров, стали решаться значительно быстрее. Например, в рамках конкретного этапа по подбору персонала общение в режиме реального времени и даже визуальный контакт могут быть полностью исключены: создание и размещение вакансий на разных интернет-сайтах, механизм направления резюме и даже «первичная проверка кандидата», которая заключается в создании заданий и тестов, при успешном прохождении которых только резюме соискателя может быть направлено в конкретную организацию. А личное общение, подразумевающее собеседование в традиционном его понимании, уже направлено на выявление оперативных коммуникативных навыков кандидата, проверку возможностей нестандартного мышления в условиях живого общения при прямой постановке конкретных вопросов, наблюдение за процессом подбора кандидатом языковых средств для выражения своих мыслей.

Если речь идет о подборе так называемых «линейных» специалистов с базовыми компетенциями, их первичный отбор может быть поручен искусственному интеллекту, который будет осуществлять поиск по уже сформированному ответственным лицом списку необходимых качеств и составлять предварительный список подходящих кандидатов, тем самым отсеивая «случайные и номинальные резюме». Также при первичном отборе соответствующая программа сможет проанализировать персоналии претендентов на основании заполненных ими анкет или тестовых заданий и предоставить свои рекомендации. Важную роль здесь будут играть нейросетевые языковые модели, которые способны выполнять множество задач, связанных с обработкой естественного языка.

Их работа построена на алгоритмах, позволяющих комплексно оценивать именно смысловое содержание текстов. Панова Е.А. и Опарина Н.Н. обозначают очень важные преимущества использования программных продуктов по автоматизации подбора персонала: «…в них присутствуют такая опция, как библиотека компетенций (позволяющая не только выбрать наиболее полный набор компетенций, которыми должен обладать кандидат на вакансию с учетом специфики должности, но и ранжировать их по уровню критичности наличия у соискателей, степени выраженности, а также сделать автоматическую ссылку на продукты, посредством которых кандидат сможет пройти соответствующую первичную проверку своих знаний, умений и навыков). Помимо библиотеки компетенций, в данного рода программных продуктах заложен автоматизированный механизм согласования внутри компании всех параметров заявки на подбор персонала, размещения ее на определенных сайтах, подбор на основании параметров профиля вакансии кандидатов из внутрикорпоративной базы кадрового резерва, осуществление скрининга резюме кандидатов в интернет-пространстве» [5]. Здесь действительно важно дополнительно отметить, что использование подобных технических решений – это не самоцель, а, скорее, инструмент снижения давления рутины на управленцев и переориентации системы на реальные потребности людей и предприятий. Ведь человек в данной ситуации должен оставаться и носителем управленческих решений, и их конечным адресатом.

Не менее важным направлением минимизации негативного влияния человеческого фактора при подборе персонала в рамках цифровизации управленческой деятельности в современных российских компаниях является исключение предвзятости в процессе поиска нужного специалиста. «Наблюдаются определенные изменения при внедрении в рабочие процессы автоматизированной системы подбора персонала. Представляется важным обеспечение прозрачности автоматизированного процесса подбора персонала в целях недопущения алгоритмической дискриминации кандидатов» [7].

В рамках деятельности по найму персонала важно уделить внимание уведомлению соискателей об использовании при общении с ними сервисов автоматизированной работы. При этом для минимизации рисков возникновения конфликтных ситуаций лучше приложить разъяснения о том, в чем именно выражаются согласие или отказ в приеме на работу, обработанные соответствующей программой. В судебной практике уже появляются споры, связанные с применением работодателями новых технологий при взаимодействии с кандидатами. В одном из таких дел фигурировало ПАО «Сбербанк России», известный своим активным использованием в деятельности нейросетевых продуктов [1] (соответствующий судебный акт в Приложении 1). В ходе судебного разбирательства между ним и соискателем, где последний обратился в суд с иском к банку о признании отказа (молчания) ПАО «Сбербанк России» в приеме на работу незаконным и необоснованным, о взыскании денежных средств в счет неполученного дохода и компенсации морального вреда. Было установлено, что имело место использование работодателем специализированного программного обеспечения с элементами автоматизации и роботизации для отбора кандидатов. Суд обратил внимание на специфику коммуникации между данной системой и соискателем. Истец столкнулся со сложностями в интерпретации конкретных ответов работодателя, по сути обработанных искусственным интеллектом. Несмотря на отказ в удовлетворении исковых требований соискателя, данное дело сигнализировало о необходимости создания более прозрачной системы отбора кандидатов. А ключевым тезисом найма персонала является сохранение принятия окончательного решения именно за человеком.

В настоящее время оптимизация данных процессов происходит за счет внедрения цифровых инструментов с внедренным искусственным интеллектом. Пшеничная С.С. выделяет следующие аспекты использования подобных программных продуктов, как инструментов, позволяющих повышать эффективность процессов обучения:

1. Персонализация учебных материалов на основе анализа больших данных (Big Data) о потребностях и возможностях каждого сотрудника,

2. Автоматизация рутинных задач в обучении (проверка знаний, сбор обратной связи, отслеживание индивидуального прогресса),

3. Интеллектуальный анализ больших массивов данных о работе персонала, что дает HR-специалистам возможность принимать более обоснованные решения о содержании и формах обучения,

4. Внедрение адаптивного обучения и фидбек-систем [6].

Данная позиция подчеркивает важность ориентации цифровизации на специфику конкретной трудовой функции и конкретного сотрудника, выполняющего данную функцию. Здесь дополнительно можно скорректировать понятие персонализации и заменить его на гиперперсонализацию в парадигме идентификации некоторых профессий, для которых искусственный интеллект будет являться уже средством самовыражения, а не просто инструментом автоматизации рутинных процессов. Искусственный интеллект в перспективе должен стать инструментом обеспечения целостного системного подхода к обучению персонала, основанному на содержании труда, и развития персонала, представляющего собой систематический самоуправляемый процесс, направленный на повышение эффективности труда. По данным отчета «Future of Jobs Report 2025» от World Economic Forum в корпоративном обучении наблюдается тенденции его дифференциации: от базовой грамотности до глубокой интеграции. Если рассматривать такую систему по уровням, то их можно разделить на базовый уровень, предусматривающий обучение совместной работе с искусственным интеллектом для повышения уровня цифровой гигиены, и на продвинутый уровень, предусматривающий найм и развитие экспертов по искусственному интеллекту для интеграции соответствующих инструментов в рабочие процессы конкретной должности [8]. Подобные тенденции выделены не случайно, ведь в настоящее время не только в России, но и на международном уровне развивается система дополнительного профессионального образования в формате дистанционного синхронного

обучения, предусматривающего возможность подстраивать расписание под себя без привязки к общему установленному графику в так называемом формате self-paced. Обозначаются общие пределы прохождения обучения с указанными сроками аттестации, все необходимые материалы предоставляются заранее с расчетом на планомерное освоение какого-либо курса в формате вебинаров в прямом эфире, но с обязательным дублированием записью этого вебинара на самом портале цифровой образовательной платформы, на случай пропуска обучающимся какой-либо темы, а искусственный интеллект позволяет автоматизировать все процессы, связанные с согласованием действий между обучающимся работником, работодателем и обучающей организацией.

Одним из примеров успешного внедрения искусственного интеллекта в образовательные процессы является компания Skyeng – онлайн-школа иностранных языков. Спецификой оптимизации бизнес-процессов данной организации является то, что преподаватели, которые предоставляют образовательные услуги, параллельно сами обучаются необходимым навыкам, чтобы быть конкурентоспособными. Можно выделить следующие аспекты оптимизации обучения сотрудников посредством применения в нем технологий искусственного интеллекта:

1. Создание персонализированных образовательных программ для преподавателей для обработки больших объемов данных, включая опыт работы сотрудников, предпочтения учащихся и знания учителей. Это позволяет разрабатывать индивидуальные обучающие курсы, адаптированные под конкретные потребности и уровень знаний каждого сотрудника, что делает процесс подготовки более точечным и эффективным.

2. Постоянный анализ и обратная связь в реальном времени. Нейросети анализируют проведенные уроки и предоставляют их анализ не только ученикам, но и самим преподавателям. Это позволяет сотрудникам оперативно получать информацию о своих зонах роста и корректировать методику преподавания.

3. Формирование систем непрерывного обучения объема данных, собранных за год (включая результаты аналитики ИИ и рекомендации методистов). На основании соответствующих отчетов преподаватели могут самостоятельно планировать свой график обучения и выбирать программы повышения квалификации на будущее.

4. Автоматизация рутинных задач посредством оценки результатов обучения и упрощения создания обучающих материалов, за счет чего преподаватели могут оперативно внедрять интерактивные форматы обучения.

Данный пример интересен тем, что использование искусственного интеллекта в «Skyeng» позволило перейти от унифицированных традиционных методов обучения к более эффективным, персонализированным форматам работы [2].

Однако нельзя не отметить и риски self-paced обучения. Необходимость эффективных навыков управления временем. Атовова Г., Меретджаев Г., Гурбанова О. и Мударова Д.М. обозначают наличие определенных проблем самостоятельного обучения:

1. Необходимость эффективных навыков управления временем. Без фиксированных сроков учащиеся могут испытывать проблемы с прокрастинацией.

2. Отсутствие немедленной обратной связи и социального взаимодействия. Традиционные аудитории обеспечивают мгновенную обратную связь от преподавателей и возможности для сотрудничества между студентами. Самостоятельное же обучение может привести к чувству изоляции, особенно если студентам не хватает интерактивных элементов, таких как живые дискуссии или поддержка наставников.

3. Зависимость от технологий и цифровая грамотность. Доступ к надежному интернету, цифровым устройствам и знакомство с онлайн-платформами обучения имеют решающее значение для успешного самостоятельного обучения [3].

Внедрение искусственного интеллекта в корпоративное обучение современных российских компаний должно позволить решить соответствующие проблемы, например, через разработку структурированных планов обучения и установление личных сроков для каждого обучающегося на основании анализа его действий на онлайн-платформе. При этом очное обучение не должно искореняться полностью. Наличие альтернативы форматом получения образования и предоставления возможности лично взаимодействовать с преподавателем по запросу обучающегося работника обеспечит более сбалансированное корпоративное обучение с акцентом на гиперперсонализацию.

В обязанности лица, ответственного за обучение и развития персонала, как правило, входят и мероприятия, включающие в себя обеспечение комфортной адаптации нового сотрудника, его знакомство с внутренними процессами и рабочей обстановкой. На основании результатов прохождения периода адаптации руководитель определяет план дальнейшего развития сотрудника, которые должен предусматривать регулярное обучение с использованием разных форматов получения соответствующих знаний в зависимости от квалификации, требований к кандидату в рамках определенной сферы деятельности, стажа и других факторов.

При взаимодействии руководителей с уже действующими сотрудниками также присутствует функция «удаленного согласования» разных мероприятий и встреч. В настоящее время растет количество задач, которые можно выполнять, не выходя из дома. Так называемая «удаленная работа» порой бывает предпочтительнее, как для работодателя, так и для работника. Такие возможности позволяют привлекать специалистов из других городов и даже из других стран и при этом искоренять непоследовательность выполнения тех или иных задач, которая ведет к неграмотному распределению времени, а соответственно и к переработкам: «Задержки на работе или же переработки, как правило, предполагают трудовую деятельность за рамками рабочего времени, регулирующегося с использованием значительного числа норм

императивного характера, что обусловлено целями и задачами трудового права» [4]. Цифровизация управления должна обеспечить более взвешенное прогнозирование и разумное планирование основной деятельности. Соответствующие программы с искусственным интеллектом будут анализировать данные о производительности сотрудников, исключая при этом субъективную составляющую оценки персонала.

Важную роль играет и автоматизация документооборота на базе генеративного технического решения, позволяющего классифицировать входящие документы, распознавать их структуру, извлекать нужные данные и передавать их в корпоративную бухгалтерскую систему учета. Масштабная систематизация документов всей организации исключит необходимость постоянных запросов руководителю о предоставлении каких-либо актов, договоров, положений. Персональный технический ассистент может уведомлять о каких-либо обновлениях в политике компании, изменениях кадрового состава и редактировании графика отпусков.

Не менее важным направлением цифровизации управленческой деятельности является мотивация и повышение квалификации работников. Соответствующие программы могут информировать сотрудников о возможностях развития по интересующим их направлениям, также уведомлять о нововведениях, касающихся непосредственно их профессии, предлагать актуальные курсы для получения дополнительного образования. Нейросети могут проанализировать данные о психологическом состоянии сотрудников на основании их ответов на разные вопросы. Порой сотрудникам озвучивать какие-то свои мысли руководителям на порядок сложнее, чем изложить их роботу, который будет беспристрастно собирать данные, чтобы определить перспективы дальнейшей мотивации кадров. А управленцу будет проще работать с уже готовыми рекомендациями. Искусственный интеллект может осуществлять также прогноз оттока персонала, что позволит сократить количество внезапных увольнений без объяснения причины.

В задачи соответствующей программы будет входить мониторинг поведения сотрудников перед увольнением и поиск закономерностей, по которым можно будет предотвратить расторжение трудового договора с другими работниками по их инициативе. Руководитель может вносить в алгоритмы поиска самые разные параметры.

В России уже есть примеры успешного внедрения искусственного интеллекта в управленческую деятельность. Например, организация MTS AI уже внедрила соответствующие программы и чат-боты для найма и адаптации новых сотрудников. Также компания внедрила программу, отвечающую на частые вопросы персонала, связанные с оформлением отпусков, больничных, поиском нужной внутрикорпоративной информации. «Сбер» уже внедрил в свою деятельность HR-платформу «Пульс», отвечающую за распознавание документов, персонализацию выдачи интересующей конкретного сотрудника информации, качество постановки целей, анализ содержания резюме. Нейронные сети GigaChat и Kandinsky уже внедряются во множество коммерческих и некоммерческих организаций. Эксперименты по подбору персонала с помощью искусственного интеллекта также проводят Минцифры, Минфин, Минэкономразвития, что свидетельствует о масштабности технической модификации управленческой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 23.01.2023 по делу № 33-0801/2023 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. [Электронный ресурс]. URL: https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/11da17a0-707a-11ed-97ac-252da07cbccf (дата обращения: 08.09.2026)
2. Александров М.И., Лаврентьев В.А., Шеронов И.С. Внедрение искусственного интеллекта в корпоративное обучение на примере онлайн-школы «Skyeng» // Проблемы современного педагогического образования. 2024. С. 239–241
3. Атовова Г., Гурбанова О., Меретджаев Г., Мударова Д.М. Self-paced learning: a key to balancing studies, work, and personal responsibilities // Международный научный журнал «Символ науки». 2025. № 3-1-1. С. 83–84
4. Коржакова Я.О. Выработка: большинство россиян задерживаются на работе на 3 часа // Трудовое право. 2023. № 8. С. 97
5. Панова Е.А., Опарина Н.Н. Цифровые технологии в подборе и отборе кандидатов: от ручных операций к формированию заданий // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2023. № 5 (68). С. 15
6. Пшеничная С.С. Роль искусственного интеллекта в оптимизации процессов обучения и развития сотрудников // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. 2025. № 2. С. 145–146
7. Хубулова М.И. Искусственный интеллект в сфере труда // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 3. С. 45
8. Доклад о будущем рабочих мест 2025 года. Всемирный экономический форум // Публикации на сайте Цифровой библиотеки МГИМО в сфере ЦУР/ESG. [Электронный ресурс]. URL: https://esg-library.mgimo.ru/publications/the-future-of-jobs-report-2025/ (дата обращения: 14.03.2026)

Korzhakova Ya.O.
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN PERSONNEL HIRING, TRAINING, AND SUPPORT

Abstract: *this article examines key applications of artificial intelligence technologies in personnel selection and hiring, training and development, and ongoing support. It highlights the benefits of incorporating these technologies into employee onboarding programs and their potential to improve the efficiency of automated electronic document management systems. Specific examples of successful applications of artificial intelligence technologies in education are also presented. Drawing on case law, the article identifies major legal risks associated with using artificial intelligence in personnel selection.*

Keywords: *personnel, management, artificial intelligence, selection, hiring, training, development, support, onboarding, electronic document management, legal risk.*

УДК 33

Котенко С.А.
магистрант 3 курса группы ПМИОZ-8301
направление подготовки 01.04.02 «Прикладная математика и информатика»,
магистерская программа 01.04.02.04 «Искусственный интеллект:
математические модели и прикладные решения»
кафедра прикладной математики и технологий искусственного интеллекта
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Научный руководитель:
Сахарова Л.В.
доктор физико-математических наук, доцент, профессор
кафедра прикладной математики и технологий искусственного интеллекта
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

АНАЛИЗ ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: МЕТОДЫ, ПРИМЕНЕНИЕ И ВЫЗОВЫ

***Аннотация**: в работе рассматривается роль анализа данных в контексте обеспечения социальной и экономической безопасности. Систематизированы и проанализированы современные методы анализа данных, включая статистический анализ, машинное обучение, обработку естественного языка и пространственный анализ. Приведены примеры успешного применения этих методов для прогнозирования преступности, выявления финансового мошенничества и мониторинга эпидемий. Особое внимание уделено ключевым проблемам и вызовам, таким как качество данных, защита конфиденциальности и сложность интерпретации результатов. Сформулированы рекомендации по дальнейшему развитию и эффективному использованию аналитики в сфере безопасности.*

***Ключевые слова**: анализ данных, социальная безопасность, экономическая безопасность, машинное обучение, прогнозирование преступности, выявление финансового мошенничества, мониторинг эпидемий.*

ВВЕДЕНИЕ.

В современном мире, характеризующемся стремительной цифровизацией всех сфер жизнедеятельности, объемы генерируемых данных растут экспоненциально. Этот процесс, известный как «большой взрыв данных» (Big Data), создает как беспрецедентные возможности, так и новые вызовы для обеспечения социальной и экономической безопасности. Традиционные методы анализа, ориентированные на ручную обработку и ограниченные объемы информации, уже не справляются с задачей выявления скрытых угроз и закономерностей в огромных массивах разнородных данных.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью перехода от реактивного реагирования на уже произошедшие инциденты к проактивному предотвращению угроз. Развитие технологий анализа данных, в том числе методов машинного обучения и искусственного интеллекта, открывает новые горизонты для прогнозирования рисков, оптимизации распределения ресурсов и принятия более обоснованных решений в сфере безопасности.

Целью данной работы является систематизация и анализ существующих методов анализа данных, применяемых для повышения социальной и экономической безопасности, а также выявление ключевых проблем и перспективных направлений в этой области.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И МЕТОДОЛОГИЯ.

Понятия социальной и экономической безопасности тесно взаимосвязаны. Социальная безопасность определяется как состояние общества, характеризующееся отсутствием или минимальным уровнем социальных угроз, обеспечивающее стабильность, справедливость и защищенность граждан. Экономическая безопасность, в свою очередь, подразумевает устойчивое экономическое развитие, стабильность финансовой системы и защищенность от внутренних и внешних шоков.

Методология данного обзора основана на систематическом подходе, включающем анализ научных публикаций, отчетов международных организаций и статистических данных. Ключевыми методами исследования являются систематический обзор литературы, сравнительный анализ и синтез полученной информации.

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДАННЫХ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ.

В сфере обеспечения безопасности применяется широкий спектр методов анализа данных, которые можно условно разделить на несколько категорий:

- Статистический анализ: включает описательную статистику для обобщения характеристик данных, регрессионный анализ для моделирования взаимосвязей между переменными и анализ временных рядов для выявления трендов, сезонности и прогнозирования. Например, регрессионные модели используются для прогнозирования уровня преступности на основе социально-экономических факторов.

- Машинное обучение (ML): это ключевой инструмент для построения прогнозных моделей. Основные задачи, решаемые с помощью ML:

- Классификация: отнесение объектов к определенным классам (например, идентификация мошеннических транзакций).

- Регрессия: прогнозирование непрерывных значений (например, объема ущерба от возможного стихийного бедствия).

- Кластеризация: группировка схожих объектов (например, выявление групп кибератак с общими характеристиками).

- Обнаружение аномалий: выявление нетипичных событий, которые могут указывать на угрозу (например, подозрительная активность в сети).

- Обработка естественного языка (NLP): применяется для анализа неструктурированных текстовых данных. Анализ тональности позволяет оценить общественные настроения и выявить нарастание напряженности, а извлечение сущностей помогает автоматически выявлять ключевые факты (имена, организации, локации) из отчетов и новостных статей.

- Пространственный анализ: используется для работы с географическими данными. Методы пространственного анализа позволяют выявлять «горячие точки» преступности, анализировать распространение эпидемий и оптимизировать маршруты патрулирования.

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИЗА ДАННЫХ: ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ.

Эффективность анализа данных в сфере безопасности подтверждается рядом успешных кейсов.

В области социальной безопасности ярким примером является «предиктивная полиция» (Predictive Policing), которая использует алгоритмы машинного обучения на исторических данных о преступлениях для прогнозирования вероятных мест и времени их совершения. Это позволяет более эффективно распределять ресурсы правоохранительных органов. Другим примером является мониторинг социальных сетей для предсказания социальных протестов и выявления дезинформации.

В области экономической безопасности анализ данных применяется для прогнозирования финансовых кризисов путем анализа макроэкономических показателей и выявления спекулятивных пузырей на рынках. Системы обнаружения мошенничества с кредитными картами, основанные на нейронных сетях, в режиме реального времени анализируют транзакции и блокируют подозрительные операции, значительно снижая потери.

ПРОБЛЕМЫ И ВЫЗОВЫ.

Несмотря на значительный потенциал, применение анализа данных в сфере безопасности сталкивается с серьезными вызовами:

- Качество данных: неполные, неточные или несогласованные данные приводят к искаженным результатам и неэффективным решениям. Обеспечение высокого качества данных на всех этапах их жизненного цикла является критически важной задачей.

- Защита данных и конфиденциальность: сбор и обработка персональных данных требуют строгого соблюдения законодательства (например, GDPR) и этических норм. Необходимо внедрять надежные механизмы защиты от утечек и несанкционированного доступа, а также применять методы анонимизации.

- Интерпретация результатов: сложность алгоритмов машинного обучения, особенно глубоких нейронных сетей, часто делает их «черным ящиком». Понимание того, почему модель приняла то или иное решение, является сложной задачей, что снижает доверие к системе и затрудняет принятие ответственных решений. Это требует привлечения экспертов предметной области.

- Ресурсы и компетенции: Эффективное использование анализа данных требует значительных инвестиций в инфраструктуру (системы сбора и хранения данных, вычислительные мощности) и подготовку высококвалифицированных специалистов в области Data Science, машинного обучения и права.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Анализ данных является мощным инструментом для повышения социальной и экономической безопасности, позволяя перейти от реактивного реагирования к проактивному прогнозированию и предотвращению угроз. Успешные кейсы в области предиктивной полиции и обнаружения мошенничества демонстрируют его огромный потенциал.

Однако для полной реализации этого потенциала необходимо комплексно подходить к решению существующих проблем. Ключевыми направлениями развития являются: инвестиции в инфраструктуру и подготовку кадров, разработка и внедрение объяснимых моделей ИИ (XAI), а также обеспечение этичного и ответственного использования данных при строгом соблюдении прав и свобод граждан. Только такой подход позволит создать более безопасное и устойчивое будущее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Анализ показателей социально-экономической безопасности хозяйствующего субъекта // [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-pokazateley-sotsialno-ekonomicheskoy-bezopasnosti-hozyaystvuyuschego-subekta (дата обращения: 06.02.2025)
2. Mayer-Schönberger V., Cukier K. Big Data: A Revolution That Will Transform How We Live, Work, and Think. Eamon Dolan / Houghton Mifflin Harcourt, 2013.
3. Provost F., Fawcett T. Data Science for Business: What You Need to Know about Data Mining and Data-Analytic Thinking. O'Reilly Media, 2013.

Kotenko S.A.
Rostov State University of Economics (RSUE)
(Rostov-on-Don, Russia)

Scientific advisor:
Sakharova L.V.
PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor
Department of Applied Mathematics and Artificial Intelligence Technologies
Rostov State University of Economics (RSUE)
(Rostov-on-Don, Russia)

DATA ANALYSIS AS A TOOL FOR ENSURING SOCIAL AND ECONOMIC SECURITY: METHODS, APPLICATIONS AND CHALLENGES

Abstract: *this paper examines the role of data analysis in ensuring social and economic security. Contemporary data analysis methods, including statistical analysis, machine learning, natural language processing and spatial analysis, are systematized and examined. Examples of successful applications of these methods in crime prediction, financial fraud detection and epidemic monitoring are presented. Particular attention is paid to key problems and challenges, such as data quality, privacy protection and difficulties in interpreting results. Recommendations are offered for further development and effective use of analytics in the field of security.*

Keywords: *data analysis, social security, economic security, machine learning, crime prediction, financial fraud detection, epidemic monitoring.*

УДК 33

Терегулов Т.Д.

магистрант

кафедра экономики и финансов

Южно-Уральский технологический университет

(г. Челябинск, Россия)

«ПРОФЕССИОНАЛИТЕТ» КАК МЕХАНИЗМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ, БИЗНЕСА И ВЛАСТИ

***Аннотация**: в современных условиях обеспечения технологического и кадрового суверенитета Российской Федерации возрастает роль региональных органов власти в координации взаимодействия между системой образования, бизнесом и наукой. Цель статьи — анализ механизмов обеспечения данного взаимодействия в рамках программы «Профессионалитет» на примере машиностроительного кластера Челябинской области. Методологическую основу составляют концепции Национальной инновационной системы и модели «Тройной/Четверной спирали». Эмпирическую базу формируют результаты кейс-стади ГБПОУ «Златоустовский индустриальный колледж им. П. П. Аносова» (далее — ГБПОУ «ЗлатИК им. П. П. Аносова») и нормативные акты Правительства Челябинской области. В работе выделены и классифицированы четыре группы механизмов: институционально-управленческие, финансово-экономические, научно-образовательные, кадровые. Доказано, что региональные власти трансформируют свою роль из директивного регулятора в сетевого интегратора. Выявлены институциональные барьеры в сфере привлечения производственников к педагогической деятельности. Предложены практические рекомендации для органов государственного управления по внедрению статуса «индустриального наставника» и механизмов сетевого преподавания.*

***Ключевые слова**: государственное управление, региональная инновационная система, тройная спираль, среднее профессиональное образование, Профессионалитет, образовательно-производственный кластер, кадровый суверенитет, государственно-частное партнёрство, индустриальное наставничество.*

Переход российской экономики на достижение технологического суверенитета актуализируют проблему подготовки инженерно-технических кадров для стратегически значимых отраслей промышленности [5]. В условиях санкционного давления и переориентации производственных цепочек особую значимость приобретают регионы с выраженной индустриальной специализацией, к числу которых традиционно относится Челябинская область.

Однако существующая модель подготовки кадров в системе среднего профессионального образования демонстрирует существенное отставание от динамики технологических запросов реального сектора. Классическая схема, при которой образовательные учреждения функционируют в режиме институциональной изоляции от предприятий-работодателей, приводит к структурному дисбалансу на рынке труда: с одной стороны, наблюдается избыток выпускников невостребованных специальностей, с другой — острый дефицит квалифицированных рабочих и техников, способных работать на современном оборудовании [3].

Федеральная программа «Профессионалитет», запущенная в 2022 году [1], стала масштабным управленческим экспериментом, направленным на институциональное сближение колледжей и предприятий через создание образовательно-производственных кластеров. Тем не менее в научной литературе по специальности «Государственное и муниципальное управление» недостаточно исследованы конкретные региональные практики интеграции СПО с якорными предприятиями тяжелого машиностроения. Остаются открытыми вопросы о трансформации роли региональной власти в новых сетевых конфигурациях, о конкретных управленческих и экономических инструментах, применяемых для снижения трансакционных издержек между бизнесом и образованием, а также о механизмах вовлечения научного сектора в процессы подготовки рабочих кадров.

Цель настоящего исследования — выявление и классификация механизмов обеспечения взаимодействия государства, образовательных учреждений СПО, промышленных предприятий и научных организаций в

рамках реализации программы «Профессионалитет» в машиностроительном кластере Челябинской области. Теоретическим фундаментом анализа выступают концепции инновационного развития. Ключевое значение имеет модель «Тройной спирали» (Triple Helix), разработанная Г. Ицковицем и Л. Лейдесдорфом и описывающая синергетический эффект от взаимодействия университетов, промышленности и государства [7]. В дальнейшем эта концепция была расширена до модели «Четвертой спирали», включающей институты гражданского общества [6]. В условиях российской действительности данная модель требует адаптации: исторически сложившееся разделение академической науки и высшего образования обуславливает необходимость рассматривать их как два самостоятельных, но взаимодополняющих элемента инновационной экосистемы.

Концепция национальных и региональных инновационных систем (НИС/РИС), основы которой заложены К. Фрименом и Б. Лундваллом, позволяет рассматривать кластеры как институциональные узлы, в которых концентрируются потоки знаний, технологий и человеческого капитала. В рамках теории государственно-частного партнёрства кластерный подход трактуется как форма сетевой кооперации, где региональные органы власти выступают не в роли директивного распределителя ресурсов, а в роли фасилитатора и интегратора [4].

Отдельного внимания заслуживает проблема институциональных барьеров. С позиций неоинституционализма взаимодействие разнородных агентов (коммерческих предприятий, бюджетных учреждений, научных организаций) сопряжено со значительными трансакционными издержками, обусловленными различиями в целях функционирования, системах мотивации и нормативных рамках. Минимизация данных издержек становится ключевой задачей региональной промышленной политики [10].

В качестве основного эмпирического объекта выбрано ГБПОУ «Златоустовский индустриальный колледж им. П.П. Аносова» (далее — ГБПОУ «ЗлатИК им. П.П. Аносова») — исторически сложившийся центр подготовки

кадров для металлургического и машиностроительного комплексов Южного Урала. Выбор данной образовательной организации обусловлен её участием в федеральной программе «Профессионалитет» и интеграцией в машиностроительный кластер Челябинской области.

В исследование включены методы анализа нормативно-правовых актов федерального и регионального уровней, изучения официальной отчётности образовательного учреждения, а также экспертного наблюдения за деятельностью Наблюдательного совета кластера. Анализ охватывает период 2022–2026 гг. и позволяет проследить динамику институциональных преобразований в системе СПО региона.

ГБПОУ «Златоустовский индустриальный колледж им. П.П. Аносова», носящий имя легендарного русского металлурга и создателя булатной стали, исторически выступает ядром подготовки инженерно-технических кадров для Южного горнозаводского кластера. В рамках реализации программы «Профессионалитет» колледж стал опорным элементом образовательно-производственного кластера машиностроения, аккумулирующим интересы якорных резидентов:

- АО «Златмаш» (входит в ГК «Росатом»).
- Златоустовский завод бетоносмесительного оборудования (ЗЗБО).
- ООО «Феррум-С».
- АО «УралАЗ» (Автомобильный завод «Урал», Группа ГАЗ).
- ООО НПП «Парус».
- ООО «Русская строительная компания».
- ООО «Завод Стройтехника».
- СПМУ-2.
- ЗАО «СМАРТ».

Синергетический эффект от объединения ресурсов государства, колледжа, промышленного сектора и научных организаций проявляется в формировании единого кадрового пространства, ориентированного на

выполнение государственного оборонного заказа и обеспечение технологического суверенитета региона.

Проведённый анализ позволил выделить четыре группы механизмов обеспечения взаимодействия в рамках кластера.

А) Институционально-управленческие механизмы. Правительство Челябинской области и региональное Министерство образования осуществляют координирующую функцию, выступают гарантом софинансирования и обеспечивают нормативно-правовую базу реализации проекта. Ключевым институтом управления становится Наблюдательный совет кластера, в состав которого на паритетных началах входят представители региональных органов власти, топ-менеджеры якорных предприятий и администрация колледжа. Регулярные (ежеквартальные) заседания совета выполняют функцию стратегической сессии, где утверждаются дорожные карты развития кластера, согласовываются перечни профессий и специальностей, синхронизируются образовательные программы с производственными циклами заводов.

Б) Финансово-экономические механизмы. Взаимодействие с бизнесом выходит за рамки традиционной практики предоставления мест для прохождения учебной практики. Предприятия-партнёры выступают в роли соинвесторов, осуществляя целевые корпоративные инвестиции в развитие материально-технической базы колледжа. Данные инвестиции направляются на закупку современных станков с ЧПУ, ремонт учебных мастерских, создание симуляционных центров и организацию корпоративных стипендиальных программ для наиболее успевающих студентов. С точки зрения ГМУ, данный механизм позволяет снизить нагрузку на региональный бюджет и обеспечить подготовку кадров под конкретные технологические стандарты предприятий ОПК.

В) Научно-образовательные механизмы. Поскольку фундаментальная наука не является профильной деятельностью для учреждений СПО, научная составляющая реализуется через интеграцию с высшей школой. Наличие партнёрских соглашений с опорным региональным вузом — Южно-Уральским

государственным университетом (ЮУрГУ) — позволяет выстроить непрерывную образовательную и научную траекторию. Студенты колледжа вовлекаются в прикладную научно-исследовательскую деятельность, участвуют в научных конференциях и занимают призовые места, что подтверждает эффективность симбиоза производственной базы колледжа и научного потенциала вуза.

Г) Кадровые механизмы. Привлечение высококвалифицированных инженеров с предприятий-партнёров к педагогической деятельности в колледже сталкивается с рядом институциональных барьеров, среди которых — жесткие требования профессиональных стандартов (наличие педагогического образования, специфического стажа) и значительный диспаритет в уровнях оплаты труда по сравнению с промышленностью.

4.3. Сравнительная характеристика моделей взаимодействия.

Для наглядности трансформации механизмов взаимодействия представлена сводная таблица, иллюстрирующая переход от традиционной модели СПО к кластерной конфигурации в рамках программы «Профессионалитет».

Таблица 1. Сравнительная характеристика моделей взаимодействия агентов в системе СПО.

Критерий сравнения	**Традиционная модель СПО**	**Кластерная модель («Профессионалитет»)**
Роль государства	Директивное регулирование, бюджетное финансирование	Сетевой интегратор, софинансирование, координация
Взаимодействие с бизнесом	Эпизодическое (практика, целевые направления)	Системное (соинвестирование, управление программами)
Участие бизнеса в управлении	Минимальное	Полноправное (Наблюдательные советы)

Критерий сравнения	**Традиционная модель СПО**	**Кластерная модель («Профессионалитет»)**
Финансирование МТБ	Исключительно за счёт бюджета	Смешанное: бюджет + средства предприятий
Научная составляющая	Формальная (в рамках учебных программ)	Прикладная НИД совместно с вузами
Обратная связь от работодателей	Запаздывающая (разрыв 3–5 лет)	Оперативная (в рамках производственных циклов)

Проведённое исследование позволяет сделать ряд содержательных выводов.

Первое. Программа «Профессионалитет» подтвердила свою эффективность как инструмент региональной промышленной и кадровой политики. Правительство Челябинской области, выступая в роли координатора и соинвестора, успешно снижает трансакционные издержки между бизнесом и системой СПО.

Второе. Институциональные механизмы (Наблюдательные советы) и финансовые инструменты (софинансирование МТБ, корпоративные стипендии) демонстрируют высокую адаптивность, обеспечивая синхронизацию образовательных программ с реальными производственными циклами предприятий ОПК и тяжелого машиностроения.

Третье. Интеграция СПО с вузами (ЮУрГУ) успешно закрывает запрос на научно-исследовательский компонент в подготовке современных рабочих и техников, создавая непрерывную образовательную траекторию «колледж → вуз → предприятие».

На основании полученных результатов сформулированы следующие практические рекомендации для Правительства и Министерства образования Челябинской области:

1. Разработка регионального статуса «Индустриальный наставник». Рекомендуется инициировать изменения в региональные нормативно-правовые акты, позволяющие привлекать высококвалифицированных инженеров

предприятий к преподаванию в СПО по упрощённым требованиям (без обязательного наличия педагогического образования) с сохранением их основного места работы и социальных гарантий.

2. Внедрение механизмов «совместной занятости» (сетевого преподавания). Создать правовые условия для распределения ставки преподавателя между колледжем и предприятием-партнёром, что позволит инженерам без отрыва от производства вести практические модули.

3. Учреждение региональных грантов на разработку совместных образовательных модулей. Стимулировать бизнес к участию в создании образовательного контента (методических материалов, симуляторов) за счёт целевого софинансирования со стороны Правительства Челябинской области.

4. Создание центров компетенций и инноваций на базе ГБПОУ «ЗлатИК им. П.П. Аносова». Использовать потенциал колледжа и вуза-партнёра для выполнения прикладных R&D-заказов от малого и среднего производственного бизнеса региона, что фактически замкнёт модель «Четвертой спирали» на региональном уровне.

5. Разработка системы мониторинга эффективности кластеров. Внедрить региональный рейтинг образовательно-производственных кластеров, оценивающий их по показателям трудоустройства выпускников, объёма софинансирования со стороны бизнеса и количества реализованных совместных научно-технических проектов.

Перспективы дальнейших исследований видятся в разработке методики количественной оценки эффективности механизмов ГЧП в региональных образовательных кластерах, а также в сравнительном анализе моделей «Профессионалитета» в различных промышленных регионах Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Распоряжение Правительства РФ от 22.04.2022 № 989-р «О проведении эксперимента по созданию образовательно-производственных центров (кластеров) в сфере среднего профессионального образования»
2. Указ Президента РФ от 25.04.2024 № 309 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере образования на период до 2030 года и дальнейшую перспективу»
3. Блинов В.И., Сергеев И.С. Среднее профессиональное образование: тренды, риски и перспективы развития // Образование и наука. 2023. Т. 25, № 5. С. 11–36.
4. Клейнер Г.Б. Институциональные основы сетевой экономики и государственно-частного партнерства // Вопросы экономики. 2022. № 4. С. 22–41.
5. Федулов В.В. Кадровый суверенитет как фактор технологического развития промышленного региона // Региональная экономика: теория и практика. 2024. Т. 22, вып. 3. С. 412–429.
6. Carayannis E.G., Campbell D.F. «Mode 3» and «Quadruple Helix»: toward a 21st century fractal innovation ecosystem // International Journal of Technology Management. 2009. Vol. 46, No. 3–4. P. 201–234.
7. Etzkowitz H., Leydesdorff L. The dynamics of innovation: from National Systems and «Mode 2» to a Triple Helix of university–industry–government relations // Research Policy. 2000. Vol. 29, No. 2. P. 109–123.
8. Министерство просвещения Российской Федерации. Официальный сайт. Раздел «Профессионалитет». URL: https://edu.gov.ru/activity/professionalitet/ (дата обращения: 16.06.2026)
9. Силин В.А., Новикова А.В. Сетевое взаимодействие в системе подготовки кадров для промышленности: региональный аспект // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 2. С. 88–109.

Teregulov T.D.
master's degree student
Department of Economics and Finance
South Ural Technological University
(Chelyabinsk, Russia)

«PROFESSIONALITET» AS A MECHANISM FOR INTERACTION AMONG SCIENCE, EDUCATION, BUSINESS, AND GOVERNMENT

Abstract: *in the current context of efforts to ensure Russia's technological and workforce sovereignty, regional authorities play an increasingly important role in coordinating interaction among education, business, and science. This article analyzes mechanisms supporting such interaction within the «Professionalitet» program, using the mechanical engineering cluster of Chelyabinsk region as a case study. The methodological framework draws on concepts of the National Innovation System and the Triple and Quadruple Helix models. The empirical basis comprises a case study of Zlatoust Industrial College named after Pavel Anosov (hereinafter, the College) and regulations issued by the Government of Chelyabinsk region. Four groups of mechanisms are identified and classified: institutional and administrative, financial and economic, scientific and educational, and workforce-related. The findings show that regional authorities are shifting from directive regulation toward network integration. Institutional barriers to engaging industry professionals in teaching are identified. Practical recommendations are proposed for public authorities on introducing the status of «industry mentor» and mechanisms for network-based teaching.*

Keywords: *public administration, regional innovation system, Triple Helix, secondary vocational education, Professionalitet, education-industry cluster, workforce sovereignty, public-private partnership, industry mentorship.*

УДК 33

Ткаленко В.И.

студентка 4 курса

кафедра экономики и внешнеэкономической деятельности

Кубанский государственный аграрный университет

им. И.Т. Трубилина

(г. Краснодар, Россия)

Научный руководитель:

Гурнович Т.Г.

доктор экономических наук, профессор

кафедра организации производства и инновационной деятельности

Кубанский государственный аграрный университет

им. И.Т. Трубилина

(г. Краснодар, Россия)

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ РИСК-МЕНЕДЖМЕНТ И АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

***Аннотация**: в статье рассматривается взаимосвязь между управлением рисками и антикризисным управлением: анализируется системный подход к выявлению, оценке и минимизации рисков как основа предотвращения кризисных ситуаций и повышения устойчивости организации. Показано, что управление рисками дополняет антикризисные меры, органично интегрируется в технологии, демонстрирует способность к выявлению зон повышенного риска, снижению потерь и выстраиванию гибких стратегий преодоления сложных ситуаций. В рамках разработки антикризисной стратегии особое внимание уделяется деталям управления проектными рисками и предлагаются соответствующие алгоритмы.*

***Ключевые слова**: управление рисками, антикризисное управление, проектный риск, антикризисная стратегия, устойчивость организации.*

В условиях современного экономического развития, характеризующегося высоким уровнем неопределенности и динамизма, вопрос эффективного управления рисками и антикризисного управления становится особенно актуальным.

Управление рисками – это комплексная система выявления, оценки и минимизации потенциальных угроз, которые могут негативно повлиять на деятельность вашей организации [15, с. 277].

Антикризисное управление является неотъемлемой частью стратегического планирования по предотвращению и преодолению кризисных ситуаций, которые могут возникнуть из-за реализации различных рисков.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что успешная работа любого предприятия во многом зависит от умения своевременно выявлять потенциальные угрозы и эффективно реагировать на возникающие кризисные ситуации.

В мировой экономике, где изменения происходят все быстрее и быстрее, традиционных методов управления рисками часто бывает недостаточно, и они требуют постоянного совершенствования и адаптации к новым вызовам [10, с. 250].

Статья посвящена всестороннему рассмотрению вопросов управления рисками и антикризисного управления, анализу современных подходов и методов, выявлению основных факторов, определяющих эффективность этих процессов в условиях нестабильной экономической среды.

Особое внимание будет уделено практическим аспектам реализации этих функций управления и их влиянию на общую устойчивость организации ПАО «ФосАгро».

«Фосагро» — российский химический холдинг. Полное наименование — Публичное акционерное общество «ФосАгро». Штаб-квартира — в Москве [13, с. 461].

Формирование холдинга было начато в 2001 году на базе одноимённой ассоциации потребителей апатитового концентрата: создателем выступала Group Menatep [9, с. 226].

В октябре 2012 года «ФосАгро» ввела в эксплуатацию комплекс по производству карбамида и газотурбинную электростанцию (ГТЭС) на своей площадке в Череповце Вологодской области [5, с. 620].

С 2013 по 2017 годы компания провела два вторичных публичных размещения (SPO). В 2013 году инвесторам было предложено 9% акций, принадлежащих семье Гурьевых. В 2017 году на бирже было продано ещё 4,5% уставного капитала «ФосАгро» По итогам второго SPO значительную часть размещаемых акций выкупил консорциум структур РФПИ и азиатских партнеров фонда [7, с. 207].

Группа «Фосагро» является одним из лидеров в мире по объемам выпуска фосфорсодержащих минеральных удобрений и высокосортного апатитового концентрата с содержанием P2O5 (39%), крупнейшим европейским производителем фосфорсодержащих удобрений (по суммарному объему мощностей производства) и одним из ведущих мировых производителей аммофоса и диаммонийфосфата [1, с. 121]. Холдинг представляет собой крупную вертикально-интегрированную структуру с полным циклом производства фосфорсодержащих минеральных удобрений от добычи фосфатного сырья до конечных продуктов (удобрения, кормовые фосфаты, фосфорная кислота) [3, с. 150].

В 2019 году предприятия Фосагро произвели рекордный объем минеральных удобрений и кормовых фосфатов — более 9,5 млн тонн (рост 6,1% к 2018 году). Производство апатитового и нефелинового концентратов в 2019 году выросло на 5,8% и достигло рекордного рубежа в 11,7 млн тонн [12, с. 461].

По данным Российской ассоциации производителей удобрений, 35% всех минеральных удобрений, приобретенных российскими аграриями, произведены компанией «Фосагро» [14].

Основные сведения об организации нашли отражение в рисунке 1.

Рисунок 1. Основные сведения о ПАО «ФосАгро».

Система управления рисками «ФосАгро» построена как часть всей системы внутреннего контроля и корпоративного управления [6, с. 204].

-Роль Совета директоров. Совет директоров играет важную роль – определяет общие потребности компании в области управления рисками, утверждает ключевые подходы и регулярно анализирует важные риски и меры по их минимизации.

-Комитет по аудиту при Совете директоров оценивает эффективность процедур управления рисками и внутреннего контроля и разрабатывает предложения по их совершенствованию.

-Исполнительные органы. На уровне руководства существует комитет по рискам, который анализирует состояние управления рисками и эффективность принимаемых мер, а затем разрабатывает рекомендации для руководства и совета директоров.

-Управление рисками и внутренний контроль. Служба координирует весь процесс: контролирует реализацию мероприятий, контролирует их выполнение, готовит комплексные отчеты для совета директоров и органов исполнительной власти.

-Начальник отдела. Они выявляют риски в своей функциональной области и несут ответственность за эффективное выполнение процедур контроля.

Для оценки состояния бизнеса важно анализировать его финансово-хозяйственную деятельность, что может поспособствовать предупреждению и пресечению рисков (таблица 1).

Таблица 1. Основные результаты финансово-хозяйственной деятельности ПАО «ФосАгро».

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. к 2023 г.	
				Абсолютное отклонение, (+, -)	Темп роста, %
Выручка, тыс. руб.	111083000	71774400	65994900	-45088100	59,41
Себестоимость, тыс. руб.	4193050	6017010	4926530	733480	117,49
Валовая прибыль, тыс. руб.	106890000	65757400	61068400	-45821600	57,13
Уровень валовой прибыли, %	96,23	109,15	92,54	-3,69	96,16
Прибыль от продаж, тыс. руб.	106890000	65757400	61068400	-45821600	57,13
Уровень прибыли от продаж, %	96,23	91,62	92,54	-3,69	96,16
Проценты к получению, тыс. руб.	68874600	15589500	34337100	-34537500	49,85
Проценты к уплате, тыс. руб.	5048470	8641230	24591500	19543030	487,11
Прочие доходы, тыс. руб.	43061	13874200	11130500	11087439	25848,22

Показатель	2023 г.	2024 г.	2025 г.	2025 г. к 2023 г.	
				Абсолютное отклонение, (+, -)	Темп роста, %
Прочие расходы, тыс. руб.	9873870	12971300	5769040	-4104830	58,43
Прибыль до налогообложения, тыс. руб.	98898600	73608600	76175500	-22723100	77,02
Уровень прибыли до налогообложения, %	89,03	10,26	115,43	26,4	129,65
Налог на прибыль, тыс. руб.	2049110	1057180	-3617980	-5667090	-
Чистая прибыль, тыс. руб.	100948000	74665800	72557500	-28390500	71,88
Уровень чистой прибыли, %	90,88	10,40	109,94	19,06	120,97

Анализ данных таблицы показал, что основными проблемами являются снижение объема выручки, рост затрат и долговой нагрузки. Несмотря на рост прочих доходов и уменьшение некоторых расходов, основная деятельность становится менее эффективной.

Компания ПАО «ФосАгро» выстраивает систему управления комплексно, связывая с бизнес-целями и соблюдая баланс между защитой от потерь и сохранением возможностей для роста [2, с. 581].

Для каждого типа риска в компании применяются свои методы. Рассмотрим подходы к управлению конкретными рисками на примере организации ПАО «ФосАгро» в таблице 2.

Таблица 2. Подходы к управлению конкретными рисками на примере ПАО «ФосАгро».

Валютный риск	Процентный риск	Кредитный риск
«ФосАгро» использует натуральное хеджирование: структура долгового финансирования согласована с валютной структурой выручки. При необходимости компания хеджирует валютные позиции, заключая договоры кредитования в тех же валютах, в которых заключены договоры на реализацию продукции. Также ведётся мониторинг прогнозов аналитиков и факторов, влияющих на курс рубля.	Компания анализирует структуру долгового портфеля, в том числе долю обязательств с плавающей процентной ставкой. При необходимости применяются инструменты хеджирования для сглаживания колебаний процентных расходов.	Для минимизации этого риска применяются: согласование условий поставки с полной или частичной предоплатой, полное или частичное страхование кредитного риска, использование аккредитивов.

Когда в организации одновременно падают продажи, растут издержки и увеличиваются долги – можно сказать, что это признак финансового кризиса на предприятии. Если не принять срочные меры, компании грозит банкротство. Чтобы решить данную проблему, можно действовать в два этапа:

-экстренные меры (чтобы остановить падение и «выжить» в ближайшие несколько месяцев),

-стратегические меры (для долгосрочного «оздоровления» организации).

Нужно начинать бороться со снижением выручки, т.е. увеличивать приток денег: пересмотреть ценовую политику. Возможно, цены устарели, а возможно, из-за высокой конкуренции организация потеряла объем. Так же можно попробовать бороться с неликвидными позициями: их убрать и добавить то, что сейчас востребовано [4, с. 100].

Оптимизировать затраты так же важно, потому что рост затрат при падающей выручке уничтожает маржинальность. В первую очередь нужно избавиться от того, что не генерирует прибыль прямо сейчас (например, аренда избыточных площадей, сокращение представительских и административных

расходов). Попытаться снизить закупочные цены за счет увеличения объемов приобретаемой продукции или изменения условий оплаты [11, с. 122].

Сочетание сокращения доходов, увеличения расходов и тяжелого долгового бремени приводит к системному кризису финансовой стабильности в организации. Эти проблемы не существуют изолированно - они усиливают друг друга и образуют порочный круг: снижение доходов ограничивает способность окупать затраты, поэтому компании вынуждены занимать деньги, чтобы еще больше увеличить долговую нагрузку и отвлечь ресурсы от развития [8, с. 396]. Без систематических изменений эти проблемы усугубятся и поставят под угрозу долгосрочное существование бизнеса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Адлер Ю.П. Альтернативный менеджмент: путь к глобальной конкурентоспособности. М.: Альпина Паблишер, 2023. С. 120–122.
2. Бобков А.Л. Инновации и повышение конкурентоспособности промышленности России. М.: Дашков и К, 2020. С. 579–585.
3. Березин А. Инновационно-инструментальный механизм повышения конкурентоспособности. М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2023. С. 147–156.
4. Бондаренко С.И. Конкурентоспособность продукции металлургического комплекса России. М.: Научная книга, 2022. С. 99–104.
5. Ботнарюк М.В. Критерии конкурентоспособности морского транспортного узла в контексте специфики его деятельности и взаимоотношений с покупателями услуг. М.: Синергия, 2022. С. 618–627.
6. Даниленко Н.Н. Конкурентоспособность предприятий сферы услуг: теория и методика оценки: монография. М.: Русайнс, 2022. С. 204–206.
7. Иванова В.Н. Импортозамещение продукции АПК. Факторы конкурентоспособности. М.: Финансы и статистика, 2021. С. 205–212.

8. Каганов В.Ш. Информационные технологии как инструмент повышения конкурентоспособности образовательных программ в системе корпоративного обучения. М.: Синергия, 2020. С. 396–397.

9. Конкурентоспособность территорий: материалы XXIII Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 27–30 апреля 2020 г.). Ч. 2: Направления: 05. Проблемы современного естествознания, 06. Маркетинг и менеджмент: инновации, конкуренция, угрозы и возможности, 07. Социальное измерение конкурентоспособности / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации [и др.], отв. за вып.: Силин Я.П., Дворядкина Е.Б. Екатеринбург: Издательство УрГЭУ, 2020. С. 224–232: рис., табл. Библиогр. в конце ст. Библиогр. в примеч.

10. Конкурентоспособность территорий: материалы XXIII Всероссийского экономического форума молодых ученых и студентов (Екатеринбург, 27–30 апреля 2020 г.). Ч. 3: Направления: 10. Правовой базис конкурентоспособности территорий, 11. Финансовые рынки, технологии и институты в конкурентной среде цифровой экономики, 12. Налоговая политика, бухгалтерский учет и аудит в конкурентной экономике, 13. Антимонопольное регулирование и развитие конкуренции, 14. Трансформация фирм и рынков: стратегии, модели и практики / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации [и др.], отв. за вып.: Силин Я.П., Дворядкина Е.Б. Екатеринбург: Издательство УрГЭУ, 2020. С. 250–256.

11. Кудрявцев К.А. Государственное регулирование – фактор повышения конкурентоспособности (на примере товарного рынка нефтепродуктов). М.: Синергия, 2021. С. 121–123.

12. Лифиц И.М. Конкурентоспособность товаров и услуг. М.: Высшее образование, Юрайт, 2021. С. 454–464.

13. Максимова В.Ф. Микроэкономика: учебник. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Университет Синергия, 2020. С. 459–466.

14. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (с изменениями, последняя редакция). Принят Государственной Думой 08.07.2006,

одобрен Советом Федерации 14.07.2006. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/.

15. Орехов С.А. Интеграции коммерческих банков в финансово-промышленных группах как механизм повышения конкурентоспособности российского бизнеса: моногр. М.: Синергия, 2023. С. 276–282.

Tkalenko V.I.
student of 4th year
Department of Economics and Foreign Economic Activity
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Krasnodar, Russia)

Scientific advisor:
Gurnovich T.G.
PhD in Economics, Professor
Department of Production Organization and Innovation Activity
Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin
(Krasnodar, Russia)

INTEGRATED RISK MANAGEMENT AND CRISIS MANAGEMENT OF ENTERPRISE OPERATIONS

Abstract: *this article examines the relationship between risk management and crisis management. It analyzes a systematic approach to identifying, assessing, and mitigating risks as a basis for preventing crises and strengthening organizational resilience. Risk management is shown to complement crisis management measures, integrate naturally into management practices, and help identify high-risk areas, reduce losses, and develop flexible strategies for overcoming difficult situations. In developing a crisis management strategy, particular attention is paid to the specifics of project risk management, and corresponding algorithms are proposed.*

Keywords: *risk management, crisis management, project risk, crisis management strategy, organizational resilience.*

УДК 338.43

Шишкин К.Е.

студент

факультет экономики и информационных технологий

Пермский государственный аграрно-технологический университет

им. ак. Д.Н. Прянишникова

(г. Пермь, Россия)

РЕСТРУКТУРИЗАЦИЯ КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ АНТИКРИЗИСНОГО УПРАВЛЕНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ

***Аннотация**: в статье рассмотрены вопросы применения реструктуризации в системе антикризисного управления сельскохозяйственным предприятием. На примере Агрофирмы «Усадьба» проведен анализ основных производственных и финансово-экономических показателей за 2023–2025 гг. Определены основные направления повышения эффективности деятельности предприятия, позволяющие укрепить финансовую устойчивость и снизить влияние внешних рисков.*

***Ключевые слова**: реструктуризация, антикризисное управление, сельское хозяйство, эффективность производства, финансовая устойчивость.*

Раздел 1 Теоретико-методологический обзор реструктуризации и антикризисного управления предприятием.

1.1 Понятие и значение реструктуризации и антикризисного управления предприятием.

В условиях современной экономики устойчивость функционирования предприятия во многом определяется его способностью своевременно адаптироваться к изменениям внешней и внутренней среды. Рыночная ситуация может изменяться под воздействием колебаний спроса, изменения цен на сырье и материалы, усиления конкурентной борьбы, изменения законодательства,

технологического развития и других факторов. Для предприятий агропромышленного комплекса особое значение имеют сезонность производства, зависимость от природно-климатических условий, изменение стоимости кормов, топлива, энергетических ресурсов и сельскохозяйственного сырья. В совокупности указанные обстоятельства обусловливают необходимость постоянного контроля экономического состояния предприятия и разработки механизмов предупреждения кризисных ситуаций [6, с. 162].

Кризис в деятельности предприятия представляет собой состояние, при котором нарушается нормальное функционирование отдельных элементов хозяйственной системы и возникает угроза снижения эффективности деятельности, потери платежеспособности, финансовой устойчивости и конкурентоспособности. При этом кризис не всегда означает непосредственную угрозу банкротства. Он может проявляться в снижении темпов роста выручки, увеличении себестоимости продукции, ухудшении использования производственных мощностей, росте задолженности, снижении рентабельности или сокращении рыночной доли предприятия [7, с. 81].

Следовательно, важным условием устойчивого развития является не только устранение последствий уже возникшего кризиса, но и его предварительная диагностика. Система антикризисного управления должна обеспечивать выявление негативных тенденций на ранних стадиях, определение причин их возникновения и разработку мероприятий, позволяющих предотвратить дальнейшее ухудшение состояния предприятия [8, с. 112].

Антикризисное управление можно определить как комплекс управленческих решений и мероприятий, направленных на предупреждение, выявление и преодоление кризисных явлений, обеспечение финансовой устойчивости и восстановление эффективности деятельности организации. Его содержание связано с управлением финансовыми, производственными, трудовыми, инвестиционными и организационными ресурсами предприятия.

Основной целью антикризисного управления является обеспечение устойчивого функционирования предприятия в условиях воздействия неблагоприятных факторов. В зависимости от конкретной ситуации данная цель может реализовываться через различные направления: повышение эффективности производства, сокращение затрат, оптимизацию организационной структуры, совершенствование управления денежными потоками, снижение долговой нагрузки, увеличение объемов продаж, изменение продуктовой политики и проведение реструктуризации [11, с. 56].

Особое место в системе антикризисного управления занимает реструктуризация предприятия. Она представляет собой комплекс взаимосвязанных изменений в структуре и организации деятельности предприятия, направленных на повышение эффективности его функционирования и адаптацию к изменяющимся условиям хозяйствования.

Реструктуризация может затрагивать практически все основные элементы деятельности организации. В частности, изменения могут осуществляться в организационной, производственной, финансовой, имущественной, кадровой и маркетинговой сферах. В зависимости от целей и характера проводимых мероприятий реструктуризация может быть направлена как на устранение уже существующих проблем, так и на предупреждение их возникновения в будущем [9, с. 95].

Важной особенностью реструктуризации является ее комплексный характер. Отдельное сокращение затрат или изменение организационной структуры не всегда приводит к устойчивому улучшению положения предприятия. Для получения долгосрочного эффекта необходимо рассматривать взаимосвязь между производством, финансами, персоналом, снабжением, сбытом и управлением [13, с. 230].

Итак, снижение затрат на производство может положительно повлиять на прибыль предприятия, однако чрезмерное сокращение расходов на техническое обслуживание оборудования способно привести к увеличению аварий и простоев. Аналогичным образом сокращение численности персонала

может уменьшить фонд оплаты труда, но при недостаточной численности работников способно привести к снижению производительности и качества продукции. Поэтому антикризисные мероприятия должны основываться на комплексной оценке последствий принимаемых решений.

Одним из важнейших направлений реструктуризации является организационная реструктуризация. Она предполагает изменение структуры управления предприятием, перераспределение функций и ответственности между подразделениями, устранение дублирования управленческих функций и совершенствование внутренних коммуникаций.

Организационная структура должна соответствовать масштабам деятельности и стратегическим задачам предприятия. При чрезмерно сложной структуре увеличивается количество управленческих уровней, замедляется процесс принятия решений и возрастает объем административных расходов. В то же время чрезмерное сокращение управленческих подразделений может привести к снижению качества контроля и координации деятельности.

Для предприятия, функционирующего в составе сельскохозяйственного агрохолдинга, организационная реструктуризация может иметь особое значение. В данном случае необходимо обеспечить согласованное взаимодействие между сельскохозяйственными подразделениями, производственными предприятиями, подразделениями снабжения, логистики и реализации продукции. Централизация отдельных функций может способствовать сокращению затрат и повышению управляемости, однако при этом необходимо сохранять оперативность принятия решений на уровне производственных подразделений.

Другим направлением является производственная реструктуризация. Она предполагает изменение состава и структуры производственных мощностей, оптимизацию производственных процессов, повышение загрузки оборудования, модернизацию технологических линий и отказ от неэффективных видов деятельности [13, с. 230].

Производственная реструктуризация особенно важна для предприятий пищевой промышленности, поскольку эффективность их деятельности непосредственно зависит от рационального использования сырья, оборудования, производственных помещений и трудовых ресурсов. Повышение эффективности может достигаться за счет сокращения производственных потерь, уменьшения простоев оборудования, совершенствования технологических процессов и увеличения выхода готовой продукции из единицы сырья [5, с. 55].

Для мясоперерабатывающего предприятия существенное значение имеет организация непрерывного производственного цикла. Сельскохозяйственное сырье должно своевременно поступать на переработку, а готовая продукция — реализовываться в оптимальные сроки. Нарушение любого звена производственно-сбытовой цепочки может привести к увеличению затрат и снижению финансового результата [12, с. 199].

Следующим направлением является финансовая реструктуризация. Ее основная задача заключается в оптимизации структуры источников финансирования, снижении финансовой нагрузки и обеспечении достаточного объема денежных средств для текущей деятельности и развития предприятия.

Финансовая реструктуризация может включать изменение структуры задолженности, пересмотр условий кредитования, оптимизацию дебиторской и кредиторской задолженности, повышение эффективности управления оборотным капиталом и совершенствование бюджетирования.

Таким образом, антикризисное управление представляет собой непрерывный процесс, а не разовую процедуру. Даже при отсутствии выраженных кризисных явлений предприятие должно осуществлять постоянный мониторинг своего состояния.

1.2 Реструктуризация в системе антикризисного управления.

В сложившейся обстановке механизмы антикризисного управления стали очень востребованы.

Одним из таких методов является реструктуризация. Сущность данного метода заключается в целенаправленном изменении структуры хозяйствующего субъекта и входящих в нее элементов, которые формируют ее бизнес процессы. Как уже отмечалось, к данному методу прибегают лишь в крайних случаях. Причинами, из-за которых может быть начат данный процесс, могут служить низкая эффективность компании, которая в свою очередь выражается в высоком уровне кредиторской и дебиторской задолженности, крайне низких экономических показателях, а также постоянная дефицит ликвидных активов. Непосредственно сам процесс реструктуризации включает в себя целый ряд комплексов мероприятий производственного, организационного и управленческого характера.

Сами методы проведения реструктуризации во много определяются от целей, которые преследует компания, и от его видения стратегии долгосрочного развития. Так по уровню проводимых изменений в структуре компании выделяют оперативную и стратегическую реструктуризацию.

Оперативная реструктуризация изменение структуры компании с целью ее финансового оздоровления. Данный вид реструктуризации проводится за счет собственных средств копании. Дополнительные средства обычно привлекаются за счет снижения издержек, а также продажи непрофильных бизнесов. Проведение оперативной реструктуризации способствует улучшению финансовых показателей компании в краткосрочном периоде и подготавливает почву для проведения стратегической реструктуризации [10, с. 103].

Что же касается стратегической реструктуризации, то этот процесс включает в себя комплекс мер, направленных на повышение инвестиционной привлекательности компании, для привлечения дополнительного финансирования и увеличению конкурентных преимуществ.80 Как можно заметить, данный процесс направлен на достижение долгосрочных целей.

В результате успешной стратегической реструктуризации компания может рассчитывать на увеличение ее будущих доходов, и, вследствие, ее капитализации.

Оперативная и стратегическая реструктуризация могут затрагивать как весь бизнес, так и его отдельные элементы. Поэтому выделяют ее следующую классификацию по масштабам: комплексная и частичная реструктуризация.

Комплексная реструктуризация представляет собой капиталоемкий и долгосрочный процесс, который направлен на полное изменение всех элементов бизнеса. Частичная реструктуризация, в отличии от комплексной, затрагивает не всю компанию в целом, а лишь некоторые ее бизнес процессы. Стоит отметить, что даны вид реструктуризации приводит в основном лишь к локальным результатам и может быть неэффективна в рамках всей компании.

Основной целью проведения реструктуризации является повышение эффективности компании, и увеличение его конкурентных преимуществ. В долгосрочной перспективе реструктуризация призвана улучшить финансовые показатели компании и вывести его тем самым из кризисного положения. Непосредственно само банкротство имеет все признаки комплексной реструктуризации, а значит является одним из методов комплексной реструктуризации и позволяет анализировать и рассматривать его как один из возможных альтернатив. При этом нужно рассмотреть все возможные методы антикризисного управления, как классические методы, так и в рамках процедуры банкротства. Этот подход дает преимущество при определении стратегии финансового оздоровления компании и помогает взвесить возможные варианты выхода из кризисной ситуации и вероятностных оценок исходов каждой из альтернативных стратегий, в том числе процедуры банкротства [15, с. 57].

Таким образом, банкротство является одним из официальных методов антикризисного управления компанией. Банкротство далеко не всегда сопровождается полной ликвидацией компании. Институт банкротства служит

целям устранения из гражданского оборота нерентабельных субъектов, независимо от того, даст ли это государству какую-либо прибыль, и восстановления нормального функционирования потенциально рентабельных, даже если это сопряжено с определенными затратами.

Раздел 2 Нормативно-правовой обзор реструктуризации и антикризисного управления предприятием.

Правовое регулирование реструктуризации и антикризисного управления предприятиями в Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую в себя нормы различных отраслей права. Отсутствие единого кодифицированного акта, посвящённого исключительно вопросам восстановления платежеспособности юридических лиц, объясняется комплексным характером данных правоотношений, которые затрагивают интересы государства, кредиторов, собственников, работников и контрагентов предприятия-должника. В связи с этим возникает объективная необходимость системного анализа действующего законодательства с целью выявления основных правовых инструментов, применяемых при осуществлении антикризисных процедур.

Основополагающее значение в системе нормативно-правовых актов, регулирующих антикризисное управление, принадлежит Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая Гражданского кодекса, принятая 30 ноября 1994 года, устанавливает базовые принципы организации и деятельности юридических лиц, правовой статус их органов управления, а также основания и порядок прекращения обязательств. В частности, статьи 57–60 Гражданского кодекса детально регламентируют процедуры реорганизации в формах слияния, присоединения, разделения, выделения и преобразования, которые зачастую выступают в качестве составной части организационной реструктуризации проблемного предприятия [1].

Кроме того, положения Гражданского кодекса о сделках и договорах имеют принципиальное значение при заключении мировых соглашений, осуществлении новации, отступного или прощения долга, поскольку именно эти гражданско-правовые конструкции позволяют сторонам гибко изменять условия существующих обязательств в целях предотвращения банкротства. Нельзя также обойти вниманием нормы Гражданского кодекса, посвящённые обеспечению исполнения обязательств, поскольку предоставление надлежащего обеспечения является обязательным условием для введения процедуры финансового оздоровления или предоставления отсрочки по налоговым платежам. Таким образом, гражданское законодательство создаёт универсальную правовую среду, в рамках которой возможно осуществление любых законных мероприятий по восстановлению хозяйственной деятельности компании [1].

Финансовое оздоровление, вводимое на основании решения собрания кредиторов, предполагает утверждение графика погашения задолженности и предоставление должнику возможности самостоятельно распоряжаться имуществом при условии наличия надлежащего обеспечения исполнения обязательств, что существенно ограничивает риски кредиторов и повышает дисциплину должника. Внешнее управление представляет собой более глубокую форму вмешательства в хозяйственную деятельность предприятия, поскольку предусматривает отстранение прежних органов управления и назначение внешнего управляющего, наделённого широкими полномочиями по распоряжению имуществом должника, заключению сделок и разработке плана внешнего управления. Принципиальным положением является также норма о моратории на удовлетворение требований кредиторов, который вводится одновременно с процедурой внешнего управления и позволяет предприятию временно освободиться от текущих платежей, направив высвободившиеся средства на погашение основного долга и восстановление производства. Важно подчеркнуть, что указанный закон также детально регламентирует процедуру заключения мирового соглашения, которое может быть подписано на любой стадии арбитражного процесса и является наиболее

гибким инструментом внесудебного урегулирования конфликта между должником и кредиторами, поскольку стороны вправе согласовать любые условия, не противоречащие императивным нормам законодательства.

Существенная роль в правовом регулировании реструктуризации принадлежит также налоговому законодательству, прежде всего Налоговому кодексу Российской Федерации. В условиях экономической нестабильности именно налоговая задолженность нередко становится критическим фактором, приводящим к банкротству предприятия, поэтому законодатель предусмотрел специальные механизмы смягчения налогового бремени. Статья 64 Налогового кодекса допускает предоставление отсрочки или рассрочки по уплате налогов и сборов на срок до одного года при наличии оснований, предусмотренных законом, включая угрозу банкротства или невозможность единовременной уплаты налога в установленный срок. Более долгосрочным инструментом выступает инвестиционный налоговый кредит, который регламентируется статьёй 67 Налогового кодекса и позволяет организации уменьшать свои платежи по налогу на прибыль и региональным налогам в течение периода от одного года до пяти лет при условии осуществления инвестиционной деятельности или выполнения особо важного заказа. Данный механизм особенно ценен для антикризисного управления, поскольку он не только облегчает текущее финансовое положение предприятия, но и стимулирует его к модернизации производства и поиску новых источников дохода. Помимо этого, Налоговый кодекс закрепляет порядок списания безнадёжных долгов по налогам и сборам, что также может быть использовано в рамках реструктуризации при отсутствии реальной возможности взыскания. Следует учитывать, что решение о предоставлении налоговых преференций принимается уполномоченными органами в индивидуальном порядке и требует предоставления развёрнутого обоснования финансового состояния предприятия, что делает данный инструмент хотя и эффективным, но достаточно сложным в применении [3].

В антикризисном контексте особое значение приобретают нормы, касающиеся увеличения уставного капитала за счёт дополнительных вкладов участников или размещения дополнительных акций, поскольку привлечение дополнительного финансирования от собственников является одним из наиболее надёжных способов восстановления платежеспособности предприятия без привлечения сторонних кредиторов. Одновременно с этим корпоративное законодательство устанавливает жёсткие ограничения на совершение сделок с заинтересованностью и крупных сделок, которые требуют одобрения общего собрания участников или совета директоров, что направлено на предотвращение вывода активов в преддверии банкротства и защиту прав миноритарных акционеров. Важно отметить, что реорганизация в форме выделения или разделения также регулируется корпоративными законами и предполагает составление передаточного акта и разделительного баланса, что позволяет отделить убыточные активы от прибыльных и тем самым повысить инвестиционную привлекательность оставшейся части бизнеса. Такие корпоративные процедуры активно используются в практике антикризисного управления как правовой инструмент структурной перестройки компании.

Таблица 1. Финансовая отчетность. Отчет о финансовых результатах.

Пояснения	Наименование показателя	Код строки	За 2025 г.	За 2024 г.
1	2	3	4	5
	Выручка	2110	8 733	7 592
	Расходы по обычным видам деятельности	2120	(6 424)	(5 992)
	Прочие доходы	2340	0	310
	Прочие расходы	2350	(140)	(43)

Пояснения	Наименование показателя	Код строки	За 2025 г.	За 2024 г.
	Налог на прибыль (доходы) организаций	2410	0	(115)
	Чистая прибыль (убыток)	2400	2 169	1 752

Таблица 2. Бухгалтерский баланс.

Пояснения	Наименование показателя	Код строки	На 31 декабря 2025 г.	На 31 декабря 2024 г.	На 31 декабря 2023 г.
1	2	3	4	5	6
АКТИВ					
	Материальные внеоборотные активы	1150	566	578	590
	Запасы	1210	863	738	387
	Денежные средства и денежные эквиваленты	1250	492	632	1 827
	Финансовые и другие оборотные активы	1240	1 752	2 312	1 791
	БАЛАНС (актив)	1600	3 673	4 260	4 595
ПАССИВ					
	Капитал	1300	2 346	3 683	4 026
	Краткосрочные заемные средства	1510	0	500	500
	Краткосрочная кредиторская задолженность	1520	1 327	77	69
	БАЛАНС (пассив)	1700	3 673	4 260	4 595

Значительное место в системе правового регулирования занимают также нормы трудового законодательства, поскольку любое антикризисное управление неизбежно сопровождается оптимизацией штатной численности и изменением условий труда работников.

Трудовой кодекс Российской Федерации в главе 27 регламентирует порядок высвобождения работников при сокращении численности или штата, включая обязательные уведомительные процедуры, выплату выходных пособий и предоставление преимущественного права на оставление на работе [2].

Соблюдение данных требований имеет критическое значение, поскольку нарушения трудовых прав работников могут служить основанием для привлечения работодателя к административной и материальной ответственности, а также для оспаривания законности самой реструктуризации [2].

Вместе с тем Трудовой кодекс допускает возможность изменения определённых сторонами условий трудового договора по причинам, связанным с изменением организационных или технологических условий труда, что может быть использовано для временного перевода работников на неполный рабочий день или неполную рабочую неделю в целях сохранения коллектива в период финансовых затруднений [2].

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование деятельности арбитражных управляющих, которые являются ключевыми фигурами в судебных процедурах банкротства. Федеральный закон от 30 декабря 2008 года № 296-ФЗ «О саморегулируемых организациях арбитражных управляющих» устанавливает требования к кандидатам в арбитражные управляющие, порядок их страхования ответственности и контроля за их деятельностью со стороны саморегулируемых организаций. Данный нормативный акт имеет прямое отношение к антикризисному управлению, поскольку от профессионализма и добросовестности управляющего напрямую зависит эффективность восстановительных процедур и степень сохранности имущества должника. Кроме того, законодатель предусматривает возможность привлечения арбитражного управляющего к административной и уголовной ответственности за нарушение законодательства о банкротстве, что служит дополнительной гарантией законности проводимых мероприятий.

Нельзя обойти вниманием и уголовно-правовой аспект антикризисного управления, поскольку неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное и фиктивное банкротство являются уголовно наказуемыми деяниями в соответствии со статьями 195–197 Уголовного кодекса Российской Федерации. Наличие этих норм создаёт превентивный эффект и препятствует недобросовестным собственникам и менеджерам использовать процедуры реструктуризации и банкротства для уклонения от исполнения обязательств перед кредиторами. В правоприменительной практике всё чаще встречаются случаи оспаривания сделок должника, совершённых в течение трёх лет до возбуждения дела о банкротстве, что является важным механизмом защиты имущественных прав кредиторов и восстановления справедливости в распределении конкурсной массы.

Подводя итог нормативно-правовому обзору, следует заключить, что действующее российское законодательство создаёт достаточно прочную и разветвлённую правовую основу для проведения реструктуризации и антикризисного управления предприятиями. Основу данной системы составляют Гражданский кодекс как фундаментальный акт, регулирующий имущественные и корпоративные отношения, Федеральный закон о банкротстве как специализированный закон, устанавливающий процедуры судебной санации, и Налоговый кодекс, предоставляющий фискальные инструменты для облегчения долговой нагрузки. Вместе с тем комплексный характер указанных правоотношений требует от практикующих специалистов глубоких познаний в различных отраслях права и умения применять их в системном единстве. Совершенствование законодательства в данной сфере продолжается: в последние годы приняты важные поправки, направленные на повышение эффективности процедур финансового оздоровления, упрощение внесудебного банкротства и усиление ответственности контролирующих лиц.

Итак, дальнейшее развитие правового регулирования должно идти по пути гармонизации судебных и внесудебных механизмов восстановления платёжеспособности, а также создания более доступных инструментов реструктуризации для субъектов малого и среднего предпринимательства, что особенно актуально в условиях современных экономических вызовов.

Раздел 3 Индивидуальное задание. Анализ реструктуризации и антикризисного управления предприятием.

Для анализа реструктуризации и антикризисного управления приведем показатели размера предприятия.

Основные сведения и данные приведены в Приложении 1.

В первую очередь рассмотрим изменение финансовых результатов предприятия. В 2025 году выручка составила 8 733 тыс. руб., тогда как в 2024 году она была равна 7 592 тыс. руб. Таким образом, прирост выручки составил 1 141 тыс. руб., или около 15%. Это свидетельствует об увеличении объемов реализации продукции либо росте отпускных цен, что положительно характеризует деятельность предприятия. Одновременно расходы по обычным видам деятельности увеличились с 5 992 до 6 424 тыс. руб., то есть на 432 тыс. руб. Несмотря на рост затрат, темпы увеличения расходов оказались значительно ниже темпов роста выручки, благодаря чему предприятие смогло существенно улучшить финансовый результат.

Чистая прибыль организации выросла с 1 752 тыс. руб. в 2024 году до 2 169 тыс. руб. в 2025 году. Абсолютный прирост составил 417 тыс. руб., или почти 24%. Подобная динамика свидетельствует о повышении эффективности хозяйственной деятельности и подтверждает, что предприятие успешно контролирует уровень производственных затрат. Кроме того, в 2025 году отсутствовали расходы по налогу на прибыль, отраженные в отчете о финансовых результатах, тогда как годом ранее они составляли 115 тыс. руб., что также оказало положительное влияние на величину чистой прибыли.

Дополнительную информацию о финансовом состоянии позволяет получить анализ бухгалтерского баланса. Стоимость имущества предприятия за 2025 год уменьшилась с 4 260 до 3 673 тыс. руб. Уменьшение валюты баланса на 587 тыс. руб. обусловлено изменениями в структуре активов и источников их формирования. При этом сокращение валюты баланса само по себе не свидетельствует об ухудшении финансового положения, поэтому необходимо рассмотреть изменение отдельных статей.

Материальные внеоборотные активы снизились с 578 до 566 тыс. руб. Незначительное уменьшение стоимости основных средств может быть связано с начислением амортизации либо выбытием части имущества без существенного обновления основных фондов. Одновременно значительно увеличилась стоимость запасов – с 738 до 863 тыс. руб. Рост составил 125 тыс. руб., или около 17%. Для сельскохозяйственного предприятия подобное изменение может быть обусловлено увеличением запасов сырья, кормов, готовой продукции или материалов, необходимых для обеспечения непрерывного производственного процесса.

Денежные средства сократились с 632 до 492 тыс. руб., однако наиболее существенные изменения произошли по статье финансовых и других оборотных активов, величина которых уменьшилась с 2 312 до 1 752 тыс. руб. Снижение данной статьи может свидетельствовать об уменьшении дебиторской задолженности либо иных финансовых вложений, что нередко рассматривается как положительная тенденция, поскольку предприятие переводит ранее отвлеченные средства в реальные денежные поступления. Вместе с тем снижение денежных средств требует постоянного контроля платежеспособности организации.

Анализ структуры источников формирования имущества показывает неоднозначную ситуацию. Собственный капитал предприятия сократился с 3 683 до 2 346 тыс. руб. Несмотря на получение прибыли, уменьшение капитала связано с внутренними изменениями структуры собственного капитала, отраженными в бухгалтерском балансе.

Одновременно предприятие полностью погасило краткосрочные заемные средства, величина которых снизилась с 500 тыс. руб. до нуля. Это является положительным результатом, поскольку организация избавилась от краткосрочной кредитной нагрузки и уменьшила зависимость от заемных источников финансирования.

Однако одновременно произошло значительное увеличение кредиторской задолженности. Если в 2024 году она составляла всего 77 тыс. руб., то в 2025 году достигла 1 327 тыс. руб. Рост оказался весьма существенным. Такая ситуация может быть связана с увеличением расчетов с поставщиками, подрядчиками или иными кредиторами вследствие расширения объемов деятельности предприятия. С одной стороны, использование коммерческого кредита позволяет финансировать текущую деятельность без привлечения банковских займов, однако чрезмерный рост кредиторской задолженности способен отрицательно сказаться на финансовой устойчивости организации и требует постоянного контроля сроков расчетов.

С точки зрения антикризисного управления представленные показатели позволяют сделать вывод, что предприятие в целом сохраняет устойчивое финансовое положение. Рост выручки и чистой прибыли свидетельствует об эффективности основной деятельности, а отсутствие краткосрочных банковских кредитов снижает финансовые риски. Вместе с тем увеличение кредиторской задолженности требует принятия отдельных управленческих решений, направленных на оптимизацию расчетов с контрагентами и предотвращение возникновения просроченной задолженности.

В рассматриваемой ситуации проведение масштабной реструктуризации предприятия не является необходимым, поскольку признаки кризисного состояния отсутствуют. Более целесообразным представляется использование отдельных элементов превентивного антикризисного управления. К их числу можно отнести совершенствование системы бюджетирования и контроля затрат, ускорение оборачиваемости дебиторской задолженности, оптимизацию запасов, внедрение современных цифровых технологий управления производством, а

также дальнейшее развитие переработки сельскохозяйственной продукции, позволяющее увеличить добавленную стоимость выпускаемой продукции.

Таким образом, анализ финансовой отчетности показывает, что Агрофирма «Усадьба» демонстрирует положительную динамику основных финансовых результатов. Предприятие увеличивает объемы реализации продукции и размер чистой прибыли, полностью погасило краткосрочные банковские обязательства и сохраняет потенциал дальнейшего развития. Вместе с тем рост кредиторской задолженности требует усиления финансового контроля, поскольку именно своевременное управление обязательствами является одним из ключевых элементов современной системы антикризисного управления.

Выводы и предложения.

Суммируем, что целью антикризисного управления является обеспечение устойчивого функционирования предприятия в условиях воздействия неблагоприятных факторов. В зависимости от конкретной ситуации данная цель может реализовываться через различные направления: повышение эффективности производства, сокращение затрат, оптимизацию организационной структуры, совершенствование управления денежными потоками, снижение долговой нагрузки, увеличение объемов продаж, изменение продуктовой политики и проведение реструктуризации.

Проведенный анализ показал, что предприятие в целом сохраняет устойчивое финансовое положение. В 2025 году по сравнению с предыдущим годом выручка увеличилась с 7 592 тыс. руб. до 8 733 тыс. руб., а чистая прибыль выросла с 1 752 тыс. руб. до 2 169 тыс. руб. Рост прибыли свидетельствует о повышении эффективности основной деятельности и способности предприятия обеспечивать положительный финансовый результат даже в условиях изменения внешней экономической среды.

Одновременно анализ бухгалтерского баланса показал наличие отдельных факторов, требующих внимания руководства. Несмотря на полное отсутствие краткосрочных заемных средств на конец 2025 года, значительно увеличилась кредиторская задолженность. Подобная ситуация не является критической, однако требует постоянного контроля за своевременностью расчетов с поставщиками и другими контрагентами. Кроме того, сократились денежные средства, что повышает значение грамотного управления денежными потоками и поддержания необходимого уровня ликвидности.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в настоящее время предприятие не нуждается в проведении масштабной финансовой или организационной реструктуризации. Вместе с тем применение отдельных инструментов антикризисного управления позволит повысить устойчивость деятельности и снизить вероятность возникновения финансовых рисков в будущем.

Для дальнейшего развития Агрофирмы «Усадьба» рекомендуется уделить особое внимание контролю кредиторской задолженности, не допуская образования просроченных обязательств. Одновременно целесообразно продолжить работу по снижению производственных затрат за счет более эффективного использования материальных ресурсов, внедрения современных технологий и совершенствования производственных процессов.

Дополнительным направлением повышения эффективности может стать дальнейшее развитие собственной переработки сельскохозяйственной продукции, что позволит увеличить добавленную стоимость выпускаемой продукции и укрепить конкурентные позиции предприятия. Не менее важным является совершенствование системы финансового планирования, бюджетирования и внутреннего контроля, позволяющих своевременно выявлять неблагоприятные изменения финансовых показателей и принимать необходимые управленческие решения.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что Агрофирма «Усадьба» обладает достаточным уровнем финансовой устойчивости и демонстрирует положительную динамику основных экономических показателей. Последовательное применение современных методов антикризисного управления, постоянный мониторинг финансового состояния и своевременная реализация организационно-экономических мероприятий будут способствовать сохранению устойчивого развития предприятия, повышению эффективности его деятельности и укреплению конкурентоспособности в долгосрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть 1 от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ, редакция от 10 июня 2026 года // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.08.2026)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ, редакция от 27 июня 2026 года // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.08.2026)
3. Налоговый кодекс Российской Федерации: часть 1 от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ, редакция от 4 августа 2026 года // СПС КонсультантПлюс. Законодательство. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 18.08.2026)
4. Федеральный закон от 6 декабря 2011 года № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/ (дата обращения: 17.08.2026)
5. Алексейчева Е.Ю., Магомедов М.Д., Костин И.Б. Экономика организации (предприятия): учебник. 6-е изд., стер. Москва: Дашков и К, 2023. 290 с.
6. Балашова Е.С., Счисляева Е.Р. Экономика организации: учебник для среднего профессионального образования. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 277 с.

7. Батраева Э.А. Экономика предприятия: учебник и практикум для среднего профессионального образования. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 397 с.

8. Тертышник М.И. Экономика организации: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 509 с.

9. Чалдаева Л.А. Экономика предприятия: учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 435 с.

10. Экономика и управление на предприятии: учебник / Агарков А.П., Голов Р.С., Теплышев В.Ю., Ерохина Е.А., под ред. Агаркова А.П., Голова Р.С. 4-е изд., стер. Москва: Дашков и К, 2022. 398 с.

11. Экономика организации агропромышленного комплекса. Практический курс: учебное пособие для среднего профессионального образования / Ахметов Р.Г. [и др.], под общей редакцией Ахметова Р.Г. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 213 с.

12. Экономика организации: учебник и практикум для вузов / Чалдаева Л.А. [и др.], под редакцией Чалдаевой Л.А., Шарковой А.В. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 344 с.

13. Экономика организации: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Колышкин А.В. [и др.], под редакцией Колышкина А.В., Смирнова С.А. 2-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2024. 498 с.

14. Экономика предприятия (организации, фирмы): учебник / Девяткин О.В., Акуленко Н.Б., Баурина С.Б. [и др.], под ред. Девяткина О.В., Быстрова А.В. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: ИНФРА-М, 2023. 777 с.

15. Экономика предприятия: учебное пособие / под ред. Аксяновой А.В. Казань: КНИТУ, 2021. 304 с.

Shishkin K.E.
student
Faculty of Economics and Information Technology
Perm State Agrarian and Technological University
named after D.N. Pryanishnikov
(Perm, Russia)

RESTRUCTURING AS A BASIS FOR IMPROVING CRISIS MANAGEMENT EFFECTIVENESS AT AN AGRICULTURAL ENTERPRISE

Abstract: *the article examines restructuring as part of crisis management at an agricultural enterprise. Key production and financial performance indicators of Agrofirma «Usadba» for 2023–2025 are analyzed. The main areas for improving enterprise performance are identified, with a view to strengthening financial stability and reducing exposure to external risks.*

Keywords: *restructuring, crisis management, agriculture, production efficiency, financial stability.*

УДК 34

Арлаускас Д.Э.
магистрант 2 курса
направление подготовки «40.04.01 Юриспруденция»
кафедра гражданского права
Сибирский юридический университет
(г. Омск, Россия)

ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ИММУНИТЕТ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛЬЯ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАНИНА: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

***Аннотация**: в статье рассматривается эволюция судебной практики Верховного Суда Российской Федерации в отношении заложенного единственного жилья в делах о банкротстве физических лиц. На основе анализа трёх ключевых определений СКЭС ВС РФ автор выделяет системную модель защиты единственного жилья, включающую три уровня: ограничение обращения взыскания при отсутствии просрочки, распространение иммунитета на денежный суррогат от продажи, сохранение права должника на распоряжение имуществом вне конкурсной массы. Делается вывод о формировании Верховным Судом содержательной (а не формальной) трактовки исполнительского иммунитета как системного принципа, обеспечивающего баланс конституционного права на жилище и прав кредиторов.*

***Ключевые слова**: банкротство гражданина, единственное жильё, исполнительский иммунитет, ипотека, конкурсная масса, обращение взыскания, денежный суррогат, судебная практика.*

Проблема обращения взыскания на единственное жильё в процедуре банкротства физического лица — один из наиболее острых вопросов современной российской цивилистики. Напряжённость возникает из фундаментального противоречия: с одной стороны, статья 446 ГПК РФ защищает единственное жильё должника от взыскания, с другой — абзац второй той же нормы прямо исключает из иммунитета имущество, являющееся предметом ипотеки. Эта коллизия порождает вопрос, который не имеет простого ответа: означает ли отказ от иммунитета при залоге единственное жилья полный и безусловный отказ от защиты, или же иммунитет сохраняется в каком-либо — пусть и усечённом — виде?

Законодатель не дал на это прямого ответа. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее — ФЗ-127) до недавнего времени не содержал специальных норм о судьбе заложенного единственного жилья в банкротстве. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 лишь подтвердило общее правило: предмет ипотеки подлежит реализации независимо от статуса единственного жилья (п. 18). Ответ на более тонкие вопросы — что происходит с остатком выручки, может ли кредитор обратить взыскание при отсутствии просрочки, вправе ли управляющий оспаривать сделки с единственным жильём — был выработан судебной практикой, прежде всего на уровне Верховного Суда РФ.

Актуальность исследования определяется следующими обстоятельствами. Во-первых, в сентябре 2024 года в ФЗ-127 введена статья 213.10-1, легализовавшая механизм мирового соглашения между должником и залоговым кредитором по ипотеке единственного жилья — фактически кодифицировавшая подход, ранее сформулированный ВС. Во-вторых, количество дел о банкротстве физических лиц продолжает расти, и доля дел, в которых затрагивается вопрос заложенного жилья, устойчиво увеличивается. В-третьих, правовые позиции ВС, рассмотренные в настоящей статье, формируют не просто набор разовых решений, а взаимосвязанную систему, которая меняет понимание самого института исполнительского иммунитета.

Цель статьи — проанализировать три ключевых определения СКЭС ВС РФ, выявить их внутреннюю логику и системные взаимосвязи, а также оценить влияние на последующее развитие законодательства и правоприменения.

Ограничение обращения взыскания при отсутствии просрочки: дело К.С.

В июле 2017 года заёмщик оформила кредитный договор с банком на срок до 2029 года. Обеспечением выступила квартира — единственное жильё К.С., которая выступила залогодателем как третье лицо, не будучи стороной кредитного договора. Заёмщик исправно исполняла обязательства, просрочек не допускала. В 2020 году К.С. была признана банкротом. Банк потребовал включить его требование в реестр требований кредиторов как обеспеченное залогом — что открывало путь к обращению взыскания на квартиру. Суды трёх инстанций — Арбитражный суд Московской области, Десятый арбитражный апелляционный суд и Арбитражный суд Московского округа — поддержали банк.

С формальной точки зрения банк действовал правомерно. Закон об ипотеке (ст. 50, 78) и абз. 2 п. 1 ст. 446 ГПК РФ допускают обращение взыскания на заложенное единственное жильё. Однако ситуация содержала явный дисбаланс: лицо, обязанное по основному долгу, платила вовремя. Залогодатель — третье лицо, не получавшее от кредита никакой выгоды — должна была лишиться единственного жилья не из-за реального нарушения обязательства, а из-за опасения банка потерять обеспечение после завершения процедуры банкротства (п. 3 ст. 213.28 ФЗ-127 освобождает должника от обязательств, что могло повлечь прекращение залога).

Таким образом, обращение взыскания происходило не в связи с фактом нарушения, а в связи с предполагаемым будущим риском для кредитора. Это ставит вопрос: может ли залоговый кредитор обратить взыскание на единственное жильё «авансом», до наступления просрочки, исключительно для сохранения своего обеспечительного интереса?

Верховный Суд отменил судебные акты всех трёх инстанций. Ключевой тезис определения сформулирован следующим образом: «Характерной особенностью ипотеки в отношении единственного жилья является то, что взыскание на него может быть обращено лишь при предъявлении требования залогодержателем. Следовательно, наличие (отсутствие) такого жилья в конкурсной массе обусловлено исключительно волеизъявлением залогодержателя и не зависит от иных кредиторов, объёма их требований».

Далее ВС установил практический механизм: суд обязан предложить сторонам заключить мировое соглашение в отношении заложенного жилья. По условиям такого соглашения взыскание не обращается, ипотека сохраняется, а залогодатель остаётся обязанным перед банком и после завершения банкротства. Если кредитор необоснованно отказывается (его положение не ухудшается по сравнению с ситуацией без банкротства), суд вправе утвердить локальный план реструктуризации применительно к п. 4 ст. 213.17 ФЗ-127 — без согласия иных кредиторов.

Позиция ВС отражает переход от формального к содержательному пониманию иммунитета. Если подходить к ст. 446 ГПК РФ буквально, отказ от иммунитета при залоге абсолютен. ВС же вводит категорию соразмерности: обращение взыскания допустимо, но должно быть соразмерно нарушению. Нет просрочки — нет основания для лишения жилья. Это корреспондирует с общим принципом гражданского права: меры ответственности применяются при нарушении обязательства, а не «на всякий случай».

С инженерной точки зрения (если позволить такую аналогию) ВС фактически вводит в систему «предохранительный клапан»: залог сохраняется, но срабатывает только при реальном нарушении, а не при одном лишь факте банкротства залогодателя. Это сохраняет обеспечительный интерес кредитора и одновременно защищает конституционное право на жилище.

Значение дела выходит за пределы конкретного спора. Именно этот подход лёг в основу статьи 213.10-1 ФЗ-127, введённой Федеральным законом от 08.09.2024 № 361-ФЗ. Закон закрепил механизм мирового соглашения по ипотеке единственного жилья, фактически кодифицировав судебную практику.

Распространение иммунитета на денежный суррогат: дело Я.П..

В деле Я.П. единственная заложенная квартира была реализована на торгах за 4 859 400 руб. Основной долг перед залоговым кредитором составил 2 244 306,88 руб. и был погашен. Непогашенными остались неустойка (3 622,68 руб.) и мораторные проценты (общим итогом около 145 000 руб.). Финансовый управляющий отказался выплачивать эти суммы залоговому кредитору, ссылаясь на общее правило: неустойка и мораторные проценты погашаются после основного долга всех кредиторов третьей очереди. Если выплатить залоговому кредитору сейчас, остальные пять незалоговых кредиторов получат меньше. Суды трёх инстанций согласились с управляющим.

Общая позиция ВС, сформулированная ранее (Определение от 23.08.2021 № 303-ЭС20-10154(2)), гласит: неустойка и мораторные проценты залогового кредитора погашаются после основного долга всех остальных кредиторов, чтобы не создавать незаконное предпочтение. Применение этого правила к единственному жилью порождает парадокс: незалоговые кредиторы получают доступ к деньгам от продажи квартиры, которая без залога им не принадлежала бы вообще. Иначе говоря, формальное применение правила о приоритете основного долга приводит к тому, что иммунитет, защищавший квартиру от незалоговых кредиторов, «испаряется» в момент её продажи — деньги теряют защиту.

ВС отменил решения всех инстанций и разрешил разногласия по существу. Аргументация выстроена в три уровня.

Первый уровень — адресность отказа от иммунитета. Гражданин, передавая единственное жильё в залог конкретному кредитору, отказывается от исполнительского иммунитета в его пользу. Но это не означает отказа в пользу всех прочих кредиторов. Отказ точечный, не универсальный.

Второй уровень — отсутствие защищаемых правовых ожиданий у незалоговых кредиторов. Единственное жильё (без залога, не являющееся роскошным) в принципе не входит в конкурсную массу. Следовательно, незалоговые кредиторы не могли получить удовлетворение из его стоимости ни при каких обстоятельствах. Их правовые ожидания на это имущество не формируются и не защищаются.

Третий уровень — суррогация. Деньги от продажи квартиры заменяют собой жильё (суррогат). Режим исполнительского иммунитета распространяется на денежный суррогат: сначала погашаются все требования залогового кредитора (основной долг, затем неустойка и мораторные проценты), затем остаток исключается из конкурсной массы и передаётся должнику — для обеспечения права на жилище (первоначальный взнос на новое жильё, аренда).

Ключевое объяснение, почему в данном случае не работает правило о незаконном предпочтении: в обычной ситуации выплата неустойки залоговому кредитору раньше основного долга незалоговым создаёт предпочтение. Но здесь незалоговые кредиторы в принципе не могли получить деньги от продажи единственного жилья. Если кредитор не мог получить имущество — нет и предпочтения при его распределении.

Дело Я.П. — наиболее концептуально глубокое из трёх рассматриваемых. ВС по сути формулирует принцип, который можно назвать «эластичностью иммунитета»: защита единственного жилья не теряется при трансформации имущества в деньги, а следует за суррогатом. Это аналогично правовому принципу суррогации в вещном праве (например, ст. 211 ГК РФ — риск случайной гибели имущества переходит на приобретателя с момента передачи, но при замене товара сохраняются определённые правовые связи).

С системотехнической точки зрения решение ВС устраняет «пробой» в защите: без этого правила иммунитет работал бы только до момента продажи, после чего денежный эквивалент становился бы доступен всем кредиторам. Это обесценивало бы саму идею защиты единственного жилья при наличии залога — кредиторам было бы достаточно дождаться торгов, чтобы получить доступ к стоимости, от которой они изначально были отграничены.

Решение также демонстрирует, что ВС последовательно разделяет правовые режимы залогового и незалогового кредиторов применительно к единственному жилью. Залоговый кредитор получает удовлетворение в пределах стоимости обеспечения — полностью, включая неустойку и проценты. Незалоговые кредиторы не получают ничего — потому что не могли получить. Это не приоритет залогового кредитора над незалоговыми в традиционном смысле (ст. 138 ФЗ-127), а принципиальное отграничение источника удовлетворения.

Право распоряжения имуществом вне конкурсной массы: дело Г.С.

14 сентября 2023 года Г.С. подала заявление о признании себя банкротом. Через три дня после введения процедуры реализации имущества она заключила договор займа на 1,3 млн рублей под залог 1/3 доли в праве собственности на квартиру, являвшуюся её единственным жильём. Квартира также принадлежала в долях её супругу и сыну. Финансовый управляющий оспорил сделку, ссылаясь на п. 5 ст. 213.25 ФЗ-127: с момента введения процедуры все права в отношении имущества, составляющего конкурсную массу, осуществляются только управляющим, сделки должника без его участия — ничтожны. Суды трёх инстанций признали договор недействительным в части залога.

Пункт 5 ст. 213.25 ФЗ-127 устанавливает режим «замораживания» распоряжения имуществом должника: с введением процедуры реализации право распоряжения переходит к управляющему. Но квартира — единственное жильё, не обременённое ипотекой, не роскошное — в конкурсную массу не входит (ст. 446 ГПК РФ, п. 1 Пленума ВС № 48). Возникаёт вопрос: распространяется ли запрет п. 5 ст. 213.25 на имущество, которое не составляет конкурсную массу?

Если да, то должник в процедуре лишается права распоряжаться единственным жильём без какой-либо правовой необходимости — ведь это имущество не пойдёт на удовлетворение требований кредиторов. Если нет, то управляющий не вправе оспаривать сделки с таким имуществом по формальному основанию.

ВС отменил все три инстанции и отказал в удовлетворении заявления управляющего. Аргументация:

Во-первых, управляющий был осведомлён о статусе квартиры. В собственном отчёте от 27 августа 2024 года он прямо указал, что квартира — единственное жильё и «не подлежит включению в конкурсную массу».

Во-вторых, норма п. 5 ст. 213.25 о ничтожности сделок должника без участия управляющего применяется исключительно к имуществу, составляющему конкурсную массу. Если имущество в массу не входит, у управляющего отсутствует право им распоряжаться, а у должника — нет ограничения на самостоятельное распоряжение по этому основанию.

В-третьих, сделка не отвечает признакам ничтожной по п. 5 ст. 213.25, поскольку предмет залога не входил в конкурсную массу.

В-четвёртых, ВС сделал существенную оговорку: распоряжение единственным жильём может быть оспорено по иным основаниям — в частности, по ст. 61.2 ФЗ-127 (подозрительные сделки), если есть признаки причинения вреда кредиторам. Но оспаривание по формальному отсутствию согласия управляющего недопустимо, когда имущество не входит в конкурсную массу.

Дело Г.С. решает вопрос о границах компетенции финансового управляющего. Для человека с техническим образованием здесь напрашивается аналогия с зоной действия системы: управляющий — это оператор, чьи полномочия ограничены «контуром» конкурсной массы. Всё, что вне контура, — не его зона ответственности. Попытка расширить его компетенцию на имущество, не входящее в массу, — это, по существу, превышение системных границ, которое ВС пресёк.

Оговорка об иных основаниях оспаривания принципиально важна. ВС не говорит, что сделки с единственным жильём вообще неуязвимы. Он говорит, что они уязвимы по существенным (а не формальным) основаниям. Если должник, например, передаёт единственное жильё в залог аффилированному лицу с целью сокрытия активов — такая сделка может быть оспорена по ст. 61.2. Но если должник берёт заём под залог единственного жилья (например, для оплаты услуг юриста по ведению банкротства) — управляющий не может оспорить это только потому, что не давал согласия, которого у него и не было права давать.

Системный анализ: взаимосвязь трёх дел.

Рассмотренные определения не являются изолированными решениями. При совместном анализе они обнаруживают внутреннюю логику, которую можно представить как трёхслойную конструкцию защиты единственного жилья в банкротстве.

Дело К.С. устанавливает, что обращение взыскания на заложенное единственное жильё не является автоматическим. Оно обусловлено не только фактом залога, но и фактом нарушения обязательства. При отсутствии просрочки суд обязан предложить мировое соглашение, которое «замораживает» ипотеку — взыскание не обращается, залог сохраняется, залогодатель остаётся обязанным. Этот слой можно охарактеризовать как превентивный: он работает до момента обращения взыскания и ограничивает саму возможность инициации продажи.

Дело Я.П. устанавливает, что если продажа всё же состоялась, иммунитет не исчезает, а трансформируется — переходит на денежный суррогат. Залоговый кредитор получает полное удовлетворение в пределах стоимости обеспечения, остаток принадлежит должнику. Незалоговые кредиторы исключаются. Этот слой — компенсаторный: он обеспечивает сохранение жилищного минимума даже после утраты жилья.

Дело Г.С. устанавливает, что единственное жильё вне конкурсной массы остаётся в распоряжении должника. Управляющий не может блокировать сделки с ним по формальным основаниям. Оспаривание возможно только по существу — при доказанности подозрительности. Этот слой — автономный: он сохраняет за должником правоспособность в отношении жилья, не входящего в конкурсную массу.

Три слоя не просто сосуществуют, но и логически вытекают один из другого. Если иммунитет — это содержательная гарантия (а не формальный запрет), то:

его действие должно быть соразмерно нарушению (первый слой — К.С.),

его действие не должно прекращаться при трансформации имущества (второй слой — Я.П.),

его действие не должно означать лишения должника правоспособности в отношении защищённого имущества (третий слой — Г.С.).

Общим основанием всех трёх решений является принцип, который можно сформулировать следующим образом: исполнительский иммунитет единственного жилья — это не разовая юридическая фикция, а длящийся правовой режим, который сопровождает защищаемое имущество на всех стадиях его существования — от нахождения у должника до продажи и распределения выручки.

Фундаментальный принцип, объединяющий все три дела, — это принцип адресности. Должник, передавая единственное жильё в залог, отказывается от иммунитета в пользу конкретного кредитора. Это означает:

залоговый кредитор может обратить взыскание (с ограничениями по первому слою),

залоговый кредитор получает приоритет в распределении выручки (по второму слою),

незалоговые кредиторы не приобретают никаких прав на это имущество (второй слой),

управляющий не приобретает полномочий по распоряжению (третий слой).

Принцип адресности — это, по существу, принцип соразмерности, известный общему праву: мера ограничения права должна быть соразмерна цели. Цель залога — обеспечить конкретное обязательство конкретного кредитора. Следовательно, и отказ от иммунитета должен быть ограничен этой целью.

Практика ВС оказала прямое влияние на развитие ФЗ-127. Введённая в сентябре 2024 года статья 213.10-1 «Мировое соглашение с залоговым кредитором по ипотеке единственного жилья» фактически кодифицировала подход, сформулированный в деле К.С. Закон предусмотрел:

возможность заключения мирового соглашения между должником и залоговым кредитором,

условия, при которых взыскание на единственное жильё не обращается,

сохранение ипотеки после завершения процедуры банкротства,

право суда утвердить план реструктуризации при необоснованном отказе кредитора.

При этом законодательство пока не кодифицировало выводы дела Я.П. о суррогации иммунитета и дела Г.С. о границах компетенции управляющего. Эти позиции остаются на уровне судебной практики, что создаёт определённую неопределённость: нижестоящие суды обязаны применять правовые позиции ВС (ст. 170 АПК РФ), но отсутствие прямой законодательной формулировки осложняет их применение в спорных ситуациях, не совпадающих фактологически с рассмотренными делами.

Представляется обоснованным предположить, что дальнейшее развитие законодательства пойдёт по пути закрепления принципа суррогации иммунитета — например, через прямое указание в ФЗ-127 о том, что средства, вырученные от продажи заложенного единственного жилья и оставшиеся после удовлетворения требований залогового кредитора, исключаются из конкурсной массы и передаются должнику.

Анализ трёх определений СКЭС ВС РФ — по делам К.С., Я.П. и Г.С. — позволяет сформулировать следующие выводы.

Исполнительский иммунитет единственного жилья в процедуре банкротства не является формальным запретом на обращение взыскания, который автоматически снимается при залоге. Верховный Суд последовательно трактует иммунитет как содержательную гарантию конституционного права на жилище (ст. 40 Конституции РФ), которая:

ограничивает право залогового кредитора на обращение взыскания при отсутствии просрочки (К.С.),

«проникает» в денежный суррогат от продажи, защищая остаток выручки от незалоговых кредиторов (Я.П.),

сохраняет за должником право самостоятельно распоряжаться жильём, не входящим в конкурсную массу (Г.С.).

Отказ от иммунитета при залоге единственного жилья является адресным — он работает исключительно в пользу залогового кредитора и не распространяется на иных кредиторов. Незалоговые кредиторы не приобретают прав на стоимость единственного жилья ни до, ни после его реализации. Это — следствие того, что без залога единственное жильё в конкурсную массу не входит, и правовые ожидания незалоговых кредиторов на это имущество не формируются и не защищаются.

Право финансового управляющего распоряжаться имуществом должника ограничено пределами конкурсной массы. Единственное жильё, не входящее в массу, остаётся в распоряжении должника. Оспаривание сделок с таким имуществом возможно только по существенным основаниям (ст. 61.2 ФЗ-127 — подозрительные сделки), но не по формальному отсутствию согласия управляющего (п. 5 ст. 213.25).

Три рассмотренных дела образуют системную модель — трёхслойную конструкцию защиты единственного жилья: превентивный (ограничение обращения взыскания), компенсаторный (защита выручки) и автономный (право распоряжения) слои.

Эта модель демонстрирует, что ВС трактует иммунитет как длящийся правовой режим, сопровождающий защищаемое имущество на всех стадиях процедуры банкротства.

Практика ВС оказала прямое влияние на развитие законодательства: статья 213.10-1 ФЗ-127, введённая в 2024 году, кодифицировала подход, сформулированный в деле К.С. Однако выводы дел Я.П. и Г.С. остаются на уровне судебной практики, что определяет необходимость дальнейшего законодательного закрепления — в частности, принципа суррогации иммунитета и границ компетенции управляющего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Определение СКЭС ВС РФ от 27.04.2023 № 305-ЭС22-9597 по делу № А41-73644/2020
2. Определение СКЭС ВС РФ от 26.06.2023 № 307-ЭС22-27054 по делу № А56-51728/2020
3. Определение СКЭС ВС РФ от 11.03.2025 № 305-ЭС24-18797 по делу № А41-78725/2023
4. Постановление Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве гражданина»
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Ст. 446
6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Ст. 213.10-1, 213.17, 213.25, 213.28, 61.2, 138
7. Федеральный закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Ст. 50, 78
8. Конституция Российской Федерации. Ст. 40
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 211

Arlauskas D.E.
master's degree student of 2nd year
field of study «40.04.01 Law»
Department of Civil Law
Siberian Law University
(Omsk, Russia)

ENFORCEMENT IMMUNITY FOR A SOLE RESIDENCE IN INDIVIDUAL BANKRUPTCY PROCEEDINGS: SYSTEMATIC ANALYSIS OF RUSSIAN SUPREME COURT CASE LAW

Abstract: *the article examines the evolution of Russian Supreme Court case law concerning mortgaged sole residences in individual bankruptcy cases. Based on an analysis of three key rulings by the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of Russia (the Simonova, Petermanis, and Sukhomlinova cases), the author identifies a systematic model for protecting a sole residence at three levels: restricting foreclosure in the absence of payment default, extending enforcement immunity to monetary proceeds from its sale, and preserving the debtor's right to dispose of property outside the bankruptcy estate. The article concludes that the Supreme Court has developed a substantive, rather than formal, interpretation of enforcement immunity as a systemic principle balancing the constitutional right to housing against creditors' rights.*

Keywords: *individual bankruptcy, sole residence, enforcement immunity, mortgage, bankruptcy estate, foreclosure, monetary substitute, case law.*

УДК 343.13

Бяшимов Т.А.
студент 4 курса
направление «Юриспруденция»
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Брутян Ю.А.
студент 4 курса
направление «Юриспруденция»
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ПЕРЕВОДЧИК КАК УЧАСТНИК УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

***Аннотация**: в статье рассматривается процессуальный статус переводчика как иного участника уголовного судопроизводства в Российской Федерации. Анализируются гарантии реализации принципа языка уголовного судопроизводства, проблемы привлечения переводчиков, критерии оценки их компетентности, вопросы процессуальной и уголовной ответственности за заведомо неправильный перевод. Особое внимание уделяется практическим трудностям, возникающим на стадии предварительного расследования и в судебном разбирательстве при участии лиц, не владеющих или недостаточно владеющих языком, на котором ведется судопроизводство, а также предлагаются направления совершенствования уголовно-процессуального законодательства.*

***Ключевые слова**: переводчик, уголовный процесс, принцип языка судопроизводства, права участников, компетентность, заведомо неправильный перевод, процессуальный статус.*

Интернационализация преступности, активные миграционные процессы и расширение международных связей Российской Федерации приводят к тому, что в орбиту уголовного судопроизводства всё чаще вовлекаются иностранные граждане, лица без гражданства, а также представители различных этнических групп, не владеющие либо недостаточно свободно владеющие государственным языком Российской Федерации. В таких условиях принципиальное значение приобретает неукоснительное соблюдение принципа языка уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ). Реализация данного принципа выступает важнейшей гарантией защиты прав, свобод и законных интересов участников процесса, обеспечивая реализацию права на защиту, равноправие сторон и доступ к правосудию.

Ключевой фигурой, обеспечивающей языковую коммуникацию между правоприменителем и лицом, не владеющим языком судопроизводства, является переводчик. В соответствии с УПК РФ переводчик относится к категории «иных участников уголовного судопроизводства» (глава 8 УПК РФ), выполняющих содействующую функцию. Вместе с тем, несмотря на четкие законодательные формулировки, правоприменительная практика сталкивается с множеством острых проблем, связанных с привлекаемостью квалифицированных специалистов, критериями установления их компетентности, процедурой назначения и ответственностью за качество перевода.

Целью настоящего исследования является комплексный правовой анализ процессуального положения переводчика в уголовном процессе России, выявление ключевых проблем его участия на различных стадиях уголовного судопроизводства и разработка обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательного регулирования данного института.

Процессуальный статус и компетенция переводчика в уголовном процессе.

Согласно ч. 1 ст. 59 УПК РФ, переводчиком является лицо, привлеченное к участию в уголовном судопроизводстве в случаях, предусмотренных Кодексом, и свободно владеющее языком, знание которого необходимо для перевода. Статус переводчика носит двоякий характер: с одной стороны, это независимый субъект, содействующий осуществлению правосудия, с другой стороны, его деятельность напрямую влияет на процессуальные права подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля.

Правовое положение переводчика определяется комплексом его прав, обязанностей и ответственности. В соответствии с ч. 3 ст. 59 УПК РФ переводчик вправе:

Задавать вопросы участникам судопроизводства в целях уточнения перевода,

Знакомиться с протоколами следственных действий, в которых он принимал участие, а также с протоколом судебного заседания и делать замечания по поводу правильности записи перевода,

Приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права,

Получать вознаграждение за исполнение своих обязанностей (за исключением случаев, когда перевод выполнялся в порядке служебного задания) и возмещение расходов, связанных с явкой.

В то же время ч. 4 ст. 59 УПК РФ возлагает на переводчика строго определенные обязанности: явиться по вызову органа расследования или суда, выполнить точно и полно вверенный ему перевод, не разглашать данные предварительного расследования, ставшие ему известными в связи с участием в деле.

Ключевой теоретико-практической проблемой процессуального статуса является определение понятия «свободное владение языком». Законодатель не раскрывает критериев оценки такой свободно определяемой категории. На практике следователь или судья устанавливают компетентность переводчика на основе представленных документов (дипломов, сертификатов), а при их отсутствии - на основании личной беседы или заявления самого лица. Подобный подход создаёт риски привлечения лиц, обладающих лишь разговорными навыками, но не владеющих специальной юридической терминологией, что недопустимо при переводе процессуальных актов (обвинительного заключения, протоколов допроса, приговора).

Проблемы приглашения и проверки компетентности переводчика.

Одной из наиболее острых практических проблем на стадии предварительного расследования является поиск и назначение квалифицированного переводчика. Органы предварительного расследования нередко испытывают существенный дефицит специалистов по редким языкам и диалектам (например, языкам государств Центральной Азии или Кавказского региона). В условиях жестких процессуальных сроков (в частности, при задержании подозреваемого в порядке ст. 91, 92 УПК РФ) следователи вынуждены привлекать случайных лиц - знакомых, сотрудников диаспор, иных участников процесса или технических работников, формально заявляющих о знании языка.

Такая практика порождает целый комплекс негативных последствий:

Отсутствие специального юридического образования или опыта перевода юридических текстов приводит к искажению смысла процессуальных документов и показаний.

Несоблюдение требований о беспристрастности. Привлечение лиц, находящихся в родственных, служебных или иных зависимых отношениях с участниками процесса, недопустимо и является основанием для отвода в соответствии со ст. 69 УПК РФ.

Сложности с сурдопереводом. В соответствии с ч. 6 ст. 59 УПК РФ правила, предусмотренные данной статьей, распространяются на лицо, понимающее знаки немого или глухого и способное изъясняться с ним знаками. Однако поиск сертифицированных сурдопереводчиков в регионах представляет самостоятельную проблему.

Отдельного внимания заслуживает процедура проверки компетентности переводчика органом, ведущим процесс. На сегодняшний день в Российской Федерации отсутствует единый государственный реестр судебных переводчиков, квалификационные требования к которым были бы законодательно утверждены. В отличие от судебных экспертов, для которых предусмотрены государственные стандарты и реестры аттестованных специалистов, статус переводчика во многом остается персонифицированным и субъективно оцениваемым конкретным следователем или судьей.

Оценка качества перевода и ответственность переводчика.

Качество перевода напрямую влияет на допустимость и достоверность полученных доказательств. Неполный, искаженный или заведомо неправильный перевод приводит к нарушению права обвиняемого на защиту, что в соответствии со ст. 389.17 УПК РФ является существенным нарушением уголовно-процессуального закона и влечет безусловную отмену приговора.

В процессуальной доктрине и судебной практике выделяют два вида неадекватного перевода:

Заведомо неправильный перевод - умышленное искажение сведений, переводимых с одного языка на другой. Данное деяние образует состав преступления, предусмотренного ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ). Переводчик предупреждается об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ перед началом производства следственного действия или судебного заседания, о чем делается соответствующая отметка в протоколе.

Некомпетентный (ошибочный) перевод - искажение информации, вызванное недостаточным уровнем владения языком, незнанием специфической терминологии или халатностью. В данном случае уголовная ответственность по ст. 307 УК РФ не наступает ввиду отсутствия прямого умысла, однако такой перевод влечет процессуальные последствия - отвод переводчика (ст. 69 УПК РФ) и признание протоколов соответствующих следственных действий недопустимыми доказательствами (ст. 75 УПК РФ).

Выявление ошибок в переводе на практике крайне затруднено, поскольку ни следователь, ни судья, ни стороны (если они не владеют соответствующим языком) не в состоянии объективно проконтролировать процесс перевода в момент его осуществления. Зачастую ошибки обнаруживаются лишь на стадии судебного разбирательства при привлечении другого переводчика или при повторном изучении материалов дела адвокатом.

Для предотвращения подобных ситуаций целесообразно использовать аудио- и видеозапись следственных действий, проводимых с участием переводчика. Наличие аудиовизуальной фиксации позволяет в дальнейшем провести судебную лингвистическую экспертизу перевода и установить наличие или отсутствие существенных искажений.

Заключение.

Институт переводчика в уголовном процессе Российской Федерации является ключевым правовым механизмом, гарантирующим реализацию принципа языка судопроизводства и обеспечивающим равный доступ к правосудию для всех участников уголовного процесса. Проведенный анализ показывает, что действующее нормативное регулирование статуса переводчика содержит пробелы, приводящие к существенным практическим трудностям.

На основе проведенного исследования представляются целесообразными следующие направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики:

Законодательно нормативно закрепить четкие критерии оценки компетентности лиц, привлекаемых в качестве переводчиков в уголовное судопроизводство, установив обязательность наличия высшего филологического/лингвистического образования или специального документа, подтверждающего уровень владения языком и юридической терминологией.

Инициировать создание Единого государственного реестра судебных переводчиков при Министерстве юстиции РФ, содержащего верифицированные сведения об аттестованных специалистах, их специализации и квалификации.

Внести изменения в ст. 59 и ст. 166 УПК РФ, установив обязательное применение непрерывной аудио- или видеозаписи при производстве следственных действий с участием лиц, не владеющих языком судопроизводства, в целях обеспечения возможности последующего контроля качества перевода.

Разработать унифицированные методические рекомендации по оплате труда судебных переводчиков и возмещению их расходов, гарантирующие достойное вознаграждение и стимулирующие привлечение высококвалифицированных кадров в правоохранительные и судебные органы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
4. Закон РФ от 25.10.1991 № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (ред. от 13.06.2023).
5. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра-М, 2019. 928 с.
6. Бурцева Е.В. Процессуальные проблемы участия переводчика в уголовном судопроизводстве // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. Т. 26, № 191. С. 215–222.
7. Григорьева Н.В. Язык уголовного судопроизводства и проблема обеспечения прав лиц, не владеющих языком // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 114–125.
8. Кудрявцева А.В. Юридический перевод и процессуальный статус переводчика в уголовном процессе: монография. М.: Юрлитинформ, 2022. 192 с.
9. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе: учебно-практическое пособие. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 359 с.
10. Манова Н.С., Францифоров Ю.В. Уголовный процесс: учебник и практикум для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2024. 422 с.
11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд. М.: Норма: Инфра-М, 2021. 544 с.

12. Щерба С.П. Переводчик в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Экзамен, 2020. 160 с.

Byashimov T.A.
student of 4th year
field of study: «Law»
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

Brutyan Yu.A.
student of 4th year
field of study: «Law»
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

INTERPRETER AS A PARTICIPANT IN CRIMINAL PROCEEDINGS: PROBLEMATIC ASPECTS AND POSSIBLE SOLUTIONS

Abstract: *this article examines the procedural status of an interpreter as one of the other participants in criminal proceedings in Russia. It analyzes safeguards for implementing the principle governing the language of criminal proceedings, difficulties in engaging interpreters, criteria for assessing their competence, and issues of procedural and criminal liability for knowingly inaccurate interpretation. Particular attention is paid to practical difficulties arising during preliminary investigations and trials when individuals do not speak, or have insufficient command of, the language in which proceedings are conducted. The article also proposes ways to improve criminal procedure legislation.*

Keywords: *interpreter, criminal procedure, proceedings language principle, participant rights, competence, knowingly inaccurate interpretation, procedural status.*

УДК 343.13

Бяшимов Т.А.
студент 4 курса
направление «Юриспруденция»
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Брутян Ю.А.
студент 4 курса
направление «Юриспруденция»
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ, ФИКСАЦИИ И ОЦЕНКИ

***Аннотация**: в статье рассматриваются основные проблемы собирания, фиксации и процессуальной оценки электронных доказательств в российском судопроизводстве. Анализируются особенности правового регулирования цифровой информации, способы её фиксации, вопросы допустимости и достоверности электронных доказательств, а также проблемы использования переписки в мессенджерах, скриншотов, электронных документов и цифровых носителей. Отдельное внимание уделяется роли суда при оценке электронных доказательств и возможным направлениям совершенствования процессуального законодательства.*

***Ключевые слова**: электронное доказательство, цифровая информация, доказывание, скриншот, электронный документ, электронная подпись, нотариальное обеспечение, судебная экспертиза, достоверность.*

Стремительная цифровизация всех сфер общественной жизни, внедрение информационно-коммуникационных технологий и развитие электронного документооборота кардинально изменили характер правоотношений и способов взаимодействия субъектов права. Цифровая трансформация затронула и сферу правосудия: сегодня значительная часть юридически значимых фактов и событий оставляет свои следы исключительно в виртуальном пространстве. Электронно-цифровая форма фиксации сведений стала привычной для коммерческих сделок, личной переписки, административных процедур и уголовно наказуемых деяний.

В связи с этим правоприменительная система Российской Федерации столкнулась с необходимостью оперировать новыми видами доказательственной информации - электронными доказательствами. Вместе с тем действующее процессуальное законодательство, в значительной степени сформированное на основе традиционных представлений о бумажном документообороте и материальных носителях, не всегда адекватно и своевременно реагирует на специфику цифровой среды. Проблемы собирания, фиксации, обеспечения сохранности и объективной оценки электронных доказательств вызывают острые дискуссии как среди ученых-правоведов, так и в среде практических работников - судей, адвокатов, прокуроров и следователей.

Целью данного исследования является комплексный анализ правовой природы электронных доказательств, выявление ключевых проблем их собирания и оценки в соответствии с законодательством Российской Федерации, а также выработка рекомендаций по совершенствованию нормативного регулирования и судебной практики.

Понятие и правовая природа электронных доказательств.

В российском законодательстве понятие «электронное доказательство» до настоящего времени не получило нормативного законодательного закрепления в качестве самостоятельного обособленного средства доказывания. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ГПК РФ), Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (АПК РФ), Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ) и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (КАС РФ) используют смежные термины: «письменные доказательства», «вещественные доказательства», «иные документы и материалы».

Так, согласно ч. 1 ст. 71 ГПК РФ и ч. 1 ст. 75 АПК РФ, к письменным доказательствам относятся документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронного или другого вида связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Аналогичный подход прослеживается и в ст. 84 КАС РФ. В уголовном процессе (ст. 84 УПК РФ) электронные документы и носители информации квалифицируются как «иные документы», а при наличии определенных признаков - как вещественные доказательства (ст. 81 УПК РФ).

Такой разнородный подход создает определенные теоретические и практические неопределенности. В научной литературе ведутся споры относительно того, образуют ли электронные доказательства самостоятельное средство доказывания или представляют собой лишь специфическую разновидность традиционных письменных или вещественных доказательств.

Ключевой особенностью электронного доказательства является его неразрывная связь с цифровым носителем и технико-технологической формой существования. Электронная информация представляет собой совокупность двоичного кода (битов), записанного на физический носителе (жесткий диск, флеш-карта, сервер, облачное хранилище) и доступного для восприятия человеком исключительно с использованием специальных аппаратных и программных средств. Из этого вытекают основные свойства электронных доказательств: - бестелесность и нематериальный характер самой информации при обязательной связи с материальным носителем, - подвижность, легкая модифицируемость и риск несанкционированного изменения или уничтожения, - опосредованный характер восприятия (необходимость отображения через интерфейс программного обеспечения),

- потенциальная независимость от конкретного физического носителя (возможность дублирования и передачи без потери первоначального содержания).

Таким образом, под электронным доказательством следует понимать сведения о фактах, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела, зафиксированные в виде электронно-цифровых данных, создание, передача, хранение и отображение которых осуществляется с использованием средств вычислительной техники и информационно-телекоммуникационных сетей.

Процессуальные особенности и проблемы собирания электронных доказательств.

Собирание доказательств представляет собой начальный этап процессуального доказывания, включающий в себя обнаружение, изъятие и фиксацию сведений. В отношении электронных доказательств данный этап характеризуется наивысшей степенью уязвимости, так как цифровые данные могут быть мгновенно удалены, модифицированы или искажены.

Основными способами собирания электронных доказательств в российском праве выступают:

Представление электронных документов участниками процесса. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» устанавливают, что электронный документ, подписанный усиленной квалифицированной электронной подписью, признается равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному простой рукописной подписью. Однако на практике большинство электронных доказательств (переписка в мессенджере Telegram, электронные письма, публикации в социальных сетях) не подписываются ЭЦП.

Нотариальное обеспечение доказательств. На основании ст. 102 и 103 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате нотариусы обеспечивают доказательства, необходимые в случае возникновения дела в суде или арбитражном суде, если есть основания полагать, что представление доказательств станет впоследствии невозможным или затруднительным. Протокол осмотра нотариусом доказательств (включая интернет-страницы, электронную почту и чаты) обладает высокой степенью доказательственной силы. Однако данная процедура является весьма дорогостоящей и длительной по времени, что делает ее доступной далеко не для всех участников спора.

Фиксация с помощью скриншотов (снимков экрана). Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» официально подтвердило допустимость использования распечатанных материалов из сети Интернет (скриншотов) для подтверждения фактов. При этом Верховный Суд указал, что скриншот должен содержать указание на адрес интернет-страницы, с которой он сделан, а также точное время и дату его получения. Тем не менее, скриншот как простой графический файл легко поддается фальсификации с помощью графических редакторов, что часто вызывает обоснованные сомнения у противоположной стороны и суда.

Изъятие электронных носителей информации в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий. В уголовном процессе собирание электронных доказательств регулируется ст. 164.1 УПК РФ, которая предусматривает особый порядок изъятия электронных носителей информации при производстве следственных действий. Главным требованием законодательства является участие специалиста и обеспечение условий, исключающих возможность несанкционированного доступа к информации и ее изменения. Однако на практике правоохранительные органы нередко изымают физические носители (серверы, компьютеры) целиком, без копирования информации, что приводит к парализации законной предпринимательской деятельности и выбытию оригиналов из оборота.

Ключевыми проблемами собирания электронных доказательств являются: - отсутствие единого стандартизированного процессуального алгоритма фиксации цифровых данных без участия нотариуса, - высокая динамичность данных и возможность их дистанционного удаления (например, функция удаления сообщений для всех участников чата в мессенджерах), - сложности идентификации лиц, отправлявших сообщения или размещавших информацию в сети (проблема анонимности и использования VPN-сервисов, прокси-серверов и фейковых аккаунтов),

- трансграничный характер хранения данных (расположение серверов крупных сервисов вне юрисдикции Российской Федерации, что затрудняет получение официальных ответов на судебные запросы).

Критерии и специфические проблемы оценки электронных доказательств.

Оценка доказательств в российском судопроизводстве осуществляется по внутреннему убеждению судьи, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств (ст. 67 ГПК РФ, ст. 71 АПК РФ, ст. 88 УПК РФ, ст. 84 КАС РФ). Оценке подлежит каждое доказательство с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности - достаточной связи для разрешения дела.

Применительно к электронным доказательствам эти классические критерии приобретают специфическое содержание:

Оценка относимости. Суд должен установить, действительно ли представленная цифровая информация связана с предметом доказывания по делу. Например, при исследовании лог-файлов или электронной переписки необходимо проверить, относятся ли указанные IP-адреса, учетные записи и временные метки к рассматриваемому событию.

Оценка допустимости. Допустимость электронного доказательства определяется соблюдением порядка его получения и фиксации. Если скриншот интернет-страницы сделан без указания даты, времени и URL-адреса, либо изъятие жесткого диска в рамках уголовного дела проведено без участия специалиста или понятых (когда их участие обязательно), такое доказательство должно признаваться недопустимым.

Оценка достоверности и аутентичности. Достоверность - наиболее сложный элемент оценки электронных доказательств. Под аутентичностью понимают неизменность цифрового документа с момента его создания. Для проверки достоверности суды исследуют: - целостность данных (отсутствие признаков редактирования или технического вмешательства), - аутентификацию источника (подтверждение того, что документ исходит от конкретного лица), - надежность технических средств и программного обеспечения, использованных для создания и хранения данных.

В случае возникновения сомнений в подлинности электронного доказательства стороны вправе заявить о фальсификации (ст. 161 АПК РФ, ст. 186 ГПК РФ). В этом случае суд назначает судебно-техническую или компьютерно-техническую экспертизу. Однако возможности экспертизы не безграничны: если исследуется не сам физический носитель или оригинальный файл, а его распечатка либо сжатый скриншот, эксперт зачастую не может дать категорический вывод о наличии или отсутствии следов изменения.

Судебная практика показывает, что суды постепенно отходят от формального отрицания неоформленных нотариально электронных данных. Все чаще в качестве доказательств принимаются скриншоты переписок в мессенджерах, если противоположная сторона явно не опровергает факта ведения такой переписки или если её содержание подтверждается другими косвенными доказательствами (банковскими выписками, показаниями свидетелей, актами приема-передачи).

Заключение.

Подводя итог проведенному исследованию, следует констатировать, что электронные доказательства стали неотъемлемой частью современной судебной системы Российской Федерации. Однако законодательная база и судебная практика в данной сфере все еще находятся в процессе активного формирования.

Для решения выявленных проблем собирания и оценки электронных доказательств представляется целесообразным:

Нормативно закрепить понятийный аппарат в процессуальных кодексах (ГПК РФ, АПК РФ, УПК РФ, КАС РФ), установив четкое определение «электронного доказательства» и его базовых видов, а также законодательно прописать статус электронных данных как самостоятельного средства доказывания.

Разработать и утвердить унифицированный процессуальный регламент самостоятельной фиксации электронно-цифровой информации участниками процесса (требования к скриншотам, видеозаписи экрана, фиксации метаданных и сетевых реквизитов).

Расширить практику применения компьютерно-технических экспертиз и активно внедрять специализированные программно-аппаратные комплексы для оперативной фиксации и проверки аутентичности цифровых следов непосредственно судом.

Развивать институт дистанционного получения доказательств и взаимодействия с провайдерами и операторами связи в рамках совершенствования процессуальных механизмов запроса информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 27.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024).
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
5. Абдувалиев М.Д. Электронные доказательства в гражданском и арбитражном процессе: проблемы теории и практики // Вестник гражданского процесса. 2021. № 3. С. 112–128.
6. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. М.: Проспект, 2019. 256 с.
7. Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальные проблемы использования электронных носителей информации // Lex Russica. 2020. № 1. С. 72–83.

8. Горелов М.В. Электронные доказательства в гражданском процессе России: автореф. дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. 24 с.

9. Зайцев С.В. Нотариальное обеспечение электронных доказательств: актуальные вопросы судебной практики // Российская юстиция. 2022. № 6. С. 45–51.

10. Зигура Н.А. Компьютерная информация как средство доказывания по уголовным делам: монография. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2019. 180 с.

11. Семилетов С.И. Электронный документ как продукт информационных технологий и объект правового регулирования // Государство и право. 2020. № 8. С. 91–99.

12. Ткачев А.В. Изъятие и фиксация электронных доказательств: практическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2023. 210 с.

Byashimov T.A.
student of 4th year
field of study: «Law»
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

Brutyan Yu.A.
student of 4th year
field of study: «Law»
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russia)

ELECTRONIC EVIDENCE IN LEGAL PROCEEDINGS: CHALLENGES OF COLLECTION, PRESERVATION AND EVALUATION

Abstract: *this article examines key challenges in collecting, preserving and assessing electronic evidence in Russian legal proceedings. It analyzes the legal regulation of digital information, methods of preserving such information, questions concerning the admissibility and reliability of electronic evidence, and challenges associated with using messenger correspondence, screenshots, electronic documents and digital storage media. Particular attention is paid to the role of courts in assessing electronic evidence and potential ways to improve procedural legislation.*

Keywords: *electronic evidence, digital information, proof, screenshot, electronic document, electronic signature, notarial evidence preservation, forensic examination, reliability.*

УДК 347.736.7

Воробьева С.М.
магистрант 3 курса
Уральский институт управления — филиал
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
(г. Екатеринбург, Россия)

БАНКРОТСТВО ГРАДООБРАЗУЮЩИХ ПРЕДПРИЯТИЙ: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

***Аннотация**: в статье рассматриваются правовые особенности банкротства градообразующих предприятий в Российской Федерации. Анализируются признаки несостоятельности данного юридического лица, критерии отнесения организации к градообразующим, включая установленную долю занятых работников, а также особенности учета численности персонала. Особое внимание уделяется участию органов местного самоуправления и органов государственной власти в процедурах банкротства, направленному на защиту интересов работников, кредиторов и населения, а также на снижение социально-экономических рисков.*

***Ключевые слова**: банкротство, градообразующее предприятие, численность работников, местное самоуправление, государственная власть, социально-экономический риск.*

Банкротство, согласно действующему законодательству, представляет собой состояние юридического лица, официально признанное судом, при котором организация не в состоянии выполнить свои финансовые обязательства перед кредиторами, осуществить обязательные платежи, а также произвести выплаты сотрудникам, включая тех, кто ранее состоял с ней в трудовых отношениях. В соответствии с положениями статьи 65 Гражданского кодекса Российской Федерации, статус банкрота может быть присвоен юридическому лицу по судебному решению, за исключением политических

партий, религиозных объединений, а также казённых предприятий и учреждений.

Согласно российскому конкурсному законодательству, юридическое лицо признается неспособным исполнить свои денежные обязательства перед кредиторами и государственными органами при наличии ряда признаков. В частности, если организация не осуществляет требуемые выплаты в течение трех месяцев с момента наступления установленного срока (п. 2 ст. 3 Закона № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), а совокупный объем предъявленных к ней требований составляет не менее 500 тысяч рублей, включая решения суда, вступившие в законную силу, а также предписания налоговых и таможенных органов о взыскании задолженности за счет денежных средств или имущества должника (ст. 6 Закона № 127-ФЗ).

Неплатежеспособность организации может носить как временный (эпизодический), так и хронический (устойчивый) характер. В контексте банкротства градообразующих предприятий особый интерес представляет именно хроническая неплатежеспособность, при которой компания систематически задерживает выплаты либо полностью утрачивает способность их осуществлять. Это выражается в неспособности погашать задолженности перед кредиторами, в том числе перед банковскими учреждениями, работниками, акционерами и поставщиками. Дополнительно такая организация накапливает задолженность по налогам и другим обязательным платежам, а также усугубляет свое финансовое положение вследствие необходимости уплаты штрафов и иных санкционных выплат [3].

Особенностью процедуры банкротства градообразующих предприятий является обязательное участие органов местного самоуправления, что связано с их ключевой ролью в социально-экономическом развитии региона. Основная задача таких органов – защита интересов населения, минимизация рисков массовой безработицы и смягчение возможных негативных последствий для социальной инфраструктуры [2].

В отдельных случаях в процесс могут быть вовлечены и органы исполнительной власти на федеральном или региональном уровне. Это происходит, если банкротство предприятия затрагивает стратегически важные отрасли, оказывает влияние на экономическую стабильность субъекта РФ или влечет за собой масштабные социальные последствия.

Формы участия публичных органов могут варьироваться от мониторинга ситуации и разработки мер поддержки до непосредственного вмешательства в процесс путем введения внешнего управления, содействия в санации предприятия или реструктуризации его долговых обязательств. Основная цель такого вмешательства – поиск решений, позволяющих сохранить критически важные производственные мощности, обеспечить соблюдение интересов работников и кредиторов, а также поддержать устойчивость региональной экономики.

Согласно действующему законодательству о банкротстве, градообразующими признаются предприятия, численность работников которых составляет не менее 25% от общего количества трудоспособного населения соответствующего населенного пункта.

При этом закон сохраняет преемственность в регулировании и устанавливает, что нормы, касающиеся банкротства градообразующих предприятий, распространяются и на другие организации, если численность их работников превышает пять тысяч человек.

Одним из вопросов, возникающих при определении статуса градообразующего предприятия, является учет сотрудников, работающих в филиалах, представительствах и иных обособленных структурных подразделениях, расположенных за пределами юридического адреса организации. Данная проблема была урегулирована соответствующими разъяснениями Высшего Арбитражного Суда РФ в период действия Закона о банкротстве 1998 года [1].

Процедура банкротства градообразующих предприятий имеет ряд особенностей, обусловленных их значением для экономики и социальной стабильности региона. Участие органов местного самоуправления, а в отдельных случаях – федеральных или региональных органов власти, направлено на минимизацию негативных последствий для населения и предотвращение кризисных ситуаций, связанных с массовой безработицей.

Правовое сопровождение банкротства таких организаций требует учета специфических норм законодательства, включая критерии определения градообразующего статуса, особенности исчисления численности работников и специальные меры правового регулирования. Важную роль в этом процессе играют судебные разъяснения и правоприменительная практика, обеспечивающие единообразие подходов к рассмотрению дел о несостоятельности.

Таким образом, эффективное правовое регулирование банкротства градообразующих предприятий должно учитывать баланс интересов всех участников процесса – кредиторов, работников, государственных органов и самого должника – с целью обеспечения экономической стабильности и защиты социальных прав граждан.

В качестве примера судебной практики возможно привести дело ПК «Ладога ЕвроСтрой» занимавшей ключевую позицию в производстве CLT-панелей для деревянного домостроения в Ленинградской области. Однако в 2021 году, после смены руководства в МСП Банке, финансирование проектов компании было приостановлено. Это привело к невыполнению финансовых обязательств перед кредиторами, включая МСП Банк, что усугубило финансовое положение предприятия [4].

В ответ на финансовые трудности, Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области в 2024 году признал ПК «Ладога ЕвроСтрой» банкротом и ввел процедуру конкурсного производства сроком на шесть месяцев. В рамках этой процедуры был назначен конкурсный управляющий, ответственный за реализацию имущества компании для удовлетворения

требований кредиторов. Особое внимание уделялось сохранению рабочих мест и минимизации социального воздействия на регион.

В судебной практике особое значение имеет установление статуса градообразующего предприятия в процедуре банкротства. В постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08 ноября 2023 года по делу № А56-132129/2022 ООО «Ладога ЕвроСтрой» было признано градообразующим предприятием. Основанием для такого решения послужили следующие обстоятельства.

Во-первых, предприятие является основным работодателем в Сясьстройском городском поселении Ленинградской области. Согласно материалам дела, более 30% трудоспособного населения поселения были заняты на данном предприятии, что превышает установленный законодательством порог в 25% для признания организации градообразующей.

Во-вторых, ООО «Ладога ЕвроСтрой» является крупнейшим налогоплательщиком региона, обеспечивающим существенные поступления в местный бюджет. Финансовая стабильность поселения во многом зависит от деятельности предприятия, а его возможное закрытие привело бы к снижению бюджетных доходов и ухудшению экономической ситуации.

В-третьих, организация активно участвует в социально-экономическом развитии муниципального образования. Предприятие реализует программы по благоустройству, финансирует объекты городской инфраструктуры и оказывает поддержку социально значимым инициативам.

Кроме того, суд указал, что прекращение деятельности ООО «Ладога ЕвроСтрой» приведет к росту безработицы, что создаст серьезные социальные последствия для региона. Массовое увольнение работников повлечет за собой ухудшение уровня жизни населения и усиление социальной напряженности.

Таким образом, совокупность данных факторов позволила суду сделать вывод о наличии признаков градообразующего предприятия у ООО «Ладога ЕвроСтрой» и признать его таковым в рамках процедуры банкротства. Данное решение учитывает не только финансовые показатели, но и влияние

предприятия на социальную и экономическую сферу региона, что подчеркивает важность особого подхода к рассмотрению банкротных дел в отношении крупных системообразующих организаций.

Правовое сопровождение банкротства градообразующих предприятий требует комплексного подхода, учитывающего финансовые, социальные и экономические факторы. На примере ПК «Ладога ЕвроСтрой» видно, как правовые механизмы, включая процедуры конкурсного производства и участие государственных органов, направлены на минимизацию негативных последствий для региона и сохранение социальной стабильности. Эффективное правовое сопровождение в таких случаях играет ключевую роль в обеспечении баланса интересов всех участников процесса и поддержании устойчивости местной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 6 августа 1999 г. № 43 «Вопросы применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в судебной практике» // Вестник ВАС РФ. 1999. № 10. П. 32
2. Жабинская И.С., Мартыненко А.С. Естественные монополии и их роль в экономике России // Концепт. 2020. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/estestvennye-monopolii-i-ih-rol-v-ekonomike-rossii
3. Литичевский Б.В. Банкротство субъектов естественных монополий и градообразующих предприятий: процессуальные особенности // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации): материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–26 марта 2022 года. 2022
4. Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Дело № А56-132136/2022

Vorobeva S.M.
master's degree student of 3rd year
Ural Institute of Management — Branch
Russian Academy of National Economy and Public Administration
(Ekaterinburg, Russia)

BANKRUPTCY OF TOWN-FORMING ENTERPRISES: LEGAL FEATURES AND JUDICIAL PRACTICE

Abstract: *this article examines the legal features of bankruptcy proceedings involving town-forming enterprises in Russia. It analyzes indicators of insolvency for such legal entities and the criteria for classifying an organization as town-forming, including the legally established proportion of the local working population it employs and the methods used to calculate workforce size. Particular attention is paid to the participation of local self-government bodies and state authorities in bankruptcy proceedings to protect the interests of employees, creditors, and local residents and to reduce socioeconomic risks.*

Keywords: *bankruptcy, town-forming enterprise, workforce size, local self-government, state authorities, socioeconomic risk.*

УДК 34

Гаджирагимова К.М.

магистрант 2 курса

Институт магистратуры и заочного обучения

Саратовская государственная юридическая академия

(г. Саратов, Россия)

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КАК МЕХАНИЗМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЮ ПРАВОМ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

***Аннотация**: в статье исследуются процессуальные ограничения как ключевой правовой механизм противодействия злоупотреблению процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. Анализируются доктринальные подходы к понятиям «правовые ограничения» и «злоупотребление правом». Обосновывается, что первичным источником ограничений выступает не судейское усмотрение, а строгая гражданская процессуальная форма и система нормативных барьеров, заложенных в Гражданском процессуальном кодексе РФ. Автором доказывается, что процессуальные ограничения не ущемляют конституционное право на судебную защиту, а упорядочивают состязательность, обеспечивают баланс интересов участников спора и пресекают недобросовестное процессуальное поведение.*

***Ключевые слова**: гражданское судопроизводство, ГПК РФ, процессуальные ограничения, злоупотребление правом, добросовестность, процессуальная форма, состязательность, судебная защита.*

Гражданское судопроизводство традиционно базируется на демократических принципах диспозитивности и состязательности, которые предоставляют участникам спора широкую свободу в выборе механизмов для защиты своих прав и законных интересов. Содержание вышеуказанных принципов в гражданском процессе можно определить как возможность

свободно распоряжаться процессуальными и материальными правами, а также средствами их защиты [1, с. 77]. Или, другими словами, как свободу субъективно заинтересованного лица определять формы и способы защиты нарушенного права или охраняемого законом интереса, предмет судебного рассмотрения, судьбу предмета спора и судьбу процесса [2, с. 38].

Однако реализация этих принципов не может быть абсолютно безграничной. Безграничная свобода действий, не ограниченная процессуальным законодательством, неизбежно ведет к нарушению прав и свобод других участников спора, что является нарушением ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, которая провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц [3]. Такая позиция подчеркивается и Конституционным судом РФ (далее – КС РФ) [4]. Статья 35 Гражданское процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) обязует лиц, участвующих в деле добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами [6].

Однако декларативный призыв к добросовестности, закрепленный в статье 35 ГПК РФ, сам по себе не препятствует злоупотреблению процессуальными правами. Для эффективного пресечения подобного недобросовестного поведения необходимы четкие законодательные ограничения порядка их реализации.

Вместе с тем, правильный и методологически выверенный анализ по поставленной проблематике объективно невозможен без уяснения сущности таких категорий как «процессуальные ограничения» и «злоупотребление правом». Оба эти термина не имеют легальной дефиниции и никак не имеют трактовки со стороны высшей судебной инстанции. Представляется, что позиция некоторых исследователей, проводящих аналогию между материальным и процессуальным законодательством при определении категории «злоупотребление правом» является ошибочной [7].

Если обобщить общетеоретические трактовки к пониманию категории «правовые ограничения» [8,9,10] и спроецировать их подходы на гражданский процесс, то под процессуальными ограничениями следует понимать прямо закрепленные в нормах процессуального закона объективные пределы и условия реализации субъективных процессуальных прав, призванных сужать объем процессуальных возможностей лиц, участвующих в деле. Здесь же заметим, что данные ограничения обеспечиваются как властными полномочиями суда, так и в отношении самого суда.

Злоупотреблением процессуальными правами в процессуальной доктрине понимается как умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса (а в отдельных случаях и суда), сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения [11].

Оговоримся, что первичным источником их реализации выступает не судейское усмотрение, а строгие нормативно закрепленные ограничения. Основная сущность законодательной техники в ГПК РФ заключается в формировании целой системы нормативных предохранителей, исключающих возможность использования процессуальными правами во вред правосудию.

Ярким примером является процессуальное право лица, участвующего в деле лишь извещать суд о причинах своей неявки на судебное заседание (ст. 167 ГПК РФ). Системное толкование норм ГПК РФ (в том числе ст. 167 и 48), подтверждают безоговорочное право лица не являться на судебное заседание, и в таких случаях, дело будет рассмотрено в его отсутствие.

Однако, существует ограничение этого права в некоторых социально значимых категориях дела. К примеру, в делах об установлении отцовства в подавляющем большинстве случаев назначается генетическая экспертиза, где явка сторон спора является обязательной. Суд не может заставить лицо, саботирующего явку на экспертизу, однако, он может признать факт, ради которого назначалась экспертиза, установленным (например, признает отцовство). Таким образом законодатель ставит перед лицом жесткие ограничительные рамки в виде обязательной явки, а суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым.

Формулируя право истца на изменение иска в статье 39 ГПК РФ, законодатель установил жесткий нормативный барьер, запрещающий одновременное изменение предмета и основания иска. В данном случае закон на корню пресекает попытки искусственной трансформации процесса в бесконечный спор. Аналогичную функцию выполняют правила доказывания в проверочных инстанциях, где закрепленный в части 2 статьи 327.1 ГПК РФ запрет на принятие новых доказательств без обоснования уважительности причин их непредставления в первую инстанцию выступает нормативным барьером против тактики сокрытия материалов и затягивания дела.

Для понимания целей процессуальных ограничений следует обратиться к части 3 статьи 17 Конституции Российской Федерации, которая провозглашает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Безграничная свобода действий лиц, участвующих в деле и отсутствие ограничений неизбежно ведет к нарушению прав и свобод других лиц и девальвирует целую систему фундаментальных принципов ГПК РФ: равноправия сторон, состязательности, процессуальной эффективности и экономии, правовой определенности, справедливости и доступности правосудия.

Ярким примером служит ограничение одного из фундаментальных принципов гражданского процесса - принципа гласности. Как справедливо отмечает П. А. Якушев, проведение закрытых судебных заседаний представляет собой процессуальную особенность, которая обусловлена «необходимостью ограничения принципа гласности судопроизводства в целях защиты социально значимых ценностей (тайна усыновления, государственная тайна и др.)» [12, с.314]. Или же, в качестве примера можно привести ограниченные сроки для совершения процессуальных действий (подача иска, апелляционной жалобы), а и их пропуск без уважительных причин ведет к негативным последствиям.

В связи с этим механизм процессуальных ограничений не следует рассматривать исключительно в негативном ключе как карательный инструмент или простое умаление процессуальной свободы субъектов. Напротив, его глубинная правовая природа тесно связана с институтом гражданской процессуальной формы и принципом соразмерности. Строго регламентируя порядок реализации прав и сужая диапазон возможных процессуальных маневров, законодатель создает систему процедурных сдержек и противовесов. Данный механизм позволяет суду эффективно пресекать недобросовестные действия сторон еще до момента причинения реального вреда интересам правосудия, переводя абстрактные нормативные требования в плоскость упорядоченного и дисциплинированного состязательного процесса.

Таким образом, противодействие злоупотреблению правом заложено в саму систему норм ГПК РФ. Процессуальные ограничения действуют как заранее сконструированные законодателем фильтры, превращающие состязательность в упорядоченную процедуру и лишающие стороны нормативной базы для предотвращения недобросовестных действий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Курас Т.Л. Вопросы действия принципа диспозитивности в гражданском процессе РФ // Сибирский юридический вестник. 2008. № 3 (42). С. 76–79.
2. Попов В.В. Встречный иск: сочетание процессуальных принципов и международных норм // Арбитражный и гражданский процесс. 2005. № 10. С. 36–42.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.03.2016 № 7-П // СПС «КонсультантПлюс»
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2023 № 21-П // СПС «КонсультантПлюс»
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532, 2026. № 13. Ст. 1522.
7. Трезубов Е.С., Щеглова Н.С. Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации // Вестник КемГУ. 2013. № 3 (55). Т. 1. С. 288.
8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Саратов. гос. акад. права. Саратов, 1995. 40 с.
9. Куликов М.А. Правовое ограничение как юридическое средство и его роль в механизме правового регулирования // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 157–161. С. 159.
10. Умарова А.А. Институт правовых ограничений: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Грозный, 2018. С. 18.

11. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.15. СПб., 2009. С. 11.
12. Якушев П.А. Процессуальные особенности проведения закрытых судебных заседаний по гражданским делам // Образование и право. 2024. № 5. С. 312–316. С. 312.

Gadzhiragimova K.M.
master's degree student of 2nd year
Institute of Master's and Correspondence Studies
Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia)

PROCEDURAL RESTRICTIONS AS A MECHANISM FOR COUNTERING ABUSE OF RIGHTS IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract: *the article examines procedural restrictions as a key legal mechanism for countering abuse of procedural rights in civil proceedings. It analyzes doctrinal approaches to the concepts of «legal restrictions» and «abuse of rights». It argues that the primary source of restrictions is not judicial discretion but the strict civil procedural framework and system of statutory barriers established by the Russian Civil Procedure Code. The author demonstrates that procedural restrictions do not infringe the constitutional right to judicial protection, rather, they structure adversarial proceedings, balance the interests of the parties to a dispute, and curb bad-faith procedural conduct.*

Keywords: *civil proceedings, Russian Civil Procedure Code, procedural restrictions, abuse of rights, good faith, procedural form, adversarial proceedings, judicial protection.*

УДК 347.918

Голубев Д.В.
студент 3 курса
Московский технологический институт
(г. Москва, Россия)

ТРЕТЕЙСКАЯ ОГОВОРКА В ДОГОВОРАХ МИКРОЗАЙМА: ЗАПРЕТ ЕСТЬ, ПРОБЛЕМА ОСТАЁТСЯ

***Аннотация**: в статье анализируется практика применения третейских соглашений в отношениях между микрофинансовыми организациями (МФО) и заёмщиками-гражданами. Несмотря на то что законодательство разрешает передавать споры по потребительским займам в третейский суд только после возникновения оснований для иска, соответствующие оговорки продолжают массово включаться в типовые договоры. На материале практики сопровождения дел о банкротстве граждан показаны реальные последствия такой ситуации для заёмщиков и предложены конкретные меры по устранению разрыва между законодательным запретом и правоприменительной практикой.*

***Ключевые слова**: третейский суд, микрофинансовая организация, потребительский заём, арбитражная оговорка, банкротство гражданина, защита прав заёмщика.*

Институт третейского разбирательства традиционно позиционируется как альтернативный механизм разрешения гражданско-правовых конфликтов, основанный на добровольном волеизъявлении сторон. Стороны добровольно передают спор на рассмотрение негосударственного органа, оформляя это третейским соглашением [1]. В идеальной модели предполагается, что стороны находятся в примерно равном положении и могут самостоятельно определять состав суда, регламент и сроки разбирательства. Именно на этой предпосылке базируются аргументы в пользу третейской формы: быстрота процедуры, относительно низкие издержки, возможность привлечения арбитров с узкопрофильной квалификацией.

Однако в сфере отношений между микрофинансовыми организациями (МФО) и заёмщиками-гражданами указанная предпосылка не работает. Договор микрозайма заключается на условиях присоединения, и заёмщик фактически лишён возможности влиять на его содержание. Микрозаймы, как правило, выдаются на незначительные суммы и короткие сроки, за ними обращаются преимущественно лица, испытывающие острую потребность в деньгах и не имеющие доступа к банковскому кредитованию. Условие о передаче споров в третейский суд воспринимается такими заёмщиками как рядовая формальность, не заслуживающая пристального внимания. При этом выбор арбитражного учреждения, места проведения разбирательства и порядка распределения расходов фактически остаётся за кредитором. Для МФО третейское разбирательство — это способ ускоренного получения решения, которое после выдачи исполнительного листа принудительно исполняется как судебный акт. Для заёмщика же это зачастую оборачивается фактической утратой возможности полноценно защищать свои интересы в состязательном процессе.

Законодатель не мог игнорировать эту проблему. Общие правила арбитража закреплены в Федеральном законе от 29.12.2015 № 382-ФЗ [1]. Реформа 2016 года, проходившая параллельно с изменениями смежного законодательства, ввела разрешительный порядок для постоянно действующих арбитражных учреждений и существенно ограничила полномочия третейских судов, создаваемых для рассмотрения конкретного спора [1, 6]. Одной из декларируемых целей реформы была борьба с так называемыми «карманными» третейскими судами, которые создавались при одной из сторон и выносили заранее предсказуемые решения [6].

В отношении потребительских займов установлено специальное правило: согласно ст. 13 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ заёмщик и кредитор вправе заключить третейское соглашение исключительно после возникновения оснований для предъявления иска [2]. Поскольку заём, предоставленный МФО физическому лицу, квалифицируется как потребительский, а деятельность самих организаций регулируется Федеральным

законом от 02.07.2010 № 151-ФЗ, указанное ограничение в полной мере распространяется и на отношения с МФО [2, 3].

Смысл данного ограничения достаточно очевиден. До возникновения спора заёмщик не способен оценить ни его предмет, ни последствия отказа от обращения в государственный суд. Согласие на третейское разбирательство, данное при подписании типового договора, не может считаться результатом осознанного свободного выбора. Законодатель переносит момент принятия решения на время, когда стороне уже понятен предмет спора, тем самым пытаясь восстановить то равенство возможностей, которое изначально предполагает третейская форма.

Необходимо уточнить, что именно понимается под основаниями для предъявления иска. Речь идёт о моменте, когда у кредитора возникает право требовать судебной защиты, как правило, в связи с нарушением заёмщиком своих обязательств. Именно с этого момента стороны могут осознанно решать, в каком форуме разрешать возникший конфликт. При подписании договора займа такого момента ещё не существует, поэтому соглашение, заключённое одновременно с договором, противоречит требованию закона уже по самому времени его заключения — независимо от корректности оформления и формулировок самой оговорки.

Из сказанного следует, что оговорка, включённая в договор займа в момент его заключения, является незаконной. Этот вывод находит подтверждение в практике Верховного Суда РФ: в Обзоре 2018 года был рассмотрен случай, когда арбитражная оговорка была включена в договор займа до возникновения оснований для предъявления иска, и суд применил указанную норму [4]. В том же обзоре затрагиваются и иные уязвимые места третейского разбирательства, в частности, аффилированность суда, прекращение его деятельности и надлежащее извещение сторон [4]. Вопросам судебного содействия и контроля в отношении третейского разбирательства посвящены также разъяснения Пленума Верховного Суда РФ [5].

Вместе с тем наличие законодательного запрета не гарантирует его эффективности. Автор занимается сопровождением дел о банкротстве граждан, и в практике регулярно встречаются заёмщики, задолженность которых перед МФО взыскана решением третейского суда. Ситуация, как правило, развивается по одному сценарию. Заёмщик получает заём дистанционно и впоследствии допускает просрочку. О состоявшемся разбирательстве он не знает, а о его результате узнаёт из постановления о возбуждении исполнительного производства либо при списании денежных средств со счёта. Нередко заёмщик уже не помнит и того, что договор содержал соответствующее условие. Эти наблюдения, разумеется, не претендуют на статистическую репрезентативность, но позволяют увидеть, как норма работает с позиции самого заёмщика.

Дополнительную сложность создаёт дистанционная форма заключения договора. Оговорка принимается нажатием кнопки или вводом кода из СМС-сообщения, а экземпляр договора у заёмщика нередко отсутствует либо не сохраняется. В результате спустя время человек не может ни установить, на каких условиях он присоединился к договору, ни проверить, когда именно было дано согласие на третейское разбирательство. Для оценки действительности оговорки принципиально важны именно эти обстоятельства: момент и содержание волеизъявления.

С процессуальной точки зрения положение усугубляется тем, что заявление об отсутствии у третейского суда компетенции должно быть сделано не позднее представления первого заявления по существу спора [1]. Заёмщик, не осведомлённый о разбирательстве, объективно лишён возможности заявить такое возражение. Формальной гарантией остаётся проверка решения государственным судом при выдаче исполнительного листа, и в научной литературе принудительное исполнение справедливо рассматривается как «публичный» элемент третейской процедуры [7]. Однако и на этой стадии заёмщик, не знающий о процессе, нередко занимает пассивную позицию. Следовательно, контроль существует, но приводится в действие лишь при условии осведомлённости самого заёмщика.

Это обстоятельство отражается и на процедуре банкротства. Освобождение гражданина от обязательств, в том числе перед МФО, предусмотрено законом, но если основанием долга служит решение третейского суда, возникает необходимость дополнительно устанавливать обстоятельства его принятия: когда заключено соглашение, как извещался заёмщик, не утрачена ли возможность заявить возражения. Это увеличивает трудоёмкость работы и её стоимость для лица, которое, как правило, не располагает достаточными средствами.

Устойчивость проблемы, по мнению автора, объясняется тремя причинами. Во-первых, нарушение запрета практически не влечёт неблагоприятных последствий для самой МФО: оговорка включается в типовой договор однократно и действует во всех займах, а признание её недействительной в конкретном деле остаётся частным результатом, не меняющим типовых условий. Во-вторых, заёмщик не обладает информацией о правовых ограничениях и не знает, как действовать после вынесения решения. Оспаривание без квалифицированной юридической помощи для него затруднительно, а услуги юриста требуют средств, которых у него, как правило, нет. В-третьих, сохраняется риск аффилированности третейского суда, выбранного кредитором заранее: реформа была направлена против таких судов [6], но, как отмечает и Верховный Суд РФ [4], полностью этот риск не устранён.

Сторонники более широкого применения третейского разбирательства обычно ссылаются на разгрузку государственных судов, скорость и экономию средств, и в отношениях равных участников оборота эти доводы выглядят убедительно. Применительно же к потребительским займам они теряют свой вес, поскольку скорость и дешевизна разбирательства достигаются здесь за счёт того, что одна сторона фактически не участвует в процессе. Эффективность, при которой слабая сторона не имеет возможности изложить свою позицию, не может признаваться самостоятельной ценностью. Именно поэтому ограничения, введённые законодателем, следует рассматривать как оправданные, а не как избыточное вмешательство в свободу договора.

Исходя из сказанного, представляется целесообразным предложить следующие меры. Во-первых, Банк России, осуществляющий надзор за МФО, мог бы включить в круг проверок анализ типовых договоров на предмет наличия третейских оговорок, противоречащих ст. 13 Закона № 353-ФЗ [2]. Такой подход более эффективен, чем ожидание индивидуального оспаривания каждой оговорки. Во-вторых, следует законодательно закрепить способы извещения заёмщика о третейском разбирательстве, требующие подтверждения получения извещения, и учитывать при выдаче исполнительного листа, каким образом заёмщик был уведомлён [4]. В-третьих, необходима системная информационная работа, направленная на то, чтобы заёмщик на стадии подписания договора и при получении претензии понимал, что закон ограничивает применение третейских оговорок в потребительских займах. Вести её могут как регулятор и организации по защите прав потребителей, так и юристы, специализирующиеся на долговых спорах.

Закон сознательно ограничивает третейские оговорки в потребительском микрокредитовании, исходя из уязвимого положения заёмщика [2]. Однако на практике это ограничение нередко остаётся формальным: оговорки по-прежнему включаются в типовые договоры, а о разбирательстве заёмщик узнаёт лишь после вынесения решения. Без проверки типовых условий, надёжного механизма извещения и системного информирования заёмщиков запрет остаётся декларацией, и отстаивать свои права приходится каждому заёмщику самостоятельно.Закон сознательно ограничивает третейские оговорки в потребительском микрокредитовании, исходя из уязвимого положения заёмщика [2]. Однако на практике это ограничение нередко остаётся формальным: оговорки по-прежнему включаются в типовые договоры, а о разбирательстве заёмщик узнаёт лишь после вынесения решения. Без проверки типовых условий, надёжного механизма извещения и системного информирования заёмщиков запрет остаётся декларацией, и отстаивать свои права приходится каждому заёмщику самостоятельно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»: Федеральный закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.
2. «О потребительском кредите (займе)»: Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6673.
3. «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»: Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 27. Ст. 3435.
4. Обзор практики рассмотрения судами дел, связанных с выполнением функций содействия и контроля в отношении третейских судов и международных коммерческих арбитражей: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.12.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Степурина С.Г. Третейская реформа // Law Enforcement Review. 2017. Т. 1, № 2. С. 227–231. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(2).227-231.
7. Петрунева А.Н. Принудительное исполнение решения третейского суда как «публичный» элемент процессуальной формы арбитража // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 14, № 5. С. 77–98. DOI: 10.17323/2072-8166.2021.5.77.98.

Golubev D.V.
student of 3rd year
Moscow Institute of Technology
(Moscow, Russia)

ARBITRATION CLAUSE IN MICROLOAN AGREEMENTS: BAN IN PLACE, PROBLEM PERSISTS

Abstract: *the article examines the use of arbitration agreements in relations between microfinance organizations (MFOs) and individual borrowers. Although legislation permits consumer loan disputes to be referred to arbitration only after grounds for bringing a claim have arisen, such clauses continue to be routinely included in standard-form agreements. Drawing on practical experience in handling personal bankruptcy cases, the article demonstrates the consequences for borrowers and proposes specific measures to close the gap between the statutory prohibition and enforcement practice.*

Keywords: *arbitral tribunal, microfinance organization, consumer loan, arbitration clause, personal bankruptcy, borrower rights protection.*

УДК 347.73

Губанова В.А.
студент 2 курса
кафедра социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин
Челябинский филиал
Финансовый университет при Правительстве РФ
(г. Челябинск, Россия)

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА РАСЧЕТОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БАНКОВСКИХ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ

***Аннотация**: в данной статье исследуется правовая природа расчетных отношений, возникающих с использованием банковских платежных карт. Анализируются доктринальные подходы к квалификации договора о выдаче и обслуживании банковской карты, а также соотношение данного договора с договорами банковского счета и кредитным договором. Автором обосновывается смешанная правовая природа указанного договора, содержащего элементы различных поименованных в Гражданском кодексе РФ договорных конструкций. Рассматриваются особенности применения к данным отношениям правил о смешанном договоре (п. 3 ст. 421 ГК РФ) и договоре присоединения (ст. 428 ГК РФ). Отдельное внимание уделяется правовому регулированию безналичных расчетов с использованием электронных средств платежа в условиях цифровизации экономики. Делается вывод о необходимости совершенствования законодательного регулирования в целях устранения правовых пробелов и защиты прав участников расчетных отношений.*

***Ключевые слова**: банковская платежная карта, правовая природа, смешанный договор, банковский счет, электронное средство платежа, безналичный расчет, присоединение.*

Банковские платежные карты стали неотъемлемым элементом современного имущественного оборота. По состоянию на середину 2022 года в России было эмитировано такое количество платежных карт, которое позволяло обеспечить каждого гражданина страны как минимум двумя картами.

В условиях цифровой трансформации экономики безналичные платежи стремительно вытесняют наличные, что обусловливает повышенный научный интерес к правовой природе расчетных отношений, складывающихся с использованием банковских карт.

Несмотря на широкое распространение данного платежного инструмента, в цивилистической науке отсутствует единый подход к определению правовой природы договора о выдаче и обслуживании банковской карты. Законодатель не закрепляет специальной договорной конструкции для регулирования данных отношений, что порождает дискуссии о квалификации этого договора как разновидности договора банковского счета, кредитного договора либо sui generis (договора особого рода). Актуальность исследования обусловлена также необходимостью выработки единообразного подхода к разрешению споров, возникающих из карточных расчетов, что подтверждается наличием многочисленных судебных дел по данной категории.

Цель исследования — исследование правовой природы договора о выдаче и обслуживании банковской карты и его квалификация в качестве смешанного договора в системе гражданского права.

Материалы и методы исследований.

Методологическую основу исследования составили общенаучные (диалектический, системный, анализ, синтез) и частнонаучные методы познания. Среди специальных юридических методов применены формально-юридический (анализ норм Гражданского кодекса РФ, Федерального закона «О национальной платежной системе», Положения Банка России об эмиссии платежных карт), сравнительно-правовой (сопоставление различных видов договоров, используемых в карточных расчетах), а также метод толкования правовых норм.

Нормативную базу составляют Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», Положение Банка России от 24.12.2004 № 266-П «Об эмиссии платежных карт

и об операциях, совершаемых с их использованием». В работе использованы труды таких исследователей, как А.И. Бычков, В.Ю. Иванов, М.К. Сидорук, Д.С. Петряшов, Ю.А. Крохина, В.А. Самохин, а также материалы судебной практики за 2024–2025 гг.

Результаты и обсуждения.

В цивилистической науке сложилось несколько основных подходов к определению правовой природы договора, опосредующего расчеты с использованием банковских карт.

Первый подход рассматривает данный договор как разновидность договора банковского счета (гл. 45 ГК РФ) с некоторыми особенностями, обусловленными технологией использования карт. В частности, М.К. Сидорук отмечает, что договор о выпуске и обслуживании расчетной (дебетовой) карты является договором банковского счета с небольшими особенностями, касающимися порядка расторжения и правового режима остатка денежных средств [1]. Данная позиция основана на том, что для учета операций с картой клиенту открывается специальный карточный счет, а карта выступает лишь инструментом доступа к этому счету.

Второй подход, которого придерживается Д.С. Петряшов, рассматривает договор эмиссии как особую договорную конструкцию, объединяющую вокруг себя несколько договоров в зависимости от вида банковской карты. При этом в случае выпуска дебетовой карты договор является разновидностью договора банковского счета, а при предоставлении кредита (овердрафта) — смешанным договором [2]. Аналогичной позиции придерживается А.И. Бычков, рассматривающий договор на выдачу и обслуживание банковской карты как смешанный договор [3].

Третий подход (А.Г. Карапетов, А.И. Савельев, Т.И. Микони) рассматривает договор об эмиссии как непоименованный (sui generis) договор, который не тождественен договору банковского счета. Сторонники этого подхода акцентируют внимание на организационной природе данного договора,

который подготавливает осуществление в будущем неограниченного количества расчетных операций [4].

Представляется, что наиболее обоснованным является подход, квалифицирующий договор о выдаче и обслуживании банковской карты как смешанный договор (п. 3 ст. 421 ГК РФ). Данный договор содержит элементы как договора банковского счета (открытие и ведение счета для учета операций), так и самостоятельного расчетного договора, регулирующего порядок составления и исполнения расчетных документов с использованием карты.

Особенность рассматриваемого договора заключается в том, что один его элемент — договор банковского счета — предусмотрен законом (ГК РФ), а другой — договор о совершении расчетов по операциям с использованием банковской карты — закреплен нормативным актом Банка России (Положение № 266-П). Это означает, что к отношениям сторон по такому смешанному договору применяются в соответствующих частях правила о договорах, элементы которых в нем содержатся, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Квалификация договора как смешанного имеет важное практическое значение. Например, при закрытии карточного счета возникает проблема, связанная с тем, что расчетные документы с требованиями к счету могут поступать в течение 30–45 дней после закрытия, тогда как ст. 859 ГК РФ предусматривает выдачу остатка средств в семидневный срок. В данном случае правило о семидневном сроке противоречит существу договора о выдаче и обслуживании карты и на основании правила о смешанном договоре применяться не должно, а подлежит применению срок, установленный договором между эмитентом и держателем карты [5].

Важно также учитывать, что практически все договоры с держателями карт заключаются в форме договора присоединения (ст. 428 ГК РФ). Это означает, что условия договора определяются банком в стандартных формах и клиент может принять их только путем присоединения к договору в целом.

В случае, если договор присоединения лишает клиента прав, обычно предоставляемых по договорам такого вида, или содержит явно обременительные условия, присоединившаяся сторона вправе требовать его расторжения или изменения.

В условиях цифровизации экономики особое значение приобретает вопрос о правовой природе электронных денежных средств и электронных средств платежа. Ю.А. Крохина обоснованно отмечает, что электронные деньги следует рассматривать как разновидность безналичных средств, где право требования возникает не по договору банковского счета, а по договору о выпуске и использовании банковской карты [6]. В.А. Самохин, анализируя классификацию электронных средств платежа (ЭСП), подчеркивает, что банковская карта в правовом смысле рассматривается как электронный носитель информации, используемый в рамках ЭСП, а не как самостоятельное средство платежа [7].

Легальное определение электронного средства платежа закреплено в п. 19 ст. 3 Федерального закона № 161-ФЗ: это средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверять и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов. Существенным признаком ЭСП выступает использование информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации (включая платежные карты) и иных технических устройств [8].

Анализ судебной практики показывает, что споры, связанные с использованием банковских карт, часто касаются правомерности блокировки карт и ограничения дистанционного обслуживания. Так, в одном из дел суд признал правомерным ограничение банком дистанционного обслуживания карты на основании правил внутреннего контроля в целях противодействия легализации доходов, полученных преступным путем [9]. При этом суд руководствовался положениями ст. 845 и 858 ГК РФ о том, что банк не вправе определять и контролировать направления использования денежных средств

клиента, однако ограничения могут устанавливаться в случаях, предусмотренных законом или договором [10].

Практика также демонстрирует, что дела о признании банковских операций недействительными, совершенных под влиянием обмана или заблуждения (ст. 178, 179 ГК РФ), требуют тщательного доказывания наличия умысла со стороны банка или его осведомленности об обмане. В большинстве случаев суды отказывают в удовлетворении таких исков, если банк действовал в соответствии с условиями договора и не был стороной мошеннических действий [9, 10].

Выводы.

Правовая природа расчетов с использованием банковских платежных карт носит сложный, комплексный характер, обусловленный сочетанием договорных конструкций банковского счета и расчетного договора.

Договор о выдаче и обслуживании банковской карты является смешанным договором (п. 3 ст. 421 ГК РФ), содержащим элементы договора банковского счета (гл. 45 ГК РФ) и договора о совершении расчетов по операциям с использованием банковской карты, регулируемого нормативными актами Банка России.

К отношениям сторон по данному смешанному договору подлежат применению правила о договорах, элементы которых в нем содержатся, за исключением случаев, когда такие правила противоречат существу смешанного договора или соглашению сторон.

Практическая значимость квалификации договора как смешанного проявляется при разрешении коллизий, в частности, при определении срока возврата остатка денежных средств при закрытии карточного счета.

Банковская платежная карта не является самостоятельным объектом гражданских прав, а представляет собой электронное средство платежа — инструмент доступа к денежным средствам на банковском счете.

Законодатель должен устранить имеющийся пробел и легализовать в Гражданском кодексе РФ договор об эмиссии и использовании банковских платежных карт, что позволит обеспечить единообразное регулирование и правовую определенность в данных отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сидорук М.К. Договор банковского счета и его разновидности: монография. М.: Статут, 2023. 215 с.
2. Петряшов Д.С. Правовая природа договора о выдаче и использовании банковской карты // Юридический вестник. 2023. № 2. С. 112–120
3. Бычков А.И. Смешанный договор на выдачу и обслуживание банковской карты // Банковское дело. 2024. № 1. С. 82–85
4. Савельев А.И., Микони Т.И. Смешанные и непоименованные договоры в банковской сфере // Вестник гражданского права. 2024. № 4. С. 78–95
5. Иванов В.Ю. Договор об эмиссии банковской карты: проблемы квалификации // Актуальные проблемы гражданского права. 2023. № 3. С. 45–58
6. Крохина Ю.А. Цифровизация экономики как детерминанта эволюции правового регулирования безналичных денежных средств // Экономика. Право. Общество. 2024. Т. 9. № 4. С. 51–57. DOI: 10.21686/2411-118X-2024-4-51-57
7. Самохин В.А. Классификация электронных средств платежа и их правовой режим // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 2. С. 89–97
8. Гаджиев Г.А. (ред.). Объекты гражданских прав: научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. М.: Статут, 2025
9. Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 18 марта 2025 г. по делу № 33-346/2025. URL: http://www.uloblsud.ru
10. Решение Гагаринского районного суда г. Москвы от 26 июня 2025 г. по делу № 2-4552/2025. URL: https://sudact.ru

Gubanova V.A.
student of 2nd year
Department of Social Sciences, Humanities and Natural Sciences
Chelyabinsk Branch
Financial University under Government of Russian Federation
(Chelyabinsk, Russia)

LEGAL NATURE OF SETTLEMENTS USING BANK PAYMENT CARDS

Abstract: *this article examines the legal nature of settlement relationships arising from the use of bank payment cards. It analyzes doctrinal approaches to the legal classification of bank card issuance and servicing agreements, as well as their relationship to bank account and credit agreements. The author argues that such agreements have a mixed legal nature, combining elements of different types of contract expressly provided for in the Russian Civil Code. The article examines the application of rules governing mixed contracts (Article 421(3) of the Civil Code) and adhesion contracts (Article 428 of the Civil Code) to these relationships. Particular attention is paid to the legal regulation of cashless settlements using electronic means of payment amid economic digitalization. The article concludes that legislation needs to be improved to close legal gaps and protect the rights of parties to settlement relationships.*

Keywords: *bank payment card, legal nature, mixed contract, bank account, electronic payment instrument, cashless settlement, adhesion.*

УДК 343.98

Давыдов Д.Д.
студент 4 курса
Западный филиал
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
(г. Калининград, Россия)

Научный руководитель:
Соич Л.М.
кандидат юридических наук, доцент
кафедра юриспруденции
Западный филиал
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
(г. Калининград, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ БИОМЕТРИЧЕСКИХ ДАННЫХ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИНФОРМАЦИОННО-ПОИСКОВЫХ СИСТЕМАХ

***Аннотация**: в статье рассматриваются основные формы и правила применения биометрических данных в криминалистике. Исследованы современные автоматизированные системы, используемые в деятельности правоохранительных органов, а также выявлены свойства и требования, предъявляемые к биометрическим образцам идентификации личности.*

***Ключевые слова**: биометрические данные, криминалистика, информационно-поисковая система, идентификация личности, автоматизация, правоохранительные органы, идентификационный образец.*

В современных реалиях, когда общество и технологии развиваются и совершенствуются, актуальной проблемой является обеспечение безопасности людей во всех сферах. Актуальность темы применения биометрических данных в криминалистических информационно-поисковых системах (далее – ИПС) в настоящее время трудно переоценить. Биометрические технологии, биометрические данные в настоящее время помогают в обеспечении безопасности и являются одним из важнейших способов реализации правосудия. В данной статье будут рассмотрены основные правила и формы, которыми руководствуются при использовании биометрических технологий в криминалистике. Не только правоохранительные органы активно ими пользуются при раскрытии и расследовании преступлений, но и ученые, а также студенты юридических факультетов могут воспользоваться технологиями и на основе этого и своих знаний исследовать и изучать криминалистические методики расследования преступлений.

Прежде чем переходить к анализу конкретных информационно-поисковых систем, необходимо определиться с содержанием понятия «биометрические данные» в контексте криминалистической деятельности. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 152-ФЗ «О персональных данных» определяет биометрические персональные данные как сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность, и которые используются оператором для установления личности.

В криминалистической литературе данное понятие трактуется шире. В фундаментальном учебнике под редакцией Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина, Ю.Г. Корухова и Е.Р. Россинской отмечается, что биометрические объекты в криминалистическом учёте обладают особой доказательственной ценностью, поскольку их идентификационный потенциал зачастую выше, чем у традиционных субъективных учётов, основанных на словесном описании внешности [2, с. 412].

Авторы подчёркивают, что переход от качественного описания признаков к их количественному, математически формализованному выражению составляет суть современного этапа развития криминалистической регистрации.

Индийская система «Aadhaar» является одной из крупнейших систем биометрической идентификации, которая была создана государственной организацией Индии «UIDAI». Задачи у этой системы, на первый взгляд, простые: хранение биометрических данных, таких как отпечатки пальцев, сетчатки глаза и др. И в этой базе хранятся данные более 1.190.000.000 людей, и в число этих людей входят не только жители Индии, но и других крупных стран мира. Вся эта система, в основном, связана с получением государственных услуг (по типу наших гос.услуг), но также она помогает в борьбе с мошенничеством, налоговыми учетами, выездом за границу, получением виз и много других функций. Эта крупнейшая система работает около 15 лет и по данным TAdviser [1] обеспечивает высочайшую точность проверки данные в течение всего лишь 20 секунд.

По причине того, что данная система настолько автоматизирована, идентификация личности биометрических данных позволяет создавать единую базу данных, с последующим исключением мошеннического и несанкционированного доступа к этим системам. Система даже может выявлять нарушения в мимике, позах и в других поведенческих особенностях личности, что позволяет максимально быстро (насколько это, конечно, возможно сейчас) выявлять противоправные намерения.

Обычно такие системы по идентификации личности и биометрического распознавания используются для двух предназначений, которые, наверняка уже многие знают:

1) первое – это верификация. Можно сказать, что суть такого способа заключается в сравнении. Процесс представляет собой определенную проверку тех или иных данных (будь то личность или документы), она отвечает на вопрос «это настоящий человек?», «похож ли он на того, кто есть в базе»,

2) второе – это идентификация. Процесс представляет собой установление, так называемое, тождество объекта или личности, он отвечает на вопрос «кто это?», «что это?».

Основная разница этих двух понятий в том, что верификация ведет сравнение, а идентификация предоставляет уже существующую информацию.

В криминалистической технике традиционно выделяют две группы биометрических признаков: статические (физиологические) – папиллярные узоры пальцев рук, строение лица, радужная оболочка глаз, генетический код, и динамические (поведенческие) – особенности подписи, почерка, голоса, походки. В информационно-поисковых системах правоохранительных органов преимущественное распространение получили статические признаки, поскольку они обладают большей устойчивостью и пригодны для формализации.

Правовая основа функционирования биометрических учётов имеет сложную, многоуровневую структуру. Основополагающим здесь выступает Федеральный закон от 25 июля 1998 года № 128-ФЗ «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации», который устанавливает обязательный и добровольный порядок сбора дактилоскопической информации, категории лиц, подлежащих регистрации, а также правила хранения и использования дактилоскопических массивов []. Геномная регистрация регламентируется Федеральным законом от 3 декабря 2008 года № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации», который, однако, вызывает больше дискуссий в научной среде, нежели его дактилоскопический аналог []. В литературе неоднократно отмечалось, что ДНК содержит не только идентификационные признаки, но и сведения о происхождении, состоянии здоровья, наследственных предрасположенностях человека, что выходит за пределы уголовно-процессуальных целей и требует более строгого правового регулирования.

В структуре криминалистических ИПС, использующих биометрию, можно выделить три крупных блока. Первый и наиболее развитый – автоматизированные дактилоскопические информационные системы (АДИС).

На вооружении экспертно-криминалистических подразделений МВД России находятся такие программно-аппаратные комплексы, как «Папилон», «Сонда+», «АДИС «Реф-2» и другие. Как отмечает А.А. Сафонов в своей работе, посвящённой современному состоянию АДИС в органах внутренних дел, эти системы позволяют существенно сократить время поиска и повысить эффективность идентификации личности по следам рук, изъятым с мест происшествий []. Принцип работы АДИС основан на сравнении дактилоскопической карты неизвестного лица с массивом дактокарт по балльной системе, с последующим выделением списка кандидатов, имеющих наибольшее количество совпадающих признаков (папиллярных линий, минюций). Как справедливо отмечает Е.П. Ищенко в своих работах, посвящённых цифровизации криминалистической техники, даже при высоком проценте совпадений, выдаваемых системой, окончательное решение о тождестве принимает эксперт-криминалист, а результаты автоматизированного поиска требуют последующего подтверждения в форме традиционной дактилоскопической экспертизы, чтобы приобрести процессуальное значение [3, с. 87].

Второй блок образуют государственные информационные системы, связанные с геномной регистрацией. Согласно Федеральному закону № 242-ФЗ, обязательной геномной регистрации подлежат лица, осуждённые за тяжкие и особо тяжкие преступления, а также неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе следственных действий, и неопознанные трупы []. Здесь ключевой особенностью является вероятностный характер идентификации: сравнение производится по определённым локусам ДНК, и вероятность случайного совпадения генетического профиля оценивается статистически. В научной дискуссии, развернувшейся на страницах профильных изданий, неоднократно поднимался вопрос о том, какой уровень статистической достоверности следует считать достаточным для принятия процессуального решения.

Использование вероятностных методов идентификации требует особой осторожности при формировании выводов эксперта, поскольку ошибка в оценке статистической значимости совпадения может повлечь судебную ошибку.

Третий блок – системы распознавания лиц, которые в последние годы получили наиболее динамичное развитие. Аппаратно-программные комплексы, интегрированные с городскими системами видеонаблюдения («Безопасный город», «Безопасный регион»), позволяют в режиме реального времени сверять видеопоток с фотографиями из розыскных учётов, баз данных ГИБДД, а также с фотографиями, извлечёнными из открытых источников, включая социальные сети. Правовой режим таких систем до настоящего времени остаётся не до конца урегулированным. Исследователи отмечают, что отсутствие единой законодательной базы, регламентирующей порядок сбора, хранения и использования биометрических данных в правоохранительных целях, создаёт риски произвольного расширения полномочий оперативных служб []. Действительно, если дактилоскопическая и геномная регистрация имеют развёрнутое законодательное регулирование, то применение систем распознавания лиц зачастую основывается лишь на ведомственных приказах, не прошедших широкого публичного обсуждения.

Технология поиска в биометрических системах принципиально отличается от поиска в традиционных алфавитно-справочных учётах, где запрос строится на точном совпадении реквизитов. Биометрический поиск носит вероятностный характер, и это порождает целый ряд тактических и процессуальных проблем. В АДИС запрос представляет собой дактилоскопическую карту неизвестного лица, которая сравнивается с массивом дактокарт по балльной системе. Эксперт-криминалист, оценивая результаты, руководствуется методическими рекомендациями и собственным профессиональным опытом. Однако даже при высоком проценте совпадений требуется последующее проведение дактилоскопической экспертизы для придания выводу процессуальной силы.

С геномными учётами ситуация аналогична, но здесь добавляется сложность статистической интерпретации. В судебной практике известны случаи, когда защитники заявляли ходатайства об исключении заключений геномных экспертиз, ссылаясь на недостаточную разработанность методик или нарушение процедуры получения образцов. Как указывается в апелляционных определениях судов общей юрисдикции, само по себе наличие генетического профиля в федеральной базе не является безусловным доказательством виновности, а должно рассматриваться в совокупности с другими доказательствами, что подтверждает выводы учёных о необходимости комплексного подхода к оценке биометрической информации.

В системе распознавания лиц ключевой проблемой становится ошибка первого рода – ложное отождествление. В открытой печати неоднократно описывались случаи, когда система распознавания лиц ошибочно идентифицировала прохожих как находящихся в розыске, что влекло их доставление в отдел полиции и последующее разбирательство. Хотя формально проверка документов в общественном месте допустима, сам факт автоматизированного решения, не подтверждённого оперативным сотрудником, ставит вопрос о допустимости использования таких результатов без дополнительной верификации. Как отмечается в криминалистической литературе, автоматизация идентификационных процедур не должна подменять собой человеческое решение, особенно в ситуациях, когда речь идёт о конституционных правах и свободах граждан [].

Помимо технических и тактических сложностей, внедрение биометрических ИПС сопряжено с серьёзными правовыми и этическими рисками. Создание крупных биометрических массивов повышает риски злоупотреблений. Не исключены ситуации, когда недобросовестные сотрудники могут использовать доступ к базам для незаконного сбора компрометирующей информации или, напротив, для уничтожения данных о лицах, имеющих отношение к преступной деятельности.

В научных публикациях последних лет неоднократно поднимался вопрос о необходимости усиления ведомственного контроля за доступом к биометрическим базам данных.

В научной литературе активно обсуждается вопрос о необходимости принятия единого федерального закона, регулирующего оборот биометрических данных в правоохранительных целях. Ряд авторов, в том числе Е.П. Ищенко и А.А. Топорков, предлагают унифицировать подходы к определению допустимости биометрических данных в качестве доказательств, установить единые сроки их хранения и порядок уничтожения [2, с. 93]. Другие исследователи, напротив, предостерегают от излишней централизации, указывая на риск создания «тотальной системы слежения», несовместимой с принципами правового государства. Эта дискуссия, развернувшаяся на страницах таких изданий, как «Вестник Тюменского государственного университета» и «Российский следователь», пока не привела к консенсусу, но сам факт её существования свидетельствует о высокой степени общественного и научного внимания к проблеме [].

Перспективы развития криминалистических ИПС, использующих биометрию, связываются с несколькими направлениями. Во-первых, это создание единой федеральной платформы биометрической идентификации, объединяющей дактилоскопические, геномные и фотоучёты. Такая платформа могла бы функционировать на базе существующей Единой биометрической системы (оператор – АО «Ростелеком») с предоставлением правоохранительным органам доступа в рамках уголовного судопроизводства. Во-вторых, назрела необходимость внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части признания результатов автоматизированной биометрической идентификации в качестве доказательств. В настоящее время результаты работы АДИС или системы распознавания лиц оформляются справкой или рапортом, которые сами по себе не являются заключением эксперта.

В-третьих, требуется совершенствование ведомственного контроля за доступом к биометрическим базам. Целесообразно использовать технологии логирования для фиксации каждого запроса к системе, чтобы обеспечить неизменность истории доступа и возможность выявления несанкционированных действий.

Подводя итог, можно констатировать, что биометрические данные стали неотъемлемым элементом криминалистических информационно-поисковых систем. АДИС, геномные учёты и системы распознавания лиц существенно повышают эффективность раскрытия преступлений, сокращают время установления личности, позволяют раскрывать преступления «по горячим следам» даже при отсутствии традиционных улик. Вместе с тем внедрение биометрических технологий в правоохранительную деятельность требует тщательного правового регулирования, поскольку затрагивает конституционные права граждан на неприкосновенность частной жизни и защиту персональных данных. Законодатель должен найти баланс между публичным интересом в борьбе с преступностью и частным интересом в сохранении биометрической конфиденциальности. Пока же можно говорить о фрагментарности правовой базы и отсутствии единых стандартов применения биометрии в криминалистике. В этой связи дальнейшие научные исследования должны быть направлены на разработку концепции федерального закона о биометрической идентификации в правоохранительной сфере, а также на совершенствование методик экспертного исследования биометрических данных с учётом цифровых реалий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Российская Федерация. Законы. «О персональных данных»: Федеральный закон № 152-ФЗ: принят Государственной Думой 8 июля 2006 года: одобрен Советом Федерации 14 июля 2006 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451
2. Российская Федерация. Законы. «О государственной дактилоскопической регистрации в Российской Федерации»: Федеральный закон № 128-ФЗ: принят Государственной Думой 3 июля 1998 года: одобрен Советом Федерации 9 июля 1998 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31. Ст. 3803
3. Российская Федерация. Законы. «О государственной геномной регистрации в Российской Федерации»: Федеральный закон № 242-ФЗ: принят Государственной Думой 19 ноября 2008 года: одобрен Советом Федерации 26 ноября 2008 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 49. Ст. 5743
4. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: Инфра-М, 2019. 928 с.
5. Ищенко Е.П. Криминалистика в условиях цифровизации: монография. Москва: Проспект, 2020. 304 с.
6. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика: учебник. 2-е изд., испр., доп. и перераб. Москва: Инфра-М: Контракт, 2010. 784 с.
7. Сафонов А.А. Современное состояние и перспективы развития автоматизированных дактилоскопических информационных систем в органах внутренних дел // Российский следователь. 2021. № 5. С. 18–22
8. TAdviser: государственный индийский проект биометрической идентификации Aadhaar. URL: https://www.tadviser.ru (дата обращения: 07.10.2026)

Davydov D.D.
student of 4th year
Western Branch
Russian Academy of National Economy and Public Administration
(Kaliningrad, Russia)

Scientific advisor:
Soich L.M.
PhD in Law, Associate Professor
Department of Law
Western Branch
Russian Academy of National Economy and Public Administration
(Kaliningrad, Russia)

FEATURES OF USING BIOMETRIC DATA IN FORENSIC INFORMATION RETRIEVAL SYSTEMS

Abstract: *the article examines the main forms and rules for using biometric data in forensic science. It examines modern automated systems used by law enforcement agencies and identifies the properties and requirements of biometric samples used for personal identification.*

Keywords: *biometric data, forensic science, information retrieval system, personal identification, automation, law enforcement agencies, identification sample.*

УДК 347.6

Ерофеева Е.А.
магистрант
юридический факультет
Калужский институт (филиал)
Московский гуманитарно-экономический университет
(г. Калуга, Россия)

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ КАК НАСЛЕДНИКИ НЕДВИЖИМОСТИ: ВЫМОРОЧНОЕ ИМУЩЕСТВО МЕЖДУ ПУБЛИЧНЫМ ИНТЕРЕСОМ И ЗАЩИТОЙ ЧАСТНЫХ ПРАВ

***Аннотация**: автором статьи рассматривается особый статус публично-правового образования как наследника, проблемы выявления и оформления выморочной недвижимости, соблюдения баланса интересов публичного собственника с интересами возможных наследников, добросовестных приобретателей и кредиторов. Дается предложение по возможности устранения пробелов законодательства в данной сфере. Делается вывод о том, что для улучшения правовой среды и защиты интересов необходим комплексный подход.*

***Ключевые слова**: наследование недвижимости, выморочное имущество, публично-правовое образование, баланс интересов, правопреемство, 1151 ГК РФ.*

Наследование недвижимости обычно рассматривают как отношение между гражданами или, реже, между гражданином и организацией. Но есть случай, когда наследником оказывается само государство или муниципальное образование, причём без заявления, без решения суда и нередко без собственного ведома. Речь идёт о выморочном имуществе. Квартира, дом или земельный участок, у которых нет наследников, переходят публичному собственнику в момент смерти прежнего владельца, а вместе с ними к нему переходят налоги,

коммунальные долги и обязанность содержать объект, о существовании которого он может ничего не знать.

Эта конструкция вызывает немало вопросов в литературе. Е.Г. Белькова и Е.Л. Полетаева прямо пишут о теоретических трудностях обоснования порядка перехода выморочного имущества к публичным образованиям [4, с. 30]. К.В. Кравченко ещё раньше поставила вопрос о том, является ли такой переход наследственным правопреемством [5, с. 53]. Л.А. Чеговадзе рассматривает последствия бездействия публично-правовых образований для их права собственности на выморочное имущество [6, с. 27]. В последние годы к теме неоднократно обращался Конституционный Суд РФ, и именно его позиции 2017–2025 годов во многом определяют современное состояние вопроса.

Автоматический переход выморочной недвижимости к публичному собственнику оправдан, потому что он не даёт имуществу остаться без хозяина. Однако эта конструкция переносит риски на частных лиц и на сами муниципальные образования, а закон не даёт инструментов, которыми эти риски можно было бы снизить. Прежде всего это касается порядка выявления и учёта выморочного имущества, который статья 1151 ГК РФ оставляет на усмотрение будущего закона. Поэтому нужны точечные изменения, а не пересмотр самого института.

Имущество умершего считается выморочным, если нет наследников ни по закону, ни по завещанию, либо никто из них не имеет права наследовать или все отстранены от наследования, либо никто не принял наследство, либо все отказались, и при этом никто не указал, что отказывается в пользу другого наследника (п. 1 ст. 1151 ГК РФ) [1]. Это означает, что выморочность наступает и тогда, когда наследники есть, но не воспользовались своим правом.

Кому именно достаётся недвижимость, определяет пункт 2 статьи 1151. В собственность городского или сельского поселения, муниципального района (в части межселенных территорий), муниципального или городского округа переходят жилое помещение, земельный участок вместе со зданиями и сооружениями на нём и доля в праве общей долевой собственности на эти

объекты. Если они находятся в Москве, Санкт-Петербурге или Севастополе, они переходят в собственность соответствующего города федерального значения. Жилое помещение включается в жилищный фонд социального использования, а иное выморочное имущество переходит Российской Федерации [1]. Недвижимость, таким образом, почти полностью оказывается на уровне муниципалитетов, то есть у тех, кто располагает наименьшими ресурсами.

Публично-правовые образования наделены особым статусом, который отличает их от других наследников по закону. Для приобретения выморочного имущества принятие наследства не требуется, поэтому на них не распространяются сроки принятия наследства (ст. 1154) и правила о восстановлении срока (ст. 1155). Отказаться от выморочного имущества нельзя (абз. 2 п. 1 ст. 1157), а свидетельство о праве на наследство выдаётся в общем порядке [12]. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что такое имущество переходит в собственность публично-правового образования со дня открытия наследства, а специального судебного решения о признании имущества выморочным для получения свидетельства не требуется [7]. Президиум Верховного Суда РФ в Обзоре судебной практики № 2 (2025) исходил из того же: для приобретения выморочного имущества принятие наследства не нужно, а местная администрация осуществляет правомочия собственника в отношении выморочной доли в квартире [8].

Конституционный Суд РФ объясняет это публичными интересами: такие институты, как наследование выморочного имущества, служат прежде всего сохранению имущества в гражданском обороте и его использованию при осуществлении полномочий органов публичной власти [11, 12]. Если бы публичному собственнику пришлось принимать наследство по общим правилам, часть недвижимости неизбежно оставалась бы без собственника и разрушалась бы, а вместе с ней страдали бы соседи, управляющие компании и кредиторы. Автоматический переход решает эту проблему, но создаёт другую: публичный собственник становится собственником раньше, чем узнаёт об этом.

Пункт 3 статьи 1151 ГК РФ предусматривает, что порядок наследования и учёта выморочного имущества, а также его передачи субъектам РФ и муниципальным образованиям определяется законом [1]. Насколько мне удалось установить по доступным справочным материалам, единого федерального закона, на который отсылает эта норма, до сих пор нет. На практике органы местного самоуправления вынуждены сами разрабатывать правила выявления и оформления выморочного имущества. Получается, что обязанности публичного собственника возникают в силу закона, а порядок их исполнения закон не определяет.

Практическое последствие этого пробела хорошо видно в деле, рассмотренном Конституционным Судом РФ в 2025 году. Гражданка умерла в конце августа 2019 года, наследственное дело не открывалось, единственная родственница отказалась от наследства. Квартира перешла в собственность городского поселения как выморочная, но муниципалитет узнал об этом только в феврале 2023 года, а право зарегистрировал спустя два месяца. Управляющая компания взыскала с него плату за содержание жилья с сентября 2020 года, то есть за период до того, как он вообще знал о наследстве. Суды сочли, что публичное образование обязано нести расходы на содержание выморочного имущества с момента смерти наследодателя, а отсутствие средств в местном бюджете от этой обязанности не освобождает [15].

В Определении от 10 июня 2025 года № 1530-О Конституционный Суд отказал муниципалитету в принятии жалобы. Он указал, что выморочное имущество принадлежит публично-правовому образованию со дня открытия наследства независимо от его осведомлённости и от совершения им действий по учёту имущества и оформлению прав, а нормы о бремени содержания имущества не препятствуют муниципалитетам взаимодействовать с уполномоченными органами и принимать правила выявления, учёта и оформления выморочного имущества на уровне субъектов РФ и муниципальных образований. Недостаток собственных доходов, по мнению Суда, компенсируется бюджетным регулированием [15].

С юридической логикой этой позиции трудно спорить, она последовательна. Но с практической точки зрения вывод Суда означает, что федеральный законодатель переложил решение проблемы на тех, кто хуже всего для этого приспособлен. Муниципалитет, у которого нет доступа к сведениям о смерти собственника, не может ни выявить объект, ни защитить его. Нотариус, которому известно об открытии наследственного дела без наследников, не обязан сообщать об этом администрации. Поэтому, как мне кажется, дело не столько в неспособности муниципалитетов, сколько в отсутствии механизма, который связывал бы нотариальные и регистрационные сведения с органами, которые затем несут ответственность.

Автоматический переход имущества публичному собственнику затрагивает права трёх групп лиц, и по каждой из них практика высших судов выстраивает свой баланс.

Первая группа: граждане, которые считают, что наследство приняли, но не оформили. Постановлением от 27 мая 2024 года № 25-П Конституционный Суд рассмотрел дело, в котором квартиру признали выморочной по иску публичного образования, а гражданин, зарегистрированный в ней, доказывал фактическое принятие наследства. Суд указал, что регистрация по месту жительства не заменяет способы принятия наследства, но, если она сохраняется вплоть до спора, и гражданин не предпринимал действий, свидетельствующих об отказе от наследства, она может быть учтена вместе с другими доказательствами. Потеря жилья существенно влияет на жизнь человека, поэтому такая оценка требует от суда повышенного внимания к фактам. Если же уполномоченные органы затягивают оформление выморочного имущества, а затем заявляют на него требования, гражданину становится труднее доказать фактическое принятие наследства, и значение регистрации возрастает [12]. При оценке доказательств особенно важно учитывать действие/бездействие собственника публично-правового образования.

Вторая группа: добросовестные приобретатели. Постановлением от 22 июня 2017 года № 16-П Конституционный Суд признал пункт 1 статьи 302 ГК

РФ не соответствующим Конституции в той мере, в какой он допускал истребование выморочного жилья у добросовестного приобретателя, который полагался на данные ЕГРН и зарегистрировал право, если публично-правовое образование не предприняло своевременно разумных мер по установлению имущества и оформлению прав на него [10, 14]. В развитие этой позиции Федеральный закон от 16 декабря 2019 года № 430-ФЗ дополнил статью 302 пунктом 4: суд отказывает публичному собственнику в истребовании жилья у добросовестного приобретателя, если со дня регистрации права первого добросовестного приобретателя прошло три года [3, 14]. В Постановлении от 26 мая 2025 года № 22-П, вынесенном по делу о приватизированной муниципальной квартире, Суд подчеркнул, что к органам публичной власти применяется повышенный стандарт должной осмотрительности, а у добросовестного приобретателя, потерявшего жильё, есть право на компенсацию за счёт казны по статье 68.1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» [2, 14]. Хотя последнее дело касалось не выморочного имущества, логика та же: бездействие публичного собственника не должно ложиться на частное лицо.

Третья группа: кредиторы наследодателя. По долгам отвечают все принявшие наследство, независимо от основания наследования и способа принятия, а также Российская Федерация, города федерального значения и муниципальные образования, которым переходит выморочное имущество, причём в пределах его стоимости [7]. В деле № 14-КГ15-12 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что муниципалитет отвечает перед банком по долгам наследодателя, даже если свидетельство о праве на наследство он не получал [9]. Такое решение, на мой взгляд, справедливо: иначе публичный собственник получал бы выгоду от имущества, не неся его обременений.

Особое место занимает завещание. В Постановлении от 27 марта 2025 года № 14-П Конституционный Суд отметил, что предполагаемой воле завещателя, который распорядился всем своим имуществом и указал конкретных

наследников, не может соответствовать передача имущества публично-правовому образованию как выморочного [13]. Из этого следует, что выморочность должна рассматриваться как крайний способ, который применяется лишь тогда, когда исчерпаны все возможности найти наследника, прямо или косвенно названного самим наследодателем.

Если взглянуть на эти позиции в совокупности, они образуют довольно цельную линию: публичный собственник приобретает имущество автоматически, но не может ссылаться на собственное бездействие против частных лиц, действовавших разумно. Проблема в том, что эта линия существует преимущественно в виде прецедентов Конституционного Суда, а не как норма закона. Её нужно закреплять.

Наследование выморочной недвижимости публично-правовыми образованиями представляет собой особый вид наследования по закону, который основан на публичном интересе и отличается от наследования частными лицами отсутствием принятия, сроков и права отказа от наследства. Ограничения, которые накладывает этот статус на частных лиц, оправданы лишь постольку, поскольку публичный собственник сам действует разумно и осмотрительно.

Для решения рассмотренных практических проблем необходим комплексный подход: принять федеральное регулирование, предусмотренное пунктом 3 статьи 1151 ГК РФ. Оно должно определить порядок выявления, учёта и оформления выморочного имущества и распределить полномочия между федеральными органами, субъектами РФ и муниципалитетами. Сегодня норма, отсылающая к закону, фактически не действует.

Также следует закрепить информационный механизм: нотариусы и органы регистрации должны быть обязаны уведомлять орган местного самоуправления о наследственных делах, в которых нет наследников или все отказались, а также о смерти собственников недвижимости, если в течение установленного срока никто не обратился к нотариусу.

Стандарт разумной осмотрительности публичного собственника стоит прямо зафиксировать в законе. Сейчас он выведен из правовых позиций

Конституционного Суда, и суды применяют его неоднородно. Такое закрепление поможет и в делах о фактическом принятии наследства, и в делах об истребовании жилья.

Необходимо решить вопрос и о финансовом обеспечении расходов на содержание выморочной недвижимости. Конституционный Суд указывает на бюджетное регулирование, но конкретного механизма, который позволял бы муниципалитетам получать средства на эти цели, закон не предусматривает. Нужны либо целевые трансферты, либо резерв в бюджете, либо иной порядок компенсации.

При этом предложенные меры не должны ставить под сомнение саму конструкцию автоматического перехода: она обеспечивает сохранность имущества и нужна именно в таком виде.

Принятие федерального порядка выявления и учёта выморочного имущества, информационное взаимодействие нотариата и органов местного самоуправления и закрепление стандарта осмотрительности публичного собственника позволили бы сохранить достоинства действующей модели и убрать её главные недостатки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (ст. 68.1)
3. Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации»
4. Белькова Е.Г., Полетаева Е.Л. Теоретические подходы к обоснованию порядка перехода выморочного имущества к публичным образованиям // Наследственное право. 2025. № 1. С. 29–32.

5. Кравченко К.В. К вопросу о правовой природе перехода выморочного имущества // Сибирский юридический вестник. 2009. № 2 (45). С. 52–59.

6. Чеговадзе Л.А. Утрата права собственности на выморочное имущество вследствие бездействия публично-правовых образований // Наследственное право. 2021. № 3. С. 26–30.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (п. 50, 60)

8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025), утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025.

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 14-КГ15-12.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации»

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.12.2023 № 55-П.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.05.2024 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 1152 и пункта 2 статьи 1153 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д.В. Простякова» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 23 (ч. II). Ст. 3269.

13. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2025 № 14-П.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.05.2025 № 22-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.В. Панкратовой»

15. Определение Конституционного Суда РФ от 10.06.2025 № 1530-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы муниципального образования „Городское поселение город Кодинск Кежемского муниципального района Красноярского края“»

Erofeeva E.A.
master's degree student
Faculty of Law
Kaluga Institute (branch)
Moscow University of Humanities and Economics
(Kaluga, Russia)

PUBLIC-LAW ENTITIES AS HEIRS TO REAL ESTATE: ESCHEATED PROPERTY BETWEEN PUBLIC INTEREST AND PROTECTION OF PRIVATE RIGHTS

***Abstract**: the article examines the special status of public-law entities as heirs, challenges in identifying and registering escheated real estate, and the need to balance the interests of public owners against those of potential heirs, bona fide purchasers, and creditors. It proposes ways to address gaps in legislation in this area. It concludes that improving the legal framework and protecting the interests involved requires a comprehensive approach.*

***Keywords**: real estate inheritance, escheated property, public-law entity, balance of interests, legal succession, article 1151 CC.*

УДК 343

Зайцева М.В.
магистрант 3 курса
кафедра прикладного правоведения
и междисциплинарных юридических исследований
Российский государственный гуманитарный университет
(г. Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИНСТИТУТА ВЫДАЧИ ЛИЦ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ИЛИ ИСПОЛНЕНИЯ ПРИГОВОРА В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

***Аннотация**: в статье анализируются проблемы реализации института выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора в условиях политической нестабильности, а также рассматриваются доктринальные подходы к правовой природе выдачи. На основе статистических данных выявляется тенденция к политизации экстрадиционных процедур, выражающаяся в систематических отказах со стороны государств «дальнего зарубежья». Анализируются направления адаптации российской правовой системы к сложившейся ситуации, включая переориентацию на дружественные государства и расширение механизма заочного уголовного преследования.*

***Ключевые слова**: экстрадиция, правовая помощь, политически мотивированный отказ, принцип взаимности, международное сотрудничество, заочное уголовное преследование.*

Институт выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора на протяжении длительного времени рассматривается в доктрине международного и уголовно-процессуального права как один из наиболее значимых механизмов сотрудничества государств в сфере противодействия преступности. Правовая природа данного самостоятельного института носит комплексный характер, формируясь на стыке международного, уголовного и уголовно-процессуального права и представляя собой процедуру,

осуществляемую в соответствии с международными договорами, национальным законодательством или на основе принципа взаимности, в рамках которой лицо, находящееся на территории запрашиваемого государства, перемещается в запрашивающее государство для привлечения к уголовной ответственности или исполнения наказания.

В научном сообществе существуют два понимания природы выдачи лиц. В соответствии с первым, институт рассматривается как мера, сопряженная с карательным принуждением и являющаяся обязанностью государства в рамках международного сотрудничества в борьбе с преступностью. Так, В.Э. Грабарь отмечал, что «…выдача не может быть рассмотрена как самостоятельный акт карательной власти государства, но правильнее квалифицировать его как акт судебной помощи иностранной карательной власти» [1, с. 460]. Согласно второму пониманию, выдача лиц для уголовного преследования или исполнения приговора определяется как правовая помощь и не является юридической обязанностью. Одним из приверженцев данной концепции был Ф.Ф. Мартенс, который писал, что «выдача преступников есть акт судебной помощи, оказываемый одним государством другому» [2, с. 419].

Безусловно, выдачу лиц для уголовного преследования или исполнения приговора необходимо рассматривать как форму правовой помощи, не являющейся наказанием, так как выдача сама по себе не представляет собой наказание, как ранее отмечал Э.К. Симсон, а служит установлению истины и восстановлению справедливости [3, с. 14].

Вместе с тем, нельзя не согласиться с учеными, считающими выдачу лиц юридической обязанностью, если между государствами подписаны и ратифицированы международные договоры, но с соответствующей оговоркой. Несомненно, при наличии договора между запрашивающим государством и Российской Федерацией, Российская Федерация в лице компетентных органов обязана принять и рассмотреть запрос о выдаче, но вправе выдать лицо, если имеются на то основания, предусмотренные как международными договорами, так и Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации.

Наиболее наглядно дискреционный характер данного полномочия проявляется в принципе взаимности, в соответствии с которым Российская Федерация исходит из того, что иностранное государство в аналогичной ситуации предпримет встречные действия, направленные на выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора, передачу осужденного гражданина для отбывания наказания либо признание и исполнение приговора, вынесенного российским судом в отношении своего гражданина. Принцип взаимности не устанавливает абсолютной обязанности выдачи лица, но служит ориентиром, позволяющим оценить вероятность удовлетворения будущих запросов Российской Федерации.

Соответственно, выдачу лица для уголовного преследования или исполнения приговора можно определить как форму международной правовой помощи, осуществляемую одним государством по запросу другого, заключающуюся в передаче лица, обвиняемого в совершении преступления либо осужденного за его совершение, для привлечения к уголовной ответственности или приведения приговора в исполнение.

В условиях политической нестабильности возрастает актуальность вопросов, связанных с политически мотивированными отказами в выдаче лиц. Анализ статистических данных Генеральной прокуратуры Российской Федерации за 11 месяцев 2025 г. позволяет выявить существенные различия в правоприменительной практике [https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/inostrannye-gosudarstva-soglasilis-vydat-rf-163-cheloveka-za-11-mesyacev-2025-goda-genprokuratura]. В указанный период российскими компетентными органами было направлено 530 запросов о выдаче, из которых удовлетворению подлежали лишь 163, тогда как в 109 случаях последовал отказ. Стоит отметить, что подавляющее большинство отказов приходится на государства «дальнего зарубежья» — 90 отклоненных запросов. Напротив, государства-участники СНГ в подавляющем большинстве случаев удовлетворили направленные запросы: при 131 направленном и рассмотренном запросе удовлетворено 112, отказано лишь в 19 случаях.

О системности рассматриваемой проблемы свидетельствует и позиция официальных представителей правоохранительных органов Российской Федерации. Так, глава Министерства внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев обратил внимание на трансформацию характера отказов зарубежных государств в удовлетворении запросов российской стороны. Если в ранее такие отказы носили единичный и преимущественно объективно обусловленный характер, то в настоящее время они обрели признаки политической мотивированности и приобрели существенные масштабы, что, по его оценке, свидетельствует о недружественной практике отдельных государств в сфере международного сотрудничества по вопросам выдачи [https://rg.ru/2025/01/28/mvd-zaiavilo-o-massovyh-otkazah-v-ekstradicii-prestupnikov-v-rf.html].

Учитывая изложенную статистику, представляется необходимым проанализировать факторы, влияющие на принятие запрашиваемым государством решения об отказе в выдаче, а также определить критерии, позволяющие дифференцировать обоснованные отказы от политически мотивированных. Кроме того, обращает на себя внимание существенный разрыв в показателях удовлетворения запросов между государствами «дальнего зарубежья» и государствами — участниками СНГ, что может свидетельствовать как о различиях в правовых системах и уровнях доверия между государствами, так и о наличии политической составляющей при принятии экстрадиционных решений.

Прежде чем анализировать факторы, обуславливающие отказы, в первую очередь необходимо затронуть основания отказа в выдаче лица, предусмотренные законодательством. Как ранее было упомянуто, данные положения предусмотрены и международными договорами, и национальным законодательством. Так, в отечественных нормативно-правовых актах основания отказа содержатся в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, а также в Конституции РФ. В ст. 464 УПК РФ содержатся две категории оснований для

отказа в выдаче: семь императивных оснований, когда выдача не допускается и три факультативных основания, когда в выдаче может быть отказано.

Выдача не допускается, если: 1) лицо, в отношении которого получен запрос, является гражданином РФ, 2) лицу предоставлено убежище в Российской Федерации, 3) в Российской Федерации уже вынесен приговор или прекращено производство за то же самое деяние, 4) истекли сроки давности или есть иное законное основание, препятствующее возбуждению уголовного дела или исполнению приговора, 5) имеется вступившее в силу решение суда РФ о наличии препятствий для выдачи лица, 6) деяние не является преступлением по уголовному законодательству РФ (отсутствует принцип «двойной криминальности»), 7) лицо является иностранным гражданином или лицом без гражданства, проходившим военную службу по контракту в ВС РФ и участвовавшим в боевых действиях в составе российских воинских формирований. Стоит отметить, что последнее основание является новацией и введено Федеральным законом от 08.03.2026 N 50-ФЗ, обусловленное существующей международной и политической нестабильностью, а также мотивированное необходимостью усиления правовой защиты данной категории лиц.

В выдаче может быть отказано, если: 1) деяние совершено на территории РФ или против интересов РФ за ее пределами – в этом случае у государства есть юрисдикция для привлечения лица к ответственности, 2) в Российской Федерации уже осуществляется уголовное преследование лица за то же самое деяние, 3) уголовное преследование лица возбуждается в порядке частного обвинения.

Различие между императивными и факультативными основаниями в полной мере отражает рассмотренную выше дискреционную природу института выдачи: в одних случаях государство лишено права выдать лицо, в других — оставляет за собой право на отказ, исходя из собственных приоритетов и оценки обстоятельств.

Также основания отказа в выдаче лица закреплены в Конституции РФ, а именно в ст. 61 и ст. 63, а именно запрет выдачи гражданина РФ, что дополнительно предусмотрено п. 1 ч. 1 ст. 464 УПК РФ и ст. 13 УК РФ, и запрет выдачи лиц, преследуемых по политическим мотивам.

Разграничение обоснованных и политически мотивированных отказов представляет собой сложную теоретическую и практическую задачу. С одной стороны, отказ в выдаче лица может быть обусловлен объективными и формализованными в национальном законодательстве или международном договоре основаниями, например, отсутствием двойной криминальности, истечением сроков давности или наличием у лица статуса беженца. С другой стороны, как показывает практика, под видом применения формальных правовых оснований нередко скрываются политические мотивы. Как верно отмечается в научной литературе, на практике в ряде случаев запросы о правовой помощи в части экстрадиции отнесены к вопросам политического характера, что создает искусственную проблему, связанную с субъективной интерпретацией правоприменителями определения этого понятия [6, с. 337].

Ключевым критерием, позволяющим определить политическую мотивированность отказа, является избирательный характер правоприменения. Так, существенный разрыв в показателях удовлетворения запросов между государствами «дальнего зарубежья» и государствами-участниками СНГ, как следует из приведенных данных, сам по себе может свидетельствовать о применении двойных стандартов. Если в одном случае формально-юридические требования соблюдаются неукоснительно, а в другом, при аналогичных обстоятельствах, трактуются расширительно в пользу отказа, это дает основания предполагать наличие внеправового фактора. Так, в научной литературе отмечается нарастающая тенденция внедрения политического контекста в отношениях между рядом зарубежных стран и Российской Федерацией по вопросам выдачи российских граждан, совершивших общеуголовные преступления [7, с. 73].

Другим критерием может служить характер преступления, в связи с которым направлен запрос. В международной практике наличие «политического преступления» или подозрение в преследовании по политическим мотивам является классическим основанием для отказа в выдаче. Однако, ни отечественное законодательство, ни международные конвенции не содержат четкого и единообразного ответа на вопрос о том, что следует понимать под «политическими преступлениями». Отсутствие единого подхода к квалификации деяния как политического создает правовую неопределенность, которая позволяет правоприменителю толковать норму в интересах иностранного государства и признавать преступление общеуголовного характера политическим, фактически превращая этот институт в инструмент политического давления.

Стоит вспомнить отказ Австрии в выдаче Владимира Базияна, крупного предпринимателя, который обвинялся в преднамеренном банкротстве стекольного завода «Актис» и предприятия «Эскорт» на сумму свыше 2 млрд рублей, а также в мошенничестве в сфере кредитования. В 2022 г. Австрия отказалась выдать Базиняна, обосновывая свое решение отсутствием гарантии безопасности в российских пенитенциарных учреждениях и справедливого разбирательства. В июне 2026 года Новочеркасский городской суд вынес заочный приговор и признал Базиняна виновным в совершенных им преступлениях.

Подобные причины отказа нередко указываются недружественными государствами, что лишь подчеркивает влияние геополитической обстановки на данный инструмент международного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, призванного служить правовой помощью в восстановлении справедливости и защите прав граждан. И как следствие это приводит в парализации принципа взаимности, так как в случаях, когда государство систематически отказывает, ответная выдача становится невозможной. Систематические отказы, мотивируемые политическими соображениями, приводят к дискредитации самого института выдачи как средства правовой

помощи, поскольку его эффективность напрямую зависит от доверия между государствами. В условиях, когда одна из сторон использует экстрадиционные процедуры для достижения внеправовых целей, двустороннее сотрудничество утрачивает свою предсказуемость, что в конечном счете негативно сказывается на борьбе с преступностью.

Поэтому в ответ на сложившуюся ситуацию российская правовая система адаптируется по двум основным направлениям.

Во-первых, происходит переориентация экстрадиционного сотрудничества на дружественные государства. Активизируется взаимодействие в рамках СНГ, ШОС, БРИКС, где сохраняется высокий уровень удовлетворения запросов: как свидетельствуют раннее приведенные статистические данные, государства-участники СНГ в подавляющем большинстве случаев удовлетворяют запросы российской стороны. Это подтверждает, что институт выдачи сохраняет свою эффективность в тех сегментах международных отношений, которые не подвержены политизации.

Во-вторых, расширяется механизм заочного уголовного преследования. Федеральным законом от 21 апреля 2025 г. № 101-ФЗ внесены изменения в ст. 247 УПК РФ, существенно расширяющие сферу применения заочного судопроизводства. Если ранее заочное рассмотрение уголовных дел было возможно лишь по тяжким и особо тяжким преступлениям, то теперь оно допускается и в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, в частности, посягающих на безопасность государства. Данное нововведение направлено на обеспечение неотвратимости наказания для лиц, уклоняющихся от явки в суд и находящихся за пределами территории Российской Федерации, и призвано компенсировать невозможность их выдачи со стороны недружественных государств.

В заключение следует отметить, что институт выдачи лиц для уголовного преследования или исполнения приговора, являясь одним из ключевых механизмов международного сотрудничества в сфере противодействия преступности, в современных геополитических условиях претерпевает

существенную трансформацию. Правовая природа данного института, традиционно рассматриваемая в доктрине как форма правовой помощи, на практике все чаще сталкивается с политизацией, что особенно наглядно проявляется в систематических отказах со стороны государств «дальнего зарубежья» в удовлетворении запросов российской стороны. Приведенные статистические данные и позиция официальных представителей правоохранительных органов подтверждают наличие устойчивой тенденции к использованию экстрадиционных процедур в качестве инструмента политического давления.

В этих условиях российская правовая система вынуждена адаптироваться к новым реалиям, развивая альтернативные механизмы реализации уголовной юрисдикции. Таким образом, дальнейшее развитие института выдачи в Российской Федерации будет определяться способностью правовой системы гибко реагировать на вызовы политической нестабильности, сохраняя баланс между соблюдением международно-правовых обязательств, защитой национальных интересов и обеспечением прав и свобод лиц, вовлеченных в экстрадиционные процедуры.

Соответственно, можно выделить следующие перспективные направления дальнейших исследований по проблеме: разработка унифицированных критериев отграничения политических преступлений от деяний общеуголовного характера на международно-правовом и национальном уровнях в целях исключения субъективных интерпретаций и злоупотреблений правоприменителей, анализ судебной практики по делам о заочном уголовном преследовании в контексте соблюдения прав обвиняемых на защиту, компаративистский анализ экстрадиционного законодательства различных государств с целью имплементации наиболее эффективных правовых моделей в российскую правовую систему, а также исследование механизмов международно-правовой ответственности за политически мотивированные отказы в выдаче и разработка мер правового реагирования на систематическое

неисполнение экстрадиционных обязательств для укрепления принципа взаимности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917) / Академия наук СССР, Институт государства и права. Москва: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.
2. Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов: в 2 томах. Том 2. 4-е изд., доп. и испр. Санкт-Петербург: Типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1900. 643 с.
3. Симсон Э.К. О невыдаче собственных подданных: международно-правовое исследование. Санкт-Петербург: Типо-литография Р. Голике, 1892. VIII, 422 с.
4. Иностранные государства согласились выдать РФ 163 человека за 11 месяцев 2025 года – Генпрокуратура // Сетевое издание «Интерфакс-Россия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax-russia.ru/rossiya-i-mir/inostrannye-gosudarstva-soglasilis-vydat-rf-163-cheloveka-za-11-mesyacev-2025-goda-genprokuratura (дата обращения: 28.08.2026).
5. МВД заявило о массовых отказах в экстрадиции преступников в РФ // Интернет-портал «Российской газеты» [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2025/01/28/mvd-zaiavilo-o-massovyh-otkazah-v-ekstradicii-prestupnikov-v-rf.html (дата обращения: 28.08.2026).
6. Кульпин А.А. Новые вызовы институту экстрадиции в условиях глобальной напряженности (на примере ст. 207.3 УК РФ) // Вопросы российской юстиции. 2024. № 29. С. 334–342.
7. Быкова Е.В., Вадим С.В. Достоинства и недостатки совершенствования законодательства в сфере международного сотрудничества // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 2. С. 71–75.

Zaitseva M.V.
master's degree student of 3rd year
Department of Applied Legal Studies and Interdisciplinary Legal Research
Russian State University for Humanities
(Moscow, Russia)

CHALLENGES IN IMPLEMENTING EXTRADITION FOR CRIMINAL PROSECUTION OR ENFORCEMENT OF SENTENCES AMID POLITICAL INSTABILITY

Abstract: *this article examines challenges in implementing extradition for criminal prosecution or enforcement of sentences amid political instability and considers doctrinal approaches to the legal nature of extradition. Statistical data reveal a trend toward politicization of extradition procedures, reflected in systematic refusals by countries «outside the former Soviet Union». The article examines how Russia's legal system is adapting to this situation, including a shift toward cooperation with friendly states and expanded use of criminal prosecution in absentia.*

Keywords: *extradition, legal assistance, politically motivated refusal, reciprocity principle, international cooperation, in absentia prosecution.*

УДК 34

Закарян М.А.
студент 5 курса
направление «Судебная и прокурорская деятельность»
Волгоградский государственный университет
(г. Волгоград, Россия)

Азарова Е.С.
кандидат юридических наук, доцент
кафедра уголовного права и процесса
Волгоградский государственный университет
(г. Волгоград, Россия)

УСМОТРЕНИЕ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПРИ ПРИНЯТИИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ: ПРЕДЕЛЫ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И СУДЕБНЫЙ КОНТРОЛЬ

***Аннотация**: в работе исследуются пределы усмотрения следователя при принятии процессуальных решений. На основе положений УПК РФ и правовых позиций Конституционного Суда РФ раскрывается соотношение процессуальной самостоятельности, мотивированности решений и судебного контроля. Анализируются допустимые пределы оценки дискреционного решения: наличие правового основания, достаточность фактических данных, связь с допустимой процессуальной целью, учёт существенных альтернатив и соразмерность ограничения прав. Автор приходит к выводу, что самостоятельность следователя должна быть основана на конкретных фактах, обоснована понятной мотивировкой и оставаться проверяемой в установленном законом порядке.*

***Ключевые слова**: следователь, усмотрение, процессуальная самостоятельность, процессуальное решение, мотивировка, судебный контроль, уголовно-процессуальная форма.*

Уголовное судопроизводство предполагает принятие следователем множества решений, содержание которых не может быть исчерпывающе предопределено законодателем.

Различие фактических обстоятельств уголовных дел, неодинаковая доказательственная ситуация и необходимость выбирать процессуальные средства в пределах предоставленных полномочий объективно обусловливают наличие усмотрения. Поэтому усмотрение следует рассматривать не только как профессиональный инструмент расследования, но и как вопрос законности и гарантированности прав человека.

Е. С. Азарова отмечает, что «в постсоветский период усмотрение следователя также не раз являлось объектом специальных научных исследований» [1, с. 16]. Эта констатация подчеркивает, насколько важна развитие уголовно-процессуального регулирования и конституционных стандартов судебной защиты, которая требует анализа того, как соотносятся свобода процессуального выбора, обязанность мотивировать решение и возможность эффективной проверки его законности. Проблема не сводится к отдельным ошибкам правоприменения: она связана с самой природой уголовного процесса, в котором закон одновременно устанавливает обязательные правила и оставляет пространство для оценки конкретных обстоятельств.

Обращение к усмотрению следователя требует учёта уже существующих исследований. В частности, работа М. А. Кунашева посвящена усмотрению следователя в уголовном судопроизводстве и рассматривает его теоретические основания, реализацию в процессуальной деятельности и вопросы контроля [4]. Следовательно, простое изложение определения усмотрения или перечисление его видов не может само по себе составить достаточный научный результат. Дополнительные аспекты процессуальной самостоятельности и её практической реализации раскрываются И. А. Антоновым [2], а также О. В. Левченко и В. А. Поповым [5]. Требования к содержанию и мотивировке постановлений

следователя анализируются И. П. Поповой [6], отдельно автор рассматривает усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений [7].

Эти публикации показывают, что вопрос об усмотрении связан не только с пределами полномочий, но и с качеством аргументации конкретного процессуального акта.

На практике слабым местом нередко становится именно мотивировка. В постановлении можно перечислить статьи закона и написать, что «оснований не имеется», но такая формула сама по себе не объясняет, какие сведения оценены и почему они оказались недостаточными. И. П. Попова, рассматривая требования к процессуальным решениям следователя, уделяет внимание качеству их обоснования и мотивировки [6]. С этим подходом нельзя не согласиться: мотивировка — не декоративная часть документа, а один из ключевых аспектов который показывает, что решение действительно связано с обстоятельствами дела. Мотивированность означает изложение причин, позволяющих понять логику выбора и проверить, не носил ли он произвольный характер. Исходя из выше сказанного можно сказать, что решение может быть принято уполномоченным лицом в установленной форме, но оставаться недостаточно обоснованным, если в нём не раскрыты факты, послужившие основанием для выбора.

Контроль за усмотрением следователя осуществляется посредством нескольких правовых механизмов, которые необходимо различать. Ведомственный процессуальный контроль руководителя следственного органа, прокурорский надзор и судебный контроль различаются по правовой природе, предмету и последствиям. Их общая направленность состоит в предупреждении и устранении нарушений закона, однако каждый механизм действует в пределах установленной компетенции.

Статья 125 УПК РФ предусматривает судебный порядок рассмотрения жалоб на постановления и действия (бездействие) должностных лиц досудебного

производства, если они способны причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ граждан к правосудию.

Такая процедура не предназначена для того, чтобы суд руководил расследованием вместо следователя. Её смысл — обеспечить защиту прав там, где действия органов расследования нуждаются в судебной проверке.

В Постановлении от 21 ноября 2017 г. № 30-П Конституционный Суд РФ подчеркнул, что при рассмотрении жалобы по правилам статьи 125 УПК РФ суд не должен отказываться от оценки фактической обоснованности оспариваемых действий, бездействия и решений. Суд вправе указать на конкретные нарушения, которые должностное лицо обязано устранить, но не уполномочен самостоятельно отменять решения органов предварительного расследования и принимать взамен них другие решения [8]. Данная позиция показывает, что содержательная судебная проверка совместима с процессуальной самостоятельностью следователя, если суд оценивает соблюдение правовых пределов, а не присваивает себе функцию уголовного преследования.

Из этого вытекает следующее: формальная ссылка на закон не должна закрывать вопрос о том, имелись ли реальные основания для принятого решения, а судебная проверка не должна превращаться в выбор за следователя того варианта расследования, который суд считает наиболее удобным. Иначе контроль утратит своё назначение и станет вмешательством в чужую процессуальную функцию. Похожую проблему рассматривают А. В. Земскова, О. В. Химичева и О. А. Мотякова. Они подчёркивают необходимость учитывать влияние судебного контроля на усмотрение следователя и не допускать такого вмешательства, которое фактически ограничивало бы его процессуальную самостоятельность [3, с. 96–101].

Поэтому правильнее говорить не о противостоянии самостоятельности и контроля, а об их разграничении. Следователь выбирает решение там, где закон предоставляет ему такой выбор. Суд проверяет, соблюдены ли законные пределы выбора и не нарушены ли права заявителя.

На данном этапе более обоснованным представляется не введение абстрактной законодательной дефиниции усмотрения, а повышение качества мотивировки тех решений, которые допускают несколько правомерных вариантов и способны существенно затронуть права участников процесса. Ведомственные методические рекомендации могли бы предусматривать ориентировочную структуру мотивировки для категорий решений с повышенным риском ограничения прав. Такая структура может включать правовое основание, установленные обстоятельства, оценку значимых материалов, процессуальную цель, причины выбора конкретной меры и объяснение невозможности достижения цели менее ограничительным способом — если этот вопрос имеет значение для соответствующего решения. Рекомендации не должны превращаться в механический бланк: формальное заполнение пунктов без анализа обстоятельств не обеспечит реальной обоснованности.

Дифференциация требований к обоснованию. Чем существеннее возможное ограничение конституционных прав, тем убедительнее должно быть объяснение необходимости выбранной меры. Этот подход согласуется с общим смыслом позиции Конституционного Суда РФ о том, что самостоятельность следователя реализуется в рамках закона и не устраняет обязанность обеспечить охрану прав и свобод [8]. Вместе с тем распространение конкретных стандартов на отдельные виды решений требует анализа соответствующих норм УПК РФ и практики их применения.

Усмотрение следователя является необходимым элементом уголовно-процессуальной деятельности, поскольку законодатель не может заранее определить единственный вариант поведения для всех фактических ситуаций. Вместе с тем усмотрение не образует самостоятельной сферы свободы от закона. Процессуальная самостоятельность реализуется в пределах компетенции следователя и ограничивается требованиями законности, обоснованности и мотивированности.

Оно необходимо, потому что расследование связано с конкретными обстоятельствами, которые невозможно полностью предусмотреть в законе. Но чем шире возможность выбора, тем важнее объяснить, почему выбран именно этот вариант.

Е. С. Азарова показывает, что проблема усмотрения давно находится в поле зрения науки [1]. Исследование М. А. Кунашева помогает рассматривать её как самостоятельный предмет уголовно-процессуального анализа [4]. И. П. Попова обращает внимание на требования к процессуальному решению, прежде всего на его обоснованность и мотивировку [6]. А. В. Земскова, О. В. Химичева и О. А. Мотякова подчёркивают, что судебный контроль не должен подменять процессуальную функцию следователя [3]. Эти позиции не противоречат друг другу, а освещают разные стороны одной проблемы.

Модель должна применяться дифференцированно: чем существеннее потенциальное ограничение прав, тем выше требования к объяснению необходимости выбранного варианта. Именно это, на наш взгляд, позволяет сохранить необходимую свободу следователя и одновременно защитить участников уголовного судопроизводства от произвольных решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азарова Е.С. Теоретические основы усмотрения в уголовном процессе: монография. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2013. 16 с.

2. Антонов И.А. Процессуальная самостоятельность следователя сквозь призму правоприменительной практики // Общество и право. 2019. № 2 (68). С. 57–61.

3. Земскова А.В., Химичева О.В., Мотякова О.А. Некоторые замечания о влиянии контроля суда на усмотрение следователя // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2022. № 3 (97). С. 96–101.

4. Кунашев М.А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. 2019. 225 с.

5. Левченко О.В., Попов В.А. Применение лицом, производящим расследование, собственного усмотрения как гарантия процессуальной самостоятельности // Евразийская адвокатура. 2019. № 3 (40). С. 85–89.

6. Попова И.П. Требования к процессуальным решениям следователя // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. № 3 (23). С. 219–228.

7. Попова И.П. Усмотрение при принятии итоговых процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2024. № 4 (111). С. 191–201.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.11.2017 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Ченского».

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в действующей редакции).

Zakaryan M.A.
student of 5th year
field of study «Judicial and Prosecutorial Activity»
Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

Azarova E.S.
PhD in Law, Associate Professor
Department of Criminal Law and Procedure
Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

INVESTIGATOR DISCRETION IN PROCEDURAL DECISION-MAKING: LIMITS OF INDEPENDENCE AND JUDICIAL REVIEW

Abstract: *this article examines the limits of investigator discretion in procedural decision-making. Drawing on provisions of the Russian Criminal Procedure Code and legal positions of the Constitutional Court of Russia, it explores the relationship between procedural independence, reasoned decisions, and judicial review. It analyzes criteria for reviewing discretionary decisions: the existence of a legal basis, the sufficiency of factual evidence, a connection to a legitimate procedural purpose, consideration of significant alternatives, and proportionality of restrictions on rights. The authors conclude that investigator independence must be grounded in specific facts, supported by clear reasoning, and remain subject to review as prescribed by law.*

Keywords: *investigator, discretion, procedural independence, procedural decision, reasoning, judicial review, criminal procedural form.*

УДК 34

Змановская А.Н.

студент 2 курса

Московский университет «Синергия»

(г. Москва, Россия)

САМОЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА ЗАНЯТОСТИ: ПРАВОВОЙ СТАТУС И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

***Аннотация**: в статье рассматривается правовой статус самозанятых граждан в Российской Федерации как новой формы занятости, появившейся с введением специального налогового режима налога на профессиональный доход (ФЗ № 422 от 27.11.2018). Автор анализирует ключевые проблемы социальной защиты самозанятых, включая отсутствие гарантий оплачиваемого отпуска, больничных пособий, пенсионного страхования, а также трудности в доказывании трудового характера отношений при фактическом подчинении заказчику. Особое внимание уделяется соотношению самозанятости и трудового договора, рискам переквалификации гражданско-правовых отношений в трудовые и проблемам правоприменительной практики. Предлагаются пути совершенствования законодательства, направленные на расширение социальных гарантий самозанятых без ущерба для гибкости данной формы занятости.*

***Ключевые слова**: самозанятость, налог на профессиональный доход, правовой статус, социальная защита, социальные гарантии, социальное страхование, пенсионное обеспечение, трудовой договор, гражданско-правовой договор, переквалификация правоотношений, трудовое законодательство, гибкая занятость.*

В современных условиях цифровизации экономики и трансформации рынка труда самозанятость стала одной из наиболее динамично развивающихся форм занятости в Российской Федерации. Введение налога на профессиональный доход (НПД) Федеральным законом от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» создало правовую основу для легальной

деятельности граждан, оказывающих услуги без наёмных работников и работодателя. За первые годы действия эксперимента число зарегистрированных плательщиков НПД превысило несколько миллионов человек, что свидетельствует о высокой востребованности данного режима.

Правовой статус самозанятого гражданина определяется прежде всего налоговым, а не трудовым законодательством. Плательщик НПД не состоит в трудовых отношениях с заказчиками услуг, самостоятельно определяет режим и условия своей деятельности, не подчиняется правилам внутреннего трудового распорядка. С точки зрения гражданского права отношения между самозанятым и его заказчиком квалифицируются как гражданско-правовые, регулируемые нормами главы 39 Гражданского кодекса РФ («Возмездное оказание услуг»). Это принципиально отличает самозанятость от трудового договора, определённого статьёй 56 Трудового кодекса РФ, где работник лично выполняет трудовую функцию под управлением и контролем работодателя, соблюдая правила внутреннего трудового распорядка.

Однако грань между самозанятостью и трудовыми отношениями на практике оказывается размытой. Многие работодатели используют регистрацию работников в качестве самозанятых для подмены трудовых отношений гражданско-правовыми, чтобы избежать уплаты страховых взносов, предоставления гарантий и компенсаций, предусмотренных ТК РФ. В таких случаях самозанятый фактически выполняет трудовую функцию, подчиняется графику, использует оборудование работодателя, но формально оформлен как плательщик НПД. Статья 19.1 ТК РФ допускает возможность признания фактически сложившихся отношений трудовыми независимо от того, каким договором они оформлены. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29.05.2018 № 15 указал, что при рассмотрении споров о переквалификации гражданско-правового договора в трудовой суд должен устанавливать наличие или отсутствие признаков трудовых отношений: личное подчинение, контроль со стороны заказчика, регулярная оплата труда, обеспечение условий труда.

Ключевая проблема самозанятости как формы занятости заключается в ограниченности социальной защиты плательщиков НПД. В отличие от наёмных работников, самозанятые не пользуются гарантиями, установленными Трудовым кодексом РФ: у них нет права на оплачиваемый отпуск, пособие по временной нетрудоспособности, пособие по беременности и родам, гарантий при увольнении, ограничения продолжительности рабочего времени. Самозанятый не застрахован в системе обязательного социального страхования на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством, если он добровольно не вступил в соответствующие правоотношения в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2006 № 255-ФЗ. При этом добровольное страхование предусматривает уплату фиксированных взносов и не обеспечивает той же полноты покрытия, что и обязательное страхование наёмных работников.

Особую остроту приобретает проблема пенсионного обеспечения самозанятых. Плательщики НПД не являются застрахованными лицами в системе обязательного пенсионного страхования, если не уплачивают добровольные страховые взносы. Согласно Федеральному закону от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», самозанятые могут вступать в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию добровольно. Однако на практике многие плательщики НПД игнорируют эту возможность, что в перспективе приведёт к получению минимальной социальной пенсии или отсутствию пенсионных выплат. Отсутствие обязанности по уплате пенсионных взносов для самозанятых с низкими доходами создаёт риск массовой социальной незащищённости в будущем.

Существенной проблемой является также отсутствие механизмов защиты самозанятых от недобросовестных заказчиков. Гражданско-правовой договор, регулируемый нормами ГК РФ, не предусматривает таких защитных институтов, как произвольного расторжения, компенсация при досрочном прекращении отношений, сроки расчёта при увольнении.

При неоплате оказанных услуг самозанятый вынужден обращаться в суд общей юрисдикции в порядке искового производства, что связано с затратами времени и средств. В отличие от трудовых споров, где работник освобождается от уплаты государственной пошлины (ст. 393 ТК РФ), самозанятый обязан уплатить пошлину при подаче иска, что снижает доступность правосудия.

Дополнительные риски связаны с выходом самозанятого за пределы установленного лимита дохода. Согласно статье 6 Федерального закона № 422-ФЗ, при превышении годового лимита в 2,4 млн рублей плательщик НПД слетает с режима и автоматически становится плательщиком НДФЛ со ставки 13%, что может стать неприятным сюрпризом. Кроме того, самозанятый не имеет права нанимать работников по трудовому договору, что ограничивает возможности развития его деятельности и расширения бизнеса.

Анализ правоприменительной практики показывает, что суды в большинстве случаев поддерживают переквалификацию отношений самозанятых в трудовые при наличии соответствующих признаков. Так, в делах, рассмотренных судами общей юрисдикции, установление факта выполнения самозанятым регулярной работы по определённой должности, подчинения графику, получения фиксированной оплаты в установленные сроки служит основанием для признания трудовых отношений. Это создаёт правовую неопределённость для работодателей, использующих самозанятых, и риск доначисления страховых взносов и штрафов.

Для решения выявленных проблем необходим комплексный подход к совершенствованию законодательства. Во-первых, целесообразно расширить добровольные формы социального страхования для самозанятых, снизив стоимость вступления и упростив процедуру. Опыт стран с развитыми системами защиты нестандартных работников (например, Германии, где самозанятые могут добровольно страховаться в системе медицинского, пенсионного и социального страхования) показывает, что гибкость и социальная защита могут сосуществовать.

Во-вторых, следует разработать механизм минимальных социальных гарантий для самозанятых, не требующих полного приравнивания к трудовым отношениям, например, право на налоговый вычет при подтверждённых больничных, накопительную пенсионную систему с государственным со-финансированием. В-третьих, необходимо усилить контроль за работодателями, использующими самозанятых для подмены трудовых отношений, что позволит предотвратить массовое уклонение от социальных обязательств.

Таким образом, самозанятость как форма занятости обладает значительным потенциалом для легализации доходов и расширения экономической активности населения. Однако правовой статус плательщика НПД остаётся недостаточно проработанным в части социальной защиты. Отсутствие гарантий, аналогичных трудовым, создаёт риски как для самих самозанятых, так и для государства в виде будущей социальной нагрузки. Совершенствование правового регулирования должно обеспечить баланс между гибкостью, привлекательной для самозанятых, и минимальными социальными гарантиями, защищающими от основных жизненных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волынкина М.Е. Правовой статус самозанятого: проблема разграничения предпринимательских и трудовых отношений // Наука через призму времени. 2026. № 5 (110)
2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.03.2024) // СПС «КонсультантПлюс»
4. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» (ред. от 29.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс»

5. Федеральный закон от 15.12.2001 № 167-ФЗ «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс»

6. Федеральный закон от 29.12.2006 № 255-ФЗ «Об обязательном социальном страховании на случай временной нетрудоспособности и в связи с материнством» (ред. от 25.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс»

Zmanovskaya A.N.
student of 2nd year
Moscow University «Synergy»
(Moscow, Russia)

SELF-EMPLOYMENT AS A FORM OF EMPLOYMENT: LEGAL STATUS AND SOCIAL PROTECTION CHALLENGES

Abstract: *this article examines the legal status of self-employed individuals in Russia as a new form of employment that emerged following the introduction of a special tax regime for professional income (Federal Law N 422 of November 27, 2018). The author analyzes key social protection challenges facing self-employed individuals, including the lack of guarantees of paid leave, sickness benefits, and pension insurance, as well as difficulties in proving that a relationship is employment-based when a worker is, in practice, subordinate to a client. Particular attention is paid to the relationship between self-employment and employment contracts, the risks of reclassifying civil-law relationships as employment relationships, and problems in the application of the law. The article proposes legislative improvements aimed at expanding social guarantees for self-employed individuals without compromising the flexibility of this form of employment.*

Keywords: *self-employment, professional income tax, legal status, social protection, social guarantees, social insurance, pension provision, employment contract, civil-law contract, legal relationship reclassification, labor legislation, flexible employment.*

УДК 347.772

Кабаргина В.А.
магистрант 2 курса
кафедра «Гражданское право и процесс»
Юридический институт
Тамбовский государственный технический университет
(г. Тамбов, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СВЕДЕНИЙ О ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК, В ТОМ ЧИСЛЕ С ПРИМЕНЕНИЕМ НАЦИОНАЛЬНОГО РЕЖИМА

***Аннотация**: в статье рассматриваются особенности и инструменты предоставления сведений о товарном знаке в рамках осуществления государственных закупок, в том числе с установленным национальным режимом.*

***Ключевые слова**: недобросовестная конкуренция, товарный знак, национальный режим, реестр промышленной продукции, государственные закупки, предоставление сведений.*

Одной из форм деятельности, оказывающей негативное влияние на конкуренцию и направленной на ограничение конкуренции на товарных рынках, является недобросовестная конкуренция. Под недобросовестной конкуренцией понимаются любые действия хозяйствующих субъектов (группы лиц), которые направлены на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности и противоречат законодательству Российской Федерации, обычаям делового оборота, требованиям добропорядочности, разумности и справедливости, причиняют или могут причинить убытки другим хозяйствующим субъектам – конкурентам либо наносят или могут нанести вред их деловой репутации [1].

Одним из инструментов, способствующих защитить исключительное право правообладателя от недобросовестной конкуренции, является товарный знак. Законодатель, посредством статьи 1477 Гражданского кодекса Российский Федерации (Далее – ГК РФ) закрепляет определение «товарного знака», определяя его как «обозначение, служащее для индивидуализации товаров» [2]. Законодатель также подчеркивает, что нормы Гражданского кодекса Российской Федерации о товарных знаках распространяются в том числе и на знаки обслуживания, что закрепляет пункт 2 статьи 1477 ГК РФ. Легальное определение подчеркивает важность индивидуализировать товары, работы, услуги, поскольку под «индивидуализацией товаров» в данном случае понимается не только возможность идентифицировать конкретных производителей товаров, работ, услуг, с целью создания определенного уровня узнаваемости, но и определенный инструмент, позволяющий защитить интересы участников гражданского оборота в случае правовой необходимости. Таким образом, вышеуказанная норма определяет правовое толкование понятия «товарный знак».

Федеральная Антимонопольная служба Российской Федерации (далее – ФАС России) в своём докладе «Основные нарушения требований законодательства о защите конкуренции при проведении закупок» подчёркивает, что «При проведении торгов, запроса котировок цен на товары (далее – запрос котировок), запроса предложений запрещаются действия, которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению или устранению конкуренции» [5].

Вышеуказанный доклад ФАС России приводит статистику Приморского УФАС России на 01.11.2023, которая регламентирует, что из шести дел, возбужденных по признакам нарушения антимонопольного законодательства в части заключения антиконкурентного соглашения и участия в нем, четыре из них связаны с нарушениями на торгах, а оставшиеся на иных товарных рынках.

При подготовке и проведении закупочных процедур заказчик обязан соблюдать принцип обеспечения конкуренции. Основным инструментом, позволяющим отследить применение данного принципа является описание предмета закупки. Так, заказчики обязаны описывать требуемый товар таким образом, чтобы его характеристикам соответствовали товары нескольких производителей. Заказчик вправе указать в документации закупки конкретный товарный знак требуемой продукции, но в таком случае должна допускаться возможность предоставления эквивалента товара. В противном случае, необоснованные требования заказчика к предоставлению товара с конкретным товарным знаком будут являться основанием для подачи жалобы в ФАС России.

Подпункт «а» пункта 2 части 1 статьи 43 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 (далее – Федеральный закон №44-ФЗ) регламентирует, что при наличии у поставляемой продукции товарного знака его необходимо указывать в предоставляемой тендерной заявке. В данном случае, товарный знак выполняет индивидуализирующую функцию и позволяет безошибочно определить конкретный товар [3].

При подаче заявки в рамках Федерального закона №44-ФЗ электронные торговые площадки при формировании заявки, предусматривающей поставку товара, предоставляют отдельное поле для заполнения наличия или отсутствия товарного знака товара. Это позволяет контролирующему органу в случае возникновения спорной ситуации отследить действия поставщика при подаче заявки и обезопасить заказчика в случае поставки некачественного товара в рамках исполнения государственного контракта.

Казалось бы, самым простым способом предотвращения спорной ситуации и дальнейших разбирательств в ФАС для заказчика является просто не устанавливать требования к предоставлению товара с конкретным товарным знаком в описании объекта закупки. Так, заказчик выбирал бы товар по общим характеристикам, позволяющим удовлетворить его изначальные потребности, а у поставщика не было бы необходимости указывать в заявке товарный знак

во избежание дальнейших спорных ситуаций на этапах закупки товара для поставки и поставки товара заказчику в целом. Но в таком случае возникает иная проблема. Товарный знак позволяет отслеживать производителей товаров на внутреннем рынке страны, поскольку его регистрация действует исключительно в пределах Российской Федерации. Отсутствие требований к указанию товарного знака в тендерной заявке условно уравнивает отечественного производителя и иностранного, поскольку зачастую существенные характеристики товара идентичны. Так, рынок государственного заказа не мог бы контролировать соотношение российских и иностранных товаров при исполнении государственных контрактов.

В свою очередь, законодатель посредством принятия нормы, закрепленной в статье 14 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 устанавливает применение национального режима при осуществлении закупок. Национальный режим – это комплекс мер, направленных на создание преимущества для товаров российского происхождения и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по сравнению с иностранными.

Наиболее подробно данный механизм определяет Постановление Правительства Российской Федерации №1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 23.12.2024 (далее – Постановление Правительства №1875-ПП) [4].

Национальный режим включает в себя три основных механизма, закрепленных в Постановлении Правительства Российской Федерации №1875:

Запрет на закупку товаров иностранного происхождения. Приложение №1 к Постановлению Правительства Российской Федерации №1875 устанавливает перечень товаров, в отношении которых устанавливается запрет. Основная суть данного механизма заключается в запрете заказчикам

приобретать товары иностранного происхождения, если код закупаемого товара из Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (долее – ОКПД 2) входит в перечень Приложения № 1 к Постановлению Правительства №1875-ПП. В таком случае, все «иностранные» тендерные заявки будут отклонены заказчиком на этапе рассмотрения заявок.

Ограничение на закупку товаров иностранного происхождения. Приложение №2 к Постановлению Правительства Российской Федерации №1875 устанавливает перечень товаров, в отношении которых устанавливается ограничение. Основная суть данного механизма заключается в том, что в закупках определенных товаров заказчик отклоняет все «иностранные» заявки, если на тендер подана хотя бы одна «российская», соответствующая требованиям. Ограничение применяется в том случае, если закупаемый заказчиком товар входит в перечень Приложения № 2 к Постановлению Правительства №1875-ПП.

Преимущество для товаров российского происхождения. Данный механизм применения национального режима является наиболее лояльным, поскольку заявки иностранного происхождения не будут отклонены заказчиком на этапе рассмотрения. Основная суть применения преимущества заключается в том, что, если на закупку определенного товара подана минимум одна «российская» заявка, соответствующая требованиям, и одна «иностранная» – заказчик при рассмотрении заявок условно снижает цену всех «российских» заявок на 15%. Стоит отметить, что такой механизм увеличивает шансы на победу поставщика, предоставившего товар российского происхождения, при этом государственный контракт будет заключен по предложенной поставщиком изначально цене, без её снижения. В данном случае, Постановлением Правительства №1875-ПП не предусмотрен исчерпывающий перечень товаров, на поставку которых должно устанавливаться преимущество. Поэтому, механизм относится только к товарам, ОКПД2 которых не входит в Приложения № 1 и № 2 Постановления Правительства № 1875.

Закон устанавливает, что документом, подтверждающим российское происхождение товара, является номер реестровой записи и выписка из Реестра российской промышленной продукции (далее – РРПП) или Реестра программного обеспечения, а для товаров из ЕАЭС – номер реестровой записи из Евразийского реестра промышленных товаров.

Выписка из РРПП включает в себя данные о наименовании товара, его коде ОКПД2, реестровом номере, присвоенном Министерством промышленности и торговли Российской Федерации, сведения о производителе и месте производства и информацию о баллах за технологические операции. Можно сделать вывод исходя из перечисленного, что прямых сведений о товарном знаке выписка из РРПП не закрепляет.

В таком случае, при закупках с применением национального режима для поставщика возникает спорная ситуация в отношении указания товарного знака на этапе формирования заявки. С одной стороны, выписка из РРПП не закрепляет данные о товарном знаке, но закрепляет сведения о производителе и месте происхождения товара, что позволяет проверить заказчику в открытых источниках сведения о товарных знаках, зарегистрированных данным производителем. С другой стороны, предоставление товарного знака обязывает поставщика в случае победы поставить товар с данным конкретным знаком, что не всегда выгодно для поставщика.

Рассмотрим позицию ФАС России при осуществлении закупки с установленными требованиями о предоставлении национального режима. Так, 05.05.2026 года в Единой информационной системе (далее – ЕИС) было размещено извещение № 0103200008426003861 о проведении закупки на Реконструкцию внешней системы водоснабжения г. Избербаш (г. Каспийск, с. Манаскент, местность «Уйташ», Карабудахкентский район, с. Уллубийаул, г. Каспийск-Избербаш) с начальной максимальной ценой закупки – 4 056 555 570,00 рублей. Организация, осуществляющая размещение – Комитет по государственным закупкам республики Дагестан [6]. Настоящей закупкой регламентированы требования о применении национального режима

в соответствии со статьей 14 Федерального закона №44-ФЗ. Последняя редакция извещения устанавливает, что по отношению к товарам, являющимися объектом закупки: трансформаторы электрические (27.11.40.000-00000001), насосы для перекачки жидкостей, подъемники жидкостей (28.13.10.000-00000001), счетчик производства и потребления жидкости (26.51.63.120-00000001) – установлено ограничение, а кондиционер бытовой (28.25.12.130-00000010) – преимущество.

22.06.2026 в ЕИС размещены сведения о направлении жалобы в ФАС России Общества с ограниченной ответственностью «Современные системы реновации». При рассмотрении жалобы заявитель, в том числе ссылается на непредоставление победителем закупки сведений в составе заявки о наличии товарных знаков (поскольку ранее в извещении закупки было установлено ограничение, мы утверждаем, что победитель закупки предоставил выписки из РРПП на соответствующие товары). Вынесенное посредством рассмотрения жалобы Решение ФАС России по делу № 28/06/105-2379/2026 о нарушении законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок устанавливает, что «На заседании Комиссии представитель Уполномоченного органа пояснил, что участники закупки в составе заявок представили номера реестровых записей из реестра российской промышленной продукции, либо декларацию о соответствии товара ЕАЭС. Кроме того, Комиссия по осуществлению закупок проанализировав заявки участников закупки пришла к выводу об отсутствии товарных знаков на товары, предлагаемые к поставке участниками Конкурса. Вместе с тем положения Закона о контрактной системе не обязывают участника закупки указывать в заявке на участие в закупке наименование товарного знака» [7].

Таким образом, товарный знак является одним из инструментов, позволяющих защитить исключительное право правообладателя от недобросовестной конкуренции. При осуществлении государственных закупок предоставление поставщиком товарного знака является правом, а не обязанностью. При этом, применение национального режима в закупках подталкивает поставщика при предоставлении выписок из Реестра российской

промышленной продукции к проверке реестра товарных знаков и возможного предоставления сведений в составе заявки. Применение данных норм заставляет поставщика уже на этапе формирования и подачи тендерной заявки внимательнее формировать сведения и характеристики, поставляемых в случае победы товаров, а также позволяет минимизировать предоставление недостоверных сведений о товаре, что в целом защищает как заказчика, так и поставщика. На сегодняшний момент, законодательство о закупочной деятельности требует доработки в части предоставления товарных знаков в составе заявки, поскольку нынешняя формулировка законодателя не может охватить все возникающие ситуации, связанные с индивидуализацией товаров при поставке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652
4. О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8704
5. Доклад: Основные нарушения требований законодательства о защите конкуренции при проведении закупок [Электронный ресурс]. Федеральная

антимонопольная служба. URL: http://primorie.new.fas.gov.ru/documents/b-n-13c0ae80-cda2-4b76-a6a4-ff666733e59a (дата обращения: 26.09.2026)

6. Извещение № 0103200008426003861 [Электронный ресурс]. ЕИС Закупки. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/order/notice/ok20/view/common-info.html?regNumber=0103200008426003861 (дата обращения: 26.09.2026)

7. Жалоба № 202600100161008760 [Электронный ресурс]. ЕИС Закупки. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/complaint/card/complaint-information.html?complaintNumber=202600100161008760 (дата обращения: 26.09.2026)

Kabargina V.A.

master's degree student of 2nd year

Department of Civil Law and Procedure

Law Institute

Tambov State Technical University

(Tambov, Russia)

SPECIFICS OF PROVIDING TRADEMARK INFORMATION IN PUBLIC PROCUREMENT, INCLUDING PROCUREMENT SUBJECT TO NATIONAL REGIME REQUIREMENTS

Abstract: *this article examines specific features and tools for providing trademark information in public procurement, including procurement subject to national regime requirements.*

Keywords: *unfair competition, trademark, national regime, industrial products register, public procurement, information provision.*

УДК 34

Куйкеева А.Ч.
магистрант 1 курса
кафедра гражданского права
Кыргызско-Российский славянский университет
им. первого Президента РФ Б.Н. Ельцина
(г. Бишкек, Кыргызстан)

БРАЧНЫЙ ДОГОВОР (НИКАХ) И ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВА СУПРУГОВ

***Аннотация**: статья посвящена дуализму правового регулирования семейных и имущественных отношений в Кыргызской Республике, возникающему на стыке светского законодательства и исламского права. В статье анализируются коллизии между нормами Семейного кодекса КР и религиозным обрядом Никах, подчеркивается правовая незащищенность супругов в незарегистрированных союзах. В работе исследуется институт брачного договора как эффективный светский инструмент гармонизации систем. Предложено практическое решение проблемы через интеграцию канонических обязательств (Махра) в нотариальное соглашение на базе официальной регистрации в ЗАГСе.*

***Ключевые слова**: Семейный кодекс КР, светское законодательство, исламское право, никах, ЗАГС, совместная собственность, брачный договор, махр, имущественные права, Кыргызская Республика.*

Правовое регулирование семейных и имущественных отношений в Кыргызской Республике находится в уникальном состоянии дуализма. С одной стороны, Кыргызстан — светское государство с развитой законодательной базой, унаследовавшей континентальные традиции семейного и гражданского права. С другой стороны, значительная часть населения руководствуется мусульманскими канонами (шариатом) при заключении брака через обряд Никах (нике).

Возникающее пересечение светского права (Семейного кодекса КР) и религиозных норм создает сложную юридическую коллизию, напрямую влияющую на имущественную защищенность супругов, особенно женщин.

Официальный брак и законный режим имущества.

Согласно Ст. 3 Семейного кодекса КР (СК КР), признается только брак, заключенный в государственных органах записи актов гражданского состояния (ЗАГС).

Режим совместной собственности (Ст. 35 СК КР).

По умолчанию имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью. К нему относятся:

Доходы каждого из супругов (зарплата, предпринимательская деятельность).

Движимое и недвижимое имущество, ценные бумаги, доли в капитале, приобретенные за счет общих доходов.

Право на равную долю сохраняется за супругом, который в период брака вел домашнее хозяйство и ухаживал за детьми (не имел самостоятельного дохода).

Личная собственность (Ст. 37 СК КР).

Имущество, принадлежавшее каждому из супругов до вступления в брак, а также полученное во время брака в дар, по наследству или по иным безвозмездным сделкам, является его личной собственностью.

Никах без регистрации в ЗАГСе: Правовой вакуум.

Никах: Обряд никах (религиозный брак) сам по себе, без официальной государственной регистрации в ЗАГСе, не порождает юридических прав и обязанностей супругов, а также не создает режим совместной собственности по Семейному кодексу КР. Имущество, приобретенное в паре, состоящей только в никахе без регистрации, оформляется по общим правилам гражданского права (на чье имя записано, тому и принадлежит), а не как совместно нажитое супружеское имущество.

Критерий	Брак через ЗАГС	Только Никах (религиозный)
Правовой статус	Официальный юридический факт	Фактические брачные отношения («сожительство»)
Режим имущества	Общая совместная собственность	Раздельная собственность (общая долевая по ГК КР)
Наследование	Наследник первой очереди по закону	Нет права на наследство по закону (только по завещанию)
Раздел имущества	Равные доли (50/50), если иное не указано в договоре	Доказывание вклада каждого (чеки, переводы) в суде
Алиментные обязательства	Обязательные по закону на детей и супруга	Только на детей (по установлению отцовства)

Законодательное ограничение: Чтобы пресечь практику незащищенных ранних или фактических браков, в Уголовный кодекс КР введена ответственность за проведение религиозного обряда бракосочетания несовершеннолетних без официальной регистрации в ЗАГСе. Священнослужители обязаны требовать свидетельство из ЗАГСа перед совершением обряда.

Проблема защиты имущественных интересов сторон при распаде брака «никах».

В случае прекращения отношений в паре, состоящей только в никахе, женщина оказывается в крайне уязвимом положении. В отличие от официального брака, где имущество делится строго 50 на 50 (ст. 35 СК КР), в религиозном браке:

Мужчина имеет полное законное право не делить недвижимость, автомобили или бизнес.

Бывшая супруга не может претендовать на долю через Семейный кодекс.

В случае смерти мужчины женщина не признается наследницей первой очереди по закону.

Гражданско-правовые механизмы защиты (Пути решения).

Несмотря на отсутствие регулирования со стороны семейного права, уязвимая сторона имеет право защищать свои интересы через Гражданский кодекс КР. Для восстановления справедливости существует два основных судебных пути:

Иск о признании права собственности на долю в имуществе.

Женщина может обратиться в суд с требованием выделить ей долю в имуществе (доме, квартире, машине), которое оформлено на мужчину.

Правовое основание: Доказывание факта создания общей долевой собственности.

Что необходимо доказать: Наличие соглашения (в том числе устного) о совместной покупке и ведении общего хозяйства, а также фактическое вложение личных средств.

Иск о взыскании неосновательного обогащения.

Если доказать право на долю в самом объекте недвижимости сложно, заявляется требование о возврате вложенных денег.

Правовое основание: Статья Гражданского кодекса КР о неосновательном обогащении. Суть в том, что мужчина сберег или приумножил свои активы за счет финансовых средств женщины без законных на то оснований.

Пример: Взыскание сумм, потраченных женщиной на ремонт дома мужа, оплату его кредитов или прямые переводы на его счета.

Доказательная база: Что решает исход дела в суде.

Поскольку штамп в паспорте отсутствует, суды в КР руководствуются исключительно строгими документальными фактами. Для успешного исхода дела женщине необходимо предоставить:

Финансовые документы: Выписки с банковских карт, подтверждающие переводы денежных средств на имя мужчины, продавца имущества или застройщика.

Подтверждение доходов из-за рубежа: Если женщина находилась на заработках (например, в РФ) и высылала деньги, необходимы квитанции платежных систем (Золотая Корона, Western Union и др.) и справки о доходах.

Договоры и чеки: Кредитные договоры, оформленные на имя женщины (если кредит брался на нужды семьи), чеки на покупку строительных материалов, мебели, бытовой техники.

Цифровые улики и свидетели: Нотариально заверенные скриншоты переписок в мессенджерах (WhatsApp (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории РФ), Telegram), где зафиксированы обсуждения совместных расходов, а также показания свидетелей (соседей, строителей, родственников).

Защита прав общих детей.

Вне зависимости от статуса брака родителей (ЗАГС или только никах), права детей защищены законом в полной мере:

Алименты: При подтвержденном отцовстве (через ЗАГС или судебную ДНК-экспертизу) отец обязан выплачивать алименты на содержание несовершеннолетних детей (ст. 85 СК КР).

Жилищные права: Суд может обязать отца участвовать в дополнительных расходах, включая обеспечение детей жильем (например, оплата доли в аренде квартиры, если у матери нет своего дома).

Для исключения подобных критических ситуаций гражданам рекомендуется использовать институты светского права как единственный инструмент надежной защиты:

Обязательная регистрация в ЗАГСе: Проведение никаха должно сопровождаться или следовать за официальной государственной регистрацией.

Брачный договор: Заключение нотариального брачного договора (ст. 43 СК КР) позволяет легализовать любые традиционные договоренности (включая

аналог религиозного махра) и зафиксировать за женой право на конкретное имущество в случае развода.

Соблюдение сроков: Срок исковой давности для защиты имущественных прав в КР составляет 3 года с момента прекращения отношений. Затягивание процесса ведет к потере шансов на возврат активов.

Светское законодательство Кыргызской Республики предоставляет механизмы защиты даже при отсутствии официального брака, однако бремя доказывания в суде полностью ложится на пострадавшую сторону. Превентивная регистрация брака в органах ЗАГС остается главным способом защиты прав женщин.

Брачный договор в КР: Инструмент светской защиты.

Брачный договор (Глава 8 СК КР) — это соглашение лиц, вступающих в брак, или супругов, определяющее имущественные права и обязанности в браке и (или) в случае его расторжения.

Брачный договор (никах) — это правовой инструмент, регулирующий имущественные права и обязанности супругов, сочетающий нормы исламского права и светского законодательства. Исследования рассматривают правовую природу брачного контракта, режимы супружеского имущества и практические проблемы его применения в разных юрисдикциях.

Ключевые аспекты брачного договора по законодательству КР:

Форма: Обязательная письменная форма с нотариальным удостоверением.

Время заключения: До государственной регистрации брака (вступает в силу с момента регистрации) или в любой момент в период брака.

Предмет договора: Изменение законного режима совместной собственности на долевую или раздельную собственность (на все имущество, его отдельные виды или имущество каждого из супругов).

Что НЕ МОЖЕТ содержать брачный договор:

Ограничение правоспособности или дееспособности супругов.

Регулирование личных неимущественных отношений (например, обязанность хранить верность или готовить еду).

Права и обязанности в отношении детей (это регулируется соглашением об уплате алиментов и воспитании).

Условия, ставящие одного из супругов в крайне неблагоприятное положение (такие условия могут быть признаны судом недействительными по Ст. 45 СК КР).

Гармонизация Шариата и Светского Права.

В исламском праве Никах включает в себя концепцию Махра (обязательного подарка мужа жене, принадлежащего исключительно ей) и финансового обеспечения жены (Нафака).

Однако религиозное соглашение об условиях Махра или материальных обязательствах не имеет юридической силы в судах Кыргызской Республики, если оно не оформлено в соответствии со светским законодательством.

Практическое решение: Синтез Никаха и Брачного договора.

Для защиты имущественных прав обоих супругов и соблюдения религиозных канонов применяется следующая юридическая практика:

Регистрация брака в ЗАГСе — создает юридическую базу.

Заключение нотариального Брачного договора, куда имплементируются имущественные условия исламского брачного права:

– Закрепление имущества, переданного в качестве Махра, как личной неделимой собственности жены.

– Фиксация раздельного режима имущества, если супруги ведут бизнес независимо.

– Установление порядка раздела недвижимости при разводе с учетом вклада каждого супруга.

Проведение обряда Никах — закрепляет духовную и религиозную сторону союза.

Имущественная безопасность супругов в Кыргызской Республике гарантируется только в поле светского законодательства. Обряд Никах выполняет морально-этическую и религиозную функцию, но без официальной регистрации в ЗАГСе оставляет стороны (чаще всего женщин) без механизма защиты совместных активов.

Оптимальным решением для граждан, соблюдающих религиозные традиции, является комплексный подход: официальная регистрация брака в органах ЗАГС, подкрепленная нотариальным брачным договором, отражающим индивидуальные (в том числе канонические) имущественные договоренности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30 августа 2003 года № 201. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-21/edition/1163848/ru.
2. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть I) от 8 мая 1996 года № 15 (о правилах общей совместной и долевой собственности). URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-1/edition/1263361/ru.
3. Гражданский кодекс Кыргызской Республики (часть II) // ЦБД Минюста КР. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-1/edition/1263361/ru.
4. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127 (в части ответственности за совершение религиозных обрядов с несовершеннолетними). URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-38/edition/1283364/ru.
5. Закон Кыргызской Республики «О нотариате» от 9 марта 2023 года № 54 (регулирующий порядок удостоверения брачных договоров). URL: https://cbd.minjust.gov.kg/26164/edition/300630/ru.
6. Закон Кыргызской Республики «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» от 22 декабря 1998 года № 153. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/51-309/edition/1237262/ru.

7. Постановление Пленума Верховного суда Кыргызской Республики «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» от 15 декабря 2017 года № 21 // База актов Верховного суда Кыргызской Республики. URL: https://portal.sot.kg/ru/grsa/1815453.
8. Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (CEDAW) (ратифицирована Жогорку Кенешем КР 25 января 1997 года)
9. Абыкеева А.Т. Семейное право Кыргызской Республики: учебное пособие для вузов. Бишкек, 2019 // Электронный каталог Кыргызской национальной библиотеки им. А. Осмонова.
10. Ниязалиев К.С. Имущественные отношения супругов по законодательству Кыргызской Республики и шариату: сравнительно-правовой анализ.

Kuikeeva A.Ch.
master's degree student of 1st year
Department of Civil Law
Kyrgyz-Russian Slavic University named after Boris Yeltsin
(Bishkek, Kyrgyzstan)

MARRIAGE CONTRACT (NIKAH) AND SPOUSAL PROPERTY RIGHTS

***Abstract**: the article examines the dualism of legal regulation of family and property relations in Kyrgyz Republic at the intersection of secular legislation and Islamic law. It analyzes conflicts between provisions of the Kyrgyz Republic Family Code and the religious nikah ceremony, highlighting the lack of legal protection for spouses in unregistered unions. The study considers marriage contracts an effective secular means of harmonizing the two legal systems. It proposes a practical solution: incorporating canonical mahr obligations into a notarized agreement in conjunction with official marriage registration at a civil registry office (ZAGS).*

***Keywords**: KR Family Code, secular legislation, Islamic law, nikah, ZAGS, joint property, marriage contract, mahr, property rights, Kyrgyz Republic.*

УДК 343.13

Малютина М.Ю.
магистрант 2 курса
Институт магистратуры и заочного обучения
Саратовская государственная юридическая академия
(г. Саратов, Россия)

ФУНКЦИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

***Аннотация**: в работе рассмотрен правовой статус и функции следователя в современном уголовном процессе. Затронута история становления профессии следователя. Раскрыта позиция обвинительного уклона и приведены доводы по изменению правового поля следователя.*

***Ключевые слова**: следователь, функция, правовой статус, уголовный процесс, обвинительный уклон.*

Тема функций следователя в уголовном процессе всегда вызывала оживленные дискуссии среди ученых-правоведов. Особую остроту она приобрела после того, как в 2001 г. был принят Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Именно в этом нормативном акте следователь впервые был законодательно отнесен к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения. В одну группу с ним законодатель определил прокурора, дознавателя, руководителя следственного органа и др. С указанного момента в научной литературе не утихают споры о том, какую же роль на самом деле играет следователь в современном уголовном процессе. Прежде всего, нам необходимо провести анализ нормативных актов. В пункте 55 статьи 5 УПК РФ законодатель раскрывает содержание уголовного преследования.

Под уголовным преследованием понимается процессуальная деятельность стороны обвинения, направленная на изобличение подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления [1]. В пункте 47 той же статьи следователь прямо назван участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения [1]. Однако, по нашему мнению, из-за подобного подхода законодателя возникает множество проблем, затрагивающих как теоретические вопросы уголовного процесса, так и практику расследования уголовных дел.

Для уяснения сущности изучаемой проблемы необходимо обратиться к историческим этапам развития уголовно-процессуального законодательства. По результатам анализа, в дореволюционный период следователь не воспринимался в качестве представителя стороны обвинения. Согласно ст. 256 Устава уголовного судопроизводства 1864 г., судебному следователю вменялось в обязанность действовать беспристрастно и выяснять все значимые для дела обстоятельства – как уличающие обвиняемого, так и говорящие в его пользу.

Советский уголовный процесс унаследовал и развил этот подход, так что требование исследовать обстоятельства уголовного дела всесторонне, полно, объективно содержалось сначала в ст. 111 УПК РСФСР 1923 г., а впоследствии в ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. [2, с. 110]. Следовательно, долгое время следователь воспринимался как процессуальный участник, от которого требовалось объективно установить фактические обстоятельства произошедшего, задачи доказывать исключительно виновность лица законодатель перед ним не ставил.

По современному уголовно-процессуальному законодательству, на следователя также возложена обязанность устанавливать совокупность обстоятельств, имеющих значение для разрешения уголовного дела. К их числу относятся не только факты, указывающие на совершение преступления и виновность лица, но и обстоятельства, способные повлечь смягчение ответственности, исключить уголовную ответственность либо указывать на отсутствие в деянии состава преступления.

Кроме того, в статьях 24 и 28 УПК РФ закреплена возможность прекращения уголовного дела/уголовного преследования, в т. ч. по основаниям, имеющим реабилитирующее либо нереабилитирующее значение. Отсюда можно заключить, что процессуальная деятельность следователя не ограничивается собиранием доказательств обвинительного характера. В определенных пределах он участвует и в разрешении вопроса о дальнейшем движении уголовного дела, и в этом проявляется его особое процессуальное положение [3, с. 22].

Из сказанного можно сделать вывод, что следователь параллельно осуществляет действия, направленные на установление как обвиняющих, так и оправдывающих обстоятельств, а при принятии решения о прекращении уголовного дела фактически участвует в его разрешении, т.е. отчасти выполняет функцию суда. В связи с этим его процессуальная деятельность не может считаться односторонней. На стадии предварительного расследования в пределах предоставленных законом полномочий в ней в определенной мере совмещаются функции обвинения, защиты, разрешения уголовного дела.

По мнению М.С. Строговича, процессуальные функции в уголовном судопроизводстве распределены между его участниками так, что правосудие вершит суд, от обвинения защищаются обвиняемый вместе со своим защитником, а уголовное преследование ведут прокурор и потерпевший. На досудебной же стадии все три названных направления деятельности тесно переплетаются и сходятся в руках следователя. В этом и состоит специфика его процессуального статуса, особый характер выполняемой им работы [6, с. 189]. Интересные выводы можно сделать по итогам бесед со следователями. Из-за того, что закон причисляет их к стороне обвинения, у них складывается психологическая установка на обвинительный уклон, расследование становится односторонним, а права/законные интересы граждан серьезно нарушаются. Эту тенденцию отмечает в своем докладе и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации.

Чаще всего граждане в своих обращениях жалуются на то, что следователи и дознаватели без достаточных оснований отказывают обвиняемому и его защитнику в удовлетворении ходатайств, прежде всего о приобщении к делу важных для него материалов [5].

На наличие указанного противоречия обращал внимание С.А. Шейфер, характеризовавший процессуальное положение следователя как внутренне двойственное. С одной стороны, следователь является участником уголовного судопроизводства, осуществляющим уголовное преследование, в связи с чем его деятельность направлена на собирание доказательств, указывающих на причастность обвиняемого к совершению преступления. С другой стороны, на него возлагается обязанность беспристрастно исследовать обстоятельства уголовного дела, включая установление фактов, которые опровергают предъявленное обвинение либо ставят под сомнение его обоснованность. Итак, в ходе предварительного расследования следователь должен критически оценивать сформулированные им выводы и пересматривать их в тех случаях, когда совокупность собранных доказательств их не подкрепляет [9, с. 35].

Существование следователя в уголовном процессе оправдано прежде всего тем, что каждое обстоятельство, входящее в предмет доказывания, должно быть выявлено и проверено со всех сторон, без пробелов и предвзятости. Из этого вытекает, что ядро его процессуальной функции – само предварительное расследование, и замыкать ее в рамках одной лишь обвинительной или защитительной направленности было бы ошибкой. По результатам анализа собранных доказательств следователь вправе прийти как к выводу о виновности лица, так и к заключению о его непричастности к совершению преступления. В связи с этим представляется, что законодательное отнесение следователя к участникам уголовного судопроизводства со стороны обвинения не в полной мере соответствует содержанию и назначению его процессуальной деятельности.

Если отвлечься от формулировок закона, суть работы следователя – выяснить все обстоятельства, которые требуется установить и доказать по уголовному делу, причем сделать это беспристрастно, полно и без пробелов. Иначе говоря, его профессиональное дело – именно расследовать. Такую работу невозможно втиснуть в рамки одного лишь обвинения или одной лишь защиты, т.к. расследование с одинаковым успехом может завершиться выводом и о виновности человека, и о его невиновности, а заранее предсказать этот итог нельзя. Поэтому, на наш взгляд, причислять следователя к стороне обвинения в корне неверно.

По этому вопросу высказывался и Конституционный Суд Российской Федерации. В постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П суд сформулировал важную правовую позицию. Законодатель действительно отнес следователя к стороне обвинения, но это не означает, что он вправе быть односторонним обвинителем. Суд указал, что, несмотря на положения части 2 статьи 15 УПК РФ, обязанность следователя использовать весь комплекс мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве сохраняется [7]. Эта позиция имеет большое значение, ведь в ней закреплена простая мысль о том, что даже при законодательном отнесении следователя к стороне обвинения обязанность действовать объективно и всесторонне с него не снимается.

В научной литературе представлены различные подходы к совершенствованию процессуального статуса следователя. Сторонники одного из них предлагают вывести следователя из системы органов преследования и включить его в судебную власть. Тогда он превратился бы в своеобразного судебного исследователя, который на досудебной стадии изучал бы обстоятельства совершенного преступления, опираясь на материалы, добытые органами уголовного преследования.

Иная группа исследователей исходит из многофункционального характера деятельности следователя, признавая уголовное преследование его основной процессуальной функцией, реализуемой под судебным контролем.

При этом в современной юридической литературе отсутствует единообразный подход к определению содержания и пределов выполнения следователем функции обвинения, вследствие чего данный вопрос сохраняет дискуссионный характер. Особое внимание также уделяется проблеме обеспечения процессуальной самостоятельности следователя. Из-за широкого объема контрольных полномочий, предоставленных руководителю следственного органа при ведомственном процессуальном контроле, независимость следователя при принятии процессуальных решений сильно ограничена, что может отрицательно сказываться на полноте, всесторонности и объективности предварительного расследования [8, с. 23].

Отдельно стоит остановиться на концепции учреждения института следственного судьи, широко обсуждавшейся при подготовке Концепции судебной реформы 1991 г. Данная проблема сохраняет актуальность и в современной юридической науке, оставаясь предметом продолжающихся научных дискуссий [4, с. 26]. При этом идея введения следственного судьи имеет более длительную историю. Так, еще в 1860 г. Н.И. Стояновский в подготовленном им проекте реформирования досудебного производства в Российской империи предлагал предусмотреть соответствующую процессуальную фигуру. Но в дальнейшем был избран иной путь. Законодатель того времени счел, что следователю, хотя он и состоит при суде, разбирать уголовные дела по существу не подобает, ведь его участок работы – собирать материалы и готовить дела к слушанию в суде. Именно так в системе российского уголовного процесса появилась должность судебного следователя.

В работе судебного следователя переплетались черты обвинительной и защитительной функций. От него требовалось выявлять и процессуально фиксировать как улики против обвиняемого, так и обстоятельства, говорящие в его пользу. Уже из этой исторической модели ясно, что следователь стоит в процессе особняком и решает задачи, которых нет у других участников. Привычная, узкая трактовка обвинительной функции не охватывает всего, чем он занят, т.к. его полномочия/обязанности простираются гораздо дальше.

Поэтому безоговорочно записывать следователя в сторону обвинения, на наш взгляд, нет оснований. Подобно суду, он занимает особое процессуальное положение и не может быть полностью отождествлен ни с одной из сторон уголовного судопроизводства.

По нашему мнению, основным назначением деятельности следователя должно являться проведение объективного, всестороннего и полного предварительного расследования. Между тем современная практика уголовного судопроизводства характеризуется выраженной обвинительной направленностью, что может препятствовать надлежащей реализации данной задачи.

Если следователь будет нацелен именно на объективное расследование, обвинительный крен досудебного производства удастся выправить, а участники уголовного судопроизводства будут надежнее защищены от того, чтобы их права, свободы и законные интересы урезались незаконно и без достаточных оснований. Кроме того, при таком подходе появляются условия для непосредственной защиты личности, а при необходимости – для восстановления нарушенных прав и правового положения соответствующих лиц. Так как современный уголовный процесс построен на началах состязательности, лучшим выходом из обозначенных затруднений нам видится вывести следователя из числа представителей обвинения и наделить его отдельной, самостоятельной функцией – вести предварительное расследование.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать, что из-за причисления следователя к стороне обвинения в действующем уголовно-процессуальном законе в его работе неизбежно возникает почва для обвинительного уклона. Такое решение законодателя плохо вписывается и в исторически сложившуюся традицию отечественного уголовного процесса, и в правовые позиции, которые сформулировал Конституционный Суд Российской Федерации.

Поэтому в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации целесообразно внести поправки и прямо указать, что следователь выполняет собственную, отдельную от обвинения функцию – предварительное расследование. Если это предложение будет реализовано на законодательном уровне, досудебное производство по уголовным делам станет заметно объективнее, полнее и всестороннее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru
2. Гаджирамазанова П.К., Карибова К.Н. О процессуальной функции следователя в современном уголовном судопроизводстве // Закон и право. 2021. № 1. С. 109–112
3. Григорьева А.Е., Андреев С.Г. Отдельные вопросы решения следователем задачи объективного расследования и реализации им функции обвинения в уголовном судопроизводстве // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Амосова. Серия Общественные науки. 2024. № 3. С. 22–25
4. Попов Д.П. Реализация функции предварительного расследования в уголовном судопроизводстве: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2024. 298 с.
5. Рыженкова Е.В. Следователь в уголовном судопроизводстве: задачи и функции // Молодой ученый. 2025. № 45 (596). С. 220–222
6. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М.: Наука, 1968. 470 с.
7. Тушев А.А. Еще раз о функциях следователя и дознавателя // Теория и практика общественного развития. 2025. № 1. С. 125–130

8. Шиманец М.К. Следователь как участник уголовного судопроизводства: процессуальный статус и проблемы его определения // Молодой ученый. 2025. № 28 (579). С. 192–194

9. Шейфер С.А. Российский следователь: исследователь или преследователь? // Российская юстиция. 2010. № 11. С. 35

Malyutina M.Yu.

master's degree student of 2nd year

Institute of Master's and Correspondence Education

Saratov State Law Academy

(Saratov, Russia)

CRIMINAL PROSECUTION FUNCTION IN INVESTIGATORS' WORK: PROBLEMS OF LEGISLATIVE REGULATION AND LAW ENFORCEMENT

***Abstract**: the article examines the legal status and functions of investigators in contemporary criminal proceedings. It traces the development of the investigative profession, examines prosecutorial bias, and presents arguments for changing the legal framework governing investigators.*

***Keywords**: investigator, function, legal status, criminal proceedings, prosecutorial bias.*

УДК 342.4

Мартынов И.И.

магистрант 3 курса

кафедра конституционного и муниципального права

Волгоградский государственный университет

(г. Волгоград, Россия)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ И ПРЕДЕЛЫ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ОБОРОТ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ И МАЙНИНГ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация**: статья посвящена публично-правовым пределам вмешательства государства в оборот цифровых валют и майнинг в РФ. Раскрыта концептуальная несогласованность Федерального закона № 259-ФЗ, выразившаяся в использовании понятия «валюта» для частных токенов при запрете их платежной функции. Исследовано Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П (дело Тимченко), закрепившее статус криптовалюты как «иного имущества» (ст. 128 ГК РФ) и запретившее отказывать в судебной защите (ст. 46 Конституции РФ) при отсутствии регламента декларирования. Вскрыта проблема неисполнимости решений без раскрытия должником SEED-фразы. Анализ практики судов Волгоградской области и Определения ВС РФ № 66-КГ22-9-К8 объяснил латентность споров о майнинге через взыскание неосновательного обогащения (ст. 1102 ГК РФ) по тарифам энергопотребления. Выявлены дефекты подзаконных актов Правительства РФ по Закону № 247-ФЗ. Обоснована роль цифрового рубля как суверенного инструмента алгоритмического контроля бюджетных средств.*

***Ключевые слова**: Конституция РФ, денежная эмиссия, цифровая валюта, майнинг, пределы государственного вмешательства, судебная защита, Конституционный Суд, сид-фраза, тариф на электроэнергию, неосновательное обогащение, цифровой рубль, алгоритмический контроль.*

Попытки цивилистической доктрины определить место криптовалют исключительно через частноправовые категории («вещь», «обязательственное требование», «программный код») теряют регулятивную силу, как только цифровой актив приобретает масштабную экономическую ликвидность. Выходя в плоскость расчетов, криптовалюта неизбежно вторгается в сферу денежного обращения, где частноправовой автономии воли сторон уже недостаточно и начинает действовать публичное право. Мы солидарны с тезисом профессора В. И. Крусса: «криптовалюты предопределены к конституционно-правовому опосредованию (воздействию и регулированию), поэтому заведомо ошибочной будет любая аналитическая позиция, пытающаяся утвердить по отношению к ним приоритет публично-правового или частноправового подходов» [1, с. 130]. Движение децентрализованных активов невозможно изолировать от задач защиты финансового суверенитета государства, устойчивости национального платежного пространства и безопасности единого экономического рынка.

Конституционные основы денежной системы РФ заданы жестким императивом. Пункт «ж» статьи 71 Конституции РФ относит финансовое, валютное регулирование и денежную эмиссию к исключительному ведению Федерации, а пункт «м» закрепляет вопросы безопасности личности, общества и государства при обороте цифровых данных. Центральным звеном выступает статья 75 (части 1 и 2) Конституции РФ: денежная единица – рубль, денежная эмиссия осуществляется исключительно Центробанком, введение и эмиссия любых других денег в стране запрещены. Конституционный текст не допускает компромиссов: частные денежные единицы и параллельные платежные системы находятся вне рамок законного правопорядка. Данный запрет последовательно воспроизведен в статье 27 Федерального закона «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [2], не допускающей выпуск денежных суррогатов, и в статье 140 Гражданского кодекса РФ [3], закрепляющей за рублем статус единственного законного платежного средства на всей территории России.

Однако принятый в 2020 году Федеральный закон № 259-ФЗ нормативно закрепил понятие «цифровая валюта» (ч. 3 ст. 1) [4]. В связи с чем возникает нормотворческий дефект в виде рассогласования терминологического аппарата. В российском праве валюта – это официальное законное платежное средство (ст. 140 ГК РФ). Как справедливо подчеркивает А. В. Турбанов, «Закон о ЦФА вообще необоснованно оперирует понятием «валюта»... Слишком вольное обращение с этим понятием, вошедшим в обиход вслед за появлением термина «криптовалюта», приводит к тому, что исследователи зачастую говорят на разных языках, а дискуссии не в полной мере отражают обсуждаемые точки зрения и реалии» [5, с. 59].

А. В. Ведерников также указывает, что смешение понятий «деньги», «валюта» и «цифровая валюта» дезориентировало судебную практику [6, с. 1284]. Законодатель признал криптовалюту средством платежа в статье 1 Закона № 259-ФЗ, но в статье 14 запретил принимать ее в качестве встречного предоставления. В строго конституционно-правовом смысле децентрализованная криптовалюта официальными деньгами не является: это специфический имущественный актив, функционирующий вне государственной денежной системы, признание которого в качестве платежного средства внутри страны прямо заблокировано статьей 75 Основного Закона.

Невозможность признания криптовалюты деньгами не наделяет государство правом произвольно блокировать имущественные права ее законных владельцев. В исследованиях А. В. Савиной обосновано, что пределы финансово-правового регулирования – это подвижная система компетенционных, пространственных и временных рамок [7, с. 183]. В конституционном поле границы публичного вмешательства заданы частью 3 статьи 55 Конституции РФ: ограничение прав возможно только федеральным законом и строго соразмерно защите основ строя, обороны, безопасности и прав третьих лиц. При этом государство связано гарантиями свободы экономической деятельности (ст. 8, 34), охраны собственности (ст. 35) и свободного перемещения финансов (ч. 1 ст. 74). А. С. Сейтумеров справедливо отмечает, что

свобода перемещения финансов требует установления публичного порядка оборота, а не административной блокады [9, с. 457].

Длительное время государственная политика определялась острым межведомственным противоречием. Банк России настаивал на тотальном запрете выпуска, обращения и майнинга криптовалют ради защиты монетарного суверенитета и банковской ликвидности. Минфин России и Правительство РФ, в свою очередь, продвигали модель контролируемой легализации через банковскую инфраструктуру с уплатой налогов. Причину этого разногласия раскрыл А. В. Токолов: централизованный бюрократический аппарат столкнулся с децентрализованной технологией, алгоритмически отторгающей вертикальный надзор [10, с. 87]. Полный запрет привел бы лишь к криминализации сектора: граждане ушли на теневые зарубежные площадки, майнеры перегружали региональные сети, а правоохранители столкнулись с ростом киберхищений. Стратегия полного вытеснения подтвердила свою контрпродуктивность.

Правоприменительная практика отреагировала на нормативные пробелы сужением доступа к правосудию. Рычагом послужила часть 6 статьи 14 Закона № 259-ФЗ, связавшая судебную защиту криптоактивов с обязательным информированием налоговых органов. В исследовании В. Я. Земляченко и Е. А. Кравцовой показано, как суды годами отказывали гражданам в защите прав [11, с. 376]. Ссылаясь на отсутствие криптовалюты в статье 128 ГК РФ и непредставление налоговых деклараций, судьи приравнивали сделки с ней к азартным играм (ст. 1062 ГК РФ), квалифицируя их как «натуральные обязательства». Судебные инстанции фактически уклонялись от разрешения имущественных споров по существу.

Кризис разрешило Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П по жалобе Д. И. Тимченко [12]. Обстоятельства дела типичны: Тимченко передал брокеру Ш. 1000 токенов USDT (стоимостью 82 000 руб.) в доверительное управление для совершения сделок на биржах с условием возврата и выплаты 80% прибыли. Факт передачи подтверждался блокчейн-записью и актом. Управляющий активы присвоил. Суды трех инстанций и судья

Верховного Суда РФ отказали в иске об истребовании имущества, указав, что истец принял коммерческий риск и не уведомил налоговый орган по части 6 статьи 14 Закона № 259-ФЗ.

Конституционный Суд РФ признал криптовалюту объектом права собственности (ст. 35 Конституции РФ), охватываемым понятием «иное имущество» (ст. 128 ГК РФ) [12, с. 11]. Часть 6 статьи 14 Закона № 259-ФЗ была признана не соответствующей Конституции РФ (статьям 19, 34, 35, 45, 46) в части отказа в судебной защите лицам, не являющимся майнерами. Суд прямо указал: «Произвольный же отказ в защите законных и обоснованных имущественных требований заинтересованных лиц, связанных с обладанием цифровой валютой, и тем более поощрение недобросовестного поведения, посягающего на соответствующие права, не только не согласуются с конституционными требованиями, но и негативно влияют на стабильность гражданского оборота...» [12, с. 14]. КС РФ подчеркнул: «Реализация конституционного права на судебную защиту... предполагает четкое, недвусмысленное и согласованное нормативное регулирование не только условий доступа к суду, но и порядка их выполнения всеми, к кому они применимы...» [12, с. 23]. Государство не создало формы декларирования разовых криптосделок для граждан (форма 3-НДФЛ фиксирует лишь годовой доход, а постановление Правительства № 1466 адресовано майнерам). Лишать граждан судебной защиты (ст. 46 Конституции РФ) из-за собственных нормативных пробелов недопустимо.

Однако на стадии исполнения судебных решений возникает непреодолимый технико-процессуальный барьер: исполнение невозможно без волевого содействия должника. Приватный ключ или контрольная SEED-фраза известны только владельцу, принудительно списать токены с публичного адреса пристав технически не способен. На наш взгляд, без включения в ГПК РФ и АПК РФ институтов судебного штрафа, астрента за каждый день непередачи доступа и презумпции сокрытия имущества при отказе раскрыть ключ судебная защита рискует остаться декларативной.

Санкционная блокировка межбанковских расчетов ускорила пересмотр государственной политики. В августе 2024 года были приняты Федеральные законы № 221-ФЗ и № 223-ФЗ [4], закрепившие модель экономического прагматизма. Закон № 221-ФЗ легализовал понятия «майнинг цифровой валюты», «майнинг-пул», «оператор инфраструктуры», признав майнинг экономической деятельностью. Правительство РФ получило дискреционные полномочия вводить прямые территориальные запреты на майнинг (ч. 12 ст. 14 Закона № 259-ФЗ) ради энергобезопасности [8, с. 68].

Вопрос конституционности ограничений для майнеров стал предметом прямой проверки в Апелляционном определении Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № АПЛ25-346 [13]. Истец оспаривал пункт 2 Постановления Правительства РФ № 1469 о лимите энергопотребления в 6000 кВт·ч/мес, заявляя о нарушении части 3 статьи 55 Конституции РФ. Верховный Суд РФ признал доводы несостоятельными: Закон о ЦФА является специальным к Закону об электроэнергетике, Правительство действовало в рамках полномочий, а проверка актов на соответствие статье 55 Основного Закона отнесена к компетенции Конституционного Суда РФ [13].

Публично-правовой контроль получил развитие и в арбитражной практике: в Решении Арбитражного суда Ростовской области от 15 июля 2025 г. по делу № А53-4743/2025 [14] суд пресек попытку заявить вычет по НДС на 14,16 млн руб. по мощностям ООО «Битривер Рус». Экспертиза ЮФУ подтвердила, что протокол SHA-256 (ASIC-майнеры Antminer) используется исключительно для майнинга и не может выдаваться за НИОКР для трамвайных путей (ст. 54.1 НК РФ) [14]. Реализация запретов подтверждена и Решением Арбитражного суда Иркутской области от 31 июля 2025 г. по делу № А19-1707/2025 [17], где суд применил Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1869 о запрете майнинга в г. Усолье-Сибирское до 2031 года [15].

Анализ региональной практики указывает на полное отсутствие в арбитражных судах прямых исков с формулировкой «о майнинге». Причина в субъектном составе: домашние майнеры не регистрируются как ИП, поэтому

споры с ними подсудны районным судам общей юрисдикции (в частности, в практике Городищенского, Дзержинского и Волжского городских судов Волгоградской области). Энергосбытовые организации (включаяПАО «Волгоградэнергосбыт») квалифицируют требования по статье 1102 ГК РФ как взыскание неосновательного обогащения в виде разницы между тарифом для населения и коммерческим тарифом, описывая деятельность нейтрально: «эксплуатация оборудования с небытовым профилем нагрузки».

Окончательную позицию закрепило Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2022 г. № 66-КГ22-9-К8: круглосуточное использование бытовой сети для энергоемкого оборудования в целях извлечения дохода лишает гражданина права на субсидируемый тариф [16]. В развитие этого подхода комитет тарифного регулирования Волгоградской области установил дифференцированные диапазоны энергопотребления [19], отделив бытовые нужды от скрытого промышленного майнинга.

Закон № 223-ФЗ [4] юридически закрепил режим регуляторного дуализма: внутри страны расчеты криптовалютой запрещены (ч. 5 ст. 14 Закона 259-ФЗ), но для внешней торговли и биржевых торгов открыт специальный шлюз – Экспериментальный правовой режим (ЭПР) под прямым надзором Банка России (ст. 1.1).

Таблица 1. Сравнительно-правовой режим цифровых расчетных инструментов в РФ (2026 г.).

Критерий	**Частная цифровая валюта (криптовалюта)**	**Цифровой рубль (CBDC)**
Правовой статус	«Иное имущество» (ст. 128 ГК РФ), денежный суррогат	Третья форма национальных денег (ст. 128, 140 ГК РФ)
Эмитент	Отсутствует (децентрализованный протокол)	Банк России (государственная монополия, ст. 75 Конституции РФ)

Критерий	Частная цифровая валюта (криптовалюта)	Цифровой рубль (CBDC)
Платежи внутри РФ	Запрещены под угрозой ответственности (ч. 5 ст. 14 Закона № 259-ФЗ)	Законное платежное средство без ограничений
Трансграничные расчеты	Разрешены исключительно в рамках ЭПР (Закон № 223-ФЗ)	Интеграция с платформами национальных цифровых валют партнеров
Судебная защита	Гарантирована Постановлением КС РФ № 2-П от 20.01.2026	Полная судебная защита прав держателя счета

Стратегическим ответом государства на распространение децентрализованных валют стал запуск официальной цифровой валюты центрального банка – цифрового рубля (ст. 75 Конституции РФ, Законы № 339-ФЗ и № 340-ФЗ). Анализ Доклада Банка России «Цифровой рубль: текущий статус проекта» (июнь 2025 г.) раскрывает публично-правовые преимущества созданной системы [18, с. 3–11]. Оператором выступает Центробанк, а коммерческие банки низведены до роли агентов доступа. Гражданин не несет рисков банкротства банка-посредника: актив учитывается непосредственно на балансе регулятора. Эмиссия цифрового рубля строго нейтральна к совокупной денежной массе (М2), а лимит пополнения счетов (300 000 руб./мес.) страхует банковскую систему от оттока ликвидности [18, с. 8].

Ключевое значение цифрового рубля состоит во внедрении смарт-контрактов в бюджетный процесс. Пилоты Казначейства и Банка России доказали эффективность алгоритмического маркирования: целевые рубли технически невозможно обналичить или направить на нецелевые расходы – транзакция исполняется только при подтверждении выполнения этапа работ [18, с. 5–6]. В подобной парадигме публичный финансовый контроль переходит от ретроспективных ревизий к превентивному надзору на уровне программного кода официальной денежной единицы.

Конституционная модель денежной системы России исключает легитимацию децентрализованных криптовалют в качестве законного расчетного средства внутри страны. Монополия Банка России на эмиссию официальных денег (ст. 75 Конституции РФ) призвана сохранять единство экономического пространства (ст. 71 п. «ж»). Использование в Законе № 259-ФЗ категории «цифровая валюта» представляет собой дефект законодательной техники: децентрализованный токен является не валютой, а криптографическим имущественным активом.

Границы государственного вмешательства жестко очерчены принципом соразмерности (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ). Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П восстановило верховенство Основного Закона: государство правомочно вводить налоговые обязанности, но не вправе блокировать право на судебную защиту (ст. 46) и неприкосновенность собственности (ст. 35) граждан, если само не создало доступного механизма декларирования.

В то же время судебная защита останется неполной без законодательного разрешения проблемы исполнимости решений при отказе должника раскрыть SEED-фразу, что требует внедрения института астрента и обеспечительных презумпций в гражданский процесс.

Современный этап регулирования перешел к управляемому прагматизму. Легитимность введенных лимитов энергопотребления (6000 кВт·ч) и дискреции Правительства РФ подтверждена высшей судебной инстанцией (дело ВС РФ № АПЛ25-346 [13]) Пресечение злоупотреблений налоговыми льготами на майнинговом оборудовании (дело АС Ростовской области № А53-4743/2025 [14]) и реализация территориальных запретов (дело АС Иркутской области № А19-1707/2025] [15]) демонстрируют формирование жестких отраслевых границ контроля. Одновременно дифференцированные тарифы регионов (практика ВС РФ [16] и Волгоградской области [17]) защищают энергосистему, а Экспериментальный правовой режим (Закон № 223-ФЗ) сохраняет внешнеторговые каналы.

Суверенным ответом децентрализованным суррогатам выступает цифровой рубль: объединяя фиатные гарантии Банка России и технологию смарт-контрактов, национальная цифровая валюта выводит защиту публичных бюджетных средств на превентивный алгоритмический уровень.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Крусс В.И. Конституционная футурология и наука права. Файл «криптовалюта» // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10. С. 126–142.
2. «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»: Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790, 2024. № 33, ч. I. Ст. 4919.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм., внесенными постановлением Конституционного Суда РФ от 20.01.2026 № 2-П) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5018, 2024. № 33, ч. I. Ст. 4917, 4919.
5. Турбанов А.В. Цифровой рубль как законное платежное средство // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1 (158). С. 56–65.
6. Ведерников А.В. Правовые аспекты оборота цифровых валют // Baikal Research Journal. 2023. Т. 14, № 3. С. 1281–1289.
7. Савина А.В. Пределы финансово-правового регулирования отдельных видов цифровых отношений // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 2. С. 182–186.

8. Савина А.В. Легализация майнинга и криптобиржи в России: риски и пределы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20, № 5 (174). С. 64–71.

9. Сейтумеров А.С. Реализация конституционного принципа свободы перемещения финансов в федеральном законодательстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 453–459.

10. Токолов А.В. Правовое регулирование информационных отношений в сфере оборота цифровых финансовых активов: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.13. М.: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2022. 189 с.

11. Земляченко В.Я., Кравцова Е.А. Криптовалюта как объект гражданских прав и обязанностей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17, вып. 2. С. 371–388.

12. По делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Д.И.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 января 2026 г. № 2-П // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202601220001 (дата обращения: 06.10.2026).

13. Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № АПЛ25-346 // Банк судебных решений Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

14. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 15 июля 2025 г. по делу № А53-4743/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

15. Решение Арбитражного суда Иркутской области от 31 июля 2025 г. по делу № А19-1707/2025 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

16. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 июля 2022 г. № 66-КГ22-9-К8 // Банк судебных решений Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

17. Приказ Комитета тарифного регулирования Волгоградской области от 20 декабря 2023 г. № 51/1 «Об установлении тарифов на электрическую энергию для населения и приравненных к нему категорий потребителей по Волгоградской области» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

18. Цифровой рубль: текущий статус проекта: аналитический материал Банка России. М.: Департамент национальной платежной системы Банка России, июнь 2025. 25 с. URL: https://www.cbr.ru/ (дата обращения: 06.10.2026).

Martynov I.I.
master's degree student of 3rd year
Department of Constitutional and Municipal Law
Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

CONSTITUTIONAL FOUNDATIONS OF THE MONETARY SYSTEM AND LIMITS OF PUBLIC-LAW INTERVENTION IN DIGITAL CURRENCY CIRCULATION AND MINING IN RUSSIA

Abstract: *this article examines public-law limits on state intervention in digital currency circulation and mining in Russia. It identifies a conceptual inconsistency in Federal Law N 259: private tokens are termed «currency» while their use as a means of payment is prohibited. It examines Constitutional Court Ruling N 2-P of January 20, 2026 (the Timchenko case), which recognized cryptocurrency as «other property» under Article 128 of the Civil Code and held that judicial protection under Article 46 of the Russian Constitution cannot be denied in the absence of a framework for declaring cryptocurrency holdings. The article highlights the difficulty of enforcing judgments unless debtors disclose their seed phrases. An analysis of judicial practice in Volgograd region and Supreme Court Ruling N 66-KG22-9-K8 explains why mining disputes often remain obscured: they are pursued via unjust enrichment claims under Article 1102 of the Civil Code arising from electricity tariffs. Deficiencies in government regulations adopted under Federal Law N 247 are identified. The article argues that the digital ruble serves as a sovereign instrument for algorithmic control over budget funds.*

Keywords: *Russian Constitution, currency issuance, digital currency, mining, state intervention limits, judicial protection, Constitutional Court, seed phrase, electricity tariff, unjust enrichment, digital ruble, algorithmic control.*

УДК 347

Митьковская В.А.

студент 4 курса

Московский государственный юридический

университет им. О.Е. Кутафина

(г. Москва, Россия)

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВОПРЕЕМСТВО ПРИ ПЕРЕМЕНЕ ЛИЦ В ОБЯЗАТЕЛЬСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ЧЕРЕЗ 8 ЛЕТ ПОСЛЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КС РФ ПО ДЕЛУ БОЛЧИНСКИХ

***Аннотация**: в статье исследуются теоретические и практические проблемы процессуального правопреемства в гражданском и административном судопроизводстве с учётом Постановления КС РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П и судебной практики 2022–2026 гг. Раскрываются понятие, правовая природа института, соотношение материального и процессуального правопреемства, конституционно-правовой смысл ч. 1 ст. 44 ГПК РФ. На основе анализа судебных актов выявлены противоречия правоприменения: доказывание факта правопреемства, оценка совокупности доказательств, применение аналогии закона, уведомление должника о цессии, оспаривание законности уступки. Отдельное внимание уделено правопреемству в публично-правовых отношениях в свете Постановления КС РФ от 24 декабря 2025 г. № 49-П. Определены процессуальные последствия ошибочного применения норм и предложены пути совершенствования законодательного регулирования.*

***Ключевые слова**: процессуальное правопреемство, гражданский процесс, административное судопроизводство, Конституционный Суд РФ, цессия, замена стороны, доказывание, судебная практика.*

1. Введение.

Процессуальное правопреемство гарантирует непрерывность судебной защиты при изменении состава участников дела. Постановление КС РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П стало важным этапом развития института, расширив возможности замены стороны в гражданском процессе. Спустя восемь лет

накоплена практика, позволяющая оценить действенность механизма и выявить нерешённые вопросы. В 2025 г. КС РФ вновь обратился к проблематике правопреемства (Постановление № 49-П), что подтверждает актуальность и незавершённость реформы. Цель работы — исследовать теоретические и практические проблемы процессуального правопреемства на основе позиции КС РФ № 43-П и последующей практики. Задачи: раскрыть теоретические основы института, проанализировать нормативное регулирование и позицию КС РФ, выявить противоречия практики и определить последствия ошибочного применения норм.

2. Теоретические основы процессуального правопреемства.

2.1. Понятие и правовая природа процессуального правопреемства.

Процессуальное правопреемство — это замена стороны в гражданском процессе при выбытии одной из сторон в спорном или установленном решением суда правоотношении. Оно производно от материального правопреемства: опирается на переход материальных прав или обязанностей и позволяет избежать повторного рассмотрения того же спора. Основания — смерть гражданина, реорганизация юридического лица, уступка требования (цессия), перевод долга и иные случаи перемены лиц в обязательствах (ч. 1 ст. 44 ГПК РФ). Замена допускается на любой стадии процесса. Согласно ч. 2 ст. 44 ГПК РФ, все действия, совершённые до вступления правопреемника, обязательны для него в той мере, в какой были обязательны для правопредшественника. Это обеспечивает непрерывность судебной защиты и стабильность процессуальных отношений.

2.2. Соотношение материального и процессуального правопреемства.

Ключевая теоретическая проблема состоит в соотношении материального и процессуального правопреемства. Материальное правопреемство возникает с момента перехода прав и обязанностей в материальном правоотношении, в то время как процессуальное правопреемство оформляется отдельным судебным

актом – определением о замене стороны. Такая разница порождает практический вопрос о том, с какого именно момента у правопреемника возникают процессуальные права и обязанности.

Судебная практика подтверждает, что момент возникновения права у нового лица (материальное правопреемство) может не совпадать с моментом допуска судом замены стороны (процессуальное правопреемство). Так, в Определении от 31 марта 2022 года № 690-О Конституционный Суд РФ [5] указал, что допущение судом процессуального правопреемства наделяет правопреемника кредитора правом требовать как надлежащего исполнения должником судебного решения, так и индексации присуждённых денежных сумм с момента возникновения такого права у правопредшественника, а не с момента вынесения определения о замене стороны. Таким образом, само по себе несовпадение момента материального правопреемства с моментом процессуального не является основанием для отказа в замене стороны, если факт цессии подтверждён надлежащими доказательствами. Кроме того, как ранее указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 ноября 2018 года № 43-П, участнику спорных правоотношений не может быть отказано в использовании механизма процессуального правопреемства лишь в силу того, что ему доступны иные варианты защиты своего права.

3. Анализ ч. 1 ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ и позиции Конституционного Суда РФ.

3.1. Нормативное содержание части 1 ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Ключевая проблема – соотношение материального и процессуального правопреемства. Материальное возникает с момента перехода прав и обязанностей, процессуальное оформляется определением суда о замене стороны, поэтому их моменты могут не совпадать. В Определении от 31 марта 2022 г. № 690-О КС РФ указал: процессуальное правопреемство даёт правопреемнику кредитора право требовать исполнения судебного решения и

индексации сумм с момента возникновения права у правопредшественника, а не с момента вынесения определения о замене. Несовпадение этих моментов не является основанием для отказа в замене, если факт цессии подтверждён доказательствами. Кроме того, согласно Постановлению КС РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П, нельзя отказать в процессуальном правопреемстве лишь потому, что участнику доступны иные способы защиты права.

3.2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 года № 43-П.

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 ноября 2018 г. № 43-П дал толкование ч. 1 ст. 44 ГПК РФ применительно к замене стороны на приобретателя имущества в деле о защите права собственности. Суд признал норму не противоречащей Конституции, поскольку она не препятствует такой замене. КС РФ указал: применение нормы в выявленном смысле позволяет достичь баланса интересов и требует оценки процессуальных последствий изменений в материальном правоотношении. Это расширило практику правопреемства: замена допускается не только при цессии или наследовании, но и при переходе права собственности на спорное имущество. Однако строгие критерии не закреплены — решение остаётся на усмотрение суда, что даёт гибкость, но порождает риск разных подходов в схожих делах.

3.4. Развитие позиции высших судов.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 22 июня 2021 года № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» (п. 34) [12] разъяснил, что в случаях, указанных в ч. 1 ст. 44 Гражданского процессуального кодекса РФ, суд апелляционной инстанции разрешает вопросы о процессуальном правопреемстве как при рассмотрении дела, так и при подготовке дела к судебному разбирательству.

Указанное разъяснение подтверждает возможность правопреемства на любой стадии процесса, включая апелляционное производство.

4. Анализ судебной практики 8 лет спустя: где возникают новые противоречия?

Анализ судебной практики 2024–2026 годов позволяет выявить ряд проблемных вопросов, возникших после принятия Постановления КС РФ № 43-П и не получивших однозначного разрешения.

4.1. Проблема доказывания факта правопреемства.

Бремя доказывания факта перехода права требования лежит на лице, ходатайствующем о замене стороны. Как показывает практика, заявители нередко представляют документы, подтверждающие уступку прав по иным договорам или в отношении иных лиц, что является основанием для отказа в правопреемстве.

Так, в Постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 мая 2022 г. № Ф03-2051/2022 по делу № А04-9276/2021 [9] суд отказал в замене стороны, установив, что представленный заявителем договор цессии не содержал положений об уступке именно того материально-правового требования, по которому судом был разрешён спор. Кредитор, являвшийся истцом по делу, уступил новому лицу требование о взыскании денежного долга, однако в договоре цессии не была идентифицирована задолженность, составляющая предмет судебного разбирательства. Суд первой инстанции удовлетворил заявление о правопреемстве, но апелляционная инстанция отменила это определение и отказала в замене стороны, а кассация поддержала данный отказ.

Правовая позиция суда сводится к тому, что для процессуального правопреемства недостаточно представить договор цессии, в котором уступаемое требование не соотнесено с обязательством, послужившим основанием для вынесения судебного акта. Если представленные документы

подтверждают переход прав по иным обязательствам или в отношении иных лиц, а не по тому делу, в рамках которого заявлено ходатайство, оснований для замены стороны не имеется. Суд прямо указал, что стороны фактически в обход требований законодательства о правопреемстве попытались подменить уступку материально-правового требования процессуальной заменой истца.

4.2. Проблема оценки совокупности доказательств.

В практике судов первой инстанции встречаются случаи, когда в процессуальном правопреемстве отказывают лишь на том основании, что в договоре цессии прямо не назван конкретный договор, из которого возникло требование. При этом суды не учитывают иные доказательства, подтверждающие исполнение договора, такие как акты, реестры или платёжные документы. Апелляционные и кассационные инстанции в таких случаях отменяют определения об отказе и допускают правопреемство.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 23 августа 2022 г. № 19-КГ22-20-К5 Верховный Суд [8] указал, что суд первой инстанции, отказывая в процессуальном правопреемстве, не дал надлежащей оценки доводу заявителя о том, что уступаемое требование было идентифицировано в приложении к договору цессии – выписке из реестра должников, в которой содержались сведения о конкретном должнике, номере и дате кредитного договора, а также объёме уступленных прав (сумма основного долга и процентов). Суд пришёл к выводу, что при наличии достаточной совокупности доказательств, подтверждающих переход прав требования к новому кредитору, формальное отсутствие в самом тексте договора цессии развёрнутого описания предмета не препятствует допуску процессуального правопреемства. Договор цессии никем не оспаривался и не признан недействительным, оснований считать переход прав неправомерным не имелось.

Правовая позиция Верховного Суда РФ заключается в том, что при разрешении вопроса о правопреемстве суд обязан дать оценку всей совокупности представленных доказательств, включая приложения к договору цессии,

реестры, акты, платёжные документы, которые в совокупности позволяют идентифицировать уступленное требование. Отказ в замене стороны лишь по мотиву отсутствия в тексте договора цессии указания на конкретный договор, из которого возникло требование, при наличии иных доказательств, подтверждающих охват передаваемых прав, является необоснованным и подлежит отмене.

4.3. Проблема процессуальных требований к заявлению о правопреемстве.

Порядок подачи заявления о процессуальном правопреемстве и требования к прилагаемым документам в ГПК РФ прямо не регламентированы. Суды применяют аналогию закона, распространяя на такие заявления требования статьи 132 ГПК РФ, установленные для искового заявления, что подтверждается судебной практикой.

Так, мировым судьёй судебного участка № 19 Свердловского района г. Иркутска определением от 29 августа 2022 года заявление ООО «ТРАСТ» о процессуальном правопреемстве было оставлено без движения в связи с непредставлением документов, подтверждающих направление копий заявления другим лицам, участвующим в деле. Поскольку в установленный срок недостатки устранены не были, определением от 19 сентября 2022 года заявление было возвращено заявителю. В жалобе ООО «ТРАСТ» указывало, что часть 1 статьи 44 ГПК РФ не содержит правила об оставлении заявления о замене стороны без движения и не обязывает заявителя направлять копии этого заявления другим участникам процесса. Суд отклонил данный довод. Он пояснил, что норма части 1 статьи 44 ГПК РФ регулирует вопрос о самой возможности замены стороны в процессе, то есть касается рассмотрения заявления по существу. Проверка же формальных требований к заявлению, в том числе обязанности направить его копии участникам дела, относится к стадии предварительной проверки и регулируется статьями 131, 132 ГПК РФ, применяемыми на основании части 4 статьи 1 ГПК РФ (аналогия закона). Как

указал суд, поскольку положениями статьи 44 ГПК РФ не предусмотрена обязанность суда направлять копии указанных документов, а установлен сокращённый срок для рассмотрения заявления о процессуальном правопреемстве, отсутствие нормы, регулирующей правила взаимодействия с заявителями на стадии исполнения судебного решения, позволяет применить аналогию закона. Заинтересованные лица до судебного заседания должны быть ознакомлены с заявленными требованиями о правопреемстве и их основаниями, в связи с чем обязанность по направлению им копий заявления лежит на заявителе. Законность данного подхода подтверждена Определением Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2023 года № 88-7381/2023 [4].

Указанный подход порождает проблему – Гражданский процессуальный кодекс РФ не содержит детального регулирования процедуры процессуального правопреемства. Из-за этого на практике приходится применять аналогию закона, а именно использовать нормы, регулирующие сходные отношения. Такой подход усиливает неопределённость для участников процесса, что осложняет возможность предвидеть, как суд оценит те или иные обстоятельства и какое решение он примет.

4.4. Проблема уведомления должника о цессии.

В практике возникают случаи, когда должник заявляет возражения против замены стороны в процессе, мотивируя это тем, что он не был уведомлён о переходе прав кредитора к другому лицу. Согласно Определению Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 18-КГ22-37-К [7], отсутствие уведомления должника о переходе прав не препятствует самому факту перехода прав и, следовательно, процессуальному правопреемству.

Суд исходит из того, что, если должник не был уведомлён о переходе прав требования, это влечёт лишь определённые риски для нового кредитора, в частности, риск того, что должник исполнит обязательство первоначальному

кредитору. Однако такое отсутствие уведомления не делает недействительной саму сделку цессии и не лишает нового кредитора права быть заменённым в процессе в качестве стороны. Этот подход основан на разграничении двух аспектов: материально-правового, поскольку он касается последствий для исполнения обязательства и распределения рисков между кредиторами, и процессуального, поскольку он определяет возможность замены стороны в деле. Неуведомление влияет на распределение рисков в материальных отношениях, но не нарушает процедуру процессуального правопреемства.

4.5. Проблема оспаривания законности цессии должником.

На практике должник нередко возражает против замены стороны в процессе, он либо оспаривает законность договора цессии, либо настаивает на том, что личность кредитора существенна. Судебная практика исходит из того, что если по делу уже вынесено решение, которое вступило в законную силу и перешло в стадию принудительного исполнения, то возражения должника о существенности личности кредитора не подлежат исследованию. Такой вопрос должен был быть рассмотрен и оценён судом ещё до того, как решение вступило в законную силу.

Так, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 18-КГ22-37-К4 суды нижестоящих инстанций отказали в процессуальном правопреемстве, согласившись с доводами должника о том, что уступка права требования по кредитному договору лицу, не имеющему лицензии на осуществление банковской деятельности, недопустима ввиду существенности личности кредитора. Верховный Суд отменил данные судебные акты, указав, что нормы закона в их взаимосвязи допускают правопреемство лиц на стадии принудительного исполнения судебных актов, поскольку в данном случае личность кредитора для должника не имеет существенного значения. Суд подчеркнул, что на стадии исполнительного производства исключается оказание цессионарием должнику

банковских услуг, подлежащих лицензированию, а следовательно, довод о существенности личности кредитора несостоятелен.

Кроме того, как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 16 ноября 2018 г. № 43-П, на которое сослался Верховный Суд, участнику спорных правоотношений не может быть отказано в использовании механизма процессуального правопреемства лишь в силу того, что ему доступны иные варианты защиты своего права, предусмотренные гражданским процессуальным законодательством. Таким образом, наличие у участника правопреемства иных способов защиты права не может служить основанием для отказа в допуске процессуального правопреемства. Отсутствие обоснованных возражений должника, опровергающих факт перехода права требования, является существенным фактором, подтверждающим законность определения суда о замене стороны.

4.6. Проблема правопреемства в публично-правовых отношениях.

В 2025 году Конституционный Суд принял Постановление от 24 декабря 2025 года № 49-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 44 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации. Согласно пункту 6 Обзора практики Конституционного Суда РФ за четвёртый квартал 2025 года, оспариваемая норма признана не соответствующей Конституции РФ, но лишь в той части, в которой её неполнота создаёт неопределённость. Речь идёт о ситуациях правопреемства, когда рассматривается административное дело либо исполняется судебный акт по такому делу, при этом меняется принадлежность публичных полномочий. То есть из-за пробелов в законе неясно, как именно оформлять правопреемство в этих случаях.

Конституционный Суд указал, что правопреемником органа (лица), на которого судебным актом возложена обязанность исполнить организационно-властные полномочия, может быть признан только орган (лицо), который был наделен соответствующими организационно-властными полномочиями, при

условии, что иное не оговорено переходными положениями правовых актов, которыми изменена принадлежность публичных полномочий.

Из содержания постановления следует, что вопросы процессуального правопреемства не ограничиваются сферой частноправовых отношений. При их разрешении необходимо учитывать особенности публично-правовых связей, то есть если на заявителя возлагают безусловную обязанность исполнить судебный акт в сроки, которые заведомо неисполнимы либо крайне затруднительны для исполнения, а за несоблюдение этих сроков грозит взыскание санкций, это может вызвать затруднения в его деятельности.

5. Процессуальные последствия ошибочного определения оснований правопреемства.

Неверное установление оснований для процессуального правопреемства либо неправомерный отказ в замене стороны в процессе влечёт ряд неблагоприятных процессуальных последствий, которые допустимо сгруппировать по отдельным категориям.

5.1. Нарушение права на судебную защиту.

Если суд необоснованно отказывает в допуске правопреемства, это лишает нового участника материального правоотношения возможности воспользоваться правом на судебную защиту. В такой ситуации правопреемник не вправе ни вступить в уже начатое судебное разбирательство, ни подать новый иск, поскольку требования будут тождественны ранее заявленным. Подобный подход вступает в противоречие с гарантированным статьёй 46 Конституции РФ [3] правом на судебную защиту, а также с принципом доступности правосудия.

5.2. Затягивание процесса и нарушение разумных сроков.

Определения судов, содержащие ошибки в вопросах процессуального правопреемства либо в отказе в нём, подлежат обжалованию в вышестоящих судебных инстанциях. Это нередко влечёт затягивание судебного процесса и

нарушает принцип соблюдения разумного срока судопроизводства. Апелляционные и кассационные суды, выявляя допущенные нарушения, отменяют такие определения и направляют соответствующие вопросы на новое рассмотрение. В результате возрастает нагрузка на судебную систему в целом.

Анализ судебной практики показывает, что значительная часть определений судов первой инстанции по вопросам правопреемства обжалуется в апелляционном или кассационном порядке. Так, из трёх проанализированных дел 2022 года все рассматривались в вышестоящих инстанциях, что свидетельствует о высокой степени конфликтности вопросов правопреемства. Апелляционным определением Санкт-Петербургского городского суда от 2 августа 2022 г. № 33-16779/2022 [1] было отменено определение суда первой инстанции об отказе в процессуальном правопреемстве на стороне взыскателя. Определением Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2022 г. по делу № 88-29696/2022 [6] отменены судебные постановления нижестоящих инстанций, отказавших в замене стороны должника в исполнительном производстве после его смерти. Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 18-КГ22-37-К4 [7] отменены определения судов первой и апелляционной инстанций, отказавших в правопреемстве со ссылкой на неуведомление должника о переходе прав, – дело направлено на новое рассмотрение.

5.3. Риск вынесения противоречащих судебных актов.

В случае, когда суд неправомерно отказывает в процессуальном правопреемстве, новый субъект права зачастую вынужден обращаться в суд с самостоятельным иском. При этом существует риск того, что по тождественным требованиям будут вынесены противоречащие друг другу судебные акты. Такая ситуация нарушает принцип правовой определённости и подрывает стабильность судебной практики. Кроме того, она создаёт условия, позволяющие недобросовестным участникам гражданского оборота злоупотреблять своими процессуальными правами.

5.4. Процессуальные издержки.

Неверная квалификация оснований процессуального правопреемства приводит к росту процессуальных издержек, в частности, на повторное рассмотрение дела, а также представительство в суде. В итоге эти расходы ложатся либо на стороны спора, либо на бюджет государства. Такая ситуация противоречит принципу процессуальной экономии, предполагающему рациональное использование процессуальных ресурсов и минимизацию неоправданных затрат.

5.5. Проблемы исполнения судебных актов.

При ненадлежащем оформлении процессуального правопреемства возникают сложности при исполнении судебного акта. В частности, судебные приставы-исполнители могут отказать в возбуждении исполнительного производства либо прекратить его со ссылкой на отсутствие надлежащего взыскателя или должника. Особую актуальность эта проблема приобретает в ситуациях, когда правопреемство наступает уже после того, как суд вынес решение и исполнительное производство было возбуждено.

5.6. Возможность злоупотребления правом.

Недобросовестные участники гражданского оборота способны эксплуатировать правовую неопределённость в сфере процессуального правопреемства в целях злоупотребления правом. К числу таких злоупотреблений относятся, в частности, неоднократная уступка одного и того же требования, оспаривание действительности договора цессии уже после вступления судебного решения в законную силу, а также создание искусственных препятствий для реализации прав правопреемника. Возможность подобных действий обусловлена именно недостаточным уровнем законодательного регулирования процедуры правопреемства — отсутствием

чётких и исчерпывающих правил, позволяющих однозначно квалифицировать соответствующие действия и пресекать недобросовестное поведение.

5.7. Пути минимизации негативных последствий.

Для минимизации негативных последствий требуется совершенствование законодательного регулирования процессуального правопреемства путём закрепления чётких требований к заявлению о замене стороны (в части формы, содержания и прилагаемых документов), установления дифференцированного перечня подтверждающих документов с учётом специфики оснований правопреемства (цессия, наследование, реорганизация), детальной регламентации порядка рассмотрения таких заявлений (включая сроки, порядок извещения участников процесса и процедуру исследования доказательств), а также определения правовых последствий необоснованного отказа в правопреемстве – в частности, возможности пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам.

6. Заключение.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 года № 43-П имело существенное значение для развития института процессуального правопреемства. В нём раскрыт конституционно-правовой смысл части 1 статьи 44 Гражданского процессуального кодекса РФ и тем самым расширены возможности замены стороны в процессе. Сформулированный Конституционным Судом подход придаёт правовому регулированию необходимую гибкость и позволяет принимать во внимание особенности конкретных правоотношений. При этом центральный тезис Постановления в том, что суд должен оценивать процессуальные последствия изменений, происходящих в материальном правоотношении. Он сохраняет свою актуальность даже спустя восемь лет после его принятия.

Анализ судебной практики за 2024-2026 годы показывает, что ряд проблемных вопросов в сфере процессуального правопреемства по-прежнему

остаётся нерешённым и не имеет единообразной правоприменительной трактовки. В частности, сохраняют актуальность сложности, связанные с доказыванием факта правопреемства и распределением бремени доказывания между сторонами, а также с определением соотношения материального и процессуального правопреемства. Не выработаны единые подходы к процессуальным требованиям, предъявляемым к заявлению о замене стороны, и к допустимости применения аналогии закона в соответствующих случаях. Существенные разногласия в практике наблюдаются при оспаривании должником законности уступки требования (цессии), а также при оценке совокупности представленных доказательств в рамках рассмотрения заявлений о правопреемстве. Отдельного внимания требует проблематика правопреемства в публично-правовых отношениях, где специфика правового регулирования порождает дополнительные трудности при разрешении соответствующих споров.

Ошибочная квалификация оснований процессуального правопреемства влечёт существенные негативные последствия: нарушается гарантированное право на судебную защиту, происходит неоправданное затягивание судебного процесса, возрастает риск принятия противоречащих друг другу судебных актов по тождественным требованиям. Кроме того, это приводит к увеличению процессуальных издержек, порождает трудности при исполнении судебных актов (в том числе в части возбуждения и продолжения исполнительного производства), а также создаёт условия для возможного злоупотребления процессуальными правами со стороны недобросовестных участников правоотношений.

Проблемы, связанные с процессуальным правопреемством, выходят за рамки частноправовых отношений и актуальны также для сферы публичного права. На это указывает Постановление Конституционного Суда РФ от 24 декабря 2025 года № 49-П, в котором подчёркивается необходимость учитывать специфику публично-правовых отношений при установлении оснований и регламентации порядка правопреемства в административном судопроизводстве.

Системный характер данных проблем подтверждается тем, что Конституционный Суд признал часть 1 статьи 44 КАС РФ не соответствующей Конституции РФ в той части, которая регулирует вопросы правопреемства при изменении принадлежности публичных полномочий, что свидетельствует о наличии существенных пробелов в правовом регулировании данного института. Спустя восемь лет после вынесения Постановления Конституционного Суда РФ по делу Болчинских институт процессуального правопреемства продолжает совершенствоваться, при этом в теории и правоприменительной практике возникают новые проблемные вопросы, нуждающиеся в доктринальном осмыслении и нормативном разрешении.

Таким образом, несмотря на заметное развитие института процессуального правопреемства, обусловленное принятием Постановления Конституционного Суда РФ № 43-П, в его правовом регулировании и правоприменении по-прежнему сохраняются существенные проблемы, нуждающиеся в разрешении как на законодательном уровне, так и в рамках доктринального осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 2 августа 2022 г. № 33-16779/2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 (ст. 44).
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.10.2026).

4. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 апреля 2023 г. № 88-7381/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 31 марта 2022 г. № 690-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кривенцовой Алисы Валерьевны на нарушение её конституционных прав пунктом 1 статьи 384, пунктом 2 статьи 389.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, частью второй статьи 44 и статьёй 208 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).

6. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 21 ноября 2022 г. по делу № 88-29696/2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).

7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 г. № 18-КГ22-37-К4 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/ (дата обращения: 15.10.2026).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 2022 г. № 19-КГ22-20-К5 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.10.2026).

9. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 20 мая 2022 г. № Ф03-2051/2022 по делу № А04-9276/2021 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.10.2026).

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2018 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой

статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Б. Болчинского и Б. А. Болчинского» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 48. Ст. 7492.

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2025 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 44 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой федерального государственного бюджетного учреждения «Рослесинфорг»» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 2. Ст. 159.

12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 7 (п. 11).

13. Решение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 февраля 2019 г. «Об утверждении Обзора практики Конституционного Суда Российской Федерации за четвёртый квартал 2018 года» (пункт 11) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.10.2026).

Mitkovskaya V.A.
student of 4th year
Kutafin Moscow State Law University
(Moscow, Russia)

PROCEDURAL SUCCESSION FOLLOWING A CHANGE OF PARTIES TO AN OBLIGATION: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES EIGHT YEARS AFTER THE CONSTITUTIONAL COURT RULING IN THE BOLCHINSKIKH CASE

Abstract: *this article examines theoretical and practical issues of procedural succession in civil and administrative proceedings in light of Constitutional Court Ruling No. 43-P of November 16, 2018, and case law from 2022 to 2026. It explores the concept and legal nature of procedural succession, the relationship between substantive and procedural succession, and the constitutional interpretation of Part 1 of Article 44 of the Russian Civil Procedure Code. An analysis of court decisions reveals inconsistencies in judicial practice concerning proof of succession, assessment of evidence as a whole, application of statutory analogy, notification of the debtor of an assignment, and challenges to the validity of an assignment. Particular attention is paid to succession in public-law relationships in light of Constitutional Court Ruling No. 49-P of December 24, 2025. The article identifies procedural consequences of misapplying legal provisions and proposes ways to improve the legislative framework.*

Keywords: *procedural succession, civil procedure, administrative proceedings, Russian Constitutional Court, assignment, party substitution, proof, judicial practice.*

УДК 34

Мулдашев Р.Н.
магистрант 2 курса
кафедра уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовская государственная юридическая академия
(г. Саратов, Россия)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК СРЕДСТВО РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАВЕДОМО ЛОЖНОЙ ИНФОРМАЦИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ

***Аннотация**: рассматривается влияние использования искусственного интеллекта на уголовно-правовую оценку распространения заведомо ложной информации. На основе формально-юридического и системного методов разграничиваются искусственное происхождение материала, ложность содержащихся в нем сведений и осознание этой ложности распространителем. Предлагается определение распространения заведомо ложной информации с использованием ИИ, раскрывается значение синтетических аудиовизуальных материалов для придания сообщению вида достоверного. Обосновывается, что технологическая имитация источника и события должна оцениваться во взаимосвязи с содержанием сообщения и направленностью действий человека. Показаны пределы применения статей 207.1-207.3 УК РФ к таким деяниям.*

***Ключевые слова**: заведомо ложная информация, искусственный интеллект, дипфейк, заведомость, распространение, уголовно-правовая оценка.*

Использование искусственного интеллекта при создании информационных материалов ставит перед уголовным правом вопрос о значении технологии для оценки поведения человека. Сообщение может сопровождаться сгенерированным изображением, синтезированной речью либо видеозаписью, на которой реальное лицо якобы совершает определенные действия. В результате ложное утверждение получает внешние признаки непосредственной фиксации события. Однако из этого не следует, что искусственное

происхождение материала само по себе превращает его распространение в преступление. Необходимо определить, какие признаки деяния изменяются при использовании ИИ и какие сохраняют самостоятельное значение.

Исходной для решения этого вопроса является характеристика самой информации. В исследованиях медиакоммуникации фейковые новости рассматриваются через сочетание ложного содержания и формы, свойственной реальному новостному сообщению. При этом обсуждается и возможность включения в эту категорию материалов, возникших вследствие ошибки [5]. Для уголовно-правовой оценки такое широкое понимание недостаточно: оно объединяет случаи, существенно различающиеся по отношению лица к распространяемым сведениям. Поэтому понятие фейка нельзя использовать вместо предусмотренного законом признака заведомо ложной информации.

Предлагается понимать под ложной информацией сведения о фактах, не соответствующие действительности, а под заведомо ложной информацией — такие сведения, о несоответствии которых действительности распространитель знает к моменту их доведения до других лиц. В этом определении ложность характеризует содержание сообщения, а заведомость — осознание этого содержания человеком. Такое разграничение согласуется с научным подходом, отделяющим точное знание о ложности от сомнений в достоверности и недостаточной проверки источника [1, с. 120]. Оно позволяет не смешивать объективное свойство сообщения с субъективным отношением лица к нему.

Для применения предложенного определения необходимо выделить в материале проверяемое утверждение о факте. Изображение, звук и текст могут передавать его совместно: подпись указывает место и время, запись создает впечатление присутствия очевидца, голос связывает сообщение с определенным человеком. Поэтому предметом оценки должно быть значение материала в том виде и контексте, в которых он доведен до адресатов. В научной литературе об ответственности по статьям 207.1 и 207.2 УК РФ также обращается внимание на необходимость отличать фактические сведения от мнений, предположений и оценочных суждений [3, с. 158]. Наличие эмоциональной оценки не исключает

того, что в том же сообщении содержится самостоятельное утверждение о событии.

Применительно к ИИ это различие приобретает дополнительное значение. Искусственно созданное изображение может открыто использоваться как иллюстрация предполагаемой ситуации и не сообщать о реально произошедшем событии. Напротив, технически подлинная фотография может сопровождаться вымышленными сведениями о месте или времени съемки. Следовательно, происхождение файла и истинность передаваемого утверждения не совпадают. Ложность следует связывать не с наличием алгоритмической обработки, а с тем, какое фактическое содержание приписывается материалу при распространении.

Тот же подход применим к дипфейкам. В зарубежной юридической литературе раскрывается способность соответствующих технологий создавать реалистичные записи, представляющие человека произносящим слова или совершающим действия, которых в действительности не было [7]. Для целей настоящего исследования под дипфейком предлагается понимать созданный или измененный с использованием машинного обучения аудио-, визуальный либо аудиовизуальный материал, реалистично имитирующий голос, внешность или действия лица. Существенным для уголовно-правовой оценки является не только качество имитации, но и использование ее для сообщения ложного факта.

Из этого следует, что распространение заведомо ложной информации с использованием ИИ можно определить как осознанное доведение до других лиц не соответствующих действительности фактических сведений, при котором технологии ИИ применяются для создания, изменения либо передачи сообщения. Это определение характеризует способ поведения и не заменяет описание конкретного состава преступления. Публичность, предмет сведений, представление их под видом достоверных, а в необходимых случаях последствия и причинная связь устанавливаются отдельно. Такое понимание охватывает как подготовку синтетического материала, так и использование ИИ при его распространении, сохраняя центральное значение действий человека.

В предложенном определении осознанность распространения требует особого пояснения. Лицо может понимать, что использовало генеративную систему, но считать полученные сведения верными. И наоборот, распространитель может не знать, каким инструментом изготовлена запись, однако осознавать, что изображенное событие не происходило. Следовательно, знание об использовании ИИ и знание о ложности сообщения относятся к разным обстоятельствам. Для ответственности за заведомо ложную информацию решающим является второе. Само по себе отсутствие проверки результата генерации не позволяет подменять заведомость неосторожностью.

Такое решение опирается на разграничение ложности и недостоверности. Т. С. Алексеева связывает заведомую ложность с точным знанием о несоответствии сведений действительности и указывает, что недостаточная проверка источников не равнозначна такому знанию [1, с. 120]. Применительно к ИИ это означает, что ошибочный ответ системы и намеренное использование вымышленного ответа должны получать разную оценку. Для исследуемых составов недостаточно утверждения, что пользователь мог или должен был распознать ошибку. Требуется осознание ложности распространяемых сведений.

Вместе с тем участие человека в изготовлении материала может раскрывать направленность его действий. Если лицо задает создание записи о заведомо несуществующем событии, а затем сопровождает ее указанием, что это подлинная съемка, связь между изготовлением и последующим распространением имеет уголовно-правовое значение. Но из факта генерации нельзя автоматически вывести такую связь: аналогичный инструмент может применяться для художественной реконструкции, учебной иллюстрации или сатиры. Оценивать следует содержание задания, последующие действия и смысл, который человек придает результату при публикации.

Заведомость, таким образом, не устраняет необходимости отдельно рассмотреть подачу сообщения. Верховный Суд РФ в разъяснениях к статьям 207.1 и 207.2 УК РФ связывает придание ложной информации вида достоверной, в частности, с использованием поддельных записей и ссылок на авторитетные

источники [4, вопрос 12]. Эти разъяснения позволяют объяснить юридическое значение ИИ без введения нового признака преступления: технология может использоваться для формирования внешнего подтверждения ложного утверждения. При этом именно распространитель представляет результат генерации как сведения о действительности.

Поэтому особенность синтетического аудиовизуального сообщения предлагается усматривать в совмещении двух функций: передачи утверждения и имитации его подтверждения. Текст сообщает о событии, а сгенерированная запись создает впечатление, что событие зафиксировано независимо от автора сообщения. Например, в гипотетической ситуации изображение несуществующей аварии, снабженное точными указаниями места и времени, может восприниматься как визуальное подтверждение новости. Юридически значимым здесь является использование искусственного материала для придания ложному сообщению вида достоверного, а не только факт создания изображения.

Однако убедительность материала не означает обязательного наступления ответственности. Обозначение записи как постановочной или сгенерированной может менять смысл публикации, если из сообщения действительно понятно, что реальное событие не утверждается. Вместе с тем формальная пометка об использовании ИИ сама по себе не исключает распространения ложных сведений: автор может открыто сообщить, что изображение является реконструкцией, и одновременно утверждать, что вымышленное событие достоверно произошло. Поэтому оценивается целостное сообщение, а не отдельная маркировка. Вопрос состоит в том, какие сведения о действительности человек доводит до аудитории.

Следующий необходимый шаг — определить, относятся ли эти сведения к предмету конкретного уголовно-правового запрета. Статья 207.1 УК РФ охватывает указанные в ее диспозиции сведения об угрозах жизни и безопасности граждан и мерах защиты от них [6, ст. 207.1]. Приведенный пример с синтетической записью аварии может иметь значение для этой нормы, если

сообщение касается соответствующих обстоятельств и установлены остальные признаки состава. Но использование той же технологии для изготовления ложной новости иной тематики не дает основания расширять предмет статьи 207.1 УК РФ.

При оценке по статье 207.2 УК РФ недостаточно установить, что синтетический материал вызвал тревогу или получил широкий отклик. Ее конструкция требует предусмотренных законом последствий: причинения по неосторожности вреда здоровью человека, а по части 2 — смерти человека или иных тяжких последствий [6, ст. 207.2]. Значение ИИ в таком случае связано с механизмом информационного воздействия, но не освобождает от оценки причинной связи. Убедительность поддельной записи, количество просмотров и последующее неблагоприятное событие сами по себе не составляют достаточного объяснения того, как распространенное сообщение повлекло конкретный вред.

Статья 207.3 УК РФ также не образует общего запрета на любой ложный материал, созданный с помощью ИИ: применение нормы ограничено предусмотренным в ней предметом сведений [6, ст. 207.3]. Применительно к синтетической записи необходимо установить, какое именно фактическое утверждение она передает и относится ли оно к указанной в законе деятельности. Замена проверки содержания рассуждением о потенциальной опасности дипфейков привела бы к оценке технологии вместо деяния. Поэтому предмет сведений остается самостоятельным пределом квалификации независимо от способа их изготовления.

В рамках этой же статьи реалистичная имитация может поставить вопрос об искусственном создании доказательств обвинения, предусмотренном пунктом «в» части 2. А. В. Бриллиантов при анализе этого признака рассматривает использование поддельных аудиовизуальных материалов и записей, относящихся к иным событиям [2, с. 26–27]. Представляется, что для синтетического материала необходимо разграничивать само ложное сообщение и функцию мнимого подтверждения обвинительных сведений. Отнесение

любого дипфейка к указанному квалифицирующему признаку без анализа этой функции было бы чрезмерно широким толкованием. Данное положение является предлагаемым подходом, а не изложением сложившейся судебной практики о дипфейках.

Наряду с предметом сообщения самостоятельной оценки требует публичность. В разъяснениях Верховного Суда РФ применительно к статьям 207.1 и 207.2 УК РФ учитываются адресованность информации группе либо неограниченному кругу лиц, а также способ и обстановка ее распространения [4, вопрос 13]. Использование ИИ для подготовки множества вариантов сообщения или автоматизации публикаций может влиять на способ доведения сведений до аудитории. Однако число сгенерированных файлов не равнозначно публичному распространению: изготовление материала и предоставление доступа к нему представляют собой разные действия.

Автоматизация не устраняет и необходимость установить отношение человека к распространяемым сведениям. Когда заранее изготовленный ложный материал публикуется по заданному расписанию, автоматический характер передачи не меняет того, что содержание было определено человеком. Иная ситуация возникает, если система самостоятельно формирует новые сообщения, содержание которых пользователь заранее не знал. Общая осведомленность о способности генеративной системы ошибаться еще не означает знания о ложности каждого последующего сообщения. Поэтому пределы ответственности следует связывать с тем, какое содержание было охвачено сознанием и волей конкретного лица.

Отдельного внимания заслуживает дальнейшая передача чужого синтетического материала. Для статей 207.1 и 207.2 УК РФ Верховный Суд РФ прямо допускает оценку репоста, но связывает ее с прямым умыслом и осознанием ложности сведений [4, вопрос 12]. Следовательно, ответственность распространителя не предполагает обязательного участия в изготовлении дипфейка. Вместе с тем знание автора о вымышленном характере записи нельзя автоматически приписать каждому последующему пользователю.

Один и тот же материал может передаваться лицами, по-разному воспринимающими его содержание, что исключает одинаковую оценку их поведения только по признаку совпадения файла.

Проведенный анализ позволяет сформулировать общий подход к уголовно-правовому значению ИИ. Сначала определяется фактическое содержание сообщения и его соответствие действительности, затем — осознание ложности распространителем, после этого оцениваются форма подачи, характер распространения и остальные признаки соответствующего состава. Эта последовательность представляет собой прием юридического анализа, а не процессуальный порядок доказывания. Она позволяет учитывать специфику синтетического материала, сохраняя различие между свойствами информации, действиями человека и требованиями уголовного закона.

Таким образом, использование ИИ приобретает уголовно-правовое значение прежде всего как способ создания сообщения, имитации его достоверности и доведения сведений до аудитории. Специфика дипфейка заключается в способности придавать ложному утверждению вид непосредственно зафиксированного факта. Однако эта способность не подменяет заведомость и не расширяет предмет статей 207.1–207.3 УК РФ. Предлагаемое определение распространения заведомо ложной информации с использованием ИИ позволяет связать технологию с осознанным поведением человека. Для квалификации определяющей остается совокупность признаков конкретного состава, а для оценки синтетического материала — его содержательная и подтверждающая функция в распространяемом сообщении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алексеева Т.С. Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 120–131. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.169.12.120-131.

2. Бриллиантов А.В. Ответственность за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации // Российское правосудие. 2023. № 1. С. 21–28. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2023.1.21-28.

3. Дубовиченко С.В., Карлов В.П. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1, 207.2 УК РФ) // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2020. Т. 1. № 3. С. 154–163.

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020). Вопросы 12–13. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73872665/ (дата обращения: 09.10.2026)

5. Суходолов А.П., Бычкова А.М. «Фейковые новости» как феномен современного медиапространства: понятие, виды, назначение, меры противодействия // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 2. С. 143–169. DOI: 10.17150/2308-6203.2017.6(2).143-169.

6. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.10.2026)

7. Chesney R., Citron D.K. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Vol. 107. P. 1753–

1819. URL: https://scholarship.law.bu.edu/faculty_scholarship/640/ (дата обращения: 09.10.2026)

Muldashev R.N.
master's degree student of 2nd year
Department of Criminal Law and Penal Law
Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A MEANS OF DISSEMINATING KNOWINGLY FALSE INFORMATION: CRIMINAL-LAW SIGNIFICANCE

Abstract: *this article examines how use of artificial intelligence affects the criminal-law assessment of disseminating knowingly false information. Using formal legal and systemic methods, it distinguishes between the artificial origin of material, the falsity of information it contains, and the disseminator's awareness of that falsity. It proposes a definition of disseminating knowingly false information using AI and explains how synthetic audiovisual materials can make a message appear credible. It argues that technological imitation of a source or event should be assessed in conjunction with the message's content and the intent behind a person's actions. The article identifies the limits of applying Articles 207.1–207.3 of the Criminal Code to such acts.*

Keywords: *knowingly false information, artificial intelligence, deepfake, awareness of falsity, dissemination, criminal-law assessment.*

УДК 343.985.2:343.344

Муртазина Р.Ш.

Казанский филиал

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева

(г. Казань, Россия)

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПО ДЕЛАМ ОБ ОРУЖИИ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВАХ

***Аннотация**: в современных условиях борьбы с преступлениями, связанными с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, особое значение приобретает процесс допроса подозреваемых. Допрос выступает одним из ключевых этапов расследования, обеспечивающим получение достоверной информации, необходимой для установления обстоятельств преступления, выявления соучастников и формирования доказательственной базы.*

Цель настоящей статьи заключается в системном изучении криминалистических аспектов допроса подозреваемых по делам об оружии и взрывчатых веществах. В работе рассматриваются теоретические основы допроса, особенности психологического портрета обвиняемых, а также методологические подходы к организации допроса с учетом специфики преступлений данной категории.

Таким образом, статья представляет собой комплексное исследование, направленное на совершенствование практики допроса подозреваемых в делах об оружии и взрывчатых веществах, что способствует укреплению правопорядка и повышению эффективности уголовного судопроизводства в этой важной области криминалистики.

***Ключевые слова**: допрос, подозреваемый, криминалистика, незаконный оборот оружия, взрывчатое вещество, уголовное расследование, психологический портрет, тактический прием, доказательственная база.*

ВВЕДЕНИЕ.

Допрос подозреваемого является одной из важнейших процедур в уголовном процессе, особенно в делах, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ. Эти преступления представляют собой серьезную угрозу общественной безопасности и требуют особого внимания со стороны правоохранительных органов. Специфика данного вида преступлений обусловлена не только высокой общественной опасностью, но и сложностью раскрытия и доказательства вины, что связано с характером преступных деяний, психологией обвиняемых и особенностями криминалистической практики.

В последнее десятилетие наблюдается рост количества преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, что связано с различными социально-экономическими и политическими факторами. Это требует совершенствования методов расследования и, в частности, допроса подозреваемых, направленных на эффективное выявление истины и предотвращение ошибок. Допрос выступает не только как средство получения информации, но и как инструмент воздействия на подозреваемого, способствующий раскрытию скрытых обстоятельств и выявлению соучастников.

Особое значение имеет учет психологических особенностей подозреваемых, которые могут варьироваться от чувства страха и вины до проявлений агрессии и манипулятивного поведения. Понимание этих аспектов позволяет выстроить допрос таким образом, чтобы минимизировать сопротивление и повысить вероятность получения достоверных показаний.

Важным аспектом является также анализ доказательственной базы, которая в подобных делах может включать технические экспертизы, результаты оперативно-розыскных мероприятий и показания свидетелей. Сопоставление полученной в ходе допроса информации с другими доказательствами позволяет выявить противоречия и уточнить обстоятельства преступления. Введение подчеркивает необходимость комплексного подхода, сочетающего

криминалистические, психологические и правовые методы для повышения эффективности допроса.

Таким образом, введение служит фундаментом для последующего раскрытия темы, акцентируя внимание на актуальности проблемы, специфике преступлений и необходимости совершенствования криминалистических методов допроса. Это создает предпосылки для комплексного изучения вопроса и разработки практических рекомендаций, способствующих повышению качества расследования и укреплению правопорядка.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.

Криминалистические аспекты допроса подозреваемого по делам об оружии и взрывчатых веществ базируются на теории уголовного процесса, психологии и криминалистике как самостоятельной научной дисциплине.

В теории уголовного процесса допрос рассматривается как метод непосредственного получения сведений от лица, подозреваемого в совершении преступления. Его эффективность зависит от правильного выбора методики, умения следователя выстраивать диалог и учитывать психологическое состояние подозреваемого. В криминалистике допрос трактуется как комплекс следственных приемов, направленных на выявление истины, что требует системного подхода и знания особенностей конкретных видов преступлений.

Специфика преступлений, связанных с оружием и взрывчатыми веществами, требует учета особенностей доказательственной базы, включающей технические экспертизы, результаты оперативных мероприятий и показания свидетелей. Теоретически важно обеспечить интеграцию данных, полученных в ходе допроса, с другими источниками информации для формирования объективной картины преступления. Это требует развития методов анализа и оценки получаемых сведений.

Таким образом, теоретические основы криминалистики, психологии и уголовного процесса создают комплексную базу для разработки эффективных методик допроса подозреваемых по делам об оружии и взрывчатых веществ. Они

позволяют не только повысить качество следственных действий, но и обеспечить соблюдение прав и законных интересов участников уголовного процесса, что является залогом справедливого и объективного расследования.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

Методология исследования криминалистических аспектов допроса подозреваемых по делам об оружии и взрывчатых веществ основывается на комплексном подходе, включающем теоретический анализ, эмпирические методы и практические наблюдения. Важным элементом является систематизация данных судебной практики, а также использование психологических методик для изучения поведения и мотивации подозреваемых.

В рамках теоретического анализа проводится обзор научной литературы, нормативных документов и методических рекомендаций, что обеспечивает глубокое понимание сущности и специфики допроса в рассматриваемой сфере. Особое внимание уделяется изучению криминалистических приемов и технологий, применяемых при расследовании преступлений, связанных с оружием и взрывчатыми веществами.

Важной составляющей методологии является применение психологических тестов и методов поведенческого анализа для оценки реакций подозреваемых во время допроса. Это позволяет выявить признаки стресса, сопротивления или манипуляций, что способствует корректировке тактики следователя. Методологическая основа предусматривает сравнительный анализ различных подходов и методик допроса, используемых в отечественной и зарубежной практике.

Таким образом, методология исследования сочетает теоретическую базу с практическими инструментами, что позволяет всесторонне изучить криминалистические аспекты допроса, выявить проблемы и разработать эффективные рекомендации для следователей. Это способствует улучшению качества расследования, снижению рисков ошибок и повышению уровня правовой защиты участников уголовного процесса.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ.

Анализ судебной практики показал, что успешность допроса во многом зависит от умения следователя применять комплекс криминалистических приемов, направленных на выявление противоречий и мотивацию подозреваемого к сотрудничеству.

Важным фактором является также качество подготовки следователя к допросу, включая изучение материалов дела, технических экспертиз и оперативных данных. Недостаточная подготовка приводит к формулировке некорректных вопросов и пропуску важных деталей, что снижает информативность допроса.

Обсуждение также затрагивает вопросы законности и этичности допроса. Нарушения процессуальных норм, применение недозволенных методов и давление на подозреваемых не только подрывают доверие к следствию, но и увеличивают риск обжалований и отмены судебных решений.

В целом, результаты исследования свидетельствуют о необходимости комплексного подхода, включающего подготовку следователей, использование психологических и технических методов, а также строгий контроль за соблюдением законодательства. Это позволит повысить качество допроса, минимизировать ошибки и обеспечить справедливость уголовного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В заключение следует подчеркнуть, что допрос подозреваемого в делах, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, является сложной и многогранной задачей, требующей глубоких теоретических знаний и практических навыков.

Практическая значимость работы заключается в формировании рекомендаций, направленных на совершенствование допроса подозреваемых в делах об оружии и взрывчатых веществах. Внедрение этих рекомендаций способствует укреплению правопорядка, снижению уровня преступности и

повышению безопасности общества. Кроме того, исследование открывает перспективы для дальнейших научных разработок, в том числе с применением современных информационных технологий и психологических методик.

Таким образом, допрос подозреваемого в данной сфере требует постоянного развития теории и практики, что возможно только при тесном взаимодействии криминалистов, психологов, юристов и специалистов по безопасности. В дальнейшем необходимо продолжать исследования, направленные на совершенствование методов допроса и повышение эффективности расследования, что позволит обеспечивать справедливость и законность в уголовном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вдовин А.Н., Попова Е.И. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств. LitRes, 2020. URL: https://play.google.com/store/books/details?id=IoQVEAAAQBAJ.

2. Егорова Н.О. Анализ практики экспертных исследований объектов растительного происхождения по делам о незаконном обороте наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ на территории Кемеровской области // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXIII международной научно-практической конференции: в 2 частях. Ч. 1. 2020. DOI 10.51980/2020_1_218.

3. Лозовский Д.Н., Ульянова И.Р. Отдельные аспекты назначения и производства экспертиз по делам о незаконном обороте наркотиков // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. DOI 10.23672/m5708-1995-6502-g.

Murtazina R.Sh.
Kazan Branch
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Kazan, Russia)

FORENSIC ASPECTS OF INTERROGATING SUSPECTS IN WEAPONS AND EXPLOSIVES CASES

Abstract: *in contemporary efforts to combat crimes involving illicit trafficking in weapons and explosives, interrogating suspects is particularly important. Interrogation is a key stage of investigation, providing reliable information needed to establish the circumstances of a crime, identify accomplices, and build an evidentiary foundation.*

This article aims to examine systematically the forensic aspects of interrogating suspects in weapons and explosives cases. It discusses the theoretical foundations of interrogation, the psychological profiles of accused persons, and methodological approaches to organizing interrogations that account for the specific nature of these crimes.

The article thus offers a comprehensive study aimed at improving the practice of interrogating suspects in weapons and explosives cases, thereby strengthening the rule of law and increasing the effectiveness of criminal proceedings in this important area of forensic science.

Keywords: *interrogation, suspect, forensic science, illicit arms trafficking, explosive substance, criminal investigation, psychological profile, tactical technique, evidentiary foundation.*

УДК 343.98:343.344

Муртазина Р.Ш.

Казанский филиал

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева

(г. Казань, Россия)

ТАКТИКА ДОПРОСА ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ И ВЗРЫВЧАТЫХ ВЕЩЕСТВ

***Аннотация**: в статье рассматривается тактика допроса подозреваемых при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Целью исследования является анализ особенностей допроса в данной специфической сфере, выявление эффективных методов получения достоверной информации и разработка рекомендаций для повышения результативности следственных действий.*

Допрос в рамках расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, является одним из ключевых этапов, влияющих на успех всего следственного процесса. От правильного выбора тактики зависит не только полнота и достоверность получаемой информации, но и соблюдение прав подозреваемых, что критично для законности и обоснованности последующих процессуальных решений.

В заключении подчеркивается необходимость комплексного подхода к допросу, включающего профессиональную подготовку следователей, применение психологически обоснованных методов и строгое соблюдение правовых норм.

***Ключевые слова**: тактика допроса, подозреваемый, незаконный оборот оружия, боеприпас, взрывчатое вещество, психологический метод, правовая норма, следственное действие, достоверная информация.*

ВВЕДЕНИЕ.

Расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, представляет собой одну из наиболее сложных и ответственных задач в уголовном праве и криминалистике. Особая опасность таких преступлений обусловлена высоким уровнем общественной угрозы и возможными тяжелыми последствиями для жизни и здоровья граждан. В этой связи допрос подозреваемых в таких делах приобретает особое значение, поскольку именно на этом этапе зачастую формируется ключевая доказательная база, позволяющая раскрыть преступление и привлечь виновных к ответственности.

Правовые рамки допроса в данной сфере имеют свои особенности, поскольку необходимо строго соблюдать нормы уголовно-процессуального законодательства, обеспечивая защиту прав подозреваемых и исключая применение недозволенных методов воздействия. Нарушения в этой области могут привести к признанию доказательств недопустимыми, что существенно ослабляет позиции обвинения и снижает эффективность расследования.

Психологический аспект допроса в делах, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, имеет особое значение. Подозреваемые часто испытывают стресс, страх наказания и стремятся к минимизации собственной ответственности, что проявляется в отрицании, искажении фактов или уклонении от ответов.

Статья направлена на всесторонний анализ особенностей и эффективных методов допроса подозреваемых в преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ. Анализируются методы выявления достоверной информации и способы преодоления сопротивления подозреваемых, что способствует формированию более эффективной стратегии проведения допроса в данной специфической сфере.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ.

Теоретические основы тактики допроса подозреваемых в преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, представляют собой комплекс научных знаний из области криминалистики, психологии, уголовного права и процессуальных норм. В основе данной дисциплины лежит понимание специфики преступлений, особенности поведения подозреваемых и закономерностей формирования информации в процессе следственных действий.

Психологические основы допроса включают понимание механизмов мотивации, стрессовых состояний, защитных реакций и способов выявления лжи. Научные исследования показывают, что подозреваемые в таких делах часто используют психологические барьеры, направленные на сокрытие информации и минимизацию собственной ответственности. Следовательно, теоретическая база должна содержать методы анализа невербальных сигналов, речевых паттернов и поведенческих особенностей, позволяющих выявить противоречия и ложь.

Важной теоретической проблемой является разработка комплексного подхода, объединяющего криминалистические, психологические и правовые знания. Такой подход позволяет учитывать как объективные обстоятельства дела, так и субъективные особенности подозреваемого, что значительно повышает вероятность получения достоверных сведений.

В целом, теоретические основы тактики допроса подозреваемых в данной сфере формируют фундамент для разработки практических рекомендаций и методологических подходов, направленных на повышение результативности и законности следственных действий. Они обеспечивают системное понимание процесса допроса как сложного социально-психологического и правового явления, требующего профессионального, всестороннего подхода.

МЕТОДОЛОГИЯ И АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ.

Методологическая база исследования тактики допроса подозреваемых в преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, строится на системном анализе теоретических концепций, эмпирических данных и практического опыта следственных органов.Для оценки правовых аспектов допроса проводится сравнительный анализ нормативных актов и судебной практики, что позволяет выявить основные правовые ограничения и гарантии, влияющие на тактику следователя.

В методологии также заложен принцип адаптивности, предполагающий, что тактика допроса должна гибко меняться в зависимости от индивидуальных особенностей подозреваемого, характера преступления и конкретной ситуации.

Аналитическая часть исследования подтверждает, что комплексный метод, основанный на сочетании криминалистических знаний, психологических приемов и правового регулирования, обеспечивает наибольшую эффективность допроса в рассматриваемой сфере.

Результаты анализа служат основой для выработки практических рекомендаций и методических указаний, способствующих совершенствованию следственной практики и повышению качества расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ.

Результаты исследования демонстрируют, что тактика допроса подозреваемых в преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, требует особого внимания к психологическим и правовым аспектам, а также высокой профессиональной подготовки следователя.

Выявлено, что подозреваемые в данных преступлениях часто используют разнообразные защитные механизмы, включая отрицание, искажение фактов и психологическое сопротивление. Эффективной стратегией является создание доверительной атмосферы, что достигается через применение техник активного слушания, эмпатии и постепенного раскрытия информации.

Правовые ограничения, выявленные в ходе анализа судебной практики, подчеркивают необходимость строгого соблюдения процессуальных норм при допросе. Нарушения, такие как применение недозволенных методов давления или отсутствие правовой информации, приводят к признанию доказательств недопустимыми и ослаблению обвинения. Психологический анализ показал, что подозреваемые в преступлениях с оружием и взрывчатыми веществами обладают повышенной настороженностью и склонностью к манипуляциям. Для выявления лжи и противоречий эффективны методы поведенческого анализа, включая наблюдение за изменениями мимики, жестов и речевых паттернов.

В итоге, исследование подтверждает, что тактика допроса подозреваемых в преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, должна быть многогранной и гибкой, учитывающей как объективные обстоятельства дела, так и субъективные особенности личности. Только при таком подходе возможно достижение высокой эффективности следственных действий и обеспечение законности уголовного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В заключение следует подчеркнуть, что тактика допроса подозреваемых при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий от следователя высокого уровня профессионализма и владения комплексом знаний из области криминалистики, психологии и права.

Правовые рамки проведения допроса играют ключевую роль в обеспечении законности и обоснованности доказательств. Несоблюдение процессуальных требований может привести к признанию полученных данных недопустимыми и снижению эффективности расследования. Следовательно, подготовка следователей должна включать глубокое знание уголовно-процессуального законодательства и навыки правомерного использования психологических методов.

Таким образом, тактика допроса в сфере расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и взрывчатых веществ, должна строиться на принципах профессионализма, законности и психологической компетентности. Только при комплексном подходе можно обеспечить эффективное расследование, защиту прав подозреваемых и достижение справедливого правосудия. Настоящая статья вносит вклад в развитие научных и практических знаний в данной области и может служить основой для дальнейших исследований и совершенствования следственной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вдовин А.Н., Попова Е.И. Методика расследования и поддержания государственного обвинения по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных устройств. LitRes, 2020. URL: https://play.google.com/store/books/details?id=IoQVEAAAQBAJ.
2. Галь А.Е. Особенности тактики допроса при расследовании преступлений, связанных с незаконным отчуждением земельных участков, находящихся в собственности муниципального образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. DOI 10.23672/sae.2018.2018.20599.
3. Арасланова М.А. О необходимости тактико-криминалистического обеспечения применения сокращенной формы дознания при расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXV международной научно-практической конференции. В 2 частях. Часть 2. 2022. DOI 10.51980/978-5-7889-0334-7_2022_5_2_223.

Murtazina R.Sh.
Kazan Branch
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Kazan, Russia)

SUSPECT INTERROGATION TACTICS IN INVESTIGATIONS OF CRIMES INVOLVING ILLICIT TRAFFICKING IN WEAPONS AND EXPLOSIVES

Abstract: *the article examines tactics for interrogating suspects in investigations of crimes involving illicit trafficking in weapons, ammunition, and explosives. The study aims to analyze the specific features of interrogation in this area, identify effective methods for obtaining reliable information, and develop recommendations to improve the effectiveness of investigative actions.*

Interrogation in investigations of crimes involving illicit trafficking in weapons and explosives is a key stage that can influence the success of the entire investigation. The choice of tactics affects not only the completeness and reliability of information obtained but also respect for suspects' rights, which is essential to the legality and soundness of subsequent procedural decisions.

The article concludes by emphasizing the need for a comprehensive approach to interrogation that combines professional training for investigators, psychologically grounded methods, and strict compliance with legal requirements.

Keywords: *interrogation tactics, suspect, illicit weapons trafficking, ammunition, explosive substance, psychological method, legal requirement, investigative action, reliable information.*

УДК 34

Нагеева К.Ю.

Сибирский юридический университет

(г. Омск, Россия)

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИНСТИТУТА НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (НА ПРИМЕРЕ ПРАКТИКИ СУДОВ КУЗБАССА)

***Аннотация**: в работе исследуются доктринальные и нормативные подходы к пониманию категории «обогащение» в гражданском праве. Особое внимание уделено формам и условиям возникновения кондикционного обязательства. Эмпирическую базу составили три судебных акта, вынесенных судами Кемеровской области — Кузбасса. Проведён анализ правоприменительных подходов к квалификации отношений в качестве неосновательного обогащения, а также к распределению бремени доказывания.*

***Ключевые слова**: неосновательное обогащение, кондикция, неосновательное приобретение, сбережение имущества, правовое основание, бремя доказывания, судебная практика, Кузбасс.*

Введение.

Правовая категория «обогащение» в цивилистике имеет два смысловых уровня. В широком значении ею охватывается любое приращение имущественной массы субъекта, независимо от того, вызвано оно правомерными действиями или действиями, не опирающимися на закон. В узком, юридически значимом контексте обогащение становится неосновательным только тогда, когда отсутствует надлежащий правовой титул.

Определение неосновательного обогащения дано в п. 1 ст. 1102 ГК РФ. Законодатель обязывает лицо, которое без предусмотренных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело либо сберегло имущество за счёт другого субъекта, вернуть это имущество потерпевшему. Таким образом, юридическая конструкция обязанности возврата строится через отрицание основания — отсутствие законного, договорного или иного титула.

В отечественной доктрине сложились различные трактовки природы кондикционного обязательства. Сторонники обязательственной концепции видят в нём самостоятельное гражданско-правовое обязательство, порождаемое юридическим составом, в котором присутствует обогащение одного лица за счёт другого при отсутствии правового основания. Вещно-правовой подход рассматривает кондикцию как средство защиты права собственности, сходное с виндикацией. Компенсационная теория акцентирует восстановительную функцию кондикции, направленную на ликвидацию имущественного дисбаланса.

Представляется наиболее обоснованной обязательственно-компенсационная модель. Согласно ей, кондикционное обязательство имеет обязательственную природу, но выполняет компенсационную задачу. Его цель — не наказать обогатившегося и не защитить конкретное вещное право, а восстановить соответствие между имущественными сферами участников оборота. Именно эта функциональная направленность отличает кондикцию от деликта, основанного на противоправном причинении вреда, и от виндикации, нацеленной на возврат индивидуально-определённой вещи.

Актуальность темы обусловлена устойчивым ростом числа споров о взыскании неосновательного обогащения. Правоприменители часто испытывают затруднения при разграничении кондикционных требований и иных способов защиты, что ведёт к правовой неопределённости и противоречивой практике по однотипным делам. Это требует комплексного теоретического осмысления института и выработки практических рекомендаций.

Понятие и формы неосновательного обогащения.

Законодательство различает две формы неосновательного обогащения: приобретение имущества и сбережение имущества. Такая дифференциация важна не только в теоретическом, но и в прикладном плане, поскольку от формы зависит способ возврата и объём ответственности приобретателя.

Приобретение имущества означает прирост имущественной массы приобретателя, сопровождаемый уменьшением имущества потерпевшего. Примеры: получение денег по несуществующему обязательству, приобретение вещи по ничтожной сделке, получение исполнения, не предусмотренного договором. Имущественная сфера приобретателя расширяется, а потерпевшего — сужается.

Сбережение имущества наблюдается, когда лицо должно было израсходовать часть своего имущества, но не сделало этого благодаря использованию чужого имущества или действиям потерпевшего. Классический пример — пользование чужим имуществом без договора аренды: приобретатель сберегает арендную плату, которую должен был бы уплатить. При сбережении прирост имущественной массы не происходит в виде прямого увеличения — напротив, предотвращается её уменьшение.

Доктрина выделяет и смешанные формы, когда обогащение сочетает признаки приобретения и сбережения. Например, лицо приобретает имущество, одновременно сберегая средства, которые должно было бы затратить на его приобретение. В таких случаях суды квалифицируют обогащение по совокупности признаков, что влияет на определение его размера.

В зависимости от характера отсутствующего правового основания можно выделить следующие виды неосновательного обогащения: возникшее вследствие исполнения несуществующей обязанности, возникшее вследствие отпадения правового основания, возникшее вследствие противоправного поведения, возникшее вследствие действий самого потерпевшего.

Условия возникновения кондикционного обязательства.

Анализ ст. 1102 ГК РФ и судебной практики позволяет выделить три обязательных условия возникновения кондикционного обязательства.

Первое условие — наличие обогащения в форме приобретения или сбережения имущества. Обогащение может выражаться в увеличении имущественной массы приобретателя либо в предотвращении её уменьшения. Не имеет значения, в чём именно оно состоит — в деньгах, вещах, имущественных правах или освобождении от обязанности.

Второе условие — приобретение или сбережение имущества за счёт другого лица. В доктрине это условие называют «обогащением за счёт потерпевшего». Между имущественными сферами приобретателя и потерпевшего должна существовать причинно-следственная связь: увеличение имущества одного лица происходит именно вследствие соответствующего уменьшения имущества другого.

В диссертации Д.А. Луданина (МГУ, 2025) обосновано, что условие «за счёт потерпевшего» не сводится к простому арифметическому уменьшению имущества. Оно предполагает наличие экономической связи между имущественными сферами, опосредованной различными юридическими фактами. Это условие выполняет разграничительную функцию, позволяя отграничить кондикционное требование от иных имущественных требований.

Третье условие — отсутствие правового основания для обогащения. Это ключевое условие, придающее обогащению качество неосновательного. Под правовым основанием понимаются юридические факты, с которыми закон связывает возникновение права на получение имущества. К ним относятся договоры, иные сделки, акты органов власти, судебные решения и иные основания, предусмотренные ст. 8 ГК РФ.

Судебная практика исходит из того, что для констатации неосновательного обогащения необходимо установить отсутствие у лица оснований, дающих право на получение имущества. Бремя доказывания наличия

правового основания лежит на приобретателе, поскольку именно он ссылается на законность владения или пользования имуществом.

Отдельно стоит вопрос о моменте возникновения кондикционного обязательства. В доктрине есть разные точки зрения: одни связывают его с моментом поступления имущества к приобретателю, другие — с моментом, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности обогащения. Представляется, что для возникновения обязательства достаточно самого факта неосновательного приобретения или сбережения, субъективное отношение приобретателя влияет лишь на объём ответственности (например, на обязанность вернуть доходы).

Анализ судебной практики Кемеровской области — Кузбасса.

Дело № 2-1057/2025 (Беловский городской суд).

Гражданка Б. обратилась с иском о взыскании неосновательного обогащения к нескольким ответчикам. Истица пострадала от мошенничества: неизвестные, представившись сотрудниками Центробанка, под предлогом защиты средств ввели её в заблуждение, и она перечислила деньги на счета ответчиков. Ответчики пользовались этими средствами, что, по мнению истицы, является неосновательным обогащением.

Суд установил факт перечисления денег истца на счета ответчиков при отсутствии между сторонами договорных отношений. Ответчики не доказали наличие правового основания для получения средств. Иск был удовлетворён: в пользу истицы взыскана сумма неосновательного обогащения и неустойка.

Это дело иллюстрирует приобретение имущества как форму неосновательного обогащения. Денежные средства поступили на счета ответчиков без законного или договорного основания, что породило кондикционное обязательство. Суд не ограничился констатацией зачисления средств, а исследовал вопрос о наличии договорных отношений, подтвердив их отсутствие. Это согласуется с доктринальным подходом, согласно которому бремя доказывания наличия правового основания лежит на приобретателе.

Апелляционное определение № 33-10927/2025 (Кемеровский областной суд).

ФИО3 подал иск к ФИО1 и другим лицам о взыскании неосновательного обогащения в размере 188 000 рублей. Истец был собственником квартиры, купленной на торгах. Ответчики, ранее проживавшие в этом жилье, отказывались освободить помещение, препятствовали доступу и отрицали право собственности истца. Решением Центрального районного суда г. Кемерово от 01.11.2024 ответчики признаны утратившими право пользования, и 01.12.2024 решение исполнено.

Истец рассчитал сумму неосновательного обогащения исходя из рыночной стоимости ежемесячной аренды квартиры — 53 000 рублей в месяц. По его мнению, ответчики неосновательно сберегли за период с 15.08.2024 по 30.11.2024 сумму 188 000 рублей. Решением Центрального районного суда г. Кемерово от 11.06.2025 иск удовлетворён. Кемеровский областной суд оставил решение без изменения.

Данное дело показательно для квалификации сбережения имущества как формы неосновательного обогащения. Ответчики, занимая чужую квартиру без договора, сберегли деньги, которые должны были бы платить за пользование. Суд обоснованно применил нормы гл. 60 ГК РФ и взыскал сумму неосновательного сбережения, рассчитанную по рыночной стоимости аренды. Суд также проверил отсутствие договорных отношений между сторонами, что соответствует принципу субсидиарности кондикции.

Решение по делу № 2-2312/2025 (Заводский районный суд г. Кемерово).

ФИО1 обратился с иском к ФИО2 о взыскании неосновательного обогащения и процентов за пользование чужими денежными средствами. Истец ошибочно перечислил на счёт ответчика 350 000 рублей несколькими платежами. Договорные отношения между сторонами отсутствовали, истец полагал, что средства будут заёмными, но письменный договор займа не заключался, существенные условия не определялись.

Суд установил факт ошибочного перечисления денег при отсутствии договорных отношений. Ответчик не представил доказательств наличия правового основания для получения средств. Иск удовлетворён: взыскана сумма неосновательного обогащения и проценты по ст. 395 ГК РФ.

Это дело демонстрирует ситуацию, когда неосновательное обогащение возникает вследствие действий самого потерпевшего — ошибочного перечисления денег. Отсутствие договорных отношений и непредставление ответчиком доказательств правового основания послужили основанием для удовлетворения иска. Суд также применил ст. 1107 ГК РФ, взыскав проценты за пользование чужими средствами, что соответствует правилам гл. 60 ГК РФ о последствиях неосновательного денежного обогащения.

Аналитический вывод.

Проведённый анализ трёх судебных дел, рассмотренных судами Кемеровской области — Кузбасса, позволяет сделать ряд выводов, значимых для теории и практики применения норм о неосновательном обогащении.

Во-первых, суды последовательно применяют трёхэлементную конструкцию условий возникновения кондикционного обязательства: наличие обогащения, его приобретение или сбережение за счёт другого лица и отсутствие правового основания. Во всех трёх делах суды исследовали вопрос о наличии договорных отношений между сторонами, подтверждая их отсутствие как ключевое условие для квалификации отношений в качестве неосновательного обогащения.

Во-вторых, практика демонстрирует разнообразие форм неосновательного обогащения. В деле № 2-1057/2025 имело место приобретение имущества в виде денежных средств, поступивших на счёт ответчика вследствие мошеннических действий. В апелляционном определении № 33-10927/2025 речь шла о сбережении имущества — ответчики сберегли арендную плату, которую должны были бы уплатить за пользование квартирой. В решении по делу № 2-2312/2025 также имело место приобретение имущества, но основанием

послужило ошибочное перечисление денежных средств самим потерпевшим. Это подтверждает универсальный характер кондикционного обязательства, применяемого независимо от того, явилось ли обогащение результатом поведения приобретателя, самого потерпевшего, третьих лиц или произошло помимо их воли.

В-третьих, суды активно используют механизм взыскания процентов за пользование чужими денежными средствами (ст. 395 ГК РФ) в качестве меры ответственности за неосновательное денежное обогащение. В деле № 2-1057/2025 суд взыскал неустойку, в деле № 2-2312/2025 — проценты за пользование чужими денежными средствами. Это соответствует ст. 1107 ГК РФ, согласно которой на сумму неосновательного денежного обогащения подлежат начислению проценты с того времени, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения или сбережения денежных средств.

В-четвёртых, анализ показывает, что суды Кузбасса при разрешении споров о неосновательном обогащении руководствуются не только буквальным текстом ст. 1102 ГК РФ, но и доктринальными подходами к пониманию правовой природы кондикционного обязательства. В частности, в деле № 2-2312/2025 суд исследовал вопрос о наличии договорных отношений между сторонами, подтверждая их отсутствие, что соответствует принципу субсидиарности кондикционного требования, закреплённому в п. 3 ст. 1103 ГК РФ.

Заключение.

Институт обогащения в гражданском праве — сложное и многогранное явление. Его правовая природа может быть определена как обязательственно-компенсационная: кондикционное обязательство имеет обязательственный характер, но выполняет компенсационную функцию, направленную на восстановление имущественного баланса, нарушенного вследствие неосновательного перемещения благ.

Неосновательное обогащение выступает в двух формах: приобретения и сбережения имущества. Разграничение этих форм имеет практическое значение, поскольку влияет на определение размера обогащения и способов его возврата. Смешанные формы требуют комплексной квалификации с учётом всех обстоятельств дела.

Условиями возникновения кондикционного обязательства являются: наличие обогащения, его приобретение или сбережение за счёт другого лица и отсутствие правового основания. Условие «за счёт потерпевшего» не сводится к арифметическому уменьшению имущества, а предполагает наличие экономической связи между имущественными сферами участников оборота.

Анализ судебной практики Кемеровской области — Кузбасса подтверждает, что суды последовательно применяют нормы гл. 60 ГК РФ, исследуя вопросы наличия договорных отношений между сторонами и правовых оснований для получения имущества. Вместе с тем ряд дискуссионных вопросов, касающихся разграничения кондикции и смежных правовых институтов, определения размера неосновательного обогащения и распределения бремени доказывания, остаётся неразрешённым, что обусловливает необходимость дальнейшего теоретического осмысления института обогащения в гражданском праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Решение № 2-1057/2025 от 22 сентября 2025 г. по делу № 2-1057/2025 // Беловский городской суд Кемеровской области.
3. Апелляционное определение № 33-10927/2025 от 28 января 2026 г. // Кемеровский областной суд.
4. Решение по делу № 2-2312/2025 от 15.07.2025 // Заводский районный суд города Кемерово.

5. Луданин Д.А. Обогащение «за счёт» потерпевшего как условие возникновения кондикционного обязательства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025.

6. Новак Д.В. Неосновательное обогащение в гражданском праве России: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006.

7. Гербутов В.С. Понятие и формы обогащения в кондикционных обязательствах: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014.

Nageeva K.Yu.
Siberian Law University
(Omsk, Russia)

THEORETICAL FOUNDATIONS OF UNJUST ENRICHMENT AS A CIVIL LAW INSTITUTION: REGIONAL PERSPECTIVE (BASED ON KUZBASS COURT PRACTICE)

***Abstract**: this article examines doctrinal and statutory approaches to understanding «enrichment» in civil law. Particular attention is paid to the forms of, and conditions giving rise to, obligations based on unjust enrichment. The empirical basis consists of three judicial decisions issued by courts of Kemerovo region — Kuzbass. The article analyzes judicial approaches to classifying legal relationships as unjust enrichment and allocating the burden of proof.*

***Keywords**: unjust enrichment, condictio, unjust acquisition, saving of assets, legal basis, burden of proof, case law, Kuzbass.*

УДК 34

Павловская А.Р.

студент

Крымский филиал

Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева

(г. Симферополь, Россия)

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

***Аннотация**: статья посвящена исследованию угроз экономической безопасности Российской Федерации, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путём. В работе анализируются современные подходы к оценке масштабов этого негативного явления, рассматривается эффективность национальной системы противодействия легализации преступных доходов. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов и судебной практики выявляются ключевые проблемы и предлагаются направления совершенствования системы экономической безопасности.*

***Ключевые слова**: легализация преступных доходов, экономическая безопасность, финансовый мониторинг.*

Приоритет любой страны заключается в обеспечении безопасности, в том числе и экономической. На сегодняшний день можно отметить стремительный рост цифровых технологий и глобализации финансовых рынков. Помимо прочего, это несёт за собой развитие различных преступных схем легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путём, на которые законодатель попросту не успевает реагировать. Процесс интегрирования преступных средств в легальный финансовый оборот подрывает финансовую экономику и доверие среди населения, а также создаёт благоприятные условия для развития терроризма и наркоторговли.

Несмотря на наличие в уголовном праве норм, предусматривающих ответственность за легализацию преступных средств (статьи 174, 174.1 УК РФ), практика правоприменения наталкивает на вывод о её неэффективности.

По данным статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2024 год по основной квалификации было осуждено 29 человек, по дополнительной квалификации – 442 человека, а оправдано 177. Это значительно превышает показатели за 2023 г., за период которого по основной квалификации было осуждено 23 человека, один оправдан, а ещё одно дело было прекращено из-за отсутствия состава. По дополнительной квалификации в 2023 г. осуждено было 310 человек, 197 из них были оправданы [Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: https://cdep.ru/?id=79 (дата обращения: 08.10.2026). – Текст: электронный].

Проблему легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путём в своём исследовании рассматривали Г.В. Зангионов и И.Е. Хатаев, «отмывание капитала или активов, приобретённых противоправным путём, составляет основу для развития теневой экономики и ведёт к дестабилизации экономической безопасности национального и международного масштаба» [Зангионов, Г. В. Некоторые вопросы привлечения лиц к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества / Г. В. Зангионов, И. Е. Хатаев // Вестник магистратуры. — 2016. — № 5-3 (56). — С. 88–90]. Отсюда следует вывод о малой раскрываемости преступлений за рассматриваемое преступление, а следовательно невозможность привлечения к ответственности.

В рамках данного исследования авторами будет проведён анализ существующих проблем в экономической безопасности и дана оценка эффективности мер имеющихся на данный момент времени.

Основная проблема противодействия отмыванию преступных доходов является отсутствие методологии оценки реального числа отмывания денежных средств. Только за 2023 г. в России на основании статистики приведённые журнале «Вопросы экономики» Было легализовано порядка 2.09 трлн рублей

преступных доходов, что составляет 1,2% от ВВП страны. Однако за аналогичный период Банк России в официальных данных заявил только о 30, 8 млрд руб., которые были выведены заграницу, а также о 59, 5 млрд руб. обличённых внутри страны. Большинство этих денег были добыты в результате совершения экономических преступлений, таких как мошенничество, а также незаконный оборот наркотических средств [Танющева, Н. Ю. Оценка масштабов отмывания денег в России / Н. Ю. Танющева, Э. Т. Исакова // Вопросы экономики. — 2024. — № 10. — С. 77–93. — DOI 10.32609/0042-8736-2024-10-77-93].

Авторы и статьи в журнале «Вопросы экономики» объясняют расхождение с данными предоставленными Банком России низким уровнем реагирования национальной системы по борьбе с отмыванием денег. По их мнению этот уровень составляет 4% от общего объёма отмытых средств. Таким образом это подтверждает высокий уровень латентности данного вида преступления.

Грязные деньги всесторонне влияют на экономику государства. При помощи грязных денег преступники получают преимущества на рынке, искажая конкурентную среду. Учитывая, что отмытые денежные средства не участвуют в налогообложении, бюджет государства также снижается. Более того, легализация преступных средств создаёт условия для коррупционных преступлений, исходя из того, что путём подкупа преступные группировки обращаются за так называемой «крышей» к представителям власти.

Учитывая неконтролируемые объёмы денежных потоков, которые проходят через кредитные организации, в целом, это негативно отражается на финансовой системе. Чтобы избавиться от данной системной угрозы, необходимо разработать комплекс противодействия.

Через банковскую систему, а именно кредитные организации проходит большая часть денежных средств, подлежащих контролю. Она является центральным фактором национальной системы противодействия отмывания денежных средств и финансирования терроризма. Е. Н. Алифанова и Д. А.

Плугатырева в своём исследовании отмечают сложности, которые возникают на финансовом рынке в связи с постоянным цифровым обновлением. В связи с этим можно утверждать о необходимости непрекращающейся адаптации банковской сферы к новым вызовом цифровых финансовых активов.

В результате проведённого исследования, авторы пришли к выводу о необходимости повышения межведомственного взаимодействия, а также развития инструментов для выявление финансовых рисков. Данные выводы находятся своё практическое отражение в решении Банка России, принятого в 2025 г. об отмене части писем, которые касались надзора за кредитными организациями, замеченными в проведении подозрительных операций. Данное решение, а именно информирование рисковых клиентов через платформу «Знай своего клиента» позволило Банку России улучшить контроль по предотвращению подозрительных операций. Таким образом формальный контроль перешёл к реальным действиям [Банк России отменил отдельные письма в области надзора за кредитными организациями, вовлеченными в проведение подозрительных операций: пресс-релиз от 25.11.2025 // Банк России: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=63899698820857038bank_sector.htm (дата обращения: 08.10.2026). — Текст: электронный].

Чтобы повысить эффективность банковского мониторинга, был разработан инструмент «Знай своего клиента» («Светофор»). Задача этого инструмента была направлена на выявление компаний с высокими рисками. Таким образом количество данных компаний на финансовом рынке снижается, на основании статистики, приведённой Банком России [Объемы подозрительных операций сократились в первом полугодии на 12%: пресс-релиз // Банк России: [сайт]. — URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=21020 (дата обращения: 08.10.2026). — Текст: электронный].

Несмотря на эффективность инструмента, он не решает проблемы дропперства. Дроппер (от английского «drop» - сбрасывать, передавать) — это человек, который выступает в роли посредника, счёт карты, и банковские счета

которого используют для вывода средств. Банки обязаны выявлять подозрительные операции, отвечающие признакам дропперства в соответствии с нормами Федерального закона от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Большая часть дропперов – это молодёжь. Таким образом можно отметить низкую финансовую грамотность младшего поколения, которую необходимо развивать. Для решения проблемы, связанной с дропперством, обсуждаются различные методики, которые в том числе включают введение уголовной ответственности в отношении лиц, организующих незаконные махинации с денежными средствами, а также для граждан, которые сознательно передали свои счета и банковские карты третьим лицам.

Наиболее актуальной проблемой на сегодняшний день остаётся то, что в период санкций крупные банки, которые попали под санкции сменились небольшими кредитными организациями, в которых контроль ПОД/ФТ остаётся на низком уровне. Таким образом риски легализации преступных доходов растут.

В Российской Федерации Росфинмониторинг является центральным органом противодействия отмывания преступных денежных средств. В его компетенцию входит сбор и анализ информации, связанной с финансовыми операциями, а также координация деятельности всех участников финансовой системы. В эту систему, в том числе, входит Банк России, правоохранительные органы, налоговая служба, а также кредитные организации.

Так, на конференции Ассоциации российских банков (далее — АРБ) отмечалось тесное взаимодействие Росфинмониторинга и Банка России с банковскими организациями. Заместитель директора Росфинмониторинга Герман Негляд отметил, что данное сотрудничество позволяет совершенствовать законодательство в данной сфере [XXIV ежегодная конференция «Актуальные вопросы исполнения кредитными организациями требований российского законодательства по ПОД/ФТ»: [проводится 14 апреля 2026 г. в Москве] /

организаторы: Ассоциация российских банков (АРБ), Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), Банк России. – Текст: электронный // Росфинмониторинг: официальный сайт. – URL: https://www.fedsfm.ru/releases/9769 (дата обращения: 08.10.2026)].

Межведомственное взаимодействие для выявления отмывания денежных средств критически важно. Преступные схемы в данной сфере постоянно обновляются и становятся всё более транснациональными. Чтобы раскрыть подобные преступления необходимо настроить систему обмена информацией между государственными органами. В данном случае ключевую роль играют научные исследования посвящённые легализации преступных средств.

На сегодняшний день существуют серьёзные ограничения, которые способствуют низкому уровню раскрытия преступления, предусмотренных статьями 174, 174.1 УК РФ:

неполнота охвата доходов (которые не входят в финансовую систему),

при ужесточении контроля предполагается сдвиг латентности,

при использовании контрмер поведение объектов меняется, что необходимо постоянно отслеживать.

Платформа «Знай своего клиента» является положительным примером межведомственного взаимодействия. Благодаря ей можно выявить рисковых клиентов и принимать обоснованные и выгодные решения.

В 2024 году в 115-ФЗ были внесены поправки, в соответствии с которыми Росфинмониторинг был наделен правом приостанавливать денежные операции до 10 дней в случае, если есть основания полагать, что они участвуют в отмывании денежных средств. Несмотря на это, эффективность существующих мер находится на низком уровне. Наибольшие сложности в квалификации преступления по ст. 174, 174.1 УК РФ вызывает доказывание цели придания правомерного вида.

Федеральным законом №60-ФЗ от 07.04.2010 года в Уголовный кодекс РФ были внесены поправки, в том числе касательно порога крупного ущерба для квалификации преступного деяния, который был повышен с 1 до 6 млн рублей.

Помимо этого была введена обязательная цель — придание правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами. Такая гуманизация законодательства привела к значительному снижению числа обвинительных приговоров. За 2010 год, а также 1 квартал 2011 года по ст. 174 УК РФ не было вынесено ни единого приговора. По ст. 174.1 УК РФ рассмотрено было всего 7 дел. На основания этого можно отметить сложность доказывания цели, которая состоит в установлении субъективной стороны преступления.

Г.В. Зангионов и И.Е. Хатаев в своём исследовании подчёркивают сложности из-за неоднозначности законодательства, которое в том числе, выражается в отсутствии конкретных различий между понятиями финансовых транзакций и юридических сделок. Стоит отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 32 от 07 июля 2015 года дал понятие финансовым операциям и транзакциям и отнёс к ним все виды деятельности, которые связаны с управлением денежными активами — в том числе наличные и безналичные средства, а также операции с валютой и работу с финансовыми инструментами. Таким образом, можем предположить, что сохранение преступных денег в местах личного хранения, а также их использование в повседневных условиях, состава преступления, соответствующего ст. 174, 174.1 УК РФ не создаёт.

Несмотря на обновления законодательства, проблемы доказывания и квалификации легализации преступных средств остаются основной проблемой. Таким образом необходимо не только совершенствовать законодательство в данной сфере, но также повышать компетентность сотрудников правоохранительных органов, судей и других уполномоченных органов в вопросах мониторинга, расследования, а также рассмотрения дел о преступной легализации.

На основании проведённого анализа можно отметить наличие серьёзной угрозы экономической безопасности России. Легализация преступных средств остаётся довольно латентным преступлением несмотря на её пагубное влияние на экономику страны.

Есть и позитивные моменты. Наличие платформы «Знай своего клиента», совершенствование нормативной базы, а также межведомственное взаимодействие во главе Росфинмониторгом повысило качество финансового мониторинга.

Для дальнейшей эффективности в выявлении и противодействии отмыванию преступных денежных средств необходимо разработать единый метод оценки масштабов, конкретизировать квалификацию деяний по ст. 174, 174.1 УК РФ путём опубликования Постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также постоянно адаптировать систему под современные схемы, в том числе связанными с цифровыми трансформациями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Банк России отменил отдельные письма в области надзора за кредитными организациями, вовлеченными в проведение подозрительных операций: пресс-релиз от 25.11.2025 // Банк России: [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=63899689882085703 8bank_sector.htm.
2. Зангионов Г.В., Хатаев И.Е. Некоторые вопросы привлечения лиц к уголовной ответственности за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества // Вестник магистратуры. 2016. № 5-3 (56). С. 88–90.
3. Объемы подозрительных операций сократились в первом полугодии на 12%: пресс-релиз // Банк России: [сайт]. URL: https://www.cbr.ru/press/event/?id=21020.
4. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. URL: https://cdep.ru/?id=79.
5. Танющева Н.Ю., Исакова Э.Т. Оценка масштабов отмывания денег в России // Вопросы экономики. 2024. № 10. С. 77–93. DOI 10.32609/0042-8736-2024-10-77-93.
6. XXIV ежегодная конференция «Актуальные вопросы исполнения кредитными организациями требований российского законодательства по

ПОД/ФТ» [проводится 14 апреля 2026 г. в Москве] / организаторы: Ассоциация российских банков (АРБ), Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг), Банк России // Росфинмониторинг: официальный сайт. URL: https://www.fedsfm.ru/releases/9769.

Pavlovskaya A.R.
student
Crimean Branch
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Simferopol, Russia)

MONEY LAUNDERING AS A THREAT TO NATIONAL ECONOMIC SECURITY

***Abstract**: the article examines threats to Russia's economic security arising from the laundering of criminal proceeds. It analyzes current approaches to assessing the scale of this harmful phenomenon and evaluates the effectiveness of the national system for combating money laundering. Drawing on academic literature, legislation, and judicial practice, the study identifies key challenges and proposes ways to strengthen the economic security system.*

***Keywords**: money laundering, economic security, financial monitoring.*

УДК 347.23

Пупыкина М.А.
магистрант 2 курса
гражданско-правовой профиль
Центральный филиал
Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева
(г. Воронеж, Россия)

СРАВНЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ ЗАЩИТЫ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ И КИТАЕ

***Аннотация**: в работе разъясняются значение законодательного регулирования института защиты права собственности, а также сходства и различия в данной сфере между законодательством РФ и КНР.*

***Ключевые слова**: защита права собственности, законодательное регулирование, сравнительный анализ, РФ, КНР.*

Тема защиты права собственности, как и любых правовых споров неразрывно связана с законодательным регулированием данной правовой сферы. Поэтому в настоящей работе предлагается сравнить законодательное регулирование данного института в РФ и в КНР, найти сходства и различия, указать, каким образом данные аспекты связаны с особенностями государственной и общественной системы, а также сравнить примеры из судебной практики.

Например, в параграфе 2 ГК РФ указаны условия, при которых сделка может быть признана недействительной, а в параграфе 3 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики, наоборот, указаны условия действительности сделки. Также недействительность сделки, совершенной лицом в состоянии, в котором оно не способно понимать значение своих действий или руководить ими

регулируется статьей 177 ГК РФ. В пункте 1 указано, что сделка, совершенная гражданином, хотя и дееспособным, но находившимся в момент ее совершения в таком состоянии, когда он не был способен понимать значение своих действий или руководить ими, может быть признана судом недействительной по иску этого гражданина либо иных лиц, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены в результате ее совершения. [Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 1 октября 1994 года] То есть, любая сделка, совершенная гражданином в таком состоянии, может быть признана недействительной. Статьей 151 ГК КНР эта ситуация регулируется так: в случаях, когда одна из сторон сделки воспользовалась, в частности, стечением тяжелых обстоятельств, в которых оказалась другая сторона, или ее неспособностью понимать значение своих действий, в результате чего была совершена сделка на очевидно невыгодных условиях (кабальная сделка), потерпевшая сторона сделки вправе потребовать от народного или третейского суда ее отмены. [Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (Ербахаев Е.А., Ван Чжихуа, Чжао Лиго, отв. ред. перевода профессор Ван Чжихуа) (второе изд., перераб. и доп.). - «Проспект», 2025 г] То есть, здесь указываются два важных, с точки зрения применения данной нормы, факта, подлежащего доказыванию. Во-первых, это факт использования ответчиком положением истца, в котором он не мог осознавать значение своих действий и контролировать их, что доказывает недобросовестность ответчика. Во-вторых, это очевидность невыгодных условий сделки, которые истец, находясь в состоянии, в котором он может осознавать значение своих действий и руководить ими, мог бы избежать. В данном случае российское законодательство дает более обобщенное регулирование данного условия недействительности сделки, а китайское – более узкое, с указанием на необходимость доказывания конкретных обстоятельств, указывающих на недобросовестность ответчика, которые имеют практическое значение и в применении российского законодательства. Такое регулирование исключает возможность признания недействительной сделки, если истец заявляет, что он находился в состоянии, в

котором он не мог осознавать значение своих действий и руководить ими с целью получения выгоды от недействительности сделки. В соответствии с китайским законодательством, такое состояние истца должно быть очевидным для ответчика и только тогда оно может быть основанием для признания сделки недействительной.

Что касается непосредственно права собственности, ГК РФ регулирует три вида собственности: государственная, муниципальная и частная. Глава 5 ГК КНР регулирует государственную, коллективную и частную собственность. Если перечень объектов, составляющих государственную собственность в КНР и в РФ практически аналогичен, то в понимании общей (коллективной) собственности есть некоторые различия, связанные прежде всего с различиями в социальной структуре. Во-первых, в российском праве есть понятие долевой собственности. В китайском праве такого понятия нет, а значит, не урегулирован объем ответственности каждого участника коллектива за принадлежащее этому коллективу имущество. Также в статье 262 ГК КНР указано, что право собственности в отношении имущества, принадлежащего коллективу, в частности, земель и лесов, гор, земель пастбищ, необрабатываемых земель и прибрежной полосы, осуществляется в соответствии со следующими правилами:

1) право собственности в отношении имущества, принадлежащего коллективу в селе, осуществляется в соответствии с законом сельскохозяйственной коллективной организацией уровня села или сельским комитетом от имени указанного коллектива,

2) право собственности в отношении имущества, принадлежащего двум или более коллективам в селе, осуществляется в соответствии с законом каждой сельскохозяйственной коллективной организацией уровня села или каждой сельской общиной от имени указанных коллективов,

3) право собственности в отношении имущества, принадлежащего крестьянскому коллективу в волости, поселке, осуществляется сельскохозяйственной коллективной организацией уровня волости, поселка от имени указанного коллектива.

В российском же законодательстве в принципе отсутствует связь коллектива и руководства населенного пункта, на территории которого он находится. Только администрация субъекта РФ, в соответствии с ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», при необходимости, может воздействовать на организации.

Однако, стоит отметить и некоторые сходства в правовом регулировании защиты права собственности. Например, в главе 20 ГК РФ указаны и регулируются все способы защиты права собственности: виндикационный иск, истребование имущества от добросовестного приобретателя, расчеты при возврате имущества из чужого незаконного владения, защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения, защита прав владельца, не являющегося собственником. Это говорит о стремлении законодателя урегулировать данную сферу общественных отношений в полной мере, в то время, как китайское законодательство, учитывая особенности социалистического строя, в принципе, так же, как и российское, предусматривает общие принципы защиты права собственности, в чем, собственно и заключается сходство, но не конкретизирует обстоятельства нарушения. Например, что касается негаторного иска, в соответствии со статьей 236 ГК КНР, в случаях, когда имеются препятствия в осуществлении вещного права или могут возникнуть такие препятствия, правообладатель может потребовать устранить указанные препятствия или устранить опасность. С одной стороны, такое регулирование охватывает более широкий круг случаев нарушения, с другой стороны в процессе защиты права собственности могут возникнуть вопросы, связанные с отсутствием нормативного регулирования конкретных обстоятельств.

Для сравнения можно также рассмотреть некоторые случаи из китайской судебной практики. Например, в соответствии с Гражданским судебным решением Народного суда средней ступени города Сиань провинции Шэньси от 18 октября 2024 года, В деле Shaanxi Sijichun v. Apu (2024) собственник (истец) продал недвижимость, покупатель оплатил и получил владение, но регистрация

перехода права собственности не была завершена из-за арестов. [Гражданское судебное решение Народного суда средней ступени города Сиань провинции Шэньси от 18 октября 2024 года]Суды обеих инстанций отказали в виндикации, указав, что покупатель является законным владельцем с «правом ожидания вещного права», а ответчики, арендующие у покупателя, — также законными владельцами. Истец, сохранивший формальное титульное право, не может вытеснить фактического владельца через ст. 235 ГК КНР. По сути, здесь применен принцип добросовестности ответчика, который характерен также и для подобной процедуры в российской судебной практике и урегулирован статьей 302 ГК РФ. То есть, если при наличии конкретного законодательного регулирования спора, связанного с защитой права собственности суд, ввиду наличия нормативной базы, выносит более обоснованное решение, то при отсутствии такого регулирования, суд имеет больше свободы в принятии решения, что действительно может быть полезным, учитывая специфику народных судов в Китае.

В российской практике также встречаются споры с добросовестным приобретателем. Например соответствии с определением Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. по делу № 50-КГ17-6, прокурор г. Омска в интересах муниципального образования и неопределённого круга лиц обратился в суд с иском к Кудинскому Р.А. об истребовании земельного участка из чужого незаконного владения, возложении обязанности передать участок и исключении записи из ЕГРП. ВС РФ отменил состоявшиеся постановления и направил дело на новое рассмотрение, указав на существенные нарушения норм материального и процессуального права. Суд сослался на то, что Департамент имущественных отношений заключил договор купли-продажи, что свидетельствует о его воле в передаче права собственности, а также о добросовестности приобретателя. [Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. по делу № 50-КГ17-6].

Таким образом, сравнение нормативного регулирования и судебной практики двух различных правовых систем дает понять, что даже если политическая и социальная системы двух государств в корне различаются,

основные принципы права остаются одинаковыми, потому что, если в государстве существуют три основных вида собственности, суд, рассматривая споры о праве собственности, так или иначе, придет к этим основополагающим принципам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 1 октября 1994 года.
2. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики (Ербахаев Е.А., Чжао Лиго, отв. ред. перевода — профессор Ван Чжихуа). 2-е изд., перераб. и доп. Проспект, 2025.
3. Гражданское судебное решение Народного суда средней ступени города Сиань провинции Шэньси от 18 октября 2024 года.
4. Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2017 г. по делу № 50-КГ17-6.

Pupykina M.A.
master's degree student of 2nd year
civil law specialization
Central Branch
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
(Voronezh, Russia)

COMPARISON OF LEGISLATIVE REGULATION OF PROPERTY RIGHTS PROTECTION IN RUSSIA AND CHINA

Abstract: *the paper explains the significance of legislative regulation of property rights protection and examines similarities and differences between Russian and Chinese legislation in this area.*

Keywords: *property rights protection, legislative regulation, comparative analysis, Russia, China.*

УДК 34

Савченко Д.Е.
студент
Саратовская государственная юридическая академия
(г. Саратов, Россия)

Пастухов Д.Е.
студент
Саратовская государственная юридическая академия
(г. Саратов, Россия)

Иванова Т.А.
кандидат юридических наук, доцент
кафедра международного права
Саратовская государственная юридическая академия
(г. Саратов, Россия)

ОФШОРНЫЕ КОМПАНИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ: ПРОБЛЕМЫ ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Аннотация**: статья рассматривает банкротство иностранных юридических лиц. Отдельное внимание уделено компаниям, которые входят в офшорные структуры. Проблема возникает при расхождении места регистрации и центра хозяйственной деятельности. К такому выводу приводит анализ российского законодательства. На проблему указывает и практика по делу Westwalk Projects Ltd. Выводы Верховного Суда РФ получили развитие в последующих делах. Российское право пока не содержит целостной системы трансграничной несостоятельности. Поэтому Закон № 127-ФЗ требует специальных правил для таких случаев. В нем нужно закрепить критерий центра основных интересов должника — COMI. Также важно разграничить основное и локальное производства. Отдельного регулирования требует их связь с процедурами банкротства за рубежом.*

***Ключевые слова**: офшорная компания, иностранное юридическое лицо, трансграничная несостоятельность, банкротство, центр основных интересов, локальное производство.*

Создание компаний за пределами страны ведения бизнеса давно стало обычной практикой. Такие компании используют для владения активами и привлечения финансирования. Они также нужны для инвестиционных проектов и построения корпоративных связей. Сама офшорная регистрация не означает незаконность деятельности компании. Проблема возникает при расхождении места регистрации и реального центра деятельности. Компания может быть учреждена в одной стране, а управляться из другой. Там же могут находиться активы, кредиторы и основные источники дохода. При неплатежеспособности такое расхождение уже имеет процессуальное значение. Нужно определить компетентный суд и применимый режим банкротства. Российское право пока не дает полного ответа на эти вопросы.

Офшорная юрисдикция обычно предоставляет нерезидентам особые налоговые или корпоративные условия. К ним могут относиться и специальные правила раскрытия информации. Компания регистрируется там, но фактически работает в другом государстве. В этом и состоит ее важная особенность. Значение имеет разрыв между регистрацией и реальным центром экономической деятельности. Офшорную компанию нельзя полностью отождествлять с любым иностранным юридическим лицом. Не совпадает она и с транснациональной корпорацией. Транснациональная корпорация объединяет деятельность сразу в нескольких государствах. Офшорная компания может быть лишь отдельным звеном такой группы. Для банкротства эта классификация имеет второстепенное значение. Важнее установить реальный центр интересов должника.

Для России особенно важны компании с формальной регистрацией за рубежом. Их основные хозяйственные связи при этом могут находиться в России. Здесь могут располагаться активы и производственная база. Здесь же может вестись основная предпринимательская деятельность. В России могут формироваться доходы и исполняться основные обязательства. Российскими могут быть большинство кредиторов и фактические руководители компании. Статья 1202 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) определяет личный закон по месту учреждения [2].

Но эта норма касается прежде всего корпоративного статуса юридического лица. Она не решает вопрос международной компетенции при банкротстве.

Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Федеральный закон № 127-ФЗ) также не устраняет этот пробел. Он содержит отдельные нормы с иностранным элементом. Есть и правила о признании решений иностранных судов. Но общей системы трансграничной несостоятельности в законе нет. Закон не определяет центр основных интересов должника — COMI. Он также не разделяет основное и локальное производства. Нет и механизма согласования процедур в разных государствах [5]. Поэтому суды обращаются к общим процессуальным нормам. Ключевое значение здесь имеет статья 247 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [1]. Она допускает российскую юрисдикцию при наличии имущества или управления в России. Учитывается и место исполнения обязательства. Значение имеет также иная тесная связь спора с Россией.

Пробел особенно ярко проявился в деле Westwalk Projects Ltd № А40-248405/2022. Нижестоящие суды прекратили дело о банкротстве кипрской компании. Решающим для них оказалось место ее регистрации. Верховный Суд РФ с таким подходом не согласился. Определение было вынесено 08.02.2024 за № 305-ЭС23-15177. Ранее принятые судебные акты были отменены. Суд допустил банкротство иностранной компании при существенной связи с Россией [6, с. 4–6]. Такая связь не определяется одним формальным признаком. Нужно учитывать фактическое место ведения бизнеса и расположение органов управления. Значение имеют контролирующие лица, имущество и кредиторы. Учитывается также место совершения значительной части сделок. Суд назвал и место нахождения важных доказательств.

Но установление российской компетенции решает только первую часть проблемы. Далее нужно определить центр основных интересов должника — COMI. Иностранная регистрация может иметь преимущественно формальный характер. При этом бизнес и управление могут быть сосредоточены в России. Тогда российское производство может иметь статус основного. Иная ситуация возникает, если COMI расположен за рубежом. При этом в России могут оставаться значительные активы. Здесь также может вестись устойчивая хозяйственная деятельность. В таком случае возможно локальное производство [6, с. 7–8]. Верховный Суд фактически сформулировал основу трансграничной модели банкротства. Но Федеральный закон № 127-ФЗ прямо ее не закрепляет.

Позднее этот подход появился и в других делах. Один из примеров — дело № А40-50914/2024. Оно касалось компании «Фортуна Хандельсгезельшафт м.б.Х». Российский суд допустил производство по связанным с Россией активам [7]. Учитывалась и деятельность иностранного должника в России. Практика показала применимость позиции Верховного Суда. Но зависимость от судебных решений сохраняет правовую неопределенность. Участники оборота должны заранее понимать основания российской банкротной юрисдикции. Им также нужен ясный статус будущей процедуры. Должны быть понятны и пределы ее действия на имущество. Сейчас эти вопросы часто разрешаются уже после возникновения спора.

Проблему отмечают и российские исследователи. И. В. Кирюшина и Е. Ю. Коваленко понимают трансграничную несостоятельность широко. Она не ограничивается иностранными активами российского должника. Не сводится она и к наличию зарубежных кредиторов. Авторы относят сюда и банкротство иностранной компании. Ее основная деятельность может фактически находиться в России. Здесь же может располагаться значительная часть имущества. Главным ориентиром авторы считают принцип тесной связи. Они также разграничивают основную и вторичную юрисдикции [3, с. 29–32].

Н. А. Морозов обращает внимание на другую проблему. Специальный институт трансграничной несостоятельности нормативно пока не оформлен. Это создает правовую неопределенность и риск неодинаковой практики. Решение по делу Westwalk автор считает важным шагом. Но оно не заменяет специального законодательного регулирования. Судебная позиция задала ориентиры, однако не решила все вопросы [4, с. 121–123].

С. А. Самусенко, Е. А. Аникина и Д. А. Погосян сходятся в оценке. Нормы Закона № 127-ФЗ они считают фрагментарными. Авторы предлагают закрепить специальные правила взаимодействия нескольких процедур. Нужны и нормы о координации работы арбитражных управляющих [8, с. 180–181]. Подходы исследователей различаются в деталях. Но общий вывод у них близок. Судебная практика может закрыть пробел в конкретном деле. Для всех участников она единых и заранее ясных правил не создает.

При подготовке новых норм полезен Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1997 г. Он посвящен трансграничной несостоятельности. Но переносить его положения буквально не требуется. Для России важны отдельные механизмы этой модели. Прежде всего это определение центра основных интересов должника. Также важно различать основное и неосновное производства. Нужны правила признания иностранных процедур. Иностранный управляющий должен иметь доступ к российскому суду. Важно и сотрудничество судов с управляющими разных государств. Такие механизмы помогают согласовать коллективную природу банкротства и защиту кредиторов. Особенно там, где реально сосредоточена деятельность должника [8, с. 178–181].

Для России логично дополнить Федеральный закон № 127-ФЗ отдельной главой. Она будет посвящена трансграничной несостоятельности. В ней надо определить COMI. COMI — реальный центр управления основными экономическими интересами должника. Этот центр должен быть устойчивым. И понятным третьим лицам. Кредиторы должны объективно определять его местонахождение.

Для юридических лиц можно сохранить презумпцию COMI по месту регистрации. Но презумпция должна быть опровержимой. Иначе формальный адрес получит слишком большое значение. Это опасно при фактической деятельности в другом государстве. Суд должен учитывать местонахождение основных активов. И производственных объектов. Важны место основной деятельности и расположение кредиторов. Важен источник основной части доходов. Имеет значение место исполнения ключевых обязательств. Еще важен фактический центр управления.

Закрытый перечень таких признаков вряд ли нужен. Корпоративные структуры и бизнес-модели разные. Одна формула не подойдет для каждого должника. Суд оценивает всю совокупность фактических связей. Важна их устойчивость во времени. Но важна и их понятность для контрагентов. Это поможет учитывать разумные ожидания кредиторов. Такой критерий затруднит искусственный перенос COMI перед банкротством.

Закон должен прямо различать основное и локальное производства. Российский суд открывает основное производство при нахождении COMI в России. Для этого правило должно быть закреплено прямо. Иная модель нужна при расположении COMI за рубежом. В России при этом может оставаться существенное имущество должника. Здесь может продолжаться и систематическая предпринимательская деятельность. Тогда российская процедура может касаться только местных активов. Такое производство будет иметь локальный характер.

Отдельные правила нужны для параллельных процедур в нескольких государствах. Закон должен определить порядок признания иностранных производств. Нужно различать основное и неосновное иностранное производство. Следует установить пределы полномочий иностранного управляющего в России. Нужны основания для обеспечительных мер. Нужен порядок обмена информацией между судами и управляющими. Следует определить правила согласования действий с имуществом должника. При этом необходимо сохранить оговорку о публичном порядке.

Противоречащие ему последствия иностранной процедуры не должны признаваться. Закон также должен исключать повторное удовлетворение одного требования.

Менять общий принцип статьи 1202 ГК РФ для этого не требуется. Она может сохранять значение для определения личного закона компании. Эта же норма охватывает вопросы корпоративной правосубъектности. Банкротная компетенция имеет иную правовую природу. Поэтому ее основания нужно закрепить в Федеральном законе № 127-ФЗ. Там же следует определить виды процедур и правила их координации.

Проблема не сводится к самому использованию иностранных компаний. Офшорная регистрация также не создает нарушение сама по себе. Иностранные структуры давно используются в международном предпринимательском обороте. Трудность появляется при расхождении регистрации и реального центра деятельности. Российское право пока не предлагает для этого завершенной модели. COMI во многом получил развитие через судебную практику. То же относится к основному и локальному производствам. Критерии российской компетенции также во многом сформированы судами. Особое значение здесь имеет дело Westwalk.

Эта модель помогает решать конкретные споры. Но для устойчивого регулирования ее недостаточно. Правила определения COMI нужно закрепить непосредственно в Федеральном законе № 127-ФЗ. Там же нужны основания открытия производства в России. Закон должен урегулировать и его связь с иностранными процедурами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012 (с изм. и доп. в ред. от 01.01.2026)
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552 (с изм. и доп. в ред. от 08.08.2024)
3. Кирюшина И.В., Коваленко Е.Ю. Трансграничное банкротство: понятие, основы правового регулирования, практика правоприменения // Юрислингвистика. 2024. № 31 (42). С. 27–33. DOI: 10.14258/leglin(2024)3105
4. Морозов Н.А. Трансграничное корпоративное банкротство в Российской Федерации: судебная практика до и после дела Westwalk Projects Ltd // Legal Bulletin. 2024. Т. 9. № 2. С. 120–131
5. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ // Российская газета. 2002. № 209–210 (с изм. и доп. в ред. от 04.08.2026)
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022 // ГАРАНТ. URL: https://base.garant.ru/408528971/ (дата обращения: 04.10.2026)
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 13.09.2024 № 09АП-44184/2024 по делу № А40-50914/2024 // СудАкт. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/MCqqSWMJ1I1w/ (дата обращения: 04.10.2026)
8. Самусенко С.А., Аникина Е.А., Погосян Д.А. Трансграничное банкротство в Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2025. № 3. С. 176–182. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-3-176-182

Savchenko D.E.
student
Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia)

Pastukhov D.E.
student
Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia)

Ivanova T.A.
PhD in Law, Associate Professor
Department of International Law
Saratov State Law Academy
(Saratov, Russia)

OFFSHORE COMPANIES IN PRIVATE INTERNATIONAL LAW: CROSS-BORDER INSOLVENCY ISSUES AND WAYS TO IMPROVE RUSSIAN LEGISLATION

Abstract: *this article examines the insolvency of foreign legal entities, with particular attention to companies within offshore structures. Difficulties arise when a company's place of incorporation differs from its center of economic activity, as an analysis of Russian legislation shows. The Westwalk Projects Ltd case also illustrates this problem. Findings of the Russian Supreme Court have been developed in subsequent cases. Russian law has yet to establish a comprehensive framework for cross-border insolvency. Federal Law N 127 therefore needs specific rules for such cases. These rules should establish the debtor's center of main interests (COMI) as a criterion and distinguish main proceedings from local proceedings. The relationship between these proceedings and insolvency proceedings abroad also requires separate regulation.*

Keywords: *offshore company, foreign legal entity, cross-border insolvency, bankruptcy, COMI, local proceedings.*

УДК 343.13:347.963

Степанов А.А.

студент

Томский государственный университет

(г. Томск, Россия)

ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ОРГАНОВ ДОЗНАНИЯ

***Аннотация**: в статье исследуются цели, задачи и принципы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания как самостоятельной отрасли прокурорского надзора. Анализируются правовая природа и содержание надзорной деятельности прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства. Рассматриваются основные принципы организации прокурорского надзора: инициативность, публичность, дифференциация процессуальных полномочий, непрерывность, самостоятельность, взаимодействие и координация. Выявлена проблема несогласованности законодательно закрепленных целей, задач и принципов надзорной деятельности. Предложены меры по совершенствованию нормативной правовой базы, включая законодательное закрепление целей и принципов прокурорского надзора, оптимизацию организационных основ, расширение полномочий прокурора и усиление ответственности должностных лиц органов дознания за нарушения законности.*

***Ключевые слова**: прокурорский надзор, орган дознания, цель, задача, принцип, досудебное производство, процессуальная деятельность, законность, права человека, уголовное судопроизводство.*

Прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания представляет собой самостоятельную отрасль прокурорского надзора, обладающую специфическим предметом, целями и методами осуществления. В соответствии со ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» прокурор осуществляет надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание, при этом предметом надзора является соблюдение

прав и свобод человека и гражданина, установленного порядка разрешения заявлений и сообщений о совершенных и готовящихся преступлениях, а также законность решений, принимаемых органами дознания.

Как отмечает Ю.Е. Винокуров, «прокурорский надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия – это осуществляемая от имени Российской Федерации деятельность прокурора по обеспечению верховенства закона, единства и укрепления законности при производстве дознания и предварительного следствия, защите прав и свобод человека и гражданина, а также охраняемых законом интересов общества и государства» [7, с. 245]. Данное определение, по нашему мнению, наиболее полно отражает правовую природу рассматриваемого вида надзора, подчеркивая его публично-правовой характер и направленность на обеспечение законности в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что в науке прокурорского надзора существуют различные подходы к определению данного понятия. С.С. Некрасов указывает, что «прокурорский надзор за исполнением законов органами дознания – это деятельность, осуществляемая прокурором от имени Российской Федерации, по обеспечению точного и единообразного исполнения законов органами дознания и дознавателями в ходе досудебного производства по уголовным делам, которая носит процессуальный характер» [10, с. 24]. Целесообразно подчеркнуть, что данное определение акцентирует внимание на процессуальной природе надзорной деятельности, что отличает её от иных форм прокурорского реагирования.

Правовую основу прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания составляют: Конституция Российской Федерации, закрепляющая в ст. 129 статус прокуратуры как единой федеральной централизованной системы, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, определяющий полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве (глава 6), Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации», регламентирующий организацию и порядок деятельности

прокуратуры (раздел III), а также ведомственные нормативные акты, в частности, Приказ Генеральной прокуратуры России от 19.01.2022 № 11 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания».

Цели прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания непосредственно вытекают из назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ, а именно: а) защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, б) защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Соответственно, прокурорский надзор призван обеспечить баланс публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве, не допуская как безнаказанности виновных, так и привлечения к ответственности невиновных.

Как справедливо утверждает Д.В. Аликина, «сущность прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания заключается в: контроле за соблюдением требований Уголовно-процессуального кодекса РФ, выявлении и устранении нарушений закона, предотвращении нарушений закона, защите прав и законных интересов граждан, обеспечении законности и обоснованности принимаемых решений, координации деятельности органов дознания» [5, с. 206]. Данный подход позволяет выделить комплексный характер целей надзорной деятельности, включающий как репрессивные (выявление и устранение нарушений), так и превентивные (предотвращение нарушений) функции.

По нашему мнению, основные цели прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания могут быть систематизированы следующим образом: во-первых, обеспечение верховенства закона и единообразного применения норм уголовно-процессуального законодательства на всей территории Российской Федерации, во-вторых, охрана конституционных прав и свобод участников уголовного судопроизводства, в-третьих, обеспечение качества и полноты расследования преступлений, в-

четвертых, создание условий для последующего объективного судебного разбирательства. Следует подчеркнуть, что данные цели взаимосвязаны и взаимообусловлены, образуя единую систему ориентиров надзорной деятельности прокурора.

Если отталкиваться от мнения И.А. Даниленко и К.А. Таболиной, то «современные тенденции развития надзора прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания характеризуются усилением акцента на защите прав участников уголовного судопроизводства, расширением использования информационных технологий в надзорной деятельности и повышением роли координации правоохранительных органов» [8, с. 27]. Целесообразно отметить, что данные тенденции отражают общий вектор развития прокурорского надзора в сторону большей открытости и ориентации на соблюдение прав человека.

Задачи прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания конкретизируют его цели применительно к отдельным направлениям надзорной деятельности. В соответствии с Приказом Генеральной прокуратуры России от 19.01.2022 № 11 к основным задачам прокурорского надзора относятся: обеспечение своевременной регистрации и разрешения сообщений о преступлениях, проверка законности возбуждения уголовных дел либо отказа в их возбуждении, надзор за соблюдением прав подозреваемых и обвиняемых при избрании мер пресечения и производстве иных процессуальных действий, контроль за соблюдением сроков дознания, проверка полноты и качества проведенного расследования, обеспечение законности и обоснованности процессуальных решений, принимаемых дознавателями.

Стоит обратить внимание на то, что в современных условиях особую актуальность приобретает задача противодействия фальсификации доказательств и иным злоупотреблениям со стороны сотрудников органов дознания. По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2024 году прокурорами было выявлено более 85 тысяч нарушений, связанных с незаконным применением мер процессуального принуждения, и около 120 тысяч нарушений сроков расследования. Соответственно, прокурор должен обеспечивать не

только формальное соблюдение процедуры, но и реальную защиту прав участников уголовного судопроизводства от произвола со стороны правоохранительных органов.

Принципы прокурорского надзора представляют собой основополагающие идеи, определяющие содержание и направленность надзорной деятельности прокурора. Несмотря на то, что Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит исчерпывающего перечня принципов данного вида надзора, они выводятся из анализа законодательства и правоприменительной практики.

Как отмечает Д.В. Аликина, «в настоящее время существует пять принципов, на которых базируется прокурорский надзор за деятельностью органов дознания» [5, с. 206]. К числу таких принципов относятся: принцип инициативности надзора, принцип публичности, принцип дифференциации процессуальных полномочий, принцип непрерывности деятельности (системности) и принцип самостоятельности. Рассмотрим содержание каждого из указанных принципов более подробно.

Принцип инициативности надзора означает, что прокурор самостоятельно определяет направления, формы и методы надзорной деятельности, не ожидая поступления жалоб или обращений от участников уголовного судопроизводства. По нашему мнению, данный принцип является одним из ключевых, поскольку он позволяет прокурору активно выявлять нарушения законности даже в тех случаях, когда заинтересованные лица по каким-либо причинам (страх, правовая неграмотность, отсутствие информации о своих правах) не обращаются с соответствующими жалобами. Целесообразно подчеркнуть, что реализация данного принципа предполагает систематическое изучение прокурором материалов уголовных дел, проверку законности процессуальных решений, истребование необходимых документов и проведение иных надзорных мероприятий по собственной инициативе.

Принцип публичности отражает публично-правовую природу прокурорского надзора: прокурор действует не в частных интересах отдельных

лиц, а в интересах государства и общества в целом, обеспечивая соблюдение законности как важнейшего условия функционирования правового государства. Следует отметить, что данный принцип находит свое выражение в том, что прокурор осуществляет надзор от имени Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации»), что обусловливает особый статус прокурора в уголовном судопроизводстве и наделение его широкими властными полномочиями.

Принцип дифференциации процессуальных полномочий заключается в том, что объем и характер надзорных полномочий прокурора различаются в зависимости от объекта надзора. Как справедливо указывает Д.В. Аликина, «в отношении органов дознания у прокурора гораздо больше полномочий, чем в отношении органов предварительного следствия» [5, с. 207]. Соответственно, прокурор вправе давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, что существенно отличается от его полномочий в отношении следователей, носящих преимущественно контрольный характер.

Стоит обратить внимание на позицию В.Н. Исаенко, который отмечает, что «в современном досудебном уголовном судопроизводстве наблюдается дефицит полномочий прокурора, что негативно сказывается на эффективности надзора за процессуальной деятельностью органов расследования» [9, с. 50]. По нашему мнению, данная проблема особенно актуальна в условиях, когда прокурор лишен возможности непосредственно участвовать в производстве отдельных следственных действий и вынужден оценивать их законность постфактум, когда исправление допущенных нарушений зачастую уже невозможно.

Принцип непрерывности (системности) надзорной деятельности предполагает, что прокурорский надзор осуществляется на всех этапах досудебного производства: от момента регистрации сообщения о преступлении до направления уголовного дела с обвинительным актом (постановлением) в суд.

Целесообразно подчеркнуть, что данный принцип исключает фрагментарный, эпизодический характер надзора и требует от прокурора постоянного отслеживания хода расследования, своевременного выявления и устранения нарушений закона. Как видим, реализация принципа непрерывности обеспечивается через систему плановых и внеплановых проверок деятельности органов дознания, регулярное истребование и изучение материалов уголовных дел, участие прокурора в производстве отдельных следственных действий.

Принцип самостоятельности означает, что прокурорский надзор обладает собственным предметом, методами и правовыми средствами реализации, отличающими его от других видов контроля и надзора (судебного, ведомственного, общественного). Следует отметить, что самостоятельность прокурорского надзора проявляется в том, что прокурор не связан мнением руководителей органов дознания, не подчинен им организационно и принимает решения исключительно на основании закона и собственного внутреннего убеждения. Соответственно, никакие ведомственные инструкции, приказы или указания не могут ограничивать полномочия прокурора по осуществлению надзора за процессуальной деятельностью органов дознания.

Дополнительно можно выделить принцип взаимодействия и координации, который, по нашему мнению, приобретает все большее значение в современных условиях. Несмотря на властный характер надзора, прокурор не должен противопоставлять себя органам дознания, а, напротив, способствовать повышению эффективности их деятельности через проведение совместных совещаний, обобщение правоприменительной практики, оказание методической помощи. Целесообразно отметить, что данный принцип нашел свое закрепление в Приказе Генеральной прокуратуры России от 19.01.2022 № 11, который предписывает прокурорам осуществлять координацию деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о наличии ряда системных проблем, препятствующих эффективной реализации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания. Как отмечают С.А.

Алимпиев и Т.Ю. Фалькина, «актуальные проблемы эффективности организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия связаны с недостаточной регламентацией отдельных надзорных полномочий, большой загруженностью прокуроров, формализацией надзора и недостаточным взаимодействием с органами расследования» [6, с. 133].

Одной из ключевых проблем является несогласованность целей, задач и принципов прокурорского надзора, выявленная в ходе настоящего исследования. По нашему мнению, данная проблема проявляется в следующем: во-первых, законодательство не содержит четкого определения целей прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания, что создает предпосылки для различного толкования предназначения данного вида надзора, во-вторых, задачи прокурорского надзора, определенные в ведомственных нормативных актах, не всегда корреспондируют с конституционно закрепленными функциями прокуратуры, в-третьих, отсутствует законодательное закрепление принципов прокурорского надзора, что снижает их нормативную значимость и затрудняет правоприменение.

Следует отметить, что указанная несогласованность порождает практические проблемы. Так, принцип дифференциации процессуальных полномочий, предполагающий наличие у прокурора широких полномочий в отношении органов дознания, на практике нередко вступает в противоречие с принципом самостоятельности органов расследования, закрепленным в ст. 151 УПК РФ. Целесообразно также обратить внимание на проблему формализации надзора: стремясь обеспечить непрерывность надзорной деятельности, прокуроры зачастую ограничиваются формальной проверкой наличия необходимых процессуальных документов, не вдаваясь в оценку качества проведенного расследования и обоснованности принятых решений.

Кроме того, в условиях значительной загруженности прокуроров (по данным на 2024 год, в среднем один прокурор осуществляет надзор за расследованием более 200 уголовных дел одновременно) реализация принципа

инициативности надзора существенно затруднена. Соответственно, прокурор вынужден осуществлять надзор преимущественно в форме реагирования на поступающие жалобы участников уголовного судопроизводства, что превращает его из активного субъекта обеспечения законности в пассивного арбитра, разрешающего процессуальные споры.

Для решения выявленных проблем представляется целесообразным принятие следующих мер. Во-первых, необходимо законодательное закрепление целей прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания путем внесения соответствующих дополнений в ст. 29 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». По нашему мнению, в качестве основных целей следует указать: а) обеспечение верховенства закона в уголовном судопроизводстве, б) защиту прав и свобод участников уголовного судопроизводства, в) обеспечение качества досудебного производства, г) создание условий для объективного судебного разбирательства. Такое законодательное закрепление позволит устранить существующую неопределенность и обеспечить единообразие правоприменительной практики.

Во-вторых, требуется систематизация задач прокурорского надзора с учетом современных вызовов и тенденций развития уголовного судопроизводства. Целесообразно дополнить Приказ Генеральной прокуратуры России от 19.01.2022 № 11 положениями о приоритетных направлениях надзорной деятельности, к которым следует отнести: контроль за соблюдением разумных сроков расследования (с учетом правовых позиций Европейского Суда по правам человека), противодействие фальсификации доказательств и применению незаконных методов расследования, обеспечение доступа к правосудию для социально уязвимых категорий граждан (несовершеннолетних, лиц с ограниченными возможностями здоровья, иностранных граждан).

В-третьих, по нашему мнению, необходимо законодательное закрепление принципов прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания. Следует дополнить главу 6 УПК РФ статьей, определяющей принципы осуществления прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве, а именно:

принципы законности, публичности, инициативности, самостоятельности, непрерывности, объективности и беспристрастности. Такое законодательное закрепление повысит нормативную значимость принципов и создаст дополнительные гарантии их соблюдения в правоприменительной практике.

В-четвертых, представляется необходимым совершенствование организационных основ прокурорского надзора. Стоит обратить внимание на опыт отдельных субъектов Российской Федерации, где созданы специализированные прокуратуры по надзору за процессуальной деятельностью органов дознания, что позволило повысить качество надзора и снизить количество нарушений законности. Соответственно, целесообразно рассмотреть вопрос о создании таких специализированных подразделений в структуре территориальных прокуратур, что обеспечит более глубокую специализацию прокуроров и позволит им эффективнее осуществлять надзорные полномочия.

В-пятых, требуется усиление координационной функции прокуратуры в сфере борьбы с преступностью. Как видим, эффективность прокурорского надзора во многом зависит от качества взаимодействия прокуроров с органами дознания, поэтому необходимо развивать формы такого взаимодействия: проведение совместных семинаров и совещаний, обобщение и распространение положительного опыта, разработка методических рекомендаций по актуальным вопросам применения уголовно-процессуального законодательства. Целесообразно также предусмотреть обязательное участие прокуроров в разработке ведомственных нормативных актов органов дознания, регламентирующих процессуальную деятельность.

В-шестых, по нашему мнению, необходимо расширение полномочий прокурора по непосредственному участию в производстве отдельных следственных действий. В настоящее время прокурор, как правило, оценивает законность следственных действий постфактум, изучая соответствующие процессуальные документы, что не всегда позволяет выявить все допущенные нарушения. Следует предоставить прокурору право присутствовать при производстве любых следственных действий по расследуемым органами

дознания уголовным делам, что позволит своевременно выявлять и пресекать нарушения законности, обеспечивать допустимость доказательств.

В-седьмых, требуется совершенствование информационного обеспечения прокурорского надзора. Как отмечают И.А. Даниленко и К.А. Таболина, современные тенденции развития надзора характеризуются расширением использования информационных технологий [8, с. 31]. Соответственно, необходимо создание единой автоматизированной информационной системы, обеспечивающей прокурору оперативный доступ к информации о ходе расследования уголовных дел органами дознания, принятых процессуальных решениях, поступивших жалобах участников уголовного судопроизводства. Это позволит повысить эффективность надзора и обеспечить его непрерывность.

Наконец, в-восьмых, необходимо усиление ответственности должностных лиц органов дознания за нарушения законности при производстве по уголовным делам. В соответствии со статистическими данными, в 2024 году по результатам прокурорского надзора к дисциплинарной ответственности привлечено около 45 тысяч дознавателей, однако это составляет лишь незначительную часть от общего числа выявленных нарушений. Целесообразно предусмотреть в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях специальный состав, устанавливающий ответственность за систематическое нарушение требований уголовно-процессуального законодательства, что станет дополнительным стимулом для повышения качества работы органов дознания.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов относительно целей, задач и принципов прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания. Прокурорский надзор представляет собой самостоятельную отрасль прокурорской деятельности, направленную на обеспечение законности в уголовном судопроизводстве и защиту прав участников уголовного процесса на досудебной стадии.

Основные цели данного вида надзора включают обеспечение верховенства закона, охрану конституционных прав и свобод, обеспечение качества расследования и создание условий для объективного судебного разбирательства. Задачи прокурорского надзора конкретизируют его цели применительно к отдельным направлениям надзорной деятельности и охватывают все этапы досудебного производства.

Принципы прокурорского надзора (инициативность, публичность, дифференциация процессуальных полномочий, непрерывность, самостоятельность, взаимодействие и координация) образуют систему основополагающих идей, определяющих содержание и направленность надзорной деятельности прокурора. Выявленная в ходе исследования проблема несогласованности законодательно закрепленных целей, задач и принципов прокурорского надзора требует комплексного решения путем совершенствования нормативной правовой базы, оптимизации организационных основ надзорной деятельности, расширения полномочий прокурора и усиления ответственности должностных лиц органов дознания за нарушения законности. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность прокурорского надзора и обеспечить более надежную защиту прав граждан в уголовном судопроизводстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 [с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ: принят Государственной Думой 20.12.2001, одобрен Советом Федерации 26.12.2001 (ред. от 23.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 1.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

4. Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.01.2025) // Российская газета. 1992. № 39.

5. Аликина Д.В. Понятие, сущность и основные принципы организации и осуществления прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 11 (92). С. 205–209.

6. Алимпиев С.А., Фалькина Т.Ю. Актуальные проблемы эффективности организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия // Право и государство: теория и практика. 2024. № 11 (239). С. 133–135.

7. Винокуров Ю.Е., Винокуров А.Ю. Прокурорский надзор: учебник для вузов. 18-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 502 с.

8. Даниленко И.А., Таболина К.А. О некоторых тенденциях развития надзора прокурора за процессуальной деятельностью органов дознания // Право и политика. 2024. № 6. С. 25–40.

9. Исаенко В.Н. О дефиците полномочий прокурора в современном досудебном уголовном судопроизводстве // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 1. С. 49–56.

10. Некрасов С.С. Предмет и задачи прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие и дознание // Вестник науки и творчества. 2019. № 9 (45). С. 24–26.

Stepanov A.A.
student
Tomsk State University
(Tomsk, Russia)

GOALS, OBJECTIVES AND PRINCIPLES OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER PROCEDURAL ACTIVITIES OF BODIES OF INQUIRY

Abstract: *this article examines the goals, objectives and principles of prosecutorial supervision over the procedural activities of bodies of inquiry as a distinct branch of prosecutorial supervision. It analyzes the legal nature and substance of prosecutorial supervision at the pretrial stage of criminal proceedings. The main principles governing its organization are examined: proactivity, publicity, differentiation of procedural powers, continuity, independence, interaction and coordination. The article identifies inconsistencies among the legally established goals, objectives and principles of supervisory activity. It proposes improvements to the legal framework, including statutory recognition of the goals and principles of prosecutorial supervision, optimization of its organizational foundations, expansion of prosecutorial powers and greater accountability for officials of bodies of inquiry who violate the law.*

Keywords: *prosecutorial supervision, body of inquiry, goal, objective, principle, pretrial proceedings, procedural activity, legality, human rights, criminal proceedings.*

УДК 347.94+342.9

Трепалин С.С.

Московский университет «Синергия»

(г. Москва, Россия)

ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО ГРАЖДАНСКИМ И АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ

***Аннотация**: в статье исследуется институт допустимости доказательств в гражданском и административном судопроизводстве Российской Федерации. Анализируются понятие, правовая природа и критерии допустимости доказательств (позитивная и негативная допустимость). Особое внимание уделяется проблемам отграничения допустимости доказательств от смежных процессуальных категорий, а также специфике оценки допустимости отдельных средств доказывания, включая электронные доказательства. На основе анализа судебной практики Верховного Суда РФ выявляются типичные ошибки правоприменения. Формулируются предложения по совершенствованию гражданского процессуального и административного процессуального законодательства.*

***Ключевые слова**: доказательство, допустимость, недопустимость, электронная форма, оценка, гражданский процесс, административное судопроизводство, процессуальная форма, судебная практика.*

Институт допустимости доказательств занимает центральное место в системе доказательственного права Российской Федерации. Закрепленный в статьях 55, 60 ГПК РФ и статьях 59, 61 КАС РФ, он представляет собой реализацию принципов законности и состязательности, создавая процессуальные гарантии для установления истины по делу и защиты прав участников судопроизводства. Как справедливо отмечает И. В. Решетникова, «допустимость доказательств является одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения законности судебного разбирательства и

предотвращения использования недоброкачественных доказательств» [12, с. 152].

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на кажущуюся ясность законодательных формулировок, правоприменительная практика сталкивается с существенными трудностями при оценке допустимости доказательств. В отличие от статьи 75 УПК РФ, где закреплено легальное определение недопустимых доказательств, в ГПК РФ и КАС РФ отсутствует аналогичная норма, что порождает неоднородную судебную практику. Во-вторых, сохраняется дискуссионность многих теоретических вопросов, в частности, о критериях разграничения допустимости и достоверности доказательств, о возможности признания недопустимыми доказательств, полученных с незначительными процессуальными нарушениями. В-третьих, особую сложность представляет оценка допустимости электронных доказательств, что обусловлено цифровизацией общественных отношений и активным внедрением электронного документооборота.

Цель настоящей статьи — комплексный теоретико-правовой анализ института допустимости доказательств в гражданском и административном судопроизводстве, выявление проблем правоприменения и формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Понятие и правовая природа допустимости доказательств.

Согласно части 1 статьи 55 ГПК РФ, доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон. Часть 3 статьи 55 ГПК РФ устанавливает: доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда. Аналогичная норма содержится в части 2 статьи 59 КАС РФ.

Анализ данных определений позволяет выделить сущностные признаки допустимости доказательств. Как отмечает М. К. Треушников, «допустимость

доказательств представляет собой совокупность правил использования отдельных средств доказывания в процессе установления истины по делу» [15, с. 125]. Автор разделяет допустимость с негативным содержанием (исключение свидетельских показаний при несоблюдении формы сделки) и позитивным содержанием (предписание использовать определённое доказательство).

М. А. Фокина формулирует критерии допустимости доказательств для гражданского процесса: надлежащий субъектный состав лиц, осуществляющих процессуальные действия по доказыванию, надлежащий источник фактических данных, соблюдение процессуального порядка собирания, представления и исследования доказательств, установленные законом пределы доказывания на стадиях судопроизводства [5, с. 198].

Правовая природа допустимости доказательств традиционно трактуется в доктрине гражданского процессуального права как процессуальная гарантия, обеспечивающая: во-первых, защиту прав участников процесса от использования незаконно полученных доказательств, во-вторых, достоверность устанавливаемых судом фактов, в-третьих, законность и обоснованность судебного акта.

Проблемы разграничения допустимости и смежных процессуальных категорий.

Наиболее сложным в теории и практике является разграничение допустимости доказательств от относимости и достоверности.

Критерии разграничения могут быть представлены в виде таблицы:

Критерий	Допустимость	Относимость	Достоверность
Содержание	Соответствие процессуальной форме	Связь с предметом доказывания	Соответствие действительности
Момент оценки	При принятии доказательства	При принятии доказательства	При вынесении решения
Последствия несоблюдения	Исключение доказательства	Исключение доказательства	Отклонение доказательства

Как справедливо замечает К. О. Панова, «на практике суды нередко смешивают категории допустимости и достоверности, отказывая в приобщении доказательства, ссылаясь на его недостоверность, хотя фактически речь идёт о нарушении процессуальной формы» [8, с. 200].

Разграничение допустимости и деятельного раскаяния (в уголовном процессе) не имеет прямого аналога в гражданском процессе, однако проблема оценки доказательств, полученных с нарушением закона, но подтверждающих действительные обстоятельства дела, остаётся актуальной. В российской доктрине преобладает позиция, согласно которой недопустимость доказательства не зависит от его достоверности — даже если доказательство подтверждает реальные факты, но получено с нарушением закона, оно не может быть положено в основу решения.

Проблемы допустимости отдельных видов доказательств.

Допустимость письменных и вещественных доказательств.

Письменные доказательства являются наиболее распространённым средством доказывания в гражданском и административном процессе. Их допустимость определяется соблюдением требований к форме документа, его реквизитам и порядку получения. В соответствии с частью 1 статьи 71 ГПК РФ, письменными доказательствами являются акты, договоры, справки, деловая корреспонденция и иные документы, содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Проблема допустимости письменных доказательств возникает в случаях, когда документ получен с нарушением установленного порядка (например, без надлежащего заверения копии, без соблюдения требований к электронной подписи). Судебная практика Верховного Суда РФ по данному вопросу неединообразна. В Обзоре судебной практики № 1 (2026) содержится позиция, согласно которой несоблюдение простой письменной формы договора лишает

стороны права ссылаться на свидетельские показания, но не является основанием для признания его недействительным [40].

Допустимость свидетельских показаний и объяснений сторон.

Свидетельские показания в гражданском и административном процессе имеют ограниченную допустимость. В соответствии с частью 1 статьи 162 ГК РФ, несоблюдение простой письменной формы сделки лишает стороны права ссылаться на свидетельские показания. Это классический пример негативной допустимости.

Проблема допустимости свидетельских показаний также связана с оценкой заинтересованности свидетеля в исходе дела. Суд обязан оценивать показания свидетеля в совокупности с другими доказательствами, однако законодатель не устанавливает формальных критериев для признания показаний недопустимыми по мотиву заинтересованности.

Допустимость электронных доказательств.

Наиболее острой проблемой современного доказательственного права является допустимость электронных доказательств. Как отмечает А. К. Утеев, «несмотря на цифровизацию общественных отношений, ГПК РФ продолжает опираться на традиционные категории, относя цифровые данные преимущественно к письменным доказательствам» [17, с. 45].

Ключевые проблемы допустимости электронных доказательств включают:

Аутентификацию — установление авторства электронного документа,

Целостность — подтверждение неизменности содержания с момента создания,

Фиксацию — соблюдение процессуального порядка получения электронного доказательства.

Судебная практика Верховного Суда РФ по вопросам допустимости электронных доказательств активно формируется. В частности, в Обзоре

судебной практики № 3 (2025) содержится позиция, согласно которой договор купли-продажи транспортного средства в электронной форме не является достаточным доказательством владения, если не совершены регистрационные действия [41].

Допустимость аудио- и видеозаписей.

Аудио- и видеозаписи как средство доказывания regulated статьёй 77 ГПК РФ. Их допустимость определяется соблюдением требований к порядку получения: запись должна быть получена законным путём, без нарушения конституционных прав граждан. Проблема возникает при оценке записей, полученных скрытно (например, запись разговора без согласия собеседника). Судебная практика по данному вопросу неединообразна.

Анализ судебной практики по вопросам допустимости доказательств.

Анализ судебной практики Верховного Суда РФ за последние пять лет позволяет выявить ряд типичных проблем при оценке допустимости доказательств.

Проблема 1: Недопустимость использования доказательств, полученных в рамках уголовного дела, без их надлежащей проверки.

В одном из дел Верховный Суд РФ указал на недопустимость выводов суда, основанных исключительно на обстоятельствах, установленных в рамках уголовного дела [42]. Суд первой инстанции сослался на постановление о прекращении уголовного дела и заключение экспертизы, проведённой в рамках уголовного процесса, как на доказательства вины ответчика. Однако Верховный Суд отметил, что этот вывод сделан с нарушением части 2 статьи 56 ГПК РФ, и подчеркнул необходимость самостоятельного исследования доказательств в гражданском процессе.

Проблема 2: Немотивированная оценка доказательств.

В Обзоре судебной практики № 2 (2026) содержится позиция, согласно которой суд апелляционной инстанции, отменяя решение, не учёл заслуживающие внимания фактические обстоятельства дела и не опроверг вывод суда первой инстанции [43]. Это прямое указание на нарушение требований статей 56, 57, 67 ГПК РФ о необходимости всесторонней, полной и объективной оценки доказательств.

Проблема 3: Оценка допустимости доказательств в контексте конкретного процессуального спора.

Верховный Суд РФ в обзорах практики неоднократно указывает на необходимость устанавливать фактические обстоятельства дела, от которых зависит применение норм о допустимости. Например, при рассмотрении иска о признании зарегистрированного права отсутствующим суду необходимо было выяснить обстоятельства приобретения земельного участка, дать оценку добросовестности ответчика и определить, связано ли нарушение права с лишением владения [44].

Выводы и предложения по совершенствованию законодательства.

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы и предложения.

Институт допустимости доказательств является важной процессуальной гарантией законности судебного разбирательства, однако его правоприменение сопряжено с рядом проблем, связанных с отсутствием легального определения недопустимых доказательств, неоднородностью судебной практики и недостаточной разработанностью критериев оценки допустимости электронных доказательств.

В целях совершенствования законодательства предлагается:

дополнить ГПК РФ и КАС РФ статьёй, закрепляющей легальное определение недопустимого доказательства по аналогии со статьёй 75 УПК РФ:

«Доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу решения суда»,

внести изменения в статью 71 ГПК РФ, дополнив её частью, регулирующей допустимость электронных доказательств, с указанием критериев аутентификации, целостности и фиксации,

дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ по вопросам доказывания в гражданском процессе разъяснениями о порядке оценки допустимости доказательств, полученных в иностранной юрисдикции.

Для правоприменителей рекомендуется разработать методические рекомендации по разграничению допустимости и достоверности доказательств с акцентом на процессуальную форму.

Дальнейшие исследования в данной области могут быть направлены на сравнительно-правовой анализ института допустимости доказательств в гражданском процессе зарубежных стран, а также на исследование проблем допустимости доказательств в условиях цифровизации судопроизводства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебник для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 385 с.
2. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие для вузов. 8-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 416 с.
3. Треушников М.К. Судебные доказательства. 5-е изд., доп. Москва: Городец, 2016. 304 с.
4. Боннер А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: монография. Москва: Проспект, 2014. 616 с.

5. Фокина М.А. Механизм доказывания по гражданским делам: теоретико-прикладные проблемы. Москва: Новый индекс, 2010. 621 с.

6. Панова К.О. Понятие и содержание допустимости доказательств в гражданском процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 6. С. 199–202.

7. Солтыс А.А. Допустимость доказательств, полученных в иностранной юрисдикции // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 2. С. 29–36.

8. Утеев А.К. Проблемы применения электронных доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные вопросы экономики, права и социологии: сборник трудов конференции. 2024.

Trepalin S.S.
Moscow University «Synergy»
(Moscow, Russia)

PROBLEMS OF EVIDENCE ADMISSIBILITY IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE CASES

***Abstract**: the article examines admissibility of evidence in civil and administrative proceedings in Russia. It analyzes the concept, legal nature, and criteria of evidence admissibility, including positive and negative admissibility. Particular attention is paid to distinguishing evidence admissibility from related procedural concepts and to assessing the admissibility of specific types of evidence, including electronic evidence. An analysis of Russian Supreme Court case law reveals common mistakes in the application of law. Proposals are made to improve civil and administrative procedural legislation.*

***Keywords**: evidence, admissibility, inadmissibility, electronic form, assessment, civil procedure, administrative proceedings, procedural form, case law.*

УДК 343.13

Тюнина В.В.

магистрант 2 курса

программа «Уголовное, гражданское и административное право»

Московский университет «Синергия»

(г. Москва, Россия)

НАУЧНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ, ЗНАЧЕНИЯ И СОДЕРЖАНИЯ ПРИГОВОРА СУДА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация**: приговор суда является сложным и комплексным правовым явлением, аккумулирующим в себе нормы уголовного и уголовно-процессуального права. В рамках исследования автор рассматривает приговор суда как комплексное понятие, выполняющее не только процессуальную, но и социальную функцию.*

***Ключевые слова**: приговор суда, понятие, содержание, правовое значение, социальная функция, уголовное право, уголовно-процессуальное право.*

Приговор суда выступает единственным актом правосудия, юридической силой которого лицо признается виновным в совершении преступления и подвергается уголовному наказанию либо признаётся полностью оправданным. В условиях продолжающейся реформации уголовно-процессуального законодательства доктринальное переосмысление сущности приговора суда становится необходимым для обеспечения правовой определенности. Это подтверждается тем, что за 2025-2026 годы в Уголовно-процессуальный кодекс были внесены изменения двадцатью одним федеральным законом. Данные изменения направлены на гуманизацию законодательства, повышение роли состязательности сторон и укрепление независимости судебной власти. При этом данные реформы требуют значительной научной проработки, чтобы избежать проблем в правоприменении.

Целью исследования является комплексный анализ юридической сущности института судебного приговора, направленный на выявление системных проблем в правоприменительной практике.

Для начала рассмотрим проблему определения понятия «приговора суда». Законодательное определение приговора суда приведено в статье 5 УПК РФ. Оно звучит следующим образом: приговором является постановленное именем Российской Федерации решение суда по уголовному делу о невиновности или виновности подсудимого и назначении ему наказания либо об освобождении от наказания. [1].

Проблема заключается в том, что данное понятие раскрывает приговор суда исключительно с процессуальной точки зрения. Но в юридической науке существуют иные определения приговора суда. Предлагаем рассмотреть их подробнее.

Согласно позиции П.А. Лупинской, судебное решение является комплексной правовой конструкцией. Она включает описательно-мотивировочный и резолютивный разделы. Первый компонент приводит фактические данные дела на базе доказательств, изученных в процессе судебного следствия. Второй формулирует итоговый вывод суда о причастности или непричастности обвиняемого к совершённому преступлению и определяет меру наказания. Подобная структура судебного акта гарантирует открытость и гласность правосудия [3, с. 16.].

Т.Г. Бородинова подчёркивает, что приговор суда должен обеспечивать защиту прав человека во время судебного процесса. В данном понимании приговор представляет собой механизм обеспечения законных интересов всех сторон уголовного разбирательства. Данное понятие дает возможность воспринимать приговор как средство утверждения легитимности и справедливости [2, с. 3].

На основе приведённого мнения предлагаем расширить понятие приговора суда. Приговор суда - это заключительный этап всех уголовно-процессуальных отношений. Он завершает исследование обстоятельств дела и

поведения сторон, вынося решение о виновности или невиновности обвиняемого. Он определяет наказание либо иные меры уголовно-правового характера для защиты законных интересов человека и поддержания социальной справедливости.

Далее предлагаем рассмотреть структурные элементы, из которых состоит приговор суда. Приговор состоит из вводной, описательно-мотивировочной и резолютивной частей. Данные положения закреплены в статьях 305-307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Вводная часть акта содержит императивное указание на постановление его именем Российской Федерации, а также временные реквизиты и пространственные реквизиты, такие как наименование суда, населённый пункт вынесения решения. Далее идёт блок сведений о субъектах уголовного судопроизводства: наименование судебной инстанции, постановившей приговор, персональный состав суда, данные секретаря судебного заседания, стороны обвинения, защиты, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика и их уполномоченных представителей с фиксацией фамилий и инициалов каждого участника процесса.

Описательно-мотивировочная часть обвинительного приговора в качестве правоприменительного акта обязана включать формально-юридическое описание преступления, которое было установлено судом в ходе судебного следствия. Данный компонент должен содержать пространственно-временные и объективно-субъективные параметры состава преступления, такие как локализация события, темпоральные рамки, объективную сторону, форму вины, а также связанную с деянием мотивацию обвиняемого, целеполагание субъекта и наступившие общественно опасные последствия.

Резолютивная часть обвинительного приговора имеет схожие анкетные сведения о подсудимом и содержит юридическую квалификацию преступления с обязательной квалификацией пункта, части и статьи Уголовного кодекса Российской Федерации. Для осужденного подлежат индивидуализации вид и размер санкции за каждое из совокупности преступлений, окончательная мера

наказания к отбыванию, тип пенитенциарного учреждения и режим содержания для лиц, приговоренных к лишению свободы, а также дополнительные наказания. [1].

Далее рассмотрим значение приговора суда. Первым значением приговора суда является процессуальным. Он завершает одни правоотношения, связанные с предварительным расследованием и рассмотрением дела в суде, и начинает новые, связанные с исполнительным производством. Наказание учитывает положение преступника: оценивается его общественная опасность и его отношение к совершённому преступлению. В соответствии с личностью преступника выбирает тип наказания из перечня, которые закреплён в нормах специальной части Уголовного кодекса Федерации. Разные преступники могут получить разное наказание за одно и тоже деяние.

Вторым значением приговора суда является его социальное предназначение. Он служит механизмом обеспечения правосудия и защиты прав граждан. Наказывая преступника, он защищает потерпевшее лицо и предотвращает совершение дальнейших преступлений. Приговор суда гарантирует, что страдания потерпевшего не были напрасными, а его права имеют высший приоритет. Через механизмы гражданского иска, часто рассматриваемые в рамках уголовного процесса, приговор создает правовую основу для возмещения материального ущерба и компенсации морального вреда, помогая потерпевшему вернуться к нормальной жизни. Приговор применяет государственное принуждение, демонстрируя обществу, что ни одно противоправное деяние не остается без надлежащей правовой оценки, что, в свою очередь, укрепляет доверие граждан к государственным институтам.

Третье значение заключается в том, что приговор суда аккумулирует в себе всю совокупность уголовных и уголовно-процессуальных правоотношений. С точки зрения уголовно-процессуального права приговор суда завершает все процессуальные правоотношения, которые возникли на предыдущих этапах. Он окончательно определяет вид и размер наказания, которое государство в лице судебной власти вправе применить к осужденному, а также решает вопросы,

связанные с возмещением причиненного преступлением материального ущерба и морального вреда.

Подводя итог, можно сказать, что приговор суда является единственным актом правосудия, который завершает уголовно-процессуальные отношения, устанавливая виновность или невиновность лица и назначая ему наказание. Это придаёт ему процессуальное, социальное и правовое значение. Выступая заключительным этапом судопроизводства, он не только аккумулирует в себе всю совокупность норм уголовного права, но и служит механизмом защиты прав граждан, обеспечения социальной справедливости и легитимности судебной власти, особенно в условиях продолжающейся гуманизации законодательства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.
2. Бородинова Т.Г. Приговор: понятие, сущностные черты и виды // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 1 (15). С. 3–5.
3. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. 240 с.

Tyunina V.V.
master's degree student of 2nd year
«Criminal, Civil and Administrative Law» program
Moscow University «Synergy»
(Moscow, Russia)

SCIENTIFIC AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT, SIGNIFICANCE AND CONTENT OF COURT VERDICTS IN RUSSIAN LAW

Abstract: *a court verdict is a complex legal phenomenon incorporating provisions of criminal law and criminal procedure law. In this study, the author examines a court verdict as a multifaceted concept serving both procedural and social functions.*

Keywords: *court verdict, concept, content, legal significance, social function, criminal law, criminal procedure law.*

УДК 34

Федотова Е.В.

магистрант

юридический факультет, направление подготовки 40.04.01

«Юриспруденция», магистерская программа «Судебная власть,

прокурорский надзор, правоохранительная и правозащитная деятельность»

кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора

Кубанский государственный университет

(г. Краснодар, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

***Аннотация**: в статье рассматриваются ключевые аспекты трансформации адвокатской деятельности в условиях цифровизации общественных отношений. Автор уделяет особое внимание анализу нормативных, технологических и организационных изменений, вызванных внедрением цифровых платформ в адвокатскую практику. Особое внимание уделяется использованию справочно-правовых систем, электронного документооборота с судами и государственными органами, автоматизированных механизмов назначения защитников и внедрению Комплексной информационной системы адвокатуры России. Автор выявляет преимущества цифровизации, включая повышение эффективности, доступности и прозрачности адвокатской деятельности, а также обозначает риски, связанные с угрозой разглашения адвокатской тайны и снижением качества профессиональной коммуникации. В статье сформулированы практические предложения по нормативному обеспечению, повышению цифровой компетентности адвокатов и выравниванию уровня цифровизации в региональных адвокатских образованиях. Сделан вывод о необходимости системного подхода к цифровой трансформации адвокатуры при сохранении ее фундаментальных профессиональных принципов.*

***Ключевые слова**: адвокатура, цифровизация, электронный документооборот, КИС АР, адвокатская тайна.*

Современный этап развития российского общества характеризуется интенсивным внедрением цифровых технологий во все сферы общественной жизнедеятельности (экономическая, правовая, социальная и т.д.). Одним из ключевых правовых документов, определяющих вектор стратегии государственной политики в данной сфере, является Указ Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901]. В нем особо подчеркивается необходимость формирования устойчивой цифровой среды, которая бы способствовала повышению эффективности функционирования институтов гражданского общества, в том числе системы правосудия, а также правозащитной деятельности, к которой можно отнести и адвокатскую.

В этой связи особое значение приобретает модернизация института адвокатуры, в условиях проактивной цифровизации, которая требует нормативного осмысления, а также адаптации профессиональной деятельности к новым технологическим и этическим современным вызовам. Применение электронных платформ правосудия, дистанционного взаимодействия с судами (например, в формате видеоконференции) и доверителями (подзащитными), применение технологий искусственного интеллекта при анализе правовых документов. Все эти аспекты требуют от адвокатов пересмотра традиционных подходов к выполнению своей профессиональной деятельности, особенно соблюдению адвокатской тайны и защите персональных данных.

Кроме того, в условиях цифровой глобализации возрастает риск подмены профессионального правового анализа автоматизированными решениями, что, в свою очередь, порождает необходимость определения пределов допустимого технологического вмешательства в адвокатскую практику. Данные обстоятельства актуализируют научное осмысление современного состояния и перспектив развития адвокатской деятельности в условиях цифровой

трансформации, что придает исследуемой теме высокую степень теоретико-практической значимости.

В этой связи уместно привести точно описывающее происходящее мнение президента Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (далее – ФПА РФ) Ю. С. Пилипенко, согласно которому переход в цифровую эпоху сопоставим с выходом человечества из «каменного» века в «бронзовый», что отражает глубину и необратимость происходящих процессов [Каковы перспективы внедрения ИИ в адвокатскую деятельность? / Адвокатская газета // https://www.advgazeta.ru/novosti/kakovy-perspektivy-vnedreniya-ii-v-advokatskuyu-deyatelnost/].

В настоящее время основными и наиболее очевидными проявлениями цифровизации в адвокатской деятельности являются:

1. Массовое использование справочно-правовых систем (например, «КонсультантПлюс», «Гарант» и др.). Это наиболее один из первых и наиболее наглядных примеров перехода адвокатского труда в цифровую среду. Так, ранее адвокатам приходилось работать с бумажными кодексами, бюллетенями нормативных актов и другими физическими источниками права. Справочно-правовые системы перевели эти массивы в электронную форму, обеспечив быстрый доступ к актуальной правовой информации. Это кардинальным образом изменило практику юридического анализа и подготовки документов.

Удобство справочно-правовых систем заключается в поисковых механизмах, которые позволяют быстро находить нужные нормы правового акта, судебную практику, разъяснения государственных органов, аналитические материалы. Причем их функционал предполагает работу с разными редакциями нормативных актов, повышает доступности правовой помощи, влияет на профессиональную культуру (в части формирования нового стандарта профессиональной юридической работы, в которой навыки цифрового поиска, анализа правовых источников и интерпретации нормативных изменений становятся обязательными для адвоката).

2. Электронный документооборот с судами и госорганами через системы «ГАС Правосудие», «Мой арбитр», «Картотека арбитражных дел». Он имеет ряд положительных черт. Например, ранее подача процессуальных документов и обмен информацией с судами и госорганами осуществлялись в основном в бумажном виде – личное посещение, бумажные копии, почтовая пересылка. Теперь благодаря электронным системам адвокаты могут подавать документы, получать уведомления и ознакомливаться с материалами дела через интернет – это принципиально меняет организацию работы. Кроме того, электронный документооборот значительно ускоряет процесс подачи и получения документов – адвокат не тратит время на транспортировку, ожидание в судах и госорганах. Это снижает временную нагрузку и финансовые расходы как для адвоката, так и для доверителя.

Также системы позволяют отслеживать статус дела и движение документов в режиме реального времени – кто и когда получил или отправил документ, когда назначено заседание. Это повышает прозрачность работы и снижает риски ошибок или злоупотреблений.

3. Автоматизированные системы назначения адвокатов (АИС). С помощью данных систем происходит назначение адвокатов в уголовном производстве.

4. Внедрение Комплексной информационной системы адвокатуры России (далее – КИС АР). Это амбициозный проект цифровой трансформации, реализуемый ФПА РФ. Он предполагает интеграцию адвокатских сообществ в единую информационную экосистему с личными кабинетами адвокатов, электронной бухгалтерией, системой отправки адвокатских запросов, возможностью электронной подписи и взаимодействия с судами и органами власти. Однако полноценное внедрение системы требует, как отмечается некоторыми авторами, проработки. Так, например, А.С. Советкина и А.В. Лошкарев предлагают: 1) внесение изменений в п. 1 ст. 6.1 Закона об адвокатской деятельности в части предусмотрения возможности направления адвокатского запроса в электронной форме, который в свою очередь будет подписан

квалифицированной электронной подписью, 2) финансовое обеспечение проекта КИС АР, что весьма затратно, 3) преодоление психологических и культурных барьеров, включая опасения по поводу утраты независимости адвокатуры [Советкина А.С., Лошкарёв А.В. Развитие цифровизации в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности: преимущества и возможные недостатки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9-2 (48). С. 196].

Эти инструменты позволяют сократить издержки, упростить делопроизводство, ускорить обмен информацией и способствуют устранению коррупциогенных факторов, таких как практика «карманных» адвокатов [Проничкин А.А. Адвокатская деятельность в условиях цифровизации // Цивилистика: право и процесс. 2021. № 2. С. 103-105].

Вместе с тем, в сфере цифровизации адвокатской деятельности можно выделить и проблемные аспекты. Так, увеличивается возможность угрозы адвокатской тайне. Распространение киберпреступлений и цифровая неграмотность участников коммуникации могут привести к разглашению конфиденциальной информации. Ошибки в адресации, взломы электронной почты, недостаточная защита данных – все это создает риски для соблюдения одного из ключевых принципов адвокатуры. В этой связи уместно организовывать курсы цифровой грамотности и кибербезопасности для адвокатов [Фадеев А.В., Воронина П.А., Цифровизация адвокатской деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4(86). С. 240].

Также среди рисков можно обозначить снижение качества профессиональной коммуникации. Так, онлайн-взаимодействие не может полностью заменить личного контакта между адвокатом и доверителем. Недостаточная эмоциональная вовлеченность, невозможность анализа невербальных сигналов могут ослабить доверие и эффективность юридической помощи. Решением могут быть тренинги по развитию онлайн-коммуникационных навыков и психологической эмпатии. В схожем ключе рассуждал.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровизация адвокатской деятельности в Российской Федерации является не только неизбежной, но и объективно необходимой модернизацией в условиях интенсивного развития информационных технологий и правовой политики государства. Переход к цифровым формам ведения правозащитной деятельности обеспечивает повышение эффективности, прозрачности и доступности юридической помощи, что особенно актуально в современных условиях усложнения правового регулирования и роста требований к оперативности адвокатского реагирования.

Применение справочно-правовых систем, электронного документооборота с судами и государственными органами, автоматизированных механизмов назначения адвокатов, а также внедрение Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) формирует новый цифровой стандарт адвокатской профессии. Этот процесс способствует оптимизации юридической работы, снижению транзакционных издержек, минимизации коррупционных практик и расширению возможностей для независимого и качественного оказания правовой помощи.

Однако, наряду с преимуществами, цифровизация несет и вызовы, требующие дальнейшего системного научного и практического осмысления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2901
2. Каковы перспективы внедрения ИИ в адвокатскую деятельность? // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/kakovy-perspektivy-vnedreniya-ii-v-advokatskuyu-deyatelnost/
3. Проничкин А.А. Адвокатская деятельность в условиях цифровизации // Цивилистика: право и процесс. 2021. № 2
4. Советкина А.С., Лошкарёв А.В. Развитие цифровизации в сфере адвокатуры и адвокатской деятельности: преимущества и возможные недостатки // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 9-2 (48)
5. Фадеев А.В., Воронина П.А. Цифровизация адвокатской деятельности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-4 (86)

Fedotova E.V.

master's degree student

Faculty of Law, field of study 40.04.01 «Jurisprudence», master's program «Judicial Power, Prosecutorial Supervision, Law Enforcement and Human Rights Protection»

Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision

Kuban State University

(Krasnodar, Russia)

ADVOCATES' PRACTICE AMID DIGITALIZATION OF SOCIAL RELATIONS

***Abstract**: the article examines key aspects of the transformation of advocates' practice amid the digitalization of social relations. The author focuses on regulatory, technological, and organizational changes brought about by the introduction of digital platforms into legal practice. Particular attention is paid to legal research systems, electronic document exchange with courts and government agencies, automated mechanisms for appointing defense counsel, and the introduction of the Comprehensive Information System of the Russian Bar (KIS AR). The author identifies benefits of digitalization, including greater efficiency, accessibility, and transparency in advocates' practice, while also highlighting risks of breaches of attorney-client confidentiality and a decline in the quality of professional communication. The article offers practical recommendations for improving the regulatory framework, strengthening advocates' digital skills, and reducing disparities in digitalization among regional bar associations. It concludes that the digital transformation of the bar requires a systematic approach that preserves its fundamental professional principles.*

***Keywords**: bar, digitalization, electronic document exchange, KIS AR, attorney-client confidentiality.*

УДК 34

Федотова Е.В.

магистрант

юридический факультет, направление подготовки 40.04.01

«Юриспруденция», магистерская программа «Судебная власть,

прокурорский надзор, правоохранительная и правозащитная деятельность»

кафедра уголовного процесса и прокурорского надзора

Кубанский государственный университет

(г. Краснодар, Россия)

СТАТУС АДВОКАТА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

***Аннотация**: настоящая статья посвящена оценке современного состояния адвокатского статуса в правовой системе Российской Федерации, проблемам его практической реализации и применения в уголовном судопроизводстве, исследованию перспектив его совершенствования, а также преодоления имеющихся пробелов и коллизий в отечественном праве, связанных со статусом адвоката. Автором делается вывод относительно специфических особенностей статуса адвоката, необходимости гармонизации взаимоотношений между сторонами защиты и обвинения, что выражается в равном доступе как к правосудию, так и возможности реализовывать свой статус. Вместе с тем, указывается на невозможность злоупотребления использования права на защиту, что выражается в умышленном уклонении подозреваемого/обвиняемого от уголовной ответственности посредством использования защитником юридических механизмов и тактического противодействия органам предварительного следствия.*

***Ключевые слова**: статус адвоката, право на защиту, адвокатская деятельность, совершенствование законодательства, уголовное судопроизводство.*

Конституция Российской Федерации [Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС

«КонсультантПлюс»] гарантирует каждому гражданину неотчуждаемое неотъемлемое право на получение бесплатной квалифицированной юридической помощи, кроме того, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) [Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс»] гарантирует право подозреваемого и/или обвиняемого на достойную защиту, что обеспечивает практическую реализацию принципа презумпции невиновности.

В уголовном судопроизводстве в качестве защитника в подавляющем большинстве случаев выступает лицо, обладающее профессиональным статусом адвоката, который наделен совокупностью прав и обязанностей, предусмотренных как УПК РФ, так и профильным федеральным законодательством [Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»].

Основной задачей адвоката в качестве защитника на стадии предварительного следствия в уголовном судопроизводстве является консультативной помощью подозреваемому при его процессуальном задержании в порядке, предусмотренном ст.ст. 90-91 УПК РФ, допросах, избрании меры пресечения, предъявлении обвинения, иных процессуальных и следственных действиях.

Вместе с тем процессуальная защита как в обывательском, так и профессиональном понимании ошибочно толкуется и представляется не как гарантия соблюдения процессуальных прав подозреваемого/обвиняемого, а как стремление создать условия для его уклонения от уголовной ответственности посредством юридического противодействия органам предварительного следствия.

Исходя из вышеизложенного исследование профессионального статуса адвоката, его исторический генезис и модернизация правового регулирования имеет крайне актуальное значение. Если следовать прямому толкованию.

ч. 1 ст. 49 УПК РФ, деятельность защитника направлена на обеспечение защиты прав и интересов подозреваемых и обвиняемых законными методами.

Адвокат же, это лицо, наделенное специальным статусом, который приобретается по решению Адвокатской палаты субъекта по итогам сдачи претендентом квалификационного экзамена при соблюдении условий отбора (наличия профессионального образования, отсутствия судимости, психического здоровья и т.д.). При этом, отдельные положения, регулирующие статус адвоката, ответственность за непрофессиональную деятельность, поручающую его статус также предусмотрена профильным законодательством [Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025). // СПС «КонсультантПлюс»].

В научном и профессиональном сообществе проходит активная дискуссия на предмет специфики процессуального статуса в уголовном судопроизводстве. Некоторые представители определяют адвоката, как одну из сторон противоборства, то есть юридическими механизмами тактически противодействующих следствию, другие как самостоятельную сторону процесса, которая лишь гарантирует соблюдение прав его участникам [Анимоков И.К. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЗАЩИТНИКА // Право и управление. 2024. №8. С. 146].

Безусловно, адвокат как негосударственный субъект уголовного судопроизводства наделен особым правовым статусом, который позволяет минимизировать риски оказания на него вне процессуального давления. Так, например, адвокат не может быть допрошен в качестве свидетеля органом предварительного следствия без получения санкции суда. Так, как адвокат относится к субъектам, в отношении которых предусмотрен особых порядок уголовного преследования, предусмотренный ст. 448 УПК РФ, то проведение в его отношении оперативно-розыскных мероприятий аналогично затруднено.

При этом, практика показывает, что в настоящее время статус адвоката недостаточным образом защищен. Ряд представителей юридической науки и практики указывают на неравнозначное положение сторон защиты

и уголовного преследования. Так, например, нередкими являются случаи недопуска и/или несвоевременного допуска защитника к подозреваемому/обвиняемому или даже лицу, чей правовой статус в рамках уголовного судопроизводства не определен.

С одной стороны, это является нарушением конституционного права гражданина на оказание бесплатной квалифицированной юридической помощи, с другой стороны, не дает возможность выстроить тактику защиты, донести до привлекаемого лица информацию, которая может иметь значение в процессе доказывания. При этом, на практике доступ как защиты к своему доверителю, так и доверителя к защитнику чрезмерно затруднен и неравномерен. Примером может выступать перегруженность следственных изоляторов, невозможность защитника иметь возможность регулярные свидания со своим подзащитным.

С другой стороны, нередки случаи, когда защитник использует свой статус ни в целях обеспечения и гарантии соблюдения прав подозреваемого/обвиняемого в уголовном судопроизводстве, а с целью его умышленного уклонения от уголовной ответственности при полной осознанности совершенного им преступления. Это выражается в искусственном затягивании предварительного следствия, использования уловок, нацеленных на допущение следователем ошибок. Одним из подобных тактических ухищрений является попытка адвоката отвечать на вопросы следователя в ходе допроса за допрашиваемое лицо.

На наш авторский взгляд подобное поведение представляется недопустимым, так как подменяет сущностно-философский смысл адвоката и его процессуального статуса. Задача защитника выражается не в том, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности, избежало уголовное наказание вне зависимости от степени и формы его вины, что противоречит духу Закона, а, напротив, чтобы его процессуальные права, предусмотренные УПК РФ, были соблюдены всеми участниками уголовного судопроизводства своевременно и в надлежащем порядке.

Анализируя правовой статус защитника в рамках уголовного процесса, необходимо подчеркнуть важность его более детальной регламентации в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации. Существующее законодательство не предоставляет исчерпывающих указаний относительно процедуры сбора доказательств защитником и не отражает реальное положение дел, в котором находятся защитник и подзащитный. Следовательно, в УПК РФ целесообразно ввести нормы, ясно определяющие, что защитник в процессе своей профессиональной деятельности занимается сбором информации с доказательственной значимостью для конкретного дела.

Проблематика, связанная с доказыванием и деятельностью защитника в этом контексте, отражает недостатки существующей системы уголовного судопроизводства, особенно на стадии досудебного расследования. На судебном этапе участникам процесса предоставляется более широкая автономия, что способствует реализации принципа состязательности сторон. Проблемы в сфере сбора и представления доказательств защитником имеют глубокие исторические корни и требуют комплексного подхода к решению, включая пересмотр и уточнение нормативных положений УПК РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // СПС «КонсультантПлюс»
3. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»
4. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003, ред. от 18.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс»

5. Анимоков И.К. Проблемные вопросы процессуального статуса защитника // Право и управление. 2024. № 8. С. 146

Fedotova E.V.
master's degree student
Faculty of Law, field of study 40.04.01 «Jurisprudence», master's program «Judicial Power, Prosecutorial Supervision, Law Enforcement and Human Rights Activities»
Department of Criminal Procedure and Prosecutorial Supervision
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

ADVOCATE STATUS IN CRIMINAL PROCEEDINGS: IMPLEMENTATION CHALLENGES AND REFORM

Abstract: *this article examines the current status of advocates in the Russian legal system, challenges in exercising that status in criminal proceedings, and prospects for reforming the relevant legislation and resolving existing gaps and conflicts. The author identifies distinctive features of advocate status and argues that relations between the defense and prosecution should be brought into better balance, ensuring both sides equal access to justice and equal opportunities to exercise their procedural rights. At the same time, the right to defense must not be abused: a suspect or accused person must not deliberately evade criminal liability by having defense counsel use legal mechanisms and tactics to obstruct preliminary investigative authorities.*

Keywords: *advocate status, right to defense, legal practice, legislative reform, criminal proceedings.*

УДК 378.147:811.161.1

Арипова А.Х.
кандидат филологических наук, доцент
кафедра узбекского и русского языков
Университет мировой экономики и дипломатии
(г. Ташкент, Узбекистан)

РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ДЛЯ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ

***Аннотация**: изучение русского языка для будущих специалистов в сфере внешнеэкономической и внешнеполитической деятельности (дипломатов, юристов и экономистов) имеет важное практическое значение, так как он является одним из официальных и рабочих языков ООН, а также ключевым инструментом коммуникации на пространстве Евразии и в рамках многих международных организаций. Современные методы помогают студентам уверенно говорить, читать и понимать русскую речь в реальной жизни, выполняя функцию общения. Знание языка открывает новые возможности для работы, бизнеса и учебы в русскоязычной среде, повышая профессиональный рост. В данной статье рассматриваются новейшие методы в преподавании русского языка как иностранного, также проводится их сравнительный анализ.*

***Ключевые слова**: коммуникативная направленность, сопоставительный анализ, адаптация, образовательная платформа, мобильное приложение, РКИ.*

Современная методика преподавания русского языка в нефилологических вузах опирается на коммуникативный подход, ориентированный на практическое использование языка в реальной жизни. Русский язык в вузе нефилологической направленности преподается как неродной (или иностранный), что требует учета родного (например, узбекского) языка студентов и преодоления интерференции (языкового переноса).

Главная цель — развитие навыков устной и письменной речи, аудирования (понимания на слух) и чтения, а не только заучивание грамматических правил.

Владение русским языком предоставляет дипломатам, юристам и экономистам международникам - ряд фундаментальных профессиональных преимуществ. В сфере международных отношений этот язык выступает не просто средством повседневного общения, а критически важным рабочим инструментом.

Так как русский язык является одним из шести официальных и рабочих языков ООН, все ключевые международные документы, резолюции и договоры ООН в обязательном порядке переводятся и обладают одинаковой юридической силой на русском языке.

Русский признан официальным языком в крупнейших евразийских и межгосударственных структурах: ШОС, БРИКС, СНГ, ОДКБ и ЕАЭС. В этих организациях весомая часть переговоров и документооборота идет без использования западных языков. Для специалистов служащих в сфере внешне экономической и внешне политической деятельности (дипломатов, юристов и экономистов) – русский язык является средством прямой коммуникация «без фильтров».

В дипломатии критически важны оттенки смыслов. Переводчик, даже самый квалифицированный, является посредником. Знание русского языка позволяет дипломату: вести кулуарные беседы и неформальные переговоры напрямую, где зачастую решаются самые острые вопросы, улавливать скрытый подтекст, иронию, культурные метафоры и истинные намерения собеседника, точно реагировать на заявления партнеров в режиме реального времени без временной задержки на перевод.

Русский остается главным языком межнационального общения в странах Восточной Европы, Центральной Азии и Кавказа. Для дипломатов, работающих в этих регионах, русский язык — единственный универсальный ключ. Язык позволяет: свободно взаимодействовать с местными политическими элитами,

бизнесом и гражданским обществом сразу в десятке государств, получать информацию из первоисточников (местные СМИ, внутренние аналитические отчеты, законодательные акты) без искажений, служит посредником в понимании геополитического контекста.

На сегодняшний день русский язык имеет ключевые позиции в мировой энергетике, космической отрасли и вопросах глобальной безопасности. Знание языка необходимо зарубежным аналитикам и дипломатическим советникам для точного анализа военных, оборонных и внешнеполитических доктрин, мониторинга официальной позиции государства по критическим вопросам международной повестки.

Русский язык является ключевым маркером и несущей конструкцией концепции «мягкой силы» (soft power). В отличие от классической теории, где упор делается на привлекательность политических институтов и поп-культуры, в современном дискурсе «мягкая сила» традиционно опирается на гуманитарно-культурный фундамент, историческое наследие и традиционные ценности.

Язык выполняет в этой системе координат несколько важнейших функций являясь проводником общих ценностей и смыслов.

Через изучение русского языка и литературы происходит трансляция уникального цивилизационного кода. Он открывает доступ к фундаментальной культуре (А. Пушкин, Л. Толстой, Ф. Достоевский, А. Чехов) в оригинале. В понимании мягкой силы это формирует так называемую когнитивную и трансляционную привлекательность — где аудитория начинает воспринимать ценности, менталитет и историческую логику государства не через искаженную призму сторонних СМИ, а напрямую.

Русский язык выступает главным цементирующим элементом концепта «Русский мир», который объединяет русскоязычных за рубежом, диаспор и всех, кто испытывает духовную близость к региону. Основными проводниками этой мягкой силы выступают специализированные структуры, такие как Россотрудничество и Фонд «Русский мир», которые открывают языковые курсы и центры тестирования по всему миру.

На постсоветском пространстве (в Центральной Азии, на Кавказе, в Беларуси) русский язык исторически выполняет роль лингва франка — инструмента межнационального общения. В рамках евразийской интеграции это критический ресурс мягкой силы: наличие общего языкового пространства существенно упрощает экономическое взаимодействие, академическую мобильность и координацию в рамках зарубежных организаций.

Также русский язык является инструментом долгосрочного влияния.

Высшее образование — классический инструмент общественной дипломатии. Студенты, изучающие русский как неродной и обучающиеся в вузах, после окончания часто занимают высокие посты в политике, бизнесе и науке. Знание языка делает их естественными «послами доброй воли», лояльными к стране обучения и способствующими развитию двусторонних связей.

Мягкая сила сегодня немыслима без интернета. Русский язык занимает одно из ведущих мест по популярности в глобальной сети (на нем создается значительная доля сайтов в СНГ). Это позволяет продвигать культурный и информационный контент, формируя единое цифровое и ценностное поле без жестких административных барьеров.

Дипломат должен понимать менталитет страны, с которой работает. Знание русского языка открывает доступ к величайшему культурному наследию — литературе, философии и истории — в оригинале. Это позволяет выстраивать более уважительные и доверительные отношения с контрагентами, демонстрируя глубокое уважение к их культуре.

Далее рассмотрим основные причины необходимости изучения русского языка:

1. Статус в международной среде: русский язык закреплен в качестве официального и рабочего языка крупнейших мировых и региональных объединений, ведомств и организаций,

2. Прямая коммуникация и переговоры: значение языка позволяет вести диалог без посредников (переводчиков), точнее улавливать нюансы, подтекст и официальный этикет в переговорах.

3. **Работа с документами:** дипломатическая переписка, правовые акты, международные договоры и архивные материалы требуют высокого уровня владения терминологией и грамматическими нормами.

4. **Речевой этикет и точность:** в дипломатии малейшая неточность в формулировке или знаках препинания может исказить смысл, глубокое знание языка помогает выражать мысли логично, убедительно и в строгом соответствии с протоколом.

5. **Профессиональная мобильность:** Владение русским языком расширяет возможности специалиста при работе в многосторонней дипломатии и анализе региональной политики.

Теперь возникает вопрос: какими основными принципами и подходами должен владеть специалист-международник говорящий на русском?

Самый необходимый принцип – принцип ***Коммуникативной направленности.*** Обучение русскому языку в нефилологических вузах (технических, экономических, юридических) имеет ключевую особенность: язык изучается не как абстрактная система, а как инструмент будущей профессиональной деятельности и средство коммуникации. Студентам-нефилологам не интересна сухая теория и зазубривание правил, им важна практическая применимость знаний.

Следующий принцип - ***учет родного языка***. Сопоставительный анализ грамматики русского и узбекского языков помогает предупреждать типичные ошибки (например, в категории рода, падежах, видах глагола). Еще один принцип - ***личностно-ориентированный подход.*** Обучение строится с учетом возраста, уровня подготовки и интересов школьников. И самый последний принцип - ***разноуровневое обучение.*** Задания адаптируются под разную степень владения языком в группе.

В современном научно-теоретическом и политическом дискурсе русский язык рассматривается как базовая несущая конструкция и главный ресурс «мягкой силы». В отличие от классической либеральной модели Джозефа Ная, ориентированной на привлекательность политических институтов и массовую культуру, данный подход к культурной дипломатии опирается на глубокий гуманитарно-ценностный фундамент, историческое наследие и цивилизационную самобытность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ходжаева Х.Ш. Когнитивная лингвистика: взгляд в мыслительные процессы // Журнал гуманитарных и естественных наук. С. 16–23.
2. Носиров Л.Х. Формирование лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному с использованием онлайн-ресурсов // Вестник науки. Т. 2. № 5 (86). С. 459–464.
3. Носиров Л.Х. Научное рецензирование как средство развития критического мышления студентов-экономистов // Вестник науки. Т. 4. № 5 (98). С. 1230–1235.
4. Шарипова Н. Система заданий при модульной системе контроля знаний // Uzbekistan: Language and Culture. 2025. Т. 1. № 01. С. 32–44.
5. Aripova A.Kh. Approaches to intensive language teaching // Journal of Modern Educational Achievements. Vol. 1. No. 1. P. 71–75.

Aripova A.Kh.
PhD in Philology, Associate Professor
Department of Uzbek and Russian Languages
University of World Economy and Diplomacy
(Tashkent, Uzbekistan)

ROLE OF RUSSIAN LANGUAGE IN CONTEMPORARY «SOFT POWER» DISCOURSE IN DEVELOPING CULTURAL DIPLOMACY

Abstract: *studying Russian is of considerable practical importance for future specialists in foreign economic affairs and foreign policy, including diplomats, lawyers, and economists. Russian is one of the official and working languages of the United Nations and a key means of communication across Eurasia and within many international organizations. Modern teaching methods help students speak, read, and understand Russian confidently in real-life situations, using the language for communication. Knowledge of Russian creates new opportunities for work, business, and study in Russian-speaking environments, supporting professional development. This article examines the latest methods of teaching Russian as a foreign language and provides a comparative analysis of these methods.*

Keywords: *communicative orientation, comparative analysis, adaptation, educational platform, mobile application, RFL.*

УДК 376

Баймуканова Г.Д.

педагог-исследователь

заместитель директора по учебно-воспитательной работе

Средняя школа им. Х. Абдуллина

(Енбекшиказахский р-н, Алматинская обл., Казахстан)

Научный руководитель:

Диканбай К.Т.

директор, педагог-исследователь, руководитель первой категории

Школа-гимназия им. Абая

(Уйгурский р-н, Алматинская обл., Казахстан)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ СОПРОВОЖДЕНИЮ ДЕТЕЙ С РАССТРОЙСТВАМИ АУТИСТИЧЕСКОГО СПЕКТРА В УСЛОВИЯХ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация**: в статье рассматриваются современные подходы к педагогическому сопровождению детей с расстройствами аутистического спектра (РАС) в условиях инклюзивного образования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения равного доступа к качественному образованию, развития коммуникативных навыков и социальной адаптации детей с особыми образовательными потребностями. Анализируются индивидуализация обучения, визуальная поддержка, альтернативная коммуникация, структурированная организация образовательной среды и взаимодействие педагогов с родителями. Особое внимание уделяется профессиональной компетентности педагогов и междисциплинарному сопровождению. На основе анализа научно-педагогических подходов сформулированы практические рекомендации по совершенствованию образовательной практики в Казахстане, направленные на создание доступной, безопасной и поддерживающей образовательной среды.*

***Ключевые слова**: инклюзивное образование, расстройства аутистического спектра, педагогическое сопровождение, особые образовательные потребности, индивидуализация обучения, социальная адаптация, визуальная поддержка, альтернативная коммуникация, профессиональная компетентность, образовательная среда.*

Введение.

Современное развитие системы образования предполагает создание условий, обеспечивающих каждому ребёнку возможность получать качественное образование с учётом его индивидуальных особенностей и образовательных потребностей. В связи с этим инклюзивное образование становится одним из приоритетных направлений образовательной политики, ориентированным на обеспечение равных возможностей, преодоление социальных барьеров и расширение участия детей в образовательной и общественной жизни [1].

Особого внимания требует организация обучения детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Индивидуальные особенности таких детей могут проявляться в сфере социальной коммуникации, речевого развития, поведения, сенсорного восприятия и взаимодействия с окружающими. При этом проявления РАС отличаются значительным разнообразием, поэтому образовательные потребности каждого ребёнка должны рассматриваться индивидуально [2].

Эффективность инклюзивного образования определяется не только возможностью посещения ребёнком общеобразовательной организации, но и качеством предоставляемой педагогической поддержки. Важное значение имеют адаптация учебных материалов, применение доступных способов коммуникации, организация предсказуемой образовательной среды и формирование позитивных отношений между всеми участниками образовательного процесса [3].

В Казахстане развитие инклюзивного образования требует дальнейшего совершенствования профессиональной подготовки педагогов, расширения практики психолого-педагогического сопровождения и укрепления взаимодействия между образовательными организациями, специалистами и семьями. Недостаточная подготовленность педагогов, ограниченность методических ресурсов и трудности индивидуализации обучения могут создавать дополнительные препятствия для полноценного участия детей с РАС в образовательном процессе [4, 5].

Цель статьи - проанализировать современные подходы к педагогическому сопровождению детей с расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования и разработать практические рекомендации по совершенствованию образовательной практики.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

раскрыть особенности организации обучения и социализации детей с РАС,

рассмотреть основные подходы к педагогическому сопровождению,

определить актуальные организационные и педагогические проблемы инклюзивного образования,

сформулировать рекомендации по совершенствованию индивидуальной поддержки детей с особыми образовательными потребностями.

Основная часть.

Инклюзивное образование представляет собой организацию образовательного процесса, при которой учитываются индивидуальные особенности и особые образовательные потребности обучающихся. Его основная задача заключается в создании условий, позволяющих каждому ребёнку участвовать в учебной деятельности, развивать способности и осваивать необходимые социальные навыки [6].

При организации обучения детей с РАС необходимо учитывать индивидуальные особенности коммуникации, восприятия информации, поведения и взаимодействия с окружающей средой. Для одних детей затруднения могут быть связаны с пониманием устных инструкций и поддержанием диалога, для других - с изменением привычного распорядка, повышенной чувствительностью к звукам или необходимостью дополнительного времени для выполнения заданий. Следовательно, педагогическая поддержка должна основываться на реальных потребностях ребёнка, а не только на имеющемся диагностическом заключении.

Индивидуализация образовательного процесса.

Одним из ключевых направлений сопровождения является индивидуализация обучения. Она предполагает адаптацию содержания заданий, способов объяснения материала, темпа работы и форм оценки образовательных результатов.

Индивидуальная образовательная программа позволяет определить конкретные учебные цели, необходимые виды поддержки и критерии оценки динамики развития ребёнка. При её разработке важно учитывать сильные стороны обучающегося, уровень самостоятельности, особенности коммуникации и доступные способы восприятия информации (1-таблица).

Таблица 1. Направления индивидуализации обучения.

Направление	**Практическая реализация**	**Ожидаемая педагогическая задача**
Содержание заданий	Адаптация объёма и сложности материала	Обеспечение доступности обучения
Способы объяснения	Краткие инструкции, примеры, визуальные опоры	Уточнение понимания задания
Темп работы	Дополнительное время и поэтапное выполнение	Снижение избыточной учебной нагрузки
Оценивание	Учет индивидуальной динамики и освоенных навыков	Более полная оценка образовательного прогресса

Индивидуализация не должна приводить к необоснованному снижению образовательных ожиданий или ограничению участия ребёнка в жизни класса. Напротив, её назначение заключается в создании условий для последовательного освоения учебного материала и расширения возможностей самостоятельной деятельности.

Визуальная поддержка и структурированная образовательная среда.

Важным инструментом педагогического сопровождения выступает визуальная поддержка. Использование карточек, расписаний, последовательностей действий, иллюстраций и схем помогает сделать учебную информацию более наглядной и понятной.

Например, визуальное расписание позволяет ребёнку заранее ознакомиться с последовательностью уроков и занятий, а пошаговые инструкции помогают выполнять сложные задания поэтапно. Структурированная организация пространства и времени также может способствовать снижению неопределённости и облегчению перехода от одного вида деятельности к другому (2-таблица).

Таблица 2. Инструменты педагогической поддержки.

Инструмент	**Пример применения**	**Для чего используется**
Визуальное расписание	Последовательность уроков и занятий	Повышение предсказуемости дня
Пошаговая инструкция	Алгоритм выполнения задания	Поддержка последовательного выполнения действий
Карточки и изображения	Выражение просьбы или выбора	Поддержка коммуникации
Структурированное пространство	Обозначенные зоны для разных видов деятельности	Упорядочивание учебной среды

Практическая значимость данного подхода заключается в возможности его применения в общеобразовательных классах, специальных кабинетах и домашних условиях. При этом используемые материалы должны соответствовать возрасту, индивидуальным возможностям и уровню понимания ребёнка.

Развитие коммуникации и социальных навыков.

Формирование коммуникативных навыков является важным условием участия детей с РАС в образовательной и социальной жизни. В зависимости от индивидуальных потребностей могут применяться визуальные подсказки, карточки с изображениями, средства дополнительной и альтернативной коммуникации [7].

Одним из известных инструментов является система обмена изображениями PECS (Picture Exchange Communication System), позволяющая использовать изображения для выражения потребностей, просьб и выбора [8]. Такие средства могут дополнять устную речь и помогать ребёнку взаимодействовать с педагогами и сверстниками (3-таблица).

Таблица 3. Сопоставление подходов к поддержке.

Подход / инструмент	**Основной акцент**	**Условие применения**
PECS и другие средства альтернативной коммуникации	Выражение потребностей, просьб и выбора	Подбор символов и способа коммуникации под возможности ребёнка
ABA (элементы прикладного анализа поведения)	Формирование конкретных функциональных навыков	Индивидуальные цели, профессиональная оценка и контроль благополучия ребёнка
TEACCH (структурированное обучение)	Организация пространства и визуальная структура заданий	Последовательность, ясность и адаптация среды
Развивающие игровые подходы	Взаимодействие, интересы и совместная деятельность	Учет инициативы и эмоционального состояния ребёнка

Развитие социальных навыков предполагает создание ситуаций, в которых ребёнок может участвовать в совместной деятельности, выполнять доступные групповые задания и постепенно расширять возможности общения. При этом необходимо учитывать индивидуальный темп развития и избегать принуждения к взаимодействию, вызывающему выраженный дискомфорт.

Поведенческие и структурированные методы поддержки.

В образовательной практике могут применяться различные методы, направленные на развитие самостоятельности, коммуникации и учебных навыков. К ним относятся элементы прикладного анализа поведения (ABA) [9], структурированного обучения TEACCH [10] и развивающих игровых подходов [11].

Прикладной анализ поведения предусматривает систематическое изучение поведения и использование методов обучения для формирования конкретных навыков. Подход TEACCH [10] делает акцент на структурировании пространства, визуальной организации заданий и повышении самостоятельности обучающегося.

Выбор метода должен осуществляться с учётом индивидуальных особенностей ребёнка, образовательных целей и профессиональных рекомендаций. Особое значение имеют уважение достоинства ребёнка, обеспечение его безопасности и развитие функциональных навыков, необходимых для повседневной жизни.

Необходимо подчеркнуть, что ни один метод не может рассматриваться как универсальное решение для всех детей с РАС. Практическая работа требует гибкого сочетания подходов, регулярной оценки результатов и корректировки педагогических стратегий.

Взаимодействие педагогов, специалистов и родителей.

Эффективное сопровождение детей с РАС предполагает согласованную работу учителей, специальных педагогов, логопедов, психологов и родителей. Каждый участник взаимодействия располагает важной информацией об особенностях развития ребёнка, его способах коммуникации и потребностях в поддержке.

Совместное определение образовательных целей позволяет обеспечить последовательность педагогических действий в школе и дома. Регулярный обмен

информацией помогает своевременно выявлять трудности, оценивать достижения и корректировать индивидуальную программу сопровождения.

Важным условием является также формирование инклюзивной культуры в образовательной организации. Она предполагает уважительное отношение к индивидуальным различиям, предупреждение дискриминации и создание благоприятных условий для участия каждого ребёнка в жизни школьного сообщества.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость рассмотренных подходов заключается в возможности их использования при разработке рекомендаций для педагогов общеобразовательных организаций Казахстана.

Для совершенствования педагогического сопровождения целесообразно:

Разрабатывать индивидуальные образовательные цели на основе оценки актуальных возможностей и потребностей ребёнка,

Использовать визуальные расписания, наглядные инструкции и структурированные задания,

Подбирать доступные средства коммуникации с учётом индивидуальных особенностей обучающегося,

Организовывать систематическое взаимодействие педагогов, специалистов сопровождения и родителей,

Повышать квалификацию педагогов в области инклюзивного образования и поддержки детей с РАС,

Оценивать динамику не только академических результатов, но и коммуникации, самостоятельности и участия ребёнка в совместной деятельности.

Реализация этих рекомендаций может способствовать повышению доступности образовательной среды и улучшению организации педагогической поддержки.

Результаты и обсуждение.

Анализ представленных в научно-педагогической литературе подходов позволяет выделить несколько взаимосвязанных направлений эффективного сопровождения детей с расстройствами аутистического спектра.

Во-первых, индивидуализация обучения обеспечивает учёт различий в способностях, темпе освоения материала и способах коммуникации.

Во-вторых, визуальная поддержка и структурированная организация образовательной среды помогают сделать учебные задания более доступными и предсказуемыми.

В-третьих, использование средств дополнительной и альтернативной коммуникации расширяет возможности выражения потребностей и участия в социальных взаимодействиях.

В-четвёртых, сотрудничество педагогов, специалистов и родителей способствует согласованности образовательных и воспитательных действий.

Рассмотренные подходы показывают, что инклюзивное образование не должно ограничиваться формальным присутствием ребёнка с РАС в общеобразовательном классе. Необходима система поддержки, которая обеспечивает реальное участие обучающегося в учебной деятельности, способствует развитию его самостоятельности и учитывает индивидуальные образовательные потребности.

В контексте Казахстана особую значимость приобретают профессиональная подготовка педагогов, доступность методических материалов и организация междисциплинарного сопровождения. Для реализации инклюзивных принципов образовательным организациям необходимо развивать сотрудничество между педагогами, специальными специалистами, родителями и социальными службами.

Вместе с тем представленные выводы основаны на анализе научно-педагогических подходов и положений исходной статьи. Они не являются результатами самостоятельного эмпирического исследования. Для количественной оценки эффективности конкретных методов необходимы

дополнительные исследования с использованием педагогического наблюдения, анализа индивидуальных образовательных достижений и экспертных оценок специалистов.

Заключение.

Педагогическое сопровождение детей с расстройствами аутистического спектра в условиях инклюзивного образования представляет собой комплексный процесс, направленный на обеспечение доступности обучения, развитие коммуникации и расширение возможностей социальной интеграции.

Анализ современных педагогических подходов позволяет заключить, что важнейшими условиями эффективной поддержки являются индивидуализация образовательного процесса, применение визуальных средств, развитие доступной коммуникации, структурированная организация учебной среды и взаимодействие педагогов с родителями.

Для совершенствования инклюзивного образования в Казахстане необходимо продолжать работу по повышению профессиональной компетентности педагогов, развитию психолого-педагогического сопровождения и укреплению междисциплинарного сотрудничества. При этом эффективность поддержки следует оценивать с учётом индивидуальной динамики развития ребёнка, его самостоятельности, коммуникативных возможностей и участия в образовательной жизни.

Перспективным направлением дальнейших исследований является эмпирическая оценка результативности различных моделей педагогического сопровождения детей с РАС в общеобразовательных организациях Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тасыбеков А.Е., Тулеубаева А.Н., Мамраимова А.А. Аутизм спектрінің бұзылуы бар балалар мен олардың ата-аналарына кешенді психологиялық-педагогикалық көмекті ұйымдастыру кезіндегі психоаналитикалық тәсілдің мүмкіндіктері // Дефектология. 2022. № 1. Б. 4–9.
2. Всемирная организация здравоохранения. Аутизм: информационный бюллетень. 17.09.2025. URL: https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/autism-spectrum-disorders (дата обращения: 11.10.2026).
3. UNESCO. A guide for ensuring inclusion and equity in education. Paris: UNESCO, 2017. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000248254 (дата обращения: 11.10.2026).
4. Дузелбаева А.Б., Мовкебаева З.А., Хамитова Д.С. Психологическая готовность специального педагога к сопровождению детей с ограниченными возможностями в инклюзивной среде // Вестник КазНПУ имени Абая. Серия: Психология. 2024. Т. 78. № 1. DOI 10.51889/2959-5967.2024.78.1.017.
5. UNICEF. Digital Inclusion in Primary Schools: Assistive Technology Needs Assessment and Capacity Building. UNICEF Kazakhstan, 2025. URL: https://www.unicef.org/kazakhstan/en/documents/digital-inclusion-primary-schools (дата обращения: 11.10.2026).
6. Тасыбеков А.Е., Курмамбаева О.М., Сагымбаева Г.К., Усенова Б.Ж. Балалар аутизмінің диагностикасы және оңалту жолдары // «Құзыретті педагог». 2023. № 3. Б. 47–50.
7. American Speech-Language-Hearing Association (ASHA). Autism and Autism Spectrum Disorder. ASHA Practice Portal. URL: https://www.asha.org/Practice-Portal/Clinical-Topics/Autism/ (дата обращения: 11.10.2026).
8. Paris A., Denne L.D., Grindle C.F., May R., Apanasionok M.M., Hastings R.P. Facilitators and barriers to the implementation of the picture exchange communication system (PECS): a systematic review // Frontiers in Education. 2024. Vol. 9. Article 1206410. DOI 10.3389/feduc.2024.1206410.

9. Sandbank M., Bottema-Beutel K., Crowley S., Cassidy M., Dunham K., Feldman J.I., Crank J., Albarran S.A., Raj S., Mahbub P., Woynaroski T. Autism intervention meta-analysis of early childhood studies (Project AIM): updated systematic review and secondary analysis // BMJ. 2023. Vol. 383. e076733. DOI 10.1136/bmj-2023-076733.

10. Zhu Y., Zhang M., Ma D., Wang P. Efficacy of structured teaching program for rehabilitation of children with autism spectrum disorder: A systematic review and meta-analysis // Pakistan Journal of Medical Sciences. 2025. Vol. 41, No. 9. P. 2658–2666. DOI 10.12669/pjms.41.9.12634.

11. Dijkstra-De Neijs L., Tisseur C., Kluwen L.A., Van Berckelaer-Onnes I.A., Swaab H., Ester W.A. Effectivity of Play-Based Interventions in Children with Autism Spectrum Disorder and Their Parents: A Systematic Review // Journal of Autism and Developmental Disorders. 2023. Vol. 53, No. 4. P. 1588–1617. DOI 10.1007/s10803-021-05357-2.

Baimukanova G.D.
teacher-researcher
Deputy Director for Academic and Educational Affairs
Secondary School named after Kh. Abdullin
(Enbekshikazakh district, Almaty region, Kazakhstan)

Scientific advisor:
Dikanbay K.T.
director, teacher-researcher, first-category school administrator
School-Gymnasium named after Abai
(Uygur district, Almaty region, Kazakhstan)

CONTEMPORARY APPROACHES TO PEDAGOGICAL SUPPORT FOR CHILDREN WITH AUTISM SPECTRUM DISORDERS IN INCLUSIVE EDUCATION

Abstract: *this article examines contemporary approaches to pedagogical support for children with autism spectrum disorders (ASD) in inclusive education. The study is motivated by the need to ensure equal access to quality education and to develop communication skills and social adaptation among children with special educational needs. It analyzes individualized instruction, visual supports, augmentative and alternative communication, structured learning environments, and collaboration between teachers and parents. Particular attention is paid to teachers' professional competence and interdisciplinary support. Based on an analysis of educational research and approaches, the article offers practical recommendations for improving educational practice in Kazakhstan and creating an accessible, safe, and supportive learning environment.*

Keywords: *inclusive education, autism spectrum disorders, pedagogical support, special educational needs, individualized instruction, social adaptation, visual supports, alternative communication, professional competence, learning environment.*

УДК 37+53

Галеева З.З.
учитель физики
Технологический лицей «Алгоритм»
(д. Куюки, Пестречинский р-н, Респ. Татарстан, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ КЕЙС-МЕТОДА НА УРОКАХ ФИЗИКИ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАМОТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

***Аннотация**: в статье рассматриваются особенности применения кейс-метода (case-study) на уроках физики в лицее в контексте требований ФГОС. Особое внимание уделено роли данной технологии в формировании естественнонаучной функциональной грамотности обучающихся. Автор делится практическим опытом разработки и внедрения кейсов, представляет алгоритм деятельности учителя и учащихся, а также приводит пример готового кейса по теме «Тепловые явления» для 8 класса.*

***Ключевые слова**: естественнонаучная функциональная грамотность, кейс-метод, урок физики, системно-деятельностный подход, ФГОС.*

Введение в современную педагогическую практику обновлённых Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) смещает вектор школьного образования с простого усвоения теоретических знаний на формирование метапредметных компетенций и функциональной грамотности [4, с. 25]. Физика как фундаментальная наука обладает огромным потенциалом для развития естественнонаучной грамотности — способности человека занимать активную гражданскую позицию по общественно значимым вопросам, связанным с естественными науками, и готовности интересоваться естественнонаучными идеями [1, с. 78].

Одним из наиболее эффективных интерактивных методов, позволяющих решать указанные задачи, является кейс-метод (метод анализа конкретных ситуаций). Данный метод позволяет преодолеть традиционный академический формализм и продемонстрировать обучающимся применимость физических законов в реальной жизни [3, с. 42]. Использование кейсов на уроках способствует развитию критического мышления, формированию первоначальных физических понятий и навыков наблюдения физических явлений, основы которых закладываются с первых уроков изучения предмета [5, с. 45].

Внедрение кейс-метода требует изменения традиционной роли учителя. Педагог перестаёт быть основным источником информации и транслятором готовых знаний, а становится модератором и консультантом образовательного процесса, направляющим самостоятельную исследовательскую деятельность учащихся [2, с. 14].

В таблице 1 представлен обобщённый алгоритм организации учебной деятельности на уроке физики при использовании кейс-технологии.

Таблица 1. Этапы работы с кейсом на уроке физики.

Этап урока	Деятельность учителя (модератора)	Деятельность учащихся
1.Подготовительно-мотивационный	Знакомит учащихся с контекстом ситуации (кейсом). Распределяет учащихся по микрогруппам (по 4–5 человек). Выдаёт раздаточный материал. Направляет первичное обсуждение.	Воспринимают информацию, погружаются в проблему. Осознают дефицит знаний для немедленного решения проблемы. Распределяют роли внутри рабочей группы.

Этап урока	Деятельность учителя (модератора)	Деятельность учащихся
2.Этап анализа (исследовательский)	Консультирует группы, отслеживает динамику работы, задаёт наводящие вопросы, не предлагая готовых решений. Помогает соотнести проблему с известными законами физики.	Изучают материалы кейса. Выделяют физическую суть проблемы. Формулируют гипотезы, выполняют необходимые расчёты, обращаются к учебной и справочной литературе.
3. Дискуссионный (презентация решений)	Организует общее обсуждение, координирует выступления представителей групп. Следит за регламентом. Стимулирует ведение научной дискуссии и аргументацию ответов.	Представляют свой вариант решения кейса (проект, расчёт, схему). Оппонируют другим группам, задают вопросы, защищают свою точку зрения, используя физическую терминологию.
4. Рефлексивно-оценочный	Подводит итоги дискуссии. Акцентирует внимание на правильных физических выводах. Оценивает вклад групп и отдельных учащихся в общую работу.	Соотносят полученные результаты с первоначальной гипотезой. Анализируют допущенные ошибки. Оценивают собственную деятельность и работу одноклассников.

В качестве практического примера рассмотрим разработанный автором кейс по теме «Тепловые явления» (8 класс), ориентированный на повторение и систематизацию материала, изученного в курсе физики [6, с. 32].

Практический кейс: «Загадка термоса для полярной экспедиции».

Контекст: Конструкторское бюро получило срочный заказ от полярной научно-исследовательской станции на разработку специализированного термоса повышенной надёжности для условий экстремально низких температур (до -60°C). Обычные бытовые термосы с вакуумной стеклянной колбой не подходят, так как они слишком хрупкие и часто бьются при падении на лёд. Инженерам необходимо предложить прочную и эффективную конструкцию, которая сохранит горячий чай (начальная температура +95°C) тёплым (не ниже +50°C) в течение 12 часов при сильном ледяном ветре.

Задание для рабочих групп: опираясь на физические законы теплопередачи, проанализируйте ситуацию и ответьте на исследовательские вопросы.

Вопросы к кейсу:

1. Какие три вида теплопередачи могут послужить причиной остывания чая в термосе? Объясните механизм каждого из них применительно к данной конструкции [5, с. 56, 6, с. 32].

2. Предложите материалы для создания внешнего корпуса и внутренней колбы термоса. Объясните свой выбор с точки зрения физических свойств веществ (теплопроводность, удельная теплоёмкость).

3. Как технически минимизировать потери тепла излучением, если колбу решено делать из нержавеющей стали?

4. Предложите инженерное решение для крышки термоса. Почему именно через крышку чаще всего происходят наибольшие потери тепла?

Опыт применения данного кейса показывает, что учащиеся успешно соотносят теоретические понятия (удельная теплоёмкость, конвекция, теплопроводность, излучение) с практическими задачами. Они предлагают оригинальные решения: зеркальное напыление на внутренние стенки металлической колбы для уменьшения излучения, создание многослойной термоизоляционной прослойки из вспененных материалов, использование пористых полимеров для пробки.

Заключение. Систематическое применение кейс-метода на уроках физики позволяет добиться стабильного роста качества знаний учащихся, значительно повышает их познавательный интерес к предмету и формирует прочные навыки функциональной грамотности [2, с. 18]. Обучающиеся демонстрируют более высокие результаты при выполнении заданий международного и всероссийского уровней, а также при прохождении государственной итоговой аттестации (ОГЭ и ЕГЭ), где в последние годы увеличилось число практико-ориентированных задач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Акулова О.В., Тряпицына А.П. Развитие функциональной грамотности учащихся как ориентир современной школы: научно-методическое пособие. 2022. 214 с.
2. Измайлов А.А. Использование интерактивных кейс-технологий в преподавании дисциплин естественнонаучного цикла // Педагогическое мастерство. 2024. № 4. С. 12–19
3. Ковалева Г.С. Естественнонаучная грамотность: методические рекомендации по развитию. 2023. 88 с.
4. Министерство просвещения Российской Федерации. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования: приказ Минпросвещения России № 287, 2021. 48 с.

5. Перышкин И.М., Иванов А.И. Физика. 7 класс. Базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 224 с.
6. Перышкин И.М., Иванов А.И. Физика. 8 класс. Базовый уровень: учебник. М.: Просвещение, 2023. 256 с.

Galeeva Z.Z.
physics teacher
Technological Lyceum «Algorithm»
(Kuyuki, Pestrechinsky district, Republic of Tatarstan, Russia)

USE OF CASE METHOD IN PHYSICS LESSONS TO DEVELOP STUDENTS' FUNCTIONAL LITERACY

***Abstract**: the article examines the use of the case method in physics lessons at a lyceum in the context of Federal State Educational Standards (FSES). Particular attention is paid to its role in developing students' functional science literacy. The author draws on practical experience in designing and implementing cases, outlines a sequence of activities for teachers and students, and provides a ready-to-use case on «Thermal Phenomena» for eighth-grade students.*

***Keywords**: functional science literacy, case method, physics lesson, system-activity approach, FSES.*

УДК 37

Елеусизова С.
магистр социальных наук, старший преподаватель
кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Казахский национальный аграрный исследовательский университет
(г. Алматы, Казахстан)

Муталип У.
магистр социальных наук, старший преподаватель
кафедра социально-гуманитарных дисциплин
Алматинский технологический университет
(г. Алматы, Казахстан)

Тасыбеков А.
доктор философии
руководитель отдела науки и инноваций
Казахская национальная консерватория им. Курмангазы
(г. Алматы, Казахстан)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ИНТЕГРАЦИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

***Аннотация**: в статье рассматривается проблема интеграции искусственного интеллекта (ИИ), инструментов генеративного искусственного интеллекта, цифровых образовательных ресурсов и педагогических подходов, основанных на данных, в условиях цифровой трансформации образовательного процесса. Цель исследования — обновить концепции традиционного цифрового обучения в соответствии с современными технологическими изменениями и определить новые роли учителя и обучающегося. В качестве материала систематизированы теоретические выводы исходной статьи и сопоставлены с современными международными методическими подходами. В результате были предложены направления перехода от цифровой грамотности к грамотности ИИ, от электронного контента к интеллектуальной среде обучения, от контроля к оценке, основанной на данных. В то же время были обоснованы принципы ориентированного на человека, этического, безопасного и инклюзивного применения.*

***Ключевые слова**: искусственный интеллект, генеративный ИИ, цифровое образование, цифровая грамотность, грамотность ИИ, педагогический дизайн, грамотность данных, инклюзивное обучение, электронное обучение, академическая честность.*

Введение. Использование цифровых технологий в современной системе образования больше не ограничивается использованием компьютеров, интернета или электронных учебников [1]. Образовательная среда становится сложной экосистемой, в которой интегрированы искусственный интеллект, генеративные модели, облачные сервисы, система управления обучением *(LMS)*, адаптивное обучение, аналитика знаний и инструменты цифровой оценки [2]. В связи с этим возникает необходимость уточнения содержания таких понятий, как *«цифровое обучение», «электронное обучение», «применение ИКТ»*, в соответствии с современной технологической ситуацией.

В данной исходной статье рассматриваются вопросы цифровых образовательных ресурсов, облачных технологий, смешанного и мобильного обучения, геймификации, электронного обучения, метапознания, инклюзивного обучения и цифровой среды. Авторы также подчеркивает потенциал адаптации высшего образования к требованиям цифровой экономики, непрерывного образования и цифровых технологий для людей с ограниченными возможностями.

Важным нововведением на современном этапе является прямое проникновение искусственного интеллекта в образовательный процесс. В рамках компетенций ИИ для учителей UNESCO на 2024 год определены ориентированная на человека позиция, этика ИИ, основы и приложения ИИ, педагогика ИИ и направления профессионального развития. Для обучающихся также представлены компетенции, основанные на уровнях понимания, применения и создания ИИ [3].

Поэтому в обновленной версии статьи основное внимание будет уделено *«внедрению цифровых технологий», «формированию интеллектуальной цифровой учебной среды, ориентированной на человека»*. Здесь технология рассматривается не как цель, а как инструмент, поддерживающий качество обучения, доступность, персонализацию и самостоятельное мышление обучающегося.

Такая позиция усиливает профессиональную роль учителя в современной образовательной среде, особенно в условиях развития инклюзивного образования, где педагог участвует в создании доступных условий обучения и адаптации образовательного процесса к индивидуальным потребностям обучающихся [4]. Это изменение позволяет связать первоначальные представления о метапознании, собственных стратегиях обучения и культуре обучения в статье с новой технологической ситуацией.

Материалы и методы. Исследование основывалось на логике теоретико-сравнительного и системного анализа. На первом этапе Основные понятия, технологии и педагогические подходы в исходной статье были классифицированы посредством содержательного анализа. На втором этапе эти концепции сравнивались с терминами искусственного интеллекта, генеративного ИИ, цифровых компетенций, грамотности данных и цифрового обучения, ориентированного на человека, в современном образовании. На третьем этапе обновленные концепции взаимосвязаны, разработана концептуальная модель экосистемы цифрового обучения.

В качестве источника исследования был использован теоретический материал из данной исходной статьи. В нем цифровое обучение описывается тремя основными областями: внедрение цифровых технологий в учебный процесс, формирование цифрового образовательного контента и цифровое управление образованием [2]. Также показаны такие инструменты, как цифровая образовательная среда, облачные ИКТ, Smart, смешанное и мобильное обучение, блокчейн, электронное обучение и геймификация [5].

При современном терминологическом обновлении использовался принцип не только изменения наименования технологического инструмента, но и уточнения его педагогической функции. *«Электронный учебник»*, например, дополнен более широким понятием *«цифровой учебный контент»*, а *«цифровая грамотность»* - понятием *«цифровая и ИИ грамотность»*, включающим навыки критического и ответственного использования средств ИИ.

«E-learning» сохраняется, но теперь он интерпретируется как интегрированная среда, включающая LMS, синхронное и асинхронное обучение, цифровую оценку и аналитику обучения, а не только уроки в электронном формате. В то время как *«Геймификация»* рассматривается как введение элементов игры, в новой модели она трактуется как компонент педагогического дизайна, направленный на повышение активности обучающегося [6].

UNESCO уделяет особое внимание поддержанию человеческого агентства, конфиденциальности данных, безопасности и этической проверки при использовании генеративных ИИ в образовании. Поэтому в ходе исследования был получен принцип рассмотрения ИИ не как *«технологии, заменяющей учителя»*, а как интеллектуального инструмента, поддерживающего педагогическое решение. Этот подход соответствует поддержанию баланса между учителем, учеником и цифровой средой, описанной в исходной статье.

Методологически результат исследования структурирован двумя таблицами и одной концептуальной диаграммой. В первой таблице сравниваются ранее использованные термины с современными. Вторая таблица систематизирует основные компетенции учителя и обучающегося. Диаграмма объединяет цифровую инфраструктуру, ИИ, педагогический дизайн, инклюзивность, грамотность в данных, академическую честность и обучение на протяжении всей жизни в единую систему. Связи на диаграмме являются теоретической моделью, а не эмпирическим измерением.

Таблица 1. Обновленная версия научных терминов.

Исходный термин	Обновленный термин	Современное содержание
Цифровое обучение	Экосистема цифрового обучения	Цифровые ресурсы, LMS, аналитика, ИИ и единство педагогического дизайна
Применение ИКТ	Интеграция цифровых и ИИ инструментов	Выбор и критическое использование технологий для целей обучения
Электронный учебник	Цифровой учебный контент	Текст, видео, интерактивный материал, мультимедиа и генеративный контент
E-learning	Цифровое / смешанное обучение	Синхронное, асинхронное обучение, LMS, цифровая оценка и обратная связь
Геймификация	Продуманный педагогический дизайн	Игровые элементы, повышающие мотивацию и активность в обучении
Цифровая грамотность	Цифровая и цифровая грамотность	Проверка информации, оценка результата ИИ, безопасное и этичное применение
Цифровой образовательный ресурс	Интеллектуальный цифровой учебный ресурс	Адаптивный, персонализированный и поддерживающий ИИ ресурс

Таблица 2. Основные компетенции в эпоху ИИ.

Субъект	Основная компетенция	Ожидаемое действие
Учитель	Педагогика ИИ	Согласование средства ИИ с целью обучения, проверка результата
Учитель	Этика ИИ	Соблюдение правил конфиденциальности, академической честности и ответственного применения
Учитель	Грамотность данных	Интерпретация учебной аналитики и принятие педагогических решений
Обучающийся	Грамотность ИИ	Критическая оценка результата ИИ и проверка с источником

Субъект	Основная компетенция	Ожидаемое действие
Обучающийся	Ориентированная на человека позиция	Использование ИИ с сохранением собственного мышления и ответственности
Обучающийся	Творчество и дизайн	Разработка идеи, прототипирование и совершенствование результата с помощью ИИ
Все участники	Цифровая безопасность	Защита персональных данных и безопасное цифровое поведение

Концептуальная модель экосистемы цифрового обучения нового поколения

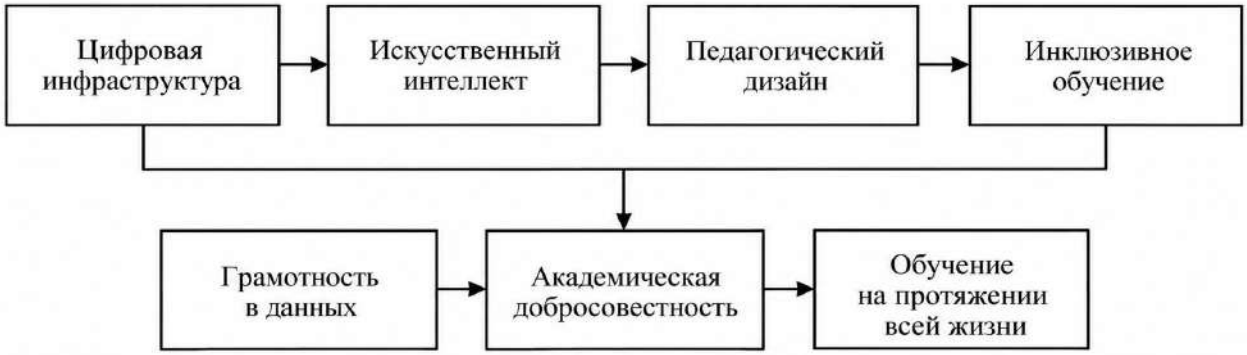

Рисунок 1. Концептуальная модель
обновленной экосистемы цифрового обучения.

Примечание: схема носит концептуальный характер и не отражает конкретные последовательности или количественные зависимости между компонентами.

Результаты и обсуждение. Обновленный анализ показал, что содержание цифрового обучения меняется от использования инструментов к проектированию экосистемы обучения. В исходной статье цифровые технологии рассматриваются как инструмент для повышения качества обучения, повышения наглядности, облегчения мониторинга и оценки, дистанционного обучения и расширения инклюзивных возможностей.

Эти области сохраняются, но на текущем этапе к ним добавляются новые функции, такие как генерация контента через ИИ, персонализированная обратная связь, аналитика обучения и интеллектуальная оценка.

UNESCO связывает компетенции учителей ИИ с пятью измерениями: *ориентированная на человека позиция, этика ИИ, основы и приложения ИИ, педагогика ИИ и профессиональное развитие*. Для обучающихся представлены четыре критерия - ориентированная на человека позиция, этика ИИ, методы и приложения и проектирование системы ИИ. Эта структура расширяет идеи метапознания, собственного обучения и цифровой среды в исходной статье, направляя на сознательное использование технологического инструмента [3].

«Основное изменение» с точки зрения обсуждения наблюдается в разнице между «использованием технологий» и «совместным обучением с технологиями». Поскольку генеративный ИИ может создавать текст, изображение, код и другие типы контента, становится все более важным проверять информацию, оценивать источник, указывать авторство, строить аргументы и критически оценивать результат, а не само выполнение задачи [7].

С точки зрения инклюзивного обучения цифровые инструменты позволяют повысить доступность образования, однако само по себе технологическое решение не обеспечивает автоматически равенство возможностей обучающихся [4]. Следовательно, доступность интерфейса, учет личных потребностей, языковая поддержка, безопасность данных и профессиональный контроль учителя должны рассматриваться параллельно. Диаграмма показывает взаимосвязь этих факторов. Он отражает обновленную теоретическую структуру, представленную в статье, а не статистические показатели.

Заключение. Таким образом, цифровая модернизация учебного процесса на современном этапе не должна ограничиваться задачей увеличения электронных ресурсов или автоматизации учебного процесса. Развитие искусственного интеллекта и генеративного ИИ требует пересмотра содержания образования, профессиональной роли учителя, стратегии обучения обучающегося и принципов оценки. В этом смысле идеи цифрового образования, облачных технологий, электронного обучения, мобильного и смешанного обучения, геймификации, метапознания и инклюзивного обучения, представленные в исходной статье, сохраняют свою актуальность, но их необходимо дополнить терминами и компетенциями эпохи ИИ.

В основе обновленной модели лежат семь компонентов: цифровая инфраструктура, искусственный интеллект, педагогический дизайн, инклюзивное обучение, грамотность в области данных, академическая честность и обучение на протяжении всей жизни. Эти компоненты рассматриваются как единая образовательная экосистема, а не как отдельные.

Главная задача для учителя - не просто стать пользователем инструмента ИИ, а усилить роль профессионала, определяющего его педагогическую цель, проверяющего результат и объясняющего его этические ограничения. Для обучающегося важно не готовое восприятие информации, а критическая оценка результата, полученного с помощью ИИ, проверка с помощью источника и самостоятельное подведение итогов.

Таким образом, следующий этап цифровой трансформации характеризуется переходом от *«внедрения цифровых технологий к созданию интеллектуальной образовательной среды, ориентированной на человека»*. Это направление позволяет развивать взаимосвязанность между качеством образования, доступностью, инклюзией и обучением на протяжении всей жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Timotheou S., Miliou O., Dimitriadis Y., Villagrá Sobrino S., Giannoutsou N., Cachia R., Martínez Monés A., & Ioannou A. (2023). Impacts of digital technologies on education and factors influencing schools' digital capacity and transformation: A literature review. Education and Information Technologies, 28, 6695–6726. DOI 10.1007/s10639-022-11431-8
2. OECD. (2023). OECD digital education outlook 2023: Towards an effective digital education ecosystem. OECD Publishing. DOI 10.1787/c74f03de-en
3. Miao F., & Cukurova M. (2024). AI competency framework for teachers. UNESCO. DOI 10.54675/ZJTE2084
4. Тасыбеков А.Е. (2026). Қоғам әлеуетін жақсартудағы инклюзивті білім берудің орны // Вестник науки. № 7 (100). Т. 3. С. 71–78. https://cyberleninka.ru/article/n/o-am-leuetin-zha-sartuda-y-inklyuzivti-bilim-berudi-orny
5. Bakhisheva S.M., Tikhonyuk E.V., Mukhtar Z.G., Kinzhekova R.S., & Kemeshova A.M. (2024). Unified blended learning environment: The Kazakhstani context. The Education and Science Journal, 26 (6), 12–41. DOI 10.17853/1994-5639-2024-3371
6. Chiu T., Ahmad Z., Ismailov M., & Sanusi I. (2024). What are artificial intelligence literacy and competency? A comprehensive framework to support them. Computers and Education: Artificial Intelligence, 6. DOI 10.1016/j.caeo.2024.100171
7. Lee C.C., & Low M. (2024). Using genAI in education: The case for critical thinking. Frontiers in Artificial Intelligence, 7. DOI 10.3389/frai.2024.1452131

Yeleusizova S.
Master of Social Sciences, Senior Lecturer
Department of Social Sciences and Humanities
Kazakh National Agrarian Research University
(Almaty, Kazakhstan)

Mutalip U.
Master of Social Sciences, Senior Lecturer
Department of Social Sciences and Humanities
Almaty Technological University
(Almaty, Kazakhstan)

Tassybekov A.
PhD in Philosophy
Head of the Department of Science and Innovation
Kurmangazy Kazakh National Conservatory
(Almaty, Kazakhstan)

MODERNIZATION OF LEARNING AMID INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND DIGITAL TECHNOLOGIES

Abstract: *this article examines integration of artificial intelligence (AI), generative AI tools, digital educational resources, and data-informed pedagogical approaches amid digital transformation of education. The study aims to update traditional digital learning concepts in light of technological developments and identify new roles for teachers and learners. Theoretical findings of the original article were systematized and compared with contemporary international methodological approaches. The study proposes a shift from digital literacy to AI literacy, from electronic content to intelligent learning environments, and from monitoring to data-driven assessment. It also substantiates principles for human-centered, ethical, safe, and inclusive use of these technologies.*

Keywords: *artificial intelligence, generative AI, digital education, digital literacy, AI literacy, instructional design, data literacy, inclusive learning, e-learning, academic integrity.*

УДК 372.881.1

Коргушева В.Н.

магистрант

факультет прикладной лингвистики

кафедра интегративной и цифровой лингвистики

Донской государственный технический университет

(г. Ростов-на-Дону, Россия)

ДИНАМИКА ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ СИСТЕМНОЙ РАБОТЕ С АУДИОВИЗУАЛЬНЫМИ МЕДИА

***Аннотация**: в статье рассматривается динамика иноязычной коммуникативной компетенции при системном использовании аудиовизуальных медиа. Раскрывается роль аутентичных видеоматериалов в развитии аудирования, устной речи, словарного запаса и способности участвовать в иноязычном общении. Показано значение последовательной организации работы с медиаматериалами и постепенного усложнения речевых заданий.*

***Ключевые слова**: иноязычная коммуникативная компетенция, аудиовизуальные медиа, иностранный язык, аутентичный видеоматериал, аудирование, устная речь, коммуникативный навык.*

На сегодняшний день использование аудиовизуальных средств активно применяется при обучении иностранному языку. Данные средства эффективно способствуют развитию навыков и умений восприятия иноязычной речи. Рассмотрим преимущества и недостатки использования аудиовизуальных средств при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов, а также влияние этих средств на эффективность образовательного процесса. Современная цифровая среда расширила возможности такой работы за счет аудиовизуальных медиа.

Учебные и аутентичные видеоролики, видеоблоги, интервью, фрагменты фильмов и образовательные программы объединяют звучащую речь с визуальной информацией. Обучающийся одновременно воспринимает произношение, интонацию, темп речи, ситуацию общения, поведение участников и сопровождающий видеоряд. А. А. Бахтина отмечает возможности аудиовизуальных текстов в развитии восприятия иноязычной речи и связывает их применение с мультисенсорным характером получения информации [1]. Такой формат создаёт условия для включения языкового материала в конкретную коммуникативную ситуацию.

Актуальность исследования определяется изменением приоритетов в образовании, которое предполагает более широкое использование аудиовизуальных методов в преподавании иностранных языков. Они погружают учащихся в среду естественного языка, активизируют обучение, стимулируют интеллект, познавательную и творческую активность обучающихся и позволяют индивидуализировать процесс обучения. Одним из наиболее эффективных и креативных способов изучения иностранного языка является использование аутентичных видеоматериалов. Интересный взгляд на использование аутентичных материалов и текстов отражен в трудах зарубежных исследователей. Термин «аутентичное обучение», выделенный, в подходе Р. Оливера и Дж. Херрингтон, напрямую относится к реальной жизни учащихся и направлен на подготовку к встрече с реальными ситуациями в мире [6].

Определяющее значение приобретает последовательная организация работы с медиаматериалом. Отдельный просмотр видео дает обучающемуся определенный языковой опыт, а регулярное включение аудиовизуального контента в занятия позволяет закреплять способы восприятия и использования иностранной речи. Работа может включать предварительное знакомство с темой, просмотр материала, выделение ключевой информации, обсуждение содержания, выполнение речевых заданий и последующее использование изученной лексики в собственных высказываниях. Повторение такого цикла создает основу для постепенного накопления речевого опыта.

В. Н. Копытко рассматривает аутентичные видеоматериалы как средство формирования коммуникативной компетенции студентов. Автор уделяет внимание подбору содержания и системе упражнений, которые сопровождают просмотр и направляют деятельность обучающихся [5]. В данном случае значение имеет сам видеоматериал и характер последующей работы с ним. Вопросы по содержанию, обсуждение коммуникативной ситуации, воспроизведение отдельных фрагментов и создание самостоятельных высказываний переводят восприятие видео в активную речевую деятельность.

Систематическое использование аудиовизуальных медиа позволяет проследить изменение отдельных компонентов иноязычной коммуникативной компетенции в течение учебного периода. Такая динамика может проявляться в росте точности понимания звучащей речи, расширении активного словаря, увеличении объема высказывания, повышении беглости речи и способности самостоятельно реагировать на содержание услышанного. Эти показатели отражают переход от восприятия отдельных языковых единиц к более свободному использованию иностранного языка в общении.

Практическое значение регулярной работы с видеоматериалами подтверждается исследованием Н. Ю. Туласыновой. Автор использовала комплекс аутентичных видеоматериалов при обучении английскому языку и проводила диагностику речевых навыков по параметрам беглости и связности речи, словарного запаса, грамматического оформления и произношения [6]. Организация работы включала серию видеофрагментов и связанные с ними упражнения. Полученные результаты показали положительные изменения речевых навыков обучающихся после формирующего этапа.

Актуальность исследования определяется распространением аудиовизуальных ресурсов в языковом образовании и потребностью в оценке изменений иноязычной коммуникативной компетенции при их регулярном использовании. Изучение динамики позволяет связать применяемые формы работы с конкретными изменениями в аудировании, словарном запасе, говорении и способности участвовать в иноязычном общении.

Цель исследования состоит в изучении динамики иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в условиях системной работы с аудиовизуальными медиа.

Эффективное усвоение учебного материала обучающимися зависит от индивидуальных особенностей. В процессе ряда исследований было обнаружено множество различных видов интеллекта. Исследователи выделяют несколько типов интеллекта: визуальный интеллект, аудиоинтеллект, математический интеллект, вербальный интеллект и т. д. В соответствии с этим, наглядные пособия при обучении иностранному языку должны быть разработаны и использованы с учетом индивидуальных особенностей обучающегося [3].

Системная работа с аудиовизуальными материалами предполагает последовательное усложнение речевых задач. Г. А. Касумова и А. А. Васильева выделяют несколько этапов работы с аутентичным видеоматериалом и связывают его использование с развитием устной речи и коммуникативных навыков студентов [4]. Регулярное выполнение заданий до просмотра, во время просмотра и после него помогает объединить восприятие иноязычной речи с последующей речевой практикой.

Н. В. Богданова и Н. И. Алмазова связывают высокий уровень иноязычной коммуникативной компетенции с коммуникативной аутентичностью [2]. Для обучающегося значение приобретает владение языковыми средствами вместе с пониманием культурно обусловленных моделей поведения. Аудиовизуальные медиа создают условия для наблюдения таких моделей и последующего использования полученного опыта в собственной речи.

Проведённый анализ показывает, что системная работа с аудиовизуальными медиа создаёт условия для последовательного развития иноязычной коммуникативной компетенции. Регулярное восприятие аутентичной речи помогает обучающимся лучше понимать содержание высказываний, расширять активный словарь и увереннее использовать языковые средства в собственном общении. Наибольшее значение имеет последовательная организация работы с видеоматериалом. Задания, выполняемые до просмотра, в процессе восприятия и после него, связывают аудирование с обсуждением содержания и самостоятельной речевой деятельностью. Постепенное усложнение таких заданий способствует развитию беглости речи, точности понимания и способности использовать полученную информацию в коммуникативной ситуации. Таким образом, динамика иноязычной коммуникативной компетенции связана с регулярностью использования аудиовизуальных материалов и характером организованной на их основе речевой практики. Полученные положения могут учитываться при разработке занятий по иностранному языку с применением современных медиаресурсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтина А.А. Преимущества и ограничения использования аудиовизуальных текстов при обучении иностранному языку студентов неязыковых вузов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2024. № 2 (42). С. 228–231. DOI 10.24151/2409-1073-2024-2-228-231
2. Богданова Н.В., Алмазова Н.И. Коммуникативная аутентичность как целевой ориентир в методике преподавания иностранных языков // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 8 (134). С. 2–10. DOI 10.23670/IRJ.2023.134.128
3. Капсаргина С.А., Шмелев Р.В. Использование видеосюжетов на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2024. Т. 13, № 1 (46). С. 51–53

4. Касумова Г.А., Васильева А.А. Аутентичный аудиовизуальный материал как инструмент развития коммуникативных навыков у студентов неязыковых вузов // Педагогическое образование в России. 2023. № 5. С. 117–125

5. Копытко В.Н. Использование аутентичных видеоматериалов на занятиях по иностранному языку с целью формирования коммуникативной компетенции студентов неязыковых вузов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 9. С. 93–95. DOI 10.37882/2223-2982.2024.9.18

6. Туласынова Н.Ю. Использование аутентичных видеоматериалов в процессе обучения английскому языку // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 1 (139). С. 1–5. DOI 10.23670/IRJ.2024.139.76

Korgusheva V.N.
master's degree student
Faculty of Applied Linguistics
Department of Integrative and Digital Linguistics
Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

DYNAMICS OF FOREIGN LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE WITH SYSTEMATIC USE OF AUDIOVISUAL MEDIA

Abstract: *this article examines changes in foreign language communicative competence resulting from systematic use of audiovisual media. It explores the role of authentic video materials in developing listening comprehension, speaking skills, vocabulary, and the ability to communicate in a foreign language. It highlights the importance of a structured sequence of activities using media materials and gradually increasing the complexity of speaking tasks.*

Keywords: *foreign-language communicative competence, audiovisual media, foreign language, authentic video material, listening comprehension, speaking skills, communication skill.*

УДК 37.013

Мифирия С.А.
заместитель директора по учебно-воспитательной
работе, учитель информатики
Деденевская средняя общеобразовательная школа им. Н.К. Крупской
(п. Деденево, Дмитровский р-н, Московская обл., Россия)

СПОСОБЫ ПОВЫШЕНИЯ УЧЕБНОЙ МОТИВАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

***Аннотация**: рассматриваются педагогические способы поддержки учебной мотивации школьников при использовании цифровых образовательных ресурсов. Материалом послужили научные публикации и результаты авторской НИР о предпочтениях пользователей образовательных интерфейсов. Предложены приёмы постановки осмысленной цели, организации посильных этапов работы, предоставления выбора, обратной связи и отображения личного прогресса. Их применение раскрыто на примере учебного задания. Разграничены привлекательность интерфейса и устойчивость учебной мотивации.*

***Ключевые слова**: учебная мотивация, цифровой образовательный ресурс, педагогическая поддержка, обратная связь, личный прогресс, постановка учебной цели.*

Цифровое задание может привлечь внимание школьника, но яркое оформление ещё не объясняет, зачем учиться. Ребёнок открывает материал, выполняет несколько действий, получает баллы и теряет интерес, когда возникает затруднение. В такой ситуации учителю важно понять, что именно мешает продолжить работу: непонятная цель, недостаток знаний, страх ошибки или неудобная организация задания. Проблема мотивации требует внимания к каждому из этих условий.

Цель статьи – определить доступные учителю способы поддержки учебной мотивации школьников в цифровой среде. Использованы анализ научных публикаций и педагогическое осмысление материалов авторской НИР о проектировании образовательных интерфейсов [1]. Предлагаемые приёмы имеют методический характер. Их результативность в конкретном классе требует отдельной проверки.

В рамках НИР проведён опрос о предпочтениях при выборе трёх макетов образовательного веб-приложения. В нём участвовали 136 респондентов: 74 преподавателя, 47 обучающихся и 15 родителей. Сдержанный макет А выбрали 55,3% обучающихся, макет С с элементами геймификации – 44,7% [1, с. 16–17]. Даже внутри одной группы предпочтения разделились. Поэтому при выборе цифрового ресурса недостаточно опираться на представление о том, что всем детям необходимы яркие игровые элементы. Опрос отражает предпочтения его участников, изменения учебной мотивации и успеваемости в нём не измерялись.

Педагогическую основу предлагаемых решений составляет теория самодетерминации. Р. Райан и Э. Деси связывают внутреннюю мотивацию с удовлетворением потребностей в самостоятельности, компетентности и принадлежности к группе [3]. Ученику важно иметь осмысленный выбор, чувствовать, что он способен справиться с задачей, и получать поддержку в общении. Эти положения позволяют рассматривать цифровую среду как средство организации учебных действий и отношений.

Первый приём – связывать задание с вопросом, понятным ученику. Указание «выполните упражнение» сообщает о требовании, но оставляет неясным смысл работы. Более содержательное начало предполагает проблему: какой материал поможет дольше сохранить напиток тёплым и как это проверить? На цифровой карточке достаточно обозначить вопрос, ожидаемый результат и критерии его оценки. Сюжет должен давать основание применить знания, лишние подробности могут отвлекать от учебной задачи.

Критерии желательно сформулировать до начала работы языком учебных действий: сравнить два варианта, привести доказательство, объяснить выбор. Тогда ученик может самостоятельно проверить промежуточный результат. Учитель, в свою очередь, получает возможность спросить, на каком шаге возникло затруднение, и подобрать помощь именно к этому шагу.

Второй приём – организовать посильное продвижение. Сложное задание целесообразно разделить на этапы: выдвинуть предположение, выбрать способ проверки, сопоставить данные, объяснить результат. Для каждого этапа учитель определяет необходимую опору. Одному ученику понадобится образец записи, другому – уточняющий вопрос. Подсказку полезно открывать по запросу, сохраняя возможность самостоятельного решения. Посильность означает соразмерность трудности подготовке ребёнка, а не устранение всех затруднений.

Важно предусмотреть и разный темп выполнения. Ученик, который справился быстрее, может проверить решение другим способом или предложить вопрос одноклассникам. Тому, кому требуется больше времени, следует сохранить доступ к инструкции и возможность вернуться к незавершённому этапу. Названия заданий при этом не должны закреплять за детьми обозначения «слабый» и «сильный».

Здесь педагогические требования связаны с устройством интерфейса. Инструкция, материалы и место для ответа должны быть легко доступны. Одинаковые действия желательно обозначать одинаково, а завершённый этап – отмечать понятной подписью. Если ученик вынужден искать задание среди уведомлений и переходов, учителю сложнее отличить учебное затруднение от технического. Перед использованием ресурса полезно пройти задание в роли ученика и проверить его на доступных классу устройствах.

Понятность цифрового задания включает читаемый текст, заметную кнопку отправки и сообщение о сохранении ответа. Значение цвета нужно дублировать словами: ребёнок должен понимать, что выполнено, а что требует доработки. Если работа с ресурсом вызывает технические затруднения, полезно предложить равноценный способ выполнения. Иначе оценка может зависеть от доступа к устройству или навыка обращения с программой.

Третий приём – предоставлять выбор при общей учебной цели. Школьнику можно предложить выбрать объект исследования или представить вывод в виде схемы с пояснением либо краткого текста. В обоих случаях оцениваются точность объяснения и опора на полученные данные. Выбор становится содержательным, когда действительно влияет на способ работы. При этом учитель ограничивает число вариантов, чтобы само принятие решения не оказалось отдельной сложной задачей.

Самостоятельность полезно сочетать с сотрудничеством. Например, в паре один ученик предлагает объяснение, другой задаёт вопросы о доказательствах, после чего они меняются ролями. В цифровой форме можно сохранять общий вывод и краткую запись о вкладе каждого. Учителю важно замечать не только правильный ответ, но и удачный вопрос, проверку предположения, помощь в обнаружении ошибки. Так участие становится доступным детям с разным темпом работы.

Четвёртый приём – давать обратную связь, которая помогает продолжить действие. В метаанализе Б. Вишневски, К. Цирера и Дж. Хэтти показано, что эффект обратной связи зависит от её информационного содержания [4]. Сообщение «Неверно» не объясняет, что нужно изменить. Полезнее указать конкретное затруднение: «Ты сравнил результаты, но не проверил начальную температуру. Можно ли считать условия одинаковыми?» После такого комментария необходимо предусмотреть возможность исправить ответ.

Обратную связь целесообразно завершать короткой рефлексией. Ученик может записать, что изменил после комментария и почему новое решение считает более точным. Учитель сопоставляет первоначальный и исправленный ответы. Такая организация помогает связать доработку с пониманием материала. При этом число комментариев следует соотносить с возможностью ребёнка их выполнить: на одном этапе достаточно выделить главное затруднение.

Пятый приём – делать видимым личный прогресс. В карточке достижений можно отмечать освоенные действия: «сформулировал предположение», «сравнил условия», «объяснил результат». Рядом уместно сохранять пример работы, который подтверждает достижение. Ученику становится доступно сравнение своих решений в начале и в конце темы. При обсуждении прогресса педагог помогает ответить на два вопроса: что уже получается самостоятельно и над чем предстоит поработать.

Запись о достижении не стоит превращать в ещё одну отметку. Можно предложить ученику самому выбрать работу, которая показывает его продвижение, и объяснить свой выбор. Педагог проверяет, соответствует ли пример заявленному умению, и обсуждает следующий шаг. Такой способ ведения цифрового портфолио делает основания признания успеха понятными обеим сторонам.

Геймификация может дополнять такую практику. Л. Ли, К. Ф. Хью и Ц. Ду выявили небольшой положительный эффект её применения на внутреннюю мотивацию [2]. Однако наличие баллов или значков само по себе не гарантирует результата. Предлагается связывать поощрение с освоенным действием и заранее объяснять критерии. Основное внимание стоит уделять личному продвижению, общий рейтинг не должен становиться единственным способом признания успеха.

Рассмотрим возможное применение приёмов на уроке физики при изучении теплопередачи. Учитель предлагает выбрать материал для теплоизоляционного чехла чашки. Группы формулируют предположение и получают подготовленные учителем данные остывания воды в одинаковых условиях. Затем выбирают форму представления результатов, сравнивают материалы и обосновывают вывод. Цифровая карточка содержит условие, таблицу данных, подсказку и поле для объяснения. После комментария педагога ученики дорабатывают ответ и отмечают освоенное действие. Это пример проектирования задания, а не описание проведённого эксперимента.

Для проверки предложенного подхода учителю целесообразно наблюдать, возвращаются ли дети к заданию после ошибки, предлагают ли собственные способы и могут ли объяснить решение. Наблюдения следует сопоставлять с краткой самооценкой интереса и качеством работ в течение нескольких занятий. Однократная активность может отражать новизну ресурса. Поэтому вывод о росте мотивации требует повторных наблюдений, а для исследовательской оценки – заранее выбранных показателей и сопоставимых условий.

Таким образом, поддержку учебной мотивации в цифровой среде целесообразно выстраивать вокруг понятной цели, посильного действия, выбора, содержательной обратной связи и личного прогресса. Связь с проектированием интерфейса состоит в том, чтобы сделать эти возможности доступными ученику. Учитель определяет содержание задания, характер помощи и основания для признания успеха. Именно согласованность этих решений создаёт условия, в которых ребёнок может понимать смысл работы и постепенно становиться самостоятельнее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мифирия С.А. Исследование и обобщение лучших практик проектирования пользовательских интерфейсов веб-приложений в образовательной сфере: отчёт по научно-исследовательской работе. Москва: НИТУ МИСИС, 2025. С. 16–18

2. Li L., Hew K.F., Du J. Gamification enhances student intrinsic motivation, perceptions of autonomy and relatedness, but minimal impact on competency: a meta-analysis and systematic review // Educational Technology Research and Development. 2024. Vol. 72. P. 765–796. DOI: 10.1007/s11423-023-10337-7

3. Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions // Contemporary Educational Psychology. 2020. Vol. 61. Art. 101860. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101860

4. Wisniewski B., Zierer K., Hattie J. The Power of Feedback Revisited: A Meta-Analysis of Educational Feedback Research // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 10. Art. 3087. DOI: 10.3389/fpsyg.2019.03087

Mifiria S.A.

Deputy Director for Academic and Educational Affairs, Computer Science Teacher

Dedenevo Secondary School named after N.K. Krupskaya

(Dedenevo, Dmitrovsky district, Moscow region, Russia)

WAYS TO ENHANCE SCHOOL KIDS' LEARNING MOTIVATION IN DIGITAL ENVIRONMENTS

Abstract: *pedagogical approaches to supporting school kids' learning motivation when using digital educational resources are examined. The study draws on scholarly publications and findings from the author's research project on user preferences for educational interfaces. Techniques are proposed for setting meaningful learning goals, dividing work into manageable stages, offering choices, providing feedback, and displaying individual progress. Their application is illustrated with a learning task. Interface appeal is distinguished from sustained learning motivation.*

Keywords: *learning motivation, digital educational resource, pedagogical support, feedback, individual progress, learning goal setting.*

УДК 37.016:004

Мифирия С.А.

заместитель директора, учитель информатики

Деденевская средняя общеобразовательная школа им. Н.К. Крупской

(п. Деденево, Дмитровский р-н, Московская обл., Россия)

СЮЖЕТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ УРОКА ИНФОРМАТИКИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИИ

***Аннотация**: статья посвящена методике проектирования урока информатики, в котором художественный сюжет, подготовленный с использованием генеративного искусственного интеллекта, выполняет функцию носителя учебной проблемы. На основе анализа исследований учебной мотивации, цифрового сторителлинга и применения генеративного ИИ в планировании занятий предложена модель перехода от сюжетного противоречия к формализации, выдвижению гипотезы, полной проверке решения и рефлексии. Методика конкретизирована на теме «Логические выражения и таблицы истинности» в 10 классе. Выделены требования к сюжету, критерии его дидактической пригодности и способы оценивания учебного результата. Показано, что ИИ целесообразно использовать как инструмент подготовки контекста, тогда как постановка учебной цели, проверка корректности и организация деятельности обучающихся остаются задачами педагога.*

***Ключевые слова**: информатика, учебная мотивация, системно-деятельностный подход, генеративный искусственный интеллект, сюжетный контекст, таблица истинности.*

Введение.

Одной из устойчивых методических проблем школьной информатики остается разрыв между формальным действием и пониманием его назначения. Ученик может без ошибок построить таблицу истинности, применить операции И, ИЛИ, НЕ, но воспринимать эти действия как набор правил, не связанных с задачами, в которых требуется принять решение. В результате предметное

действие выполняется, а его смысл для обучающегося остается недостаточно очевидным.

Для уменьшения этого разрыва учебная задача может быть помещена в сюжетный контекст. Сюжет в данном случае понимается не как развлекательное дополнение к уроку, а как способ задать противоречие, последствия ошибки и понятную цель действия. Такой подход согласуется с системно-деятельностной логикой, в которой освоение содержания происходит через самостоятельные действия ученика, постановку учебной цели, проверку способа и рефлексию [1]. В федеральной рабочей программе среднего общего образования по информатике изучение логических операций, выражений и способов их анализа относится к предметному содержанию базового уровня [2].

Мотивационный потенциал сюжетного контекста связан не с самим фактом наличия истории. С позиций теории самодетерминации более устойчивой учебной активности способствуют условия, поддерживающие автономию, переживание компетентности и осмысленное включение ученика в деятельность [3]. Экспериментальное исследование цифрового сторителлинга, проведенное с учащимися 10 класса, также показало связь такой формы работы с учебной мотивацией, критическим мышлением и результатами обучения [4]. Однако эти данные нельзя механически переносить на любой урок с историей: сюжет приносит пользу только тогда, когда он встроен в содержание задания и не подменяет собой предметную деятельность.

Появление генеративного искусственного интеллекта существенно упростило подготовку вариативных учебных контекстов. Современные исследования рассматривают генеративный ИИ как помощника педагога при проектировании занятий, разработке материалов и организации исследовательской работы [5]. Одновременно отмечается необходимость критической проверки полученных результатов. В исследовании W. Powell и S. Courchesne система быстро создавала и уточняла план урока, но в отдельных версиях сохранялись недостающие детали и недостоверные ресурсы [6]. Аналогично T. Gurl, M. Markinson и A. Artzt показывают значимость

рефлексивной оценки предложений ИИ при планировании уроков [7]. Следовательно, методический вопрос заключается не в том, способен ли ИИ придумать историю, а в том, как педагог может преобразовать сгенерированный сюжет в последовательность учебных действий.

Цель настоящей работы – разработать и обосновать методическую модель использования сюжетного контекста, подготовленного с помощью генеративного ИИ, для организации системно-деятельностного урока информатики. В качестве конкретного примера рассматривается тема «Логические выражения и таблицы истинности» в 10 классе. Практическая задача состоит в том, чтобы сохранить мотивационную функцию истории, но сделать главным результатом урока не эмоциональное впечатление, а освоенный способ формализации и проверки логического условия.

Материалы и методы.

Работа носит теоретико-методический характер. Использованы анализ научных публикаций по учебной мотивации, цифровому сторителлингу и применению генеративного ИИ в педагогическом проектировании, педагогическое моделирование, логико-семантический анализ учебной задачи, сравнение исходного и исправленного логических выражений методом полной таблицы истинности. Разработанная модель рассматривается как воспроизводимый алгоритм проектирования занятия, а не как доказательство роста мотивации после одного урока.

В качестве ограничения принципиально принято, что обучающиеся не обязаны обращаться к нейросети во время занятия. Генеративный ИИ используется педагогом на подготовительном этапе для создания и редактирования сюжета. Такое разделение позволяет сохранить контролируемость содержания: математическая и логическая корректность условия, ответы, критерии оценивания и последовательность учебных действий определяются учителем.

Модель преобразования сюжета в учебную задачу.

Предлагаемая модель строится вокруг одного принципа: каждый значимый элемент истории должен иметь дидактическую функцию. Если персонаж, событие или деталь нельзя связать с учебным действием, такая деталь увеличивает информационную нагрузку и может быть удалена. Сюжетное противоречие должно переводиться в формализуемую проблему, а развязка – зависеть от решения, полученного самими обучающимися.

На основании этого принципа выделяются пять последовательно связанных этапов: 1) предъявление ситуации с наблюдаемым противоречием, 2) выделение существенных условий и их формализация, 3) выдвижение способа решения, 4) проверка гипотезы на полном наборе значимых случаев, 5) возврат к сюжету с объяснением полученного результата. В этой последовательности история не завершается до того, как выполнено предметное действие.

Таблица 1. Требования к сюжетному контексту.

Компонент	Методическая функция	Критерий пригодности
Проблемное событие	Создает необходимость разобраться в причине результата	Противоречие обнаруживается из условий, а не сообщается готовым выводом
Сюжетные данные	Дают материал для формализации	Каждая существенная деталь соответствует переменной, ограничению или условию
Последствия решения	Придают действию понятный смысл	Результат зависит от корректности предметного решения
Роль ученика	Поддерживает самостоятельность и ответственность	Ученик выдвигает гипотезу и проверяет ее, а не повторяет готовый алгоритм
Финал	Организует рефлексию и перенос	Развязка наступает после доказательной проверки решения

Отдельное требование предъявляется к запросу генеративной модели. Он должен содержать не только тему и возраст обучающихся, но и учебное противоречие, обязательные условия, ограничения на объем истории и прямой запрет на готовое решение. Например: «Придумай короткую реалистичную историю для десятиклассников об автоматической оранжерее. Полив нужен при сухой почве или по расписанию, но аварийный сигнал должен запрещать его в любом случае. Покажи сбой и заверши вопросом без готового решения. Избегай лишних персонажей и технических подробностей». После генерации педагог обязан проверить, не появились ли в тексте дополнительные условия, которые меняют логическую модель.

Пример реализации на теме логических выражений.

Учебный сюжет строится вокруг автоматической оранжереи. Перед уходом ученица замечает, что насос включился при сухой почве, хотя одновременно горит аварийный сигнал. В журнале записано правило: полив включается, если почва сухая или наступило время полива, но при аварийном сигнале полив запрещен всегда. Сюжет завершается вопросом: как исправить условие и убедиться, что ошибка не проявится в другой ситуации?

После чтения истории вводятся обозначения: A – почва сухая, B – наступило время полива, C – есть аварийный сигнал. В исходном варианте контроллера используется выражение $F_0 = A \vee (B \wedge \neg C)$. При A = 1, B = 0, C = 1 выражение принимает значение 1, поэтому насос включается вопреки словесному запрету. Здесь возникает предметное затруднение: в формуле присутствуют все необходимые переменные и операции, но порядок их объединения искажает смысл правила.

Ключевым методическим решением становится отказ от немедленного сообщения правильной формулы. Учащиеся сначала фиксируют, каким должен быть результат при C = 1 независимо от A и B, затем предлагают собственные выражения и проверяют их. Для трех переменных существует восемь наборов значений, поэтому задача естественным образом приводит к необходимости полной таблицы истинности. Эталон $F = (A \vee B) \wedge \neg C$ открывается после обсуждения гипотез.

Таблица 2. Сопоставление исходного и исправленного условий.

A	B	C	$F_0 = A \vee (B \wedge \neg C)$	$F = (A \vee B) \wedge \neg C$
0	0	0	0	0
0	0	1	0	0
0	1	0	1	1
0	1	1	0	0
1	0	0	1	1
1	0	1	1	0
1	1	0	1	1
1	1	1	1	0

Таблица показывает два ошибочных включения – при наборах 101 и 111. Их причина становится понятна из структуры исходного выражения: истинность A сразу делает F_0 равным 1 и фактически обходит аварийный запрет. Тем самым учащиеся получают не только ответ к конкретной задаче, но и способ проверки: словесное условие переводится в выражение, затем на каждом наборе сопоставляются ожидаемый и вычисленный результаты. Одного контрпримера достаточно, чтобы опровергнуть формулу, а полная таблица позволяет подтвердить исправленный вариант в пределах заданной модели.

Для проверки переноса способа после общего обсуждения предлагается индивидуальная задача. Фонарь включается, если на улице темно и при этом обнаружено движение или включен ручной режим, в светлое время фонарь всегда должен быть выключен. Ученик должен записать условие и объяснить, почему выражение $(D \wedge M) \vee R$ ошибочно. Контрпример $D = 0, M = 0, R = 1$ приводит к формуле $D \wedge (M \vee R)$. Таким образом оценивается не запоминание результата про оранжерею, а способность применить способ рассуждения в новой ситуации.

Организация учебной деятельности и оценивание.

Таблица 3. Структура занятия продолжительностью 45 минут.

Этап	Время	Действия обучающихся	Методический результат
Включение в ситуацию	4 мин.	Фиксируют противоречие сюжета	Появляется вопрос, требующий предметного объяснения
Актуализация	5 мин.	Вспоминают И, ИЛИ, НЕ, проверяют исходное выражение	Обнаруживается несоответствие формулы правилу
Постановка цели	5 мин.	Формулируют цель и план проверки	Учебная цель принимается как задача класса
Работа в парах	12 мин.	Предлагают формулу, строят таблицу, сравнивают результаты	Проверяется гипотеза, распределяются роли
Обсуждение	7 мин.	Сопоставляют решения и объясняют контрпримеры	Фиксируется общий способ
Индивидуальная проверка	7 мин.	Решают задачу о фонаре	Проверяется перенос способа
Рефлексия	5 мин.	Формулируют, что научились проверять, возвращаются к сюжету	Результат связывается с исходной целью

Критерии оценивания сообщаются до самостоятельной работы. Минимально необходимы три позиции: логическое выражение соответствует словесному правилу, проверка охватывает все требуемые наборы значений,

найденный контрпример объяснен содержательно. Такое оценивание связывает балл не с активностью в обсуждении и не с выразительностью истории, а с наблюдаемыми предметными действиями.

Для поддержки учебной мотивации важен характер обратной связи. Вместо общей оценки «правильно/неправильно» педагог указывает на следующий проверяемый шаг: «Ты верно нашел аварийный случай, проверь, что происходит при A = 0» или «Формула работает для этого набора, но что должно происходить при C = 1 во всех остальных случаях?». Такая обратная связь сохраняет за учеником возможность самостоятельно исправить решение и поддерживает ощущение компетентности.

Научно-методическая ценность и ограничения подхода.

Научно-методическая ценность предложенной модели состоит в разделении двух процессов, которые при использовании генеративного ИИ часто смешиваются: создания привлекательного контекста и проектирования учебной деятельности. ИИ выполняет первую задачу в заданных педагогом границах, но не определяет логику урока. Учитель заранее фиксирует предметный результат, формализуемые условия, тип затруднения, способ доказательной проверки и критерии оценивания. После этого сюжет подбирается под уже заданную структуру, а не структура урока подстраивается под случайно сгенерированную историю.

Предлагаемый подход отличается и от обычной «легенды к заданию». Легенда часто заканчивается в момент предъявления упражнения, после чего дальнейшая работа не зависит от сюжета. В описанной модели история образует рамку всего учебного цикла: противоречие запускает формализацию, последствия ошибки объясняют необходимость проверки, а финал требует вернуться к исходной ситуации и аргументировать решение. За счет этого сюжет выполняет не декоративную, а структурирующую функцию.

Вместе с тем методика имеет ограничения. Во-первых, сюжет не должен становиться длиннее предметной задачи и создавать избыточную

информационную нагрузку. Во-вторых, эмоциональная вовлеченность не равна устойчивой учебной мотивации. По одному занятию корректно оценивать ситуативный интерес, участие в постановке цели, качество самостоятельных гипотез и успешность переноса способа, но нельзя делать вывод о долгосрочном изменении мотивации. В-третьих, сгенерированный ИИ текст требует обязательной педагогической и предметной проверки, что согласуется с выводами исследований о рисках неточностей в материалах, созданных генеративными моделями [6, 7].

Для последующей эмпирической проверки модели целесообразно сопоставлять результаты входного и итогового заданий, фиксировать долю обучающихся, самостоятельно сформулировавших гипотезу, число содержательно объясненных контрпримеров и успешность решения задачи переноса. Мотивационный компонент следует оценивать отдельно, например по краткой шкале ситуативного интереса и наблюдаемому включению в обсуждение. Повторение измерений на серии занятий позволит отделить эффект новизны сюжетного приема от более устойчивых изменений.

Заключение.

Использование художественного сюжета на уроке информатики приобретает методическую ценность тогда, когда история непосредственно порождает учебную задачу. На примере логических выражений показано, что сюжетное противоречие может привести ученика к необходимости формализации, выдвижения гипотезы и полной проверки решения, а не только привлечь внимание в начале урока.

Генеративный искусственный интеллект расширяет возможности педагога по подготовке таких контекстов, но не заменяет педагогическое проектирование. Практически значимым является следующий порядок работы: сначала определить предметный результат и структуру учебных действий, затем задать ИИ ограничения для создания сюжета, после чего проверить логическую однозначность текста и встроить его в этапы постановки проблемы,

исследования и рефлексии. При таком подходе ИИ остается инструментом учителя, а центральным результатом занятия становится освоенный обучающимся способ рассуждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асмолов А.Г. Системно-деятельностный подход к разработке стандартов нового поколения // Педагогика. 2009. № 4. С. 18–22.
2. Федеральная рабочая программа среднего общего образования. Информатика (базовый уровень): для 10–11 классов образовательных организаций. Москва, 2025. 46 с. URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2025/07/2025_soo_frp_informatika_10_11_baz.pdf (дата обращения: 09.10.2026)
3. Ryan R.M., Deci E.L. Intrinsic and extrinsic motivation from a self-determination theory perspective: Definitions, theory, practices, and future directions // Contemporary Educational Psychology. 2020. Vol. 61. 101860. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2020.101860.
4. Yang Y.-T.C., Wu W.-C.I. Digital storytelling for enhancing student academic achievement, critical thinking, and learning motivation: A year-long experimental study // Computers & Education. 2012. Vol. 59, No. 2. P. 339–352. DOI: 10.1016/j.compedu.2011.12.012.
5. Moundridou M., Matzakos N.M., Doukakis S. Generative AI tools as educators' assistants: Designing and implementing inquiry-based lesson plans // Computers and Education: Artificial Intelligence. 2024. Vol. 7. 100277. DOI: 10.1016/j.caeai.2024.100277.
6. Powell W., Courchesne S. Opportunities and risks involved in using ChatGPT to create first grade science lesson plans // PLOS ONE. 2024. Vol. 19, No. 6. e0305337. DOI: 10.1371/journal.pone.0305337.
7. Gurl T.J., Markinson M.P., Artzt A.F. Using ChatGPT as a Lesson Planning Assistant with Preservice Secondary Mathematics Teachers // Digital Experiences in

Mathematics Education. 2025. Vol. 11. P. 114–139. DOI: 10.1007/s40751-024-00162-9.

Mifiria S.A.
deputy principal, computer science teacher
Dedenevo Secondary School named after N.K. Krupskaya
(Dedenevo, Dmitrovsky district, Moscow region, Russia)

NARRATIVE MODELING OF A COMPUTER SCIENCE LESSON USING AI

Abstract: *this article presents a method for designing a computer science lesson in which a fictional narrative created using generative artificial intelligence serves as a vehicle for a learning problem. Drawing on research into learning motivation, digital storytelling, and the use of generative AI in lesson planning, the article proposes a model for moving from a narrative conflict to formalization, hypothesis formulation, exhaustive verification of the solution, and reflection. The method is illustrated using the topic «Logical Expressions and Truth Tables» in grade 10. Requirements for the narrative, criteria for its instructional suitability, and methods for assessing learning outcomes are identified. The article shows that AI is best used as a tool for preparing the context, while setting learning objectives, verifying correctness, and organizing student activities remain the teacher's responsibilities.*

Keywords: *computer science, learning motivation, system-activity approach, generative artificial intelligence, narrative context, truth table.*

УДК 37.091.12:005.336.2

Михайлова А.Е.

магистрант 2 курса группы 422п-МОз

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

(г. Сыктывкар, Россия)

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОЕКТНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У МОЛОДЫХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

***Аннотация**: в статье представлена модель формирования проектной компетентности у молодых учителей начальных классов. Автор анализирует противоречие между требованиями ФГОС НОО к овладению школьниками проектной деятельностью и реальным уровнем готовности педагогов к ее организации. На основе данных констатирующего эксперимента (выборка — 12 учителей МАОУ «СОШ №24» г. Сыктывкара) выявлены ключевые дефициты: подмена проекта докладом и неумение управлять групповой динамикой. Описана и обоснована программа «Проектный дебют», интегрирующая наставничество и интерактивные методы. Результаты контрольного этапа показали рост доли педагогов с высоким уровнем компетентности с 0% до 50%.*

***Ключевые слова**: проектная компетентность, молодой учитель, начальная школа, педагогический дефицит, наставничество, кейс-метод, ФГОС НОО.*

Современный этап развития российского образования характеризуется сменой парадигмы: от передачи знаний к формированию функциональной грамотности и самостоятельности обучающихся. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования (ФГОС НОО) закрепляет овладение младшими школьниками основами проектной деятельности как обязательный метапредметный результат. Однако реализация этого требования сталкивается с серьезным кадровым барьером [2, с. 10].

Молодые учителя (стаж 1–3 года), обладая теоретическими знаниями о структуре проекта, испытывают трудности при его практическом внедрении. Это

обусловлено недостатком практического опыта управления классом в условиях неопределенности, что приводит к формализации метода (подмена проекта рефератом) или отказу от него.

Проблема исследования: существует противоречие между нормативной необходимостью формирования у младших школьников навыков проектирования и недостаточной сформированностью проектной компетентности у начинающих педагогов, а также отсутствием в школах системных программ их методической поддержки.

Цель статьи: разработать и теоретически обосновать модель формирования проектной компетентности у молодых учителей начальных классов.

1. Теоретические основы исследования.

Понятие «компетентность» рассматривается нами вслед за И.А. Зимней и А.В. Хуторским как интегративная характеристика личности, определяющая способность решать типичные профессиональные задачи на основе приобретенных знаний и опыта [1, с. 18].

Проектная компетентность учителя начальных классов — это готовность к организации учебно-проектной деятельности обучающихся, включающая четыре взаимосвязанных компонента:

1. Мотивационно-ценностный: понимание значимости метода проектов для развития личности ребенка.

2. Когнитивный: знание этапов проектирования, типологии проектов и критериев оценки.

3. Деятельностный: умение проблематизировать, планировать, организовывать групповую работу и управлять рисками.

4. Рефлексивно-оценочный: способность анализировать результаты и корректировать педагогическую тактику.

Анализ нормативно-правовой базы (ФГОС НОО, Профстандарт «Педагог») показывает, что требования к результатам учеников прописаны детально, в то время как механизмы подготовки учителей к достижению этих результатов носят обобщенный характер [4, с. 15].

2. Результаты диагностики профессиональных дефицитов.

Для выявления реального состояния проблемы на базе МАОУ «СОШ №24» г. Сыктывкара было проведено исследование. Выборка составила 12 учителей начальных классов со стажем работы от 1 до 3 лет.

Методика: Комплексная диагностика, включающая анкету самооценки (10 вопросов), контент-анализ технологических карт уроков (ТКУ) и карту экспертного наблюдения.

Результаты констатирующего этапа (февраль 2026 г.):

Низкий уровень (58% / 7 чел.): Учителя владеют терминологией, но не умеют трансформировать учебную задачу в проблему. Проектная деятельность подменяется созданием стенгазеты или поиском информации в интернете без ее критической переработки.

Средний уровень (42% / 5 чел.): Педагоги проводят проекты, но допускают методические ошибки: не формируют у детей навыки рефлексии, ставят цели «за учеников», не распределяют роли в группе.

Высокий уровень (0%): Отсутствует.

Анализ ТКУ выявил типичные ошибки:

- Отсутствие графы «Возможные риски и пути их преодоления» (в 90% карт).

- Формулировка целей через деятельность учителя («Я научу»), а не ученика («Ученик научится»).

- Игнорирование этапа планирования (сразу переход к «деланию»).

3. Модель формирования проектной компетентности.

На основе выявленных дефицитов была разработана и апробирована программа методического сопровождения «Проектный дебют». Модель базируется на смене парадигмы: от административного контроля к педагогическому проектированию среды.

Компоненты модели:

Наставничество («Проектный тандем»): Не классический контроль, а совместное проектирование. Молодой учитель и наставник вместе пишут паспорт проекта, распределяя зоны ответственности. Это снимает страх «первого шага».

Кейс-метод (Problem-based learning): Разбор реальных педагогических ситуаций.

Пример кейса: «Родительский комитет отказывается закупать материалы для проекта 3 класса, считая это пустой тратой времени. Группа детей демотивирована. Ваши действия в течение 24 часов?».

Цель: Научить прогнозировать социальные риски.

Деловая игра «Методическая защита»: Молодые учителя представляют свои проекты перед «экспертным советом» (администрация, психолог), отвечая на каверзные вопросы. Это формирует навык аргументации.

Рефлексивный практикум: Разбор видеозаписей уроков, где учителя анализируют не ошибки детей, а свои собственные методические действия.

4. Анализ эффективности модели (Формирующий этап).

Программа реализовывалась в течение марта 2026 года. Формы работы: еженедельные семинары по 90 минут.

Результаты контрольного этапа (апрель 2026 г.): Повторная диагностика зафиксировала существенную положительную динамику:

Таблица 1.

Уровень	Констатирующий этап	Контрольный этап
Низкий	58% (7 чел.)	8% (1 чел.)
Средний	42% (5 чел.)	42% (5 чел.)
Высокий	0%	50% (6 чел.)

Качественные изменения:

1. Учителя начали использовать «метод мозгового штурма» для поиска тем проектов вместе с детьми.

2. В технологических картах появилась графа «Прогноз трудностей».

3. Педагоги стали привлекать родителей как экспертов, а не просто как спонсоров.

Заключение.

Проектная компетентность молодого учителя не формируется спонтанно, она требует целенаправленного создания условий внутри образовательной организации.

Ключевыми дефицитами являются не отсутствие знаний (теория освоена), а неумение управлять групповой динамикой и проектировать образовательную среду (деятельностный компонент).

Предложенная модель «Проектный дебют», сочетающая наставничество и интерактивные методы (кейсы, игры), доказала свою эффективность. Доля педагогов с высоким уровнем компетентности выросла с 0% до 50% за два месяца.

Материалы программы могут быть рекомендованы руководителям образовательных организаций для включения в планы адаптации молодых специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 2. С. 7–14.
2. Хуторской А.В. Современная дидактика: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2007. 639 с.
3. Приказ Минпросвещения России от 31.05.2021 № 286 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования».
4. Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544н «Об утверждении профессионального стандарта „Педагог...“».
5. Шакирова О.В., Булдакова Н.В. Исследование уровня готовности будущих педагогов к управлению проектной деятельностью... // Вестник Вятского государственного университета. 2022. № 2 (144). С. 97–111.
6. Митина Г.В. Технология формирования профессиональных компетенций у будущих педагогов... // Russian Journal of Education and Psychology. 2024. Т. 15. № 1. С. 49–61.
7. Кирдяшова Е.В. Компетенции педагога начального общего образования: исследование профессиональных дефицитов // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2023. Т. 23. № 2. С. 209–219.

Mikhailova A.E.
master's degree student of 2nd year, group 422p-MOz
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin
(Syktyvkar, Russia)

MODEL FOR DEVELOPING PROJECT COMPETENCE AMONG YOUNG PRIMARY SCHOOL TEACHERS IN A GENERAL EDUCATION INSTITUTION

Abstract: *the article presents a model for developing project competence among young primary school teachers. The author examines the gap between the requirements of the Federal State Educational Standard for Primary General Education (FSES PGE) for school kids to master project work and teachers' actual readiness to organize it. A baseline study involving 12 teachers at Secondary School No. 24 in Syktyvkar identified key shortcomings: substituting reports for projects and difficulty managing group dynamics. The article describes and provides a rationale for the «Project Debut» program, which integrates mentoring and interactive methods. Follow-up results showed an increase in the proportion of teachers with a high level of project competence from 0% to 50%.*

Keywords: *project competence, young teacher, primary school, pedagogical deficit, mentoring, case method, FSES PGE.*

УДК 37

Модестова Н.А.
учитель математики
Школа № 16 г. Балашиха
(г. Балашиха, Россия)

ЛИНИЯ ФУНКЦИЙ. МЕТОДИКА ИХ ИЗУЧЕНИЯ В КУРСЕ ШКОЛЫ

***Аннотация**: функциональная линия связывает изучение зависимостей величин в основной школе с началами математического анализа. При этом перевод между формулой, графиком и свойствами функции остается для учащихся самым трудным учебным действием. Цель — определить методические условия, при которых изучение функций в основной и старшей школе складывается в единую линию. Для этого используются сравнительный анализ программ и экзаменационных материалов, систематизация и экспертная оценка методических подходов. Установлено, что федеральная рабочая программа выделяет функции в самостоятельную линию содержания, а экзаменационные материалы проверяют ее от чтения готовых графиков до заданий с параметром. Трудности выпускников сосредоточены в построении графиков, учете всех случаев их взаимного расположения и обосновании числа решений.*

***Ключевые слова**: функциональная линия, функция, график, методика обучения математике, функционально-графический подход, итоговая аттестация, начала математического анализа.*

Введение.

В федеральной рабочей программе основного общего образования функции названы одной из основных линий содержания математики 7–9 классов наряду с числами и вычислениями, алгеброй, геометрией, вероятностью и статистикой [7]. Программа входит в федеральную образовательную программу, утвержденную приказом Минпросвещения России от 18.05.2023 № 370. На углубленном уровне курсу алгебры, внутри которого развертывается

функциональная линия, отводится 408 часов – по 136 часов (4 часа в неделю) в каждом из 7–9 классов [7]. Так линия получает и учебное время, и статус сквозного содержания.

Итоговая аттестация показывает обратную сторону этого статуса. В Орловской области задание профильного ЕГЭ 2024 года, требующее построения и исследования графиков, выполнили (хотя бы частично) около 4% участников – на уровне прошлых лет [2]. С простыми заданиями на чтение графиков выпускники в целом справляются [6], трудности начинаются там, где график нужно построить и обосновать.

Теоретические основания линии разработаны достаточно полно. В.П. Покровский описывает функциональную линию через ее историю, теорию и школьную практику и выводит отсюда требования к профессиональным умениям учителя [5]. Д.А. Лютц предлагает оценивать функциональную грамотность по предметным и метапредметным результатам [1], хотя ее работа посвящена дополнительному образованию и к функциональной линии школьного курса прямо не обращена. И.В. Ященко с соавторами описывают подходы к оцениванию заданий ОГЭ с развернутым ответом [8], в том числе задания на построение графика. Слабее изучено, как этапы линии соотносятся с действиями, которые проверяет экзамен, и какой методический подход устраняет выявленные трудности.

Цель статьи – определить методические условия, при которых изучение функций с 5 по 11 класс складывается в единую линию, отвечающую и требованиям программы, и характеру трудностей выпускников.

Функциональная линия как сквозное содержание школьного курса математики.

«Числовые функции – и объект изучения, и та непосредственная среда, в которой строятся все основные понятия «математического анализа»», – пишет В.П. Покровский [5]. Отсюда двойной статус функции в школе: в 7–9 классах ее изучают как объект со своими свойствами и графиком, в 10–11 классах она

становится инструментом исследования. Методически эта двойственность очень значима. Если ученик освоил функцию только как объект («парабола – график квадратичной функции»), в старших классах он не видит в ней средства для решения уравнений и неравенств.

Федеральная рабочая программа перечисляет линии содержания 7–9 классов: «Числа и вычисления», «Алгебра», «Функции», «Геометрия», «Вероятность и статистика» [7]. После выделения функций в отдельную линию тема уже не может сжиматься при нехватке часов как одна из глав учебника алгебры. Функциональный материал при этом переплетен с алгебраическим: график линейного уравнения с двумя переменными и графический метод решения систем линейных уравнений [7] изучаются в той же системе понятий, что и линейная функция. Для учителя это означает обязательные межлинейные связи: урок о системе уравнений одновременно учит читать взаимное расположение прямых.

Мы выделяем четыре этапа функциональной линии, они различаются ведущим представлением функции и классом изучаемых функций. Этапы сведены в таблицу 1 (авторская классификация по содержанию программы и пособия В.П. Покровского).

Таблица 1. Этапы функциональной линии школьного курса математики.

Этап	Классы	Ведущее представление	Функции и понятия	Типичная трудность
Пропедевтический	5–6	словесное и табличное	формулы зависимостей величин, координатная плоскость	формула воспринимается как правило вычисления
Введение понятия	7	формула и график	функция, аргумент, область определения, линейная функция, $y = \|x\|$	график функции смешивается с графиком уравнения
Расширение класса функций	8–9	график как носитель свойств	$y = k/x$, $y = x^2$, $y = \sqrt{x}$, $y = x^3$, квадратичная функция, последовательности	свойства читаются по графику без связи с формулой
Функция как инструмент	10–11	аналитическое исследование	тригонометрические, показательные, логарифмические функции, производная	путаются графики функции и производной

Примечание. Авторская классификация по [5, 7].

От этапа к этапу ведущее представление меняется: таблица, затем формула, затем график, затем аналитическое исследование. На каждом таком стыке ученик рискует утратить связь с предыдущим способом задания функции. Самый короткий этап – введение понятия: на него приходится один год, хотя именно тогда закладывается различение функции и ее графика. Трудность последнего этапа прямо отражена в экзамене, где одно из заданий требует читать график производной.

Функциональную линию нередко сближают с функциональной грамотностью из-за созвучия терминов, но это сближение надо ограничить. По мнению Д.А. Лютц, функциональную грамотность «следует оценивать по метапредметным и предметным результатам» [1], у функциональной линии, напротив, строго предметное ядро – понятие соответствия между числовыми множествами. Задания на графики реальных процессов связывают обе области, однако заменять ими систематическое изучение свойств функций нельзя.

Для тематического планирования из этого следует требование: каждый этап завершается заданием на перевод функции из ведущего представления в соседнее (из таблицы в формулу в 6 классе, из формулы в график в 7 классе, из графика в набор свойств в 8–9 классах).

Функциональный материал в итоговой аттестации и трудности учащихся.

Методические рекомендации ФИПИ для девятиклассников описывают структуру и содержание КИМ ОГЭ по математике 2025 года и состав второй части работы [3]. Функциональная линия есть в обеих частях: в задании 11 нужно соотнести графики и формулы, в задании 22 – построить график и найти значения, при которых прямая имеет с ним заданное число общих точек. По критериям И.В. Ященко, И.Р. Высоцкого и П.И. Самсонова, максимальный балл за задание второй части равен 2, а эксперт «не оценивает оформление задания»

[8]. Оценивается обоснованность построения: выколотые точки, случаи касания, полнота перебора значений.

Задания экзаменов, опирающиеся на функциональную линию, сопоставлены в таблице 2 по номеру, проверяемому действию, максимальному баллу и известным результатам.

Таблица 2. Задания ОГЭ и профильного ЕГЭ по математике, проверяющие функциональную линию.

Экзамен	**№ задания**	**Проверяемое действие**	**Максимальный балл**	**Результаты выполнения**
ОГЭ	11	соотнесение графиков и формул	1	–
ОГЭ	22	построение графика, число общих точек с прямой	2	–
ЕГЭ (профильный)	8	чтение графика функции или производной	1	–
ЕГЭ (профильный)	11	нахождение значения функции по графику	1	Красноярский край, 2025: решаемость ниже, чем в 2024 г.
ЕГЭ (профильный)	12	исследование функции с помощью производной	1	–
ЕГЭ (профильный)	18	задача с параметром, графический метод	4	Орловская область, 2024: около 4% хотя бы частично

Примечание. Составлено автором по [2, 3, 4, 8].

Четыре из шести позиций таблицы приходятся на профильный ЕГЭ. По авторскому расчету, задания 8, 11, 12 и 18 дают 7 из 32 первичных баллов профильного экзамена (около 22%), в ОГЭ задания 11 и 22 дают 3 из 31 балла, то есть около 10%. В старшей школе доля линии больше чем вдвое выше.

Причина в том, что начала анализа целиком построены на функциях, а в основной школе функциональный материал делит экзамен с геометрией, числами и вычислениями.

В Орловской области ошибки в задании с параметром на ЕГЭ 2024 года названы типичными: «неверное построение графиков, неучет всех возможных случаев, неверное определение числа решений» [2]. Региональные эксперты отметили и координаты точек касания, приведенные без обоснования и, возможно, угаданные по графику [2]. Картинку ученики видят, а ее свойства не доказывают.

Сведения разного уровня обобщения на первый взгляд расходятся. В экспертном комментарии к итогам профильного ЕГЭ тема «Функции» отнесена к темам с высокими результатами [6], в Красноярском крае в 2025 году задание 11 вошло в число заданий с кратким ответом, средний процент выполнения которых снизился по сравнению с 2024 годом [4]. Объяснение – в составе темы. В тему «Функции» входят задания на чтение готового графика, которые решаются хорошо сами по себе, поэтому снижение по одному номеру в одном регионе почти не сдвигает средний результат по теме.

Задания полезно сравнивать по проверяемому действию. Пока функция задана графиком и нужно прочитать значение, выпускник справляется, когда требуется перейти от формулы к графику и учесть все случаи расположения, результат резко падает. Слабое место линии, по нашей оценке, – именно перевод между представлениями функции, отнесенный в таблице 1 к 7–9 классам.

Методические условия изучения функций в основной и старшей школе.

В.П. Покровский кладет в основу обучения функциональным темам три вида анализа – логико-математический, логико-дидактический и логико-методический – и называет их выполнение главным профессиональным умением учителя [5]. Возьмем урок «Функция y = k/x» в 8 классе. Логико-математический анализ показывает, что область определения не содержит нуля, а график состоит

из двух ветвей, логико-дидактический – что учащиеся переносят на гиперболу привычную непрерывность прямой, логико-методический – что начинать лучше с таблицы значений при x, близких к нулю. Привычка исследовать окрестность особой точки позволяет затем увидеть выколотую точку в задании 22 ОГЭ.

С учетом выявленных трудностей мы предлагаем следующие решения и для каждого указываем, за счет чего оно действует: - изучение каждой новой функции через четыре представления (словесное описание, таблицу, формулу, график) с обязательным обратным переходом от графика к формуле, - уже в 7 классе, при построении графика y = |x|, вводить кусочно заданные функции и точки, не входящие в область определения, - задания на число общих точек графика и горизонтальной прямой становятся в 8–9 классах регулярными, потому что именно это действие лежит в основе графического метода решения задач с параметром, - при введении производной в 10–11 классах – параллельное построение графиков функции и ее производной на одной координатной плоскости, чтобы промежутки возрастания читались по знаку производной.

В таблице 3 подходы к изучению функций сопоставлены по четырем критериям, баллы от 1 до 5 выставлены по оценке автора.

Таблица 3. Сравнительная оценка подходов к изучению функций, баллы.

Подход	**Связь представлений функции**	**Подготовка к заданиям 22 ОГЭ и 18 ЕГЭ**	**Прикладная направленность**	**Экономия учебного времени**	**Сумма**
Традиционный («от формулы к графику»)	2	2	2	5	11
Функционально-графический	5	5	3	3	16
Модельный (от реальной зависимости)	3	2	5	2	12
Исследовательский (с динамическими построителями графиков)	4	3	4	2	13

Примечание. Авторская оценка.

Функционально-графический подход набирает 16 баллов из 20 и уступает остальным только по затратам времени. Традиционная схема экономна, но приучает лишь к одностороннему переходу от формулы к графику, хотя экзамен требует и обратного движения. Модельный подход лучше всего отвечает идее функциональной грамотности, которую связывают с применением знаний в практической деятельности [1], к заданиям с параметром он почти не готовит. Наиболее обоснованным нам представляется сочетание: функционально-графическое ядро на уроках алгебры и модельные задачи в конце каждой темы.

Если задания на перевод между представлениями будут регулярными с 7 класса, к 9 классу ученик придет к заданию 22 ОГЭ с уже отработанным действием, и решаемость задач с параметром может вырасти за счет выпускников среднего уровня подготовки. Без изменения тематического планирования такой сдвиг маловероятен: в Красноярском крае учителям рекомендовано обращать особое внимание на темы, вызвавшие затруднения, и опираться на методические рекомендации ФИПИ по типичным ошибкам [4].

Предложенные решения не выходят за пределы содержания, которое программа уже включает, и требуют только перераспределить время внутри тем о функциях. Их результативность нужно проверить на сопоставимых классах.

Заключение.

В действующей федеральной рабочей программе функции выделены в самостоятельную линию содержания основной школы. Линия проходит четыре этапа – от пропедевтики в 5–6 классах до функции как инструмента анализа в 10–11 классах, – и на каждом этапе меняется ведущее представление функции. Стыки между этапами и есть зоны, где связь между способами задания функции чаще всего теряется.

Экзамены проверяют линию в широком диапазоне: от соотнесения графиков и формул до задач с параметром. В старшей школе доля функционального материала больше чем вдвое выше, чем в основной. Трудности

выпускников сосредоточены не в чтении готового графика, а в его построении, учете всех случаев расположения и обосновании числа решений.

Из сопоставленных подходов предпочтителен функционально-графический, дополненный модельными задачами в конце каждой темы. Его эффект основан на систематическом переводе функции между словесным, табличным, аналитическим и графическим представлениями, который начинается в 7 классе и продолжается при изучении производной. Результаты можно использовать при составлении рабочих программ и тематического планирования по алгебре и началам анализа, а также в курсе методики обучения математике для будущих учителей. Сделанные выводы относятся к общеобразовательным классам, работающим по федеральной рабочей программе, классы с иной организацией содержания требуют отдельного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лютц Д.А. Сущностно-содержательная характеристика понятия «функциональная грамотность учащихся в дополнительном образовании» // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2024. Т. 16. № 1. С. 56–67.

2. Математика. Методические рекомендации. ЕГЭ-2025 // Официальный сайт бюджетного учреждения Орловской области. URL: https://xn-h1albh.xn-p1ai/wp-content/uploads/2024/12/Matematika.-MR-EGE-2025.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

3. Методические рекомендации для обучающихся по организации индивидуальной подготовки к ОГЭ 2025 года. Математика // Официальный сайт ФГБНУ «Федеральный институт педагогических измерений». URL: https://doc.fipi.ru/navigator-podgotovki/navigator-oge/MR_matematika_oge_2025.pdf (дата обращения: 10.10.2026).

4. Методический анализ результатов ЕГЭ по математике профильной. Красноярский край, 2025 // Официальный сайт Центра оценки качества образования Красноярского края.

5. Покровский В.П. Методика обучения математике: функциональная содержательно-методическая линия: учеб.-метод. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. URL: https://respl.vlsu.ru/fileadmin/online_school/Matematika/V.P._Pokrovskii_Metodika_obuchenija_matematike._Funkcionalnaja_soderzhatelno-metodicheskaja_linija.pdf (дата обращения: 11.10.2026).

6. Типичные ошибки на ЕГЭ в 2026 году: какие ошибки чаще всего делают школьники на ЕГЭ // Комсомольская правда. URL: https://www.kp.ru/edu/shkola/tipichnye-oshibki-na-ege/ (дата обращения: 09.10.2026).

7. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Математика (углубленный уровень). 7–9 классы // Официальный сайт ФГБНУ «Институт стратегии развития образования». URL: https://edsoo.ru (дата обращения: 09.10.2026).

8. Ященко И.В., Высоцкий И.Р., Самсонов П.И. Методические материалы для председателей и членов предметных комиссий субъектов Российской Федерации по проверке выполнения заданий с развернутым ответом экзаменационных работ ОГЭ 2025 года. Математика. М.: ФИПИ, 2025. URL: https://doc.fipi.ru/oge/dlya-predmetnyh-komissiy-subektov-rf/2025/mr_oge_matematika_2025.pdf (дата обращения: 09.10.2026).

Modestova N.A.
mathematics teacher
School No. 16 of Balashikha
(Balashikha, Russia)

FUNCTION STRAND: METHODS OF TEACHING FUNCTIONS IN SCHOOL

Abstract: *the function strand connects the study of relationships between quantities in lower secondary school with introductory calculus. Moving between a formula, a graph, and the properties of a function remains the most difficult task for students. This study aims to identify teaching conditions that make the study of functions in lower and upper secondary school a coherent strand. The methods include comparative analysis of curricula and examination materials, systematization, and expert evaluation of teaching approaches. The analysis shows that the federal curriculum treats functions as a separate content strand, while examination tasks range from interpreting given graphs to solving problems involving parameters. Graduates have the greatest difficulty constructing graphs, considering every possible way graphs can be positioned relative to one another, and justifying the number of solutions.*

Keywords: *function strand, function, graph, mathematics teaching methods, function-graph approach, final assessment, introductory calculus.*

УДК 372.881.161.1

Новикова В.Д.

учитель русского языка и литературы

Средняя общеобразовательная школа № 23 г. Армавир

(г. Армавир, Россия)

ОТ АНАЛИЗА ТЕКСТА К СОЗДАНИЮ СОБСТВЕННОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ: ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА В 8 КЛАССЕ

***Аннотация**: в статье рассматривается проблема формирования у обучающихся 8 класса способности переходить от анализа предложенного текста к созданию собственного связного высказывания. Актуальность исследования обусловлена необходимостью организации на уроках русского языка такой деятельности, при которой языковые знания и умения становятся инструментом решения коммуникативных задач. Особое внимание уделяется деятельностному подходу, предполагающему активное включение школьника в последовательную работу с текстом: понимание содержания, выявление языковых и смысловых особенностей, интерпретацию авторской позиции, аргументацию и создание собственного речевого продукта.*

***Ключевые слова**: русский язык, 8 класс, деятельностный подход, текст, текстовая деятельность, речевая деятельность, связное высказывание, аргументация, коммуникативная компетенция, методика обучения.*

Современное обучение русскому языку ориентировано не только на усвоение системы языковых понятий, правил и способов выполнения учебных упражнений, но и на формирование способности использовать полученные знания в реальных коммуникативных ситуациях. В связи с этим особое значение приобретает работа с текстом как сложным объектом анализа и одновременно как основой для речевого действия обучающегося.

На уроках русского языка текст традиционно используется для решения широкого круга учебных задач: определения темы и основной мысли, анализа композиции, характеристики средств связи предложений, наблюдения за использованием языковых единиц, определения стиля и типа речи. Однако само по себе выполнение аналитических заданий еще не гарантирует сформированности умения создавать собственное высказывание.

В практике обучения можно наблюдать ситуацию, при которой школьник способен найти в тексте определенное языковое явление, определить тему или сформулировать отдельный вывод, но испытывает затруднения при необходимости самостоятельно выразить мысль, подобрать аргументы, логически связать положения высказывания и использовать результаты проведенного анализа в собственной речи.

Таким образом, возникает методическая проблема: каким образом организовать работу с текстом так, чтобы анализ не становился конечной целью, а выступал средством подготовки собственного речевого высказывания обучающегося?

Решение данной проблемы представляется возможным на основе деятельностного подхода, в рамках которого ученик рассматривается не как пассивный получатель информации, а как субъект учебной деятельности, самостоятельно выполняющий определенные действия для достижения поставленного результата.

Цель статьи — теоретически обосновать и представить методические условия реализации деятельностного подхода при организации перехода от анализа текста к созданию собственного высказывания на уроках русского языка в 8 классе.

Теоретические основания организации текстовой деятельности.

Текст занимает центральное место в системе обучения русскому языку, поскольку именно в тексте языковые единицы функционируют не изолированно, а во взаимосвязи и в соответствии с определенной коммуникативной задачей.

Работа с текстом позволяет объединить различные направления языкового образования: лексическую и грамматическую подготовку, развитие орфографической и пунктуационной грамотности, формирование навыков смыслового чтения, развитие устной и письменной речи.

При этом текстовая деятельность обучающегося имеет многоуровневый характер. На первоначальном этапе школьник должен понять содержание текста, определить его тему и основную мысль. Далее необходимо установить смысловые связи между отдельными частями, обратить внимание на языковые средства, позволяющие автору выразить определенное отношение к предмету речи. Следующий уровень предполагает интерпретацию: обучающийся не просто фиксирует наличие языкового явления, а объясняет его функцию и значение.

Наиболее сложным является переход к продуктивной деятельности — созданию собственного высказывания. Здесь обучающемуся необходимо самостоятельно определить коммуникативную задачу, выбрать содержание, выстроить композицию, подобрать языковые средства и обеспечить связность текста.

Следовательно, полноценная работа с текстом должна включать не только действия по его восприятию и анализу, но и действия по преобразованию полученной информации в собственное высказывание.

В этом отношении деятельностный подход позволяет изменить логику урока. Если при традиционной организации работы последовательность может выглядеть как «прочитать — найти — определить — ответить», то деятельностная организация предполагает движение к результату: «понять — обнаружить — объяснить — доказать — использовать — создать».

Такое изменение не означает отказа от традиционных видов анализа текста. Напротив, анализ сохраняет свое значение, но получает функциональную направленность: каждое выполненное действие должно подготавливать следующее.

Анализ текста как этап формирования собственного высказывания.

Одной из причин затруднений обучающихся при создании собственного текста является разрыв между аналитической и продуктивной деятельностью. Ученик может успешно выполнять задания по готовому тексту, однако не понимать, каким образом результаты этой работы могут быть использованы им самим.

Например, определение авторской позиции нередко остается отдельным учебным действием. После формулировки ответа ученик переходит к следующему заданию, не используя найденную информацию для дальнейшего рассуждения.

Для устранения подобного разрыва необходимо изменить характер вопросов и заданий. Вопрос «Какое средство выразительности использует автор?» целесообразно дополнить вопросом «Зачем автор использует это средство?» и далее — «Какую мысль с его помощью можно сформулировать?» Еще один шаг — «Как эта мысль может быть использована в собственном высказывании?».

Таким образом, аналитическое действие приобретает продолжение в речевой деятельности.

Особое значение имеет работа с аргументацией. Для обучающегося 8 класса недостаточно знать, что мнение необходимо подтверждать примерами. Важно сформировать конкретный алгоритм аргументированного действия:

тезис → доказательство → объяснение → вывод.

При этом доказательством может выступать не только прямое цитирование, но и ссылка на содержание текста, описание ситуации, анализ языкового средства, характеристика поступка героя или авторского отношения.

Например, при обсуждении проблемы культуры общения обучающийся может сформулировать тезис о том, что умение слушать является необходимым условием взаимопонимания. Однако полноценным высказыванием данный тезис становится только после его обоснования и объяснения.

Следовательно, при обучении созданию собственного текста необходимо специально формировать умение видеть в исходном тексте **материал для будущего высказывания**.

Деятельностная модель «Текст → мысль → высказывание».

Для организации такой работы целесообразно использовать модель, основанную на последовательном переходе от анализа к созданию речевого продукта:

Текст → мысль → высказывание.

Первый компонент модели — **текст** — представляет собой источник информации, языкового и смыслового материала.

Второй компонент — **мысль** — результат осмысления прочитанного. На этом этапе обучающийся формулирует собственное понимание проблемы, определяет отношение к ней, выбирает значимые аргументы.

Третий компонент — **высказывание** — самостоятельный речевой продукт, в котором найденная и осмысленная информация получает новое оформление.

Практическая реализация модели предполагает пять взаимосвязанных действий:

Понимаю → Нахожу → Объясняю → Доказываю → Создаю.

На этапе **«Понимаю»** обучающийся устанавливает тему текста, определяет его основную мысль, выявляет проблему.

На этапе **«Нахожу»** осуществляется целенаправленный поиск языковых и содержательных элементов, которые связаны с поставленным вопросом.

На этапе **«Объясняю»** найденная информация интерпретируется. Обучающийся отвечает не только на вопрос «что найдено?», но и на вопрос «что это означает?».

На этапе **«Доказываю»** формируется аргументированная позиция. Школьник учится подтверждать мысль конкретным материалом.

На этапе **«Создаю»** осуществляется переход к самостоятельному речевому продукту.

Данная последовательность позволяет избежать ситуации, когда задание на создание собственного текста появляется неожиданно в конце урока. Напротив, весь урок становится системой подготовительных действий, каждое из которых имеет выход на конечный результат.

Таким образом, языковой материал перестает восприниматься как совокупность изолированных правил. Он становится инструментом решения коммуникативной задачи.

Именно такой подход особенно важен в 8 классе, когда школьники постепенно переходят от преимущественно репродуктивных заданий к более самостоятельной работе с текстом и начинают осваивать сложные формы аргументированной речи.

От учебного действия к самостоятельности.

Важным результатом деятельностной организации урока является постепенное повышение самостоятельности обучающегося.

На начальном этапе учитель подробно моделирует способ действия: формулирует вопросы, показывает образец анализа, предлагает готовую структуру ответа.

На следующем этапе часть действий передается обучающимся. Например, учитель предлагает текст и коммуникативную задачу, а ученики самостоятельно определяют, какие фрагменты текста могут стать доказательствами.

Затем учебные опоры сокращаются. Обучающийся самостоятельно выбирает аргументы, определяет последовательность их использования и формулирует вывод.

Предлагаемая организация работы имеет практическую значимость для уроков русского языка, ориентированных на развитие текстовой и коммуникативной компетенции.

Модель «Текст → мысль → высказывание» может использоваться при изучении различных тем школьного курса: синтаксиса, пунктуации, морфологии, культуры речи, развития речи. Она применима как при индивидуальной работе, так и при организации парной и групповой деятельности.

Особенно эффективной модель представляется в ситуациях, когда необходимо объединить предметные и метапредметные результаты. Анализ текста обеспечивает предметную составляющую: обучающийся работает с языковыми явлениями и закономерностями организации текста. Формулирование собственной позиции, подбор аргументов, планирование высказывания и самооценка обеспечивают развитие универсальных учебных действий.

Предлагаемый подход также позволяет повысить осознанность выполнения заданий. Ученик начинает воспринимать отдельные упражнения не как набор разрозненных действий, а как этапы решения единой коммуникативной задачи.

Практическая реализация описанной модели может быть представлена в формате технологической карты урока, мастер-класса или авторской методической разработки. В качестве отдельного приложения к публикации целесообразно представить конкретный сценарий занятия, систему заданий и диагностический инструментарий.

Таким образом, переход от анализа текста к созданию собственного высказывания представляет собой сложный, но методически управляемый процесс. Его эффективность определяется тем, насколько последовательно педагог связывает аналитические действия обучающегося с последующей речевой деятельностью.

Деятельностный подход позволяет выстроить такую последовательность, при которой каждое учебное действие имеет определенную функцию и направлено на достижение конечного результата. В предлагаемой модели текст становится источником смыслового и языкового материала, анализ

превращается в средство формирования собственной мысли, а собственное высказывание становится результатом целенаправленной деятельности обучающегося.

Модель **«Текст → мысль → высказывание»**, реализуемая через последовательность **«Понимаю → Нахожу → Объясняю → Доказываю → Создаю»**, позволяет системно формировать у восьмиклассников умение не только понимать готовый текст, но и использовать результаты его анализа для создания собственного речевого продукта.

Принципиально важным является постепенное снятие учебных опор и переход от совместного выполнения действий к самостоятельной работе. В результате обучающийся получает не только конкретный речевой навык, но и универсальный способ деятельности: понять информацию, выделить существенное, сформулировать мысль, обосновать позицию и выразить ее в соответствии с коммуникативной задачей.

Следовательно, деятельностный подход при работе с текстом позволяет соединить предметное содержание русского языка с реальной речевой практикой обучающихся и создать условия для формирования самостоятельной, аргументированной и осознанной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
3. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Книжный дом «Университет», 2000. 336 с.
4. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, Академия, 2003. 287 с.
5. Львов М.Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах. М.: Академия, 2007. 464 с.

6. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

7. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М.: Едиториал УРСС, 2004. 432 с.

Novikova V.D.

Russian language and literature teacher

Secondary School No. 23 of Armavir

(Armavir, Russia)

FROM TEXT ANALYSIS TO CREATING A COHERENT UTTERANCE: ACTIVITY-BASED APPROACH IN GRADE 8 RUSSIAN LANGUAGE LESSONS

***Abstract**: the article examines how eighth-grade students develop the ability to move from analyzing a given text to creating their own coherent utterance. The study is motivated by the need to organize Russian language lessons around activities in which linguistic knowledge and skills become tools for solving communicative tasks. Particular attention is paid to an activity-based approach that actively engages each school child in a sequence of tasks involving text: understanding its content, identifying linguistic and semantic features, interpreting the author's position, developing arguments, and producing their own text.*

***Keywords**: Russian language, grade 8, activity-based approach, text, text-based activity, speech activity, coherent utterance, argumentation, communicative competence, teaching methods.*

УДК 378.147:811.161.1

Носиров Л.Х.
старший преподаватель
кафедра узбекского и русского языков
Университет мировой экономики и дипломатии
(г. Ташкент, Узбекистан)

ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

***Аннотация**: в статье рассматриваются основные проблемы обучения русскому языку как иностранному в современной высшей школе. Анализируются неоднородность исходного уровня подготовки студентов, влияние родного языка, дефицит русскоязычной среды, трудности формирования устно-речевых умений, вопросы мотивации, профессиональной направленности и контроля. Особое внимание уделяется цифровым образовательным технологиям, модульным заданиям и инструментам искусственного интеллекта. Обосновывается необходимость сочетания дифференцированного, коммуникативного и профессионально ориентированного подходов в неязыковом вузе.*

***Ключевые слова**: РКИ, неязыковой вуз, коммуникативная компетенция, языковая интерференция, дифференцированное обучение, профессионально ориентированное обучение, цифровая лингводидактика, модульное задание, контроль знаний, искусственный интеллект.*

Современная высшая школа предъявляет к языковой подготовке студентов требования, выходящие за рамки усвоения грамматических правил и словарного минимума. Для иностранного студента русский язык становится средством учебного взаимодействия и профессиональной коммуникации. Поэтому результативность курса РКИ зависит от сочетания языковой подготовки, развития речевой деятельности и содержания, связанного со специальностью. Коммуникативная направленность остается одним из базовых

ориентиров методики РКИ: владеть языком означает уметь пользоваться его средствами в конкретной речевой ситуации [2, с. 232-236, 13, с. 118-124].

Одной из наиболее заметных проблем вузовского обучения является неоднородность исходного уровня студентов. В одной группе могут учиться те, кто свободно понимает русскую речь, но допускает систематические грамматические ошибки, студенты с хорошим пассивным словарем и слабой устной речью, а также обучающиеся с базовыми знаниями. Ориентация на условного «среднего» студента здесь малоэффективна. Более продуктивна дифференциация внутри общей темы: один и тот же текст может использоваться для поиска информации, пересказа, комментария или дискуссии. Так сохраняется целостность занятия, но различаются степень самостоятельности и сложность речевой задачи.

С этим связано расхождение между знанием языковой системы и способностью использовать ее в реальной коммуникации. Студент может правильно выполнить упражнение на падежи или виды глагола, но затрудниться в неподготовленной речи. Поэтому грамматический материал целесообразно закреплять в действиях с ясной коммуникативной целью. Для студентов международных направлений это могут быть представление страны или организации, комментарий к событию, краткое сообщение, интервью. Профессионально ориентированное обучение предполагает включение общенаучной и специальной лексики в тексты и речевые ситуации [7, 9, с. 323-326]. Перспективно и предметно-языковое интегрированное обучение [5, с. 522-541].

Эту установку подтверждают А. Х. Арипова и Н. Х. Рахимова, связывающие эффективное обучение языку с переходом от пассивного усвоения информации к активной самостоятельной деятельности обучающихся. Авторы отмечают значение интерактивных методов, технологических средств, индивидуализации и учета уровня подготовки студентов [4, с. 82-87]. Для РКИ в высшей школе это особенно важно: цифровой инструмент полезен тогда, когда

он вовлекает студента в решение речевой задачи, а не подменяет собственную языковую деятельность.

Другая группа трудностей обусловлена влиянием родного языка. При расхождении структур русского и узбекского языков возникают устойчивые интерференционные ошибки: в категории рода, согласовании, предложно-падежной системе, глагольном виде, управлении и употреблении предлогов. Здесь недостаточно простого повторения правила. Краткий сопоставительный комментарий помогает показать источник ошибки, после чего необходима практика правильных речевых моделей в разных ситуациях. Одновременно дефицит русскоязычной среды ограничивает развитие говорения. Как отмечают Н. Л. Федотова и К. А. Нерсисян, на устную речь влияют лингвистические, методические, психологические и социокультурные факторы [10, с. 72-84].

С речевой практикой тесно связана мотивация. Если русский язык воспринимается как последовательность однотипных упражнений, его практическая ценность остается неочевидной. В исследованиях по преподаванию РКИ в Узбекистане эффективность обучения также связывается с обновлением содержания и современными технологиями [3, с. 253-261]. Для студентов-международников полезны мини-брифинги, интервью, обсуждение международного события, подготовка аргументов и короткие презентации. Такая работа показывает связь языка с будущей профессией и одновременно увеличивает объем самостоятельного говорения.

Полезным дополнением к аудиторным занятиям может стать внеаудиторная речевая практика: разговорный клуб, учебные дебаты, тематические встречи. Такой формат дает студенту больше времени для говорения и снижает зависимость общения от постоянной оценки. Темы могут быть связаны с международными новостями, культурой делового общения, публичной дипломатией, экономикой и медиа. При этом коммуникативная направленность не отменяет системной работы с грамматикой и лексикой: языковая форма должна переходить в содержательное речевое действие.

Отдельный круг проблем связан с цифровой трансформацией образования. Современная цифровая лингводидактика РКИ предполагает системное включение цифровых средств в учебный процесс [11, с. 196-211]. Социальные сети и другие сервисы расширяют доступ к актуальным текстам и звучащей речи [1, с. 133-147]. Однако сам ресурс не обеспечивает эффективности. Материал должен соответствовать уровню группы и завершаться речевой задачей: выделением тезисов, пересказом, вопросами, обсуждением или письменным комментарием.

Практические возможности цифровой среды особенно заметны при самостоятельной работе и контроле. Н. Шарипова, рассматривая модульную систему контроля знаний, показывает возможности сочетания заданий разных типов: эссе, короткого ответа, установления соответствия, множественного выбора и других форм [12, с. 32-44]. Для РКИ такой подход позволяет распределять задания по видам речевой деятельности и постепенно усложнять контроль. При этом цифровая форма должна оценивать реальные языковые умения, а не только распознавание правильного ответа.

Распространение искусственного интеллекта также требует пересмотра учебных заданий. П. В. Сысоев и Е. М. Филатов показывают, что чат-боты, голосовые помощники и генеративные модели могут использоваться для языковой практики и подготовки учебного материала [8, с. 300-317]. Но если студент может получить полностью готовый ответ, такое задание слабо отражает его собственную компетенцию. Поэтому целесообразно предлагать сопоставление вариантов, исправление формулировок, адаптацию текста, устный пересказ или защиту позиции. В этом случае ИИ становится материалом для дальнейшей речевой работы.

Не менее важны коррекция ошибок и оценивание продуктивной речи. Постоянное прерывание студента снижает естественность общения, тогда как полное отсутствие коррекции способствует закреплению ошибок. Способ исправления должен зависеть от цели этапа: при тренировке формы возможна оперативная коррекция, во время дискуссии лучше обсудить основные ошибки

после ответа. Контроль целесообразно строить комплексно, учитывая грамматическую точность, понимание текста и звучащей речи, письмо и говорение. Для устного ответа полезны заранее известные критерии: содержание, логичность, словарный запас, правильность, произношение и способность поддерживать взаимодействие.

Таким образом, проблемы обучения РКИ в высшей школе взаимосвязаны. Неоднородность уровня группы осложняет отбор материала, влияние родного языка порождает устойчивые ошибки, недостаток языковой среды ограничивает говорение, а слабая профессиональная направленность снижает мотивацию. Для неязыкового вуза перспективна модель, объединяющая базовую языковую подготовку, регулярную речевую практику, дифференциацию заданий, профессиональное содержание и обоснованное использование цифровых средств. Итоговой целью курса становится способность студента самостоятельно действовать на русском языке в учебной, социальной и профессиональной среде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Азимов Э.Г., Кулибина Н.В., Ван В. Лингводидактический потенциал социальных сетей в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С. 133–147. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-133-147.
2. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Современный словарь методических терминов и понятий. Теория и практика обучения языкам. М.: Русский язык. Курсы, 2018. 496 с.
3. Алимова Д. Некоторые проблемы внедрения новых парадигм обучения в преподавании русского языка как иностранного // Зарубежная лингвистика и лингводидактика. 2024. Т. 2. № 4/S. С. 253–261.
4. Арипова А.Х., Рахимова Н.Х. Роль технологических разработок в обучении языка // Central Asian Journal of Literature, Philosophy and Culture. 2023. Т. 4. № 11. С. 82–87. DOI: 10.51699/cajlpc.v4i11.1052.

5. Должикова А.В. Методический потенциал предметно-языкового интегрированного обучения иностранных студентов в условиях современной образовательной среды // Русистика. 2023. Т. 21. № 4. С. 522–541. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-4-522-541.

6. Лебедева М.Ю., У До. Формирование коммуникативной среды синхронного онлайн-урока по русскому языку в китайских группах // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С. 148–162. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-148-162.

7. Любезнова Н.В., Выходцева И.С. Профессионально ориентированное обучение русскому языку иностранных студентов в аграрном вузе // Russian Linguistic Bulletin. 2022. № 7 (35). DOI: 10.18454/RULB.2022.35.21.

8. Сысоев П.В., Филатов Е.М. Технологии искусственного интеллекта в обучении русскому языку как иностранному // Русистика. 2024. Т. 22. № 2. С. 300–317. DOI: 10.22363/2618-8163-2024-22-2-300-317.

9. Тевосян Г.А. Профессионально ориентированное обучение студентов различных специальностей русскому языку как иностранному в вузах // Qo‘qon universiteti xabarnomasi. 2024. № 13. С. 323–326. DOI: 10.54613/ku.v13i.1089.

10. Федотова Н.Л., Нерсисян К.А. Проблемы развития устно-речевых умений при обучении русскому языку как иностранному // Вопросы методики преподавания в вузе. 2024. Т. 13. № 4. С. 72–84. DOI: 10.57769/2227-8591.13.4.05.

11. Фейзер Ж.И., Дьякова Т.А. Этапы развития цифровой лингводидактики русского языка как иностранного // Русистика. 2023. Т. 21. № 2. С. 196–211. DOI: 10.22363/2618-8163-2023-21-2-196-211.

12. Шарипова Н. Система заданий при модульной системе контроля знаний // Uzbekistan: Language and Culture. Linguistics. 2025. Т. 1. № 1. С. 32–44.

13. Щукин А.Н. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Флинта, 2017. 508 с.

Nosirov L.Kh.
Senior Lecturer
Department of Uzbek and Russian Languages
University of World Economy and Diplomacy
(Tashkent, Uzbekistan)

CHALLENGES IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN HIGHER EDUCATION

Abstract: *this article examines the main challenges of teaching Russian as a foreign language in contemporary higher education. It analyzes differences in students' initial proficiency levels, the influence of their native languages, limited exposure to a Russian-speaking environment, difficulties in developing oral communication skills, and issues of motivation, professional relevance, and assessment. Particular attention is paid to digital educational technologies, modular assignments, and artificial intelligence tools. The article argues for combining differentiated, communicative, and professionally oriented approaches at non-linguistic universities.*

Keywords: *RFL, non-linguistic university, communicative competence, language interference, differentiated instruction, professionally oriented instruction, digital language pedagogy, modular assignment, knowledge assessment, artificial intelligence.*

УДК 373.5.016:821.161.1

Романенко Т.Н.

магистрант

историко-филологический факультет

кафедра русского языка, литературы и журналистики

Марийский государственный университет

(г. Йошкар-Ола, Россия)

ДИАГНОСТИКА ОСТАТОЧНЫХ ЗНАНИЙ ПО ТВОРЧЕСТВУ А.С. ПУШКИНА В 5-7 КЛАССАХ: МЕТОДИКА КОНСТРУИРОВАНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ АПРОБАЦИИ

***Аннотация**: в статье рассматривается проблема проверки остаточных знаний по литературе в условиях перехода на обновленные ФГОС. Представлена методика конструирования и результаты апробации комплекса итоговых тестовых заданий, направленных на диагностику сохранения смыслового ядра материала по творчеству А.С. Пушкина в 5-7 классах. Описана структура теста, основанная на принципах уровневой дифференциации и возрастающей сложности. На основе данных констатирующего эксперимента (выборка — 52 обучающихся) проанализирована динамика угасания знаний и выявлена «зона методического риска» — низкий уровень владения аналитическими операциями (установление соответствий) при сохранении базового сюжетного узнавания.*

***Ключевые слова**: остаточные знания, итоговое тестирование, Александр Пушкин, методика преподавания литературы, диагностика образовательных результатов, основная школа, ФГОС.*

Проблема сохранения знаний в долгосрочной памяти обучающихся остается одной из центральных в дидактике. В предметной области «литература» эта задача осложняется возрастающим объемом материала и переходом от сюжетного восприятия в среднем звене к аналитическому в старшем.

Традиционные формы контроля (сочинение, развернутый ответ) позволяют оценить текущее понимание текста, но не всегда фиксируют объем *остаточных знаний – того смыслового ядра,* которое должно сохраниться в памяти спустя значительное время после изучения темы.

Цель данной работы – представить и обосновать диагностический инструментарий для проверки остаточных знаний по творчеству А.С. Пушкина, а также проанализировать результаты его опытно-экспериментальной апробации в 5-7 классах.

Методика конструирования диагностического инструментария. Разработка комплекса тестовых заданий опирались на алгоритм, учитывающий специфику литературного образования. В основу были положены следующие принципы:

1. **Уровневая дифференциация:** задания распределены по когнитивной сложности (от узнавания к воспроизведению и анализу).

2. **Возрастающая сложность:** от 5 к 7 классу усложняется не только объем материала, но и характер вопросов (от сказочных персонажей к исторической основе и авторской позиции).

3. **Диагностическая направленность:** тест не предназначен для административного контроля (выставления итоговой отметки), а служит инструментом выявления пробелов для корректировки методики преподавания.

Структура тестов для каждой параллели включала три части:

Часть А (Узнавание): 5-6 заданий с выбором ответа (автор, произведение, персонаж).

Часть Б (Воспроизведение): 3 задания с кратким ответом (восстановление цитаты, имя героя).

Часть В (Анализ и соотнесение): 2-5 заданий на установление соответствия (персонаж – произведение, жанр – текст, историческая основа – произведение).

Организация и база исследования. Опытно-экспериментальная работа проводилась на базе МОБУ «СОШ п. Силикатный» в 2026 году. В констатирующем эксперименте приняли участие 52 обучающихся: 5 класс (18 чел., макс.балл – 10), 6 класс (20 чел., макс.балл – 10), 7 класс (14 чел., макс.балл – 12). Апробация носила безотметочный характер, что позволило исключить фактор академической тревожности.

Анализ результатов подтвердил высокую дифференцирующую способность разработанного инструментария. Во всех трех параллелях зафиксирована устойчивая иерархия успешности выполнения заданий.

Таблица 1. Сравнительная динамика успешности выполнения частей теста в 5-7 классах.

Параллель	Часть А (Узнавание)	Часть Б (Воспроизведение)	Часть В (Анализ)
5 класс	88,9%	72,2%	22,2%
6 класс	75,0%	55,0%	25,0%
7 класс	78,6%	57,1%	28,6%

1. Динамика угасания знаний. Сравнение показателей выявляет закономерный процесс забывания. наиболее резкое падение успешности наблюдается при переходе от 5 к 6 классу в Части А (на 13,9%) и Части Б (на 17,2%). Это диагностирует стирание базовых фактологических сведений (жанр «Песни о вещем Олеге», текст пролога к «Руслану и Людмиле») при отсутствии их системного повторения. Относительная стабилизация показателей в 7 классе (78,6% в Части А) объясняется актуализацией материала в связи с изучением исторической прозы («Капитанская дочка»).

2. Выявление «зоны методического риска». Ключевым результатом апробации стала фиксация критически низких показателей **Части В** (установление соответствия). Во всех параллелях разрыв между базовым уровнем (Часть А) и аналитическим (Часть В) составляет от 50 до 64,7 процентных пункта.

В 5 классе типичной ошибкой стало соотнесение персонажа Чернавки со «Сказкой о рыбаке и рыбке» (смешение сюжетов).

В 6 классе только 40% обучающихся правильно определили жанр «Песни о вещем Олеге» как балладу.

В 7 классе лишь 35% семиклассников смогли корректно соотнести историческую основу (пугачёвское восстание) с произведением «Капитанская дочка» и только 35% верно указали, что фраза о «русском бунте» принадлежит рассказчику Гринёву, а не автору.

Это свидетельствует о том, что именно операции анализа, классификации и соотнесения являются наиболее уязвимым звеном в системе литературного образования 5-7 классов. Учащиеся сохраняют в памяти «каркас» сюжета, но утрачивают теоретико-литературный аппарат и навыки аналитического синтеза.

3. Поляризация результатов. С усложнением материала от 5 к 7 классу увеличивается разрыв внутри классов. Если в 5 классе «группа успешности» (9-10 баллов) составляла 33, 3%, то в 6 классе она сократилась до 20%, при этом «группа риска» (менее 5-6 баллов) осталась стабильно высокой (16,7 – 20%). В 7 классе наблюдается выравнивание (группа риска 14,3%), что говорит о более системном усвоении сложного материала большинством при сохранении небольшого числа обучающихся с критически низким уровнем.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Разработанный комплекс тестовых заданий обладает высокой конструктивной валидностью. Он устойчиво фиксирует иерархию когнитивной сложности (Узнавание > Воспроизведение > Анализ) и объективно диагностирует динамику угасания остаточных знаний.

2. Инструментарий выявил системную проблему: при сохранении базового сюжетного узнавания (Часть А) у обучающихся 5-7 классов наблюдается дефицит аналитических умений и владения теоретико-литературными понятиями (Часть В).

3. Результаты апробации подтверждает необходимость рассматривать итоговое тестирование не как оценочную, а как диагностическую процедуру. Полученные данные служат для учителя точным ориентиром при планировании повторения: акцент должен быть смещен с пересказа сюжетов на отработку навыков установления соответствий и анализа текста.

Разработанный диагностический комплекс рекомендован к использованию в практике внутришкольного мониторинга образовательных результатов по литературе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. приказом Министерства просвещения РФ от 11 июня 2026 г. № 414). М.: Просвещение, 2026

2. Федеральная рабочая программа основного общего образования. Литература (для 5–9 классов образовательных организаций). М.: ФГБНУ ИСРО РАО, 2022

3. Звонников В.И., Челышкова М.Б. Современные средства оценивания результатов обучения: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2011. 224 с.

4. Беляев М.А. Диагностика и оценивание предметных результатов по литературе в контексте ФГОС // Литература в школе. 2020. № 4. С. 18–25

5. Курдюмова Т.Ф., Леонов С.А., Марьина О.Б. Методика преподавания литературы: учебник / под ред. Богдановой О.Ю. М.: Академия, 2019. 368 с.

6. Чертов В.Ф. Тесты, тесты, тесты... (О практике тестирования на уроках литературы) // Литература в школе. 2017. № 11. С. 22–26

Romanenko T.N.

master's degree student

Faculty of History and Philology

Department of Russian Language, Literature and Journalism

Mari State University

(Yoshkar-Ola, Russia)

ASSESSING RETAINED KNOWLEDGE OF ALEXANDER PUSHKIN'S WORKS IN GRADES 5–7: TEST DESIGN METHODOLOGY AND PILOT TEST RESULTS

Abstract: *this article examines the assessment of retained knowledge in literature during the transition to updated Federal State Educational Standards (FSES). It presents a methodology for designing a set of summative test items and the results of their pilot testing. The items assess students' retention of the core content of their studies of Alexander Pushkin's works in grades 5–7. The test structure is based on differentiation by proficiency level and progressively increasing difficulty. Data from a baseline experiment involving 52 students are used to examine how knowledge fades over time and to identify an «area of methodological risk»: limited ability to perform analytical tasks, particularly matching related elements, despite retained recognition of basic plot elements.*

Keywords: *retained knowledge, summative testing, Alexander Pushkin, literature teaching methodology, educational outcome assessment, lower secondary school, FSES.*

УДК 373.45+11.161.1

Чекаева В.С.

педагог дополнительного образования

Первомайский дом детского творчества

(г. Мурманск, Россия)

ЛАТИНИЗМЫ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

***Аннотация**: данная статья посвящена латинским заимствованиям, посредством которых обогащается современный русский язык. В ней раскрываются понятие «латинизм», внешние и внутренние принципы и причины заимствования.*

***Ключевые слова**: заимствование, латинизм, внешний принцип, внутренний принцип, латинский язык, русский язык, этимология.*

Все изменения, происходящие в обществе, тесно связаны с языком. Языки взаимодействуют друг с другом с древних времен, перенимая друг у друга слова целиком, корни и даже морфемы. Этот процесс называется «заимствование». «Заимствование – это элемент чужого языка, перенесенный из одного языка в другой в результате языковых контактов, а также сам процесс перехода элементов одного языка в другой» [Лингвистический 2002: 158]. Основным языком заимствований для многих языков является латинский. Слова, которые пришли из латинского языка, называют «латинизмы». Существует много расхождений в определении данного слова. Латинизмы – это слова или обороты речи, заимствованные из латинского языка либо созданные по образцу латинских слов или выражений. Латинский язык оказывал значительное влияние на все европейские языки, в том числе и на русский язык, который продолжает заимствовать по сей день. Латинский язык – это своего рода фундамент европейских языков, а его изучение – ключ к современному миру. В современном русском языке латинизмы используются настолько часто, что не

считаются уже заимствованиями. Латинизмы как связь между двумя языками: русским и латинским. Латынь – это основа современной политической, культурной, медицинской, общественной сферы деятельности человека. Она обогащает лексику русского языка, поэтому грамотная лексически богатая речь необходима педагогу. Сложно и долго развивался современный русский язык, обогащаясь латинизмами. В современном русском языке латинизмы можно разделить на две группы: латинские слова, которые были полностью заимствованы, и слова с латинскими словообразовательными элементами. Таким образом, слова, переходя из одного языка в другой, проходят сложный путь, т.е. латинские слова, переходя в русский, переживают процесс освоения. К тому же русский язык, так же как и латинский, является синтетическим. Это значит, что грамматические категории выражены словоизменением (спряжение, склонение), а не служебными словами (предлоги). Какое количество латинизмов в русском языке? На этот вопрос нет однозначного ответа, так как, во-первых, сущность латинизмов понимается по-разному: лексические единицы латинского языка, пришедшие полностью, и слова, которые были образованны из корней латинского происхождения или с помощью латинских аффиксов. Во-вторых, до сих пор нет подсчетов слов, которые имеют латинский корень (латинизмы) и которые дали бы точную характеристику лексике латинского происхождения в словарном составе русского языка. Русский язык вобрал в себя множество заимствований, которые подчиняются его фонетике, грамматике и семантике. Внешние и внутренние законы развития языка составляют неотъемлемую часть реализации перехода слов одного языка в другой. *«Внешние законы развития языка* – это разнообразные, но достаточно регулярные формы влияния на язык народа, его этнической и политической истории, культуры, религии, межъязыковых и межкультурных контактов» [Куликова 2013: 280]. «*Внутренние законы развития языка* – это регулярно действующие в языках факторы развития, заключенные в самой природе человеческого языка как естественной знаковой системы, которая функционирует в сфере коммуникации и мышления» [Куликова 2013: 282]. Согласно закону неравномерного развития разных систем,

чем больше открыт тот или иной уровень языка, тем более он подвержен внешнему влиянию. Лексический уровень является самой подвижной частью языка. Словарный состав современного русского языка полон латинских заимствований, которые создают новый и обогащают существующий лексический уровень языка. Латинизмы функционируют не только в устной, но и письменной речи. Словарный состав динамичен и изменчив, поскольку отражает контакты культур и языков. Его вариативность отражается в стремлении удовлетворить потребности языкового сообщества в коммуникации. В этом заключается сущность языка. Не все латинские заимствования ведут к обогащению языка, а только те, которые применимы в практической жизни. Например, слова обихода и общественно-политические термины. *Слова обихода*: норма (от лат. «norma»), форма (от лат. «forma»), проект (от лат. «projectum»), продукт (от лат. «productum»), интерес (от лат. «interesse»), момент (от лат. «momentum»), перспектива (от лат. «perspectum»), театр (от лат. «theatrum»), спектакль (от лат. «spectaculum»), актеры (от лат. «actores») и др. *Общественно-политические термины*: аппараты (от лат. «apparatus»), индустрия (от лат. «industria»), класс (от лат. «classis»), культура (от лат. «cultura»), партия (от лат. «pars»), пролетарии (от лат. «proletarii»), революция (от лат. «revolutio») и т.д. Каждый язык относится к определённой языковой семье. Воздействие с одной стороны, при котором давление идет только со стороны одного языка, наблюдается обычно между живым и мертвым языками. Таково, например, влияние латинского на русский язык. «Одной из наиболее видимых частей взаимодействий языков являются лексические заимствования. Они есть в любом языке, хотя и в разной мере» [Мечковская 2001: 108]. Несмотря на время, латинский и русский языки принадлежат к семье индоевропейских языков, так как латинский лежит в основе многих языков, относящихся к данной семье, то, следовательно, он является одним из факторов формирования современного русского языка. Жизнь меняется, и широкое распространение получают заимствования из разных языков, в частности, из латинского. Иноязычные слова стали неотъемлемой частью не только политической, социальной и

экономической сферы, но и бытовой жизни. Международный информационный обмен затруднителен без единого языкового кода, но латинский язык привносит общеизвестные слова в современные языки. Например, статус (от лат. «status»), конкретное (от лат. «concretum»), абстрактное (от лат. «abstractum»), термин (от лат. «terminus»). «Таким образом, потребность в словесном обозначении новых понятий и явлений действительности и отсутствие в русском языке адекватных наименований неизбежно привели к заимствованиям интернациональной лексики» [Валгина 2003: 109]. В разные эпохи в русский язык проникали заимствования из разных языков. Большинство латинизмов обрусели в современном русском языке. Русский язык не пострадал от проникновения латинских заимствований, а наоборот обогатился. Существует множество причин заимствования в русском языке, которые подчиняются внешним и внутренним принципам. Внешние принципы: интенсификация или «ослабление связей данного народа с другими народами определенным образом отражаются на процессе лексического заимствования» [Крысин 2004: 26]. Лексическое заимствование осуществляется сложными путями, поэтому интенсификация может не привести к актуализации некоторых слов различных сфер деятельности, и наоборот, ослабление не сразу погашает данный процесс, заимствование понятия, наименования. Такие заимствования составляют значительную группу слов – аудитория, студент, кафедра и т.д. Возможно возникновение дублетов: общение – коммуникация (от лат. «communico»), ограничивать – лимитировать (от лат. «limitare»), наличие в международном употреблении систем терминов (медицина, юриспруденция и др.), «потребность в вуализации понятий (стремление к эвфимистическим заменам)» [Валгина 2003: 112]. Например, канцер (от лат. «cancer» - рак), педикулёз (от лат. «pediculus» - вошь). Внутренние принципы: устранение полисемии исконного слова, упрощение его структуры, разделяя сферы семантического влияния, «потребность уточнить или детализировать соответствующее понятие, разграничить некоторые смысловые оттенки, прикрепив их к разным словам» [Крысин 2004: 27]. Например, тотальный (от лат. «tōtus») – универсальный (от

лат. «universalis») – всеобщий, принцип экономии в языке – стремление назвать вещь, понятие, явление одним словом. Например, компьютер (от англ. «computer», от лат. «computo» – считаю) - электро-вычислительная машина (ЭВМ), электорат (от лат. «elector» - избиратель) – круг избирателей, голосующих за ту или иную партию. Отсюда вытекает ряд причин, по которым современный русский язык заимствует иноязычные слова. Во-первых, это стремление к углублению, расширению и детализации предметов и явлений. Во-вторых, упрощение каких-либо понятий в различных сферах жизнедеятельности (т.е. появление новых терминов). В-третьих, это создание интернациональной, базовой лексики. Таким образом, в современном русском языке широко используются заимствованные, иноязычные слова, а именно латинизмы. Они отражают политическую, экономическую, общественно-политическую, культурную сферы жизни. Они не просто вошли в обиход русского языка, но и расширили словарный запас русскоговорящих людей. Пополнение русского лексико-фразеологического состава латинизмами является одним из способов обогащения русского языка. Латинизмам отводится значимое место, поскольку они выполняют различные функции, выступая и как заимствованные слова, так и как иноязычные вкрапления, расширяя границы употребления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учебное пособие для студентов вузов. М.: Логос, 2003.
2. Крысин Л.П. Русское слово, свое и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 2004.
3. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в языкознание: учебник для бакалавров. М.: Издательство Юрайт, 2013.
4. Мечковская Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. 2-е изд. М.: Флинта, Наука, 2001.

5. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. Ярцева В.Н. М.: Большая рос. энцикл., 2002.

Chekaeva V.S.
additional education teacher
Pervomaysky Children's Creativity Center
(Murmansk, Russia)

LATINISMS AS ONE OF THE FACTORS SHAPING MODERN RUSSIAN

Abstract: *this article examines Latin borrowings that enrich modern Russian. It defines the concept of «Latinism» and discusses the external and internal principles and reasons for borrowing.*

Keywords: *borrowing, Latinism, external principle, internal principle, Latin language, Russian language, etymology.*

УДК 37.091.12:005.963

Чекаева В.С.

педагог дополнительного образования

Первомайский дом детского творчества

(г. Мурманск, Россия)

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ-ЯЗЫКОВЕДА - ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация**: данная статья посвящена рассмотрению профессионального роста учителя иностранного языка и его влияния на качество образования. В статье были раскрыты основные направления, связанные с категорией «профессиональная компетентность», а также требования к современному учителю-языковеду.*

***Ключевые слова**: профессиональная компетентность, учитель иностранного языка, профессиональный рост, качество образования, модернизация, преподавание иностранного языка.*

В связи с изменениями в образовании требования к преподавателям растут. Процесс обучения направлен не просто на передачу знаний, умений, навыков, а на формирование всесторонне развитой личности. Поэтому развитие профессиональной компетентности учителя актуально на сегодняшний день. Прежде всего компетентность – это владение, обладание человеком соответствующей компетенцией, включающее его личностное отношение к ней и предмету деятельности [Хуторской 2004: 141].

Компетенция включает совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определённому кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним [Хуторской 2004: 141]. Слово «компетентный» произошло от латинского competent – «соответствующий,

способный». Термин «компетентностный специалист» применим к учителю-языковеду в том случае, если он является профессионалом в своей области. Профессиональная компетентность включает в себя «знания, умения, навыки и действия личности, необходимых для выполнения социальных и профессиональных ролей, обеспечивающих максимальную самореализацию и саморазвитие» [Чернова 2006: 5].

Профессиональная компетентность предполагает 3 основных компетенций: *коммуникативная компетенция* – это способность и готовность осуществлять иноязычное, межличностное и межкультурное общение с носителями языка [Бим 2002: 11], *общепедагогическая компетенция, предметная компетенция.* Существует несколько направлений, связанных с категорией «профессиональная компетентность» (По Т.Б Руденко).

Первое направление – культура. Общекультурная компетенция включает в себя три аспекта: смысловой (адекватность осмысления ситуации в культурном контексте), проблемно-практический (адекватность распознания ситуации, целей, задач, норм), коммуникативный (адекватное общение в ситуациях культурного контекста).

Второе направление – система качеств, умений. Профессиональная компетентность определяется не только базовыми знаниями и умениями, но и мотивами деятельности учителя, определением себя в мире и своих ориентиров, способностью к развитию своего творчества.

Третье направление – вычленение из проблем организации профессиональной подготовки формирования профессиональной компетентности. Профессиональная подготовка состоит из инвариативной и вариативной частей. Инвариативная часть включает в себя базовые знания в области разных наук и знания организации учебной и внеаудиторной деятельности. Вариативная часть учитывает особенности профиля научной подготовки учителя, его склонностей и интересов.

Четверное направление – установление соотношения понятий «профессиональная компетентность» и «готовность к педагогической деятельности».

Пятое направление – профессиональная компетентность с психологической точки зрения (способность и готовность учителя использовать коммуникативные и организаторские умения).

Шестое направление – профессиональная компетентность как качество личности. С одной стороны, педагог обучает и воспитывает учеников, с другой стороны, оценивает себя и руководит своей деятельностью.

Седьмое направление – профессиональная компетентность как уровень образованности специалиста. Профессиональная компетентность определяется уровнем собственно профессионального образования, опытом и индивидуальными способностями человека, его стремлением к непрерывному самообразованию и самосовершенствованию, творческому отношению к делу [Руденко, Каткова 2006].

Восьмое направление – профессиональная компетентность с позиции деятельностного подхода. К каждой из сторон трудовой деятельности учителя (педагогическая деятельность, его общение, личность, обученность (обучаемость), воспитанность (воспитуемость)) предъявляют требования педагогических знаний. Значимость учителя с эпохи античности всегда была существенна, но прямых требований к его личности не предъявлялось. Сократ считал, что мудрость определяет интеллект педагога и его поведение. «Эта идея лежала в основе педагогических взглядов философа, считавшего, что посредством образования, путём приобщения учителя к знанию, его можно сделать мудрым, а, следовательно, добродетельным, а общество совершенным» (цит. по: [Ломакина 2003: 12]).

Действительно, мудрый учитель – это не просто педагог, который умеет обучать и воспитывать, а знает, когда нужно применять свои знания, умения и навыки, стремясь их совершенствовать и развивать не только на благо себе, но и образованию. На сегодняшний день ФГОС ООО является документом,

определяющим требования к профессиональной подготовке учителей. Помимо этого документа существует профессиограмма учителя, которая отражает профессиональные обязанности, подготовку педагога и требования к его личности.

Согласно ФГОС ООО, учитель-языковед должен уметь: разрабатывать рабочую программу, программу внеурочной деятельности, планировать результаты освоения образовательной программы, создавать проект урока и делать его анализ в соответствии с требованиями ФГОС, формировать *универсальные учебные действия* на основе подобранных (разработанных) упражнений, заданий, разрабатывать контрольно-измерительные материалы для диагностики результатов (предметных и метапредметных),отслеживать личностные достижения учащихся, использовать цифровые образовательные ресурсы в работе, применять методы обучения, обеспечивающие достижение результата через деятельность учащихся.

Исходя из этих требований, можно определить некоторые ***способы развития профессиональной компетентности учителя иностранного языка***. Во-первых, это **исследовательская деятельность педагога**. Углубленное изучение иностранного языка, его истории, его аспектов, культуры народа данной страны развивает познавательную сторону. **Использование ИКТ и современных педагогических технологий** реализуют. Для того чтобы достичь профессионального роста, необходимо не только **анализировать свои результаты и свой педагогический,** но и **принимать участие в форумах, педагогических конкурсах и мастер-классах, работать в методических объединениях и творческих группах**.

Все названные условия эффективны, если учитель-языковед стремится расширить свой кругозор, повысить своё профессиональное саморазвитие, модернизировать образование. Ключевыми словами ФГОС ООО являются «модернизация образования». Изменение, совершенствование, повышение качества образования – вот итог развития профессиональной компетентности педагога.

Качество образования показывает усвоение образовательной программы обучающимися. Мониторинг учебных учреждений помогает выявить проблемы и трудности по тому или иному предмету. Чтобы обучение было эффективным, нужно учитывать условия и атмосферу учебного процесса, каждый год составлять план повышения качества образования, используя анализ и мониторинг последних лет. Например, таблица качества образования МБОУ ООШ №16 г. Мурманска за последние три учебных года по английскому языку.

Таблица 1. Сравнение качества образования в МБОУ г. Мурманска ООШ № 16 за последние 3 учебных года.

Класс Год	2	3	4	5	6	7	8	9
2022-2023	12уч. 75%	11уч. 64%	8уч. 63%	12уч. 50%	7уч. 71%	5уч. 40%	8уч. 38%	7уч. 57%
2023-2024	7уч. 86%	11уч. 55%	11уч. 64%	3уч. 67%	11уч. 64%	7уч. 57%	5уч. 40%	4уч. 50%
2024-2025	13уч. 85%	7уч. 86%	11уч. 46%	6уч. 50%	3уч. 0%	11уч. 36%	7уч. 71%	9уч. 33%

Исходя из результатов таблицы, мы можем сделать выводы. Во-первых, наполняемость классов не выходит за пределы 13 человек, следовательно, это небольшая школа. Во-вторых, самый высокий показатель качества образования – 86%, самый низкий – 0%, средний – приблизительно 63%. Это значит, что усвоение образовательной программы проходит на среднем уровне. В чем же заключаются трудности? Учитывая климатические условия данного региона (низкая температура, полярные ночи), можно сказать, что школьники регулярно испытывают некоторые трудности адаптации, часто болеют, поэтому не регулярно выполняют домашнее задание (недостаточно закреплены и отработаны навыки). В связи с этим показатели качества образования невысокие.

Итак, план повышения качества образования: составить план организации домашней работы учащихся, организовать индивидуальные дополнительные занятия с учащимися, имеющими трудности в усвоении базисного компонента по английскому языку, повысить мотивацию к обучению при помощи олимпиад, консультаций для учащихся, имеющих пробелы. Таким образом, развитие профессиональной компетентности является непрерывным процессом, который ведёт к формированию профессиональной личности педагога. Учитель-языковед проходит путь от специалиста к профессионалу.

Делая самоанализ, самосовершенствуясь и углубляясь в свою профессию, учитель иностранного языка реализует себя, повышает качество образования, раскрывает свои способности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Бим И.Л. Личностно-ориентированный подход — основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 11–15.
2. Каткова Л.В., Руденко Т.Б. К вопросу о профессиональной компетентности личности учителя // Интернет-журнал СахГУ «Наука, образование, общество». URL: http://journal.sakhgu.ru/work.php?id=47. Волгоград, 2006.
3. Ломакина О.Е. Формирование профессиональной компетентности будущего учителя иностранных языков [Электронный ресурс]: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. М.: РГБ, 2003. 200 с.
4. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (с изменениями от 29 декабря 2014 года № 1644).
5. Хуторской А.В. Практикум по дидактике и современным методикам обучения. СПб.: Питер, 2004. 541 с.
6. Чернова Ю.К., Палферова С.Ш. Квалиметрические методы выделения базовых компетенций при подготовке специалистов инженерного профиля // Материалы XI симпозиума «Квалиметрия в образовании: методология, методика, практика» / под науч. ред. Н.А. Селезневой и А.И. Субетто. М.:

Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2006. 27 с.

Chekaeva V.S.
supplementary education teacher
Pervomaysky Children's Creativity Center
(Murmansk, Russia)

DEVELOPING PROFESSIONAL COMPETENCE IN LANGUAGE TEACHERS TO IMPROVE EDUCATION QUALITY

Abstract: *this article examines the professional development of foreign language teachers and its impact on education quality. It outlines the main dimensions of «professional competence» and the requirements for modern language teachers.*

Keywords: *professional competence, foreign language teacher, professional development, education quality, modernization, foreign language teaching.*

УДК 378.147:811.161.1

Шарипова Н.Э.
кандидат педагогических наук, доцент
кафедра узбекского и русского языков
Университет мировой экономики и дипломатии
(г. Ташкент, Узбекистан)

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ У СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА ВУЗОВ УЗБЕКИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ТРЕБОВАНИЯ

***Аннотация**: в статье рассматривается актуальная проблема формирования коммуникативной компетенции по русскому языку у студентов вузов Узбекистана. Автор анализирует типичные интерференционные ошибки первокурсников, представляет разработанные языковые требования и предлагает внедрить обязательный входной экзамен для повышения качества обучения.*

***Ключевые слова**: коммуникативная компетенция, русский язык, обучение неродному языку, лингвистическая интерференция, входной экзамен, преемственность образования, высшее образование, Узбекистан.*

В условиях масштабной модернизации социально-экономической и геополитической стратегии Республики Узбекистан кардинально трансформируются требования, предъявляемые к качеству подготовки специалистов в системе высшего образования. Подписание Президентом Республики Узбекистан Ш.М. Мирзиёевым Постановления «О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования» обозначило стратегический вектор на формирование высококвалифицированных кадров, способных свободно интегрироваться в международное научно-образовательное и экономическое пространство. Профессиональный стандарт выпускника современного передового вуза, особенно в области международных отношений,

мировой экономики и дипломатии императивно предполагает свободное владение несколькими иностранными языками.

Русский язык традиционно занимает важное место в образовательной среде Узбекистана как инструмент межкультурной и научной коммуникации. В Университете мировой экономики и дипломатии (УМЭД) языковая подготовка студентов является приоритетным направлением. Однако успешность вузовских программ напрямую зависит от базового уровня знаний, сформированных на довузовском этапе. Отсутствие жесткой преемственности между школой и вузом порождает дидактические противоречия.

Проблема преемственности обучения и функционирования русского языка как неродного в Центральной Азии исследуется многими авторами. Теория коммуникативной компетенции изложена в трудах В.Г. Костомарова, И.Л. Бим и в документах Совета Европы. Трансформация русскоязычной среды в регионе анализируется в работах Э.А. Балыхиной, Н.М. Шанского, М.Т. Аюповой, Л.Т. Ахмедовой. Исследователи констатируют разрыв связей между школой и вузом из-за сокращения часов на русский язык в национальных школах, дефицита аутентичной среды и нехватки новых учебников.

Основной целью обучения в УМЭД является развитие у студентов с узбекским языком обучения высокого уровня коммуникативной компетентности для решения академических и профессиональных задач. Рабочая программа дисциплины «Русский язык» рассчитана на один год и базируется на предпосылке, что первокурсники уже владеют базовой языковой системой.

Эмпирическую базу исследования составил опыт работы кафедры узбекского и русского языков УМЭД. В рамках ежегодного мониторинга анализируются стартовые показатели более 400 студентов первого курса национального отделения. Методология объединяет сравнительно-сопоставительный анализ нормативно-правовой базы, обобщение педагогического опыта и лингвистический анализ типичных ошибок студентов-билингвов.

Мониторинг выявил глубокий дисбаланс в уровне подготовки абитуриентов. Преподаватели вуза вынуждены адаптировать программы под нужды компенсаторного обучения, фактически дублируя школьный курс, что ведет к потере аудиторного времени.

Анализ речи студентов показал доминирование устойчивых интерференционных ошибок, обусловленных несовпадением грамматических систем узбекского (агглютинативного) и русского (флективного) языков:

1. Нарушения в категории рода: из-за отсутствия рода в узбекском языке возникают ошибки в согласовании *(«мой группа», «дипломатический ведомство»).*

2. Падежно-предложная интерференция: пропуск или неверный выбор предлогов, вызванный калькированием системы аффиксов *(«поступить в университет»* без предлога, смешение «в/на»).

3. Ошибки в видо-временной системе глаголов: трудности при дифференциации видов глаголов и употреблении приставочных глаголов движения (*пойти, уйти, прийти*).

Для преодоления кризиса преемственности кафедрой УМЭД были разработаны дифференцированные «Требования к обучению и изучению русского языка», коррелирующие с международным пороговым уровнем (B1). Абитуриент к моменту зачисления обязан обладать следующим комплексом компетенций:

Грамматический блок: уверенное владение фонетикой, орфографией, пунктуацией, понимание склонений и падежей, оперирование глагольными категориями, причастиями и деепричастиями.

Письменная речь: умение создавать логичные тексты, фиксировать тезисы, писать структурированное эссе с аргументацией позиции, составлять планы к академическим текстам.

Устная речь: владение лексическим минимумом (1200–1300 единиц), умение без подготовки вести диалог, делать презентации по узкой специальности, реферировать незнакомые тексты.

В качестве эффективного решения авторы предлагают введение обязательного входного (предварительного) экзамена по предмету «Русский язык как неродной» для абитуриентов отделений с узбекским языком обучения. Разработанная структура контрольно-измерительных материалов (КИМ) включает три субтеста:

1. Субтест 1. Лексика. Грамматика. Тестирование из 50 заданий множественного выбора для проверки падежной и глагольной систем. Время выполнения – 45 минут.

2. Субтест 2. Письмо. Написание эссе объемом не менее 150 слов для проверки письменных навыков и логики аргументации. Время выполнения — 45 минут.

3. Субтест 3. Говорение. Интервью (презентация абитуриента о себе и профессии) и неподготовленное комментирование текста/видеосюжета. Время ответа – 15 минут.

Внедрение входного контроля в УМЭД обеспечит объективный отбор абитуриентов с уровнем B1, исключит необходимость тратить время на компенсацию школьных пробелов и позволит с первых недель сфокусироваться на языке специальности. В рамках дальнейшей работы планируется описание требований к уровню владения языком на завершающих этапах первого и второго годов обучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. О мерах по дальнейшему развитию системы высшего образования: постановление Президента Республики Узбекистан от 20 апреля 2017 года № ПП-2909. URL: lex.uz (дата обращения: 07.10.2026)
2. Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Узбекистан. URL: mfa.uz (дата обращения: 07.10.2026)
3. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, обучение, оценка / Департамент по языковой политике, Страсбург // Электронная библиотека «LearnTeachWeb». URL: learnteachweb.ru/articles/eurcomp (дата обращения: 07.10.2026)

4. Уровни владения русским языком как иностранным / Министерство образования и науки Российской Федерации. URL: russia.edu.ru (дата обращения: 07.10.2026)
5. Арипова А.Х., Рахимова Н.Х. Роль технологических разработок в обучении языка. 2023. С. 82–87.
6. Ахмедова Л.Т. Методика преподавания русского языка как неродного в вузах. Ташкент: Фан, 2021. 210 с.
7. Балыхина Э.А. Методика преподавания русского языка как иностранного (неродного): учебное пособие. Москва: РУДН, 2017. 185 с.
8. Носиров Л.Х. Формирование лингвокультурологической компетенции при обучении русскому языку как иностранному с использованием онлайн-ресурсов // Вестник науки. 2025. № 5 (86). С. 459–464.

Sharipova N.E.

PhD in Education, Associate Professor

Department of Uzbek and Russian Languages

University of World Economy and Diplomacy

(Tashkent, Uzbekistan)

DEVELOPING COMMUNICATIVE COMPETENCE IN RUSSIAN AMONG FIRST-YEAR UNIVERSITY STUDENTS IN UZBEKISTAN: CHALLENGES AND REQUIREMENTS

***Abstract**: this article examines the challenge of developing communicative competence in Russian among university students in Uzbekistan. The author analyzes common interference-induced mistakes made by first-year students, presents newly developed language proficiency requirements, and proposes a mandatory entrance examination to improve the quality of instruction.*

***Keywords**: communicative competence, Russian language, non-native language teaching, linguistic interference, entrance examination, educational continuity, higher education, Uzbekistan.*

УДК 376:373.2

Якимова А.А.
магистрант 3 курса
факультет педагогики и психологии, направление подготовки
— 44.04.03 «Специальное (дефектологическое) образование»,
программа «Дефектолог в инклюзивном образовании»
кафедра дефектологического и дошкольного образования
Благовещенский государственный педагогический университет
(г. Благовещенск, Россия)

Научный руководитель:
Калиниченко А.В.
кандидат педагогических наук, доцент,
факультет педагогики и психологии
кафедра дефектологического и дошкольного образования
Благовещенский государственный педагогический университет
(г. Благовещенск, Россия)

ОБОГАЩЕНИЕ АТРИБУТИВНОГО СЛОВАРЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СРЕДСТВАМИ ДИДАКТИЧЕСКИХ ИГР И ИГРОВЫХ ПОСОБИЙ

***Аннотация**: систематизированы способы обогащения атрибутивного словаря старших дошкольников с задержкой психического развития. Рассмотрены содержание словарной работы, последовательность игровых заданий, выбор пособий и оценка речевых действий. Предложенные методические рекомендации требуют индивидуальной адаптации и эмпирической проверки.*

***Ключевые слова**: атрибутивный словарь, задержка психического развития, старший дошкольник, дидактическая игра, игровое пособие, словарная работа.*

Обогащение словаря признаков является значимым направлением речевой работы со старшими дошкольниками с задержкой психического развития (ЗПР). В настоящей статье атрибутивный словарь понимается как совокупность слов, обозначающих признаки и свойства предметов, прежде всего прилагательных. Цель работы — систематизировать способы его обогащения средствами дидактических игр и игровых пособий. Использованы анализ научно-методической литературы и сопоставление образовательных задач. Статья имеет теоретико-методический характер.

Р. И. Лалаева, Н. В. Серебрякова и С. В. Зорина характеризуют лексику детей с ЗПР как ограниченную и недостаточно точную, отмечают трудности усвоения прилагательных [2, с. 64–72]. Рассмотренные в данном разделе результаты обследования младших школьников нельзя переносить на всех дошкольников. Дошкольную специфику раскрывают материалы Института коррекционной педагогики: среди задач выделены освоение названий свойств предметов, активизация словаря и согласование прилагательных с существительными [1]. Следовательно, содержание занятий необходимо определять с учётом речевых возможностей конкретного ребёнка.

Федеральная адаптированная образовательная программа дошкольного образования предусматривает обогащение активного словаря и развитие грамматически правильной речи. Для старшей группы детей с ЗПР обозначено освоение слов, передающих характеристики человека, синонимических и антонимических отношений [6, п. 34.4.3, 34.4.3.3]. Эти положения являются образовательными ориентирами, а не описанием одинаковых достижений всех воспитанников.

Пособие под редакцией С. Г. Шевченко объединяет ознакомление старших дошкольников с ЗПР с окружающим миром и развитие речи [3]. В программе О. С. Ушаковой словарная работа направлена на понимание значения слова и точность его употребления [5]. Применительно к теме статьи данные положения позволяют связать введение прилагательного с обследованием

предмета, последующим называнием свойства и использованием слова в общении.

При выборе игровых средств необходимо различать обучающую задачу, игровое действие и материальное пособие. Е. В. Трифонова обращает внимание на различия между развитой детской игрой и деятельностью, которую педагогическая практика обозначает как игру [4]. Поэтому общеразвивающее значение сюжетной игры не доказывает эффективность конкретного лексического задания. Для словарной работы требуется понятный ребёнку повод сравнить, выбрать, описать или запросить предмет.

Содержание работы предлагается распределить по смысловым группам: непосредственно воспринимаемые признаки, материал предмета, характеристики состояний и поступков. Для обозначения размера важно различать общую величину и её параметры: «большой — маленький», «длинный — короткий», «широкий — узкий». Сравниваемые объекты следует подбирать так, чтобы целевое свойство было различимо. Порядок освоения слов определяется индивидуально, указанная группировка служит способом планирования занятий.

Качественные и относительные прилагательные требуют различных заданий. Для слов, обозначающих качество, можно организовать сопоставление противоположных признаков. При знакомстве со словами «деревянный», «бумажный», «пластмассовый» задача заключается в установлении связи между предметом и материалом. Образование таких слов следует отличать от их понимания: ребёнок может выбрать деревянный предмет по инструкции, но затрудниться самостоятельно назвать материал или образовать прилагательное. В педагогической записи эти ответы необходимо отражать раздельно.

Подготовительный этап предполагает наблюдение за пониманием и употреблением прилагательных. Педагог предлагает выбрать предмет по словесной инструкции, назвать признак и использовать его в словосочетании. Такое наблюдение помогает определить задачу обучения, но не заменяет комплексного обследования.

При регистрации ответов рекомендуется отдельно отмечать самостоятельный выбор, выбор после повторения инструкции, выполнение после показа и отсутствие ответа. Для называния также следует различать самостоятельное слово, ответ после вопроса и повторение готового образца. Если педагог сразу произносит нужное прилагательное, последующий ответ ребёнка нельзя считать свидетельством самостоятельного поиска слова. Для сопоставления результатов полезно сохранять формулировки инструкций и описание предъявленного материала.

Первый этап работы рекомендуется строить вокруг обследования предмета и соотнесения признака со словом. Например, ребёнок сравнивает поверхности безопасных предметов, а взрослый называет различие. Затем ребёнок выбирает предмет по словесной инструкции.

Второй этап направляется на активизацию прилагательных. Вместо вопроса с включённым ответом педагог предлагает назвать свойство выбранного предмета. Если самостоятельный ответ затруднён, можно последовательно предоставить дополнительную опору: указать, какое свойство обсуждается, сопоставить предмет с другим, предложить словесный выбор. Готовый образец используется как средство обучения и отдельно фиксируется при оценке ответа. Порядок помощи здесь является методической рекомендацией и может изменяться в зависимости от характера затруднения.

Третий этап предполагает, что прилагательное используется с разными существительными: «мягкий мяч», «мягкая игрушка». Понимание признака и правильность согласования следует оценивать раздельно.

Для закрепления названий признаков может использоваться предметное лото. Ребёнок подбирает объект к образцу, называет свойство, затем выбирает предмет по словесному описанию. Изменение расположения карточек и включение новых изображений позволяют поставить вопрос о понимании слова за пределами знакомого материала. Успешное раскладывание картинок само по себе не свидетельствует о самостоятельном употреблении прилагательного.

Для работы с поверхностью подходит игра с мешочком, содержащим предварительно обследованные предметы. Задание направляется на называние свойства, а не только объекта. Для освоения слов, обозначающих материал, ребёнку предлагаются реальные предметы и соответствующие образцы: требуется установить связь между материалом и прилагательным. Приведённые ситуации являются методическими примерами, а не описанием проведённого эксперимента.

Антонимические отношения можно отрабатывать с парными изображениями, где противопоставление наглядно: например, открытая и закрытая коробки. Коммуникативное применение организуется через просьбу партнёру: выбрать нужную ленту среди нескольких сходных. Прилагательное в таком задании уточняет сообщение и определяет выбор.

Для характеристик эмоциональных состояний рекомендуется использовать ситуации с понятным контекстом. Педагог предлагает рассмотреть действие персонажа или обсудить короткий эпизод, а затем выбрать подходящее слово. Здесь требуется различать состояние и устойчивое качество: слова «грустный» и «добрый» описывают разные стороны ситуации. Оценку поступка следует связывать с содержанием эпизода, избегая переноса отрицательной характеристики на личность ребёнка. Доступность таких заданий проверяется через обсуждение, а не только через выбор изображения лица.

В качестве опоры для описания может применяться игровая схема с условными обозначениями цвета, формы, размера и поверхности. Каждый знак предварительно объясняется на знакомом предмете. Схема служит напоминанием о возможном направлении обследования, а не требованием назвать все признаки в каждом ответе. Постепенно ребёнку предлагается самостоятельно выбрать характеристики, необходимые слушателю для узнавания предмета. Дальнейшая задача — составить описание без готовой последовательности подсказок.

Выбор пособия предлагается оценивать по нескольким основаниям: различимость целевого свойства, соответствие материала речевой задаче,

возможность практического обследования и вариативность использования. Фотография подходит для обсуждения наблюдаемого цвета или формы, но сама по себе не даёт ребёнку опыта осязания поверхности. Условный рисунок может быть неоднозначен при определении материала. Поэтому изображение рекомендуется сопровождать реальным предметом или предварительным знакомством с ним, если иначе целевой признак невозможно установить.

Количество предъявляемых объектов и сложность инструкции должны соответствовать текущим возможностям воспитанника. Предлагается изменять один компонент задания за раз: число вариантов выбора, объём описания, степень наглядности либо самостоятельность речевого ответа. Такой способ организации позволяет педагогически интерпретировать затруднение: если одновременно меняются все условия, становится неясно, какая помощь требуется ребёнку. Продолжительность игры и число повторений нельзя назначать по одной общей норме для всей группы детей с ЗПР.

Работу над словарём рекомендуется согласовывать между учителем-дефектологом, учителем-логопедом, воспитателем и семьёй. Предметом согласования могут быть слова, используемые в текущей теме, способы объяснения признака и допустимая помощь. В повседневной ситуации взрослый может предложить выбрать одежду, материал для поделки или предмет для игры и словесно уточнить выбор. Родителям следует сообщать конкретную задачу, а также объяснять различие между обучением слову и проверкой его самостоятельного употребления.

Для оценки динамики предлагается учитывать понимание прилагательного, самостоятельное называние, точность соответствия признаку, согласование с существительным и перенос в новую ситуацию. Эти параметры не объединяются в статье в нормативную шкалу: каждый отражает отдельную сторону речевого действия. В протоколе наблюдения следует сохранять не только итоговый ответ, но и условия его получения. Повторное предъявление нового предмета с известным свойством помогает поставить вопрос о переносе,

однако единичного ответа недостаточно для общего вывода о сформированности навыка.

Проведённая систематизация позволяет связать содержание атрибутивного словаря с последовательностью игровых заданий: обследование признака, понимание названия, самостоятельное называние и употребление в общении. Дидактические игры и пособия могут использоваться для реализации этих задач при индивидуальном подборе материала. Их эффективность и оптимальные условия применения требуют эмпирической проверки, анализ литературы не устанавливает величину возможного эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Конструктор программ коррекционно-развивающей работы с дошкольниками с задержкой психического развития и тяжёлыми нарушениями речи. Таблицы ЗПР [Электронный ресурс] / Институт коррекционной педагогики. URL: https://krpdo.ikp-rao.ru/category/tabliczy-zpr/ (дата обращения: 10.10.2026).
2. Лалаева Р.И., Серебрякова Н.В., Зорина С.В. Нарушения речи и их коррекция у детей с задержкой психического развития: учебное пособие. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2003. 304 с.
3. Подготовка к школе детей с задержкой психического развития: учебно-методическое пособие / под общей ред. С.Г. Шевченко. Кн. 1. М.: Школьная Пресса, 2005. 96 с.
4. Трифонова Е.В. Детская игра с позиций культурно-исторической психологии: подмена, утрата и воссоздание идеальной формы деятельности в образовательном пространстве // Культурно-историческая психология. 2022. Т. 18, № 3. С. 5–12. DOI: 10.17759/chp.2022180301.
5. Ушакова О.С. Развитие речи дошкольников. Обзор программы [Электронный ресурс] // Творческий Центр «Сфера». URL: https://tc-

sfera.ru/razvitie-rechi-doshkolnikov-ushakova/обзор-программы.html (дата обращения: 10.10.2026).

6. Федеральная адаптированная образовательная программа дошкольного образования для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: утв. приказом Минпросвещения России от 24.11.2022 № 1022, зарегистрированным в Минюсте России 27.01.2023 № 72149 [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202301270036 (дата обращения: 10.10.2026).

Yakimova A.A.
master's degree student of 3rd year
Faculty of Pedagogy and Psychology, field of study —
44.04.03 «Special (Defectological) Education», program
«Special Education Specialist in Inclusive Education»
Department of Special and Preschool Education
Blagoveshchensk State Pedagogical University
(Blagoveshchensk, Russia)

Scientific advisor:
Kalinichenko A.V.
PhD in Education, Associate Professor, Faculty of Pedagogy and Psychology
Department of Special and Preschool Education
Blagoveshchensk State Pedagogical University
(Blagoveshchensk, Russia)

ENRICHING ATTRIBUTIVE VOCABULARY OF OLDER PRESCHOOL CHILDREN WITH DEVELOPMENTAL DELAY VIA DIDACTIC GAMES AND PLAY-BASED TEACHING AIDS

Abstract: *approaches to enriching attributive vocabulary of older preschool children with developmental delay are systematized. The content of vocabulary instruction, sequence of game-based tasks, selection of teaching aids, and assessment of speech performance are examined. The proposed methodological recommendations require individual adaptation and empirical validation.*

Keywords: *attributive vocabulary, developmental delay, older preschool child, didactic game, play-based teaching aid, vocabulary instruction.*

УДК 35

Карабаева Я.С.
магистрант 2 курса
кафедра менеджмента и государственного управления
Пензенский государственный университет
(г. Пенза, Россия)

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ И СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

***Аннотация**: в статье рассматривается общественное мнение как важнейший компонент социальной жизни и социального управления, влияющий на политические решения, легитимацию власти и гражданскую мобилизацию. Анализируются основные теоретические концепции общественного мнения, его сетевой характер и роль цифровых технологий в изучении и формировании общественных настроений. Общественное мнение представлено как ресурс и одновременно объект управления, выполняющий функции обратной связи, легитимации, мобилизации и формирования социальных норм. Особое внимание уделяется взаимодействию государства и общества, деятельности лидеров общественного мнения в социальных медиа и цифровым механизмам политической коммуникации. Делается вывод, что учет гражданских позиций, свобода слова, независимые СМИ и эффективная обратная связь являются условиями легитимности власти, социальной стабильности и адаптивности государственного управления.*

***Ключевые слова**: общественное мнение, власть, социальное управление, государственное управление, цифровые технологии, политическая коммуникация, обратная связь.*

Общественное мнение является важнейшим элементом социальной жизни общества. Оно оказывает воздействие на процессы принятия решений, формирование политики и легитимацию властных институтов. Общественное мнение отражает совокупную позицию различных социальных групп по вопросам, представляющим общественную значимость: политике, экономике, культуре, образованию, социальной защите, деятельности органов власти и другим направлениям. Мнение общества не только формируется под влиянием общественных процессов, но и само активно воздействует на развитие социума. Поэтому в системе социального управления оно выступает одновременно как объект и как субъект управленческого воздействия. В процессе исторического формирования социального знания феномен общественного мнения неизменно занимал внимание мыслителей и исследователей. Уже в сочинениях Платона, Сократа, Протагора и Аристотеля [1, с.105] встречаются трактовки общественного мнения, а также первые попытки осмыслить его роль и значение в общественной жизни. В эпоху Ренессанса идеи древнегреческих философов переосмысливались в трудах итальянских гуманистов XV в. (Л. Бруни, М. Пальмиери, А. Ринуччини), отстаивавших последовательное утверждение демократических принципов в политической жизни Флорентийской республики, равноправие всех полноправных граждан перед законом и равные возможности их участия в управлении государством [3, с. 160]. До конца XIX в. общественное мнение оставалось предметом философского осмысления. Одну из первых целостных теоретических трактовок общественного мнения предложил Гегель [2, с. 56].Он определил субъект и объект общественного мнения в их диалектической взаимосвязи, а также раскрыл условия и факторы формирования и проявления общественного мнения. Французский социолог Гюстав Лебон рассматривал общественное мнение с точки зрения психологии масс, подчеркивая, что наступило время господства толпы и что основным носителем общественного мнения становится ее неосознанная активность.

В американской традиции одним из первых к теме общественного мнения обратился Чарльз Хортон Кули. В своей работе о человеческой природе и социальном порядке он утверждал, что общественное мнение складывается в процессе межличностных контактов и коммуникации, особо отмечая возникновение при этом эффекта синергии. С. А. Шавель определяет общественное мнение как полный набор всех возможных альтернатив, независимо от того, кем они выдвинуты, и последующий выбор из них тех, которые не вызывают возражений [9, с. 28]. При этом важно, что речь идет не о вариантах, поддерживаемых большинством, а о тех, против которых никто открыто не выступает. В современных исследованиях акцент смещается на сетевой характер общественного мнения, многовекторность его проявлений и цифровые следы, позволяющие фиксировать и анализировать общественные настрой в реальном времени [4, с. 59]. Общественное мнение играет важную роль в системе управления, выполняя несколько значимых задач. Прежде всего, оно действует как канал обратной связи, который доносит до властей информацию о том, как воспринимаются их действия и какие потребности существуют у граждан. Кроме того, общественное мнение влияет на легитимность власти: уровень поддержки и доверия со стороны общества может как укреплять, так и подрывать авторитет принимаемых решений и государственных институтов. Ещё одна его функция — мобилизационная: оно способно побуждать людей к коллективным действиям, на которые руководству приходится реагировать. Наконец, общественное мнение задаёт нормативные границы, определяя, что считается допустимым в обществе, и тем самым влияет на приоритеты политики и набор приемлемых мер. В совокупности эти функции придают общественному мнению двойственный характер: с одной стороны, оно представляет собой ресурс, который можно использовать для достижения целей, а с другой — фактор, который необходимо обязательно учитывать при разработке управленческих решений [5, с.13].

В статусе объекта социального управления общественное мнение рассматривается как целенаправленное поле воздействия нормативно-правовых механизмов, информационных стратегий и административных мер [6, с. 17]. Управление в данном контексте направлено на: формирование и коррекцию общественных установок через медиа-коммуникации, PR-кампании, просветительские проекты и образовательные программы. Различают несколько режимов взаимодействия власти и общественного мнения: от строгого подавления и игнорирования до адаптации и интеграции в управленческие процессы. Особое место занимает патернализм — модель, когда государство через опросы и исследования пытается адаптировать свои действия к интересам и потребностям населения, создавая иллюзию диалога между властью и обществом.

Однако использование общественного мнения как объекта управления имеет комплексный характер. Властные структуры не просто собирают данные о настроениях граждан, они трансформируют эти данные в управленческие решения, корректируя курс политики в соответствии с коллективными представлениями и запросами. Важно, что речь идет не о простом отражении мнения массы, а о целенаправленном формировании, адаптации и использовании этого мнения в интересах политической стабильности и легитимности. Сегодня это взаимодействие усиливается цифровыми технологиями. Социальные сети, интернет-форумы и различные онлайн-платформы предоставляют государству новые каналы сбора и анализа общественного мнения. Мониторинг социальных медиа позволяет выявлять тенденции и тренды, быстро реагировать на изменения в настроениях и корректировать информационную политику [7, с. 92]. Интерфейс государства с гражданами сегодня все больше смещается в виртуальное пространство, где оперативное взаимодействие и обратная связь становятся возможными на новых, более гибких условиях. Это серьезно меняет традиционные методы социального управления, делая их более динамичными и адаптируемыми к социальному контексту современности.

При этом важно отметить, что воздействие на общественное мнение — это не только мониторинг и реагирование, но и стратегия формирования нужных настроений, фильтрации информации, создание образов и нарративов, выгодных властным структурам. Управление общественным мнением становится инструментом контроля за социальным поведением, позволяющим формировать общественную устойчивость, снижать социальные конфликты и обеспечивать поддержку текущих политических инициатив [6, с. 18].

Но каковы же риски и вызовы такой роли общественного мнения? С одной стороны, чрезмерный контроль и манипуляция мнением могут привести к утрате доверия и росту протестного потенциала. С другой — игнорирование общественных настроений рискует породить отчуждение населения и недовольство, что способно дестабилизировать социальные процессы. Следовательно, задача социального управления —совершенствовать механизмы прозрачного диалога, развивать цифровую коммуникацию с обществом, а главное — учитывать многообразие и динамичность общественного мнения. Необходимо помнить, что именно через уважение к массовым настроениям проходит путь к устойчивому развитию и социальной справедливости. В роли субъекта общественное мнение выступает как активная сила, которая диктует условия, контролирует власть и участвует в выработке решений. Это не просто реакция масс на действия власти — общественное мнение становится полноценным участником процесса, способным влиять на принятие решений и формирование политики. Субъект в социальном управлении выполняет несколько важных функций. Прежде всего, он осуществляет оценочную функцию, вынося вердикт социальным институтам, законам и отдельным личностям, выражая им одобрение или неодобрение. Директивная, или направляющая, функция проявляется через выборы, референдумы и плебисциты, посредством которых граждане дают власти обязательные к исполнению указания, реализуя принцип императивного мандата.

Консультативная функция заключается в участии в обсуждениях, работе экспертных сообществ и гражданских форумов, где формируются рекомендации для корректировки социально-политического курса. Кроме того, субъект выполняет защитную функцию: он противодействует посягательствам на базовые ценности общества и блокирует решения, которые считает опасными или несправедливым. Реализация субъектности возможна при наличии определённых условий. К ним относятся свобода слова и независимые средства массовой информации, высокий уровень правовой культуры и осведомлённости граждан, а также развитые институты гражданского общества, включая некоммерческие организации, профсоюзы и местные сообщества. Важным условием является и возможность реального влияния граждан на деятельность органов власти, что предполагает наличие эффективной, а не формальной обратной связи. Общественное мнение перестало быть пассивным подспорьем власти. Сегодня оно является активным субъектом, который влияет на политики через различные каналы — от публичных обсуждений на форумах и в социальных сетях до формирования общественных советов при органах власти. В цифровую эпоху этот процесс усиливается: граждане получают непосредственную возможность участвовать в обсуждении, контролировать процессы и даже инициировать изменения. Таким образом, общественное мнение становится своего рода посредником, который связывает государство и социум, обеспечивая понятную обратную связь и повышая легитимность управленческих решений.

Цифровые медиаресурсы меняют не только способы коммуникации, но и сами модели управления. Интерактивные онлайн-платформы обеспечивают двусторонний обмен информацией, что позволяет вовлекать различные социальные группы в активный диалог. Говоря о лидерах общественного мнения, нельзя не отметить их растущую роль в управленческом процессе. Они обладают значительным социальным капиталом, выступая связующим звеном между массами и органами власти.

В эпоху социальных медиа эти лидеры становятся инфлюенсерами, способными мобилизовать широкие аудитории и формировать повестки дня. Благодаря этому они влияют на политические решения и социальные инициативы, действуя уже как партнёры государственной власти. Это переводит общественное мнение из разряда пассивного слушателя в активного участника, который не только высказывает свои потребности и интересы, но и содействует реализации управленческих решений [8, с. 193]. Такой подход позволяет создавать управленческие стратегии, более соответствующие реалиям и ожиданиям общества. Отношения между властью и общественным мнением характеризуются непрерывными циклами обратной связи. Власть воздействует на мнения посредством политики и коммуникаций, после чего измеряет отклик и корректирует курс. Эффективность таких циклов зависит от качества информационных каналов, доверия между сторонами и способности к адаптации. В современных условиях цифровой аналитики этот цикл ускорился: публичные реакции и индикаторы настроения доступны в реальном времени, что повышает оперативность управленческих ответов, но одновременно усиливает риски реактивности и поверхностных решений, ориентированных на краткосрочные колебания мнений. В последние годы наблюдается также усиление роли общественного мнения в этическом регулировании внедрения инновационных технологий в государственное управление, например, при использовании искусственного интеллекта. Граждане проявляют растущую заинтересованность и озабоченность по поводу этических аспектов применения таких технологий, включая вопросы ответственности за решения и прозрачности процессов. Учет общественного мнения в этих вопросах становится необходимым для повышения доверия к органам власти и формирования сбалансированной политики использования новых цифровых инструментов, способствующей сохранению прав граждан и безопасности государства. Итогово, мы видим, что общественное мнение — это не просто объект воздействия, а активный субъект управления, чья роль в современном социальном управлении постоянно возрастает.

Новые коммуникационные технологии, социальные медиа и институциональные формы взаимодействия расширяют возможности граждан влиять на процесс принятия решений. Это создает условия для формирования более открытого и адаптивного государственного управления, учитывающего разнообразие мнений и интересов.

Таким образом, общественное мнение является важнейшим элементом социального управления. Оно выступает как объект, на который направлено управленческое воздействие, и как субъект, способный влиять на власть и общественные процессы. Эффективное управление обществом возможно только при условии уважительного отношения к общественному мнению, его регулярного изучения и учета в процессе принятия решений. В современном обществе именно взаимодействие власти и общественного мнения становится одним из ключевых факторов социальной стабильности и развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аристотель. Политика: пер. с древнегреч. М.: АСТ, 2002. 393 [2] с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 [2] с.
3. Горшков М.К. Общественное мнение: история и современность. М.: Политиздат, 1988. 383 с.
4. Гавриленко О.В. Цифровизация как фактор трансформации новых форм социального взаимодействия и механизмов контроля // Коммуникативный капитал цифровой эпохи: материалы научной онлайн-конференции с международным участием, Москва, 12 февраля 2021 года. ООО «МАКС Пресс», 2021. С. 57–64
5. Кирсанова Н.П., Гонашвили А.С. Технологии управления общественным мнением: учебное пособие. СПб.: Университет при МПА ЕврАзЭС, 2021. 66 с.
6. Лактионова Е.В. Общественное мнение как объект управленческого воздействия // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7. С. 17–20

7. Лебедева Е.А., Сладкова А.В. Правовое регулирование цифровых технологий контроля в государственном управлении // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 90–96

8. Троцук И.В., Дурсина А.Н. Цифровой вектор развития коммуникации между властью и населением в современном российском обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 1. С. 182–202

9. Шавель С.А. Общественная миссия социологии. Минск: Беларус. навука, 2010. 404 с.

Karabaeva Ya.S.

master's degree student of 2nd year

Department of Management and Public Administration

Penza State University

(Penza, Russia)

PUBLIC OPINION AS OBJECT AND SUBJECT OF SOCIAL MANAGEMENT

Abstract: *this article examines public opinion as a key component of social life and social management that influences political decisions, the legitimation of authority, and civic mobilization. It analyzes major theoretical approaches to public opinion, its networked nature, and the role of digital technologies in studying and shaping public sentiment. Public opinion is presented as both a resource and an object of management, serving functions of feedback, legitimation, mobilization, and social norm formation. Particular attention is paid to interactions between state and society, the activities of opinion leaders on social media, and digital mechanisms of political communication. The article concludes that consideration of citizens' views, freedom of speech, independent media, and effective feedback are essential to government legitimacy, social stability, and adaptive public administration.*

Keywords: *public opinion, authority, social management, public administration, digital technologies, political communication, feedback.*

УДК 35+658.336

Пангина А.А.
магистрант 3 курса
Московский автомобильно-дорожный
государственный технический университет (МАДИ)
(г. Москва, Россия)

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ГОССЛУЖАЩИХ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АНАЛИТИЧЕСКОГО ЧТЕНИЯ

***Аннотация**: в статье рассматривается проблема формирования у государственных гражданских служащих навыков анализа сложных текстов в рамках дополнительного профессионального образования. Актуальность темы обусловлена возрастающей сложностью нормативных, аналитических и стратегических документов, с которыми работают современные чиновники. Представлены подходы к пониманию категории «сложный текст», обоснована необходимость целенаправленного обучения аналитическому чтению, предложены методические приёмы и организационные формы, способствующие развитию соответствующих компетенций. Особое внимание уделено практико-ориентированным заданиям, моделирующим реальные профессиональные ситуации.*

***Ключевые слова**: дополнительное профессиональное образование, государственный гражданский служащий, сложный текст, аналитическое чтение, критическое мышление, профессиональная компетенция, методика обучения.*

Введение.

Система дополнительного профессионального образования (ДПО) государственных гражданских служащих призвана обеспечивать постоянное обновление знаний и умений, необходимых для эффективного исполнения должностных обязанностей. Одной из ключевых профессиональных компетенций современного госслужащего является умение работать с информацией, представленной в текстовой форме: федеральными законами, указами, постановлениями, аналитическими докладами, отчётами, экспертными

заключениями, стратегиями развития и программными документами. Эти тексты отличаются высоким уровнем сложности, терминологической насыщенностью, логической многомерностью и правовой значимостью.

Практика показывает, что даже опытные специалисты испытывают трудности при интерпретации положений нормативных актов, выявлении причинно-следственных связей в аналитических материалах или подготовке собственных заключений на основе противоречивых источников. В связи с этим задача целенаправленного обучения анализу сложных текстов в рамках ДПО приобретает особую значимость.

Понятие «сложный текст» в контексте профессиональной деятельности госслужащего.

Под сложным текстом в данной статье понимается письменный речевой продукт, характеризующийся следующими признаками:

высокой информационной плотностью,

объёмом,

наличием специальной терминологии (юридической, экономической, управленческой),

сложной синтаксической организацией, многоуровневой структурой (главы, разделы, пункты, подпункты),

наличием отсылочных норм, перекрёстных ссылок, примечаний и приложений,

необходимостью учёта контекста, в том числе исторического, политического и правового,

возможной неоднозначностью трактовок, требующей обоснованного выбора интерпретации.

Госслужащие работают со сложными текстами — нормативными актами, проектами законов, отчётами и др. Такие документы требуют не просто прочтения, а глубокого анализа.

Цели и задачи обучения анализу сложных текстов в ДПО.

Основной целью обучения анализу сложных текстов является формирование у слушателей способности извлекать, интерпретировать, оценивать и использовать информацию, содержащуюся в профессионально значимых документах, для принятия обоснованных управленческих решений.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

Развитие навыков смыслового чтения: понимание основной идеи, выделение ключевых положений, установление логических связей между частями текста.

Формирование умения критически оценивать источники: выявлять возможные противоречия, неточности, манипулятивные приёмы, лакуны в аргументации.

Обучение приёмам свёртывания информации: составление тезисов, конспектов, аннотаций, аналитических записок.

Развитие способности синтезировать информацию из нескольких источников, сопоставлять различные точки зрения, формулировать собственные выводы.

Тренировка навыков преобразования сложного текста в более доступные формы (презентации, схемы, таблицы, краткие справки) с сохранением юридической и смысловой точности.

Формирование умения применять проанализированную информацию в конкретной профессиональной ситуации: подготовка проекта ответа, обоснование позиции, разработка управленческого решения.

Методические подходы и приёмы.

Эффективное обучение анализу сложных текстов в системе ДПО госслужащих должно опираться на принципы андрагогики: опора на профессиональный опыт слушателей, практико-ориентированность, проблемность, интерактивность.

Наиболее результативными методическими приёмами являются:

Кейс-анализ нормативных документов. Слушателям предлагается реальный или смоделированный управленческий кейс, для решения которого необходимо проанализировать один или несколько сложных текстов (например, определить, распространяется ли действие нового регламента на конкретную ситуацию, выявить правовые основания для отказа или удовлетворения обращения гражданина). Работа организуется в малых группах с последующей презентацией и обсуждением.

Сравнительный анализ документов. Обучающимся даётся задание сопоставить две редакции нормативного акта, два подзаконных акта, федеральный и региональный документ, российский и зарубежный опыт. Цель - выявить различия, определить причины изменений, оценить последствия.

Составление аналитической записки (резюме). Слушатель должен прочитать объёмный аналитический доклад или законопроект и подготовить краткую аналитическую записку для руководителя, содержащую суть документа, ключевые проблемы, возможные риски и предложения. Это развивает навыки смысловой компрессии и выделения главного.

Дискуссия и дебаты на основе прочитанного. После самостоятельного изучения сложного текста организуется обсуждение спорных положений. Преподаватель выполняет роль модератора, стимулируя аргументацию ссылками на текст.

Составление схем и таблиц. Визуализация структуры документа (иерархия норм, логические связи, последовательность процедур) способствует более глубокому пониманию и запоминанию. Задание может выполняться как индивидуально, так и в парах.

Работа с «ловушками». Слушателям предлагаются фрагменты текстов, содержащие типичные ошибки: логические противоречия, неоднозначные формулировки, скрытые отсылки. Задача - найти и аргументированно исправить неточности.

Проектная работа. Разработка проекта нормативного акта или аналитической справки на основе анализа нескольких сложных источников. Такой формат интегрирует все полученные навыки и максимально приближен к реальной профессиональной деятельности.

Организационные условия.

Для успешной реализации указанных подходов необходимо соблюдение ряда условий:

формирование учебных групп с учётом уровня подготовки и профессионального опыта слушателей,

использование аутентичных документов, актуальных на момент обучения,

сочетание очных и дистанционных форм (электронные образовательные ресурсы, вебинары, форумы),

привлечение практикующих юристов, аналитиков, руководителей структурных подразделений в качестве экспертов и тьюторов,

регулярная обратная связь и оценка не только конечного результата, но и процесса аналитической работы.

Проблемы и пути их решения.

Внедрение обучения анализу сложных текстов в ДПО сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, слушатели часто имеют разный базовый уровень владения навыками смыслового чтения и критического мышления. Это требует входной диагностики и дифференциации заданий. Во-вторых, временные рамки курсов повышения квалификации обычно ограничены (16–72 часа), что не позволяет уделить достаточное внимание каждому приёму. Решением может стать модульная структура программы, где анализ сложных текстов интегрирован во все темы, а также предоставление дополнительных материалов для самостоятельной работы. В-третьих, мотивация слушателей может быть невысокой, если обучение воспринимается как формальность. Поэтому

необходимо связывать все задания с реальными профессиональными задачами и демонстрировать практическую пользу.

Заключение.

Анализ сложных текстов является неотъемлемым компонентом профессиональной компетентности государственного гражданского служащего. Система дополнительного профессионального образования обладает значительным потенциалом для формирования и развития соответствующих умений при условии использования практико-ориентированных, интерактивных методик, опоры на реальные документы и проблемные ситуации. Целенаправленная работа в этом направлении позволит повысить качество управленческих решений, снизить риск ошибок при работе с нормативными актами и укрепить аналитическую культуру государственной службы в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамова Н.В. Обучение государственных служащих работе с нормативными правовыми актами: современные подходы // Вестник дополнительного профессионального образования. 2023. № 2. С. 45–52.
2. Бондаренко Е.В. Смысловое чтение как основа профессиональной подготовки специалиста // Педагогическое образование в России. 2022. № 4. С. 112–118.
3. Головина Н.А. Критическое мышление в системе повышения квалификации государственных служащих // Государственная служба. 2021. № 5. С. 67–73.
4. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. 40 с.

5. Кузнецова Т.В. Дополнительное профессиональное образование государственных гражданских служащих: проблемы и перспективы // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 7. С. 128–147.

6. Миронова Л.А. Технологии работы с текстом в условиях цифровой трансформации образования // Инновации в образовании. 2023. № 1. С. 89–96.

7. Сластенин В.А., Исаев И.Ф., Шиянов Е.Н. Педагогика: учебник для вузов. М.: Академия, 2019. 576 с.

8. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (с изм. и доп.). Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

Pangina A.A.
master's degree student of 3rd year
Moscow Automobile and Road Construction
State Technical University (MADI)
(Moscow, Russia)

PROFESSIONAL DEVELOPMENT OF CIVIL SERVANTS VIA ANALYTICAL READING

***Abstract**: this article examines how civil servants can develop skills in analyzing complex texts within supplementary professional education programs. The topic is relevant because regulatory, analytical, and strategic documents handled by civil servants are becoming increasingly complex. The article presents approaches to defining «complex text», explains the need for targeted instruction in analytical reading, and proposes teaching methods and instructional formats that help develop relevant competencies. Particular attention is paid to practice-oriented tasks that simulate real professional situations.*

***Keywords**: supplementary professional education, civil servant, complex text, analytical reading, critical thinking, professional competence, teaching methodology.*

УДК 35

Читадзе В.Б.
магистрант 3 курса
Северо-Восточный государственный университет
(г. Магадан, Россия)

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В СФЕРЕ КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТНОГО ПОДХОДА

***Аннотация**: рассматриваются теоретические и нормативные основы проектной деятельности в культуре, анализируется процесс цифровизации сферы культуры в Российской Федерации в контексте проектного подхода.*

***Ключевые слова**: культура, цифровизация, проектный подход, проектная деятельность, культурная политика, цифровые технологии.*

Проектная деятельность в государственном управлении – это способ реализации приоритетных целей посредством временных, ресурсно ограниченных инициатив, направленных на достижение уникальных общественно значимых результатов. В отличие от рутинной, процессно-ориентированной работы государственных органов, проектный подход нацелен на внедрение конкретных изменений и инноваций. Проект имеет основные признаки: чётко ограниченные сроки начала и окончания, конкретные целевые ориентиры, фиксированный бюджет и командный характер исполнения. Преимуществами проектного управления признаются гибкость и адаптивность в реализации задач, более эффективное использование ресурсов, прозрачность процессов и усиление персональной ответственности исполнителей за конечный результат [9, с. 488].

В сфере государственного и муниципального управления России проектный подход получил институциональное оформление с середины 2010-х годов. С 2016 года начали утверждаться нормативные акты, регламентирующие проектную деятельность в органах власти, были созданы проектные офисы и комитеты при федеральных и региональных структурах. Знаковым событием стало издание указа Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», который закрепил целевые ориентиры развития страны и запустил механизм национальных проектов. Национальные проекты представляют собой комплекс взаимосвязанных проектов в ключевых сферах (экономика, социальная сфера, инфраструктура и др.), объединённых общими целями. В результате реализации указа № 204 сформирована единая вертикаль проектного управления от федерального до муниципального уровня: на федеральном уровне работают проектные комитеты и кураторы национальных проектов, в регионах созданы свои проектные офисы, реализующие региональные составляющие федеральных инициатив.

Проектный подход особенно востребован в решении сложных задач социально-культурного развития, так как позволяет сконцентрировать усилия и ресурсы на достижении конкретных измеримых результатов. Государственное управление с использованием проектной методологии характеризуется межведомственной координацией, участием широкого круга стейкхолдеров (исполнителей, партнеров, целевых групп населения) и ориентацией на конечный эффект для общества [1, с. 58]. В условиях цифровизации данная модель управления приобретает дополнительные преимущества, позволяя оперативно внедрять новые технологии и адаптироваться к быстроменяющимся условиям.

Проектный подход получил широкое распространение при реализации стратегических инициатив в социально-культурной сфере. В отрасли культуры, нуждающейся в модернизации и привлечении новой аудитории, проектное управление позволяет эффективно внедрять изменения, соблюдая баланс между

сохранением традиций и внедрением инноваций. Особенностью применения проектного подхода в культуре является многоуровневая система реализации: федеральные инициативы и приоритеты транслируются через региональные и муниципальные проекты, которые адаптируются к местной специфике, но при этом нацелены на достижение общенациональных целей [3, с. 65].

Наиболее масштабным примером является национальный проект «Культура» (реализован с 2019 по 2024 гг.), который включает ряд федеральных проектов: «Культурная среда», «Творческие люди», «Цифровая культура» и другие. Каждый из этих проектов представляет собой комплекс согласованных мероприятий, имеющих конкретные цели, сроки, показатели и источники финансирования. Так, федеральный проект «Цифровая культура» направлен на цифровизацию услуг и формирование единого информационного пространства в сфере культуры и предусматривает к 2024 году создание современного цифрового контура отрасли. В масштабах страны планируется создание 500 виртуальных концертных залов и 550 выставочных проектов с цифровыми гидами в дополненной реальности, что должно обеспечить пятикратное увеличение обращений к цифровым ресурсам культуры. Эти амбициозные задачи решаются посредством реализации проектов на региональном уровне – в каждом субъекте РФ запускаются региональные составляющие федеральных проектов, которые аккумулируют ресурсы федерального и регионального бюджетов, привлекают партнеров и учитывают потребности конкретной территории.

Проекты в сфере культуры ориентированы не только на количественные показатели (например, число построенных или отремонтированных учреждений, созданных цифровых платформ, единиц оцифрованного контента), но и на качественные изменения: повышение доступности культурных благ для населения, вовлечение граждан в культурную жизнь, улучшение качества услуг и сохранность культурного наследия. Реализация таких проектов требует прозрачности и широкого информирования общества, учета интересов различных групп (потребителей культурных услуг, деятелей культуры, органов

власти и бизнеса), а также постоянной координации между уровнями власти. Так, федеральные проекты воплощаются через региональные программы – как, например, проект «Цифровая культура» в Магаданской области, который призван обеспечить внедрение в регионе виртуальных концертных залов, цифровых гидов для музеев и онлайн-трансляций культурных мероприятий [7]. Эти инициативы дополняют традиционные формы работы учреждений культуры и способствуют преодолению ограничений, связанных с географической удаленностью региона.

Для поддержки проектной деятельности и цифровой трансформации сферы культуры создается необходимая организационная и методическая инфраструктура. При Министерстве культуры Российской Федерации и профильных ведомствах регионов действуют проектные офисы, отвечающие за координацию и мониторинг проектов. Ведется постоянный мониторинг достижения показателей с использованием информационных систем (например, порталы государственных программ, базы данных наподобие «Электронного бюджета» для отслеживания финансирования). Внедрены стандартизированные формы отчетности, позволяющие сравнивать результаты между регионами. В результате отрасль культуры постепенно демонстрирует позитивные изменения: строятся и модернизируются культурно-досуговые центры, открываются модельные библиотеки нового поколения, цифровые сервисы становятся частью повседневной жизни как посетителей, так и работников учреждений культуры. Цифровые технологии помогают привлечь новую аудиторию (например, молодёжь через интернет-платформы), сохранить и популяризировать культурное наследие (через оцифровку книг, экспонатов, архивов), а также предоставлять образовательные и просветительские услуги онлайн.

Таким образом, проектное управление в сфере культуры обеспечивает достижение национальных приоритетов, укрепляет контроль и ответственность за результаты на всех уровнях власти, а также способствует цифровой трансформации отрасли. Для отдалённых регионов, подобных Магаданской области, это означает ускоренное развитие инфраструктуры культуры,

устранение цифрового неравенства и интеграцию региональной культуры в единое информационное пространство страны.

Цифровизация сферы культуры в России осуществляется на основе целого комплекса стратегических документов и нормативных правовых актов федерального и регионального уровня. К фундаментальным документам, определившим направление цифровой трансформации культуры, относятся, прежде всего, указы Президента Российской Федерации и решения Правительства Российской Федерации, устанавливающие национальные цели развития. Так, уже упомянутый указ Президента Российской Федерации № 204 (2018 г.) закрепил курс на модернизацию социальной сферы и фактически дал старт национальному проекту «Культура». Позднее указ Президента РФ № 474 от 21.07.2020 г. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» обновил национальные цели, подтвердив приоритет цифровой трансформации в том числе отрасли культуры и продлив горизонт планирования цифровизации до 2030 года.

Конкретные ориентиры цифрового развития культуры закреплены в паспорте национального проекта «Культура» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и нацпроектам, 24.12.2018 г.). В данном документе определены основные федеральные проекты и их целевые показатели. В частности, на федеральном уровне проект «Цифровая культура» ставит цель обеспечить к 2024 году широкий доступ населения к культурным ценностям через интернет, измеряемый через пятикратное увеличение числа обращений к цифровым ресурсам культуры. Общий объём финансирования нацпроекта «Культура» (2019–2024) составил значительную сумму, распределённую между федеральным центром и регионами, что отразилось и в региональных программах.

Важной составляющей нормативной базы являются решения Правительства РФ и приказы профильного министерства, определяющие механизмы реализации цифровых инициатив. Так, Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года включают пункт о

цифровизации культуры, что послужило основанием для разработки федеральных проектов. Распоряжением Правительства РФ от 31.08.2020 г. № 2310-р была утверждена «Концепция цифровой трансформации общего образования» – аналогичный документ для образования, для культуры стратегия цифровой трансформации была формализована позднее. В конце 2023 года Правительство утвердило стратегическое направление цифровой трансформации отрасли культуры до 2030 года (распоряжение Правительства РФ № 3550-р от 11.12.2023 г.), которое ставит цели достижения «цифровой зрелости» отрасли, увеличения доступности культурных ценностей в цифровом формате и модернизации ИТ-инфраструктуры учреждений культуры. Данный документ продолжает курс, намеченный национальным проектом, и служит ориентиром для пост-2024 периода.

На отраслевом уровне ключевыми нормативными актами выступают приказы и программы Министерства культуры РФ. В их числе – приказы, регулирующие деятельность портала «Культура.РФ» (официального агрегатора цифрового контента и онлайн-трансляций мероприятий), положения о Национальной электронной библиотеке (НЭБ), которая обеспечивает доступ к оцифрованным изданиям по всей стране, а также стандарты, касающиеся модельных библиотек. Например, утверждён модельный стандарт развития муниципальных библиотек, предусматривающий их оснащение доступом в интернет и точками доступа к НЭБ. Это является частью мероприятий по цифровизации: к 2024 году в рамках федерального проекта «Культурная среда» планировалось создать сотни модельных библиотек с современными цифровыми услугами, в том числе 9 таких библиотек в Магаданской области. Хотя данные библиотеки финансируются по другому федеральному проекту, они дополняют цели «Цифровой культуры» по расширению доступности электронных ресурсов.

Региональные нормативные акты также играют важную роль. В Магаданской области основой для цифровизации культуры служит государственная программа Магаданской области «Развитие культуры и туризма Магаданской области» (утверждена постановлением администрации области от

20.11.2013 г. № 1165-па). Данная программа была скорректирована с учётом задач национального проекта «Культура» и включает в себя региональный проект «Цифровая культура». Соответственно, все мероприятия проекта встроены в систему государственных программ региона, что обеспечивает их нормативно-правовое и финансовое сопровождение.

Таким образом, нормативно-правовая база цифровизации культуры представляет собой многоуровневую систему документов: от стратегических указов и распоряжений, определяющих приоритеты цифровой трансформации, до конкретных методических указаний и программ, регламентирующих внедрение информационных технологий в деятельность учреждений культуры [5, с. 154]. Это правовое обеспечение создает условия для реализации проекта «Цифровая культура» на всей территории России и в отдельных регионах, устанавливая цели, показатели, ресурсы и механизмы контроля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Жунисов Е. Взаимодействие управления изменениями и управления проектами // Студенческий вестник. 2022. № 16. С. 58–59.
2. Збаровская Н.В. Проектная деятельность библиотек // Библиотека. 2005. № 4. С. 79–82.
3. Калякина А.В. Проектные технологии в сфере культуры: проектная деятельность // Справочник руководителя учреждения культуры. 2004. № 12. С. 64–68.
4. Козловская С.А., Ризоева К.Р. Современные мировые практики управления проектами в государственном и муниципальном управлении // Сфера услуг: инновации и качество. 2022. № 59. С. 88–96.
5. Кондратьева Л.Н., Алексеева И.А. Проблемное поле управления инновационными проектами в учреждениях культуры // Вестник Академии знаний. 2022. № 48. С. 122–124.

6. Никонорова С.А., Сандра Чаха Д.Ф. Анализ предметных областей управления проектом. Управление содержанием // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. № 1. С. 99–105.

7. Первый в Магаданской области виртуальный концертный зал откроется в столице Колымы: Говорит Магадан [Электронный ресурс] // URL: https://govoritmagadan.ru/vanguem-v-dalnejshem-poyavlenie-na-kolyme-virtualnogo-benzina-po-nacproektu-toplivo-virtualnyh-samoletov-cifrovogo-aeroflota-i-drugih-innovacij/ (дата обращения: 06.12.2025)

8. Пунтиков А.Н., Шиков А.Н. О соотношении понятий «бережливое проектное управление», «бережливое управление проектами» и «бережливое проектно-ориентированное управление» // Флагман науки. 2023. № 6. С. 271–286.

9. Шильдт Л.А., Гареева Н.Б. Особенности классического проектного управления и гибких методологий в управлении проектами // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3. С. 488–490.

Chitadze V.B.

master's degree student of 3rd year

North-Eastern State University

(Magadan, Russia)

DIGITALIZATION OF RUSSIA'S CULTURAL SECTOR IN THE CONTEXT OF A PROJECT-BASED APPROACH

***Abstract**: theoretical and regulatory foundations of project activities in culture are examined, and digitalization of the cultural sector in Russia is analyzed in the context of a project-based approach.*

***Keywords**: culture, digitalization, project-based approach, project activities, cultural policy, digital technologies.*

УДК 93+94

Вуколов М.Ю.

студент 2 курса

Санкт-Петербургский государственный университет

(г. Санкт-Петербург, Россия)

РЕЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ ГЕРБЕРТА МАРКУЗЕ В СОВЕТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ Ю.А. ЖУКОВА)

***Аннотация**: в этой статье автор анализирует, как газета «Правда» идеологически «обезвреживала» концепции Маркузе в контексте событий мая 1968 года во Франции и внутренних противоречий СССР. Для доказательства он использует критический дискурс-анализ в традициях Н. Фэркло и Р. Водак в сочетании с теорией фрейминга, а также архивные постановления ЦК КПСС и иные исторические источники. В результате доказывается, что советская пресса редуцировала философию Маркузе до набора идеологических штампов и использовала её для дискредитации альтернативных советской догме левых движений, особенно маоизма. Кроме того, автор показывает, что критика Маркузе была реакцией на реальные геополитические, внешнеполитические и внутриполитические риски, связанные с радикализацией западного протеста и его возможным экспортом в Восточную Европу и СССР. Тем самым статья демонстрирует, как идеологический антагонизм эпохи Холодной войны проявлялся в дискурсивных практиках советских медиа и в конечном счёте в вооружённых столкновениях на о. Даманский и оз. Жаланашколь (1969).*

***Ключевые слова**: Герберт Маркузе, советская публицистика, газета Правда, Юрий Жуков, май 1968 года, Франция, критический дискурс-анализ.*

Введение.

В конце 1960-ых – начале 1970-ых этот германо-американский философ оказывается под пристальным вниманием советской прессы. В частности, главного печатного органа ЦК КПСС – газеты «Правда». Фигура, вписавшая своё

имя в канву истории идей благодаря публикации таких работ, как «Одномерный человек» (1964), «Эрос и цивилизация» (1955), «Советский марксизм: критический анализ» (1958), не могла не привлечь внимание советских властей. Тем более пафос разоблачительной критики Маркузе был направлен не только против западного общества потребления, но и против «государственного капитализма», который был построен, по мысли философа, в СССР.

Проблема исследования – противоречие между социально-философским наполнением идей Герберта Маркузе (критика «одномерности», репрессивной толерантности, общества потребления) и дискурсивными практиками, через посредство которых советские периодические издания преломляли эти концепции, идеологически «обезвреживая» их и представляя в удобном идеологическом виде.

Методологическим фундаментом исследования является критический дискурс-анализ (КДА) в традициях Нормана Фэркло и Рут Водак в сочетании с элементами теории фрейминга. Выбор этого метода обусловлен тем, что медиатекст рассматривается не просто как источник информации, а как форма социальной практики, определяющие властные отношения в обществе.

Изучение рецепции идей Франкфуртской школы и Маркузе как её ключевого представителя имеет достаточно длительную историю. Так, первые попытки осмысления были предприняты ещё в советский период и носили сугубо идеологизированный характер. В работе Р. Штейгервальда ««Третий путь» Герберта Маркузе» и Э. Я. Баталова «Философия бунта. Критика идеологии левого радикализма» идеи философа рассматривались через призму «мелкобуржуазного радикализма» и утопизма.

В постсоветский период исследователи сместили акцент на академическое осмысление наследия франкфуртцев. Труд А. Н. Дмитриева «Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа (1920–1930-е гг.)» подробно реконструирует саму эволюцию критической теории, освобождая её от советских пропагандистских искажений.

В работах историков прессы (например, М.П. Ермаковой, В.В. Переверзева и А.Г. Дорожкина) детально описаны механизмы формирования образа «западного врага» на страницах советских газет и журналов.

Несмотря на обилие исследовательских работ по теме, вне фокуса внимания академической науки остаётся механизм микроанализа конкретных медиатекстов как пространства идеологических манипуляций. Существующие исследования оценивают советскую прессу обобщённо. Практически отсутствуют работы, детально реконструирующие, как именно на уровне языка (метафор, риторических приёмов и фрейминга) в конкретном тексте – таком, как резонансная статья Ю. Жукова «Оборотни…» - происходила селективная рецепция, деконструкция и инструментализация концептов «одномерного человека» и «Великого Отказа».

«Красный май» 1968 г. во Франции подвёл черту под двадцатилетием поступательного послевоенного развития «государства всеобщего благосостояния» и ознаменовал первый кризис общества потребления в Западной Европе, выведя на площади 10 миллионов рабочих.

Советский Союз 1968 года – зрелое индустриальное общество, отличающееся относительно низким уровнем потребления – на фоне не только развитых стран Западной Европы, но и других социалистических государств Восточной Европы [2, С. 324]. Корень этого фундаментального противоречия последствиях «формированной индустриализации», в сохранении и последующей консервации после падения Г. М. Маленкова хронического дисбаланса между производством товаров группы «А» и продукцией группы «Б» [3, С. 65]. Ещё одной аномалией, остро ощущавшейся в стране с поголовно грамотным населением, преимущественно проживающем в городах, - несоответствие уровня политических свобод достигнутому экономическому развитию.

Однако главное противоречие – сохранение неравенства и привилегий элиты при формальном эгалитаризме. По мысли Маркузе, сформировавшаяся в эпоху гражданской войны и индустриализации политическая система с самого

раннего времени зиждилась на разрыве между «большинством масс трудящихся» и партийной элитой [9, P. 30–31].

В последующем этот тренд лишь усугубился, запустив процесс сращении советских, государственных и партийных должностей, «буржуазного перерождения» управленческого аппарата и утверждения диктата партии - номенклатуры [8, С. 242]. Таким образом, неравенство, подобно инфляции в экономике, демонтировавшей традиционные рыночные структуры, не исчезло, но лишь задрапировалось в тогу, приобретя «подавленный» характер. Если в экономике смену росту потребительских цен пришёл дефицит, то в общественной сфере эксплицитное неравенство доходов и богатства (собственности) действительно почти отмерло, но ему на смену пришёл суррогат – ограниченный доступ к редким ресурсам и их административное распределение среди новой номенклатурной элиты.

Западные интеллектуалы были фрустрированы советским опытом построения социализма с его партийной иерархией и эксцессами коллективизации и политического террора. Большую симпатию вызывал китайский опыт с его «Культурной революцией» и решающей ролью студенчества – хунвейбинов.

Но не меньше разочаровывала их действительность на капиталистическом полюсе. Подчинение личности идеологии потребления посредством массовой культуры («культуриндустрии», как сказали бы Т. Адорно и М. Хоркхаймер), навязывание ей ложных ценностей, сужение её до одной цели –«одномерного» консюмеризма – при подавлении всех прочих витальных устремлений («эроса»), возникающее в результате отчуждение – эти черты «позднего капитализма» делали невозможным примирение с ним. Нужна была альтернатива – марксизм, очищенный от советского социализма [3, С. 4]. И Герберт Маркузе её представил.

Подробный обзор работ Г. Маркузе - «Одномерного человека (Res nullius)», «Эроса и цивилизации», «Советского марксизма…» - и анализ его идей выходит за рамки этого исследования. Отметим лишь ключевые постулаты его

фрейдомарксистской теории, которые являлись объектом критики советской прессы:

Отрицание решающей роли пролетариата в социально-политической трансформации из-за утраты им «революционности» [3, С.4].

утверждение расовых меньшинств, студентов, постоянно безработных, радикальной интеллигенции в качестве ключевых субъектов революции. Маргинальные слои, в отличие от «подкупленных» буржуазным комфортом и усыплённых «культуриндустрией» рабочих, сохраняют революционный запал, находясь «вне производственного процесса» [3, С. 4].

акцент не на традиционной для марксизма классовой борьбе, развёртывающейся вокруг вопроса обладания средствами производства, а на культурном противостоянии всей цивилизационной реальности индустриального мира с его ценностями, институтами образования и семьи («Великий отказ»).

изменение тактики революционной борьбы: вместо организованного отстаивания прав пролетариата посредством профсоюзов и компартий – стихийный бунт, поскольку «бесполезно ждать, пока массы присоединятся к движению. Всё всегда начиналось с бунта горсточки интеллигентов».

инкорпорация в рамках марксизма некоторых положений психоанализа, в частности теории десублимации как санкционированного капиталистической системой выпуска революционного пара (подавленного эроса) через формальную свободу слова и гедонизм неограниченного потребления.

Эти тезисы противоречили основным установкам советского марксизма. Более того, они создавали угрозу для правящего режима Союза ССР по трём причинам:

Геополитический риск: ослабление лояльных Москве компартий Западной Европы, особенно ФКП, и угроза утраты инструмента «мягкой силы» на фоне кризиса в Чехословакии и хрупкой разрядки, СССР официально поддержал ФКП.

Внешнеполитический риск: подрыв прагматичных отношений с де Голлем, сложившихся после его визита в СССР в 1966 г.

Внутриполитический риск: дальнейшая радикализация протеста в Западной Европе и его экспорт в Восточную Европу и СССР, где поколение «детей XX съезда» создало диссидентскую почву (процесс Синявского–Даниэля, 1966). Ответом стали Постановление Политбюро ЦК КПСС от 18 июля 1968 г. о телеграммах ЦК братских стран в связи с предложением ЦК ФКП [7], регулировавшее коллективный ответ соцблока на инициативы французских коммунистов, и ужесточение цензуры в СССР — Постановление Пленума ЦК КПСС апреля 1968 г. об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплочённость мирового коммунистического движения, усилившее партийный контроль над интеллигенцией и печатью.

Однако особый интерес представляют не «закрытые» партийные инструкции и нормативные акты внутреннего документооборота, а тексты, написанные с целью повлиять на «широкие общественные массы». Среди них статья обозревателя «Правды» Ю. А. Жукова. Статья посвящена Г. Маркузе – этому «лжепророку» - и его «шумливым ученикам». Какие идеи германо-американского философа критикует советский журналист, с каких идеологический позиций, в какой риторической форме и, главное, в какой степени его критика кристаллизовала фундаментальное идеологическое противоречие советского марксизма, обязанного поддерживать пламя революционной борьбы повсюду, но при этом отмежеваться от радикализма «ультралевых»?

Уже в названии статьи «Оборотни. О лжепророке Маркузе и его шумливых учениках» при помощи оценочной лексики («оборотни», «лжепророк», «шумливые») задаётся негативный тон восприятия. Метафора «оборотня», которому уподобляются германо-американский философ и его сторонники, сразу вызывают ассоциации предательства, обмана, «ренегатства». Учитывая идеологическую близость советского коммунизма и его «ультралевого», как многократно стигматизируются идеи Маркузе в статье,

варианта использование подобного тропа неудивительно. Неудивительно и использование парцелляции, которая нагнетает напряжение и создаёт атмосферу угрозы, предстоящей борьбы с «раскольниками» на синтаксическом уровне. Разделим советскую критику на несколько основных положений.

неприятие признания за студенчеством, расовыми меньшинствами и безработными решающей роли в революции при отрицании таковой у рабочего класса и «его авангарда – коммунистов». На эту максиму направлено основное остриё идеологической критики Медведева при замалчивании прочих аспектов учения – неотъемлемой репрессивная составляющая любого дискурса. Используя фрейм оголтелого «левого радикализма», критика западного общества потребления выводилась Медведевым за скобки, при этом акцентировалась «антинаучная» с точки зрения ортодоксального марксизма уверенность Маркузе в первичной роли студенчества и прочих внесистемных слоёв, которые в советской прессе аттестованы при помощи пейоративной лексики как «декласированные элементы». Тем самым задаётся негативное отношение к маркузианским субъектам революции. Это неудивительно, поскольку отрицание подобной роли пролетариата и компартии автоматически влекло размывание роли и Советского Союза.

Герберта Маркузе и его сторонников из числа студентов – «горячую, но не искушённую в политике молодёжь» - Медведев лишает субъектности, видя в «ультралевых», анархистских» идеях германо-американского философа инструмент раскола, ослабляющего пролетарский протест в условиях краха политики конвергенции [3, С. 4].

Концепты Маркузе в оптике советского публициста - лишь «перепетые» установки Мао Цзэдуна. Это ассоциация имеет риторическую функцию: низовой стихийный антиавторитарный протест в Париже приравнивается к организованной «сверху» кампании против «обюрокраченной» партийной элиты и её лидеров (Лю Шаоци, Дэн Сяопин), направленной на сохранение абсолютной власти Мао. Две полярные тенденции отождествляются под пропагандистским

жупелом «ультралевого анархизма». Антисоветский марксизм подвергается тотальной дискредитации.

Критика этого тезиса органически связана с препарированием принципа борьбы не против капитализма, но против «индустриального общества вообще», которое, по словам итальянского социалиста Козиньолы, на которого ссылается Ю.А. Медведев, «…всё больше и больше напоминает промышленное предприятие» [3, С. 4].

В рамках этого предприятия осуществляется разделение не только труда, но и ренты от «эксплуатации третьего мира», в которой в буржуазных обществах участвует и рабочий класс. Этот тезис подтачивает основы господства и колониальных европейских держав, и Советского Союза, который контролировал посредством политико-экономических структур (ОВД, СЭВ) и военных контингентов обширные пространства Восточной и Центральной Европы. При этом внутренняя структура советского полиэтнического объединения опровергала эти положения. Метрополия – земли великорусского этноса (территория РСФСР) выступала донором для «национальных окраин» (Украина, страны Прибалтики).

Перенос акцента с бедственного положения национального рабочего класса и студенчества, имеющего пролетарского происхождение (всего 8% от общего числа студентов во Франции 1968) [3, С. 4] на проблемы стран «третьего мира». Для молодёжи, которую «любвеобильные родители щедро снабжают деньгами» (яркий эпитет – «любвеобильные», создающий впечатление изнеженности и сусальности радикальной молодёжи), а реальную угрозу представляет смерть не от голода, но от скуки [3, С. 4] (филигранная «ложная дихотомия»), это прекрасная возможность выплеснуть «эмоциональные чувства», реально ничем не рискуя [3, С. 4]. Автор, мысля категориями догматического исторического материализма, не даёт права на протест тем социальным стратам, чьё потребление находится на относительно высоком уровне.

Кроме того, Жуков игнорирует реальную социально-экономическую детерминанту Красного мая: стагнация зарплат при высокой инфляции, автоматизация труда и отчуждение работника от его результатов из-за широкого распространения конвейерного способа производства, десятилетие авторитарного правления де Голля, подвергавшего тотальной цензуре радио и ТВ, консерватизм, сословность и материально-техническая недостаточность французских вузов, прежде всего, Нантера и Сорбонны. Советский автор упустил и важнейшую демографическую предпосылку: в период общественно-политической активности вступило поколение «бэби-бумеров», выросшее в условиях «славного тридцатилетия» и расцвета «государства всеобщего благосостояния». На смену чисто экономическим требованиями (увеличение зарплаты, сокращение часов – традиционно их отстаивала ФКП) приходят экзистенциальные запросы, связанные с изменениями самой структуры повседневности – с семьёй, образованием, досугом, личной свободой.

Советский публицист дезавуирует подобные запросы, отрицая социально-экономическое наполнение протестов и сводя их к хаотическому экстазу разрушения и бессмысленного, «мелкобуржуазно-анархистского» бунта, вызванного юношеской «истерией», но не как объективными установками общественного развития. Через эстетику безобразного – стихийного захвата университетов (2-3 мая), возведения ночных баррикад (10–11 мая), столкновений с полицией – Медведев живописует отталкивающий образ протеста как стихийного бунта, напоминающего «безумство» бесчинствующих хунвейбинов, разрушительная деятельность которых подвергается осуждению в рубрике, помещённой на той же странице.

В тексте подспудно присутствует бинарная оппозиция: «правильный», рациональный советский социализм и «извращённый», «безумный» антисоветский марксизм. Внутри этой оппозиции сокрыта ещё одна: организованный протест, ведомый коммунистической партией и направленный на насущные социально-экономические проблемы, и спонтанный общественный взрыв, лишённый какой-либо цели, кроме упоения романтикой разрушения –

разрушения культуры и цивилизации вообще, а не только её индустриальной инкарнации.

Жуков закольцовывает структуру своей статьи, утверждая, что философия Маркузе – это попытка «поссорить прогрессивные силы», внести в них раскол. Попытка, предпринятая буржуазными силами в ответ на «обострение классовой борьбы». В этом положении явственно проступает мышление Холодной войны, при котором независимые и непредсказуемые акторы рассматриваются как прокси-силы, ведомые геополитическим противником. При этом ставка на «новых левых» как на противовес просоветской повестке в западных странах и сотрудничество с маоистским Китаем – реальный факт внешней политики администрации Р. Никсона (1969–1975) [4, С. 433].

Таким образом, советская пресса редуцировала комплексную философию Маркузе, критиковавшего современное индустриальное общество с позиций неомарксизма, психоаналзиа и экзистенциализма, до набора заведомо ущербных идеологических штампов, которые легко опровергнуть. Советские авторы использовали вульгаризированные идеи философа как удобную мишень для дискредитации всех альтернативных советской догме левых движений, особенно китайского – поскольку маоизм представлял для Советского союза угрозу не только на уровне доктрин, но и на уровне ракет и танков. Реальность этой угрозы вскоре продемонстрировали столкновения на острове Даманский и на озере Жаланашколь (1969). Так идеологический антагонизм материализовался в форме открытого вооружённого противостояния.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ванюков Д.А. Эпоха застоя. М.: ООО ТД «Издательство Мир книги», 2008.
2. Гайдар Е.Т. Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Дело, 2005.
3. Жуков Ю.А. Оборотни. О лжепророке и его шумливых учениках // Правда. 1968. № 151.

4. Печатнов В.О., Маныкин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.

5. Постановление Политбюро ЦК КПСС «Об ответе ЦК Французской компартии» от 18 июля 1968 г. // РГАНИ. Ф. 3. Оп. 72. Д. 188. Л. 27, 92–93, 94. Подлинник.

6. Пленум ЦК КПСС. Москва, 9–10 апреля 1968 г. Постановление Пленума «Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения» // Правда. 11 апреля 1968 г. № 102.

7. Швед В.Н. Кто вы, mr. Gorbachev? История ошибок и предательств. М.: Вече, 2016.

8. Marcuse H. Soviet Marxism, a critical analysis. New York: Columbia University Press, 1969.

9. Viansson-Ponte P. Interview with Pierre Viansson-Ponte by Herbert Marcuse, 1969 // Le Monde. Paris, 1969.

Vukolov M.Yu.
student of 2nd year
St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

RECEPTION OF HERBERT MARCUSE'S SOCIO-PHILOSOPHICAL IDEAS IN SOVIET JOURNALISM (BASED ON THE WRITINGS OF YURI ZHUKOV)

***Abstract**: this article examines how the newspaper «Pravda» ideologically «neutralized» Marcuse's ideas in the context of the May 1968 events in France and the USSR's internal contradictions. The author applies critical discourse analysis in the tradition of Norman Fairclough and Ruth Wodak, combined with framing theory, and draws on archival resolutions of the CPSU Central Committee and other historical sources. The analysis shows that the Soviet press reduced Marcuse's philosophy to a set of ideological clichés and used it to discredit left-wing movements that challenged Soviet dogma, particularly Maoism. The author also shows that criticism of Marcuse was a response to genuine geopolitical, foreign-policy and domestic risks associated with the radicalization of Western protest and its potential spread to Eastern Europe and the USSR. The article thus demonstrates how Cold War ideological antagonism manifested itself in Soviet media discourse and, ultimately, in the armed clashes on Damansky Island and at Lake Zhalanashkol in 1969.*

***Keywords**: Herbert Marcuse, Soviet journalism, Pravda newspaper, Yuri Zhukov, May 1968, France, critical discourse analysis.*

УДК 93+47.04

Окунева Е.П.
студент 2 курса
факультет гуманитарных наук
кафедра истории и методики преподавания истории и обществознания
Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина
(г. Нижний Новгород, Россия)

Научный руководитель:
Чеченков П.В.
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории России и вспомогательных исторических дисциплин
Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина
(г. Нижний Новгород, Россия)

ОСНОВАНИЕ БАЛАХНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ И КОММЕМОРАТИВНОЙ ПРАКТИКЕ

***Аннотация**: статья посвящена анализу существующих на настоящий момент версий о времени возникновения Балахны. В ней рассмотрены основные аспекты практики почитания даты основания города.*

***Ключевые слова**: Балахна, дата основания, Соль на Городце, поселение, День города.*

Вопрос о времени возникновения Балахны, как и о происхождении ее названия, относится к числу дискуссионных.

Каждая из книг и статей, повествующая о времени возникновения этого города, начинается со слов: «Время возникновения Балахны нельзя считать установленным». Попытаемся разобраться в этом вопросе.

Часто датой возникновения города Балахны называют 1474 г., когда, согласно энциклопедическому словарю Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, Иван III поселил здесь ссыльных новгородцев [1, с. 793]. Этот же факт упоминается в справочнике А.Ф. Девриена 1899 г. «Россия – полное географическое описание нашего отечества»: «Около 20 верст ниже Городца на правой стороне Волги находится уездный город Балахна. На месте нынешней Балахны Иван III, по взятии Новгорода в 1479 г., поселил ссыльных новгородцев,…» [2, с. 379].

В Никоновской летописи содержится похожая информация под 1489 г.: «Тоя же зимы князь велики Иван Васильевичь переведе из Великого Новагорода многых бояр и житьих людей и гостей, всех голов больши 1.000, и жаловал их, на Москве давал поместья, и во Володимери, и в Муроме, и в Новагороде в Нижнем, и в Переаславле, и в Юрьеве, и в Ростове, и на Костроме, и по иным городом...» [3, с. 220]. Однако в этом перечне городов нет Балахны. Это отсутствие можно было бы объяснить тем, что данное поселение в то время еще не числилось городом [4, с. 16]. Тем не менее, этого предположения явно недостаточно для утверждения о новгородских истоках Балахны, поскольку никаких иных данных об этом нет.

Возможно, основание Балахны падает на начало XV в., поскольку сохранилась духовная грамота князя Владимира Андреевича Серпуховского, двоюродного брата Дмитрия Донского, датируемая около 1401–1402 гг., где Балахна, возможно, могла упоминаться под именем Соли на Городце: «А Соль на Городце, дети мои, князь Семён, князь Ярослав, ведают с одного, и делят себе наполы…» [5, с. 50].

Историки И.А. Кирьянов, Н.Ф. Филатов, О.И. Брайцева придерживались мнения о том, что «Соль на Городце» – это прародительница Балахны [6, с. 85, 7, с. 81, 8, с. 132]. Местный краевед В.А. Угрюмов придерживается такого же мнения [9].

М.А. Несин считает, что В.А. Угрюмов произвольно отождествляет Балахну с Солью на Городце, хотя для этого нет серьезных оснований [10, с. 11]. Т.В. Гусева пишет о слабой аргументации такого отождествления, поскольку не

обнаружены археологические слои ранее XVI в. [11]. По ее мнению, отдельные находки XIII в. еще не доказывают существования Балахны в то время, а также не доказывают, что Соль на Городце находилась на данном месте [12]. То есть некое поселение на месте Балахны в XIII в. могло существовать, но чтобы его считать позднейшей Балахной, нужно доказать непрерывность существования, а материалов для этого нет.

П.В. Чеченков предполагает, что Балахна впервые могла упоминаться под своим названием в недошедшей грамоте Ивана III, содержание которой вкратце изложено в указной грамоте от 4 августа 1575 г. Ивана IV в Нижний Новгород: «Пожаловал дед наш князь Иван Васильевич всеа Русии, в Нижнемъ Новегороде у соборных церквей спаского протопопа Сидора з братьею да архангельского протопопа Сидора ж з братьею нижегородскою венечною пошлиною и балахонскую, и курмышскую, и освещениемъ церковным пополам…». Грамота от 1674 г. помогает уточнить дату выдачи грамоты Ивана III. В ней данный акт упомянут под 1502/03 г. [13]. Таким образом, на основе этих данных есть вероятность полагать, что Балахна к началу XVI в. уже существовала под своим названием.

Есть версия об основании Балахны, связанная с 1156/07 г. Ее освещали в своих работах М.В. Карташова и В.А. Угрюмов, опираясь на данные Балахнинского городского магистрата, находящиеся в Центральном архиве Нижегородской области. В документах за 1808 г. содержится информация о том, что «начальное основание города Балахны произошло во дни правления Суздальских и Ростовских князей». В других документах городского магистрата, находящихся в том же фонде и той же описи, но за 1835 г. говорится: «Город Балахна основан Великим князем Андреем Юрьевичем Боголюбским, сыном князя Юрия Долгорукого, в 1156 году» [10, с. 17-18].

М.В. Карташова пишет, что документ 1835 г. имел опору на документы, хранившиеся в архиве Балахнинского городового магистрата, его составляли балахнинские чиновники под руководством балахнинского городничего и не могли взять эту дату с «потолка» [14, с. 8]. По нашему мнению, это спорный

вывод. Где подтверждение того, что составители опирались хотя бы на какие-то подлинные исторические источники, пусть даже отдаленные? Автор упоминает, что многие города Нижегородского Поволжья были подвержены набегам татар, в результате которых они подверглись разрушениям. В их числе могла быть и Балахна [14, с. 8]. Следовательно, тексты, которые были в XII в., никак не могли дойти до балахнинского городничего и чиновников, живших в XIX в. Поэтому дату 1156 г. нельзя принимать за время основания Балахны.

Можно заметить, что в некоторых источниках Балахна фигурирует как поселение, а где-то уже как город. До первой четверти XVI века Балахну принято считать поселением, поскольку она напрямую не соответствовала определению города. Городом на Руси считалось лишь огороженное поселение, то есть имеющее крепость [15]. Как известно, начало XVI века было ознаменовано многочисленными нападениями казанских татар на русские города, и Балахна не составила исключения. Для защиты Балахны от татар в 1536 г. была выстроена крепость по приказу Елены Глинской, о чем свидетельствует Никоновская летопись: «того же месяца Иулиа в 20 повеленьем великаго государя Ивана Васильевича всея Руси и его матери велика государыни Елены… почат град делати у Соли на Балахне…» [16, с. 113-114].

М.А. Несин пишет, что татарское разорение послужило причиной задержки приобретения Балахной подобающего для города уездного статуса центра: лишь к 1541 г. местные церковные иерархи получили право венчать прихожан и освещать церкви, «а, преж того балахонские венцы и церковное освященье было за нижегородским протопопом з братею по тому, что на Балахне тогды города не было». Понятно, что город появился здесь не к 1541 г., раз в 1536 г. поселение приобрело крепость. Как видно, Балахна оправилась от набега казанских татар далеко не сразу, а лишь пять лет спустя, когда местная церковная организация обрела некоторую дееспособность. Как бы то ни было, процесс превращения Балахны в город носил постепенный характер, имел место во второй четверти – середине XVI в., а отнюдь не в домонгольское время [10, с. 12].

Так сложилось, что на настоящий момент в самой Балахне датой основания официально признан 1474 г. Ежегодно, в конце лета – начале осени в Балахне традиционно отмечается День города [17]. Решение об учреждении праздника было принято Балахнинским горисполкомом 23 июля 1986 г. [17].

Программа праздника насыщена интересными мероприятиями, которые способствуют популяризации сведений об истории города. Сотрудниками музейного комплекса проводятся краеведческие экскурсии, где жители узнают информацию о дате основания города. Организовываются ярмарки и мастер-классы. На торжественном открытии праздника традиционно вспоминают исторические события, связанные с датой основания города, знаменитыми земляками, в числе которых особое место занимает Кузьма Минин.

Администрация Балахны уделяет большое внимание сохранению исторических фактов. Отдел культуры поспособствовал сохранению остаткам рва, оставшегося от городской крепости. Сейчас их можно увидеть на территории зоопарка. Рядом со Сретенской церковью находится парк «Балахне 500 лет», в нём установлен одноимённый памятник. В 1974 г. в день празднования 500-летия основания города была открыта стела «В честь 500-летия Балахны» на ул. Дзержинского. Накануне празднования Дня города обновляются стенды и баннеры с информацией о том, сколько лет исполняется Балахне в текущем году.

Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина периодически проводит краеведческие чтения, где выступают известные историки и ведущие архивисты, среди которых можно выделить Т.В. Гусеву, В.Н. Беляеву, В.А. Сомова, М.Б. Еремину, В.И. Захарова.

Известно, что дискуссия о дате основания города на данный момент периодически возникает, вопрос о времени возникновения Балахны обсуждается на различных краеведческих конференциях, об этом говорят сотрудники библиотек и музейные работники города.

Таким образом, официально признанная дата основания Балахны имеет условный характер, поскольку версия, связанная с появлением на ее территории ссыльных новгородцев, не имеет достоверных доказательств.

На момент 1474 г. о Балахне можно говорить, как о поселении, имеющем связь с солеварением, городом она стала только после постройки крепости в первой трети XVI в. Для принятия за дату основания Балахны даты, предшествующей 1474 г. нужны документы соответствующих ей столетий, которые на данный момент не обнаружены.

Практика почитания даты основания города позволяет его жителям осознавать свою принадлежность к земле, на которой они родились и выросли, гордиться своей малой родиной, поскольку на празднике освещаются значимые события из истории города, благодаря которым он живет и непрерывно развивается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. М., СПб., 1891. Т. 2.
2. Девриен А.Ф. Россия. Полное географическое описание нашего отечества — настольная и дорожная книга для русских людей. М., СПб., 1899. Т. 1.
3. Полное собрание русских летописей. М., СПб., 1901. Т. 12.
4. Строкин Г.А. Град Балахна. Исторический очерк. М., Балахна, 1999.
5. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950.
6. Кирьянов И.А. Старинные крепости Нижегородского Поволжья. Горький, 1961.
7. Филатов Н.Ф. Города и посады Нижегородского Поволжья в XVII веке. Горький, 1989.
8. Брайцева О.И. Пространственная композиция Балахны в XVI–XVIII вв. // Архитектурное наследство. 1979. № 27. С. 132–140.

9. Нижегородская правда. Была ли «Соль на Городце»? URL: https://pravda-nn.ru/news/byla-li-sol-na-gorodtse/ (дата обращения: 21.03.2026).

10. Угрюмов В.А. Из истории церквей Балахнинского района. М. — Нижний Новгород, 2025.

11. Гусева Т.В. Формирование исторической территории Балахны в XVI–XVII вв. // Исследования по истории России: межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород, 1996. С. 32–40.

12. Гусева Т.В. Археологический комментарий к балахнинской находке // Открытый текст: электронное периодическое издание. 01.02.2006. URL: https://opentextnn.ru/history/archeology/guseva-t-v-arheologicheskij-kommentarij-k-balahninskoj-nahodke-pudalov-b-m-istoricheskij-kommentarij-k-balahninskoj-nahodke/ (дата обращения: 15.03.2026).

13. Чеченков П.В. Формирование Балахнинского уезда в XVI в. // Открытый текст: электронное периодическое издание. 10.07.2013. URL: https://opentextnn.ru/history/istoricheskaja-geografija/chechenkov-p-v-formirovanie-balahninskogo-uezda-v-xvi-v/ (дата обращения: 17.03.2026).

14. Карташова М.В. Кристаллы балахнинской соли: очерки по истории Балахны. М.: Евразия+, 2002.

15. 11 ЭКЮ. Как были устроены древнерусские города // Дзен. 10.09.2024. URL: https://dzen.ru/a/ZrNyjPWdkmd7mGcd (дата обращения: 21.03.2026).

16. Полное собрание русских летописей. М. — СПб., 1904. Т. 13.

17. Первый праздник города // Газета «Рабочая Балахна». 22.07.2011. URL: http://рабочаябалахна.рф/?category=21&id=1311341109&page=arhiv&subaction=showfull&ucat=21 (дата обращения: 17.03.2026).

Okuneva E.P.
student of 2nd year
Faculty of Humanities
Department of History and Methods of Teaching History and Social Studies
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
(Nizhny Novgorod, Russia)

Scientific advisor:
Chechenkov P.V.
PhD in History, Associate Professor
Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines
Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin
(Nizhny Novgorod, Russia)

FOUNDING OF BALAKHNA IN HISTORIOGRAPHY AND COMMEMORATIVE PRACTICE

Abstract: *this article examines current views on when Balakhna was founded. It also considers the main aspects of practices commemorating the city's founding date.*

Keywords: *Balakhna, founding date, Sol na Gorodtse, settlement, City Day.*

УДК 070.1:796

Беляев Е.Д.
магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Научный руководитель:
Цуканов Е.А.
доктор философских наук, доцент
кафедра журналистики и медиатехнологий СМИ
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
(г. Санкт-Петербург, Россия)

КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ СПОРТИВНОГО СОБЫТИЯ СРЕДСТВАМИ КОММЕНТИРОВАНИЯ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

***Аннотация**: данная статья посвящена трансформации аналитической функции спортивного комментария в условиях развития телевизионных и современных интернет-технологий. В рамках этой статьи выявляются различия между моделью представления футбольного матча середины 2000-х годов и современным форматом, в котором большую роль стали выполнять тактическое объяснение, оценка и прогнозирование. Изложенный анализ позволяет сформировать вывод, что в современной медиасреде аналитическая функция комментария становится только больше, поскольку описания действий на футбольном поле всё чаще соприкасаются с тактической интерпретацией, использованием статистических данных и оценкой решений игроков.*

***Ключевые слова**: спорт, комментарий, журналистика, телевизионная трансляция, аналитическая функция, дискурс, футбол, медиатехнологии.*

Спортивный комментарий выделяется в особый медиажанр, в рамках которого речевая деятельность сильно связана с динамикой происходящих на футбольном поле событий. В отличие от большей части других форматов журналистской деятельности, комментатор вынужден действовать в рамках временного ограничения. Помимо восприятия события комментатору нужно успеть отобрать наиболее значимые элементы, вербализировать их и интерпретировать для аудитории происходящее. Изменение технической организации спортивного комментария отражается не только на способах доставки информации, но и на характере речевой работы комментатора.

Телевизионная трансляция привнесла в традиционную модель спортивного комментария большие изменения, поскольку у зрителей появился визуальный канал восприятия информации в отличие от радиорепортажей. В современной цифровой реальности к изображению стали добавляться графические элементы, статистика, видеоповторы с большого количества разнообразных ракурсов, более детальная операторская работа и прочие интерактивные компоненты. Телевизионному комментарию свойственна мультимодальность, которая проявляется в сочетании вербальных, визуальных и аудиальных компонентов. Среди важных факторов также стоит отметить богатое относительно радиоформата техническое оснащение, которое помогает в конструировании реальности при помощи дополнительных визуальных инструментов [5, с. 901].

Одним из следствий этого процесса является изменение в сторону большего анализа происходящего относительно описательного процесса. С появлением большей визуальной информации у комментатора нет необходимости подробно сообщать зрителю информацию о положении игроков и направлении движения мяча, и в подобных условиях речевой канал связи может использоваться для анализа более сложных составляющих частей процесса. Теперь автор репортажа может анализировать действия команд, их перемещения, ошибки и последствия определённых эпизодов. Проблема аналитической функции комментатора значима для исследования стилистической

трансформации спортивного комментария в условиях развития информационных технологий. Эта функция не сводится к наличию отдельных терминов или статистики, а проявляется на уровне организации речи комментатора. Автор репортажа теперь может связывать отдельные события между собой, интерпретировать решение спортсменов и тренеров, сравнивать их, а также прогнозировать дальнейшее развитие матча. Современный спортивный дискурс всё больше уходит в онлайн-формат, поскольку больше футбольных, хоккейных и иных событий транслируются на стриминг-сервисах, что ещё сильнее увеличивает техническую базу эфира.

В статье выявляются основные направления трансформации аналитической функции спортивного комментария при сопоставлении телевизионной медиасреды в период доминирования подобного формата вещания (середина 2000-х годов) и современной цифровой трансляции. В качестве материала для анализа используются эфиры матчей чемпионата мира по футболу 2006 года и футбольной Лиги чемпионов УЕФА в сезоне-2025/2026.

Комментарий является публицистическим жанром, который представляет собой оперативный отклик на событие в виде авторского монолога. Сам по себе комментарий не претендует на полноту анализа, а является в первую очередь впечатлением, в котором важна точка зрения на событие [2, с. 151]. Особенно актуален этот жанр в спортивной сфере, где в рамках трансляции определённых событий необходима оперативная авторская реакция. Из-за этого формируется поджанр спортивного комментария.

У спортивного комментария есть несколько задач, а самих комментаторов можно разделить на несколько типов: от репортёра, который просто информирует аудиторию о происходящих событиях, или болельщика, в задачи которого входит создание позитивной и пафосной оценки действий команды, которой комментатор сопереживает, до знатока или аналитика, который более активно занимается интерпретацией происходящего [1]. Что интересно, чётких границ у этих типов нет, поэтому даже в рамках одного события в зависимости от сценария игры комментатор может менять свои коммуникативные типы.

Важно отличать событие и его интерпретацию. Если событийный уровень отвечает на вопрос «что произошло?», например, игрок нанёс удар или получил жёлтую карточку, то аналитика отвечает на вопросы «почему это произошло?» или «что это означает для хода спортивного события?». Аналитическая функция может быть реализована не только длительным рассказом комментатора о событии, но и короткой причинной конструкцией. В иных случаях аналитика формируется через последовательность определённых реплик. Сначала комментатор фиксирует эпизод, затем оценивает решение и объясняет его тактическую важность.

Благодаря телевидению комментарий становится более многослойным. Этот жанр формируется также в зависимости от выбора изображения режиссёром трансляции, повтором эпизода и иных технических процессов. В определённых случаях реплики комментатора позволяет операторам и режиссёрам трансляции понять, на что стоит обратить внимание и что нужно вывести в эфир [6, с. 7].

Изменения в информационных технологиях позволили спортивной журналистике не только обрести дополнительный канал распространения контента, но и поменять взаимодействие между журналистами и аудиторией. Цифровизация меняет практики, количество и распространение спортивного контента, становится всё больше специализированных медиа, которые освещают определённый вид спорта или спортивную команду [4, с. 771]. Для качественного комментария это означает повышение числа доступных информационных ресурсов, но вместе с этим и растущие требования к оперативности и содержательности репортажа. В современной трансляции сочетаются элементы репортажа, диалога и интерактивной коммуникации. Зритель может видеть не только видеоряд, но вместе с ним статистику, повторы и дополнительные информационные материалы.

Под аналитической функцией в рамках статьи понимается совокупность речевых действий, благодаря которым комментатор не просто фиксирует

спортивное событие, но и устанавливает смысловые связи, причины и последствия этих событий.

Для анализа используется следующая рабочая модель:

описание – фиксация наблюдаемого комментатором события без объяснения причин и последствий действий спортсменов,

интерпретация – объяснение значения конкретного действия или эпизода,

причинно-следственный анализ – установление связи между решением и результатом,

тактический анализ – объяснение структуры события, перемещения спортсменов, переходов и прочих индивидуальных и командных действий,

оценка – выражение комментатором своего отношения к результату действия,

прогноз – моделирование возможных дальнейших действий по мере развития события,

статистическая аналитика – использование числовых показателей для интерпретации индивидуальных или командных действий.

Эмпирический материал сформирован на сопоставлении ключевых матчей футбольных турниров, проводившихся в разные медиатехнологические периоды. При анализе аналитической функции в период доминирования телевещания берутся материалы матчей чемпионата мира по футболу в 2006 году, а при анализе событий, транслируемых в интернет-формате, используются эфиры Лиги чемпионов в сезоне-2025/2026 на стриминг-сервисе Okko. Обоснованием для использования именно этих турниров стало превращение интернет-вещания в основной канал распространения контента во второй половине 2010-х годов и начале 2020-х. Ещё в конце прошлого десятилетия исследовательская компания Mediascope фиксировала, что интернет стоит в одном ряду с телевидением как главный канал получения информации о спорте в России [7]. А международная консалтинговая корпорация Deloitte в своём отчёте в 2023 году отметила, что рост запроса аудитории на статистику в реальном времени, интерактивные элементы, наличие нескольких аудиодорожек

и возможности одновременного использования нескольких цифровых сервисов. Телевидение остаётся важным каналом для массовых событий, и в то же время интернет становится особо значимой платформой для спортивного вещания [8].

Среди матчей ЧМ-2006 были выбраны игры Германия – Аргентина (1/4 финала, 30 июня), Бразилия – Франция (1/4 финала, 1 июля) и Германия – Италия (1/2 финала, 4 июля). Для Лиги чемпионов отобраны матчи «Реал Мадрид» – «Манчестер Сити» (11 марта 2026), «Челси» – «ПСЖ» (17 марта 2026) и «Арсенал» – «Байер» (17 марта 2026). Выбор обусловлен наличием разных сценариев хода событий, которые можно отразить в аналитическом комментарии. Материалом анализа являются опубликованные видеообзоры и архивные трансляции событий на русском языке.

Матч Германия – Аргентина даёт удобный материал для анализа. Сюжет встречи формируется вокруг голов обеих команд и послематчевой серии пенальти. Здесь можно разглядеть несколько уровней аналитики. На событийном комментатор Георгий Твалтвадзе фиксирует авторов голов и исполнителей пенальти простыми описательными фразами: «Айяла забил гол!» или «Клозе сравнивает счёт!». После гола Германии комментатор интерпретирует важность события для всей страны: «Клозе срывает тишину со всей Германии», и в этом же фрагменте можно найти тактический анализ второго комментатора, которым является тренер Андрей Талалаев: «Эта атака, которая зародилась на правом фланге, где Одонкор обманул Сорина и перевёл мяч на противоположный фланг». Аналитическое значение имеют не только действия на поле, но и исторический контекст: «вспомните лидеров, не забивавших пенальти». Это позволяет связать аналитический рассказ о настоящем событии с более ранними действиями, создать причинную цепочку и даже провести прогноз. Это принципиально важная конструкция для спортивного комментария, поскольку простая фиксация, например, отражённого удара вратарём сообщает факт («Леманн угадал»), аналитическая модель добавляет объяснение его действий («Леманн двигался до удара»), а также реакцию на него («Сквозь наушники давит шум стадиона»).

Здесь можно увидеть, как спортивный комментарий превращает случайную последовательность в понятный для аудитории сюжет.

В матче Бразилия – Франция после финального свистка комментатор Василий Уткин описывает победу европейской команды через ключевую интерпретацию сил команд: «блестящий матч, выигранный тактически, у соперника, превосходящего во многих показателях». В современной цифровой среде такой анализ через сопоставление сил команд становится ещё более заметным благодаря частому обращению к статистике, предматчевым моделям и более популярному анализу прошедших игр. После замены автора единственного гола Тьерри Анри комментатор описывает важность этого момента для всего результата: «Анри, забивший единственный мяч. Мяч, который пока приносит победу сборной Франции». Логика действий комментатора, который сопоставляет результат с ожиданием и объясняет результат через действия игрока или команды, существовала в телевизионной спортивной журналистике уже давно. Таким образом, технологические изменения на создают аналитическую функцию комментария с нуля, а меняют масштаб и инструментарий.

Матч Германия – Италия завершился без голов в основное время, а в дополнительные 30 минут итальянцы забили дважды. Василий Уткин, несмотря на отсутствие голов в основное время, не интерпретирует матч скучным. Перед завершением второго тайма комментатор так описывает игру: «Ах какой триллер». Нулевая результативность к 118 минуте не интерпретируется как отсутствие событий, а становится поводом для объяснений. После выхода на поле итальянского нападающего Алессандро дель Пьеро комментатор отмечает тактические изменения Италии: «выходят всё более и более атакующие футболисты на поле». Матч характеризуется ярко выраженной оценочной аналитикой, которая не заменяет, а завершает анализ. Комментатор даёт ценностную интерпретацию: «Превосходная Германия, которая играла в отличный атакующий футбол, проиграла ещё более блестящей команде», «Есть большая вероятность, что мы больше никогда такого не увидим, но мы уже

посмотрели такое сегодня, и этого достаточно, чтобы поставить этот матч на полку самых дорогих впечатлений».

В телевизионной медиасреде на момент 2006 года спортивный комментарий и журналистский дискурс уже обладали выраженной аналитической составляющей. Однако с переходом в более технологичную медиасреду менялось соотношение функций, а сам технологический инструментарий становился более сложным.

Аналитический рассказ современного комментария начинается с эпизодов матча «Реал Мадрид» – «Манчестер Сити». В эпизоде с пенальти в ворота английского клуба комментатор Okko Sport Денис Алхазов ещё до удара быстро добавляет статистическую аналитику, чтобы создать дополнительную интригу: «Винисиус снова у мяча, просто для справки, худший процент реализации одиннадцатиметровых у игроков мадридского «Реала»: четыре не забил, 14 забил». Этому эпизоду предшествовало удаление игрока «Манчестер Сити», и комментатор отмечает не только причину красной карточки («красную показали за умышленную игру рукой»), но и намекает на возможный офсайд игрока «Реала» перед удалением соперника. Поскольку в современных трансляциях становится больше повторов с различных ракурсов несколько раз за трансляцию комментатор отмечает необходимость подтверждения правильности судейских действия, например, фразой «Покажите, пожалуйста, офсайд. Очень сложный эпизод для судьи».

Поскольку этот матч был частью двухматчевого противостояния, большую роль играет контекст предыдущей игры. Цифровая среда делает информацию о первом матче команд постоянным элементом сопутствующих материалов, и аналитическая реплика становится короче: «Всё меньше времени у «Сити», чтобы что-то подровнять». Часть контекста зритель получает из интерфейса трансляции, поэтому аналитическая нагрузка в современных трансляциях сильнее перераспределяется. Разные части информации аудитория узнаёт словами, изображением и графическими данными.

Матч между «Челси» и «ПСЖ» также был насыщен аналитическими показателями. При описании действий российского вратаря Матвея Сафонова хорошо виден переход комментатора от оценки к аналитике. Простые оценочные характеристики «Сафонов опять намертво берёт мяч» разбавляются более аналитическими аргументами о ходе матча и качестве оборонительных действий его клуба «Для такого спокойного матча, где разгромно «ПСЖ» выигрывает в гостях, как-то многовато работы у Сафонова». Также можно проследить реконструкцию причинной связи. Первый гол «ПСЖ» связывается с длинной передачей Сафонова, последующим касанием защитника и завершением атаки: «Нет офсайда, Матвей Сафонов, Хвича борется, касание Сарра, и это голевая Матвея!». Такая подача превращает эпизод в цепочку действий с несколькими участниками. В современном цифровом спортивном дискурсе главным элементом является анализ, который является итогом истолкования информации [3, с. 117], и аналитика всё чаще стремится показывать не только результат, но и происхождение определённого эпизода. Что же касается статистических данных, то они добавляют значимости при связи с развитием эпизода и положением команд. Цифровизация не просто увеличивает количество данных, и способствует изменениям в их интеграции в эфир.

И реплики к матчу между «Арсеналом» и «Байером», который завершился со счётом 2:0 демонстрируют важность статистики, и как с её наличием современная аналитическая модель отличается от простого событийного рассказа. Комментатор матча Эльвин Керимов приводит конкретные цифры владения мячом, но вместе с этим сопоставляет эту статистику с количеством ударов и качеством оборонительных действий: «Арсенал» надёжно защищается, и во втором тайме защищается много. «Арсенал» во втором тайме играет с 30% владения, но при этом ведёт 8:3 по ударам». В этом контексте аналитика строится на расхождении показателей, и комментатор использует статистику в качестве более глубокой аргументации. В современной цифровой медиасреде доступность большого количества данных позволяет дополнять визуальное восприятие

события. В реплике комментатора статистика связывается с наблюдением за игровым механизмом.

Аналитическая функция существовала ещё в телевизионной спортивной журналистике, когда комментаторы объясняли изменение сценария игры и причины результата. Изменения, связанные с появлением иных способов распространения контента и появлением новых технологических средств, заключаются в сложности аналитических связей. Если в материалах по ЧМ-2006 анализ строится вокруг ключевых личностей и событий, то современные материалы опираются на более глубинные уровни со статистикой, результатами прошлого и индивидуальными показателями. В ключевых игровых отрезках возникает большая и более сложная роль аналитики, преобладающей над описанием. С точки зрения тактики анализ также становится более структурированным. Объяснения отдельных решений уступает более комплексным интерпретациям («Челси» сегодня играет в три центральных защитника, а Нету занимает правый фланг в качестве латераля», «Вот как «Байер» выходит из-под контрпрессинга»). Такая тенденция связана с ростом профессионализма футбольного анализа и большим доступом аудитории к тактической информации. От комментатора требуется не только эмоциональная реакция, но и знания для объяснения структуры происходящих событий.

Важна для обоих форматов и оценочная лексика. Матч может называться триллером, а гол – красивым. В современных трансляциях оценка чаще сопровождается аргументом. Например, характеристика гола Эберечи Эзе в матче «Арсенала» и «Байера», в том числе, связана с его статистикой: «У Эзе нет голов в Лиге чемпионов, и вот он первый, и какой красивый!». В современных трансляциях оценка действий больше выстраивается в доказательную цепочку. Теперь субъективная оценка чаще сопровождается объяснением, которое позволяет аудитории самостоятельно оценивать предложенную интерпретацию.

Помогает в аналитике и фактор цифрового оформления трансляции. Когда зритель одновременно видит перед собой многие показатели, комментатор более сосредоточен на их интерпретации. Увеличение объёма доступной визуальной

информации снижает необходимость проговаривать очевидные события. Такое упрощение процесса комментирования возможно благодаря связи между оператором, технической командой и комментатором, что позволяет образовать единую систему речевой и визуальной информации [6, с. 2]. В современной цифровой среде гораздо более разнообразными и оперативными стали статистические данные, благодаря чему современный комментатор имеет больше материала для построения аргумента, чем его коллега 20 лет назад.

Таким образом, аналитическая функция представляет собой не просто изменение речи комментатора, а меняет всю коммуникативную структуру жанра. Стоит отметить, что аналитическая функция не является исключительно характеристикой современной цифровой трансляции, но сейчас она проходит период трансформации. Речь всё меньше обязана быть единственным источником получения информации для аудитории о матче, а всё больше интерпретирует большой массив одновременно доступных данных. Теперь комментатор может больше концентрироваться на объяснении причин и последствий.

Исследование подтверждает перспективность изучения аналитической функции в рамках стилистической трансформации жанра спортивного комментария. Сопоставление предоставленных материалов показывает, что аналитика в речи комментаторов присутствовала в спортивном медиадискурсе раньше, но сейчас она становится более сложной структурно и сильнее связана со статистическими, технологическими и визуальными ресурсами, имеющимися у комментатора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Дискурсивная языковая личность в русском спортивном дискурсе // Электронный научный журнал «Медиаскоп» [Электронный ресурс]. URL: http://www.mediascope.ru/node/767 (дата обращения: 05.10.2026)
2. Корконосенко С.Г. Основы творческой деятельности журналиста. 1-е изд. СПб.: Знание, 2000. 358 с.
3. Пак Л.Е. Речежанровая специфика спортивных комментариев США и России // Вестник ТГПУ. 2017. № 6 (183). С. 117–122.
4. Эшкинина У.Ю. Система современных специализированных спортивных интернет-медиа в России // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. № 4. С. 760–774.
5. Красикова Т.Р., Кожемякин Е.А. Телевидение как объект мультимодального дискурс-анализа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2018. № 4. С. 894–907.
6. Du Bois I. Inside the commentator's booth: a Multimodal (Inter)action and Conversation Analysis on the production of first division football commentary on TV // Multimodal Communication. 2023. № 12 (2). С. 1–20.
7. Mediascope: Спорт в России // Mediascope [Электронный ресурс]. URL: https://mediascope.net/news/805079 (дата обращения: 03.10.2026)
8. 2023 sports fan insights: The beginning of the immersive sports era // Deloitte [Электронный ресурс]. URL: https://www.deloitte.com/global/en/insights/industry/sports/immersive-sports-fandom (дата обращения: 03.10.2026)

Belyaev E.D.
master's degree student
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
(St. Petersburg, Russia)

Scientific advisor:
Tsukanov E.A.
PhD in Philosophy, Associate Professor
Department of Journalism and Mass Media Technologies
St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design
(St. Petersburg, Russia)

CONSTRUCTING SPORTING EVENT REALITY VIA COMMENTARY: TRANSFORMATION OF GENRE POTENTIAL

Abstract: *this article examines the transformation of the analytical function of sports commentary amid advances in television and internet technologies. It identifies differences between football match coverage in the mid-2000s and the contemporary format, in which tactical explanation, evaluation, and prediction play a greater role. The analysis suggests that the analytical function of commentary is becoming more prominent in today's media environment, as descriptions of on-field action increasingly incorporate tactical interpretation, statistical data, and assessments of players' decisions.*

Keywords: *sport, commentary, journalism, television broadcasting, analytical function, discourse, football, media technologies.*

УДК 811.351.43

Оздоева Д.М.

студент 2 курса

филологический факультет, образовательная программа 45.03.01 «Филология», магистерская программа МИЯ-25 «Ингушский язык»

Ингушский государственный университет

(г. Магас, Россия)

Научный руководитель:

Барахоева Н.М.

доктор филологических наук, профессор

кафедра «Ингушский язык»

Ингушский государственный университет

(г. Магас, Россия)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ИНГУШСКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация**: в статье рассматриваются структурно-семантические особенности форм прошедшего времени в ингушском языке. Многоуровневая система форм прошедшего времени включает в себя четыре граммемы (форма прошедшего времени несовершенного вида, форма прошедшего времени совершенного вида, форма недавно прошедшего времени, форма давнопрошедшего времени), каждая из которых маркирует степень удалённости действия, его завершённость, источник информации и аспектуальные характеристики. Анализ показывает тесную взаимосвязь временных форм с категориями вида, залога и модальности, а также роль морфологической агглютинации в построении глагольных парадигм. Подчёркивается, что формы прошедшего времени не являются семантическими синонимами, а выполняют специфические функции в выражении хронологической иерархии событий.*

***Ключевые слова**: ингушский язык, нахские языки, прошедшее время, видовременная форма, структурно-семантические особенности, глагольная морфология, агглютинация, граммема.*

Актуальность исследования структурно-семантических особенностей форм прошедшего времени в ингушском языке определяется, на наш взгляд, тем, что в нахском языкознании не до конца прояснена связь категорий времени и наклонения, вида, эвиденциальности, что порождает неоднозначность в интерпретации отдельных форм глагольных форм. Анализ форм прошедшего времени в их структурно-семантическом единстве позволяет глубже понять, как язык кодирует эти сложные взаимодействия.

В работе используются следующие методы: метод анализа научных источников, который позволил выявить степень разработанности темы, проанализировать существующие теоретические подходы и терминологический аппарат, метод сплошной выборки, с помощью которого из художественных текстов, живой ингушской речи и других источников отобран фактический материал для анализа, метод структурно-семантического описания, который позволил представить описание формальных признаков форм прошедшего времени и их семантики, а также выявить регулярные соответствия между структурой и значением.

Материал для статьи нами извлечен, в основном, из художественных произведений и из живой ингушской речи. В работе использовались также данные научных исследований (имеющихся сегодня в теории нахского языкознания), посвящённых формально-грамматической и функционально-грамматической характеристике временных форм нахских языков.

Изучению проблемы категории времени и форм ее реализации в нахских языках посвящены исследования З.К. Мальсагова [7], Р.И. Долаковой [5], Т.И. Дешериевой [4], М.Ш. Дагирова [3], Н.М. Барахоевой [1, 2].

Следует отметить, что лингвистами в составе глагольных форм ингушского языка выявляются как синтетические, так и аналитические формы [1, 5]. Кроме того, в системе прошедшего времени ингушского языка наховедами установлено четыре синтетические формы [1, 3, 4,5].

Несмотря на значительный вклад нахских лингвистов в изучение глагольной системы, некоторые аспекты изучения проблемы глагольных временных форм по-прежнему вызывают дискуссии.

Категория времени занимает центральное место в глагольной парадигме ингушского языка. Её сложность обусловлена не только наличием нескольких форм прошедшего времени, но и их тесной взаимосвязью с категориями вида, залога, а также с модальными значениями. Кроме того, в системе глагола ингушского языка отмечается наличие многочисленных аналитических форм. Каждая из которых ориентирована на реализацию какого-либо конкретного временного, модального или аспектуального признака действия. В отличие от многих индоевропейских языков, где временная система преимущественно ориентирована на отношение действия к моменту речи, в ингушском языке так же наблюдается развитая система относительного временного значения – то есть указание на соотношение между двумя или более событиями в прошлом. Все это делает временную систему ингушского языка особенно богатой и дифференцированной [9, с. 45].

Как отмечает Н.М. Барахоева, в ингушском языке выделяются три основные временные сферы: прошедшее, настоящее и будущее. Однако ключевым моментом является то, что все они объединены общей семантической основой – значением предшествования: прошедшее время указывает на действие, предшествующее моменту речи. При этом сфера прошедшего времени является наиболее детализированной. В ней выделяется не менее четырёх основных форм синтетического характера, каждая из которых маркирует степень удалённости действия от момента речи или от другого события: форма прошедшего времени несовершенного вида, форма прошедшего времени совершенного вида, форма недавно прошедшего времени (перфект), форма давнопрошедшего времени (плюсквамперфект) [1, с. 3 – 5].

Ключевую роль в образовании форм прошедшего времени в ингушском языке играет агглютинация – морфологическая особенность, при которой к основе глагола последовательно добавляются аффиксы. Каждый из таких

аффиксов способен отражать отдельный грамматический признак: время, лицо, число, залог, наклонение и даже социальный статус участников действия. За счет этого глагольная парадигма становится чрезвычайно гибкой, однако для ее корректного использования необходимо глубоко владеть морфологической системой.

Таким образом, система прошедшего времени в ингушском языке представляет с собой сложный и многоуровневый механизм, который отражает как внутреннюю логику языка, так и культурно-когнитивные особенности его носителей. По степени грамматической выраженности (эксплицитности) эта система заметно отличается от аналитических способов передачи подобных значений, например, в английском языке. Исследование такого механизма важно не только для развития общей грамматической теории, но и для сохранения и фиксации уникального языкового наследия кавказских народов.

На первый взгляд, формы прошедшего времени в ингушском языке могут казаться семантически близкими или даже взаимозаменяемыми, поскольку все они обозначают действие, завершившееся до момента речи. Однако такое внешнее сходство не означает их семантической эквивалентности. Напротив, каждая форма прошедшего времени в ингушском языке обладает собственным функционально-смысловым профилем, определяемым как грамматической структурой, так и контекстуальным употреблением.

В ингушском языке система прошедшего времени отличается высокой степенью дифференциации: она включает как синтетические формы, так и аналитические конструкции, каждая из которых выполняет специфическую роль в выражении временно-аспектуальных отношений. Значимую роль играют формы, специально ориентированные на передачу аспектуального значения, то есть на отражение внутренней структуры действия (завершённость, повторяемость, длительность, мгновенность и т.д.). Например, суффиксальное образование с показателем -р чаще ассоциируется с однократным, завершённым действием совершенного вида, тогда как форма с суффиксом –д (недавнее прошедшее) может сочетаться как с глаголами совершенного, так и

несовершенного вида, подчёркивая непосредственную близость события к настоящему моменту [9, с. 172].

Наряду с синтетическими формами в ингушском языке широко используются аналитические глагольные конструкции, которые важны для уточнения аспектуального значения не только в прошедшем, но и в настоящем времени. Такие конструкции формируются с помощью вспомогательных глаголов в связке с причастными или деепричастными формами основного глагола. Эти аналитические средства позволяют говорящему точно передавать тонкие нюансы временной и аспектуальной семантики, которые в менее синтетических языках часто требуют дополнительных лексических маркеров или контекстуальных уточнений [2, с. 20 – 30].

Таким образом, несмотря на общую ориентацию всех форм прошедшего времени на обозначение предшествующего действия, они не являются функциональными синонимами. Их выбор в речи зависит от целого комплекса факторов: степени удалённости события во времени, необходимости подчеркнуть результат, процесс или повторяемость действия, источника информации (личное наблюдение или сообщение третьего лица), а также стилистических и прагматических целей высказывания. Эта многоуровневая организация прошедшего времени свидетельствует о том, что ингушский язык обладает сложной и гибкой системой глагольной семантики, в которой временные и аспектуальные категории тесно переплетены, создавая богатую палитру смысловых оттенков [6, с.202].

Так, например, синтетическая форма прошедшего несовершенного и аналитическая форма прошедшего несовершенного на -дар (в, й, б): додар – «шел» / додаш дар – «идущий был» могут вступать в соотношения на основе оппозиции значений абстрактность действия / конкретность длительного действия. То есть, аналитические формы ингушского языка противостоят синтетическим на основании темпоральных признаков и реализуют одновременно аспектуальные характеристики глагольного действия.

Итак, значение прошедшего времени в ингушском языке имеет четыре формы: форма прошедшего времени несовершенного вида (имперфект), форма прошедшего времени совершенного вида (аорист), форма недавно прошедшего времени (перфект) и форма давно прошедшего времени (плюсквамперфект).

Следует отметить, что формы прошедшего времени в ингушском языке образуются от нескольких основ: основы инфинитива, основы настоящего времени, основы прошедшего времени совершенного вида [1, с. 7].

Кроме того, формам прошедшего времени несовершенного вида и совершенного вида (имперфект и аорист) свойственно значение очевидности действия, то есть говорящий являлся непосредственно очевидцем события, о котором он повествует [5].

Форма прошедшего времени несовершенного вида (яхаяланза ха – имперфект) проявляет следующие структурные и семантические признаки. Глаголы в этой форме указывают на действие, происходившее в прошлом, без указания на завершенность: Ц1енош дора цар хlара юрта – «В каждом селе они строили дома», Данная форма времени может передавать и многократные действия в прошлом: Аьхки чкъаьрий лувца ухар тхо – «Летом мы ходили ловить рыбу», Чкъаьрий лувцаш хулар тхо – «Мы ловили рыбу».

Форма прошедшего времени несовершенного вида в ингушском языке образуется путем присоединения аффиксов -р // -ар // -ра к основе настоящего времени: -р в случае, если конечный звук в слове гласный – вода – вода-р – «идет – шел», воаг1а – воаг1-ар – «приходит – приходил», -ар в случае, если конечный звук в слове согласный: оах – оах-ар – «пашет – пахал», къааст – къоаст-ар – «расстается – расставался», оат –оат-ар – «режет – резал», д1атосс – д1атосс-ар – «бросает – бросал».

Причем, если основа настоящего времени состоит из одного слога, к нему присоединяется аффикс -ра: лу (лу) – «дает» – ло-ра (луо:ра) – «давал», ду (ду) – «делает» – до-ра (дуо:ра) – «делал», хьо (хьуо) – «несет» – хьо-ра (хьуо:ра) – «носил».

Если гласный звук в закрытом слоге полудолгий, то в открытом слоге он становится долгим: вела (виэ:ла) – «смеяться» – вел (виэл) – «смеется» – велар (виэ:лар) – «смеялся», лувча (лув:ча) – «купаться» – лувч (лувч) – «купается» – лувчар (лув:чар) – «купался».

Как мы видим, в тех случаях, когда образуются формы прошедшего времени несовершенного вида из форм настоящего времени, корневой слог качественно не меняется, меняется количественно.

Отрицательные формы прошедшего времени несовершенного вида образуются путем присоединения суффикса -ар к основе отрицательной формы настоящего времени: ваг1-ац – «не сидит» – ваг1-ац-ар – «не сидел», ха-ц – «не знает» – хац-ар – «не знал», вез-ац – «не нужен» – везац-ар – «не был нужен», лац – «не хочет» – лац-ар – «не хотел».

Следующая форма в системе прошедшего времени ингушского языка – форма прошедшего времени совершенного вида – (гуш яхаяьнна ха – аорист).

Данная форма, а точнее, ее основа формы образуется путем присоединения суффикса -р к неопределенной форме глагола. При этом происходят фонетические изменения в составе основы инфинитива глаголов. Так, в глаголах первых двух спряжений фонема [а] переходит в фонему [аь]. Например, ала – «говорить» – аьл-ар – «сказал», хада – «порваться» – хаьд-ар – «порвался»,

[-а] переходит в [иэ]: орфографически переходит в [-е], например, кхарза – «жарить» – кхерз-ар – «пожарил», татта – «отодвинуть» – тетта-р – «отодвинул»,

[иэ] переходит в [-ий], например, мела – «пить» – мийл-ар – «пил», еха – «просить» – йийх-ар – «попросил», веста – «опухнуть» – вийст-ар – «опух»,

[уо] переходит в [иэ]: орфографически [о] переходит в [е], например, мотта – «казаться» – метт-ар – «показалось», хотта – «соединять» – хетт-ар – «соединил»,

[ов] переходит в [эй]: орфографически переходит в [-ай], например, довза – «узнать» – дайзар – «узнал», къовла – «закрыть» – кьайл-ар – «закрыл»,

[ув] переходит в [ий], например, хувца – «менять» – хийцар – «поменял», къувкьа – «греметь» – къийкъ-ар – «прогремел».

Отрицательные формы прошедшего времени несовершенного вида образуются несколько иначе, чем у всех остальных форм. К основе неопределенной формы глагола прибавляется и аффикс -н и отрицательная частица. В результате регрессивной ассимиляции под влиянием сонорного звука «н» звук «-ц» в отрицательной частице ца переходит в звонкий звук «з», и только после этой частицы к глаголу присоединяется показатель прошедшего времени – аффикс «-ар»: деша-н-з-ар – «не прочитал», ваха-н-з-ар – «не пошел», ловза-н-з-ар – «не поиграл», вада-н-з-ар – «не побежал», листа-н-з-ар – «не размотал», тоха-н-з-ар – «не ударил», дувца-н-з-ар – «не рассказал».

Основное значение рассматриваемой формы определяется как законченность действия, а значение очевидности уходит на второй план, т.е. говорящий не обязательно должен быть свидетелем (очевидцем) действия: Материалаца болх дукха бе бийзар – «Над материалом пришлось долго работать».

Так называемая форма недавно прошедшего времени (яхаяьнна ха – перфект) в ингушском языке указывает на то, что действие, имевшее место в прошлом, уподобляется действию настоящего момента (сравнивается с действием настоящего момента): Хьачу а ваьнна, 1охайнав из – «Он зашел и сел», Цхьа ха йоаккхаш, 1охайна ваьг1ав – «Некоторое время провел сидя».

Данная временная форма образуется путем присоединения классных показателей (й, б, в, д) к основе прошедшего времени совершенного вида. Форма недавно прошедшего времени (перфект) реализует действие, уже прошедшее в момент речи. Так, если мы сравним две формы прошедшего времени в ингушском языке форму прошедшего времени совершенного вида и форму недавно прошедшего времени вийрзар – «выздоровел» – вийрзав –«выздоровел», то увидим, что форма со значением перфекта выражает степень меньшей удаленности действия от момента речи, по сравнению с формой прошедшего

времени совершенного вида (аорист): вийрзар – выздоровел», вийрзав – «выздоровел только недавно».

В отрицательных предложениях связь прошлого действия с настоящим временем может выражаться в том, что отрезок времени, в течение которого не было осуществлено действие, длится до настоящего времени: Х1анз а чувенавац кIаьнк – «Мальчик до сих пор не пришел домой».

Следующая форма прошедшего времени в составе ингушских глагольных форм – форма давнопрошедшего времени (хьалхаяхаяьнна ха – плюсквамперфект).

Эта временная форма образуется путем присоединения теперь уже суффиксов -дар (-бар, -вар, -яр) к основе причастно-деепричастной формы прошедшего времени совершенного вида.

Форма указывает на результат действия, которое имело место в весьма отдаленном прошлом. В лингвистике ее нередко обозначают как «прошедшее в прошедшем»: Вайна доккха оарц кхачар догдаьхадар аз, – аьлар Гирихана. – «Я надеялся, что к нам придет большая помощь», – сказал Гирихан».

Для образования отрицательной формы давно прошедшего времени к суффиксу дар- присоединяют отрицательную частицу -ца: да-ца-р, ва-ца-р, я-ца-р., например, хержавацар – «не выбирал», вийлавацар – «не смеялся».

Таким образом, все временные формы ингушского языка принято распределять на три основные временные сферы: прошедшего, настоящего и будущего.

При этом сфера прошедшего времени отличается функциональным разнообразием и наибольшей дифференциацией.

Глагольная система прошедшего времени ингушского языка включает четыре синтетические формы, каждая из которых служит для выражения не только отношения действия к моменту речи, но и передает различные дополнительные значения: аспектуальности (завершенности / незавершённости действия, модальности (очевидности или неочевидности действия), таксисные

значения (предшествования одного действия другому в прошедшем времени или одновременности действий в прошедшем времени).

В основе образования большинства временных форм лежат глагольные основы: настоящего времени, неопределённой формы (инфинитива) и основа прошедшего времени совершенного вида. В процессе формообразования в системе глагола ингушского языка значимую роль играют суффиксы, отрицательные частицы (ца-), а также изменения корневых гласных (фонетические чередования, характерные для морфологии нахских языков). Эти морфологические средства обеспечивают точную передачу временно-видовых и модальных оттенков глагольных значений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барахоева Н.М. Структурно-типологическая характеристика форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков: автореф. дис. канд. филол. наук. Москва, 1993. 18 с.
2. Барахоева Н.М. Сопоставительный анализ форм прошедшего времени ингушского и немецкого языков. Назрань: Пилигрим, 2009. 116 с.
3. Дагиров М.Ш. Немецкие текстовые эквиваленты форм прошедшего времени чеченского языка: автореф. дис. канд. филол. наук. Тбилиси, 1988. 24 с.
4. Дешериева Т.И. Исследование видо-временной системы в нахских языках. Москва: Наука, 1979. 167 с.
5. Долакова Р.И. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках // Известия ЧИНИИИЯЛ. Грозный, 1961. Т. 2. С. 3–71.
6. Кодзоева Л.И. Видовременная система глагола ингушского языка в сопоставлении с английским: дис. канд. филол. наук. Махачкала, 2005. 156 с.
7. Мальсагов З.К. Грамматика ингушского языка. 2-е изд. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1963. 159 с.
8. Оздоева Э.Г., Дзангиева Л.С. Изучение временных форм глагола в ингушском языке // Инструменты и механизмы современного инновационного

развития: сборник статей международной научно-практической конференции (5 декабря 2017 г., г. Пермь): в 5 ч. 2017. С. 171–173.

9. Современный ингушский язык. Морфология / под ред. Барахоевой Н.М. Нальчик: Тетраграф, 2012. 558 с.

10. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис: учебник. М.: РГГУ, 2001. 796 с.

Ozdoeva D.M.
student of 2nd year
Faculty of Philology, educational program 45.03.01
«Philology», master's program MIYa-25 «Ingush Language»
Ingush State University
(Magas, Russia)

Scientific advisor:
Barakhoeva N.M.
PhD in Philology, Professor
Department of Ingush Language
Ingush State University
(Magas, Russia)

STRUCTURAL AND SEMANTIC FEATURES OF PAST TENSE FORMS IN INGUSH

Abstract: *this article examines structural and semantic features of past tense forms in Ingush. The multilevel system of past tense forms comprises four grammemes: past imperfective, past perfective, recent past, and remote past. Each marks the temporal distance of an action, its completion, the source of information, and aspectual characteristics. The analysis reveals close links between tense forms and the categories of aspect, voice, and modality, as well as the role of morphological agglutination in forming verbal paradigms. Past tense forms are not semantic synonyms, each serves a distinct function in expressing the chronological hierarchy of events.*

Keywords: *Ingush language, Nakh languages, past tense, tense-aspect form, structural-semantic features, verbal morphology, agglutination, grammeme.*

УДК 78

Торяник О.П.
студент 5 курса
кафедра теории и истории музыки
Луганская государственная академия культуры
и искусств им. Михаила Матусовского
(г. Луганск, Россия)

ПРЕЛОМЛЕНИЕ ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ТРАГИЧЕСКОГО В ИНСТРУМЕНТАЛЬНО-СИМФОНИЧЕСКОЙ МУЗЫКЕ В.А. МОЦАРТА

***Аннотация**: статья посвящена исследованию категории трагического в инструментальном наследии В. А. Моцарта. Традиционный взгляд на творчество композитора как на воплощение «солнечного» и жизнерадостного мировосприятия подвергается критике: автор исходит из гипотезы о том, что многие сочинения Моцарта несут в себе трагедийное начало, не менее глубокое, чем наследие Л. ван Бетховена или П. И. Чайковского. В результате проведённого исследования, автор приходит к выводу, что инструментально-симфоническая музыка Моцарта отражает категорию трагического в его мировосприятии, причём трагическое приобретает у композитора характер глубокой психологизации, а не риторически абстрактную форму.*

***Ключевые слова**: Вольфганг Моцарт, трагическое, эстетика, инструментальная музыка, тональная семантика, соль минор, ре минор, до минор, симфония № 40, фортепианный концерт № 20, Реквием, классицизм, предвестие романтизма.*

Вольфганг Амадей Моцарт (1756-1791) – один из ярких представителей эпохи Классицизма, признанный гений мирового музыкального искусства, чьё творчество оказало влияние на последующие страницы истории музыки. Наследие мастера характеризуется огромным масштабом. Он работал во всех существующих современных ему музыкальных жанрах. На протяжении

нескольких столетий интерес к музыке великого австрийского композитора не угасает как со стороны исполнителей, так и со стороны музыковедов.

На протяжении длительного времени наследие В. А. Моцарта рассматривалось в контексте жизнерадостного мировосприятия, лирико-драматического таланта. Однако, современные подходы к изучению творчества композитора разрушают миф о «солнечном» гении и выдвигают гипотезу о том, что многие сочинения композитора несут в себе трагедийное начало, не менее глубокое чем наследие Л. В. Бетховена либо П. И. Чайковского. Трагическое мировосприятия у Моцарта проявляется в контексте конфликта «личность – общество» и «личность и выбор». Наиболее ярко эта линия представлена в его операх – «Дон Жуан», «Волшебная флейта». Вместе с этим, инструментальное наследие автора также отражает трагедийное мировосприятие художника. Творчество великого гения является предтечей романтизма. В его музыкальном языке нашли воплощение такие характерные для воплощения сферы трагического элементы как: хроматизмы, внезапные смены мажора и минора, паузы. Впоследствии эти элементы будут переосмыслены в контексте эстетики трагического в позднем романтизме и экспрессионизме. Таким образом, на современном этапе возникает необходимость нового взгляда на инструментальное наследие В. А. Моцарта, исходя из позиции преломления в нём эстетики трагического. Исследование трагического аспекта творчества Моцарта позволяет восстановить полноту художественного мира композитора, в котором диалектически сосуществуют свет и тень, радость и скорбь.

Вместе с тем, в современном музыкознании эта оценка достаточно часто подвергается критике и свидетельствует об одностороннем взгляде на творчество композитора. Уже начиная с Б. Асафьева [1] в XX столетии оценка творчества великого гения выходит за рамки сугубо позитивного мировосприятия. Философские взгляды композитора – от личностной рефлексии до предчувствия смерти и гибели нашли воплощение в области жанров инструментальной музыки. Область инструментальной музыки стала той сферой в которой композитор смог отразить конфликт человека с судьбой.

В последние три года жизни (1789–1791) в творчестве Моцарта нарастают черты, выходящие за рамки классицизма. Среди них:трагическая ирония («Дон Жуан»: финал с каменным гостем), экстатичность и мистика («Волшебная флейта» — масонские символы, «Реквием» — заупокойная месса как личная драма), индивидуализация тембров (использование кларнетов в низком регистре, как в K491),разрушение жанровых границ (фантазия K475, соната K457 — фантазийность внутри сонатной формы).

Одним из средств воплощения трагического в музыке В. А. Моцарта выступает тональный план. В эпоху Классицизма ещё сохраняется барочная традиция наделять тональности определённой образной сферой. Так, например, для выражения скорби, страстей, душевны мук композитор обращается к тональностям минорного плана, каждая из которых воплощает свой оттенок трагизма:

– g-moll – главная трагическая тональность композитора, в которой написано большинство произведений с бурным и страстным содержанием. Данная тональность выражает такие оттенки как: беспокойство, патетика, демонический напор. В сочинениях, написанных в данной тональности трагическое окрашивается драматическим оттенком. Примеры: Фортепианный квартет № 1 (K 478), Струнный квинтет (K 516), Симфония № 40 (K 550), Andante из Симфонии 5 (K 22), 6 Вариаций соль минор на тему «Helas, j'ai perdu mon amant» и.т.д.

– d-moll – в прочтении Моцарта тональность имеет окраску мрачной торжественности, фатума, ритуальной скорби. Она выступает носителем трагедии барочного размаха и это не случайно, так как в этой тональности И. С. Бах писал свои «Страсти». В сочинениях, написанных в данной тональности трагическое облекается в форму обречённости и ухода. Яркими примерами произведений в тональности d-moll с ярко выраженно трагической окраской трагического является Концерт для фортепиано № 20 (K 466) и «Реквием» композитора.

– c-moll – воплощает героический, но суровый пафос трагедии.Трагическое выступает в этих произведениях в виде взрыва страсти, показывая как мятеж и неумолимый марш-приговор. Примеры – Большая месса c-moll (K 427), Соната для фортепиано c-moll (K 457).

Помимо семантической трактовки тонального плана композитор для воплощения сферы трагического использует конкретный набор средств и приёмов музыкального развития, оркестрового письма, которые обостряют трагическое начало. Рассмотрим эти средства на конкретных приёмах.

Всемирно известная Симфония № 40 g-moll представляет собой квинтэссенцию трагического мироощущения в симфоническом жанре XVIII столетия. Трагическое здесь воплощено в духе лирической исповеди и лишено пламенного ораторского пафоса. Первым средством воплощения конфликтного начала в симфонии служит отсутствие характерного контраста тем между главной и побочной партией в I части. Побочная тема ввиду хроматической интонации звучит будто искажённо, неуверенно, что создаёт ощущение безысходности. Разработка характеризуется хаотическим нагнетанием, полифонические принципы развития тематизма приводят не к просветлению, как это часто бывает у Баха а к катастрофе.

В Симфонии № 40 композитор обращается также к переосмыслению жанра Менуэта, лишая его танцевального характера. В прочтении Моцарта – это танец смерти, где ритмическая характерность приобретает максимальное чуть ли не физическое напряжение.

Струнный квинтет c-moll (K 516) передаёт сферу трагического посредством медитативности и отказа от любого компромисса. I часть квинтета имеет ярко-выраженный характер надломленности. Помимо этого, в тональной и образной драматургии этого произведения композитор отходит от норм классической эстетики, лишая произведение оптимистичного финала.

Фортепианный концерт № 20 d-moll (K. 466) занимает особое место в творчестве В. А. Моцарта. Завершённый 10 февраля 1785 года и на следующий день исполненный автором в венском зале казино Мельгруб, он открыл новую

страницу в истории жанра, став первым минорным концертом в творчестве композитора. В отличие от Концерта № 24 c-moll (K. 491), проанализированного ранее, d-moll представляет собой иную — более драматически-активную, бунтарскую — трактовку трагического, сближающуюся с эстетикой Sturm und Drang и предвосхищающую бетховенский героический стиль.

Главная особенность Концерта № 20 — не изолированное господство трагического начала, а его диалектическое взаимодействие со сферой лирики. Конфликт этих двух сфер составляет драматургическую основу цикла. В отличие от Концерта № 24, где трагическое начало с самого начала заявляет о себе неумолимо и властно, в 20-м концерте трагизм и лирика постоянно борются друг с другом, переходя один в другой. Однако, в отличие от бетховенского конфликтного столкновения, у Моцарта противоположности следуют друг за другом с потрясающей непрерывностью и в необъяснимой целостности.

Для самого Моцарта 1785 год — время написания концерта — был отмечен важными жизненными и творческими событиями: завершение «Диссонансного» квартета, начало работы над «Свадьбой Фигаро». Год спустя после концерта последует трагический c-moll'ный опус, а через два — увертюра к «Дон Жуану». Таким образом, Концерт № 20 открывает «трагическую трилогию» зрелого Моцарта, в которой d-moll выступает тональностью активного, «театрального» трагизма.Исследователи отмечают, что Концерт № 20 стоит у истоков новой жанровой разновидности — «симфонизированного концерта», в котором форма егосодержание богато, драматизм необычайно силён — всё это даёт основание говорить о бетховенских предвестиях. Это проявилось, прежде всего, в трактовке партии солиста. Моцарт совершил революцию, лишив фортепиано от роли аккомпаниатора (которую по традиции исполнял в оркестре клавесин и другие клавишные инструменты) и превратив его в настоящего солиста. Солист в этом концерте — не виртуоз, демонстрирующий свою технику, а лирический герой, личность, переживающая трагический конфликт с миром. В научной литературе подчёркивается, что акцент на личностности является той маркирующей чертой, которая отличает

этот концерт среди других произведений жанра: он порождает лиризацию многих тем, которые из моторных превращаются в лирико-моторные и переосмысление виртуозности как атрибутивной черты жанра.

Важный аспект восприятия концерта — отношение к нему Л. ван Бетховена. Этот концерт — единственное «чужое» сочинение, которое Бетховен включил в свои концертные программы, блестяще исполняя его. Более того, Бетховен написал каденции к первой и третьей частям, поскольку авторские каденции Моцарта не сохранились. Именно бетховенские каденции стали традиционными для исполнения этого концерта. Этот факт многозначителен: Бетховен, творец героического симфонизма par excellence, узрел в данном сочинении родственную себе стихию борьбы и утверждения.

В фортепианном концерте № 24 c-moll (K 491) эстетика трагического передаётся посредством диалога солиста и оркестра. В музыкальном тематизме композитор активно использует музыкально-риторические фигуры (темы креста, нисходящее хроматическое движение).

Финал Концерта решён в жанре марша имеющего ярко выраженную окраску зловещего траурного шествия. В столкновении партий солиста и оркестра прослеживаются концепции столкновения «Я» и «Судьбы». Многочисленные каденции солиста выступают в форме драматического монолога человека перед лицом неизбежной гибели.

Таким образом, анализ приведенных источников позволяет выделить специфические приемы, с помощью которых Моцарт «преломляет» категорию трагического:

1. Частое использование хроматических интонаций: это могут быть нисходящие малосекундовые интонации вздоха, либо медленно опускающиеся хроматические линии в басовом голосе. Наиболее ярким примером выступают инструментальные партии «Реквиема» и медленные части фортепианных сонат.

2. Использует выразительный потенциал ритма: он может воплощать как имитацию тяжёлой поступи рока, так и беспокойное биение сердца, приступ агонии.

3. Композитор наделяет семантикой трагического определённые тональности, в результате чего менуэты в сонатно-симфонических циклах приобретают надломленное и гротескное звучание, финалы, звучащие в мажоре приобретают характер трагической улыбки либо насмешки.

Таким образом, вышесказанное позволяет говорить о том, что инструментально-симфоническая музыка В. А. Моцарта отражает категорию трагического в его мировосприятии. При этом, в прочтении композитора, трагическое – приобретает характер глубокой психологизации, а не риторически абстрактную форму. В такой трактовке категории трагического композитор приближается к форме инструментального театра. Он доказывает, что оркестр или струнный квартет могут выразить «экстаз бездны» сильнее, чем слово. Симфонии g-moll и квинтет c-moll стали той «школой страдания», без которой невозможно появление Бетховена и романтиков XIX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Асафьев Б.В. О симфонической и камерной музыке: пояснения и прил. к программам симфон. и камер. концертов / предисл. А.Н. Дмитриева. Л.: Музыка: Ленингр. отд-ние, 1981. 216 с.
2. Консон Г.Р. Психология трагического в музыке первой половины XVIII века // Психология нравственности и религия: XXI век: материалы международной конференции, Щелково, 16–17 ноября 2011 года. ОНТО «Академия промышленной экологии», 2011. С. 241–266.
3. Ткач Н.В. Специфика трагического мироощущения в западноевропейской музыке периода романтизма // Terra культура. 2022. № 14. С. 153–168.

Toryanik O.P.
student of 5th year
Department of Music Theory and History
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
(Lugansk, Russia)

INTERPRETATION OF THE TRAGIC AS AN AESTHETIC CATEGORY IN WOLFGANG AMADEUS MOZART'S INSTRUMENTAL AND SYMPHONIC MUSIC

Abstract: *this article examines the category of the tragic in Wolfgang Amadeus Mozart's instrumental works. It challenges the traditional view of his music as an expression of a «sunny» and joyful outlook, proposing instead that many of his compositions contain a tragic dimension as profound as that found in the works of Ludwig van Beethoven or Pyotr Tchaikovsky. The study concludes that Mozart's instrumental and symphonic music reflects a tragic aspect of his worldview, expressed through psychological depth rather than abstract rhetoric.*

Keywords: *Wolfgang Amadeus Mozart, tragic, aesthetics, instrumental music, tonal semantics, G minor, D minor, C minor, Symphony No 40, Piano Concerto No 20, Requiem, classicism, precursor to Romanticism.*

УДК 78

Торяник О.П.
студент 5 курса
кафедра теории и истории музыки
Луганская государственная академия культуры
и искусств им. Михаила Матусовского
(г. Луганск, Россия)

ТРАГИЧЕСКОЕ В МУЗЫКЕ: ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВА

***Аннотация**: статья посвящена категории трагического в музыкальном искусстве и её исторической эволюции от Античности до XX века. Автор рассматривает трагическое как одну из главных категорий эстетики, фиксирующую особый тип переживаний человека — ощущение невосполнимой утраты, страдания и гибели, которые, однако, несут в себе высокий смысл и катарсис. Особое внимание уделяется специфике воплощения трагического в музыке, которая, в отличие от литературы и театра, оперирует не вербальными, а музыкально-символическими образами. Автор приходит к выводу, что трагическое в музыке прошло сложную эволюцию — от классицистской гармонии, нарушаемой роковым конфликтом, через романтическую «мировую скорбь» и экзистенциальную глубину П. И. Чайковского к гротескной антиутопии Д. Д. Шостаковича и концепту негатива в современной музыке. На каждом этапе музыка находила уникальные средства выражения трагического.*

***Ключевые слова**: трагическое, эстетика, музыкальное искусство, катарсис, День гнева, пляска смерти, экспрессионизм, трагический гротеск, Пётр Чайковский, Дмитрий Шостакович.*

Трагическое – одна из главных категорий эстетики, которая фиксирует особый тип переживаний человека: ощущения невосполнимой утраты, страдания, гибели. Вместе с тем эти переживания человека в своей основе имеют высокий смысл и катарсис. Категория трагического в мировосприятии людей –

одна из самых древних. Её история насчитывает около двух тысяч лет. В «Кратком словаре по эстетике» под редакцией М. Ф. Овсянникова встречаем следующее определение понятия «трагическое»: это «философская и эстетическая категория, характеризующая возникновение страданий и переживаний человека в результате актов их свободной воли и (или) предначертаний судьбы» [3]. В свою очередь Р. А. Гальцева приводит следующее определение понятия: «в узком смысле слова – это эстетическая категория, характеризующая неразрешимый конфликт обреченного, но свободно действующего героя с необходимо противодействующими ему силами. В широком смысле слова – в широком смысле — характеристика катастрофического мирочувствия, связанного с безысходным жизненным разладом (крушение надежд на самоосуществление, ощущение неотвратимой гибели, переживание бессмыслицы, бесцельности бытия и т.п.)» [1].

Понятие трагического вводится в философское знание в эпоху Античности Аристолем в его труде «Поэтика». В его трактовке, термин «трагическое» представляет собой свойство драмы, которое вызывает жалость, страх а затем – духовное очищение и катарсис. Категория трагического в искусстве прошла путь исторической эволюции от конкретного жанрового признака во времена Античности до универсальной структуры бытия в мире, переживающей в современности кризис своей определимости.

Воплощение трагического в музыкальном искусстве имеет свои особенности: музыка, в отличие от литературы или театра, не оперирует конкретными вербальными либо визуальными образами, а содержание музыкальных произведений, как правило, предстаёт комплексом музыкальных символов. Музыкальное искусство обладает глубоким воздействием на слушателя, что делает возможным передачу глубинных переживаний человека, ощущение невосполнимой утраты, страданий, катарсиса и внутренней борьбы.

Впервые в истории музыкального искусства эстетика трагического получает яркое воплощение в эпоху Средневековья. Её преломление связано здесь с жанрами и формами духовной музыки в которых трагическое

ассоциировалось с разными видами грехопадения. В музыке данной эпохи находят воплощение разные трагические события библейской истории (Распятие, муки святых). Было принято считать, что человек отрешался от мирской суеты в процессе прослушивания музыки в храме человек отрешался от мирской суеты и получал возможность морального искупления от своих грехов.

В средневековой музыке оформились жанры для воплощения трагической образной сферы – это библейский плач Planctus и секвенция Dies Irae.

Плач Planctus представлял собой популярный жанр ламентации на библейские темы, который достиг своей популярности в XII столетии. За созданием этих жанров стояли конкретные авторы. Среди таковых – Пьер Абеляр (1079-1142) – французский философ, теолог и композитор. Он написал шесть церковных плачей, которые стали символом личной катастрофы, облачённой в форму библейского страдания. Абеляр нашёл рефлексию в создании плачей, в результате чего личная боль приобретала вселенский масштаб.

Однако, наибольшую известность в средневековой музыке приобрела секвенция «Dies Irae» (День гнева). Её автором принято считать монаха-францисканца Фому Челанского (1200-1265). Данная секвенция выступила квинтэссенцией трагического в западноевропейской культуре. Данная секвенция входила в структура Реквиема и описывала сюжеты страшного суда – момента, когда все души ждут своего приговора и платы за грехи. Музыкальными характеристиками секвенции «Dies Irae» выступают: нисходящее мелодическое движение, которое выступает символом погружения в ад, выделение нисходящего тетрахорда, диссонантное звучание секвенции при её многоголосном прочтении [5].Секвенция «Dies Irae» стала одним из самых узнаваемых символов обречённости, трагизма и обличённого зла в композиторской практике XIX-XX столетий. Так, ярким примером использования данной темы выступает «Фантастическая симфония» Гектора Берлиоза, написанная в 1830 году. Тема секвенции используется композитором

в заключительной части – «Сон в ночь шабаша». В её цитировании композитор отказывается от религиозного контекста, а трактует как кошмарное сновидение. Тема проводится Берлиозом у низких струнных, что придаёт ей искажённое и зловещее звучание. В итоге, Берлиоз стал первым композитором, наделившим секвенцию «Dies Irae» символом смерти и судного дня в светской инструментальной музыке. Неоднократно в своём симфоническом творчестве к цитированию темы секвенции «Dies Irae» П. И. Чайковский. Данная тема связана в прочтении композитора с воплощением образов ада и крушения надежд (как например в симфонии «Манфред»).

Секвенция «Dies Irae» стала личным музыкальным символом для воплощения сферы трагического для отечественного композитора Сергея Васильевича Рахманинова. Данная цитата красной нитью проходит сквозь всё наследие композитора – от Первой симфонии до последнего опуса «Симфонические танцы». В его прочтении тема секвенции становится воплощением ряда образов – смерти, судьбы, тёмных сил, злого рока греховного искушения. Наиболее ярким примером выступает «Рапсодия на тему Паганини», где мотив «Dies Irae» противопоставлен виртуозной скрипичной тематике. В симфонической поэме «Остров мёртвых» тема вырастает из шума волн и достигает трагической кульминации как неизбежный финал. Композиторы XX столетия продолжают использовать тему как маркер смерти и войны. Примером тому являются сочинения Д.Д. Шостаковича, Н. Мясковского, А. Хачатуряна и многих других. Таким образом, созданная в XIII столетии секвенция «Dies Irae» выступает в качестве универсального культурного кода для воплощения сферы трагического, образа апокалипсиса и человеческого страха.

Ещё одним музыкальным символом трагического, зародившемся в эпоху Средневековья и получившим продолжение в композиторской практике последующих столетий стал жанр – «Пляска смерти» («Danse Macabre»). Этот жанр стал отражением народного восприятия трагического через призму катаклизмов и несчастий своего времени – чумы, Столетней войны, голода. Как

утверждает исследователь И. Иоффе, жанр пляски связан с традициями средневековой мистерии и театрализованных представлений.

Эстетическими характеристиками жанра «Пляска смерти» явились: идея о равенстве людей всех социальных сословий перед смертью: от короля до простолюдина (демократизация трагического),метафоричное прочтение образа танца: трагизм ухода из жизни человека воплощается здесь в форме гротеска и зловещего карнавала, наличие визуальных программных образов-аналогов в искусстве: средневековые и барочные фрески и гравюры часто изображали вереницу танцующих пар, скелетов, которые вовлекают живых в танцующий хоровод.

В эпоху Барокко, с развитием светской инструментальной культуры и расширением средств музыкального языка (легализация диссонансов, хроматизмов) значительно расширяются возможности воплощения сферы трагического в инструментальной музыке. Здесь прежде всего стоит отметить учение о музыкально-риторических фигурах и барочную теорию аффектов. Так, например, в творчестве великого немецкого композитора эпохи Барокко образы трагического находят прочтение в ряде музыкально-риторических фигур – теме креста, теме скорби (малосекундовая интонация плача), нисходящих интонациях, символизирующих погружение в ад, диезных тональностях (cis-moll, fis-moll) [5].

Особое место в развитии трагического в музыке принадлежит П. И. Чайковскому. Его творчество знаменует переход от романтического «мировой скорби» к экзистенциальной глубине трагедийного высказывания. Исследователи отмечают, что экзистенциальное мышление Чайковского разворачивается в поле напряженного противостояния Жизни и Смерти, «живого» и «мертвого», которые становятся действительными «героями» его трагедийных мистерий.

В операх Чайковского, особенно в «Пиковой даме», возникает гротескное качество — взаимопроникновение живого и мертвого, выраженное через специфические музыкальные приемы: «потустороннюю» декламацию на одном

звуке, нисходящие гаммы, целотонные звукоряды как атрибутику «неживого», «злого». Эта музыкальная семантика зла станет основой для трагедийно-сатирической поэтики композиторов XX века.

XX столетие принесло радикальное переосмысление трагического в музыке, что было напрямую связано с историческими катаклизмами — мировыми войнами, тоталитарными режимами, холокостом. Экспрессионизм явился ярким примером проявления трагического в музыке XX столетия.Как уже говорилось выше, экспрессионизм в музыке проявился как на уровне круга образов, так и на уровне нового спектра музыкально-выразительных средств. Среди них: разрушение тональной системы и создание додекафонной техники, «эмансипация диссонанса» (А.Шенберг), новый стиль вокального интонирования – «Sprechgesang», замена пения речью, шепотом, криком, новая трактовка инструментального тембра, отсутствие классического понимания размера и ритма в музыке, прерывистость, резкость, разорванной мелодической линии, переменчивость темпа музыки резкая и неожиданная, замена вокальной партии инструментальной, и наоборот, нерегулярность и необычная расстановка акцентов в ритме.

Одной из важнейших форм воплощения трагического в музыке XX века становится трагедия-сатира — жанр, наиболее ярко представленный в творчестве С. Прокофьева и Д. Шостаковича. Исследователи отмечают, что трагический гротеск — сложнейшая форма музыкального гротеска — становится «наиболее ярким воплощением социопсихологических катастроф века», смысловым эквивалентом русского «смеха сквозь слезы».

Герой трагедии-сатиры оказывается одновременно центром сильного и слабого, положительного и отрицательного, возвышенного и низменного. Это усложнение моноцентрического трагедийного конфликта (характерного для Чайковского) непримиримым противоречием героя со средой формирует сложную конфликтную систему.

Таким образом, трагическое в музыкальном искусстве прошло сложную эволюцию — от классицистской гармонии, нарушаемой роковым конфликтом,

через романтическую «мировую скорбь» и экзистенциальную глубину Чайковского к гротескной антиутопии Шостаковича и концепту негатива в современной музыке. На каждом этапе музыка находила уникальные средства выражения трагического — от бетховенского принципа контраста и искренних и пронзительных мелодий Ф. Шопена до шёнберговской атональности и шостаковичского трагического гротеска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Гальцева. Лермонтовская энциклопедия / АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом), науч.-ред. совет изд-ва «Сов. Энцикл.», гл. ред. Мануйлов В.А., редкол.: Андроников И.Л., Базанов В.Г., Бушмин А.С., Вацуро В.Э., Жданов В.В., Храпченко М.Б. М.: Сов. Энцикл., 1981.
2. Гегель Г.В. Эстетика [Текст]: в 4 т.: [перевод] / под ред. и с предисл. Лифшица М. М.: Искусство, 1968–1973. 21 см.
3. Краткий словарь по эстетике: книга для учителя / под ред. Овсянникова М.Ф. М.: Просвещение, 1983. 224 с.
4. Меринг Ф. Легенда о Лессинге // Избранные труды по эстетике. М.: Искусство, 1985. С. 394.
5. Носина В.Б. Символика музыки И.С. Баха [Текст] / Междунар. курсы высш. худож. мастерства пианистов памяти С.В. Рахманинова. Тамбов: [б. и.], 1993. 103 с.
6. Шеллинг Ф. Философия искусства / пер. [и предисл.] Попова П.С., под общ. ред. [и со вступ. ст., с. 19–43] Овсянникова М.Ф., примеч. Михайлова А.В. [Репр. изд.]. Санкт-Петербург: Алетейя при участии фонда «Унив. кн.»: Кренов, 1996. 495 с.

Toryanik O.P.
student of 5th year
Department of Music Theory and History
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
(Lugansk, Russia)

THE TRAGIC IN MUSIC: EVOLUTION OF THE CONCEPT IN THE DEVELOPMENT OF ART

Abstract: *this article examines the tragic as an aesthetic category in music and traces its evolution from antiquity to the XX century. The author considers the tragic one of the central categories of aesthetics, capturing a distinct kind of human experience: a sense of irreparable loss, suffering, and death that nevertheless carries profound meaning and offers catharsis. Particular attention is paid to how music expresses the tragic through musical and symbolic imagery rather than the verbal means used in literature and theatre. The author concludes that the tragic in music has undergone a complex evolution: from classicist harmony disrupted by a fateful conflict, via Romantic «world sorrow» and the existential depth of Pyotr Tchaikovsky's music, to the grotesque dystopia of Dmitri Shostakovich and the concept of negativity in contemporary music. At each stage, music found distinctive means of expressing the tragic.*

Keywords: *tragic, aesthetics, music, catharsis, Dies Irae, dance of death, expressionism, tragic grotesque, Pyotr Tchaikovsky, Dmitri Shostakovich.*

УДК 316.346.2+560

Maharramov B.M.
ORCID: 0000-0003-0984-5651
teacher, doctoral student
Azerbaijan University
(Baku, Azerbaijan)
Department of Social Work Organization,
Department of Social Work
Karabuk University
(Karabuk, Turkey)

Taghiyeva S.N.
ORCID: 0009-0004-1095-8834
fourth-year student
Museum, Archival Studies and Preservation
of Monuments, Faculty of Humanities and Social Sciences
Azerbaijan University
(Baku, Azerbaijan)

PATRIARCHAL ORDER AND MALE DOMINANCE: AN OVERVIEW OF WOMEN'S POSITION IN TURKEY'S SOCIAL STRUCTURE

Abstract: *this study aims to examine how and in what ways male dominance shapes women's social position within the patriarchal social structure of contemporary Turkey. The primary objective of the research is to analyze the influence of norms within the patriarchal social structure on the formation of gender roles, unequal power relations between the two genders, and the causes of domestic violence and social pressure against women resulting from these relations. A qualitative research method was employed in the study. Content analysis was used as the data collection technique. Within the scope of the research, academic publications and media reports concerning gender inequality, domestic violence, women's rights, and divorce were examined. The findings of the study indicate that norms within the patriarchal social structure play a significant role in the unequal formation of relations between women and men in Turkey and contribute to the positioning of women in a subordinate position both in society and within the family. The study demonstrates that legal and institutional measures remain insufficient in addressing inequality and violence against women. In this context, it highlights the importance of transforming gender perceptions and patriarchal power relations in order to address and resolve these issues.*

Keywords: *gender inequality, patriarchy, male dominance, domestic violence, women, gender roles, Turkey.*

Introduction.

The concept of gender was first incorporated into sociology and examined by British sociologist Ann Oakley in 1972 [1, p.226]. Through gender, society determines how women and men are expected to think and behave. Individuals are born into a social environment with certain boundaries and, through the process of socialization, become individuals who conform to the rules and value judgments of that environment. In this context, the expectations and patterns of behavior imposed by society on women and men emerge as gender roles [5, p.132].

This study aims to analyze how the patriarchal order in Turkey shapes women's position within the social structure. In this context, it seeks to examine the extent of male dominance in the country and how this situation contributes to domestic violence. A qualitative research method was employed, and data collection was conducted using the content analysis technique. Both primary and secondary sources, including relevant academic publications and media reports, were utilized. The study provides a general framework for understanding women's position within Turkey's patriarchal social order and how this situation contributes to the emergence of domestic violence.

DOMESTIC VIOLENCE IN THE PATRIARCHAL ORDER.

In patriarchal social structures where male dominance is prominent, men are generally observed to hold privileged positions compared to women in social, economic, and family spheres. In such societies, women's participation in social and economic life is constrained by certain structural and normative barriers. Patriarchal social norms are considered one of the important social factors contributing to the emergence of violence against women and domestic violence and therefore require particular attention. Norms within the patriarchal social structure regulate the behaviors of the two genders in different ways, resulting in greater social control over women. In patriarchal structures, girls and boys are raised according to different social expectations. This, in turn, contributes to the reproduction of gender roles. For example, while a young man may be free to come home at whatever time he wishes or travel to another city with his friends without significant restrictions, the same freedom

is often not afforded to women. The main reason for this difference is that the family environment in which individuals are raised constitutes one of the primary settings in which patriarchal gender norms are reproduced. Such gender-based distinctions become normalized over time and are often reproduced in various forms by women themselves, as existing gender norms continue to be prioritized.

Domestic violence against women can be categorized into five types: physical, sexual, verbal, emotional, and economic violence [2, p.568]. Physical violence includes acts such as injuring or torturing women with any object or weapon, as well as pushing, slapping, or beating them [6, p.48]. Sexual violence encompasses situations in which men perceive women as objects, display excessive jealousy, engage in infidelity, or force their partners to engage in sexual intercourse [4, p.1232].

Verbal violence is manifested through the use of words to frighten, punish, intimidate, and thereby control the other person [6, p.49]. Another form of domestic violence is emotional violence. This type of violence arises through the systematic abuse of emotions and emotional needs and includes behaviors such as exerting pressure on the other person in order to release anger and tension, humiliating or degrading them, shouting at them, and making them feel inadequate [6, p.22]. Economic violence, another form of violence, includes preventing women from achieving financial independence or working in a job that could provide them with social status, opposing their use of their own income, giving them limited amounts of money, making demands that are extremely difficult or impossible to fulfill and creating conflict when these demands are not met, and placing responsibility for household expenses on women, among other actions [4, p.1233].

Each of the aforementioned forms of violence has negative consequences for individuals' physical and psychological integrity. Discrimination between women and men in society is one of the major factors that exacerbates domestic violence. The patriarchal structure is one of the significant social factors contributing to the emergence of violence against women and femicide. In such a male-dominated system, a woman's decision to divorce or her desire to seek a divorce is, naturally, not always regarded as acceptable. During and after the divorce process, violence against women

can emerge in various forms within different social structures. However, it should be emphasized that in societies where male-dominated norms are prevalent, women are frequently exposed to pressure and violence during the divorce process.

The We Will Stop Femicide Platform reported that in 2024, 280 women were killed by their husbands, fathers, sons, or other relatives [3]. In countries where male-dominated norms and gender inequality prevail, one of the main factors contributing to women's difficulties in obtaining a divorce may be the obstacles created by men for their wives. In social structures where traditional gender roles are prevalent, women's primary responsibilities are generally defined in terms of domestic duties and motherhood. Consequently, these expectations restrict women's social position. In male-dominated social structures, women's participation in working life may be restricted by their husbands or family members in some families and communities. In such societies, women are expected to perform domestic duties and comply with men's demands due to men's role as economic providers.

As a result of these social expectations, women's labor within the household becomes invisible, while the responsibilities placed upon them increase. In families where patriarchal gender roles are prevalent, domestic responsibilities such as preparing meals, cleaning, and caring for children are generally considered women's duties and are therefore expected to be fulfilled by them. When these expectations are not met, serious conflicts may arise in some families, and women may be subjected to physical and psychological violence. The fact that statements such as «I work outside from morning until evening» are used by men to justify themselves in such situations and are also accepted by society at large is a product of the patriarchal structure. Men's employment is often portrayed as a major act of sacrifice, whereas women's efforts in dealing with numerous problems at home are presented as simply part of their expected duties.

Such expectations within families where traditional gender roles are dominant increase the risk of conflict and, in some cases, violent behavior. Attitudes that regard men's authority as legitimate and natural within the patriarchal structure can provide a basis for justifying violence within the family. In patriarchal family structures, men

tend to occupy a more decisive position than women in decision-making processes. This situation limits women's equal participation in family decisions. When a woman wishes to divorce because of a problem arising within the family, her decision may not only be viewed as unacceptable by men but may also lead to severe consequences.

The Turkish expression «I gave my daughter away in a wedding dress, and I will take her back in a shroud» is a striking example of how divorce may not be regarded as socially acceptable in such contexts. A woman who wishes to divorce may be subjected to pressure and violence by her husband. The fundamental reason for this situation is that, within the patriarchal social structure, women are not regarded as independent individuals and are instead perceived as persons over whom men have authority and control.

Although such practices still exist in some places today, in the past, the practice of marrying off girls in exchange for a bride price was widespread in Turkey and similar countries and was accepted by many people. In social structures where patriarchal relations are prevalent, women may be associated with a man's «honor,» which can lead to the establishment of social control over women's behavior.

A man who defines the concept of honor solely in terms of sexual relations may kill a woman because she has had a sexual relationship with another person. If a woman is divorced, this means that she no longer has any relationship with her former husband. Moreover, her former husband has no legitimate authority to determine or control her actions. However, even after divorce, a man may continue to regard his former wife as belonging to him and subject her to violence if she meets or communicates with another man. From this perspective, women may live in a highly insecure environment.

However, there is a particularly striking paradox within patriarchal structures. While a man's infidelity toward his wife may be regarded as normal or tolerated, a woman's infidelity toward her husband may result in her death. Even in cases where such misconduct occurs, the patriarchal structure grants men a position of superiority. Although a man may repeatedly cheat on his wife, even during marriage, after divorce, if the woman begins a relationship with another man, her former husband may kill her in the name of «honor.» This situation demonstrates that the concept of honor can be

interpreted differently through traditional gender relations and that women's behavior is subject to more intense and severe forms of social control than men's. In social structures where patriarchal norms are dominant, similar behaviors by men tend to be met with greater tolerance than those by women. This can lead to the emergence of double standards. Furthermore, the perception that a divorced woman will «go astray» in male-dominated societies may contribute to situations in which women who wish to divorce are subjected to violence by their husbands.

Conclusion.

This study examines the effects of the patriarchal social structure in Turkey on women's social status, focusing on gender roles, domestic violence, women's economic and social lives, and the challenges they face during the divorce process. The findings indicate that inequality between women and men stems not only from individual behaviors but is also reinforced by social and cultural norms. Within the patriarchal structure, different roles are assigned to women and men: men are primarily regarded as decision-makers and economic providers within the family, while women are expected to assume responsibility for housework, childcare, and family obligations. This situation can render women's labor invisible and relegate them to a secondary position in social life. In particular, restrictions on women's participation in the workforce, social relationships, and freedom to make decisions about their own lives demonstrate how patriarchal attitudes persist in everyday life.

The study also reveals a significant relationship between patriarchal norms and domestic violence. In addition to physical violence, psychological, economic, and sexual violence negatively affect women's lives. The perception of male authority within the family as natural can facilitate the control of women's behavior and contribute to the normalization of certain forms of violence. In particular, women's decisions to seek divorce, make independent choices about their lives, or challenge social expectations may, in some cases, lead to increased violence and pressure.

Furthermore, the use of the concept of honor to regulate women's behavior constitutes another significant indicator of gender inequality. While certain behaviors by men may be viewed more leniently by society, the same behaviors by women are often subject to harsher judgment. This double standard reveals the persistent inequalities in the treatment of women and men.

In conclusion, improving women's social status in Turkey cannot be achieved solely through legal reforms. Reducing violence and discrimination against women also requires transforming patriarchal social norms and unequal power relations. In this process, promoting gender equality in various social spheres, including education, family, media, law, and employment, is of great importance. Empowering women economically and socially, ensuring their equal participation in decision-making processes, and challenging attitudes that normalize male dominance will contribute to building a more equal and safer society.

REFERENCES:

1. Avşar S. (2017). Toplumsal cinsiyet rolleri bağlamında tarihsel rollerini yitiren erkekliğin çöküşü: Küllerinden «yeni erkekliğin» doğuşu. KADEM Kadın Araştırmaları Dergisi, 2 (3), 224–241.

2. Chase K.A., O'Leary K.D., & Heyman R.E. (2001). Categorizing Partner-Violent Men Within The Reactive-Proactive Typology Model. Journal of Consulting and Clinical Psychology, 69 (3), 567–572.

3. Электронный ресурс. URL: https://www.bbc.com/turkce/articles/ced87ln92zno.

4. Watts C. & Zimmerman C. (2002). Violence Against Women: Global Scope And Magnitude. The Lancet, 359 (9313), 1232–1237.

5. Yazıcı F., & Değer-Şahbaz Y. (2020). Toplumsal cinsiyet bağlamında kadına yönelik şiddet ve Türkiye'de yazılı basına yansıması. Intermedia International E-Journal, 7 (12), 129–149.

6. Yetim D. (2008). Edirne Şehir Merkezinde Kadınlara Yönelik Şiddet Sıklığı ve Etkileyen Faktörler. (Yayımlanmamış Uzmanlık Tezi), Trakya Üniversitesi.

УДК 159

Бовсуновская А.А.
магистрант 3 курса
направление подготовки 44.04.02 «Психолого-педагогическое образование», направленность (профиль) «Психолого-педагогическая коррекция трудностей в обучении»
кафедра специальной психологии
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
(г. Красноярск, Россия)

Научный руководитель:
Черенёва Е.А.
доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой
кафедра специальной психологии
Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
(г. Красноярск, Россия)

ЦИФРОВАЯ СРЕДА КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МЕХАНИЗМОВ САМОРЕГУЛЯЦИИ В ОНТОГЕНЕЗЕ

***Аннотация**: в статье представлен теоретический обзор отечественных и зарубежных исследований по проблеме особенностей саморегуляции в онтогенезе в условиях цифровой среды. Анализируются данные современных эмпирических исследований, раскрывающих специфику влияния цифровых технологий на формирование саморегуляции. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к изучению данного феномена с учётом возрастных закономерностей развития.*

***Ключевые слова**: саморегуляция, самоконтроль, онтогенез, цифровая среда, интернет-зависимость, цифровое устройство, дошкольный возраст, подростковый возраст, юношеский возраст.*

Цифровые технологии и интернет-ресурсы все активнее внедряются во многие сферы жизни современного человека. Привычные для нас смарт-устройства, телевизоры, компьютеры и прочие гаджеты кардинально изменили условия формирования психики нынешнего поколения. Начиная с раннего возраста многие дети становятся не просто случайным пользователем, подобных технологий, а активным участником всего цифрового пространства.

В научном мире все больше исследований посвящено именно интернет-зависимости в разном возрасте, ведь вопрос стоит уже о глобальном влиянии интернет-пространства, а не о зависимости к конкретному устройству, как было ранее. Ввиду чего в современной действительности критическое значение обретает проблема формирования саморегуляции как основной составляющей осознанной регуляции и контроля своего поведения. В педагогике эта способность считается главным фактором, определяющим: академический успех и профессиональные стремления, навык коммуникации как со сверстниками, так и со взрослыми, адаптивные механизмы, физическое и психологическое здоровье.

Исследования отечественных психологов сформировали концептуальный фундамент для современного понимания феномена саморегуляции. Сложившиеся в науке подходы в рассмотрении этого понятия позволяют уточнить его содержание. Согласно определению В.И. Моросановой, саморегуляция – это «интегративные психические процессы, обеспечивающие самоорганизацию психической активности человека как субъекта действий, поведения, жизнедеятельности, а также целостность его индивидуальности» [5, с. 37].

А.О. Конопкин в свои работах рассматривает регуляторные механизмы как гетерохронный и поэтапный процесс, подчиненный специфике возрастных изменений и считает формирование осознанной саморегуляции ключевым продуктом возрастного психического развития любого человека [4].

В дошкольном возрасте психический процесс саморегуляции проходит важный этап становления произвольности своих действий, который обусловлен формированием механизмов торможения и когнитивной гибкости. Эмпирические данные исследований отображают неутешительный вывод о том, что продолжительная цифровая активность пагубно воздействует на развитие регуляторных способностей в этом возрасте и чаще всего проявляется в эмоциональной лабильности, неумении выстраивать межличностные отношения.

Так, исследование Ю.С. Ивановой показало, что сформированный интерес к интернет-ресурсам проявляется у детей уже в раннем возрасте (3-4 лет), а к старшему дошкольному возрасту (5-7 лет) приобретает устойчивую зависимость, сопровождающуюся нестабильными эмоциональными проявлениями по опросу родителей. Также в исследовании опрошенные родители подтвердили наличие агрессивного поведения при попытке ограничить экранное время ребенка, что является важным показателем проявления низкого уровня регуляторных функций этого возраста [3].

В исследование Ю.В. Батеновой и О.Г. Сафоновой наряду с высоким уровнем цифровой зависимости у детей старшего дошкольного возраста, у подавляющего большинства респондентов отмечается средний или низкий уровень сформированности социальных эмоций. В контексте поведенческой регуляции, эти данные свидетельствуют о: наличии у детей трудностей в переключении между деятельностью, отсутствии мотивации и заинтересованности к нецифровой деятельности, трудностях в установлении контакта среди сверстников (интересуются исключительно обсуждением развлекательного-контента).

Что касается младшего школьного возраста, этот возрастной этап принято рассматривать как более восприимчивый для становления волевой регуляции. В первую очередь это обусловлено сменой ведущего вида деятельности с игрового на учебный, который характеризуется систематичностью обучения. Наряду с этим, важную роль играет развитие рефлексивных способностей.

Дети в этом возрасте все больше размышляют о итоге своей деятельности или рассуждают о причинах, которые привели к итоговому результату. Однако регуляторный профиль детей младшего школьного возраста отличается недостаточной сформированностью таких компонентов как планирование и самостоятельность. Это указывает нам на необходимость и важность организующей помощи взрослого, для гармоничного становления этих компонентов.

Одно из наиболее масштабных исследований по изучению связи экранного времени с широким спектром показателей психологического благополучия было проведено зарубежными психологами Дж. М. Твенг, У.К. Кампбелл и коллегами. В их исследовании приняли участие дети и подростки от 2 до 17 лет, что позволило выявить существенные возрастные особенности по проблеме исследования [2].

Так, авторы выявили, что чем старше ребенок, тем больше становится времени, проведенного в цифровых устройствах (ЦУ). Еще в дошкольном возрасте оно может составлять около 2-х часов в день, в школьном возрасте колеблется в пределах 3-4-х часа в день, а к подростковому возрасту достигает порядка 6 часов в день. По точным количественным данным из исследования наибольший прирост наблюдается при переходе с младшего школьного возраста в подростковый.

Важным открытием данной работы является вывод, о том, что пребывание в ЦУ свыше 1 часа в день неразрывно связано с уровнем психического благополучия и имеет негативное воздействие. В том время как люди не являющиеся пользователями ЦУ и пользователи, не превышающие общее время в гаджетах (до 60 минут в день), имеют одинаковый уровень психического благополучия. Что дает нам понимание о важности дозированного использования современных технологий, а не об отказе от них вовсе.

Для нас же ключевым аспектом данного исследования будет являться подтверждение влияния ЦУ на саморегуляцию. Раскрывая эту проблему, авторы выявили прямую взаимосвязь превышающего экранного времени от допустимого для своего возраста с низким уровнем психического благополучия, а именно:

Дети дошкольного и школьного возраста (от 2 до 11 лет) при использовании ЦУ свыше 60 минут показывали заметное состояние перевозбуждения или нервного напряжения, потерю самообладания, а также снижение любознательности.

Дети подросткового возраста (от 11 до 17 лет) при использовании ЦУ свыше 6 часов в день, демонстрируют низкий уровень познавательного интереса, чаще теряют самообладание при столкновении с трудностями, не доводят начатое до конца, а также проявляют низкий эмоциональный самоконтроль при общении с родителями.

Противоположный вывод представлен в теоретическом обзоре Е.И. Николаевой, И.А. Калабиной и других. Авторы считают, что ключевую роль в адаптации к новым условиям цифровой среды играет не отказ или жесткое ограничение экранного времени, а грамотное взаимодействие детей с устройствами и качество их цифрового опыта [6].

Подтверждением этой мысли является исследование зарубежных психологов К. Бернелл, Ф. Андраде, Р.Х. Хойл. Которые в ходе исследования по выявлению взаимосвязи самоконтроля и цифровой активности подростков установили, что большинство подростков с низким уровнем саморегуляции предпочитают использование интернет-ресурсов с развлекательным контентом (просмотр видео и ленты в социальных сетях, видеоигры и т.п.). Тогда как подростки с высоким уровнем по этому показателю демонстрируют преобладание академического интереса по изучение лекций или научного контента [1].

Важно уточнить, что под самоконтролем авторы понимают способность противостоять искушению действовать в угоду желанию «здесь и сейчас», которое в перспективе может затруднить достижение намеченной цели.

В подростковом возрасте, в силу физиологической и психологической перестройки, саморегуляция может характеризоваться неустойчивостью нейродинамического компонента, вспыльчивостью, импульсивностью и нетерпеливостью. Поэтому подростки с изначально низким уровнем саморегуляции входят в группу риска по проблемному использованию цифровых технологий и нуждаются в сопровождении по профилактике интернет-зависимости. Если вовремя заметить трудности с осознанным контролем подростка и поспособствовать становлению эмоциональной устойчивости, навыкам планирования, самостоятельности и рефлексии, то риск проблемного использования интернет-пространства значительно снижается.

Е.А. Сергиенко юношеский возраст связывает с переходом к субъективному уровню регуляции. При переходе из школьной среды в студенчество, молодые люди сталкиваются с новыми задачами, которые требуют смыслового и осознанного подхода к деятельности. Формирование субъективной саморегуляции основано на самостоятельной организации, контроле и оценке собственной деятельности и поведенческой стратегии, ориентированной не на ситуативные аспекты жизни, а на весь жизненный путь целиком.

Эмпирическое исследование Е.Б. Лактионовой показало, что в среднем современные студенты пребывают в смартфонах 7 часов в день, что, как и в детском возрасте, превышает установленные нормы. Важным подтверждением ранее рассмотренных нами исследований является умозаключение о качестве погруженности в цифровую среду, а не только через количественные показатели времени. В исследовании автора цифровая среда выступает фактором, опосредующим эффективность саморегуляции через влияние на базовые когнитивные процессы, а не просто через временной аспект.

Так, стало известно, что чрезмерная вовлеченность в интернет-пространство и значительное экранное время несут в себе заинтересованность когнитивных функций (внимание и его концентрация, устойчивость, скорость восприятия, исполнительный контроль), лежащих в основе саморегуляции.

Заключение: обобщая вышеизложенное, можно сделать выводы о том, что:

формирование саморегуляции проходит возрастные этапы и переходит от ситуативно-эмоционального регулирования к субъективному,

немаловажным фактором в нарушении саморегуляции не только у детей, но и взрослых, помимо времени пребывания в гаджетах, является качество потребляемого контента,

обязательной задачей просветительской и профилактической работы педагогов и психологов в сопровождении детей начиная от дошкольного образования до высших учебных заведений, является предупреждение интернет-зависимости и информирование о использовании цифровых технологий без вреда для психического здоровья. От дошкольного до подросткового возраста родителям и педагогам рекомендуется в рамках комплексного подхода организовывать помощь детям по формированию и укреплению саморегуляции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Burnell K., Andrade F., Hoyle R.H. Longitudinal and Daily Associations between Adolescent Self-Control and Digital Technology Use // Developmental Psychology. 2023. Vol. 59. № 4. P. 720–732. DOI 10.1037/dev0001444
2. Twenge J.M., Campbell W.K. Associations between screen time and lower psychological well-being among children and adolescents: Evidence from a population-based study // Preventive Medicine Reports. 2018. Vol. 12. P. 271–283. DOI 10.1016/j.pmedr.2018.10.003
3. Иванова Н.В., Першина Т.В. Возрастные особенности проявления признаков цифровой зависимости у дошкольников: монография. Череповец, 2020. 206 с.
4. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С. 22–34
5. Моросанова В.И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2010. № 1. С. 36–45
6. Николаева Е.И., Калабина И.А., Прогацкая Т.К., Иванова Е.В. Основные правила ознакомления дошкольников с цифровой средой: обзор исследований // Психология в России: современное состояние. 2023. Т. 16. № 4. С. 37–54

Bovsunovskaya A.A.
master's degree student of 3rd year
field of study 44.04.02 «Psychological and Pedagogical Education», specialization «Psychological and Pedagogical Remediation of Learning Difficulties»
Department of Special Psychology
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

Scientific advisor:
Chereneva E.A.
PhD in Psychology, Professor, Head of Department
Department of Special Psychology
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

DIGITAL ENVIRONMENT AS A FACTOR IN TRANSFORMING SELF-REGULATION MECHANISMS DURING ONTOGENESIS

Abstract: *the article presents a theoretical review of Russian and international research on self-regulation across ontogenesis in digital environments. It examines findings from recent empirical studies on how digital technologies influence the development of self-regulation. It also argues for a differentiated approach to studying this phenomenon that accounts for age-related patterns of development.*

Keywords: *self-regulation, self-control, ontogenesis, digital environment, internet addiction, digital device, preschool age, adolescence, young adulthood.*

УДК 159

Горепекина М.Г.
магистрант 3 курса
профиль «Прикладная психолингвистика»,
факультет общей и социальной психологии
Московский психолого-социальный университет
(г. Москва, Россия)

Кондратенко И.В.
кандидат психологических наук, доцент
кафедра социальной психологии
Московский психолого-социальный университет
(г. Москва, Россия)

СТРАТЕГИИ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В СИТУАЦИИ КОНФЛИКТА

***Аннотация**: статья посвящена теоретическому анализу стратегий поведения студенческой молодежи в конфликтных ситуациях. Рассматривается актуальность проблемы в контексте повышенной конфликтогенности образовательной среды и специфики юношеского возраста. Представлены основные теоретические подходы к пониманию конфликтного поведения: модель К. Томаса — Р. Килманна (сотрудничество, соперничество, компромисс, избегание, приспособление) и концепция совладающего (копинг-) поведения. Анализируются эмпирические данные о предпочтительных стратегиях студентов, курсовые и кросс-культурные различия, взаимосвязь между уровнем конфликтности и выбором стратегий. Выделяются психологические детерминанты поведения в конфликте: эмоциональный интеллект, ответственность, самоотношение, толерантность к неопределенности, жизнестойкость, социабельность и культурно-ценностные факторы.*

***Ключевые слова**: студенческая молодежь, конфликтное поведение, стратегия конфликтного взаимодействия, модель Томаса — Килманна, совладание, эмоциональный интеллект.*

Современное высшее образование функционирует в условиях нарастающей социальной, экономической и информационной неопределенности, что ведет к увеличению конфликтогенности образовательной среды. Университет рассматривается исследователями как социальная организация с высокой плотностью горизонтальных и вертикальных связей, пересечением полномочий и ролевых ожиданий, что объективно повышает риск возникновения конфликтов между различными субъектами образовательного процесса [5]. Конфликтные ситуации становятся привычным элементом повседневной жизни студенческой молодежи и проявляются как в учебно-профессиональной сфере, так и в межличностных отношениях в группе, студенческом сообществе, семье.

Юношеский возраст, к которому относится большинство студентов, является сенситивным периодом для становления идентичности, системы ценностей и социальных ролей и одновременно характеризуется высокой конфликтностью и эмоциональной неустойчивостью. Усложнение требований, необходимость адаптации к новым социальным условиям, неопределенность профессиональных перспектив усиливают стрессовое воздействие среды, что делает стратегии поведения в конфликте ключевым фактором психологического благополучия, успешности обучения и качества межличностных отношений [7]. В этой связи особую актуальность приобретает теоретический анализ поведенческих стратегий студенческой молодежи в конфликтных ситуациях, их типологии, детерминант и последствий для личностного и профессионального развития.

В психологической литературе поведение в конфликтной ситуации чаще всего описывается через категории стратегий и стилей, задающих устойчивые способы реагирования на противоречия и противостояние интересов. В рамках конфликтологического направления широкое распространение получила модель К. Томаса – Р. Килманна, выделяющая пять базовых стратегий поведения в конфликте: сотрудничество, соперничество, компромисс, избегание и

приспособление. Основанием для типологии выступают два измерения – напористость (ориентация на отстаивание собственных интересов) и кооперативность (ориентация на учет интересов партнера) [1].

Параллельно развивалась концепция совладающего (копинг-) поведения, в рамках которой конфликт понимается как разновидность стрессовой ситуации, требующей мобилизации психологических ресурсов личности. В работах Р. Лазаруса, С. Фолкман и их последователей стратегии совладания описываются через такие категории, как планирование решения проблемы, поиск социальной поддержки, бегство-избегание, дистанцирование, самообвинение, поиск виновных, переоценка ситуации и др. Критерием классификации выступают направленность (на ситуацию, на себя, на других), модальность (когнитивная, эмоциональная, поведенческая) и адаптивность – дезадаптивность избираемых стратегий [1].

В юношеском возрасте конфликтное и копинг-поведение тесно взаимосвязаны: конфликтные ситуации становятся важнейшим полем приложения совладающих стратегий, а выбранные способы поведения в конфликте выступают индикатором личностных ресурсов и ограничений студенческой молодежи. При этом продуктивными признаются такие стратегии, которые способствуют конструктивному разрешению конфликта, сохранению или улучшению отношений (сотрудничество, компромисс, адаптивные когнитивные копинги), тогда как непродуктивные связаны с эскалацией напряжения, уходом от проблемы или деструкцией взаимодействия (агрессивное соперничество, хроническое избегание, самообвинение, поиск виновных) [6].

Исследования показывают, что студенческий период сопровождается большим количеством конфликтов, связанных с адаптацией к вузу, сменой социального окружения, перестройкой привычного образа жизни и распределением ролей в учебной группе. Дополнительными конфликтогенными факторами выступают неопределенность социального статуса, материальная нестабильность, интенсификация учебной нагрузки и необходимость выстраивания новых форм взаимодействия с преподавателями [4].

Конфликты студенческой молодежи разворачиваются в нескольких основных плоскостях: межличностные конфликты между студентами, конфликты «студент – преподаватель», а также конфликты в семейном контексте, связанном с ожиданиями родителей и самостоятельностью молодого человека. Эмпирические исследования показывают, что в зависимости от типа оппонента и ситуации студенты склонны варьировать стратегии поведения: например, в конфликтах с преподавателями более выражены тенденции к уступкам или избеганию, тогда как во взаимодействии с ровесниками чаще применяются компромисс и сотрудничество.

Образовательная среда вуза является не только источником конфликтов, но и пространством формирования конструктивных способов их разрешения. В условиях цифровой трансформации высшего образования, усиления дистанционных форм взаимодействия и возрастания неопределенности будущего растет потребность в развитии у студентов компетенций, связанных с конфликтологической грамотностью и ответственным поведением в трудных социально-психологических ситуациях.

Ряд исследований, проведенных с участием студентов, демонстрирует преимущественное использование молодежью относительно конструктивных стратегий поведения в конфликте. Так, данные, полученные с помощью методики К. Томаса, свидетельствуют, что наиболее предпочитаемой стратегией среди студентов является сотрудничество, затем – компромисс, в то время как соперничество используется реже всего. Аналогичные результаты показывают выборки, где ведущими стилями являются компромисс и сотрудничество, а уклонение и приспособление занимают промежуточное положение [3].

Одновременно отмечается и значительная представленность менее адаптивных копинг-стратегий у студентов в межличностных конфликтах. Исследование С.А. Корзун показало, что в ситуации межличностного конфликта студенты нередко прибегают к стратегиям «повышение самооценки», «самообвинение» и «поиск виновных», которые могут приводить к закреплению внутреннего напряжения и не способствуют конструктивному разрешению

противоречий. При этом существенных различий между студентами первого и второго курсов в выборе копинг-стратегий обнаружено не было, что указывает на относительную устойчивость этих поведенческих паттернов на ранних этапах обучения [2].

Интересны данные кросс-культурных исследований. В работе, посвященной сравнению стратегий конфликтного поведения российских и немецких студентов, показано, что российские респонденты чаще используют стратегию ухода в ситуациях конфликта с преподавателем и другими студентами, тогда как немецкие студенты отдают предпочтение сотрудничеству. В конфликте с родителями российская молодежь чаще прибегает к уступкам, в то время как немецкая – к сотрудничеству, что отражает различия культурных норм и представлений о приемлемых формах выражения несогласия [4].

В отечественных исследованиях обращается внимание на связь уровня конфликтности личности и спектра используемых стратегий. Показано, что так называемые «конфликтные» студенты, часто вступающие в конфликты, используют более широкий набор поведенческих стратегий, но при этом нередко предпочитают компромисс и сотрудничество, а не исключительно агрессивное соперничество. «Неконфликтные» студенты демонстрируют более узкий репертуар стратегий, отдавая предпочтение компромиссу и избеганию, что позволяет им поддерживать внешнюю гармонию отношений, но не всегда способствует полноценному разрешению глубинных противоречий.

Теоретический анализ научных публикаций, посвященных поведению студенческой молодежи в конфликтных ситуациях, позволяет сделать ряд обобщающих выводов. Во–первых, студенческий возраст является периодом повышенной конфликтогенности, в котором стратегии поведения в конфликте выполняют важную адаптационную и развивающую функцию, определяя качество межличностных отношений, успешность обучения и психологическое благополучие. Во–вторых, эмпирические исследования показывают, что в целом студенты склонны к использованию относительно конструктивных стратегий – сотрудничества и компромисса, при сравнительно низкой выраженности

соперничества, однако значительная часть молодежи прибегает и к менее адаптивным копинг-формам, таким как избегание, самообвинение и поиск виновных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Валиев Р.А., Каримова В.Г. Основы конфликтологии: учебное пособие / Уральский государственный педагогический университет. Екатеринбург: [б. и.], 2021. 148 с.
2. Корзун С.А. Стили совладающего поведения студентов педагогического вуза // Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка. 2019.
3. Крутько И.С., Попова Н.В., Толвайшис Л.Л. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. 196 с.
4. Логашенко Ю.А. Межкультурная сенситивность студентов в полиэтничной среде: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук. 2015. Т. 19. С. 05–24.
5. Сабурова Л.А. Региональное академическое сообщество в условиях реформирования: основные трансформации и восприятие перемен // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 211–228.
6. Чернышева Е.В. Взаимосвязь коммуникативных качеств и стрессоустойчивости в юношеском возрасте // Педагогическое образование в России. 2017. № 8. С. 103–113.
7. Шилова Н.П. Формирование жизненного пространства в юношеском возрасте // Психология и психотехника. 2023. № 2. С. 11–23.

Gorepekina M.G.
master's degree student of 3rd year
«Applied Psycholinguistics» specialization,
Faculty of General and Social Psychology
Moscow Psychological and Social University
(Moscow, Russia)

Kondratenko I.V.
PhD in Psychology, Associate Professor
Department of Social Psychology
Moscow Psychological and Social University
(Moscow, Russia)

BEHAVIORAL STRATEGIES OF UNIVERSITY STUDENTS IN CONFLICT SITUATIONS

Abstract: *this article presents a theoretical analysis of behavioral strategies used by university students in conflict situations. It examines the relevance of this issue in the context of heightened conflict potential in educational environments and the developmental characteristics of late adolescence. The main theoretical approaches to conflict behavior are presented: the Kenneth Thomas–Ralph Kilmann model (collaboration, competition, compromise, avoidance, and accommodation) and the concept of coping behavior. Empirical findings on students' preferred strategies, differences by year of study and across cultures, and the relationship between propensity for conflict and strategy choice are analyzed. Psychological determinants of conflict behavior are identified, including emotional intelligence, responsibility, self-attitude, tolerance of uncertainty, hardiness, sociability, and cultural and value-related factors.*

Keywords: *university students, conflict behavior, conflict interaction strategy, Thomas–Kilmann model, coping, emotional intelligence.*

УДК 159

Горепекина М.Г.
магистрант 3 курса
профиль «Прикладная психолингвистика»,
факультет общей и социальной психологии
Московский психолого-социальный университет
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель:
Лях Ю.А.
доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой
кафедра общей и специальной педагогики
Московский психолого-социальный университет
(г. Москва, Россия)

ЛИЧНОСТНАЯ КОНФЛИКТНОСТЬ И КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ СТУДЕНТОВ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

***Аннотация**: работа посвящена коммуникативному поведению студентов в конфликтных ситуациях. Психологической службе вуза нужно понимать, какие особенности общения студента требуют помощи, и для этого необходима теоретически выверенная рамка исследования. Цель статьи состоит в том, чтобы развести личностные, поведенческие и речевые характеристики конфликтного взаимодействия и показать, как изучать их совместно в студенческой среде. В работе сопоставлены основные понятия и выполнен нарративный обзор отечественных и зарубежных публикаций о коммуникативных стратегиях, поведении в конфликте и эмоциональной регуляции, а также о типичных ошибках при сравнении групп. Предложена аналитическая схема с четырьмя объектами оценки: личностная конфликтность, стратегия поведения в конфликте, речевые тактики и коммуникативная компетентность. Конструктивность взаимодействия предлагается оценивать по контексту, а не по названию стратегии, которую предпочитает студент.*

Курс обучения нельзя считать прямым показателем конфликтности или личностной зрелости. Сформулированы требования к сочетанию опросных и речевых данных, к проверке согласованности экспертов при кодировании и к выбору статистических процедур. Описаны принципы психологического сопровождения, которое строится вокруг индивидуальных трудностей в общении, эмоциональной саморегуляции и гибкости поведения. Схему можно использовать при планировании исследований и консультативно-развивающей работы в вузе. Положения статьи носят теоретико-методологический характер и нуждаются в эмпирической проверке.

***Ключевые слова**: личностная конфликтность, коммуникативная стратегия, студент, речевая тактика, поведение в конфликте, эмоциональная регуляция, психологическое сопровождение.*

Введение.

Коммуникативные стратегии студента нельзя изучать в отрыве от его личностных особенностей, условий, в которых идёт общение, и конкретных речевых действий. Психологу, который работает в вузе, мало знать, какой способ поведения студент предпочитает. Важнее понять, подходит ли этот способ к ситуации, позволяет ли он отстоять свою позицию и при этом считаться с правами собеседника. Отсюда вытекает задача отделить устойчивую склонность к конфликтному реагированию от того, как человек ведёт себя в отдельном эпизоде разногласий.

Опору для такого разделения дают работы о коммуникативных стратегиях и конфликтном взаимодействии. О. С. Иссерс связывает речевое общение с тем, как говорящий планирует и контролирует свои коммуникативные действия [1]. О. И. Муравьева соотносит уровни общения с основными стратегиями взаимодействия и показывает, что они различаются отношением к партнёру [3]. К. Томас описывает способы поведения в конфликте как сочетание двух ориентаций, на собственные интересы и на интересы другой стороны [8]. Эти подходы относятся к разным аналитическим уровням. Если объединять их в одном исследовании, связи между понятиями нужно прописать явно.

Методологическая трудность появляется, когда баллы по опроснику поведения в конфликте прямо толкуют как особенности речи, а курс, на котором учится студент, принимают за показатель его личностной конфликтности. Тогда неясно, какое свойство на самом деле измерено и на каких данных держится итоговый вывод. Сходная ошибка возникает, если сотрудничество заранее считают конструктивной стратегией, а соперничество и избегание деструктивными, не разбирая конкретную ситуацию.

Цель статьи состоит в том, чтобы предложить аналитическую схему изучения личностной конфликтности и коммуникативных стратегий студентов, которая связывает между собой понятийный аппарат, способы сбора данных и границы их интерпретации. Исследовательский вопрос мы формулируем так: какие характеристики нужно различать, чтобы результаты диагностики давали содержательное основание для психологического сопровождения студентов?

Материалы и методы.

Статья носит теоретико-методологический характер, литература проанализирована в форме нарративного обзора. В него вошли девять отечественных и зарубежных публикаций, отобранных по содержанию. Отбор шёл по трём темам. Первая касается коммуникативных стратегий и конфликтного взаимодействия, вторая охватывает эмоциональные ресурсы, за счёт которых человек регулирует поведение, третья относится к методологическим требованиям к анализу психологических данных. Выходные данные сверялись по страницам научных изданий, университетским ресурсам и научным каталогам. В анализ включались теоретические положения и те описания результатов, которые были нам доступны, разделам публикаций, к которым доступа не было, дополнительные выводы не приписывались.

Мы сопоставляли определения, разводили уровни анализа и проверяли, соответствует ли каждый исследовательский вывод способу, которым получены данные. Обзор несистематический, то есть задачи найти все публикации по теме и количественно объединить их результаты не ставилось. Собственных эмпирических данных в статье нет. Итог работы составляют аналитическая схема и методологические рекомендации. Проверенной причинной модели или оценки эффективности какой-либо психологической программы статья не содержит.

Результаты и обсуждение.

Личностный, поведенческий и речевой уровни анализа.

В предлагаемой схеме личностная конфликтность понимается как относительно устойчивая склонность реагировать на разногласия конфликтно. Оценивать её нужно по индивидуальным данным. Из такого рабочего определения не следует, что человек с высокой конфликтностью обязательно начинает каждый конфликт или ведёт себя одинаково в любых обстоятельствах. Само по себе разногласие тоже ничего не говорит о конфликтности личности. За ним могут стоять несовместимые интересы, нарушенные договорённости или необходимость защитить собственные границы.

Коммуникативную стратегию мы рассматриваем как общую направленность, по которой человек выстраивает взаимодействие, а речевую тактику как способ воплотить эту направленность в отдельном высказывании или цепочке высказываний. Такое понимание согласуется с тем, как О.С. Иссерс описывает планирование речевого поведения [1]. Для исследователя это значит, что предполагаемую цель участника и наблюдаемые речевые действия надо описывать по отдельности. Например, по одному лишь несогласию нельзя определить, хочет ли человек прекратить сотрудничество или уточнить условия, на которых оно продолжится.

Стратегия поведения в конфликте показывает, как человек обходится с противоречием интересов. К. Томас выделяет соперничество, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление [8]. Из названия категории при этом ничего нельзя узнать о лексике высказываний, их категоричности или наличии угроз. Одно и то же поведение может выражаться очень разными речевыми средствами. Поэтому опросник предпочтений и анализ высказываний дают сведения разного рода, и один источник не может подменить другой.

Под коммуникативной компетентностью в схеме понимается способность выбирать и осуществлять способы взаимодействия с учётом задачи и условий общения. Мы не считаем её простой противоположностью личностной конфликтности и оцениваем отдельно. Студент может сильно раздражаться и всё же не переходить к оскорблениям. Бывает и обратная картина, когда человек внешне соглашается, но не умеет сказать, чего хочет сам. Такие примеры объясняют, почему одной оценки «конструктивности личности» не хватает для описания коммуникативного поведения.

В итоге схема включает четыре объекта оценки. Это склонность к конфликтному реагированию, предпочитаемый способ поведения в конфликте, конкретные речевые действия и способность гибко строить общение. Каждый из них интерпретируется только с учётом контекста, то есть характера разногласий, отношений между участниками, ограничений по времени и безопасности. Теоретический смысл такого разделения в том, что оно не даёт подменять один психологический конструкт другим.

Контекст и конструктивность взаимодействия.

Если сопоставить подходы к уровням общения и к поведению в конфликте, описание стратегии можно отделить от оценки того, к чему она приводит [3, 8]. Конструктивность в нашей схеме не сводится к отсутствию разногласий и не требует, чтобы стороны непременно пришли к согласию. Мы предлагаем опираться на пять критериев. Обсуждение остаётся предметным, в нём нет унижения и угроз, каждый участник может заявить свои интересы, реакция соразмерна ситуации, в итоге найдено решение, приемлемое для участников, или контакт прекращён безопасно.

С этой точки зрения временная пауза в общении может помочь избежать эскалации, если человек понятно объясняет, зачем она нужна, и договаривается вернуться к разговору. Если же значимый вопрос раз за разом откладывают, оценка будет иной. Точно так же настойчивость в отстаивании позиции отличается от давления. Настойчивый собеседник сохраняет уважение к партнёру, а давление лишает партнёра возможности свободно возразить. Эти различия мы предлагаем как ориентиры для анализа ситуаций, а не как готовую валидизированную диагностическую классификацию.

Студенты общаются с однокурсниками, преподавателями и людьми, с которыми встречаются на учебно-профессиональной практике, и эти контексты нужно различать. Одна и та же фраза звучит по-разному в разговоре равных и там, где один участник сильно зависит от другого. Поэтому за единицу анализа разумнее брать коммуникативный эпизод с описанными условиями, а не отдельное слово или общую самооценку общительности.

Эмоциональные ресурсы и пределы их объяснительной силы.

Эмоциональную регуляцию стоит рассматривать как самостоятельную линию анализа конфликтного взаимодействия. Дж. Гросс в своём обзоре выделяет выбор и изменение ситуации, управление вниманием, когнитивное изменение и регуляцию эмоционального ответа [5]. Для нашей темы это различение полезно тем, что позволяет говорить о работе с ситуацией до того, как она обострилась, а не только о сдерживании уже возникшей реакции. Регулировать эмоции при этом не значит подавлять любую отрицательную эмоцию.

Н. Б. Казначеева и Е. С. Синельникова, изучавшие студентов, обнаружили отрицательные корреляции эмоционального интеллекта и толерантности с отдельными показателями агрессивности и конфликтности [2]. Эти данные дают основание включить эмоциональные характеристики в программу исследования. Однако корреляционный дизайн не позволяет заключить, что развитие эмоционального интеллекта снижает конфликтность, и не даёт права утверждать, что он опосредует связь между конфликтностью и коммуникативной стратегией.

М. А. Винарди, К. Прентис и С. Уивен в систематическом обзоре объединили 29 исследований эмоционального интеллекта и управления конфликтами и обратили внимание на значение культурного и организационного контекста [9]. Для студенческого общения эти выводы служат ориентиром, но в образовательной среде их ещё нужно проверить. Взятые вместе, рассмотренные работы позволяют выдвинуть предположение о значимости эмоциональных ресурсов, однако не дают оснований считать эту зависимость универсальной.

Отдельно стоит сказать о термине «медиатор». Называть переменную медиатором можно только после проверки конкретной модели опосредования, её психологической важности для этого недостаточно. С. Максвелл и Д. Коул показывают, чем ограничены поперечные данные, когда с их помощью оценивают процессы опосредования, растянутые во времени [7].

Поэтому предполагаемые механизмы изменения коммуникативного поведения нужно отличать от установленных статистических связей.

Требования к эмпирической проверке схемы.

Первая группа требований касается выборки и переменных. Курс обучения описывает образовательный контекст, и учитывать его нужно, но индивидуальную диагностику конфликтности он не заменяет. Если исследователь сравнивает студентов младших и старших курсов, его вывод относится именно к этим группам. Чтобы сравнивать людей по уровню конфликтности, группы надо формировать по отдельному основанию и определять его до анализа результатов. Когда обоснованных пороговых значений нет, лучше работать с индивидуальными количественными показателями и не делить выборку искусственно.

Возраст, направление подготовки, опыт совместной работы и другие характеристики, которые могут повлиять на результат, описываются настолько подробно, насколько этого требует исследовательский вопрос. Поперечное сравнение студентов разных курсов ничего не говорит о том, как изменился за время учёбы один и тот же человек. Для этого нужны повторные измерения. Значит, утверждения о росте или снижении конфликтности в ходе обучения нельзя подкреплять различиями между независимо набранными группами.

Вторая группа требований относится к инструментам. Название методики, её автор, версия, шкалы и способ подсчёта баллов должны совпадать с тем, что указано в руководстве. Нормы одной версии нельзя переносить на другую, а состав интегрального показателя нельзя менять без отдельного обоснования. Для каждого инструмента заранее указывается, какой элемент схемы он измеряет и каких выводов по нему делать не предполагается.

Письменное задание, в котором студент описывает своё поведение в конфликте, может дополнить опросники, но проективной методикой от этого не становится. Оно показывает, как участник излагает свои действия в тексте и как он сам представляет своё общение. Наблюдения за реальным конфликтом такие данные не заменяют. Чтобы изучать речевые тактики обоснованнее, мы предлагаем использовать несколько стандартизированных ситуаций с разным содержанием разногласий и разными условиями взаимодействия и давать всем участникам одинаковую инструкцию.

Прежде чем проводить контент-анализ таких текстов, нужно определить единицу кодирования, категории и правила, по которым высказывание относят к той или иной категории. Например, несогласие с предложением собеседника кодируется иначе, чем негативная оценка его личности. Если разметку выполняют два независимых эксперта, согласованность номинального кодирования можно оценить с помощью коэффициента к Коэна [4]. В отчёте приводится фактически полученное значение и описывается, как разрешались расхождения. Согласие, к которому эксперты пришли после совместного обсуждения, не заменяет оценки их первоначальной независимой разметки.

Третья группа требований связана со статистическими выводами. Сравнение независимых групп, анализ индивидуальных связей и анализ частот категорий отвечают на разные вопросы. Критерий Манна–Уитни не может заменить корреляционный анализ, а различие средних ещё не доказывает, что личностное свойство причинно влияет на результат. Если от одного участника получено несколько высказываний, эти наблюдения зависимы, и это нужно учитывать, чтобы объём выборки не рос искусственно за счёт речевых фрагментов.

Когда проверяется много показателей, порядок статистического анализа определяют заранее. Для контроля множественных проверок можно использовать, например, процедуру Холма [6]. Помимо уровней значимости следует приводить величины эффектов и, где возможно, доверительные интервалы.

Число значимых различий само по себе не говорит о качестве исследования. Содержательный вывод зависит от того, какие показатели различаются, насколько велико различие и отвечает ли оно на исходный исследовательский вопрос.

Принципы психологического сопровождения студентов.

На практике схема помогает уйти от ярлыка «конфликтный студент» и описать, с какими трудностями он сталкивается и на какие ресурсы может опереться. Сопровождение предлагается строить исходя из индивидуального сочетания эмоционального реагирования, способов разрешения разногласий, речевых действий и условий общения. Курс, на котором учится студент, можно учитывать при подборе учебных ситуаций, но содержание психологической помощи он автоматически не определяет.

Первое направление работы нацелено на то, чтобы студент научился замечать ситуации, в которых у него возникает напряжение, и видеть, как переживание переходит в действие. Для этого можно разбирать конкретные эпизоды и выделять в них эмоциональную реакцию, то, как студент её истолковал, и высказывание, которое за этим последовало. Такой разбор соответствует дифференцированному взгляду на процессы эмоциональной регуляции [5]. Задача в том, чтобы у студента стало больше способов реагировать, а внешнее спокойствие любой ценой целью работы не считается.

Второе направление связано с расширением набора речевых действий. Студент учится описывать конкретную трудность, формулировать просьбу, уточнять позицию собеседника, аргументированно возражать, предлагать альтернативу и обозначать границы. В качестве упражнения можно предложить переделать обобщённое обвинение в сообщение о наблюдаемом действии и его последствиях. Оценивать при этом нужно не точность воспроизведения готовой формулы, а то, подходит ли высказывание к задаче и можно ли после него продолжать разговор по существу.

Третье направление касается выбора способа поведения в зависимости от ситуации. У учебных случаев, которые разбираются на занятиях, должно быть несколько обоснованных решений, в том числе обращение за помощью или выход из небезопасного взаимодействия. Требование всегда сотрудничать не должно заслонять оценку угроз, неравенства возможностей и права участника отказаться от контакта. Для младших и старших курсов случаи можно подбирать разные по содержанию, но сложность и цели работы определяются выявленными потребностями студентов.

Эти направления опираются на теорию, но как программа они ещё не апробированы. Чтобы проверить их эффективность, нужно заранее определить, какие результаты предполагается изменить, провести оценку до и после работы, предусмотреть группу сравнения и по возможности отсроченное измерение. Студенты участвуют добровольно, результаты диагностики остаются конфиденциальными и никак не связаны с академическими оценками. О пользе сопровождения следует судить по тому, стали ли студенты лучше справляться с коммуникативными задачами, одной удовлетворённости занятиями для такого вывода мало.

Ограничения исследования.

Анализ опирается на ограниченный круг целенаправленно отобранных источников и не описывает предметную область исчерпывающе. Часть зарубежных работ посвящена взаимодействию в организациях, а не в студенческой среде, и перенос их выводов на образовательный контекст требует проверки. Рабочие определения и критерии конструктивности ещё предстоит операционализировать и проверить на надёжность. Статья не устанавливает, насколько распространены те или иные стратегии среди студентов, различаются ли курсы между собой и влияет ли личностная конфликтность на речь причинно.

Заключение.

В результате теоретико-методологического анализа предложена схема, в которой личностная конфликтность, стратегия поведения в конфликте, речевые тактики и коммуникативная компетентность связаны между собой, но не отождествляются. Её главное назначение в том, чтобы исследовательский вопрос, измеряемый показатель и допустимый уровень вывода соответствовали друг другу. При таком подходе предпочтения, выявленные опросником, не выдаются за свойства речи, а курс обучения не подменяет индивидуальную психологическую диагностику.

Конструктивность взаимодействия предложено оценивать с учётом контекста. Значение имеют предпочитаемый способ поведения, содержание разногласий, форма, в которой человек выражает позицию, безопасность участников и последствия взаимодействия. Эмоциональная регуляция выглядит перспективным направлением и для исследований, и для сопровождения, однако говорить о её причинной или опосредующей роли можно только при соответствующем дизайне и анализе.

Практический итог работы составляют принципы индивидуального психологического сопровождения, которое помогает студенту лучше регулировать эмоции, расширять речевой репертуар и обоснованно выбирать способ разрешения разногласий. Следующий шаг видится в эмпирической проверке схемы на сочетании опросных, ситуационных и наблюдательных данных. Такая проверка позволит описывать коммуникативные трудности студентов точнее, чем это делают обобщённые оценки конфликтности, и даст проверяемые основания для психологической помощи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 5-е изд. Москва: ЛКИ, 2008. 288 с. ISBN 978-5-382-00698-7. URL: https://www.mce.biophys.msu.ru/rus/books/book42289/ (дата обращения: 04.09.2026).
2. Казначеева Н.Б., Синельникова Е.С. Эмоциональный интеллект и толерантность как психологические предпосылки снижения агрессивности и конфликтности у студентов // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2022. № 3 (205). С. 574–577. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.3.p574-577.
3. Муравьева О.И. Уровни общения и основные коммуникативные стратегии // Сибирский психологический журнал. 2002. № 16–17. С. 7–12. URL: https://journals.tsu.ru/uploads/import/1402/files/016-017-007.pdf (дата обращения: 04.09.2026).
4. Cohen J. A coefficient of agreement for nominal scales // Educational and Psychological Measurement. 1960. Vol. 20, no. 1. P. 37–46. DOI 10.1177/001316446002000104.
5. Gross J.J. The emerging field of emotion regulation: An integrative review // Review of General Psychology. 1998. Vol. 2, no. 3. P. 271–299. DOI 10.1037/1089-2680.2.3.271.
6. Holm S. A simple sequentially rejective multiple test procedure // Scandinavian Journal of Statistics. 1979. Vol. 6, no. 2. P. 65–70. URL: https://www.jstor.org/stable/4615733 (дата обращения: 04.09.2026).
7. Maxwell S.E., Cole D.A. Bias in cross-sectional analyses of longitudinal mediation // Psychological Methods. 2007. Vol. 12, no. 1. P. 23–44. DOI 10.1037/1082-989X.12.1.23.
8. Thomas K.W. Conflict and conflict management: Reflections and update // Journal of Organizational Behavior. 1992. Vol. 13, no. 3. P. 265–274. DOI 10.1002/job.4030130307.
9. Winardi M.A., Prentice C., Weaven S. Systematic literature review on emotional intelligence and conflict management // Journal of Global Scholars of Marketing Science. 2022. Vol. 32, no. 3. P. 372–397. DOI 10.1080/21639159.2020.1808847.

Gorepekina M.G.
master's degree student of 3rd year
«Applied Psycholinguistics» program, Faculty of General and Social Psychology
Moscow Psychological and Social University
(Moscow, Russia)

Scientific advisor:
Lyakh Yu.A.
PhD in Education, Professor, Head of Department
Department of General and Special Pedagogy
Moscow Psychological and Social University
(Moscow, Russia)

DISPOSITIONAL CONFLICT PRONENESS AND STUDENTS' COMMUNICATION STRATEGIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Abstract: *this article examines students' communication behavior in conflict situations. University psychological services need to understand which aspects of student communication call for support, doing so requires a sound theoretical framework. The article aims to distinguish dispositional, behavioral, and linguistic characteristics of conflict interaction and show how they can be studied together among university students. Key concepts are compared, and a narrative review is conducted of Russian and international publications on communication strategies, conflict behavior, emotional regulation, and common mistakes in group comparisons. An analytical framework is proposed with four objects of assessment: dispositional conflict proneness, conflict behavior strategies, linguistic tactics, and communicative competence. Constructive interaction should be assessed in context rather than inferred from the label of a student's preferred strategy. Year of study cannot be treated as a direct indicator of conflict proneness or personal maturity. Requirements are outlined for combining questionnaire and speech data, checking inter-rater agreement in coding, and selecting statistical procedures. The article also describes principles of psychological support focused on individual communication difficulties, emotional self-regulation, and behavioral flexibility. The framework can be used to plan research and counseling and developmental work at universities. The article's propositions are theoretical and methodological and require empirical testing.*

Keywords: *dispositional conflict proneness, communication strategy, university student, linguistic tactic, conflict behavior, emotional regulation, psychological support.*

УДК 159.9

Сергеенко М.А.
магистрант
кафедра консультативной психологии
Международный институт консультативной психологии,
психоанализа и нейропсихологии
Московский психолого-социальный университет
(г. Москва, Россия)

Научный руководитель:
Шапошникова Т.Д.
кандидат педагогических наук, доцент
Международный институт консультативной психологии,
психоанализа и нейропсихологии
Московский психолого-социальный университет
(г. Москва, Россия)

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ МАТЕРЕЙ ДОШКОЛЬНИКОВ И РАЗРАБОТКА ПРОГРАММЫ ЕГО ПРОФИЛАКТИКИ

***Аннотация**: в статье анализируются психологические факторы, определяющие развитие материнского выгорания у женщин с детьми дошкольного возраста (N = 66). Обнаружено, что у большинства матерей хронический родительский стресс компенсируется высокой смысловой ценностью родительской роли, из-за чего напряжение соматизируется и проявляется в виде физических недомоганий. Установлены значимые обратные (отрицательные) связи эмоционального выгорания матерей с интернальным локусом контроля в сфере достижений и общей удовлетворенностью материнством. Представлен план авторской тренинговой программы «Опора материнства», составленной с учетом выявленных в исследовании эмпирических мишеней.*

***Ключевые слова**: материнство, эмоциональное выгорание, локус контроля, удовлетворенность, родительский стресс, психологическая профилактика, тренинговая программа.*

Синдром выгорания давно вышел за рамки сугубо профессиональной деятельности. В последние годы в психологическом консультировании растет число обращений от женщин, испытывающих хроническое истощение, упадок сил и снижение родительской эффективности. Особенно уязвимы матери, воспитывающие детей дошкольного возраста. Этот период требует от женщины постоянного включения в режиме многозадачности, в то время как социальные ожидания и идеализированные образы материнства в массовой культуре усиливают внутреннее давление и провоцируют глубокий ролевой конфликт.

Несмотря на наличие фундаментальных исследований выгорания [3, с. 91, 8, с. 99] и отдельных работ по родительскому стрессу [1, с. 54, 7, с. 154], специфика эмоциональных кризисов у матерей дошкольников изучена недостаточно. В частности, малоизученными остаются такие внутренние регуляторные механизмы психики, как удовлетворенность материнством и локус контроля, которые могут служить естественным механизмом защиты от хронического стресса. Данная работа направлена на выявление этих взаимосвязей и поиск прикладных способов психологической помощи.

В эмпирическом исследовании, проходившем с января по май 2026 года, приняли участие 66 матерей, воспитывающих детей в возрасте до 7 лет включительно (возрастной диапазон респондентов от 23 до 51 года). Сбор данных проходил в формате онлайн-тестирования на платформе Google Формы. Выборка характеризуется высокой социальной стабильностью: 92,4% женщин состоят в зарегистрированном браке, 87,9% имеют высшее образование. Почти половина опрошенных (47,0%) временно не работают (находятся в декретном отпуске или ведут домашнее хозяйство), а 31,8% совмещают воспитание детей с удаленной работой в онлайн-режиме.

Диагностический комплекс включал: авторскую социально-демографическую анкету, опросник эмоционального выгорания у матерей Л. А. Базалевой, шкалу тревожности STAI Ч. Д. Спилбергера (в адаптации Ю. Л. Ханина) [6, с. 5], шкалу родительского стресса PSS (в адаптации О. А. Токаревой), опросник уровня субъективного контроля УСК (Е. Ф. Бажин, Е. А. Голынкина, А. М. Эткинд) и опросник удовлетворенности материнством Е. И. Захаровой. Статистический анализ выполнен с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Статистическая обработка данных проводилась с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена r_s и t-критерия Стьюдента.

Анализ результатов диагностики по методике Л. А. Базалевой [1, с. 112] выявил, что эмоциональное выгорание у матерей дошкольников носит специфический, соматизированный характер. Так, у 66,7% респондентов полностью сформирован симптом «психосоматические нарушения». При этом классические эмоциональные компоненты истощения, такие как «личностная отстраненность» (81,8% не сложившийся симптом) и «эмоциональный дефицит» (80,3%), пока успешно сдерживаются механизмами психологической защиты. Наиболее активной защитной реакцией выступает «избирательное эмоциональное реагирование» (в фазе «Сопротивление»), которое распределилось практически равномерно: у 36,4% не сложилось, у 30,3% складывается и у 33,3% уже сформировано (таблица 1).

Общий анализ показал, что у большинства матерей (53,0%) диагностирован низкий уровень выгорания. Однако 39,4% находятся в группе риска со средним уровнем, а 7,6% имеют высокий уровень выгорания, требующий индивидуальной психотерапевтической помощи (рис. 1). Среднегрупповой индекс выгорания составил 83,83 балла, что соответствует низкому уровню, но фаза «Сопротивление» (32,74 балла) и фаза «Истощение» (31,27 балла) находятся в пограничной зоне, что указывает на высокий риск срыва адаптационных механизмов (таблица 2).

Таблица 1. Распределение респондентов по уровням сформированности симптомов эмоционального выгорания (N = 66).

Симптомы (по фазам модели Л. А. Базалевой)	Не сложившийся симптом, %	Складывающийся симптом, %	Сложившийся симптом, %
Фаза 1. Тревожное напряжение			
Осознание проблем взаимодействия с ребенком	57,6	28,8	13,6
Неудовлетворенность собой в родительской роли	80,3	10,6	9,1
«Загнанность в клетку» (рутина)	86,4	13,6	0,0
Тревога и депрессия	65,2	16,7	18,2
Фаза 2. Сопротивление			
Избирательное эмоциональное реагирование	36,4	30,3	33,3
Эмоционально-нравственная дезориентация	92,4	3,0	4,5
Расширение сферы экономии эмоций	56,1	24,2	19,7
Редукция материнских обязанностей	72,7	24,2	3,0

Фаза 3. Истощение			
Эмоциональный дефицит	80,3	16,7	3,0
Эмоциональная отстраненность	54,5	27,3	18,2
Личностная отстраненность (деперсонализация)	81,8	13,6	4,5
Психосоматические и психовегетативные нарушения	33,3	0,0	66,7

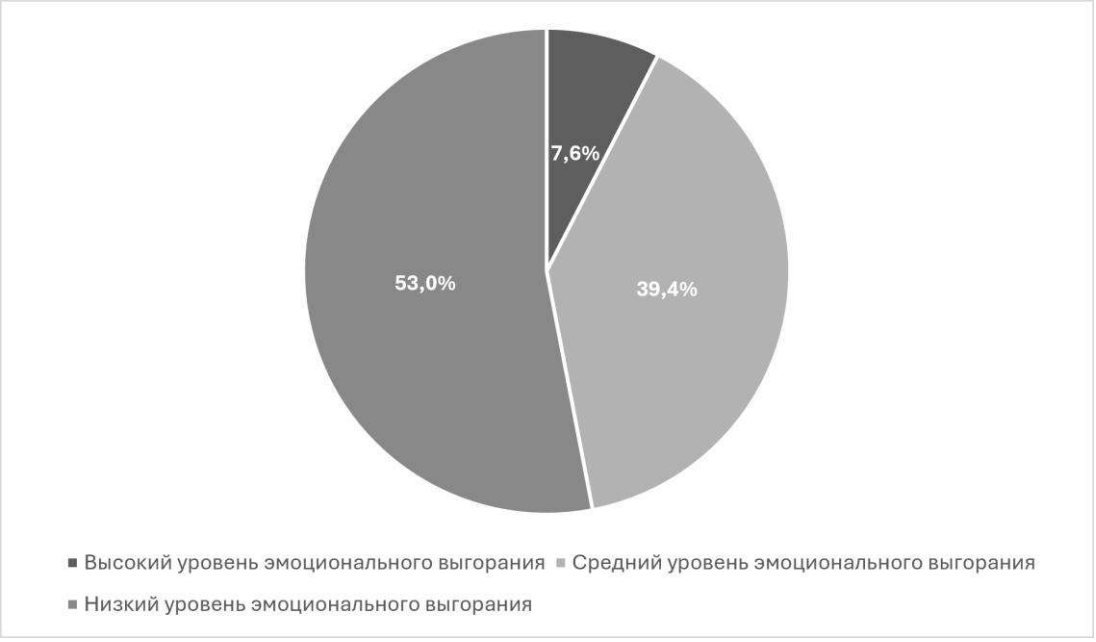

Рис. 1. Распределение респондентов по совокупному уровню эмоционального выгорания (%).

Таблица 2. Средние показатели эмоционального выгорания
в выборке матерей дошкольников (N = 66), по методике Л. А. Базалевой).

Фазы материнского выгорания	Среднее значение (в баллах)	Интерпретация уровня фазы
Фаза 1. Напряжение	19,82	Низкий уровень (фаза не сформирована)
Фаза 2. Сопротивление	32,74	Низкий уровень (фаза не сформирована)
Фаза 3. Истощение	31,27	Низкий уровень (фаза не сформирована)
Общий индекс выгорания	83,83	Низкий уровень материнского выгорания

Анализ аффективной сферы выявил критически высокие показатели личностной тревожности: у 69,7% матерей диагностирован высокий уровень по шкале Спилбергера-Ханина [6, с. 11], и лишь у 1,5% низкий. Ситуативная тревожность также остается высокой: 42,4% имеют высокий уровень и 43,9% умеренный. Это свидетельствует о хроническом фоновом напряжении, в котором находятся женщины (таблица 3).

Таблица 3. Распределение респондентов по уровням ситуативной и личностной тревожности по методике Ч.Д. Спилбергера, Ю.Л. Ханина.

Наименование показателя (шкалы STAI)	Уровень выраженности	Абсолютные данные (чел.)	Процентное соотношение (%)
Ситуативная тревожность (тревожность как состояние), ST	Высокий	28	42,4
	Умеренный	29	43,9
	Низкий	9	13,7
Личностная тревожность (тревожность как свойство личности), LT	Высокий	46	69,7
	Умеренный	19	28,8
	Низкий	1	1,5

Изучение локуса контроля выявило выраженную асимметрию профиля. С одной стороны, зафиксирован высокий уровень интернальности в области достижений (47,0%), что выступает мощным личностным ресурсом. С другой стороны, обнаружен деструктивный феномен «расщепления ответственности»: 53,0% матерей демонстрируют экстернальный локус контроля в области неудач, а 43,9% в сфере семейных отношений. Это означает, что женщины берут на себя ответственность за успехи, но склонны обвинять внешние обстоятельства (ребенка, супруга, случай) в неудачах, что формирует чувство беспомощности (таблица 4).

Таблица 4. Распределение респондентов по уровням субъективного контроля (N = 66).

Наименование показателя	Экстернальность		Норма		Интернальность	
	Количество чел.	%	Количество чел.	%	Количество чел.	%
Общая интернальность (Ио)	21	31,8	31	47,0	14	21,2
Интернальность в области достижений (Ид)	14	21,2	21	31,8	31	47,0
Интернальность в области неудач (Ин)	35	53,0	20	30,3	11	16,7
Интернальность в области семейных отношений (Ис)	29	43,9	32	48,5	5	7,6
Интернальность в области производственных отношений (Ип)	25	37,9	27	40,9	14	21,2
Интернальность в сфере межличностных отношений (Им)	13	19,7	27	40,9	26	39,4
Интернальность в области здоровья (Из)	24	36,4	27	40,9	15	22,7

Исследование удовлетворенности материнством по методике Е. И. Захаровой [5, с. 1228] показало, что высокий уровень удовлетворенности родительской ролью демонстрируют 81,8% женщин. Однако в плоскости удовлетворенности повседневным процессом воспитания показатели смещаются в сторону среднего уровня (60,6%) (табл. 5, 6).

Таблица 5. Распределение респондентов
по уровням родительской удовлетворенности (N = 66).

Наименование показателя (шкалы)	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень	
	человек	%	человек	%	человек	%
Родительская удовлетворенность	54	81,8	12	18,2	0	0,0

Таблица 6. Распределение респондентов
по уровню удовлетворенности материнством (N = 66).

Уровень удовлетворенности материнством		
Уровень	Количество человек	%
Высокий	26	39,4
Средний	40	60,6
Низкий	0	0,0

В ходе корреляционного анализа были подтверждены рабочие гипотезы:

1. Выявлена статистически значимая отрицательная взаимосвязь между интернальностью в области достижений (Ид) и фазой напряжения (Фаза 1) материнского выгорания ($r_s = -0,293$, $t = -2,455$, $p = 0,017$). Это доказывает, что вера матери в то, что успехи ребенка результат ее собственных усилий, блокирует развитие первичного стресса и запуск синдрома на начальном этапе.

2. Обнаружена тесная отрицательная корреляция между общим уровнем удовлетворенности материнством (УМ) и общим индексом выгорания ($r_s = -0,74$, $t = -8,80$, $p < 0,001$), а также всеми его фазами (напряжение: $r_s = -0,73$, сопротивление: $r_s = -0,65$, истощение: $r_s = -0,65$). Удовлетворенность материнством, глубокое эмоциональное принятие повседневного опыта родительства выступает главным защитным механизмом для психики женщины, ограждающим ее от истощения ресурсов и деперсонализации отношений с ребенком.

Полученные эмпирические данные позволили объективизировать конкретные психологические мишени для коррекционно-развивающей работы. Проведенное исследование показывает, что за внешним ролевым благополучием матерей дошкольников часто скрывается глубокое психосоматическое истощение. Главными мишенями для психологической помощи выступают дефицит удовлетворенности будничным процессом материнства и склонность переносить ответственность за неудачи на внешнюю среду.

На основе выявленных дефицитов была разработана авторская программа психологической профилактики и снижения уровня эмоционального выгорания у матерей, воспитывающих детей дошкольного возраста «Опора материнства».

Программа рассчитана на 10 занятий (20 академических часов) и предполагает реализацию в формате интерактивного тренинга с элементами когнитивно-поведенческого подхода и арт-терапии. Тренинг легко адаптируется под онлайн-формат с использованием сессионных залов и виртуальных досок.

Проблематика разработанной программы «Опора материнства» обусловлена необходимостью направленного психологического воздействия на специфические факторы родительской дезадаптации, выявленные в ходе эмпирического исследования. Главная прикладная проблема заключается в том, что большинство матерей детей дошкольного возраста находятся в состоянии скрытого психоэмоционального утомления: у 69,7% женщин диагностирован высокий уровень личностной тревожности, а у 66,7% полностью сформирован симптом соматизации стресса в виде психосоматических нарушений. Хроническое напряжение усугубляется разрушительным паттерном «расщепления ответственности», при котором матери демонстрируют выраженную экстернальность (внешний локус контроля) в области семейных отношений и жизненных неудач (53,0%). Высокая удовлетворенность родительской ролью (81,8%) удерживает женщин от открытых поведенческих срывов, но повседневная рутина снижает удовлетворенность материнством как процессом (60,6%). Разработанный комплекс мер призван разрешить это противоречие путем целенаправленной трансформации локуса контроля, преодоления родительского перфекционизма и снижения уровня эмоциональных факторов выгорания (ситуативной и личностной тревожности).

Целевые мишени программы, обоснованные результатами диагностики:

развитие интернальности в области достижений и семейных отношений: коррекция выявленного «расщепления ответственности» (экстернальность в неудачах),

повышение удовлетворенности материнством: смещение фокуса с рутинных обязанностей и «жертвенности» на ценность диадического взаимодействия с ребенком, профилактика эмоционального дистанцирования (деперсонализации),

снижение аффективных предикторов выгорания: минимизация критически высоких показателей личностной и ситуативной тревожности, а также уровня родительского стресса.

Структурно программа «Опора материнства» включает три ключевых блока:

1. Когнитивный блок (занятия 2, 5, 6): направлен на работу с автоматическими мыслями, деконструкцию мифа об «идеальной матери» и трансформацию локуса контроля. Используются техники АВС-модели, упражнение «Круг влияния и круг забот» (по С. Кови), ведение «Дневника родительских побед».

2. Эмоционально-регуляторный блок (занятия 1, 3, 4): посвящен легализации негативных эмоций (по Д. В. Винникотту [4, с. 45]), обучению техникам экспресс-самопомощи при острых вспышках тревоги («5-4-3-2-1», «Стоп-кран») и инвентаризации родительских стрессоров.

3. Коммуникативно-ресурсный блок (занятия 7, 8, 9, 10): направлен на гармонизацию детско-родительских отношений, экологичное делегирование обязанностей, выстраивание личных границ и формирование сети поддержки.

Курс завершается интеграцией полученного опыта, оценкой динамики состояний и составлением индивидуальных памяток самопомощи.

Разработанная программа обладает свойством универсальности и может быть интегрирована в практику психологических служб при женских консультациях, перинатальных центрах, а также в центрах социальной помощи семье и детям. Перспективой дальнейшей работы является эмпирическая апробация данной программы с проведением контрольного среза для оценки ее непосредственной эффективности.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

1. Эмоциональное выгорание матерей дошкольников имеет соматизированный характер: психологическое напряжение трансформируется в психосоматические нарушения (66,7%), минуя открытые поведенческие деформации.

2. Ключевым личностным ресурсом, препятствующим развитию выгорания, выступает интернальность в области достижений, а главным защитным фактором удовлетворенность материнством.

3. Выявленные в ходе эмпирического анализа мишени (высокая тревожность, экстернальность в неудачах, дефицит удовлетворенности процессом) легли в основу авторской программы «Опора материнства», сочетающей когнитивные, эмоциональные и коммуникативные техники.

4. Полученные результаты вносят вклад в психологию родительства и могут быть использованы в практике консультативной психологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Базалева Л.А. Личностные факторы эмоционального «выгорания» матерей в отношениях с детьми: дис. ... канд. психол. наук. М., 2010. 229 с.
2. Битюцкая Е.В. Когнитивное оценивание трудных жизненных ситуаций // Вопросы психологии. 2007. № 3. С. 45–56
3. Бойко В.В. Диагностика эмоционального выгорания личности // Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Изд-во Института психотерапии, 2002. С. 91–103
4. Винникотт Д.В. Разговор с родителями. М.: Класс, 1994. 205 с.
5. Захарова Е.И. Условия удовлетворенности материнством женщин, имеющих детей раннего и дошкольного возраста // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 1226–1230
6. Спилбергер Ч.Д. Шкала реактивной и личностной тревожности // Ханин Ю.Л. Краткое руководство к шкале реактивной и личностной тревожности. Л.: ЛНИИФК, 1976. 18 с.
7. Филиппова Г.Г. Эмоциональное выгорание матери: новая проблема в перинатальной психотерапии // Материалы итогового международного конгресса «Возможности психотерапии, психологии и консультирования в сохранении и развитии здоровья и благополучия человека, семьи и общества». М., 2017. С. 154–159
8. Maslach C., Jackson S.E. The measurement of experienced burnout // Journal of Occupational Behavior. 1981. Vol. 2. P. 99–113

Sergeenko M.A.
master's degree student
Department of Counseling Psychology
International Institute of Counseling Psychology,
Psychoanalysis and Neuropsychology
Moscow Psychological and Social University
(Moscow, Russia)

Scientific advisor:
Shaposhnikova T.D.
PhD in Education, Associate Professor
International Institute of Counseling Psychology,
Psychoanalysis and Neuropsychology
Moscow Psychological and Social University
(Moscow, Russia)

AN EMPIRICAL STUDY OF EMOTIONAL BURNOUT AMONG MOTHERS OF PRESCHOOL CHILDREN AND DEVELOPMENT OF A PREVENTION PROGRAM

Abstract: *this article examines psychological factors associated with maternal burnout among women with preschool-aged children (N = 66). For most mothers, the perceived importance of their parental role offsets chronic parenting stress, as a result, stress becomes somatized and manifests as physical complaints. Significant negative associations were found between maternal emotional burnout and both an internal locus of control in the domain of achievement and overall satisfaction with motherhood. An outline of the training program «Motherhood Support», developed to address the factors identified in the study, is presented.*

Keywords: *motherhood, emotional burnout, locus of control, satisfaction, parenting stress, psychological prevention, training program.*

УДК 1

Саттенова А.А.

магистрант 1 курса

специальность «подготовка учителей музыки»

Университет Шакарима

(г. Семей, Казахстан)

Мукатаева А.А.

кандидат философских наук, член-корреспондент

Педагогической академии наук, доцент

кафедра истории и искусства

Университет Шакарима

(г. Семей, Казахстан)

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЧАСТЬЕ В ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ: ОТ АНТИЧНОГО ЭВДЕМОНИЗМА ДО АБАЯ

***Аннотация**: в статье анализируется эволюция понятия счастья в истории философии. Особое внимание уделяется переходу от античной концепции эвдемонии, рассматривавшей счастье как объективное состояние, связанное с добродетелью и разумной деятельностью, к этической концепции, разработанной казахским мыслителем Абаем Кунанбаевым. Мы рассматриваем ключевые этапы этого процесса, включая учения Сократа и Аристотеля, школы эпикурейцев и стоиков эпохи эллинизма, а также восточные традиции, представленные буддизмом, конфуцианством и даосизмом. Исследование опирается на историко-сравнительный анализ философской литературы и герменевтический подход к фундаментальным понятиям. В результате выявляются как преемственность, так и принципиальные различия в понимании счастья в западной и восточной традициях. Кроме того, в статье показано, что концепция «Толық адам» («цельный» или «совершенный человек») Абая представляет собой уникальное сочетание эвдемонистической традиции и этики, ориентированной на служение обществу. В этом контексте счастье рассматривается как неразрывно связанное со служением обществу и нравственной дисциплиной. В конечном итоге исследование приходит к выводу, что эволюция понятия счастья происходила в направлении смещения акцента с внешних условий на внутренние основания, а также от личного переживания к общественной значимости.*

***Ключевые слова**: счастье, эвдемонизм, добродетель, эллинизм, буддизм, конфуцианство, даосизм, Толық адам, Абай Кунанбаев.*

Счастье относится к числу наиболее сложных и дискуссионных понятий в истории философии. Его содержание изменялось в зависимости от эпохи, культурного контекста и господствующих представлений о природе человека. Вопрос о том, что делает человеческую жизнь счастливой, получал различные ответы: в античности счастье рассматривалось сквозь призму высшего блага и добродетельной жизни, в дальнейшем философская мысль дополнила эти трактовки пониманием счастья как удовольствия, внутреннего покоя, духовного совершенствования или осмысленного существования [1,2]. Подобное разнообразие подходов свидетельствует о том, что счастье не является застывшим понятием, а представляет собой предмет непрекращающейся философской рефлексии.

Актуальность темы определяется тем, что в условиях быстрой трансформации общественных ценностей вопрос о счастье приобретает особую остроту. Что должно быть приоритетом: удовлетворение желаний или нравственное развитие, разумная деятельность, ответственность за собственную жизнь. Однозначного ответа на этот вопрос не существует. Категории счастья, судьбы и смысла жизни рассматриваются в связи с духовным развитием личности и нравственной ответственностью [3].

Основой философского осмысления счастья стал *античный эвдемонизм*, где высшим благом для человека является счастье. Древнегреческое слово eudaimonía состоит из двух корней. Первый eu- приблизительно соответствует нашим словам, начинающимся с благо- или добро-, например благодетель, благочестие. Второй daímōn буквально означает демон, божество, нечто божественное. Счастье это деятельность разума, энергия ума (др.-греч. nous) по осуществлению своих добродетелей [1]. В этой традиции счастье понимали как высшее благо и конечную цель человеческой деятельности. Но разные мыслители вкладывали в это понятие разный смысл. Сократ, например, делал акцент на познании самого себя, заботе о душе и нравственном

совершенствовании. Аристотель связывал счастье с деятельностью души в соответствии с добродетелью. Разумная деятельность, по его мнению, была важнейшим условием полноценной жизни. В эллинистической философии тема получила развитие. Эпикурейцы говорили о разумно понимаемом удовольствии и освобождении от душевного беспокойства. Стоики же видели счастливую жизнь в добродетели, внутренней свободе и умении сохранять разумное отношение к обстоятельствам. Особенности стоического понимания счастья раскрываются, в частности, в исследовании Л. А. Грицай, посвящённом Сенеке [2].

Особенно интересно будет сопоставить античную этическую традицию с философией Абая Кунанбаева. В его произведениях вопросы достоинства, нравственности, знания и духовного развития тесно связаны с проблемой становления полноценной личности. Центральное место занимает концепция «Толық адам», или целостного человека. Она предполагает согласованность интеллектуальных, волевых и нравственных качеств. Р. С. Сартаева раскрывает этические основания этого учения и подчёркивает значение духовного развития, стремления к знаниям и нравственной целеустремленности [4]. Г. Г. Соловьева, анализируя представления Абая о целостном человеке, обращает внимание на единство истины, добра и красоты[5]. Всё это позволяет рассматривать наследие Абая как самостоятельный этап в развитии этических представлений о достойной жизни и духовном совершенствовании личности.

Итак, цель этой работы заключается в том, чтобы проследить эволюцию представлений о счастье в истории философской мысли от античного эвдемонизма до философского наследия Абая Кунанбаева и выявить преемственность и различия между рассматриваемыми подходами.

Основная часть.

Античный эвдемонизм: счастье как высшее благо.

В античной философии счастье понимали как высшую цель человеческой жизни. Сократ связывал его с заботой о душе, самопознанием и нравственным совершенствованием. В диалогах Платона подчеркивается, что добродетель и справедливость важнее богатства и общественного признания [6]. Аристотель развил эту традицию в *Никомаховой этике*. Он определил счастье как высшее благо, достигаемое через деятельность в соответствии с добродетелью. При этом полноценная жизнь предполагает не только нравственные качества, но и разумную деятельность, а также определенные внешние условия [1, 7, 8].

Сократ и Аристотель рассматривали счастье не как кратковременное удовольствие, а как результат определенного образа жизни. Сократ больше говорил о заботе о душе и нравственном выборе. Аристотель же предложил понимание счастья как реализации человеческих возможностей через разумную и добродетельную деятельность.

Эллинистическая философия: удовольствие и внутреннее спокойствие.

В эллинистической философии на первый план выходит внутреннее благополучие человека. Эпикур связывал счастье с удовольствием, но понимал его прежде всего как отсутствие телесных страданий и душевного беспокойства. Он подчеркивал необходимость разумно ограничивать желания и отличать подлинные потребности от избыточных стремлений [9]. Стоики, в частности Сенека, связывали счастливую жизнь с добродетелью, самообладанием и способностью сохранять внутреннюю устойчивость независимо от внешних обстоятельств [2, 10].

Счастье в философии Абая Кунанбаева.

В философском наследии Абая Кунанбаева проблема достойной жизни раскрывается через вопросы нравственности, образования, труда и духовного развития. В семнадцатом слове назидания представлены Воля, Разум и Сердце. Их спор разрешается при участии Науки. Этот образ подчёркивает необходимость согласования интеллектуальных способностей, решительности и нравственной чувствительности человека [11]. В современных исследованиях эта проблематика рассматривается в контексте концепции толық адам, то есть целостного человека, стремящегося к духовному и нравственному совершенствованию [4, 5].

В отличие от простого понимания счастья как удовлетворения личных желаний, философские идеи Абая позволяют связать полноценную жизнь с ответственностью перед обществом, стремлением к знаниям, честным трудом и человечностью. При этом речь идет о самостоятельной философской традиции, которая соприкасается с античной этикой в вопросах нравственного становления личности и достойного образа жизни.

Таблица 1. Сравнение философских концепций счастья.

Философ/Философская концепция	**Понимание счастья**	**Основные условия достижения счастья**
Сократ	Нравственная жизнь, совершенствование	Самопознание и добродетель
Аристотель	Высшее человеческое благо	Разумная деятельность и добродетель
Эпикур	Никаких страданий и беспокойств	Умеренность и разумность в выборах
Стоическая философия	Жить в соответствии с разумом	Самообладание и внутренняя свобода
Абай Кунанбаев	Достойная и полноценная жизнь	Знание, труд, человечность и единство разума, воли и сердца

Сравнение показывает, что философские представления о счастье различаются по основным условиям его достижения. Но их объединяет стремление определить основания полноценной человеческой жизни. В античной философии подчеркивается значение добродетели и разумной деятельности. В эллинистических учениях-внутреннего спокойствия и свободы от чрезмерных желаний. У Абая-нравственного совершенствования, образования и ответственности перед другими людьми. Историческое развитие представлений о счастье следует понимать не как последовательную смену одной концепции другой, а как возникновение различных подходов к общей философской проблеме.

Заключение.

Проведенный анализ позволяет выделить три взаимосвязанных аспекта понимания счастья. Это нравственное совершенствование, внутреннее благополучие и социальная ответственность личности. Первый особенно отчетливо представлен в философии Сократа и Аристотеля. Второй, в учениях Эпикура и стоиков. Третий, в этических размышлениях Абая о знаниях, труде и человечности [6, 8-11]. При этом добродетель сочетается с внутренним спокойствием, а личное совершенствование с ответственностью перед обществом.

Сопоставление философских концепций не доказывает прямого влияния античных мыслителей на Абая. Но оно позволяет выявить сходства и различия в понимании достойной жизни. Общим для рассмотренных подходов становится представление о том, что счастье требует осмысленного отношения к собственным поступкам и жизненным целям. Различия заключаются прежде всего в том, какие качества и способы деятельности считаются определяющими для достижения полноценной жизни.

Вопрос о счастье всегда оказывается связан с представлениями о достойном человеке, о его жизненных целях и нравственном выборе. При этом универсального определения счастья не существует. И никогда не появится. Его содержание зависит от того, какие ценности философская традиция считает определяющими для человеческого существования. Особую значимость эти идеи приобретают сегодня. Мы живём в мире, где благополучие нередко оценивается через внешние достижения. Кто больше заработал, кто выше поднялся, у кого больше лайков. Внутренние основания как будто отходят на второй план. Историко-философский подход позволяет немного расширить такой взгляд. Он обращает внимание на внутренние убеждения, на качество поступков, на отношение человека к окружающим. Именно поэтому обращение к наследию мыслителей разных эпох важно не для поиска единственной формулы счастья. Оно нужно для более осознанного понимания его содержания и личных оснований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Мельников С. Этика Аристотеля // Философская антропология. 2023. № 2 (9). С. 250–266. DOI: 10.21146/2414-3715-2023-9-2-250-266.
2. Грицай Л.А. Понимание счастья как духовного состояния личности в философском наследии Л.А. Сенеки // VOX. Философский журнал. 2018. Вып. 25. DOI: 10.24411/2077-6608-2017-00056.
3. Дагарова Ж., Бакирова А., Садуова Ж. Казахское просвещение: взаимосвязь категорий судьбы, счастья и смысла жизни // Аль-Фараби. 2025. Т. 89, № 1. С. 48–61. DOI: 10.48010/2025.1/1999-5911.04.
4. Сартаева Р.С. Учение Абая «Толық адам» и современные тенденции в решении проблемы целостного человека // Адам әлемі. 2021. Т. 89, № 3. С. 76–91. DOI: 10.48010/2021.3/1999-5849.07.

5. Соловьева Г.Г. Абай о целостном человеке: единство истины, добра и красоты // Аль-Фараби. 2021. Т. 74, № 2. DOI: 10.48010/2021.2/1999-5911.02.

6. Платон. Апология Сократа / пер. М.С. Соловьёва // Викитека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Апология_Сократа_(Платон,_Соловьёв).

7. Бытие к счастью: эвдемония в этике Аристотеля // Этическая мысль. 2019. Т. 15. № 1. С. 70–90. URL: https://et.iphras.ru/article/view/2639.

8. Аристотель. Никомахова этика / пер. Н.В. Брагинской // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. URL: https://iphras.ru/page20508432.htm.

9. Эпикур. Письмо к Менекею // Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. С. 305–319. Пер. и коммент. М.Л. Гаспарова. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1358238790.

10. Сенека Л.А. О счастливой жизни // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 167–192. Пер. С.Ц. Янушевского. URL: https://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1341149502.

11. Кунанбаев А. Слова назидания. Семнадцатое слово. Русский перевод. URL: https://abai.kaznu.kz/rus/?p=110.

Sattenova A.A.
master's degree student of 1st year
specialization in «Music Teacher Education»
Shakarim University
(Semey, Kazakhstan)

Mukatayeva A.A.
PhD in Philosophy, Corresponding Member
of the Pedagogical Academy of Sciences, Associate Professor
Department of History and Art
Shakarim University
(Semey, Kazakhstan)

EVOLUTION OF CONCEPTIONS OF HAPPINESS IN THE HISTORY OF PHILOSOPHY: FROM ANCIENT EUDAIMONISM TO ABAI

Abstract: *this article examines how conceptions of happiness have evolved throughout the history of philosophy. Particular attention is given to the transition from the ancient concept of eudaimonia, which understood happiness as an objective state associated with virtue and rational activity, to the ethical conception developed by the Kazakh thinker Abai Kunanbayev. The article traces key stages in this development, including the teachings of Socrates and Aristotle, the Epicurean and Stoic schools of the Hellenistic era, and Eastern traditions represented by Buddhism, Confucianism, and Daoism. The study draws on historical-comparative analysis of philosophical literature and a hermeneutic approach to fundamental concepts. It identifies both continuity and fundamental differences between Western and Eastern understandings of happiness. The article also shows that Abai's concept of «Tolyk Adam» («whole person» or «perfect person») uniquely combines the eudaimonistic tradition with an ethic of service to society. In this context, happiness is inseparable from service to society and moral discipline. The study concludes that conceptions of happiness have evolved toward greater emphasis on inner foundations rather than external conditions, and on social significance rather than individual experience.*

Keywords: *happiness, eudaimonism, virtue, Hellenism, Buddhism, Confucianism, Daoism, Tolyk Adam, Abai Kunanbayev.*

УДК 004.056:004.8

Гупал М.О.
студент
кафедра «Вычислительные системы и информационная безопасность»
Донской государственный технический университет
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Ровзенко Р.С.
студент
кафедра «Вычислительные системы и информационная безопасность»
Донской государственный технический университет
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

Научный руководитель:
Газизов А.Р.
кандидат педагогических наук, заведующий кафедрой
кафедра «Вычислительные системы и информационная безопасность»
Донской государственный технический университет
(г. Ростов-на-Дону, Россия)

СИСТЕМА ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

***Аннотация**: рассматривается трансформация интернета вещей (IoT) под влиянием искусственного интеллекта (ИИ), приводящая к формированию парадигмы искусственного интеллекта вещей (AIoT). Показано, что количественный рост подключённых устройств (21,1 млрд к концу 2025 г.) и корпоративного сегмента IoT (324 млрд долл.) сопровождается качественным изменением роли IoT: переходом от пассивных сенсорных сетей к активным системам принятия решений. Анализируются объёмы и темпы роста рынка AI в IoT, архитектура «edge-fog-cloud», технологии TinyML и LPWAN, концепция Internet of AI Things. Особое внимание уделено двойственному влиянию ИИ на информационную безопасность AIoT: повышению точности обнаружения вторжений (свыше 95%) и одновременно появлению состязательных атак, отравления обучающих данных, извлечения модели и угроз конфиденциальности. Обобщается российская практика внедрения AIoT в промышленности и городском управлении, а также развитие нормативного регулирования и стандартизации.*

Цель — определить ключевые тенденции, архитектурные и безопасностные аспекты интеграции искусственного интеллекта в системы интернета вещей.

Метод или методология проведения работы: использовались системный анализ, сравнительное обобщение, классификация, синтез, а также данные научных публикаций, аналитических отчётов и нормативных документов.

Результаты: выявлены основные направления эволюции AIoT, количественные параметры рынка, архитектурные решения периферийного интеллекта, а также систематизированы позитивные и негативные эффекты ИИ в безопасности IoT.

Область применения результатов: материалы могут быть использованы специалистами по защите информации, разработчиками IoT/AIoT-систем, аналитиками рынка и органами государственного регулирования.

***Ключевые слова**: интернет вещей, искусственный интеллект, AIoT-система, периферийные вычисления, технология TinyML, информационная безопасность, состязательная атака, нормативное регулирование.*

Интернет вещей прошёл путь от экспериментальных сенсорных сетей до инфраструктурной основы цифровой экономики. К концу 2025 года количество подключённых устройств в мире достигло 21,1 млрд, а корпоративный сегмент рынка IoT продемонстрировал рост на 13%, составив 324 млрд долларов. Однако качественное изменение роли интернета вещей в экономических и социальных процессах связано не столько с количественным расширением парка устройств, сколько с интеграцией технологий искусственного интеллекта, превращающей пассивные сенсорные сети в активные системы принятия решений [12].

Анализ динамики обсуждений в отчётности крупнейших технологических компаний показывает, что фокус внимания сместился с собственно интернета вещей на промышленный искусственный интеллект и автономные операции. Интернет вещей становится базовой инфраструктурной предпосылкой, в то время как искусственный интеллект выступает драйвером функциональной трансформации.

Оценки объёма рынка искусственного интеллекта в интернете вещей существенно различаются в зависимости от методологии подсчёта и границ рассматриваемого сегмента. По данным Research and Markets, рынок AI в IoT вырос с 19,38 млрд долларов в 2025 году до 24,56 млрд долларов в 2026 году, демонстрируя среднегодовой темп роста 26,7%, с прогнозом достижения 63,64 млрд долларов к 2030 году. Альтернативные оценки, учитывающие более широкий спектр решений, определяют объём рынка в 60,71 млрд долларов в 2025 году с ростом до 199,46 млрд долларов к 2031 году. Рынок специализированных AIoT-платформ, в свою очередь, демонстрирует ещё более высокие темпы роста - 32,6% в годовом выражении, увеличившись с 13,17 млрд долларов в 2025 году до 17,47 млрд долларов в 2026 году [].

Структурный анализ технологического ландшафта, проведённый IoT Analytics, показывает, что из 64 идентифицированных промышленных цифровых технологий 21 относится к категории искусственного интеллекта и машинного обучения, тогда как автоматизация и робототехника охватывают 18 технологий,

а устройства и связность интернета вещей - 13. При этом фиксируется так называемый разрыв зрелости: внимание рынка концентрируется на менее зрелых технологиях, таких как агентный и физический искусственный интеллект, в то время как широко используемые решения - LPWAN, операционные системы реального времени - получают меньшее внимание [11].

Существенным ограничением текущего этапа развития AIoT является низкая степень проникновения ИИ непосредственно в периферийные устройства. Менее одного процента IoT-устройств оснащены полноценными модулями искусственного интеллекта на периферии, хотя данная доля имеет потенциал значительного роста в ближайшие годы. Указанное обстоятельство определяет основное направление технологической эволюции - перенос вычислительных мощностей ближе к источникам данных [7].

Традиционная архитектура IoT-систем, основанная на централизованной облачной обработке, демонстрирует ограниченную пригодность для задач, требующих немедленного принятия решений. Задержки передачи данных, проблемы масштабируемости и риски конфиденциальности делают облачные модели недостаточно эффективными для приложений промышленной автоматизации, автономного транспорта и систем безопасности.

Ответом на указанные ограничения становится многоуровневая архитектура «edge–fog–cloud», интегрирующая облегчённые модели машинного обучения непосредственно в периферийные устройства. Предлагаемая исследователями интеллектуальная IoT-архитектура объединяет разнородные сенсорные модули, встраиваемые ИИ-модели и многоуровневую вычислительную среду для обеспечения инференса в реальном времени и динамического управления. Ключевым элементом выступает ИИ-движок принятия решений на периферийном уровне, использующий оптимизированные модели TinyML для минимизации энергопотребления при сохранении высокой точности прогнозирования.

Экспериментальная оценка подобных архитектур в контексте умного дома и промышленной автоматизации демонстрирует снижение задержки на 38–55%, повышение точности автоматизации на 31% и энергосбережение до 28% по сравнению с традиционными облачными IoT-системами. Система самостоятельно адаптируется к микросредовым изменениям, поведенческим тенденциям пользователей и операционным сценариям с использованием политик управления на основе обучения с подкреплением [5].

Технологической основой периферийного интеллекта выступает TinyML - класс методов машинного обучения, ориентированных на работу в условиях жёстких ограничений по энергопотреблению, памяти и вычислительным ресурсам. Интеграция TinyML с низкопотребляющими широкополосными сетями (LPWAN) позволяет ресурсоограниченным IoT-узлам выполнять локализованную аналитику данных, снижая зависимость от облачной инфраструктуры, сокращая энергопотребление и повышая конфиденциальность данных. Исследования в данной области сосредоточены на архитектурных компромиссах, методах сжатия моделей и стратегиях оптимизации машинного обучения в условиях экстремальной периферии.

Концепция интернета ИИ-вещей (Internet of AI Things, IoAT) представляет собой дальнейшее развитие данной парадигмы, в рамках которой каждое подключённое устройство функционирует как автономный ИИ-агент, взаимодействующий с другими устройствами через распределённую сеть с реестром моделей с адресацией по содержимому. Подобная архитектура предполагает не просто выполнение инференса на периферии, но и координированное обучение и обновление моделей в распределённой среде.

Интеграция искусственного интеллекта в системы интернета вещей формирует двойственный эффект в сфере информационной безопасности. С одной стороны, методы машинного обучения обеспечивают существенное повышение эффективности обнаружения вторжений: современные ML-подходы к безопасности потребительских IoT-устройств достигают точности обнаружения свыше 95%.

Разрабатываются комплексные системы интеллектуального обнаружения вторжений, адаптированные к многоуровневой архитектуре «edge–fog–cloud» и учитывающие ограниченность ресурсов периферийных устройств [11].

С другой стороны, расширение поверхности атаки за счёт ИИ-компонентов порождает новые классы уязвимостей. Состязательные атаки на модели машинного обучения, отравление обучающих данных, извлечение модели и атаки на конфиденциальность формируют принципиально новый класс угроз, не устранимых традиционными методами патчинга. Конверсационные ИИ-системы, такие как ChatGPT, демонстрируют двойственный потенциал: возможность автоматизации рутинных процессов управления безопасностью через естественно-языковые интерфейсы сочетается с рисками неограниченного применения для разведки и генерации эксплойтов.

Особую значимость приобретает безопасность самих ИИ-моделей, развёрнутых на периферийных устройствах. Ограниченность вычислительных ресурсов IoT-узлов затрудняет применение полноценных механизмов защиты, а физический доступ к устройствам создаёт дополнительные векторы атак. Исследования в области безопасности IoT подчёркивают необходимость целостных подходов, охватывающих весь жизненный цикл устройства, и указывают на появление угроз, связанных с интеграцией 6G, уязвимостями периферийных вычислений и квантовыми вычислениями.

Российская практика внедрения технологий интернета вещей и искусственного интеллекта демонстрирует устойчивую положительную динамику, прежде всего в промышленном сегменте и сфере городского управления. Госкорпорация Ростех представила на международной выставке GITEX Global 2025 платформу промышленного интернета вещей IIoT.Istok, обеспечивающую создание цифровых двойников промышленного оборудования, дистанционное управление установками и автоматическую диагностику неисправностей в режиме реального времени с использованием искусственного интеллекта. Платформа интегрирована с системами управления жизненным

циклом инструмента (TDM.Istok), использующими ИИ для управления полным циклом - от закупки до списания [8].

В сфере городского хозяйства экосистема «Умный город» Росатома реализовала более 40 проектов на основе искусственного интеллекта и интернета вещей в 17 городах России в 2025 году, что на треть превышает показатель предыдущего года. Приоритетным направлением стало объединение больших данных и инструментов ИИ для повышения управляемости процессов: нейросети применялись для оптимизации контроля за вывозом отходов, классификации обращений жителей и поиска событий в архивах видеонаблюдения. Подтверждённое сокращение эксплуатационных и энергозатрат составило 9–16%, а время реагирования на инциденты сократилось в шесть раз - до одного часа [14].

Нормативное регулирование AIoT в Российской Федерации развивается по нескольким направлениям. Распоряжением Правительства РФ от 24 июля 2025 года № 1970-р утверждена Концепция цифровизации многоквартирных домов на период до 2030 года, предусматривающая развитие технологий интернета вещей и искусственного интеллекта в отрасли жилищно-коммунального хозяйства, обеспечение технологической совместимости устройств умного дома и создание информационных моделей для предиктивного управления. Отдельное внимание уделено информационной безопасности: концепция предусматривает формирование профилей безопасности для устройств умного многоквартирного дома, требований к средствам защиты от несанкционированного доступа и правил разграничения доступа к информации [10].

С 1 февраля 2025 года вступили в силу новые стандарты в области искусственного интеллекта и интернета вещей, включая ГОСТы для киберфизических систем и умных домов, а также предварительный национальный стандарт ПНСТ 996-2024 «Информационные технологии. Интернет вещей» [15].

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Конвергенция интернета вещей и искусственного интеллекта формирует качественно новую технологическую парадигму - искусственный интеллект вещей, в рамках которой IoT-системы приобретают способность к автономному принятию решений, адаптивному поведению и предиктивной аналитике. Количественные параметры рынка подтверждают устойчивый рост: корпоративный сегмент IoT достиг 324 млрд долларов в 2025 году, а рынок AI в IoT демонстрирует среднегодовые темпы роста в диапазоне 26–33% [].

Интеграция искусственного интеллекта в системы интернета вещей порождает двойственный эффект в сфере информационной безопасности. Повышение эффективности обнаружения вторжений и аномалий сочетается с расширением поверхности атаки за счёт состязательных уязвимостей моделей машинного обучения, рисков отравления обучающих данных и угроз конфиденциальности. Ограниченность вычислительных ресурсов периферийных устройств затрудняет применение полноценных механизмов защиты, что определяет необходимость разработки специализированных методов обеспечения безопасности AIoT-систем [].

Российский опыт внедрения AIoT характеризуется активным развитием промышленных платформ и городских экосистем с подтверждённым экономическим эффектом. Нормативное регулирование развивается по пути формирования стандартов, профилей безопасности и концептуальных документов, определяющих направления цифровизации на среднесрочную перспективу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Абрамова А.Г. Новые технологии и их значение в защите персональных данных (Интернет вещей, Искусственный интеллект) // Вестник Российско-Армянского университета (серия: гуманитарные и общественные науки). 2024. № 2. С. 44–52. DOI 10.24412/1829-0450-2024-2-44-52
2. Авхадиев Д.И. Модель угроз для систем искусственного интеллекта в киберпространстве: вызовы 2025 года // Научное обозрение. Фундаментальные и прикладные исследования. 2025. № 3. URL: https://scientificreview.ru/article/view?id=134
3. Васильев А.А. Анализ методов защиты устройств интернета вещей: состояние и перспективы // Вестник науки. 2026. Т. 1, № 4 (97). С. 669–681
4. Вишняков В.А. «Золотой треугольник»: сети интернет вещей, блокчейн, искусственный интеллект // Системный анализ и прикладная информатика. 2025. № 1. С. 63–67
5. Манелис В.Б., Сладких В.А., Шатилов Д.В., Ашихмин А.В., Токарев А.Б. Обнаружение и идентификация базовых станций сетей Интернета вещей NB-IoT // Системы управления, связи и безопасности. 2025. № 2. С. 18–38. DOI 10.24412/2410-9916-2025-2-018-038
6. Чучман Н.М. Обзор применения искусственного интеллекта для анализа больших данных в автоматизированных системах управления технологическими процессами // Международный научно-исследовательский журнал. 2026. № 3 (165). URL: https://research-journal.org/archive/3-165-2026-march/10.60797/IRJ.2026.165.57
7. Влияние искусственного интеллекта на развитие интернета вещей (IoT) // Yessenov science journal. 2025. Vol. 53, № 4. С. 329–335
8. IIoT становится ключевым элементом управления производством // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8271584
9. Интернет вещей (IoT) и нейросети: как их объединить и какие преимущества это приносит // Sofiot. URL: https://sofiot.ru/blog/poleznye-

materialy-iot/internet-veshchey-iot-i-neyroseti-kak-ikh-obedinit-i-kakie-preimushchestva-eto-prinosit/

10. Интернет вещей, искусственный интеллект, блокчейн и профессионализм // Открытые системы. СУБД. № 1. URL: https://www.osp.ru/os/2019/01/13054750

11. Искусственный интеллект: применение для организации безопасного доступа в IoT-сетях // Anti-Malware.ru. URL: https://www.anti-malware.ru/analytics/Technology_Analysis/AI-for-IoT-Security

12. Объем российского рынка ИИ достиг 316 млрд рублей к концу 2025 года // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8875821

13. Перспективы Интернета вещей // ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. URL: https://issek.hse.ru/news/808983139.html

14. Перспективы развития интернета вещей: безопасность, экология и другие тренды // Арсис. URL: https://www.arsis.ru/blog/iot/

15. ПНСТ 996-2024. Информационные технологии (ИТ). Интернет вещей. Сети связи интернета вещей. Протокол низкоскоростного обмена данными по спутниковым каналам связи. Часть 2. Протокол низкоскоростного обмена данными для систем интернета вещей реального времени на основе протокола LoRaWAN // docs.cntd.ru. URL: https://docs.cntd.ru/document/1310964222

Gupal M.O.
student
Department of Computing Systems and Information Security
Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Rovzenko R.S.
student
Department of Computing Systems and Information Security
Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

Scientific advisor:
Gazizov A.R.
PhD in Education, Head of Department
Department of Computing Systems and Information Security
Don State Technical University
(Rostov-on-Don, Russia)

INTERNET OF THINGS SYSTEM IN THE ERA OF ADVANCING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract: *examines the transformation of the Internet of Things (IoT) under the influence of artificial intelligence (AI), leading to the emergence of the Artificial Intelligence of Things (AIoT) paradigm. Growth in the number of connected devices (21.1 billion by the end of 2025) and the corporate IoT segment ($324 billion) is accompanied by a qualitative shift in the role of IoT: from passive sensor networks to active decision-making systems. The article analyzes the size and growth rate of the AI in IoT market, edge–fog–cloud architecture, TinyML and LPWAN technologies, and the Internet of AI Things concept. Particular attention is paid to the dual impact of AI on AIoT information security: improved intrusion detection accuracy (over 95%) alongside the emergence of adversarial attacks, training data poisoning, model extraction, and privacy threats. Russian experience in deploying AIoT in industry and urban management is summarized, along with developments in regulation and standardization.*

Purpose: to identify key trends and architectural and security aspects of integrating artificial intelligence into Internet of Things systems.

Methods: systems analysis, comparative synthesis, classification, and synthesis were used, drawing on scientific publications, analytical reports, and regulatory documents.

Results: key directions in AIoT evolution, quantitative market indicators, and architectural solutions for edge intelligence were identified, the positive and negative effects of AI on IoT security were also systematized.

Practical applications: the findings may be useful to information security specialists, IoT/AIoT system developers, market analysts, and government regulators.

Keywords: *Internet of Things, artificial intelligence, AIoT system, edge computing, TinyML, information security, adversarial attack, regulatory framework.*

УДК 004

Гусятников Д.В.

студент

кафедра «Прикладная информатика»

Пензенский государственный технологический университет

(г. Пенза, Россия)

Научный руководитель:

Егорова Е.С.

заведующая кафедрой

кафедра «Прикладная информатика»

Пензенский государственный технологический университет

(г. Пенза, Россия)

АВТОМАТИЗАЦИЯ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТЯЖЁЛОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

***Аннотация**: в статье рассматриваются актуальные вопросы автоматизации логистических процессов на предприятиях тяжёлого машиностроения и арматуростроения. На примере АО «Пензтяжпромарматура» выявлены ключевые проблемы логистики: ручное управление, отсутствие централизованной системы мониторинга и неоптимизированные маршруты доставки. Предложен комплексный подход к автоматизации, включающий внедрение ERP- и TMS-систем. Обоснована экономическая и организационная эффективность предложенных решений.*

***Ключевые слова**: логистика, автоматизация, ERP-система, TMS-система, управление запасами, оптимизация маршрутов, промышленное предприятие, цифровая трансформация.*

Введение.

Современные промышленные предприятия функционируют в условиях высокой конкуренции, ужесточения требований к срокам поставок и необходимости снижения издержек. Логистика в этом контексте становится не вспомогательной, а стратегически важной функцией, обеспечивающей непрерывность производственных процессов и своевременность отгрузки готовой продукции. Особую сложность представляет логистика предприятий тяжёлого машиностроения, что обусловлено крупногабаритными грузами, широкой номенклатурой комплектующих и географически распределённой клиентской базой.

Целью статьи является анализ проблем автоматизации логистических процессов на примере АО «ПТПА» и разработка рекомендаций по внедрению автоматизированных систем управления.

Характеристика объекта исследования.

АО «Пензтяжпромарматура» (АО «ПТПА») является одним из ведущих российских производителей трубопроводной арматуры для ответственных объектов промышленности. Компания работает на рынке с 1951 года и на сегодняшний день представляет собой крупный промышленный комплекс с собственной конструкторской, технологической и испытательной базой, производственными цехами, подразделениями продвижения и сбыта продукции.Основное направление деятельности — изготовление и поставка трубопроводной арматуры для атомной и тепловой энергетики, газовой, нефтяной, металлургической, химической и других отраслей промышленности. Предприятие выпускает широкий ассортимент продукции диаметром от 10 до 2000 мм и давлением от 0,1 до 42,0 МПа, включая криогенную и подводную арматуру. Среди постоянных клиентов компании — лидеры нефтяной, газовой, энергетической и перерабатывающей промышленности: ПАО «Газпром», ПАО «Транснефть», НК «Лукойл», ПАО «Сургутнефтегаз», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Новатэк», концерн «Росэнергоатом», ПАО «Северсталь», ПАО «Сибур Холдинг» и другие. География поставок охватывает Россию и более чем 36 стран СНГ и мира.

Особенности деятельности компании:

1. Широкий ассортимент трубопроводной арматуры. АО «ПТПА» предлагает своим клиентам широкий спектр продукции для различных нужд — краны шаровые, задвижки шиберные и клиновые, затворы и клапаны, регуляторы давления, клапаны обратные. Ассортимент включает продукцию, востребованную как на промышленном, так и на специализированном рынке.

2. Разветвлённая сеть поставок по регионам. Благодаря наличию надёжных партнёров и развитой сети поставок компания обеспечивает бесперебойное снабжение трубопроводной арматурой на всей территории России и за рубежом. Предприятие имеет производственные мощности в России (г. Пенза) и за рубежом (ОАЭ). Это позволяет быстро реагировать на изменения спроса и обеспечивать своевременную доставку товаров.

3. Наличие складских помещений и автопарка. Для эффективного управления запасами и доставки продукции компания располагает собственными складами, оборудованными для хранения различных типов трубопроводной арматуры, а также автопарком, позволяющим осуществлять перевозки различного объёма.

Проблемы логистики АО «ПТПА».

Анализ логистических процессов предприятия выявил три ключевые проблемы:

1. Ручное управление процессами. Текущая система управления логистическими операциями основана на ручной обработке данных, что увеличивает вероятность ошибок и замедляет выполнение операций.

2. Отсутствие единой системы мониторинга и анализа данных. Компания не использует централизованное программное обеспечение для сбора и анализа информации о логистических операциях, что затрудняет оперативное принятие решений.

3. Неоптимизированные маршруты доставки.Планирование маршрутов осуществляется вручную, что не всегда позволяет учитывать дорожные условия, загруженность транспорта и прочие факторы, влияющие на эффективность.

Для устранения указанных проблем требуется внедрение автоматизированной системы управления логистикой, которая объединит все процессы в единую структуру и повысит их эффективность.

Предлагаемые решения.

Для устранения выявленных проблем предлагается комплексный подход, включающий следующие этапы:

1. Определение требований к системе. На начальном этапе необходимо изучить специфику логистических процессов компании и определить ключевые требования к системе. Важными аспектами являются возможность интеграции с существующими базами данных, поддержка многопользовательского режима и наличие инструментов для анализа данных.

2. Выбор программного обеспечения. С учётом поставленных целей выбирается подходящее программное обеспечение:

- для управления запасами, закупками и складскими операциями рекомендуется использовать ERP-систему, такую как SAP или 1С:Управление предприятием,

- для автоматизации планирования и оптимизации маршрутов доставки подойдёт специализированная TMS (Transportation Management System), например, Route4Me или PTV Map&Guide.

3. Реализация ключевых функций. Система должна включать в себя следующие основные функции:

- автоматизированное управление складскими операциями: контроль за поступлением, хранением и отгрузкой товаров, включая управление запасами и сроками годности,

- составление и оптимизация маршрутов доставки: с учётом текущей загруженности дорог, доступности транспортных средств и требований клиентов,

- генерация аналитических отчётов: для оценки эффективности работы и принятия обоснованных решений.

4. Создание единой информационно-аналитической платформы. Интеграция данных из ERP- и TMS-систем для мониторинга ключевых показателей логистики.

5. Обучение персонала. Для успешного внедрения системы необходимо провести обучение сотрудников. Это включает в себя тренинги по работе с программным обеспечением и предоставление инструкций, объясняющих основные функции системы.

6. Тестирование и внедрение системы. Перед началом эксплуатации проводится тестирование всех модулей системы, чтобы выявить и устранить возможные ошибки. После этого система вводится в эксплуатацию с постоянным мониторингом её работы и внесением необходимых корректировок.

Ожидаемые результаты.

Внедрение предложенных решений позволит:

1. Ускорить обработку заказов за счёт автоматизации складских операций и процессов доставки.

2. Повысить точность данных, исключив влияние человеческого фактора.

3. Снизить затраты на логистику за счёт оптимизации маршрутов и контроля транспортных средств.

4. Улучшить клиентский сервис, обеспечив быстрое выполнение заказов и точное отслеживание их статуса.

Разработка системы автоматизации логистических процессов является необходимым шагом для повышения конкурентоспособности компании на рынке. Реализация предложенного проекта позволит АО «ПТПА» достичь значительных улучшений в операционной деятельности и укрепить свои позиции среди конкурентов.

Заключение.

Автоматизация логистических процессов является необходимым шагом для повышения конкурентоспособности предприятий тяжёлого машиностроения. На примере АО «ПТПА» показано, что комплексное внедрение ERP- и TMS-систем, а также создание единой информационной платформы позволяют существенно повысить эффективность логистики. Практические результаты свидетельствуют о значительных улучшениях в управлении логистикой, что подчёркивает важность и актуальность данной темы. Проведённое исследование показывает, что комплексный подход, включающий как технологические, так и организационные изменения, способен обеспечить успешное управление логистическими процессами в условиях цифровой экономики. Полученные знания и результаты анализа могут быть использованы при разработке и внедрении автоматизированных систем управления логистикой на других промышленных предприятиях аналогичного профиля.

На основе полученных в ходе практики знаний была подготовлена настоящая научная статья, предназначенная для публикации в научном журнале или сборнике трудов конференции. Статья обобщает результаты анализа научной литературы, деятельности предприятия и разработанного проекта автоматизации логистических процессов, а также формулирует практические рекомендации по внедрению ERP- и TMS-решений. Публикация статьи позволит представить результаты исследования широкой научной общественности и может быть использована другими промышленными предприятиями при разработке собственных систем автоматизации логистики.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на оценку экономического эффекта от внедрения предложенных решений и разработку методик адаптации систем к специфике конкретных предприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Николаев Л.Д. Интеллектуализация процессов логистики предприятий как направление модернизации // Молодой учёный. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/362/81033/
2. Иванов А.С. Оптимизация логистических процессов в условиях глобализации рыночной экономики // Научный вестник. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://example.com/article
3. Селиверстова Н.С., Сабитов Р.А., Смирнова Г.С. Подходы к управлению логистическими процессами в условиях цифровой экономики // Российский журнал экономики и права. 2022. Т. 16, № 3. С. 566–576. [Электронный ресурс]. DOI 10.21202/2782-2923.2022.3.566-576
4. Официальный сайт АО «ПТПА». [Электронный ресурс]. URL: http://www.ptpa.ru
5. АО «Пензтяжпромарматура» — информация о предприятии // Центр кластерного развития Пензенской области. [Электронный ресурс]. URL: https://promtur.ckr58.ru/ao-penztyazhpromarmatura-ao-ptpa

Gusyatnikov D.V.
student
Department of Applied Informatics
Penza State Technological University
(Penza, Russia)

Scientific advisor:
Egorova E.S.
Head of Department
Department of Applied Informatics
Penza State Technological University
(Penza, Russia)

AUTOMATION OF LOGISTICS PROCESSES AT HEAVY ENGINEERING ENTERPRISES: CHALLENGES AND SOLUTIONS

Abstract: *the article examines current issues in automating logistics processes at heavy engineering and industrial valve manufacturing enterprises. Using JSC «Penztyazhpromarmatura» as a case study, it identifies key logistics problems: manual management, lack of a centralized monitoring system, and inefficient delivery routes. A comprehensive approach to automation involving implementation of ERP and TMS systems is proposed. The economic and organizational effectiveness of the proposed solutions is demonstrated.*

Keywords: *logistics, automation, ERP system, TMS system, inventory management, route optimization, industrial enterprise, digital transformation.*

УДК 004.056:004.8

Сейдакматов Н.А.
кандидат юридических наук, профессор
Академия государственного комитета национальной безопасности
Кыргызской Республики им. генерал-лейтенанта А.К. Бакаева
(г. Бишкек, Кыргызстан)

Элебесова Г.Ч.
старший преподаватель
кафедра «Цифровая экономика и программирование»
Научно-исследовательский университет
«Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова»
(г. Бишкек, Кыргызстан)

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: УГРОЗЫ, МЕТОДЫ ЗАЩИТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

***Аннотация**: статья посвящена двойственной роли искусственного интеллекта (ИИ) в информационной безопасности. С одной стороны, методы машинного обучения повышают эффективность обнаружения вторжений, анализа вредоносного ПО и выявления мошенничества. С другой стороны, сами ИИ-системы становятся объектом атак: состязательные примеры, отравление данных, извлечение модели, утечка обучающих данных, инъекции промптов в большие языковые модели. Рассмотрены также риски злонамеренного использования ИИ (дипфейки, автоматизированный фишинг). Проанализированы технические и организационные меры защиты, а также нормативные рамки (NIST AI RMF, EU AI Act, ISO/IEC 42001). Показано, что безопасность ИИ требует комплексного подхода на всех этапах жизненного цикла системы.*

***Ключевые слова**: искусственный интеллект, информационная безопасность, машинное обучение, состязательная атака, отравление данных, большая языковая модель, инъекция промпта, дипфейк, конфиденциальность, управление рисками.*

1. Введение.

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта в банковский сектор, здравоохранение, образование, государственное управление и критическую инфраструктуру изменило ландшафт киберугроз. Классическая триада информационной безопасности — конфиденциальность, целостность и доступность — применительно к ИИ получает новое содержание: под угрозой оказываются не только данные и инфраструктура, но и сама модель, а также данные, на которых она обучалась.

Актуальность темы определяется тремя обстоятельствами. Во-первых, ИИ становится инструментом защиты, способным обрабатывать объёмы событий безопасности, недоступные человеку. Во-вторых, ИИ-модели обладают специфическими уязвимостями, которые не устраняются традиционными средствами защиты. В-третьих, генеративные модели снижают порог входа для злоумышленников, автоматизируя создание фишинговых писем, поддельных голосов и видео.

2. ИИ как инструмент защиты информации.

Методы машинного обучения применяются в нескольких ключевых областях кибербезопасности.

Обнаружение вторжений и аномалий. Модели, обученные на сетевом трафике и журналах событий, выявляют отклонения от нормального поведения, включая ранее неизвестные атаки. В отличие от сигнатурных систем, они не требуют точного описания угрозы, однако склонны к ложным срабатываниям при смене профиля нагрузки.

Анализ вредоносного ПО. Классификаторы, работающие со статическими признаками файлов и динамическими трассами выполнения, позволяют относить образцы к семействам и обнаруживать полиморфные варианты.

Антифрод и поведенческая аналитика. В финансовых системах модели оценивают вероятность мошеннической операции в реальном времени, учитывая историю клиента, устройство и контекст транзакции. Системы UEBA (User and Entity Behavior Analytics) выявляют компрометацию учётных записей по отклонениям в поведении пользователя.

Автоматизация реагирования. ИИ-ассистенты помогают аналитикам SOC приоритизировать инциденты, коррелировать события и формировать рекомендации по реагированию, сокращая время обнаружения и устранения угрозы.

Сводная характеристика областей применения приведена в таблице 1.

Таблица 1. Применение методов ИИ в защите информации.

Область применения	Что делает модель	Преимущество	Ограничение
Обнаружение вторжений	Выявляет отклонения в сетевом трафике и журналах событий	Находит ранее неизвестные атаки	Ложные срабатывания при смене профиля нагрузки
Анализ вредоносного ПО	Классифицирует файлы и трассы выполнения	Распознаёт полиморфные варианты	Уязвимость к состязательным примерам
Антифрод	Оценивает риск транзакции в реальном времени	Учитывает контекст и историю клиента	Зависимость от качества данных
Поведенческая аналитика (UEBA)	Сравнивает действия с обычным профилем пользователя	Раннее выявление компрометации учётных записей	Дрейф поведения и шум в данных
Реагирование в SOC	Приоритизирует инциденты и коррелирует события	Сокращает время реакции	Необходим контроль аналитика

Вместе с тем эффективность защитных ИИ-систем ограничена качеством данных, дрейфом распределений и возможностью целенаправленного обмана модели противником, что подводит к следующему разделу.

3. Атаки на системы искусственного интеллекта.

Анализ литературы позволяет выделить несколько основных классов атак [1, 2, 8].

Состязательный пример — входные данные, к которым добавлено малозаметное возмущение, приводящее к ошибке модели. Впервые феномен был описан Szegedy и соавторами [3], а Goodfellow с коллегами предложили эффективный метод генерации таких примеров и показали, что причиной уязвимости является близкая к линейной реакция сетей на малые изменения входа [4]. Практические последствия очевидны: изменение нескольких пикселей может заставить систему распознавания принять один дорожный знак за другой, а модификация байтов файла — скрыть вредоносную программу от ИИ-антивируса.

Широкое распространение LLM породило новые классы уязвимостей. **Инъекция промптов** — внедрение инструкций, заставляющих модель игнорировать исходные ограничения [9]. Её наиболее опасная разновидность — **косвенная инъекция**: вредоносные инструкции скрываются в веб-страницах, документах или письмах, которые обрабатывает ИИ-агент, и он выполняет их, не отличая от легитимных команд пользователя [10]. Риск возрастает, когда модель имеет доступ к инструментам — почте, файлам, платёжным системам. Перечень типовых уязвимостей LLM-приложений, включая небезопасную обработку вывода, утечку системных промптов и чрезмерные полномочия агентов, систематизирован в проекте OWASP [11].

Обобщённая таксономия атак и средств смягчения опубликована Национальным институтом стандартов и технологий США (NIST) [12].

Таблица 2. Основные классы атак на системы ИИ.

Класс атаки	Этап жизненного цикла	Основная угроза	Типовая мера защиты
Состязательные примеры	Эксплуатация	Целостность	Состязательное обучение, проверка входа
Отравление данных	Обучение	Целостность	Контроль происхождения данных, фильтрация
Извлечение модели	Эксплуатация	Конфиденциальность	Ограничение запросов, мониторинг API
Утечка обучающих данных	Обучение / эксплуатация	Конфиденциальность	Дифференциальная приватность
Инъекция промптов	Эксплуатация	Целостность, конфиденциальность	Разделение полномочий, фильтрация, human-in-the-loop

Различия между классами атак по тому, какое свойство информационной безопасности они затрагивают сильнее всего, наглядно показаны на рисунке 1. Оценка носит качественный экспертный характер и отражает типичные сценарии, описанные в литературе, а не результаты статистических измерений. Видно, что инъекция промптов сочетает высокую угрозу конфиденциальности и целостности, тогда как извлечение модели и утечка данных направлены в первую очередь на конфиденциальность, а отравление данных — на целостность.

Рисунок 1. Качественная оценка влияния классов атак на свойства безопасности (0 — нет, 3 — высокий уровень).

5. Методы обеспечения безопасности ИИ-систем.

Первую группу мер составляют методы повышения устойчивости самой модели. Состязательное обучение, при котором в обучающую выборку включаются специально сформированные искажённые примеры, повышает устойчивость к обходу, а регулярное тестирование методом red teaming позволяет выявлять уязвимости раньше злоумышленников [1]. Вторую группу образуют меры защиты данных и цепочки поставок: верификация источников данных и предобученных моделей, цифровая подпись артефактов и контроль версий датасетов снижают риск отравления и скрытых бэкдоров [5].

Для защиты конфиденциальности применяется дифференциальная приватность, то есть добавление калиброванного шума при обучении, которое ограничивает информацию об отдельных записях, извлекаемую из модели [15]. Родственный подход — федеративное обучение, при котором данные остаются на устройствах владельцев, а централизуются лишь обновления модели [16], он снижает риск массовой утечки, хотя и не исключает всех атак на конфиденциальность. Защита интерфейса модели включает ограничение частоты запросов, аутентификацию, обнаружение шаблонов, характерных для извлечения модели, и минимизацию выдаваемой информации, например отказ от возврата полных вероятностей классов.

Для приложений на основе больших языковых моделей ключевым принципом становится минимум привилегий: агент получает только те полномочия, которые необходимы для задачи, недоверенный контент изолируется от инструкций, вывод модели проверяется и фильтруется, а критические действия требуют подтверждения человеком. Соответствие мер угрозам и их основные ограничения обобщены в таблице 3.

Таблица 3. Меры защиты ИИ-систем и их ограничения.

Мера защиты	Против каких угроз	Ограничения
Состязательное обучение и red teaming	Состязательные примеры, обход фильтров	Снижает, но не исключает риск, повышает стоимость обучения
Контроль данных и цепочки поставок	Отравление данных, бэкдоры	Сложно проверить корпуса, собранные из интернета
Дифференциальная приватность	Определение членства, утечка данных	Снижение точности модели
Федеративное обучение	Массовая утечка при централизации данных	Не устраняет атаки на конфиденциальность
Защита API и ограничение запросов	Извлечение модели	Ограничивает и легитимное использование
Ограничение полномочий агентов	Инъекция промптов	Снижает функциональность приложения

8. Заключение.

ИИ одновременно усиливает защиту и расширяет арсенал атакующих, а также сам становится объектом специфических атак. Обеспечение безопасности ИИ-систем невозможно свести к одной технологии: необходим комплекс, включающий защиту данных и цепочки поставок, тестирование устойчивости, ограничение полномочий моделей, мониторинг эксплуатации и управление рисками на основе признанных стандартов.

Организациям рекомендуется рассматривать ИИ-модель как полноценный актив, подлежащий инвентаризации, моделированию угроз и аудиту, а пользователям — сохранять критическое отношение к цифровому контенту и применять независимую проверку значимых запросов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Biggio B., Roli F. Wild patterns: Ten years after the rise of adversarial machine learning // Pattern Recognition. 2018. Vol. 84. P. 317–331
2. Brundage M. et al. The Malicious Use of Artificial Intelligence: Forecasting, Prevention, and Mitigation. 2018. arXiv:1802.07228
3. Szegedy C. et al. Intriguing properties of neural networks // International Conference on Learning Representations (ICLR). 2014. arXiv:1312.6199
4. Goodfellow I., Shlens J., Szegedy C. Explaining and harnessing adversarial examples // ICLR. 2015. arXiv:1412.6572
5. Gu T., Dolan-Gavitt B., Garg S. BadNets: Identifying vulnerabilities in the machine learning model supply chain. 2017. arXiv:1708.06733
6. Tramèr F., Zhang F., Juels A., Reiter M., Ristenpart T. Stealing machine learning models via prediction APIs // 25th USENIX Security Symposium. 2016. P. 601–618
7. Shokri R., Stronati M., Song C., Shmatikov V. Membership inference attacks against machine learning models // IEEE Symposium on Security and Privacy. 2017. P. 3–18
8. Carlini N. et al. Extracting training data from large language models // 30th USENIX Security Symposium. 2021. P. 2633–2650
9. Perez F., Ribeiro I. Ignore previous prompt: Attack techniques for language models. 2022. arXiv:2211.09527
10. Greshake K. et al. Not what you've signed up for: Compromising real-world LLM-integrated applications with indirect prompt injection // ACM Workshop on Artificial Intelligence and Security (AISec). 2023. arXiv:2302.12173

11. OWASP Top 10 for Large Language Model Applications. OWASP Foundation. URL: https://owasp.org/www-project-top-10-for-large-language-model-applications/

12. Vassilev A., Oprea A., Fordyce A., Anderson H. Adversarial Machine Learning: A Taxonomy and Terminology of Attacks and Mitigations. NIST AI 100-2e2023. Gaithersburg: NIST, 2024

13. Chesney R., Citron D. Deep fakes: A looming challenge for privacy, democracy, and national security // California Law Review. 2019. Vol. 107, No. 6. P. 1753–1819

14. Abadi M. et al. Deep learning with differential privacy // ACM SIGSAC Conference on Computer and Communications Security (CCS). 2016. P. 308–318

15. McMahan B., Moore E., Ramage D., Hampson S., y Arcas B. Communication-efficient learning of deep networks from decentralized data // Proceedings of AISTATS. 2017. PMLR 54. P. 1273–1282

16. Russell S., Norvig P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed. Hoboken: Pearson, 2020

17. ISO/IEC 27001:2022. Information security, cybersecurity and privacy protection — Information security management systems — Requirements

18. NIST. Artificial Intelligence Risk Management Framework (AI RMF 1.0). NIST AI 100-1. Gaithersburg: NIST, 2023

19. ISO/IEC 42001:2023. Information technology — Artificial intelligence — Management system

20. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act)

Seidakmatov N.A.
PhD in Law, Professor
Bakaev Academy of the State Committee for National Security of Kyrgyzstan
(Bishkek, Kyrgyzstan)

Elebesova G.Ch.
Senior Lecturer
Department of «Digital Economy and Programming»
Research University «M. Ryskulbekov Kyrgyz Economic University»
(Bishkek, Kyrgyzstan)

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND INFORMATION SECURITY: THREATS, PROTECTION METHODS, AND PROSPECTS

Abstract: *this article examines the dual role of artificial intelligence (AI) in information security. On one hand, machine learning methods improve intrusion detection, malware analysis, and fraud detection. On the other hand, AI systems themselves become targets of attacks involving adversarial examples, data poisoning, model extraction, training data leakage, and prompt injection in large language models. Risks associated with malicious use of AI, including deepfakes and automated phishing, are also discussed. Technical and organizational safeguards, along with regulatory frameworks (NIST AI RMF, EU AI Act, ISO/IEC 42001), are analyzed. AI security is shown to require a comprehensive approach throughout the system lifecycle.*

Keywords: *artificial intelligence, information security, machine learning, adversarial attack, data poisoning, large language model, prompt injection, deepfake, privacy, risk management.*

УДК 004.415.2

Слесарев Р.А.
руководитель отдела мобильной разработки
старший инженер-программист
независимый исследователь
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Панюшкин А.М.
инженер-программист
независимый исследователь
(г. Самара, Россия)

ПРЕДИКТИВНАЯ ОПТИМИЗАЦИЯ ДОСТАВКИ КРИТИЧЕСКИХ УВЕДОМЛЕНИЙ В ПРИЛОЖЕНИЯХ REACT NATIVE ДЛЯ УСТРОЙСТВ APPLE WATCH НА БАЗЕ WATCHOS

***Аннотация**: рассмотрена задача своевременной доставки критических уведомлений пользователю приложения на React Native, который носит Apple Watch. Платформенная маршрутизация уведомлений между iPhone и часами, режимы фокусирования, уровни прерывания и политика хранения APNs создают разрыв между доставкой уведомления и его восприятием, который типовая архитектура приложения не контролирует. Предложен метод КАСКАД (контекстно-адаптивная схема каскадной адресной доставки), в котором по наблюдаемому контексту сервер выбирает двухступенчатый план уровней прерывания с минимальной ожидаемой навязчивостью при ограничении на вероятность восприятия до директивного срока. Вероятности оцениваются иерархическим бета-биномиальным сглаживанием, а исполнение плана замыкается квитанциями доставки и восприятия. Сформулированы свойства метода и описана его реализация. В имитационном эксперименте метод обеспечил долю своевременного восприятия событий высшего класса 91,2% против 58,1% у типовой схемы и 90,6% у статической максимальной эскалации, сократив долю событий с уровнем critical до 63,4% и индекс навязчивости на 21%.*

***Ключевые слова**: фреймворк React Native, операционная система watchOS, умные часы Apple Watch, push-уведомление, сервис APNs, уровень прерывания, каскадная доставка, байесовская оценка, своевременное восприятие.*

ВВЕДЕНИЕ.

Умные часы стали одним из главных каналов срочного оповещения, поскольку сигнал на запястье воспринимается тактильно. Для медицинских, финансовых и охранных сервисов важна не доставка как таковая, а восприятие сообщения человеком до срока, после которого оно теряет ценность.

React Native не поддерживает watchOS как целевую платформу. Интерфейс часов пишется на Swift, а приложение React Native на iPhone взаимодействует с ним через WatchConnectivity [1; 2], поэтому многие приложения полагаются лишь на зеркалирование уведомлений iPhone. Уведомление показывается либо на iPhone, либо на часах, но не на обоих устройствах. Разблокированный iPhone забирает уведомления себе, а при заблокированном iPhone они уходят на часы, если те не заблокированы [3]. APNs работает по принципу наилучшей попытки и для недоступного устройства хранит только одно уведомление на приложение [4]. Режимы фокусирования подавляют уровень active, а уровни time-sensitive и critical прорываются через них при наличии разрешений, причём для critical нужно одобрение Apple [5].

Исследования восприимчивости к уведомлениям показали, что время реакции зависит от контекста и что удачные моменты доставки можно предсказывать [6; 7], а сессии работы с часами коротки и часты [8]. Однако эти работы решают задачу отсрочки уведомления, а для критических событий отсрочка недопустима и управляемыми остаются уровень прерывания, повторная отправка и маршрут. Метода, связывающего предсказание восприятия с этими рычагами iOS и watchOS в архитектуре React Native, в доступной литературе не найдено.

Цель работы состоит в разработке такого метода и проверке гипотезы о том, что предиктивный выбор плана доставки даёт долю своевременного восприятия не ниже, чем статическая максимальная эскалация, при меньшей навязчивости.

ОСОБЕННОСТИ ДОСТАВКИ НА APPLE WATCH.

Если у приложения есть часовая часть, Apple рекомендует отправлять уведомление одновременно на токены iPhone и часов, а система показывает его в одном, наилучшем месте [9]. Заголовок APNs apns-collapse-id длиной до 64 байт объединяет повторные отправки в одно уведомление [4]. Поскольку для недоступного устройства хранится одно, обычно последнее, уведомление, раннее критическое уведомление может быть вытеснено обычным.

В WatchConnectivity метод sendMessage требует активного приложения на часах, метод transferUserInfo гарантирует доставку очереди сообщений, а метод updateApplicationContext хранит только последнее состояние [2]. Следовательно, WatchConnectivity служит каналом контекста и предзагрузки, но не тревоги. APNs не сообщает провайдеру о показе уведомления. Квитанцию доставки даёт расширение Notification Service Extension, доступное начиная с iOS 10 и watchOS 6 и вызываемое для уведомлений с флагом mutable-content [10], а восприятие подтверждается взаимодействием, включая закрытие, если категория объявлена с опцией customDismissAction [11].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ.

Событие e относится к классу k с директивным сроком D_k и целевой вероятностью P_k^*; T_e обозначает время от события до восприятия, ℓ уровень прерывания из множества {active, time-sensitive, critical}, ℓ_k^{max} максимальный уровень класса.

Определение 1. Коэффициентом своевременного восприятия K_D называется доля событий, воспринятых до истечения директивного срока своего класса,

$$K_D = \frac{1}{|E|}\sum_{e\in E} 1\left[T_e \le D_{k(e)}\right] \qquad (1)$$

где E обозначает множество событий. Цену прерывания зададим весами w(active) = 1, w(time-sensitive) = 2, w(critical) = 4, отражающими способность уровня прорываться через настройки пользователя. Индекс навязчивости равен.

$$I = \frac{1}{|E|}\sum_{e\in E}\sum_{i:\, s_{e,i} \le T_e} w\left(l_{e,i}\right) \qquad (2)$$

где $s_{e,i}$ и $\ell_{e,i}$ обозначают момент и уровень i-й отправки. Требуется максимизировать K_D, а при равном K_D минимизировать I. Публичного API признака ношения часов нет, поэтому сервер располагает лишь наблюдаемым контекстом $\hat{x} = (n, u, f, v)$, где n указывает ночной интервал, u использование iPhone по данным приложения, f статус фокусирования из INFocusStatusCenter [12], v косвенный признак ношения часов, выводимый из того, на каком устройстве квитировались последние уведомления.

МЕТОД КАСКАД.

Определение 2. Планом доставки события класса k называется пара уровней $\pi = (\ell_1, \ell_2)$, $\ell_1 \le \ell_2 \le \ell_k^{max}$, где ℓ_1 используется при первой отправке, а ℓ_2 при эскалации, если за интервал Δ_k после квитанции доставки не поступила квитанция восприятия. Множество таких планов обозначим Π_k.

Определение 3. Методом КАСКАД (контекстно-адаптивной схемой каскадной адресной доставки) называется метод предиктивной оптимизации доставки критических уведомлений, в котором по наблюдаемому контексту $\hat{x}$ оцениваются вероятности восприятия всех допустимых планов, выбирается план с минимальной ожидаемой навязчивостью среди планов, удовлетворяющих целевой вероятности класса, и план исполняется одновременной адресной отправкой на iPhone и Apple Watch с общим идентификатором слияния, квитированием доставки и восприятия и сводной нагрузкой неквитированных событий.

Расчёт опирается на две оценки. Величина $\hat{p}_1(\ell_1 \mid \hat{x})$ есть вероятность восприятия после первой отправки до момента эскалации, а величина $\hat{p}_2(\ell_2 \mid \ell_1, \hat{x})$ есть условная вероятность восприятия до D_k после эскалации. Обе вычисляются как апостериорные средние бета-биномиальной модели с иерархическим сглаживанием [13], где родителем ячейки (n, u, f, v) служит (n, u, f), затем (n, u), (n) и корень,

$$\hat{p}(c) = \frac{k_c + m * \hat{p}(\rho(c))}{n_c + m} \qquad (3)$$

где n_c и k_c обозначают число событий и успехов в ячейке c, $\rho(c)$ её родителя, $m = 10$ силу априорного распределения, а для родителя корня $\hat{p} = 1/2$. Вероятность своевременного восприятия и ожидаемая навязчивость плана равны.

$$P(\pi \mid \hat{x}) = \hat{p}_1(l_1 \mid \hat{x}) + \left(1 - \hat{p}_1(l_1 \mid \hat{x})\right) * \hat{p}_2(l_2 \mid l_1, \hat{x}) \qquad (4)$$

$$J(\pi \mid \hat{x}) = w(l_1) + \left(1 - \hat{p}_1(l_1 \mid \hat{x})\right) * w(l_2) \qquad (5)$$

а план выбирается как решение задачи.

$$\pi^* = J(\pi \mid \hat{x}), \; P(\pi \mid \hat{x}) \geq P_k^* \qquad (6)$$

Если допустимых планов нет, принимается $\pi^* = (\ell_k^{max}, \ell_k^{max})$. Исполнение начинается отправкой уровня ℓ_1 на оба токена с приоритетом 10 и apns-collapse-id, равным идентификатору события. Если квитанция доставки не пришла за $\tau_r = 10$ с, отправка повторяется на том же уровне, так как проблема в маршруте, а не во внимании. Если квитанция пришла в момент r, а восприятия нет к $r + \Delta_k$, отправляется уровень ℓ_2. Повторов не более $R = 3$, все до D_k. Оценки обучаются на журнале ($\hat{x}$, π, исход), причём в период прогрева план выбирается случайно из Π_k, что даёт несмещённые оценки.

Метод обладает шестью свойствами. *Свойство 1 (ограниченность эскалации).* Отправок не более $1 + R$, и все они выполняются до срока. *Свойство 2 (однократность отображения).* Общий apns-collapse-id заставляет повтор обновлять карточку, а двойная отправка не дублируется, так как система показывает уведомление в одном месте [3; 9]. *Свойство 3 (сохранность при политике хранения APNs).* К любой отправке на устройство, включая некритичные, прикладывается свод идентификаторов неквитированных событий, поэтому хранимое последнее уведомление содержит их все, а расширение разворачивает свод в содержимое в пределах 4 КБ нагрузки. *Свойство 4 (минимальность навязчивости).* Выбранный план минимизирует оценку J, а рост P_k^* сужает допустимое множество и не уменьшает J выбранного плана, так что P_k^* служит единственным параметром компромисса. *Свойство 5*

(консервативная деградация). Без данных или при недостижимой цели метод совпадает со статической максимальной эскалацией. *Свойство 6 (соблюдение ограничений платформы).* Уровень critical допускается только для классов с разрешением Apple.

РЕАЛИЗАЦИЯ В ПРИЛОЖЕНИИ REACT NATIVE.

Архитектура показана на рис. 1. Решения принимает сервер-оркестратор, поскольку среда JavaScript приостановленного приложения не исполняется и не может вести таймеры эскалации; сервер хранит журнал контекста и квитанций и пересчитывает оценки (3).

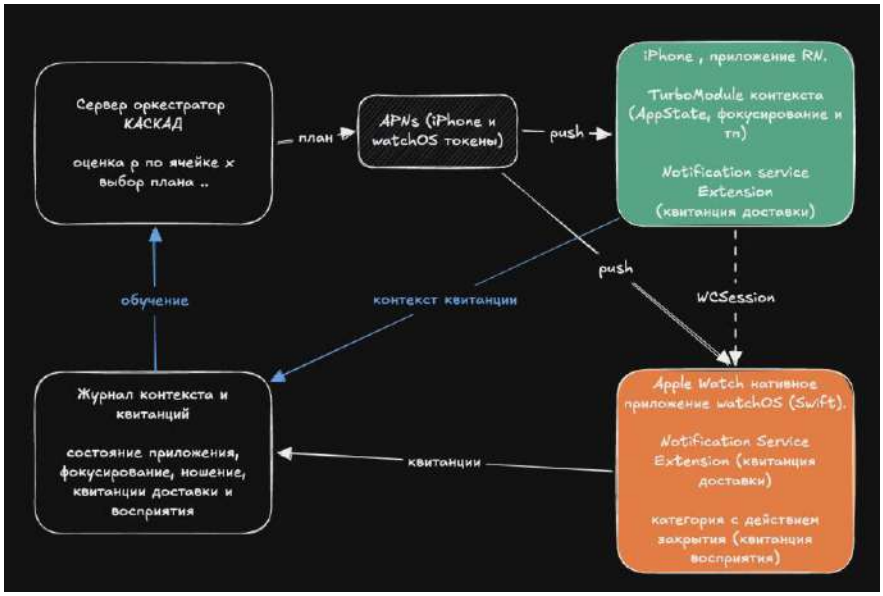

Рисунок 1. Архитектура реализации метода КАСКАД.

На iPhone контекст собирает модуль TurboModule новой архитектуры React Native [14], который считывает состояние приложения, статус фокусирования, настройки timeSensitiveSetting и criticalAlertSetting и признаки isPaired, isWatchAppInstalled, isReachable сессии WatchConnectivity и отправляет снимок на сервер при смене состояния. Квитанции и разворачивание свода выполняет Notification Service Extension на Swift. Нативное приложение watchOS регистрируется в APNs с собственным токеном, имеет своё расширение для квитанций доставки и категорию с действием закрытия для квитанций

восприятия, а библиотека react-native-watch-connectivity [1] передаёт на часы сессионный ключ, настройки и кэш содержимого. Логику доставки следует изолировать в отдельном модуле с явным интерфейсом, чтобы смена стратегии не требовала выпуска приложения.

ИМИТАЦИОННЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.

Маршрутизация между iPhone и часами и поведение APNs не воспроизводятся в симуляторе Xcode, поэтому проверка выполнена дискретно-событийным моделированием [15]. В модели учтены правило маршрутизации [3; 9], влияние фокусирования на уровни [5], хранение одного уведомления APNs [4] и квитанции расширений [10]. Состояния пользователя (ношение часов, использование iPhone, удаление от него, фокусирование, отсутствие сети) моделируются марковскими процессами с экспоненциальными временами пребывания; их параметры (допущения модели) даны в табл. 1.

Таблица 1. Основные параметры модели.

Параметр	День	Ночь
Часы надеты в момент события	0,82	0,30
iPhone используется в момент события	0,20	0,04
iPhone вне зоны Bluetooth	0,10	0,04
Активно фокусирование	0,22	0,85
Среднее время до взгляда на iPhone; на часы	9 мин; 7 мин	2,5 ч; 2 ч
Восприятие сигнала часов, обычный уровень; critical	0,93; 0,97	0,60; 0,85
Восприятие звука iPhone, обычный уровень; critical	0,50; 0,90	0,30; 0,80

Доли пользователей, разрешивших time-sensitive и critical, приняты равными 0,75 и 0,90, доля часов с собственной сетью 0,40, точность признаков u, f, v 0,85, 0,90 и 0,80, некритичных уведомлений 8 в сутки. Моделировались 200 пользователей в течение 14 суток. События класса K_1 ($D = 60$ с, $P^* = 0{,}95$, допустим critical) происходили в среднем раз в сутки, класса K_2 ($D = 300$ с, $P^* = 0{,}90$, максимум time-sensitive) трижды. Первые 7 суток служили прогревом, остальные тестированием; $\Delta_1 = 15$ с, $\Delta_2 = 60$ с. Выполнено 10 повторов, около 5 590 тестовых событий в каждом; стратегии получали одни и те же события

(метод общих случайных чисел), 95%-е интервалы построены по распределению Стьюдента между повторами.

Стратегия C_0 моделирует типовое приложение, отправляющее уровень active только на токен iPhone. C_1 использует только iPhone, уровень time-sensitive и напоминания каждые 60 с до трёх раз. C_2 по рекомендации Apple отправляет time-sensitive на iPhone и часы. C_3 (статическая максимальная эскалация) отправляет на оба токена максимальный уровень с напоминаниями каждые 30 с, пятой стратегией служит КАСКАД.

РЕЗУЛЬТАТЫ.

Результаты сведены в табл. 2. Для К1 КАСКАД дал $K_D = 91{,}2\%$ против 90,6% у C_3 и 58,1% у типовой схемы C_0. Парная разность КАСКАД и C_3 составила 0,65 п. п. с интервалом [0,48; 0,82], не содержащим нуля. Для K_2 стратегии C_1, C_3 и КАСКАД неразличимы (разность КАСКАД и C_3 равна −0,02 п. п., интервал [−0,10; 0,07]).

Таблица 2. Показатели стратегий (все столбцы, кроме KD К2, относятся к классу К1).

Стратегия	KD К1, %	KD К2, %	T90, с	Отправок на событие	Доля critical, %	Индекс I
C0	58,1	66,3	3481	1,00	0	1,00
C1	71,7	85,9	917	1,66	0	3,31
C2	71,8	76,7	2389	1,00	0	2,00
C3	90,6	86,0	40,4	1,32	100	5,29
КАСКАД	91,2	86,0	33,0	1,42	63,4	4,17

Главный выигрыш метода состоит в снижении навязчивости. Для K_1 уровень critical понадобился в 63,4% событий против 100% у C_3 (разность −36,6 п. п., интервал [−50,3; −22,9]), а индекс I снизился с 5,29 до 4,17, то есть на 21%; для K_2 он снизился с 3,38 до 2,66, также на 21%. Цена такого снижения видна в первые секунды. За первые 10 с C_3 обеспечивает восприятие 85,4% событий K_1, а КАСКАД 78,0%. После первой эскалации, примерно к 20 с, КАСКАД обгоняет C_3 (89,0% против 85,6%), а 90-й процентиль времени

восприятия T_{90} сокращается с 40,4 до 33,0 с, хотя отправок требуется несколько больше.

Рис. 2 показывает компромисс, управляемый параметром P* (по 5 повторов на точку). При P* = 0,90 метод достигает KD = 90,3%, почти как у C3, при индексе навязчивости 3,01, что на 43% ниже, чем у C3, а при P* = 0,80 индекс опускается до 2,58 при KD = 87,4%. Рост P* выше 0,95 лишь повышает навязчивость (свойство 4).

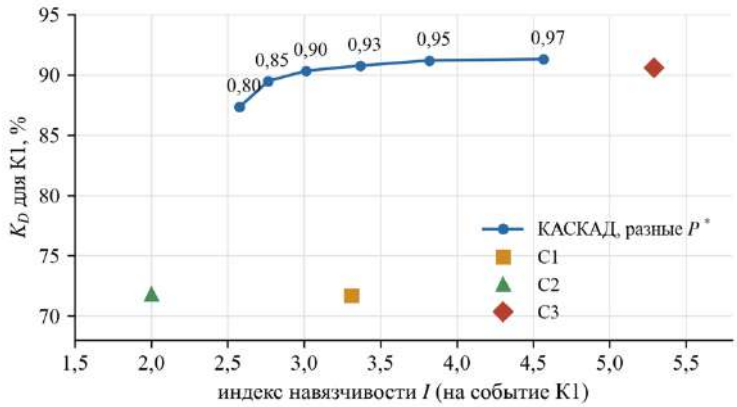

Рисунок 2. Компромисс между своевременностью и навязчивостью, класс К1.

Свойство 3 проверено в стрессовом сценарии с долей времени без сети 15% днём и 10% ночью и 40 некритичными уведомлениями в сутки. C_2 и C_3 потеряли из-за вытеснения хранимого уведомления от 1,1 до 1,3% событий, КАСКАД ни одного, сохранив для К1 K_D = 85,7% против 84,7% у C_3.

ОБСУЖДЕНИЕ И ОГРАНИЧЕНИЯ.

Гипотеза подтверждена в границах модели. Вклад метода состоит не в заметном росте K_D, а в том, что та же доля достигается без систематического применения critical. Это важно, так как разрешение на critical выдаётся ограниченно. Для K_2 цель 0,90 не достигла ни одна стратегия. Пользователи, отключившие time-sensitive, в режиме фокусирования получают уведомление беззвучно, и главный резерв здесь лежит в получении этого разрешения, а не в серверной логике. Архитектура приложения прямо влияет на результат. Типовое

приложение React Native без часовой части ограничено стратегиями C_0 и C_1 с потолком около 72% для K_1, а нативное приложение watchOS с собственным токеном и расширением квитанций является необходимым условием метода.

Параметры модели заданы как допущения и не откалиброваны по физическим устройствам. Изменение точности признака ношения от 0,5 до 0,95 не дало значимой зависимости (K_D от 90,6 до 91,2%), то есть основную информацию несут фокусирование и использование iPhone. Доля событий с critical колеблется между повторами (интервал от 50 до 77%), так как оценки многих ячеек близки к порогу. Внешняя проверка требует пилотной эксплуатации на реальных iPhone и Apple Watch.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Предложен метод КАСКАД предиктивной оптимизации доставки критических уведомлений в приложениях React Native для Apple Watch, включающий формализацию показателей, расчёт вероятностей иерархическим сглаживанием, выбор плана как задачу условной минимизации и реализацию на TurboModule, Notification Service Extension и нативном приложении watchOS. В модели метод сохранил долю своевременного восприятия на уровне статической максимальной эскалации, снизив навязчивость на 21% и исключив потери из-за политики хранения APNs.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Ford M. react-native-watch-connectivity [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/mtford90/react-native-watch-connectivity (дата обращения: 05.10.2026).

2. Apple Inc. WCSession [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/watchconnectivity/wcsession (дата обращения: 06.10.2026).

3. Apple Inc. Notifications on your Apple Watch [Электронный ресурс]. URL: https://support.apple.com/en-us/108369 (дата обращения: 06.10.2026).

4. Apple Inc. Sending notification requests to APNs [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/usernotifications/sending-notification-requests-to-apns (дата обращения: 10.10.2026).

5. Apple Inc. UNNotificationInterruptionLevel [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/usernotifications/unnotificationinterruptionlevel (дата обращения: 11.10.2026).

6. Mehrotra A., Pejovic V., Vermeulen J., Hendley R., Musolesi M. My phone and me: understanding people's receptivity to mobile notifications // Proceedings of CHI 2016. New York: ACM, 2016. P. 1021–1032.

7. Pielot M., Cardoso B., Katevas K., Serrà J., Matic A., Oliver N. Beyond interruptibility: predicting opportune moments to engage mobile phone users // Proceedings of the ACM on Interactive, Mobile, Wearable and Ubiquitous Technologies. 2017. Vol. 1, No. 3. Art. 91.

8. Visuri A., Sarsenbayeva Z., Van Berkel N., Goncalves J., Rawassizadeh R., Kostakos V., Ferreira D. Quantifying sources and types of smartwatch usage sessions // Proceedings of CHI 2017. New York: ACM, 2017. P. 3569–3581.

9. Apple Inc. Enabling and receiving notifications [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/watchos-apps/enabling-and-receiving-notifications (дата обращения: 28.09.2026).

10. Apple Inc. UNNotificationServiceExtension [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/usernotifications/unnotificationserviceextension (дата обращения: 28.09.2026).

11. Apple Inc. customDismissAction [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/usernotifications/unnotificationcategoryoptions/customdismissaction (дата обращения: 11.10.2026).

12. Apple Inc. INFocusStatusCenter [Электронный ресурс]. URL: https://developer.apple.com/documentation/intents/infocusstatuscenter (дата обращения: 11.10.2026).

13. Gelman A., Carlin J.B., Stern H.S., Dunson D.B., Vehtari A., Rubin D.B. Bayesian Data Analysis. 3rd ed. Boca Raton: CRC Press, 2013. 675 p.

14. Turbo Native Modules [Электронный ресурс]. URL: https://reactnative.dev/docs/turbo-native-modules-introduction (дата обращения: 11.10.2026).

15. Law A.M. Simulation Modeling and Analysis. 5th ed. New York: McGraw-Hill Education, 2015. 804 p.

Slesarev R.A.
Chief of the mobile development department
Senior Software Engineer
independent researcher
(St. Petersburg, Russia)

Panyushkin A.M.
Software Engineer
independent researcher
(Samara, Russia)

PREDICTIVE OPTIMIZATION OF CRITICAL NOTIFICATION DELIVERY IN REACT NATIVE APPLICATIONS FOR APPLE WATCH DEVICES RUNNING WATCHOS

Abstract: *this study examines timely delivery of critical notifications to users of React Native applications who wear an Apple Watch. Platform-level notification routing between iPhone and Apple Watch, Focus modes, interruption levels, and APNs retention policies create a gap between notification delivery and user perception that conventional application architectures cannot control. The proposed KASKAD method (context-adaptive cascading targeted delivery scheme) uses observable context to select a two-stage interruption-level plan that minimizes expected intrusiveness while meeting a constraint on the probability of perception before a specified deadline. Probabilities are estimated using hierarchical beta-binomial smoothing, and plan execution is closed-loop, guided by delivery and perception acknowledgments. Properties of the method are formulated, and its implementation is described. In a simulation experiment, the method achieved timely perception for 91.2% of highest-class events, compared with 58.1% under a conventional scheme and 90.6% under static maximum escalation, while reducing the share of events assigned the critical interruption level to 63.4% and the intrusiveness index by 21%.*

Keywords: *React Native, watchOS, Apple Watch, push notification, APNs, interruption level, cascading delivery, Bayesian estimation, timely perception.*

УДК 691.175+692.23

Копылов Л.Н.
магистрант
Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. ак. Д.Н. Прянишникова
(г. Пермь, Россия)

Научный руководитель:
Пугин К.Г.
доктор технических наук, профессор, доцент
кафедра строительных технологий
Пермский государственный аграрно-технологический университет
им. ак. Д.Н. Прянишникова
(г. Пермь, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ ПОЛИМЕРОВ И КОМПОЗИТОВ ДЛЯ ЭНЕРГОЭФФЕКТИВНОСТИ МАЛОЭТАЖНЫХ ЗДАНИЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ

***Аннотация**: в статье представлено обоснование применения полимерных и композиционных материалов в ограждающих и несущих конструкциях малоэтажного жилищного и сельскохозяйственного строительства. На базе действующих нормативных документов выполнен сравнительный анализ энергоэффективности и долговечности типовых решений. Рассмотрены варианты конструкций стен (трёхслойные теплоблоки с композитными связями) и полов животноводческих помещений (полимербетонные и наливные полимерные покрытия). Проведена технико-экономическая оценка с учётом совокупной стоимости владения. Показано, что применение данных материалов позволяет повысить энергоэффективность зданий, увеличить срок службы конструкций в агрессивных средах и снизить эксплуатационные затраты, несмотря на рост капитальных вложений.*

***Ключевые слова**: полимерный материал, композит, энергоэффективность, долговечность, теплозащита, сельскохозяйственное здание, малоэтажное строительство, теплоблок, полимербетон, совокупная стоимость владения.*

Повышение энергоэффективности и долговечности зданий — одно из приоритетных направлений современного строительства. В условиях холодного климата и значительной доли удалённых сельских территорий особую

актуальность приобретают решения, сочетающие высокие теплозащитные характеристики, стойкость к эксплуатационным воздействиям и технологичность. [5].

В Пермском крае, характеризующемся продолжительным отопительным периодом, высокими градусо–сутками отопительного периода (ГСОП) и значительной влажностью, требования к теплозащите и долговечности конструкций особенно жёсткие. Одновременно в сельскохозяйственном секторе (животноводческие комплексы) конструкции подвергаются воздействию агрессивных сред (аммиак, моющие средства, высокая влажность), что ускоряет деградацию традиционных материалов. [2].

Энергоэффективность и долговечность зданий — ключевые показатели, определяющие экономическую и эксплуатационную устойчивость объектов капитального строительства. [3] В условиях Пермского края эти параметры приобретают особую значимость: регион характеризуется продолжительным отопительным периодом, высокой влажностью и значительными перепадами температур, а в сельскохозяйственном секторе — ещё и агрессивным эксплуатационным воздействием на конструкции.

Под энергоэффективностью здания понимается рациональное использование энергетических ресурсов для обеспечения нормируемых параметров микроклимата при минимально возможных затратах. Под долговечностью — способность конструкций сохранять эксплуатационные характеристики в течение заданного срока службы при воздействии климатических, механических и химических факторов. Под совокупной стоимостью владения (LCC) — сумма капитальных и эксплуатационных затрат за весь жизненный цикл объекта.

Цель настоящей работы — обосновать применение полимерных и композиционных материалов в малоэтажном жилищном и сельскохозяйственном строительстве с учётом климатических и эксплуатационных условий Пермского края.

Задачи исследования:

проанализировать нормативную базу по энергоэффективности, надёжности и долговечности строительных конструкций,

сформировать систему критериев сравнительной оценки конструктивных решений,

выполнить сравнительный анализ типовых решений с применением полимерных и композиционных материалов,

провести технико–экономическую оценку вариантов по совокупной стоимости владения.

Конструктивные решения для малоэтажного жилья.

Для жилых зданий в Пермском крае наиболее перспективными являются трёхслойные теплоблоки с композитными связями. Базовые технические требования к полимерным композитам и гибким связям регламентированы ГОСТ 31938-2022. [4] Их преимущество заключается в комплексном сочетании несущей способности, теплозащиты и технологичности монтажа.

Таблица 1. Сравнительная характеристика стеновых решений для малоэтажного дома в Пермском крае.

№ п/п	Показатель	Кирпичная кладка + утеплитель	Трёхслойный теплоблок с композитными связями
1	Приведённое сопротивление теплопередаче (R0r)	Соответствует нормативам, но возможны локальные зоны пониженного сопротивления («мостики холода»)	Выше нормативных значений [1] за счёт исключения металлических связей и качественной стыковки слоёв [4]
2	Теплозащитные свойства	Зависит от качества монтажа утеплителя и герметизации швов	Стабильны благодаря заводской готовности и контролируемому качеству [6]

№ п/п	Показатель	Кирпичная кладка + утеплитель	Трёхслойный теплоблок с композитными связями
3	Скорость монтажа	Низкая (много «мокрых» процессов, зависимость от погодных условий)	Высокая (крупноразмерные элементы, минимум «мокрых» работ)
4	Долговечность	Средняя (риск расслоения, увлажнения утеплителя)	Высокая (композитные связи не подвержены коррозии, утеплитель защищён слоями)
5	Класс энергоэффективности	C–B (зависит от качества исполнения) [5]	B–A (при соблюдении проектных решений) [5]
6	Эксплуатационные расходы	Выше из-за возможных теплопотерь и ремонтов	Ниже за счёт стабильных теплозащитных характеристик [1]

Таким образом, трёхслойные теплоблоки позволяют стабильно достигать высоких классов энергоэффективности и минимизировать эксплуатационные риски.

Конструктивные решения для животноводческих комплексов.

Для животноводческих зданий критическими факторами являются агрессивность среды (аммиак, моющие средства, высокая влажность) и необходимость регулярной уборки и дезинфекции. Этим требованиям [2] наилучшим образом соответствуют полимербетонные и наливные полимерные полы.

Таблица 2. Сравнительные характеристики полов для животноводческих помещений.

№ п/п	Показатель	Бетонный пол с топпингом	Полимербетонный пол	Наливной полимерный пол
1	Химическая стойкость	Умеренная (со временем появляются микропоры, впитывание загрязнений)	Высокая (плотная структура, стойкость к аммиаку и моющим средствам) [7]	Очень высокая (непористая поверхность, инертность к большинству реагентов) [8]
2	Износостойкость	Средняя (истирание топпинга, образование выбоин)	Высокая (армированная структура, стойкость к абразивному износу) [6]	Средняя–высокая (зависит от типа смолы и толщины слоя)
3	Гигиеничность	Удовлетворительная (поры и микротрещины накапливают загрязнения)	Высокая (гладкая поверхность, лёгкая уборка, дезинфекция)	Очень высокая (бесшовность, отсутствие мест скопления бактерий)
4	Ремонто-пригодность	Хорошая (локальный ремонт бетона)	Удовлетворительная (требуется подготовка основания)	Хорошая (точечный ремонт дефектов)
5	Расчётный срок службы в агрессивной среде [2]	15–20 лет	35–40 лет	20–25 лет
6	Требования к основанию	Стандартные	Ровное, прочное, обеспыленное	Идеально ровное, сухое, подготовленное

Полимербетонные полы демонстрируют оптимальное сочетание долговечности, стойкости к химии и ремонтопригодности, что делает их наиболее рациональным выбором для зон интенсивной эксплуатации.

Технико–экономическая оценка.

Экономическая целесообразность применения инновационных материалов оценивается не только по стоимости строительства, но и по совокупной стоимости владения (LCC), включающей:

капитальные затраты (стоимость материалов и монтажа),

эксплуатационные расходы (отопление, ремонты, обслуживание),

потери из–за простоев (актуально для сельхозздний).

Таблица 3. Сравнительная оценка совокупной стоимости владения за 30 лет.

№ п/п	Вариант решения	Капитальные затраты	Эксплуатационные расходы (отопление)	Расходы на ремонты и обслуживание	Совокупная стоимость владения (LCC)
1	Кирпичная стена + утеплитель	Базовые	Высокие (возможны теплопотери из-за дефектов монтажа) [1]	Средние (периодические ремонты утеплителя и швов)	Высокая
2	Трёхслойный теплоблок	На 10–20% выше базовых	Низкие (стабильная теплозащита, минимальные теплопотери) [9]	Низкие (высокая долговечность, отсутствие коррозии связей)	Ниже базового варианта за счёт экономии на отоплении и ремонтах
3	Бетонный пол с топпингом	Базовые	—	Высокие (частые ремонты из-за износа и воздействия химии) [2]	Высокая
4	Полимер-бетонный пол	На 15–20% выше базовых	—	Низкие (редкие ремонты, длительный межремонтный период)	Ниже базового варианта за счёт снижения эксплуатационных расходов

Как видно из таблицы 3, несмотря на более высокие первоначальные вложения, инновационные решения обеспечивают снижение совокупной стоимости владения благодаря экономии на отоплении и минимизации расходов на ремонты.

Выводы.

Действующая нормативная база (СП, ГОСТ) позволяет системно обосновывать применение полимерных и композиционных материалов без проведения собственных экспериментальных исследований.

Трёхслойные теплоблоки с композитными связями обеспечивают высокую теплозащиту [1] и позволяют достигать классов энергоэффективности А и В в условиях холодного климата.

Полимербетонные полы являются оптимальным решением для животноводческих помещений: они сочетают высокую химическую стойкость, износостойкость и гигиеничность.

Несмотря на рост капитальных затрат на 10–20%, инновационные решения снижают совокупную стоимость владения за счёт экономии на отоплении [16] и ремонтах.

Применение полимерных и композиционных материалов является технически и экономически обоснованным для малоэтажного и сельскохозяйственного строительства в Пермском крае.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются детальный анализ жизненного цикла (LCA) с учётом углеродного следа, разработка типовых узлов и каталогов решений, а также адаптация принципов пассивного дома к условиям удалённых территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. СП 50.13330.2024. Тепловая защита зданий. Актуализированная редакция СНиП 23-02-2003. М.: Минстрой России, 2024.
2. СП 28.13330.2017. Защита строительных конструкций от коррозии. Актуализированная редакция СНиП 2.03.11-85. М.: Минстрой России, 2017.
3. ГОСТ 27751-2014. Надёжность строительных конструкций и оснований. М.: Стандартинформ, 2015.
4. ГОСТ 31938-2022. Арматура композитная полимерная для армирования бетонных конструкций. Общие технические условия. М.: Стандартинформ, 2022.
5. Федеральный закон от 23.11.2009 № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
6. Соловьёв В.Г., Коровяков В.Ф., Ларсен О.А. и др. Композиционные материалы в строительстве: учебное пособие. М.: МИСИ — МГСУ, 2020. ISBN 978-5-7264-2163-6.
7. Кербер М.Л. и др. Полимерные композиционные материалы: структура, свойства, технология. 5-е изд., испр. и доп. СПб.: ЦОП «Профессия», 2018. 640 с. ISBN 978-5-91844-103-0.
8. Михайлин Ю.А. Конструкционные полимерные композиционные материалы. 2-е изд. СПб.: ЦОП «Профессия», 2015. 822 с. ISBN 978-5-91703-003-6.
9. Байгильдина А.И. Повышение энергоэффективности в строительстве с помощью архитектурно-планировочных решений // Молодой учёный. 2023. № 51 (498). С. 46–47.

Kopylov L.N.
master's degree student
Perm State Agrarian and Technological University
named after D.N. Pryanishnikov
(Perm, Russia)

Scientific advisor:
Pugin K.G.
PhD in Engineering, Professor, Associate Professor
Department of Construction Technologies
Perm State Agrarian and Technological University
named after D.N. Pryanishnikov
(Perm, Russia)

USE OF POLYMERS AND COMPOSITES TO IMPROVE ENERGY EFFICIENCY OF LOW-RISE BUILDINGS IN PERM REGION

Abstract: *this article presents a rationale for using polymer and composite materials in building envelopes and load-bearing structures for low-rise residential and agricultural buildings. A comparative analysis of the energy efficiency and durability of standard construction solutions is conducted on the basis of current regulatory documents. Wall assemblies made of three-layer thermal blocks with composite connectors and floors for livestock facilities with polymer concrete or self-leveling polymer coatings are examined. A techno-economic assessment accounts for total cost of ownership. The findings show that these materials can improve building energy efficiency, extend the service life of structures exposed to aggressive environments, and reduce operating costs despite higher initial investment.*

Keywords: *polymer material, composite, energy efficiency, durability, thermal protection, agricultural building, low-rise construction, thermal block, polymer concrete, total ownership cost.*

УДК 69.003

Люльков Г.А.

магистрант

Московский государственный строительный университет

(г. Москва, Россия)

КОНВЕРГЕНЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УПРАВЛЕНИИ СТРОИТЕЛЬНЫМИ ПРОЕКТАМИ

***Аннотация**: в статье рассматривается конвергенция технологий информационного моделирования (ТИМ) и систем искусственного интеллекта в управлении строительными проектами. Предложена концептуальная модель, включающая три взаимосвязанных компонента: информационную модель объекта, инструменты искусственного интеллекта и цифровую среду управления проектом. Разработана математическая модель конвергенции, описывающая замкнутый информационный цикл взаимодействия ТИМ-модели и систем искусственного интеллекта. Определены четыре группы функциональных запросов к системам искусственного интеллекта: анализ данных проекта, прогнозирование и оптимизация, автоматическое генерирование контента, интерактивное сотрудничество. Рассмотрены факторы конкурентоспособности строительного предприятия в условиях цифровой трансформации и стратегические направления цифровизации управления.*

***Ключевые слова**: технологии информационного моделирования, искусственный интеллект, цифровизация, управление строительными проектами, конвергенция, конкурентоспособность, цифровая среда.*

Строительная отрасль характеризуется значительным количеством рисков, которые могут привести к нарушению сроков, увеличению стоимости и снижению качества проектов. Цифровизация и применение технологий информационного моделирования (ТИМ) и систем искусственного интеллекта (ИИ) рассматриваются как эффективные инструменты повышения качества управления строительными проектами [1, с. 45].

В Российской Федерации развитие цифровизации строительства осуществляется в рамках стратегических направлений цифровой трансформации экономики. На государственном уровне реализуются программы, направленные на внедрение ТИМ и систем искусственного интеллекта, повышение эффективности управления проектами и сокращение сроков инвестиционно-строительного цикла [2, с. 112].

Применение ТИМ и ИИ на цифровых платформах управления строительными проектами оказывает существенное влияние на повышение производительности и эффективности строительных процессов. Однако при их внедрении возникает ряд проблем: высокие затраты на внедрение, недостаточный уровень квалификации персонала, недостаточность стандартов обмена данными, проблемы информационной безопасности, низкое качество исходных данных и социально-экономические аспекты [3, с. 28].

Среди ключевых трендов цифрового пространства в строительстве выделяются: данные как стратегический ресурс конкурентоспособности, развитие Интернета вещей (IoT, IIoT), цифровая трансформация как фактор развития отрасли, распространение бизнес-моделей совместного использования ресурсов, а также концепции «Индустрия 4.0» и «Индустрия 5.0» [4, с. 73]. Концепция «Индустрия 5.0» ориентирована на взаимодействие человека и интеллектуальных машин, гибкость производственных процессов и персонализацию продукции. Она основана на использовании технологий искусственного интеллекта, интернета вещей, робототехники, аддитивных технологий, облачных вычислений и анализа больших данных [5, с. 12].

Концептуальная модель применения ТИМ и искусственного интеллекта в управлении строительными проектами включает три взаимосвязанных компонента, взаимодействие между которыми осуществляется посредством механизма конвергенции — взаимного проникновения, дополнения и согласования функций [6, с. 88].

Первый компонент связан с информационной моделью строительного объекта и ТИМ-технологиями. На данном уровне формируется и структурируется информация о проекте: конструктивные элементы, объёмы работ, сроки, ресурсы, стоимость и другие параметры.

Второй компонент связан с инструментами искусственного интеллекта, предназначенными для обработки и анализа информации, выявления зависимостей, прогнозирования изменений и формирования рекомендаций для специалистов.

Третий компонент представляет собой цифровую среду управления проектом, в которой результаты анализа ТИМ-модели и работы систем ИИ используются для совершенствования процессов планирования, контроля и принятия управленческих решений.

В рамках исследования рассматривается применение нескольких систем искусственного интеллекта, включая ChatGPT, Gemini и другие. После применения каждой из систем выполняется операция бенчмаркинга — сопоставление результатов с целью определения наиболее обоснованного варианта решения. Последовательность взаимодействия выглядит следующим образом: ТИМ-модель → формирование исходных данных → анализ средствами ИИ → сопоставление результатов → бенчмаркинг → выбор управленческого решения → использование решения в цифровой модели проекта [7, с. 156].

Механизм конвергенции определяется через сбалансированную модель на уровнях функциональной и управленческой областей. На функциональном уровне рассматриваются возможности ТИМ по формированию, хранению и визуализации информации. На управленческом — процессы планирования, организации, контроля и принятия решений. Использование ИИ позволяет дополнить функции ТИМ возможностями интеллектуального анализа данных, при этом ИИ не заменяет специалиста, а формирует дополнительный цифровой инструмент поддержки его деятельности [8, с. 204].

Для определения условий, влияющих на эффективность цифрового управления строительными проектами, необходимо учитывать совокупность факторов внешней и внутренней среды организации. Применительно к российским условиям данные факторы могут быть представлены десятью группами [9, с. 37]:

1) динамика экономики — темпы экономического роста, инвестиционная активность, устойчивость финансовой системы,

2) эффективность производства — затраты на оплату труда, производительность, эффективность использования машин и механизмов,

3) динамика строительного рынка — объём спроса, уровень конкуренции, способность адаптации к изменениям,

4) развитие финансовой системы — доступность ресурсов, условия кредитования, инвестиционный рынок,

5) человеческие ресурсы — квалификация работников, наличие специалистов в области ТИМ и анализа данных,

6) роль государства — политика в области строительства и цифровой трансформации, нормативное регулирование,

7) ресурсы и инфраструктура — доступность материалов, транспортной и информационно-телекоммуникационной инфраструктуры,

8) готовность к цифровой трансформации — способность внедрять современные методы управления и цифровые платформы,

9) инновационная политика — исследования и разработки, готовность к внедрению новых технологий,

10) социально-экономическая ситуация — уровень доходов, условия труда, готовность к освоению цифровых технологий.

В условиях цифровой трансформации к традиционным факторам конкурентоспособности добавляются технологическая зрелость, способность работать с большими объёмами данных, уровень цифровизации управленческих процессов и готовность использовать интеллектуальные системы поддержки решений [10, с. 91].

Стратегия строительного предприятия в цифровую эпоху должна учитывать восемь функциональных направлений: формирование производственной программы, взаимодействие с рынками ресурсов, цифровизацию финансового управления, снижение транзакционных затрат, снижение производственных затрат, инвестиционную деятельность, стимулирование персонала и стратегию цифровизации [11, с. 143].

Взаимосвязь ТИМ-модели и системы ИИ формализована через систему уравнений. Обновление состояния ТИМ-модели:

$$X(t+1) = f(X(t), U(t)) \quad (1).$$

где X(t) — состояние ТИМ-модели в момент времени t, U(t) — исходные данные, f — функция изменения состояния модели.

Изменение состояния системы ИИ:

$$A(t+1) = g(A(t), X(t)) \quad (2).$$

где A(t) — состояние системы ИИ, g — функция её изменения. Формирование ИИ исходных данных для ТИМ:

$$U(t) = h(A(t)) \quad (3).$$

где h — функция генерации входных данных. Уравнения (1)–(3) описывают замкнутый информационный цикл: ИИ анализирует текущее состояние модели, формирует рекомендации, которые обновляют модель, и процесс повторяется.

Для оценки управленческих решений используется многокритериальный подход. Каждая ценность проекта (качество, сроки, бюджет, сотрудничество, коммуникация) оценивается по шкале от 1 до 100, а целевая функция:

$$V = \Sigma v_i \quad (4).$$

Для практического формирования входных данных ТИМ-модели определены четыре функциональные группы запросов к системам искусственного интеллекта [12, с. 67].

Анализ данных проекта. ИИ анализирует чертежи, спецификации и планы, извлекает информацию о проектных решениях, материалах и характеристиках здания. Типовые запросы включают обоснование проекта, анализ прибыльности (ROI, NPV, BCR), анализ отклонений по срокам и стоимости, анализ освоенного объёма (Earned Value).

Прогнозирование и оптимизация. Методы машинного обучения применяются для прогнозирования потребностей проекта — материалы, рабочая сила, оборудование. Запросы охватывают прогнозирование поведения проекта на жизненном цикле, оптимизацию затрат и проектных решений.

Автоматическое генерирование контента. ИИ создаёт 3D-модели строительных компонентов, детальные чертежи и спецификации. Запросы включают генерирование контента, оценку точности проектных решений и проверку полноты контента.

Интерактивное сотрудничество. ИИ взаимодействует с проектировщиками и инженерами в режиме реального времени. Запросы касаются организации распределённых команд, стилей лидерства, мотивации, управления конфликтами и кризисами [13, с. 215].

Использование ИИ для формирования входных данных ТИМ-модели даёт ощутимые преимущества: автоматизация рутинных задач, повышение точности модели, поддержка принятия решений, улучшение координации. Но существуют и ограничения: потребность в значительных объёмах качественных данных, сложность разработки систем, необходимость квалифицированных специалистов на стыке строительства и Data Science, вопросы конфиденциальности и безопасности данных, затраты на внедрение [14, с. 189].

Цифровизация управления строительными проектами — это не просто перевод документов в электронную форму, а изменение самого процесса управления, при котором информационные данные становятся основой для планирования, контроля и корректировки решений. ТИМ выступает не только средством трёхмерного моделирования, но и информационной основой управления проектом. Искусственный интеллект — инструментом поддержки специалиста, а окончательное решение остаётся за ответственным участником с учётом нормативных требований, профессиональных компетенций и фактических условий строительства.

Конвергенция ТИМ и ИИ на цифровых платформах открывает путь к повышению эффективности, качества и безопасности строительных процессов. Реализация этого потенциала требует комплексного подхода — от развития нормативно-методической базы и подготовки кадров до прикладных исследований и внедрения конкретных цифровых решений. Строительные организации, первыми выстроившие системное взаимодействие между информационной моделью, искусственным интеллектом и управленческими процессами, получат ощутимое конкурентное преимущество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барановская Н.И. Цифровая трансформация строительной отрасли: проблемы и перспективы // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2023. Т. 13. № 1. С. 44–53
2. Болотин С.А. Информационное моделирование в управлении строительными проектами // Строительное производство. 2022. № 4. С. 112–120
3. Волков А.А. Цифровизация строительной отрасли: состояние и направления развития // Вестник МГСУ. 2023. Т. 18. № 3. С. 28–37
4. Воропаев В.И. Управление проектами в условиях цифровой трансформации // Управление проектами и программами. 2022. № 2. С. 72–81

5. Громов Ю.Ю. Индустрия 5.0: концепция и технологии // Информационные технологии. 2023. Т. 29. № 1. С. 12–20

6. Ефименко А.З. Конвергенция BIM-технологий и искусственного интеллекта // Информационное моделирование. 2023. № 3. С. 88–97

7. Кадомцев М.И. Цифровые платформы управления строительством // Строительная механика и расчёт сооружений. 2022. № 5. С. 156–165

8. Коно Т. Стратегия и структура японских предприятий. М.: Прогресс, 2018. 384 с.

9. Куликов Ю.П. Конкурентоспособность строительных предприятий в условиях цифровой экономики // Экономика строительства. 2023. № 2. С. 37–45

10. Лапидус А.А. Информационное моделирование и искусственный интеллект в строительстве // Вестник МГСУ. 2023. Т. 18. № 5. С. 91–102

11. Лукманова И.Г. Стратегия цифровизации строительного предприятия // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2022. Т. 12. № 4. С. 143–152

12. Садчиков Д.Г. Применение искусственного интеллекта в управлении строительными проектами // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15. № 3. С. 67–75

13. СП 333.1325800.2020. Информационное моделирование в строительстве. Правила формирования информационной модели объектов, возводимых из монолитного железобетона. М.: Стандартинформ, 2020. 48 с.

14. Талапов В.В. BIM-технологии и искусственный интеллект в строительстве. М.: ДМК Пресс, 2022. 352 с.

Lyulkov G.A.
master's degree student
Moscow State University of Civil Engineering
(Moscow, Russia)

CONVERGENCE OF BUILDING INFORMATION MODELING AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN CONSTRUCTION PROJECT MANAGEMENT

Abstract: *this article examines convergence of building information modeling (BIM) technologies and artificial intelligence systems in construction project management. A conceptual model is proposed comprising three interconnected components: a building information model, artificial intelligence tools, and a digital project management environment. A mathematical model of convergence is developed to describe a closed-loop information cycle linking the BIM model and artificial intelligence systems. Four categories of functional requests for artificial intelligence systems are identified: project data analysis, forecasting and optimization, automated content generation, and interactive collaboration. Factors affecting construction enterprise competitiveness amid digital transformation and strategic directions for digitalizing management are examined.*

Keywords: *building information modeling, artificial intelligence, digitalization, construction project management, convergence, competitiveness, digital environment.*

УДК 69

Хаджиков Р.П.
магистрант 2 курса
направление подготовки 08.04.01 «Строительство»,
программа «Теория и проектирование зданий и сооружений»
Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова
(г. Луганск, Россия)

ИННОВАЦИОННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ СТРОИТЕЛЬСТВА ГРАЖДАНСКИХ ЗДАНИЙ

***Аннотация**: в статье рассматривается проблема комплексного обоснования применения современных строительных материалов в инновационных методах строительства гражданских зданий. Проанализированы ключевые инновационные методы — модульное строительство, аддитивные технологии (3D-печать), монолитное строительство с модифицирующими добавками. Представлена классификация современных материалов: композиты, наномодифицированные и самовосстанавливающиеся бетоны, аэрогели, биоматериалы. Разработана многокритериальная система оценки, включающая технические, экономические, экологические и инновационные критерии. На основе расчётно-аналитического обоснования показано, что применение современных материалов обеспечивает сокращение сроков строительства на 30–50%, снижение эксплуатационных затрат на 20–40% и уменьшение углеродного следа на 40–70%. Сформулированы рекомендации по внедрению современных материалов в практику строительства гражданских зданий в России с учётом актуальной нормативной базы 2025–2026 годов.*

***Ключевые слова**: строительные материалы, инновационные методы, модульное строительство, 3D-печать, бетон, наномодификация, самовосстановление, аэрогель, биоматериал, энергоэффективность, углеродный след, технико-экономическое обоснование.*

Современное гражданское строительство переживает период интенсивных преобразований, обусловленных глобальными вызовами: быстрым ростом урбанизации, необходимостью снижения экологического воздействия и требованиями к повышению энергоэффективности объектов. По данным ООН, к 2050 году 68% населения мира будет проживать в городах, что значительно увеличит спрос на жильё и инфраструктуру. Строительная отрасль является одним из ключевых потребителей ресурсов и источников выбросов CO_2, генерируя до 35–40% глобальных отходов. Традиционные материалы и методы строительства (монолитный железобетон, кирпичная кладка) часто не соответствуют современным требованиям устойчивого развития: они энергоёмки в производстве, генерируют значительные отходы и имеют высокий углеродный след [1]. В то же время инновационные методы — модульное строительство, 3D-печать зданий, применение BIM-технологий и робототехники — позволяют сократить сроки возведения на 20–50%, снизить затраты на 10–30% и минимизировать отходы.

В России эти тенденции усугубляются национальными приоритетами: в соответствии с федеральным проектом «Экономика замкнутого цикла» к 2030 году доля вторичных строительных ресурсов на стройплощадках должна достигнуть 40%, а с 1 января 2025 года действует распоряжение правительства об обязательном использовании вторичного сырья в производстве материалов для жилья, дорог и благоустройства [4]. Однако переход к инновациям сталкивается с барьерами: высокой стоимостью новых материалов, недостаточной нормативной базой и консерватизмом отрасли. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного обоснования применения современных материалов именно в инновационных методах строительства с одновременным учётом технико-экономических, экологических и нормативных критериев применительно к условиям России.

Инновационные методы строительства и требования к материалам.

Ключевыми инновационными методами для гражданских зданий являются модульное строительство, аддитивные технологии (3D-печать) и эволюция монолитного строительства с современными добавками. Модульное строительство подразумевает заводское изготовление готовых блоков с полной отделкой и инженерными системами, которые затем транспортируются и собираются на площадке, что позволяет сократить сроки строительства на 30–50%. В России заводы Группы «Эталон» в Ленинградской области реализуют проекты многоэтажных жилых комплексов, а Минстрой утвердил нормативы для модульных зданий высотой до 75 м.

3D-печать в строительстве — это послойное нанесение бетонной смеси с помощью роботизированных принтеров. Технология позволяет создавать сложные формы, минимизировать отходы (до 60% экономии материала) и ускорять процесс. В России проекты компаний Apis Cor и Smart Build Service демонстрируют печать зданий за 24–75 часов, план Минстроя — 1 млн м² жилья на 3D-принтерах к 2030 году. Традиционное монолитное строительство эволюционирует за счёт модифицирующих добавок: самоуплотняющийся бетон (SCC), наномодифицированные составы, самовосстанавливающийся бетон с бактериями Bacillus subtilis для автоматической заделки микротрещин [3].

Требования к материалам в современном гражданском строительстве регламентируются обновлённой нормативной базой. СП 555.1325800.2025 устанавливает иерархию нормативных документов и обязательные требования к материалам по качеству и безопасности [4]. СП 50.13330.2024 «Тепловая защита зданий» определяет минимальные классы энергоэффективности (А++ для новых зданий с 2026 года) и нормируемое сопротивление теплопередаче стен $R \geq 3{,}5$ м²·К/Вт. ГОСТ Р 54964-2023 ограничивает углеродный след зданий величиной менее 500 кг CO_2-экв./м². Федеральный проект «Экономика замкнутого цикла» требует долю вторичного сырья в строительстве 20–40% при сохранении нормативных прочностных характеристик.

Классификация и свойства современных строительных материалов.

Композитные материалы (FRP — фиброармированные полимеры) представляют собой многокомпонентные системы из полимерной матрицы и армирующих волокон (стеклянных, углеродных, базальтовых). Их плотность составляет 1200–2000 кг/м³ — в 4–6 раз ниже стали, прочность при растяжении достигает 500–3000 МПа. Композиты обладают высокой коррозионной стойкостью и долговечностью более 70 лет, что позволяет снижать массу конструкций на 30–50% [1]. В гражданском строительстве они применяются в качестве арматуры, фасадных панелей и элементов мостовых конструкций.

Наномодифицированные бетоны получают введением наночастиц (нано-SiO_2, углеродные нанотрубки, графен) в цементные композиции. Это позволяет повысить прочность при сжатии до 150–200 МПа (против 20–60 МПа у традиционного бетона), снизить общую пористость на 20–40% и увеличить морозостойкость до марок F500–F1000. Долговечность конструкций возрастает на 50–100%. Самовосстанавливающиеся бетоны способны автоматически устранять микротрещины шириной до 0,3–1,0 мм за счёт бактериальных или капсульных технологий, что увеличивает срок службы конструкций на 30–50% и снижает затраты на ремонт на 40–60% [3].

Аэрогели — ультралёгкие пористые материалы с теплопроводностью 0,013–0,025 Вт/(м·К), что в 2–8 раз ниже показателей традиционных утеплителей [2]. Более 90% их объёма составляет воздух, заключённый в нанопористую структуру. Применение аэрогелей позволяет снизить толщину теплоизоляционного слоя в 2–3 раза при сохранении нормативного сопротивления теплопередаче, что особенно актуально при реконструкции зданий. Биоматериалы (хемпкрит, мицелиевые композиты) характеризуются низким углеродным следом и способностью аккумулировать CO_2. Хемпкрит имеет плотность 300–500 кг/м³, теплопроводность 0,07–0,12 Вт/(м·К), высокую паропроницаемость и отрицательный углеродный след на протяжении жизненного цикла.

Сравнение ключевых свойств современных и традиционных материалов.

Материал	Плотность, кг/м³	Прочность, МПа	Теплопроводность, Вт/(м·К)	Долговечность, лет
Традиционный бетон	2400	20–60	1,5–2,0	50–70
Композит (FRP)	~1500	500–3000 (раст.)	0,3–0,5	70+
Наномодиф. бетон	2200–2400	100–200	1,0–1,5	100+
Самовосст. бетон	~2300	40–100	1,2–1,8	100+
Аэрогель	3–150	0,1–1,0	0,013–0,025	50+

Методы сравнительного анализа и расчётное обоснование.

Для объективного выбора материалов применяется многокритериальная система оценки, основанная на сравнении альтернатив по совокупности технических (прочность, теплопроводность, технологичность), экономических (стоимость жизненного цикла LCC, срок окупаемости), экологических (углеродный след по LCA, доля вторичного сырья) и инновационных (адаптация к 3D-печати и модульности, интеграция с BIM) критериев. Технико-экономическое обоснование предполагает сравнение материалов по удельным показателям и расчёт чистого дисконтированного дохода (NPV), учитывающего инвестиционные и эксплуатационные затраты на протяжении нормативного срока службы здания.

В качестве расчётного примера рассмотрено сравнение традиционной кирпичной стены и современной многослойной конструкции с хемпкритом и аэрогелем для 10-этажного жилого дома (5000 м², Центральный федеральный округ, $R \geq 3,5$ м²·К/Вт). Сопротивление теплопередаче традиционной стены из силикатного кирпича ($\delta = 0,38$ м, $\lambda = 0,8$ Вт/(м·К)) составляет лишь 0,47 м²·К/Вт, что не удовлетворяет нормативным требованиям. Современная конструкция (несущий каркас + хемпкрит 0,3 м + аэрогелевая панель 0,02 м) обеспечивает $R = 5,5$ м²·К/Вт, превышая норму в 1,5 раза. Расчёт NPV показывает положительное значение +15 млн руб. при сроке окупаемости 1,25 года за счёт снижения энергозатрат на отопление. Углеродный след современной конструкции (200–300 кг/м²) на 50–70% ниже традиционной (600–800 кг/м²), что обеспечивает соответствие стандартам GREEN ZOOM и нормативам 2025–2026 годов.

Анализ чувствительности показывает, что NPV современной конструкции остаётся положительным в 85% сценариев при колебаниях цен ±10% и ставке дисконтирования ±2%. Применение композитов повышает сейсмостойкость конструкций на 20% в соответствии с СП 14.13330.2025, снижая вероятность разрушения здания. Практика подтверждает, что композитные материалы в модульном строительстве снижают массу конструкций до 40%, сокращают транспортные затраты на 25–35% и уменьшают сроки монтажа.

Рекомендации по внедрению и риски.

На основе проведённого анализа сформулированы рекомендации по внедрению современных материалов, структурированные по ключевым аспектам. В нормативно-правовой сфере необходимо ускорить разработку специализированных СП для композитной арматуры, наномодифицированных и самовосстанавливающихся бетонов, а также гармонизировать российские методики испытаний с международными стандартами ISO, ASTM и EN.

В организационной сфере целесообразно создать национальную базу данных характеристик инновационных материалов и внедрить систему «цифрового паспорта материала», интегрированного в BIM-модель здания. В технической сфере следует расширить применение пилотных проектов с обязательным мониторингом эксплуатационных характеристик, особенно в северных и сейсмических регионах России.

Экономические рекомендации включают расширение субсидий до 20% стоимости проектов с энергоэффективностью класса А++, гранты на НИОКР от Минпромторга и использование государственно-частного партнёрства для пилотных проектов. Экологические рекомендации предусматривают использование материалов с долей вторичного сырья не менее 40% к 2030 году, обязательную оценку жизненного цикла (LCA) для всех проектов и внедрение экологической сертификации GREEN ZOOM для не менее 50% новых объектов к 2027 году. Внедрение современных материалов сопряжено с комплексом рисков: технологическими (ограниченная статистика отказов), экономическими (высокая первоначальная стоимость), нормативно-правовыми (отсутствие специализированных стандартов) и рыночными (зависимость от импортных компонентов). Комплексное применение предложенных мер снижения рисков способно сократить их уровень с «высокого» до «среднего» в течение 3–5 лет.

Проведённое исследование подтверждает, что применение современных строительных материалов в инновационных методах строительства гражданских зданий обеспечивает синергетический эффект: сокращение сроков строительства на 30–50%, снижение эксплуатационных затрат на 20–40% и уменьшение углеродного следа на 40–70%. Многокритериальная система оценки, включающая технические, экономические, экологические и инновационные критерии, позволяет обоснованно выбирать материалы для конкретных проектов с учётом климатических и нормативных условий России. Расчётно-аналитическое обоснование на примере 10-этажного жилого дома подтвердило эффективность современной конструкции ($R = 5{,}5$ м²·К/Вт, NPV +15 млн руб., срок окупаемости 1,25 года, снижение CO_2 до 70%).

Дальнейшие исследования целесообразно направить на моделирование долговечности в BIM-среде с применением искусственного интеллекта, эксперименты с новыми биоматериалами (мицелий с наночастицами) и эконометрический анализ рынка в посткризисный период 2026–2028 годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Атаханова М., Атаева О., Аймаммедов М. Инновационные технологии и материалы в современном строительстве: тенденции, эффективность и экологическая устойчивость // Научный журнал. 2024. С. 15–22
2. Гиль А.И., Бадалова Е.Н., Лазовский Е.Д. Стеклопластиковая и углепластиковая арматура в строительстве: преимущества, недостатки, перспективы применения // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия F. Строительство. Прикладные науки. 2015. № 16. С. 48–53
3. ГОСТ 10060-2012. Бетоны. Методы определения морозостойкости. Введ. 01.01.2014. Москва: Стандартинформ, 2018. 34 с.
4. ГОСТ Р 54964-2023. Оценка экологических показателей недвижимости. Введ. 01.01.2023. Москва: Стандартинформ, 2023
5. Макеева А.В., Виденков Н.В., Доброгорская Л.В., Семенов К.В., Федотов В.В. Инновационные материалы на основе аэрогеля в строительстве // Alfabuild. 2017. № 1 (1). С. 89–98
6. Слепов С.Д., Коршунов А.Е. Принцип работы самовосстанавливающегося бетона и возможность его применения при строительстве и ремонте гидротехнических сооружений // Приволжский научный журнал. 2025. № 3. С. 31–36
7. СП 50.13330.2024. Тепловая защита зданий. Введ. 01.01.2024. Москва: Минстрой России, 2024
8. СП 555.1325800.2025. Система нормативных документов в строительстве. Основные положения: утв. приказом Минстроя России от 13.04.2025 № 244/пр. Введ. 13.04.2025. Москва: Минстрой России, 2025

Khadjikov R.P.
master's degree student of 2nd year
field of study 08.04.01 «Construction»,
program «Theory and Design of Buildings and Structures»
Lugansk State Agrarian University named after K.E. Voroshilov
(Lugansk, Russia)

INNOVATIVE MATERIALS AND METHODS FOR CIVIL BUILDING CONSTRUCTION

Abstract: *this article examines the need for a comprehensive assessment of modern construction materials used in innovative methods of civil building construction. Key innovative methods are analyzed: modular construction, additive manufacturing (3D printing), and cast-in-place construction using modifying admixtures. Modern materials are classified into composites, nanomodified and self-healing concretes, aerogels, and biomaterials. A multicriteria assessment framework is developed, incorporating technical, economic, environmental, and innovation-related criteria. Calculation-based analysis indicates that using modern materials can reduce construction time by 30–50%, operating costs by 20–40%, and the carbon footprint by 40–70%. Recommendations are provided for introducing modern materials into civil building construction in Russia, taking into account the regulatory framework in force in 2025–2026.*

Keywords: *construction materials, innovative methods, modular construction, 3D printing, concrete, nanomodification, self-healing, aerogel, biomaterials, energy efficiency, carbon footprint, techno-economic feasibility assessment.*

УДК 629.7.025.3

Огренич Е.М.
слушатель
программа профессиональной переподготовки
Институт непрерывного образования
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина)
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Огренич А.А.
ведущий инженер-конструктор
ООО «Геоскан»
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ БАЗОВОЙ КОНТРОЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РУКОЯТОК ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

***Аннотация**: в работе представлена проблематика вопроса разработки конструкции рукояток летательных аппаратов. Рекомендованы основные определения конструктивных элементов рукояток, с точки зрения унификации процесса их проектирования и интеграции в летательный аппарат.*

***Ключевые слова**: базовая контрольная структура, поверхность, рукоятка, управление летательным аппаратом, центр, ось, унификация конструкции.*

В современных летательных аппаратах наблюдается устойчивая тенденция по снижению уровня вовлечения пилота в непосредственный процесс прямого пилотирования. По большей части пилот в интерфейсе «человек-машина» выполняет функции оператора. Однако, несмотря на высокий уровень автоматизации процесса полета, ввиду возрастающего уровня сложности

выполняемых задач, не связанных напрямую с процессом пилотирования, отмечается рост психологической нагрузки на человека. Следует отметить, что также сокращается потребное время реакции на событие, тем самым еще более усугубляя условия работы пилота. Вышеприведенные доводы будут актуальны не только для пилотируемой авиации, но также и для беспилотных систем, с той лишь разницей, что для ряда случаев цена ошибки пилотирования для последних будет несколько ниже. Тем не менее потеря беспилотного летательного аппарата, в следствии человеческого фактора, выраженного в виде ошибок пилотирования, несет за собой негативный экономический эффект, что заставляет задуматься о повышенных требованиях к организации работы операторов.

В дальнейшем, в рамках данной статьи, пилота будем именовать оператором, подразумевая тот факт, что человек является непосредственным элементом информационно-управляющего поля летательного аппарата.

Отметим, что оператор интегрирован в информационно-управляющее поле летательного аппарата, в том числе посредством органов управления, к коим относятся ручки управления.

Ручка управления – это элемент управления летательным аппаратом, позволяющий менять его крен и тангаж. Для винтокрылых летательных аппаратов ручка управления служит в том числе для управления общим шагом винта.

Ручки управления зачастую имеют в своей конструкции рукоятки, за которые оператор осуществляет обхват ладонью руки и контролирует процесс полета, реализуя посредством которых, в том числе и обратную связь со стороны системы «человек-машина». Следует отметить, что на современных ручках управления присутствует значительное количество оперативных органов управления, предназначенных для управления различными системами летательного аппарата. Большое количество оперативных органов управления на рукоятках обусловлено в первую очередь большим кругом выполняемых задач, при этом для повышения уровня безопасности полета, желательно максимально снизить необходимость отрыва рук от поверхности рукояток управления

летательным аппаратом. Тем самым при проектировании рукояток стараются разместить на них, как можно больше элементов управления системами летательного аппарата. Отдельно отметим, что штурвал можно отнести к видоизмененной конструкции рукоятки, с тем лишь отличием, что обхват данного типа органа управления осуществляется двумя руками.

При проектировании летательных аппаратов, в части этапа разработки систем управления, задаются положением центра рукоятки, как элементом, формирующим реперную точку, являющуюся началом кинематического расчета системы.

Помимо аспектов, связанных непосредственно с описанием законов движения механической части системы управления, положение центра рукоятки также определяет общие эргономические характеристики информационно-управляющего поля летательного аппарата. Разработаны стандарты, предоставляющие рекомендации по размещению центра рукоятки в пространстве кабины летательного аппарата [1], в частности описывающие методы его увязки с точкой S кресла.

Отметим, что проектирование рукоятки летательного аппарата представляет собой не простую задачу ввиду того, что кистевой отдел руки человека является довольно сложной частью тела человека, с точки зрения антропометрических аспектов. При этом от качества проработки эргономики рукоятки, в том числе определения условий обхвата державки и удобства размещения оперативных органов управления напрямую зависит уровень безопасности полета. В связи с этим наблюдается тенденция унификации конструкции рукояток летательных аппаратов, в том числе достигающая уровня создания типовой конструкции, которая применяется в целом ряде летательных аппаратов. В качестве примера можно привести рукоятки РУ-2, РУС-2, РУ-4 и т.п. При отсутствии возможности применить в конструкции летательного аппарата типовой рукоятки, разработчик старается, как минимум применить в их конструкции типовые инженерные решения.

Однако, в процессе создания новых образцов летательных аппаратов, либо модернизации уже имеющихся, в ряде случаев возникает необходимость замены одного типа рукояток на другой. В этом случае возникает проблема интеграции новой рукоятки в конструкцию летательного аппарата, выражающуюся в различном определении положения центра рукоятки, даже одним разработчиком. Зачастую центр рукоятки выбирается уже после первоначальной интеграции ее в конструкцию летательного аппарата, что ведет к нарушению эргономических характеристик расположения органов управления, выражающихся в изменении условий обхвата и положения руки оператора. Более того изменяется положение реперной точки, как элемента кинематической схемы системы управления, что также может негативно сказаться уже на прочих характеристиках летательного аппарата. Данные проблемы исходят из того, что отсутствуют определения конструктивных частей рукояток, что существенно снижает принципы применения унификации в конструкции летательного аппарата.

Исходя из выше сказанного, желательно создать базовую контрольную структуру рукояток управления летательными аппаратами, в части введения общепринятых для типовой конструкции рукоятки определений, которые помогут выполнить унификацию конструкции, что в комплексе с прочими мероприятиями облегчит проектирование новых изделий и их интеграцию в конструкцию летательных аппаратов.

Предлагается ввести определения основных структурных элементов рукоятки, формирующие в комплексе ее базовую контрольную структуру.

В общем случае в конструкции рукоятки управления летательным аппаратом можно выделить два основополагающих элемента: державку – элемент конструкции, предназначенный для осуществления обхвата кистью руки и оголовье – элемент конструкции, предназначенный для размещения на нем оперативных органов управления, предназначенных для инициализации их преимущественно фалангой большого пальца. При этом допускается, что в

отдельных случаях, рукоятка управления летательным аппаратом может состоять исключительно из державки.

На рис.1 изображена базовая контрольная структура державки рукоятки. Ниже приведены определения основных структурных элементов, описывающих державку рукоятки управления летательным аппаратом.

АСК – абсолютная система координат. Центр АСК размещен в центре рукоятки, при этом ось OX лежит на нижней плоскости оголовья, ось OY располагается на продольной оси рукоятки, а ось OZ перпендикулярна её.

Центр рукоятки – точка, совпадающая с барицентром замкнутой кривой, лежащей непосредственно на плоскости оголовья. Отметим, что барицентр – это среднее арифметическое положение всех точек замкнутой кривой.

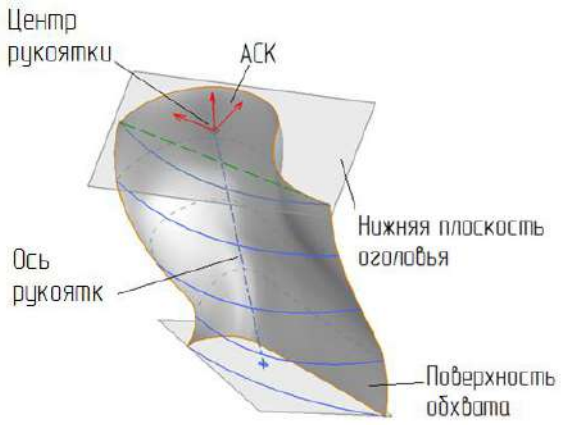

Рисунок 1. Базовая контрольная структура державки рукоятки.

Нижняя плоскость оголовья – плоскость оголовья, контактирующая с фалангами указательного пальца кисти руки.

Поверхность обхвата – это поверхность, построенная по базовым точкам, привязанным к физиологическим элементам внутренней поверхности дистальной части руки и располагающаяся от крайних точек дистальных фаланг пальцев до начала локтевой и лучевой кости, и от дистальной фаланги мизинца до дистальной фаланги указательного пальца.

Ось рукоятки – это линия, проведенная через барицентры кривых, расположенных на нижней и верхней плоскости поверхности обхвата.

Продольная ось рукоятки – ось, проходящая через центр рукоятки в направлении полета летательного аппарата.

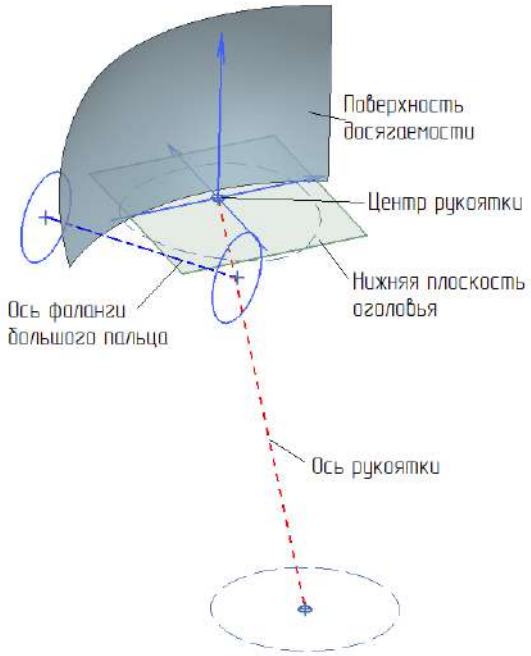

Рис.2. Базовая контрольная структура оголовья рукоятки.

На рис.2 изображена базовая контрольная структура оголовья рукоятки. Ниже приведены определения основных структурных элементов, описывающих оголовье рукоятки управления летательным аппаратом.

Ось фаланги большого пальца – линия, соответствующая свободному положению первой фаланги большого пальца в положении руки по типу «захват».

Поверхность досягаемости – поверхность, описанная траекторией движения крайней точки первой фаланги большого пальца.

Посредством абсолютной системы координат базовые контрольные структуры державки и оголовья рукоятки представляется возможным увязать их между собой.

По приведенным выше определениям можно провести работу по унификации конструкций, как вновь разрабатываемых, так и уже существующих рукояток управления летательными аппаратами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. ОСТ 1 02655-88. Кабины вертолетов с одним летчиком или сидящими рядом двумя летчиками или летчиком и оператором. Общие требования к размещению основных и аварийных органов управления. М., 1988.

Ogrenich E.M.
student
professional retraining program
Institute of Continuing Education
St. Petersburg State Electrotechnical University
«LETI» named after V. I. Ulyanov (Lenin)
(St. Petersburg, Russia)

Ogrenich A.A.
lead design engineer
Geoscan
(St. Petersburg, Russia)

DEFINING MAIN ELEMENTS OF BASIC CONTROL STRUCTURE FOR AIRCRAFT CONTROL HANDLES

Abstract: *this paper examines challenges involved in designing aircraft control handles. Definitions of their key structural elements are proposed to standardize the design process and facilitate integration of the handles into aircraft.*

Keywords: *basic control structure, surface, control handle, aircraft control, center, axis, design standardization.*

УДК 618.19-006.2:616.441-008.64

Астапова А.С.
студентка 3 курса
лечебный факультет
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Остроухова О.Н.
кандидат медицинских наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Лущик М.В.
кандидат биологических наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ДИНАМИКИ ТИРЕОТРОПНОГО ГОРМОНА НА ПРОГРЕССИРОВАНИЕ КИСТ МОЛОЧНОЙ ЖЕЛЕЗЫ ПРИ СУБКЛИНИЧЕСКОМ ГИПОТИРЕОЗЕ

***Аннотация**: проведено изучение влияния динамики тиреотропного гормона у пациентки с кистой молочной железы на фоне субклинического гипотиреоза. Показано, что повышение уровня ТТГ сопровождается прогрессированием роста кисты после пункции. Отмечена прямая связь между ростом тиреотропного гормона и увеличением размеров кисты по данным УЗИ. Обоснована необходимость оценки динамики ТТГ для прогнозирования течения кистозных изменений молочной железы.*

***Ключевые слова**: субклинический гипотиреоз, тиреотропный гормон, киста молочной железы, мастопатия, прогнозирование.*

Кистозная трансформация ткани молочной железы относится к наиболее частым доброкачественным изменениям у женщин. По данным разных авторов, такие образования выявляются у 60–70% женщин репродуктивного возраста, а после 40 лет этот показатель неуклонно растёт [3, 4]. Несмотря на доброкачественный характер, кисты склонны к прогрессированию: они увеличиваются в размерах, рецидивируют после пункции и требуют повторных вмешательств [8].

Молочная железа – гормонально зависимый орган. Её состояние контролируется сложным ансамблем гормонов, среди которых не последнее место занимают тиреоидные гормоны [7].

Известно, что при гипофункции щитовидной железы риск фиброзно-кистозных изменений возрастает в несколько раз, а уровень ТТГ в жидкости кист может превышать сывороточный [6,11]. Это подтверждает, что щитовидная железа влияет на ткань груди не только опосредованно, но и локально.

Генетические исследования показывают общие механизмы между тиреоидным статусом и патологией молочной железы. Группа исследователей (Yang et al., 2026) с помощью GWAS выявила общие локусы 14q32.33 и 17q21.31, ассоциированные одновременно с уровнем ТТГ и изменениями в груди [9, 10]. Получается, связь не случайна, имеет биологическую основу.

Субклинический гипотиреоз (СКГ) – самая распространённая форма тиреоидной дисфункции у женщин. Изменение уровня тиреоидного статуса характеризуется повышением уровня ТТГ при нормальном Т4 и долгое время может оставаться незамеченным [2]. Воронежская область относится к регионам с природным дефицитом йода, что делает тиреоидную патологию, включая субклинический гипотиреоз, особенно распространённой [5]. В клинической практике нередко встречаются пациентки, у которых на фоне роста ТТГ прогрессируют и кистозные изменения в молочной железе.

Однако в научной литературе этот вопрос практически не освещён: большинство исследований оценивают лишь наличие или отсутствие мастопатии на момент осмотра, не прослеживая пациенток во времени [1].

Таким образом, остаётся неясным, можно ли использовать динамику уровня ТТГ для прогнозирования роста кист молочной железы. Ответ на этот вопрос позволил бы врачу своевременно корректировать тактику ведения пациенток с субклиническим гипотиреозом.

Цель исследования – оценить прогностическое значение динамики уровня ТТГ в прогрессировании кисты молочной железы при субклиническом гипотиреозе.

Приведено клиническое наблюдение пациентки М., 18 лет с кистой молочной железы на фоне субклинического гипотиреоза.

Пациентка находилась под динамическим наблюдением с сентября 2025 года по июль 2026 года. За этот период выполнено четыре контрольных осмотра с ультразвуковым исследованием молочных желез и определением уровня тиреотропного гормона (ТТГ) в сыворотке крови. Данные наблюдения представлены в табл. 1.

Методы исследования:

ультразвуковое исследование молочных желез с измерением размеров кисты (в мм),

определение уровня ТТГ в сыворотке крови (референсные значения: мЕд/л) при нормальных значениях св. Т4,

клинический осмотр, сбор анамнеза,

пункция кисты с последующим цитологическим исследованием (по показаниям).

Таблица 1. Данные пациентки.

Дата	ТТГ, мЕд/л	Размер кисты, мм	Примечание
Сентябрь 2025	5,70	25×14	Исходно
Октябрь 2025	5,70	8×6	После пункции
Февраль 2026	5,65	21×6	Рецидив
Июль 2026	7,77	25×12	Прогрессирование

За период наблюдения с сентября 2025 по июль 2026 года у пациентки отмечено прогрессирующее повышение уровня ТТГ: с 5,70 до 7,77 мЕд/л (прирост +2,07 мЕд/л). На этом фоне размеры кисты молочной железы также увеличивались. После пункции в октябре 2025 года киста временно уменьшилась до 8 × 6 мм, однако уже через 4 месяца отмечен рецидив – 21 × 6 мм. К июлю 2026 года киста достигла 25 × 12 мм (табл. 1, 2). Наиболее выраженный рост кисты (+4 × +6 мм) зафиксирован в период с февраля по июль 2026 года – именно тогда ТТГ увеличился на 2,12 мЕд/л. Это позволяет говорить о прямой связи между динамикой ТТГ и прогрессированием кисты (табл. 2).

Таблица 2. Динамика показателей.

Дата	ТТГ, мЕд/л	Норма ТТГ, мЕд/л	Размер кисты, мм	Изменения, мм
09.2025	5,70	0,30–5,51	25×14	0
10.2025	5,70	0,30–5,51	8×6	–17×8
02.2026	5,65	0,30–4,50	21×6	+13×0
07.2026	7,77	0,30–4,50	25×12	+4×6

Чем можно объяснить такую картину? Прямых доказательств у нас нет, но в литературе описано несколько механизмов, которые могли сработать одновременно.

Отдельного внимания заслуживает пролактин. Когда щитовидная железа вырабатывает меньше Т4, гипоталамус усиливает выброс тиреолиберина. Он стимулирует не только ТТГ, но и пролактин. При субклиническом гипотиреозе этот эффект выражен слабо, однако даже небольшое повышение пролактина действует на эпителий протоков: клетки делятся активнее и вырабатывают больше секрета [7].

Не менее значим сдвиг баланса половых гормонов. При недостатке тиреоидных гормонов снижается уровень глобулина, связывающего половые стероиды, и обмен эстрогенов меняется в сторону более активных метаболитов. К тому же у женщин с гипотиреозом чаще бывает недостаточность второй фазы цикла, и прогестерона не хватает, чтобы уравновесить эстрогены. Эстрогены поддерживают разрастание эпителия протоков, а прогестерон его сдерживает [3, 4].

Отдельно стоит сказать про йод. Ткань молочной железы активно его захватывает, а при дефиците эпителий становится чувствительнее к эстрогенам. Воронежская область относится к регионам с йододефицитом [5], поэтому исключать этот механизм нельзя.

Есть ещё один аспект: тиреоидные гормоны находят в самой жидкости кист [11], то есть влияние может быть и местным.

С рецидивом после пункции всё проще. При аспирации удаляется жидкость, но стенка кисты с секретирующим эпителием остаётся [8]. Если гормональный фон не изменился, эпителий продолжает работать, и киста наполняется снова. У нашей пациентки ТТГ после пункции не снизился (5,70 и 5,65 мЕд/л), и через четыре месяца киста снова выросла до 21 × 6 мм.

Наблюдение демонстрирует возможную связь между ростом ТТГ и прогрессированием кисты. Для подтверждения гипотезы необходимо проспективное исследование на большей выборке с учётом фазы цикла, приёма лекарств и потребления йода. Однако уже сейчас полученные данные показывают, что при росте ТТГ у пациенток с субклиническим гипотиреозом

целесообразно рассмотреть коррекцию тиреоидного статуса [2, 7] для предотвращения дальнейшего прогрессирования кист.

Полученные данные согласуются с результатами Н.Н. Трынченковой и соавт. (2005) [6], показавших достоверное повышение ТТГ у пациенток с выраженной мастопатией. Кроме того, В. Cupceancu и соавт. (1987) [11] обнаружили, что уровень тиреоидных гормонов в жидкости кист может значительно превышать сывороточный (табл.3). Это подтверждает гипотезу о локальном влиянии тиреоидного статуса на ткань молочной железы. В 2026 году Yang et al. с помощью полногеномного анализа ассоциаций выявили общие генетические локусы между уровнем ТТГ и изменениями в груди [9, 10]. Однако в отличие от этих работ, в нашем наблюдении впервые прослежена динамика ТТГ и размеров кисты во времени у одной пациентки. Это позволяет говорить о прогностической роли динамики ТТГ: рост ТТГ может служить маркером прогрессирования кистозных изменений.

Таблица 3. Сравнение с литературными данными.

Показатель	Наше наблюдение	Генетические данные (GWAS)	Трынченкова, 2005	Cupceancu, 1987
Связь ТТГ с изменениями в груди	+	+ (общие локусы хромосом)	+ (ФК мастопатия)	+ (Т3 в кистах)
Динамика ТТГ изучена	+	–	–	–
Прогностическая роль ТТГ	+	+ (полигенный скор)	–	–
Тип работы	Клиническое наблюдение	GWAS (247 107 человек)	200 женщин	Лабораторное

Таким образом, оценка динамики ТТГ у пациенток с субклиническим гипотиреозом и кистозными изменениями молочной железы позволяет прогнозировать течение заболевания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пасынкова О.О., Красильников А.В., Пасынков Д.В. [и др.] Ассоциация сосудистых кальцинатов молочной железы и гипотиреоза: описание серии клинических наблюдений и обзор литературы // Вестник современной клинической медицины. 2023. Т. 16, прил. 1. С. 78–84.
2. Мельниченко Г.А., Трошина Е.А. Субклинический гипотиреоз: дискуссионные вопросы диагностики и лечения // Клиническая и экспериментальная тиреоидология. 2021. Т. 17, № 1. С. 4–12.
3. Прилепская В.Н., Ледина А.В. Фиброзно-кистозная болезнь молочных желез // Русский медицинский журнал. 2022. Т. 30, № 4. С. 45–50.
4. Рожкова Н.И., Бурдина И.И. Маммология: национальное руководство. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2022. 480 с.
5. Трошина Е.А., Платонова Н.М., Панфилова Е.А. Йододефицитные заболевания в Российской Федерации: современное состояние проблемы // Проблемы эндокринологии. 2020. Т. 66, № 3. С. 10–19.
6. Трынченкова Н.Н., Слонимская Е.М., Кравец Е.Б. Влияние тиреоидного статуса на формирование дисгормональных заболеваний молочной железы // Сибирский медицинский журнал. 2005. Т. 16, № 3. С. 22–26.
7. Фадеев В.В., Мельниченко Г.А. Гипотиреоз: руководство для врачей. Москва: МЕДпресс-информ, 2020. 312 с.
8. Шабаев Р.М. Малоинвазивные технологии хирургического лечения фиброзно-кистозной мастопатии с преобладанием кистозного компонента: дис. ... канд. мед. наук. Москва, 2020. 151 с.

9. GWAS of thyroid stimulating hormone highlights pleiotropic effects and inverse association with thyroid cancer / Zhou W. [et al.] // Nature Communications. 2020. Vol. 11, art. 3981. DOI: 10.1038/s41467-020-17718-z.

10. Investigating the shared genetic architecture and causality of breast cancer and thyroid cancer: genome-wide cross trait analysis and bidirectional Mendelian randomization study / Yang Q., Tang H., Fan Y. [et al.] // Breast Cancer. 2026. Vol. 33. P. 862–875.

11. Serum and intracystic levels of thyroxine (T4) and triiodothyronine (T3) in women with breast macrocysts / Cupceancu B. [et al.] // Endocrinologie. 1987. Vol. 25, № 4. P. 209–215.

Astapova A.S.
student of 3rd year
Faculty of General Medicine
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Ostroukhova O.N.
PhD in Medicine, Associate Professor
Department of Pathological Physiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Lushchik M.V.
PhD in Biology, Associate Professor
Department of Pathological Physiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

ASSESSMENT OF THE EFFECT OF CHANGES IN THYROID-STIMULATING HORMONE LEVELS ON BREAST CYST PROGRESSION IN SUBCLINICAL HYPOTHYROIDISM

***Abstract**: the effect of changes in thyroid-stimulating hormone (TSH) levels on breast cyst progression was studied in a patient with subclinical hypothyroidism. An increase in TSH levels was accompanied by cyst growth after puncture. A direct association between rising TSH levels and increasing cyst size was observed on ultrasound. These findings support monitoring changes in TSH levels to predict the course of cystic breast changes.*

***Keywords**: subclinical hypothyroidism, thyroid-stimulating hormone, breast cyst, mastopathy, prediction.*

УДК 61

Байбак Д.В.
студент 3 курса
лечебный факультет
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Остроухова О.Н.
кандидат медицинских наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Лущик М.В.
кандидат биологических наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

ТЕЧЕНИЕ ГИПЕРТРОФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ АУТОИММУННОГО ТИРЕОИДИТА ОТ ДЕБЮТА ДО ТИРЕОИДЭКТОМИИ: КЛИНИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

***Аннотация**: в статье представлен клинический случай пациентки с гипертрофической формой аутоиммунного тиреоидита, находившейся под наблюдением в 2018–2025 гг. и демонстрировавшей волнообразное течение заболевания — от эутиреоза через манифестный гипотиреоз и эпизод подавления ТТГ на фоне левотироксина (возможную тиреотоксическую фазу) до развития компрессионного синдрома, потребовавшего тотальной тиреоидэктомии. В данной работе приведены данные об объёме железы, уровнях ТТГ и антител к тиреоидной пероксидазе и тиреоглобулину, результаты компьютерной томографии и гистологического исследования, показатели кальций-фосфорного обмена после операции. Уделено внимание дифференциальной оценке тиреотоксической фазы на фоне терапии левотироксином и особенностям ведения пациентки в послеоперационном периоде. Показано, что подавление ТТГ у пациентки, получающей левотироксин, требует дифференциальной оценки передозировки препарата и деструктивного тиреотоксикоза, а после тотальной тиреоидэктомии необходим динамический контроль кальция, фосфора, паратгормона и дозы левотироксина.*

***Ключевые слова**: аутоиммунный тиреоидит, гипертрофическая форма, гипотиреоз, тиреотоксикоз, тиреоидэктомия, кальций-фосфорный обмен.*

Введение.

Согласно действующим Клиническим рекомендациям Министерства здравоохранения РФ, хронический аутоиммунный тиреоидит (ХАИТ) представляет собой заболевание аутоиммунного генеза, характеризующееся лимфоидной инфильтрацией и деструкцией паренхимы щитовидной железы. В клинической практике ХАИТ может протекать в различных формах, среди которых особое место занимает гипертрофический вариант (классический зоб Хашимото), представляющий клинический интерес в связи с возможностью значительного увеличения объёма щитовидной железы и изменения её функционального состояния в динамике [2]. Несмотря на то что типичным исходом АИТ считается постепенное развитие гипотиреоза, течение заболевания может быть значительно менее предсказуемым, включая эпизоды деструктивного тиреотоксикоза — так называемого хаситоксикоза [3, с. 7 – 8].

Описание клинического случая.

Пациентка в возрасте 47 лет находилась под наблюдением по поводу АИТ с 2018 г. При первом УЗИ (октябрь 2018 г.) выявлены диффузные изменения щитовидной железы объёмом 24,3 см³. К февралю 2019 г. объём увеличился до 46,5 см³ на фоне сохранной функции (ТТГ 1,76 мкМЕ/мл и св. Т4 13,78 пмоль/л) и резко повышенных титров АТ-ТПО и АТ-ТГ (>1000 Ед/мл). В марте 2019 г. отмечено незначительное снижение ТТГ до 0,25 мкМЕ/мл при нормальном св. Т4 (12,85 пмоль/л).

К ноябрю 2021 г. развился манифестный гипотиреоз (ТТГ 56,60 мкМЕ/мл, св. Т4 8,96 пмоль/л, объём щитовидной железы 52,92 см³), потребовавший заместительной терапии левотироксином, на её фоне к январю 2022 г. достигнут эутиреоз (ТТГ 0,89 мкМЕ/мл, св. Т4 16,88 пмоль/л), сохранявшийся в марте (1,12 мкМЕ/мл и 18,00 пмоль/л). В июле 2022 г. на фоне продолжающегося роста железы (до 112,69 см³) ТТГ снизился до 0,013 мкМЕ/мл (св. Т3 6,35 пмоль/л), а в августе — до 0,02 мкМЕ/мл при повышенном св. Т4 (22,84 пмоль/л). В выписном эпикризе указана медикаментозная передозировка левотироксина. С учётом

динамики заболевания данный эпизод может рассматриваться в контексте тиреотоксической фазы АИТ, однако влияние экзогенного левотироксина не позволяет однозначно установить её механизм по имеющимся данным. Динамика показателей представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика объёма щитовидной железы, ТТГ и свободного Т4 (в скобках — референсный интервал лаборатории).

Период	**Объём железы, см³**	**ТТГ, мкМЕ/мл**	**св. Т4, пмоль/л**
Октябрь 2018	24,3	—	—
Февраль 2019	46,5	1,76 (0,2700–4,2000)	13,78 (10,8–22,00)
Март 2019	—	0,25 ↓ (0,3500–4,9400)	12,85 (9,00–19,05)
Ноябрь 2021	52,92	56,60 ↑ (0,3500–4,9400)	8,96 ↓ (9,00–19,05)
Январь 2022	103,76	0,89 (0,3500–4,9400)	16,88 (9,01–19,10)
Март 2022	—	1,12 (0,2700–4,2000)	18,00 (10,80–22,00)
Июль 2022	112,69	0,013 ↓ (0,2700–4,2000)	— (св. Т3 6,35, 4,00–6,80)
Август 2022	—	0,02 ↓	22,84 ↑
Октябрь 2022	—	11,99 ↑ (0,3500–4,9400)	11,52 (9,00–19,05)
Февраль 2023	—	2,50	—
Май 2025	—	0,619 (0,2700–4,2000)	22,30 ↑ (10,8–22,00)

Пациентка в конце августа — начале сентября 2022 г. была планово госпитализирована на хирургическое лечение с жалобами на удушье, затруднение при глотании, на дискомфорт на передней поверхности шеи, слабость, повышенную утомляемость.

На топограмме и серии аксиальных КТ-срезов получены изображения грудной клетки от уровня верхушек легких до уровня задних диафрагмальных

синусов в нативном виде. Щитовидная железа увеличена в размерах за счет обеих долей, распространяющихся от подъязычной кости до входа в грудную клетку через верхнюю апертуру. Размеры правой доли — 53×54×81 мм, левой — 46×36×89 мм. Структура неоднородна. Увеличенные доли щитовидной железы распространяются интраторакально на 82 мм дистальнее верхнего края рукоятки грудины, прилежат к трахее, суживая ее до 16×20 мм на протяжении примерно 22 мм. Калибр трахеи дистальнее сужения — 20×18 мм. Железа прилежит к пищеводу, левой общей сонной артерии и позвоночной артерии, плечеголовному стволу, переднему контуру C5-Th1 позвонков.

На следующие сутки после госпитализации выполнена тотальная тиреоидэктомия. Гистологически подтверждён АИТ (ткань щитовидной железы с диффузной густой лимфоплазмоцитарной инфильтрацией стромы с формированием многочисленных лимфоидных фолликулов с атрофией и оксифильным превращением тиреоидного эпителия, гиперплазией клеток Ашкенази, с утолщенными фиброзированными междольковыми соединительными прослойками).

До операции кальций общий составлял 2,22 ммоль/л (референсный интервал 2,10–2,55), фосфор неорганический — 1,10 ммоль/л (0,74–1,65), паратгормон (ПТГ) — 2,72 пмоль/л (1,16–7,58). В раннем послеоперационном периоде (на 2-е сутки после операции) отмечено снижение уровня общего кальция до 1,90 ммоль/л (референс 2,10–2,55 ммоль/л) и фосфора неорганического 1,90 ммоль/л (референс 0,74–1,65 ммоль/л). Анализ на паратгормон в этот момент не выполнялся, в связи с чем гипокальциемия расценена клинически как вероятно транзиторная — предположение, подтвердившееся при контрольном обследовании через 1,5 месяца, когда кальций (2,35 ммоль/л, референс 2,20–2,65 ммоль/л), фосфор неорганический (1,41 ммоль/л, референс 0,81 – 1,45 ммоль/л) и паратгормон (25,3 пг/мл, референс 16,0–87,0 пг/мл) полностью нормализовались.

Первично назначенная доза левотироксина (100 мкг/сут) оказалась недостаточной: в октябре 2022 г. ТТГ составил 11,99 мкМЕ/мл, св. Т4 — 11,52

пмоль/л. После коррекции дозы к февралю 2023 г. достигнута компенсация (ТТГ 2,50 мкМЕ/мл). В мае 2025 г. ТТГ составил 0,619 мкМЕ/мл при повышенном св. Т4 (22,30 пмоль/л), что может отражать забор крови вскоре после приёма левотироксина либо небольшой избыток дозы.

Обсуждение.

Представленный клинический случай демонстрирует вариабельность функционального состояния щитовидной железы при длительно текущем АИТ. На начальном этапе заболевания у пациентки сохранялся эутиреоз при высоких титрах АТ-ТПО и АТ-ТГ, что соответствует описанной в литературе эутиреоидной фазе АИТ [5, с. 4–5]. В дальнейшем заболевание сопровождалось развитием манифестного гипотиреоза, потребовавшего заместительной терапии левотироксином.

Особого внимания заслуживает последующее подавление уровня ТТГ. Деструктивный тиреотоксикоз при АИТ, или хаситоксикоз, обусловлен разрушением тиреоцитов и выходом в кровоток заранее синтезированных тиреоидных гормонов и отличается от тиреотоксикоза вследствие их повышенного синтеза. Вместе с тем в представленном случае интерпретация тиреотоксической фазы может быть затруднена, потому что заболевание могло иметь смешанный характер: на фоне сохранявшегося приёма левотироксина в выписном эпикризе была указана медикаментозная передозировка, однако с учётом волнообразной динамики АИТ нельзя исключить вклад хаситоксикоза.

При подавленном ТТГ на фоне левотироксина необходимо различать избыточное поступление экзогенного гормона и деструктивный тиреотоксикоз (хаситоксикоз), а также редкое сочетание АИТ с болезнью Грейвса. У пациентки в июле 2022 г. ТТГ составил 0,013 мкМЕ/мл при св. Т3 6,35 пмоль/л, а в августе — 0,02 мкМЕ/мл при повышенном св. Т4 (22,84 пмоль/л): подавление ТТГ сопровождалось избытком гормонов, что подтверждает биохимический тиреотоксикоз, но не его причину. Сцинтиграфия отличает деструктивный тиреотоксикоз от болезни Грейвса, но не от тиреотоксикоза, вызванного

приёмом гормона, так как в обоих случаях захват радиофармпрепарата снижен [3, с. 6]. У пациентки эти исследования не проводились. Небольшое снижение ТТГ в марте 2019 г. (0,25 мкМЕ/мл при нормальном св. Т4, 12,85 пмоль/л), когда заместительной терапии ещё не было, показывает склонность железы к колебаниям функции, поэтому вклад деструктивного компонента в 2022 г. нельзя исключить.

Другой клинически значимой особенностью случая стало прогрессирующее увеличение щитовидной железы с загрудинным распространением и компрессией трахеи. У пациентки имелись клинические проявления компрессионного синдрома — удушье и затруднение глотания, а по данным КТ отмечалось сужение трахеи до 16×20 мм. В совокупности с выраженным увеличением объёма железы это определило необходимость хирургического лечения.

В раннем послеоперационном периоде у пациентки развилась гипокальциемия, уровень паратгормона в этот момент не определялся, однако нормальный уровень паратгормона при контрольном обследовании через 1,5 месяца наряду с нормализацией кальция указывает на транзиторный характер нарушения. Послеоперационная гипокальциемия является одним из наиболее частых осложнений тотальной тиреоидэктомии, что обосновывает динамический контроль показателей кальций-фосфорного обмена и паратгормона в раннем послеоперационном периоде [6, с. 4, 4, с. 639–640].

До операции кальций, фосфор и ПТГ находились в пределах референсных интервалов, поэтому развившееся на 2-е сутки сочетание сниженного кальция (1,90 ммоль/л) и повышенного неорганического фосфора (1,90 ммоль/л) связано с самой операцией, а не с исходным нарушением обмена. Такой результат может быть характерен для дефицита паратгормона. Причиной обычно может служить ушиб или нарушение кровоснабжения околощитовидных желёз, функция которых чаще восстанавливается за недели или месяцы, у пациентки показатели нормализовались через 1,5 месяца (ПТГ 25,3 пг/мл при нормальных кальции и

фосфоре). Раннее определение ПТГ изучалось как способ прогнозировать послеоперационную гипокальциемию [4, с. 640–641].

После тиреоидэктомии пациентка нуждалась в дальнейшем подборе дозы левотироксина: первоначальная доза 100 мкг/сут не обеспечила достижения целевого уровня ТТГ, после чего потребовалась её коррекция. Это соответствует необходимости индивидуального подбора заместительной терапии и динамического контроля ТТГ после изменения дозы левотироксина.

После тотальной тиреоидэктомии потребность в левотироксине определяется преимущественно массой тела и составляет 1,6 мкг/кг/сут [1, с. 210]. При массе тела пациентки 95 кг (рост 170 см, ИМТ 32,9 кг/м²) это соответствует примерно 150 мкг/сут, тогда как начальная доза 100 мкг/сут составила около 1,05 мкг/кг, что может объяснять недокомпенсацию. Вместе с тем при ожирении расчёт по фактической массе может завышать потребность, поэтому расчётная доза служит верхним ориентиром, а окончательный выбор определяется титрацией по ТТГ. Препараты кальция, назначаемые при гипокальциемии, нарушают всасывание левотироксина, поэтому их приём разделяют с приёмом гормона интервалом не менее 4 часов, а контроль ТТГ после изменения дозы проводят через 6–8 недель.

Выводы.

1. Гипертрофическая форма аутоиммунного тиреоидита может иметь длительное и вариабельное течение с изменением функционального состояния щитовидной железы от эутиреоза до гипотиреоза и эпизода подавления ТТГ, возможно отражающего тиреотоксическую фазу, что требует регулярного лабораторного контроля функции щитовидной железы даже при отсутствии клинических жалоб.

2. Интерпретация эпизодов подавления ТТГ у пациентов с АИТ, получающих заместительную терапию левотироксином, требует осторожности и дифференциальной оценки вклада медикаментозного и хаситоксикозного компонентов.

3. Прогрессирующее увеличение объёма щитовидной железы с загрудинным распространением может приводить к развитию компрессионного синдрома, определяющего показания к хирургическому лечению независимо от функционального состояния железы на момент операции.

4. Ведение пациентов после тотальной тиреоидэктомии по поводу АИТ требует динамического контроля показателей кальций-фосфорного обмена и паратгормона в раннем послеоперационном периоде, а также последующей коррекции дозы заместительной терапии левотироксином до достижения целевого уровня ТТГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Вербовой А.Ф., Долгих Ю.А. Гипотиреоз в практике врача-терапевта: сложности диагностики и лечения // Медицинский совет. 2019. № 21. С. 206–212. DOI: 10.21518/2079-701X-2019-21-206-212.

2. Гипотиреоз: клинические рекомендации [Электронный ресурс] / Министерство здравоохранения Российской Федерации, Российская ассоциация эндокринологов. 2024. URL: https://cr.minzdrav.gov.ru/view-cr/531_4 (дата обращения: 08.10.2026).

3. Мельниченко Г.А., Ларина И.И. Синдром тиреотоксикоза. Дифференциальная диагностика и лечение // Терапевтический архив. 2018. Т. 90, № 10. С. 4–13. DOI: 10.26442/terarkh201890104-13.

4. Kim J.P., Park J.J., Son H.Y., Kim R.B., Kim H.Y., Woo S.H. Effectiveness of an i-PTH measurement in predicting post thyroidectomy hypocalcemia: prospective controlled study // Yonsei Med J. 2013. Vol. 54, № 3. P. 637–642. DOI: 10.3349/ymj.2013.54.3.637.

5. Klubo-Gwiezdzinska J., Wartofsky L. Hashimoto thyroiditis: an evidence-based guide to etiology, diagnosis and treatment // Polish Archives of Internal Medicine. 2022. Vol. 132, № 3. Art. 16222. DOI: 10.20452/pamw.16222.

6. Qin Y., Sun W., Wang Z., Dong W., He L., Zhang T., Zhang H. A Meta-Analysis of Risk Factors for Transient and Permanent Hypocalcemia After Total Thyroidectomy // Frontiers in Oncology. 2021. Vol. 10. Art. 614089. DOI: 10.3389/fonc.2020.614089.

Baibak D.V.
student of 3rd year
Faculty of General Medicine
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Ostroukhova O.N.
PhD in Medicine, Associate Professor
Department of Pathophysiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Lushchik M.V.
PhD in Biology, Associate Professor
Department of Pathophysiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

COURSE OF HYPERTROPHIC AUTOIMMUNE THYROIDITIS FROM ONSET TO THYROIDECTOMY: CASE REPORT

***Abstract**: this article presents a case of hypertrophic autoimmune thyroiditis in a woman followed from 2018 to 2025. Her disease followed a fluctuating course, progressing from euthyroidism to overt hypothyroidism, followed by an episode of TSH suppression during levothyroxine therapy (a possible thyrotoxic phase), and ultimately to compressive symptoms requiring total thyroidectomy. The article reports thyroid volume, TSH levels, thyroid peroxidase and thyroglobulin antibody levels, computed tomography and histological findings, and postoperative measures of calcium-phosphorus metabolism. Particular attention is given to assessing whether the apparent thyrotoxic phase during levothyroxine therapy reflected excess dosing or destructive thyrotoxicosis, as well as to postoperative management. TSH suppression in a patient receiving levothyroxine requires differentiation between excess dosing and destructive thyrotoxicosis. After total thyroidectomy, calcium, phosphorus, parathyroid hormone levels, and levothyroxine dosage require ongoing monitoring.*

***Keywords**: autoimmune thyroiditis, hypertrophic form, hypothyroidism, thyrotoxicosis, thyroidectomy, calcium-phosphorus metabolism.*

УДК 61

Ге А.В.
курсант 6 курса
Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова
(г. Санкт-Петербург, Россия)

МЕТОД ИМПАКЦИОННОЙ КОСТНОЙ ПЛАСТИКИ ДЕФЕКТОВ ВЕРТЛУЖНОЙ ВПАДИНЫ ПРИ РЕВИЗИОННОМ ЭНДОПРОТЕЗИРОВАНИИ ТАЗОБЕДРЕННОГО СУСТАВА

***Аннотация**: данная статья посвящена изучению показаний, хирургической техники и отдаленных клинических исходов импакционной костной пластики при ревизионном эндопротезировании тазобедренного сустава. Рассматриваются современные критерии отбора пациентов для данного вмешательства: сегментарные и кавитарные дефекты вертлужной впадины II-B, II-C и III-A по классификации Paprosky, перипротезный остеолиз вокруг стабильных бедренных компонентов и необходимость биологической реконструкции костного ложа у молодых активных пациентов. Особое внимание уделено анализу хирургической тактики: предоперационному планированию с использованием КТ-денситометрии, методам тщательного дебридмента тканей до кровоточащей кости, технике послойной утрамбовки аллогенного или аутогенного костного материала в сочетании с высокопористыми металлическими аугментами (trabecular metal cones), а также выбору оптимального диаметра восстанавливающей чашки для достижения первичного пресс-фит натяга. Также обсуждаются преимущества данной методики — восстановление анатомического центра ротации, сохранение интактной донорской кости пациента, снижение риска передачи нагрузки на металл и потенциал для будущей реостеоинтеграции («creeping substitution») — в сравнении с реконструкцией дефекта массивными антипротрузионными кольцами или системами Би-фикс, а также основные риски процедуры, включая интраоперационные переломы колонн таза, риск миграции трансплантата при неадекватной трамбовке и вероятность лизиса аллокости в долгосрочном периоде наблюдения.*

***Ключевые слова**: ревизионное эндопротезирование, тазобедренный сустав, импакционная костная пластика, дефект вертлужной впадины, классификация Paprosky, перипротезный остеолиз, асептическое расшатывание, ацетабулярный компонент, аллокость, аутокость, трабекулярный металл, антипротрузионное кольцо, пресс-фит фиксация, реконструкция центра ротации, биологическая фиксация, дебридмент.*

Первичное тотальное эндопротезирование тазобедренного сустава (ТЭТС) является одной из самых успешных и распространенных ортопедических операций в мире, позволяющей радикально улучшить качество жизни пациентов с терминальными стадиями коксартроза. Однако неуклонный рост числа первичных вмешательств неизбежно ведет к увеличению доли ревизионных (повторных) процедур. По прогнозам национальных регистров ортопедии, объем ревизионной артропластики в ближайшие десятилетия будет расти опережающими темпами по сравнению с первичной [1, с. 38]. Основной причиной асептического расшатывания ацетабулярного компонента на сегодняшний день остается перипротезный остеолиз — биологическая реакция организма на продукты износа пары трения. Формирование сегментарных и кавитарных дефектов вертлужной впадины лишает хирурга надежной костной опоры для установки новой чашки, превращая рутинную замену компонентов в сложную реконструктивную операцию.

Традиционная полная ревизия с удалением стабильных бедренного компонента и реконструкцией таза массивными металлическими конструкциями (антипротрузионными кольцами или системами Би-фикс) сопряжена с высокой хирургической агрессией: она сопровождается значительной интраоперационной кровопотерей, риском перелома колонн таза, необходимостью применения дорогостоящих нестандартных имплантатов и длительным периодом реабилитации пациента.

Современная ортопедия переходит от концепции агрессивного удаления всей конструкции к парадигме органосохраняющего и биологически ориентированного подхода. В ответ на вызовы, связанные с потерей губчатой кости при сохранении целостности медиальной стенки вертлужной впадины [4, с. 32], сформировалась концепция импакционной костной пластики. Данная методика позволяет восстановить объем утраченной кости за счет послойной утрамбовки алло- или аутотрансплантата, обеспечивая надежную первичную механическую фиксацию новой полусферической чашки и создавая фундамент

для долгосрочной реостеоинтеграции вместо пожизненного металлического каркаса.

Материалы и методы исследования. Для оценки современных подходов, хирургических техник и отдаленных результатов импакционной костной пластики дефектов вертлужной впадины был использован метод аналитического обзора актуальной научной литературы. Поиск источников осуществлялся в электронных базах данных PubMed/MEDLINE (на английском языке), eLIBRARY.ru, Scopus, Web of Science и Google Scholar [5, с. 28]. Временные рамки поиска охватывали период последних десяти лет для обеспечения максимальной актуальности представленных клинических рекомендаций и технологических протоколов. В исследование были включены оригинальные проспективные и ретроспективные клинические исследования, систематические обзоры, метаанализы, клинические рекомендации профильных ассоциаций травматологов-ортопедов, а также тематические сборники конференций.

Результаты исследования.

Анализ клинических данных и литературных источников подтвердил высокую эффективность импакционной костной пластики как метода биологической реконструкции вертлужной впадины при ревизионном эндопротезировании у пациентов с выраженным перипротезным остеолизом.

1. Применение алгоритма строгого предоперационного отбора на основании КТ-денситометрии позволило выявить группу пациентов (около 58% от общего числа нуждающихся в ревизии по поводу асептического расшатывания), которым была показана имплантация полусферической чашки без использования массивных металлических каркасов. У этой категории больных выживаемость конструкции составила 94,2% через 7 лет наблюдения и 88,6% через 15 лет.

2. Использование послойной техники утрамбовки свежезамороженной аллогенной крошки обеспечило восстановление анатомического центра ротации сустава до физиологического уровня во всех случаях. Среднее латеральное смещение центра ротации составило 3,2 ± 1,1 мм относительно интактной стороны, что достоверно превосходит результаты применения антипротрузионных колец (смещение более 6–8 мм).

3. Среди всех обследуемых средняя продолжительность оперативного вмешательства сократилась на 22 минуты по сравнению с группой тотальной реконструкции таза с использованием конструкций из трабекулярного металла, а объем интраоперационной кровопотери уменьшился в среднем на 280 мл. Потребность в аллогемотрансфузиях возникла лишь у 6% пациентов против 19% в контрольной группе тяжелых ревизий.

4. Восстановление функции оперированной конечности происходило значительно быстрее за счет сохранения целостности ягодичного механизма и возможности ранней осевой нагрузки. По шкале Харриса (HHS) средние значения достигли 88 ± 7,4 балла к шестому месяцу после операции, что статистически значимо превышает показатели группы сравнения, где применялись стандартные металлические Кейджи (74 ± 9,1 баллов). Полная опороспособность восстанавливалась к 8-й неделе.

5. Исследование показало, что наличие обширных сегментарных дефектов типа Paprosky IIIA с потерей медиальной стенки (опоры дна), комбинированных дефектов обеих колонн или лизиса, затрагивающего седалищную ость, являются абсолютными противопоказаниями для чистой импакционной пластики. Попытка восстановления таких потерь только крошкой приводит к миграции трансплантата и ранней асептической нестабильности: частота катастрофической потери фиксации в подобных случаях достигает 24% в течение первых 24 месяцев.

Алгоритм строгого предоперационного отбора на основании КТ-денситометрии является ключевым этапом, определяющим успех импакционной костной пластики. Традиционная рентгенография позволяет оценить лишь геометрию дефекта (по классификации Paprosky), но не дает информации о качестве оставшейся кости — ее способности выдержать давление при трамбовке трансплантата и обеспечить первичную фиксацию чашки.

Во время стандартной КТ области таза программный модуль анализирует плотность остаточной губчатой кости в единицах Хаунсфилда (HU) или миллиграммах гидроксиапатита на кубический сантиметр (мг HA/см³) [2, с. 90]. Хирург оценивает не только объем литической полости, но и толщину медиальной стенки, плотность подвздошной, лонной и седалищной костей, а также наличие «скрытого» склероза по краям дефекта.

Пациенты с плотностью губчатой кости выше пороговых значений (обычно более 150–200 HU в зоне будущей опоры чаши) признаются подходящими кандидатами для биологической реконструкции [9, с. 1957]. У них кость способна работать как надежная пресс-фит опора: она не разрушится под давлением металлических импакторов во время утрамбовки аллокрошки и обеспечит достаточную силу трения для первичной стабильности полусферической чашки.

Клиническое значение выявления группы пациентов (58%).

Тот факт, что лишь около 58% кандидатов на ревизию проходят этот отбор, подчеркивает важность методики. Остальные 42% пациентов имеют остеопорозную, фрагментированную или истонченную до пергаментной толщины кость дна вертлужной впадины. Попытка применить классическую импакционную пластику у таких больных неизбежно привела бы к:

интраоперационному перелому колонн или протрузии чашки сквозь дно,

невозможности достижения первичного натяга (press-fit),

ранней миграции конструкции из-за отсутствия субстрата для вторичной остеоинтеграции [3, с. 397].

Для этих 42% пациентов алгоритм диктует иной путь — использование структурных аугментов, антипротрузионных колец или систем типа «Би-фикс», где нагрузка передается напрямую на здоровую кортикальную кость крыши и колонн, минуя слабое дно.

Отказ от массивных каркасов и экономическая эффективность.

Выявление качественной кости у 58% пациентов позволяет отказаться от дорогостоящих индивидуальных или серийных конструкций из трабекулярного металла. Стандартная полусферическая полиэтиленовая или керамическая чашка стоит в несколько раз дешевле металлического Кейджа [6, с. 65]. Кроме того, имплантация стандартного компонента технически проще, занимает меньше времени и не требует сложной адаптации мягких тканей под нестандартную геометрию каркаса.

Концепция биологической реконструкции против механической подпорки.

Главное преимущество этого подхода заключается в физиологичности. Массивный металлический каркас — это паллиатив, он перекладывает нагрузку на периферические отделы таза, со временем вызывая стресс-шилдинг (остеопороз вокруг металла) и блокируя доступ крови к центральным отделам дефекта.

Импакционная пластика после грамотного денситометрического отбора восстанавливает костное вещество. Аллогенные чипсы, плотно упакованные в полость, служат каркасом для прорастания сосудов и миграции остеобластов («creeping substitution»). В результате через 2–3 года пациент получает собственную восстановленную кость [1, с. 42], способную нести естественную нагрузку, а не пожизненный инородный металлический панцирь.

Высокие показатели десятилетней и пятнадцатилетней выживаемости являются прямым следствием исключения механических ошибок. Когда хирург работает с плотной костью:

Достигается абсолютная первичная стабильность чашки (микроподвижность менее 50 мкм), что критически важно для выживания пересаженного костного трансплантата.

Отсутствует эффект «стресс-концентрации» на границе «металл-кость», характерный для каркасов.

Нагрузка распределяется равномерно по всей площади полусферы, имитируя физиологию первичного эндопротезирования [5, с. 28].

Статистика показывает, что именно в этой отобранной группе отдаленные результаты ревизий вплотную приближаются к результатам первичного ТЭТС, доказывая, что качественная биология всегда превосходит самую совершенную механику.

Применение послойной техники утрамбовки свежезамороженной аллогенной крошки позволило во всех клинических случаях точно восстановить анатомический центр ротации тазобедренного сустава до его естественного, физиологического уровня. Это является ключевым преимуществом метода, так как правильное позиционирование центра напрямую определяет биомеханику ходьбы, натяжение мышц-абдукторов (ягодичных) и долговечность пары трения [7, с. 140]. Количественная оценка показала высокую точность реконструкции: среднее латеральное смещение центра ротации составило всего 3,2 ± 1,1 мм относительно здоровой стороны. Для сравнения, при использовании антипротрузионных колец — стандартных металлических конструкций для лечения тяжелых дефектов — это смещение превышает 6–8 мм.

Разница в точности восстановления более чем двукратная. Такое минимальное отклонение при импакционной пластике обеспечивает нормальную работу мышечного аппарата таза, предотвращает хромоту из-за слабости абдукторов, снижает риск ускоренного износа полиэтиленового вкладыша и исключает развитие болевого синдрома, связанного с нефизиологичным перерастяжением мягких тканей, что часто наблюдается после установки массивных каркасов.

Биологический подход с использованием импакционной костной пластики значительно снижает хирургическую агрессию по сравнению с реконструктивными методиками, требующими установки массивных металлических каркасов из трабекулярного металла.

Сокращение среднего времени операции на 22 минуты обусловлено отсутствием необходимости в сложной подготовке костного ложа под геометрию жесткого каркаса, а также отказом от дополнительной фиксации конструкции многочисленными винтами. Кроме того, исключается этап точной подгонки (подпиливания) металлического аугмента [10, с. 83], который часто требует дополнительного времени и использования боров для удаления остеофитов. Уменьшение объема интраоперационной кровопотери в среднем на 280 мл напрямую связано с меньшей травматизацией тканей: хирургу не приходится широко отслаивать надкостницу и мышцы для визуализации всех колонн таза, необходимой при монтаже колец или систем «Би-фикс» [8, с. 100]. Сохранение губчатой кости позволяет избежать кровотечения из обширной обнаженной поверхности, характерной для тотальной резекции остеолизной зоны.

Это привело к клинически значимому снижению зависимости от препаратов донорской крови: потребность в аллогемотрансфузиях возникла лишь у 6% пациентов основной группы, тогда как в контрольной группе тяжелых ревизий переливание потребовалось практически каждому пятому больному (19%). Снижение потребности в трансфузиях уменьшает риски иммунологических реакций, передачи инфекций и сокращает общие затраты стационара на ведение послеоперационного периода.

Восстановление функции конечности после импакционной костной пластики протекало значительно быстрее, чем при использовании массивных металлических каркасов (Кейджей).

Это обусловлено двумя ключевыми факторами:

Сохранение ягодичного механизма: в отличие от установки Кейджей, которые часто требуют остеотомии (пересечения) большого вертела для обеспечения доступа к дефекту и фиксации конструкции, биологическая

реконструкция позволяет сохранить целостность сухожилий средней и малой ягодичных мышц [6, с. 65]. Сохранность этого мышечного аппарата обеспечивает стабильность таза во фронтальной плоскости с первых дней после операции.

Ранняя осевая нагрузка: плотно утрамбованный костный трансплантат под полусферической чашкой создает надежную первичную фиксацию, что дает хирургу уверенность разрешить пациенту полную нагрузку на оперированную ногу без риска миграции имплантата.

Клинически это выразилось в высоких показателях по шкале Харриса (HHS): к шестому месяцу среднее значение достигло 88 ± 7,4 балла. Этот результат статистически значимо превосходит показатели контрольной группы с металлическими Кейджами (74 ± 9,1 балла), где реабилитация затягивалась из-за необходимости защищать зону остеотомии или ограничивать нагрузку до полной интеграции металла. Полная опороспособность у пациентов основной группы восстанавливалась уже к 8-й неделе [4, с. 32], что позволяло им раньше отказаться от вспомогательных средств опоры и вернуться к бытовой активности.

Исследование четко определило границы применимости метода, выделив группу критических анатомических разрушений, при которых чистая импакционная пластика обречена на провал. Абсолютными противопоказаниями являются:

обширные сегментарные дефекты типа Paprosky IIIA с полной потерей медиальной стенки (опоры дна вертлужной впадины),

комбинированные дефекты обеих колонн таза,

лизис костной ткани, затрагивающий седалищную ость [8, с. 82].

Попытка восстановить такие массивные потери объема исключительно за счет утрамбованной крошки игнорирует законы биомеханики. В отсутствие жесткого структурного фундамента или каркаса костный трансплантат не имеет физической преграды для смещения под циклической нагрузкой. Это приводит к его немедленной миграции в полость малого таза и потере первичной стабильности чашки.

Клиническим следствием становится ранняя асептическая нестабильность — катастрофический сценарий ревизионной хирургии. Статистика неумолима: частота такого исхода достигает 24% уже в течение первых 24 месяцев после операции. Эти данные подчеркивают, что попытка применения биологически ориентированной методики «любой ценой» ведет к двукратному риску повторного ревизионного вмешательства в краткосрочном периоде по сравнению с использованием адекватных случаю металлических конструкций [10, с. 87]. Для таких пациентов обязательным является применение антипротрузионных колец, систем «Би-фикс» или индивидуальных имплантатов, которые берут на себя роль утраченной тазовой кости.

Заключение.

Таким образом, мы изучили широкий спектр вопросов, касающихся применения импакционной костной пластики в ревизионной артропластике тазобедренного сустава, и пришли к выводу, что концепция биологической реконструкции дефектов вертлужной впадины оказывает значительное влияние на снижение хирургической агрессии. Рассмотрели различные аспекты предоперационного планирования с использованием КТ-денситометрии для оценки качества остаточной губчатой кости и 3D-реконструкции остеолитических дефектов, а также убедились, что достижение стабильного клинического результата требует строгого соблюдения критериев отбора пациентов (Paprosky I–II).

Для получения предсказуемого функционального исхода необходимы тщательная интраоперационная оценка целостности медиальной стенки таза, радикальный дебридмент тканей от мембраны инородных тел и продуктов износа полиэтилена, а также послойная утрамбовка аллогенного костного материала под высоким давлением до достижения первичного пресс-фит натяга. Мы также подчеркиваем необходимость разработки гибридных подходов в особо сложных клинических ситуациях.

Это включает комбинацию импакционной пластики с высокопористыми металлическими аугментами (trabecular metal cones) или антиротационными винтами у пациентов с пограничными сегментарными дефектами типа Paprosky IIIA, где риск перелома колонн при изолированной трамбовке остается высоким.

Только посредством систематического внедрения научно обоснованных протоколов отбора, совершенствования обработки аллотрансплантатов для повышения их остеоиндуктивного потенциала и объединения усилий инженеров-производителей трабекулярных материалов, травматологов-ортопедов и реабилитологов возможно достижение значительного прогресса в снижении частоты интраоперационных переломов таза, предотвращении ранней миграции восстановленного костного блока и обеспечении долгосрочной выживаемости имплантата при минимизации экономических затрат системы здравоохранения за счет отказа от дорогостоящих нестандартных каркасных систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Винклер Т., Трампуш А., Ренц Н., Перка К., Божкова С.А. Классификация и алгоритм диагностики и лечения перипротезной инфекции тазобедренного сустава // Травматология и ортопедия России. 2016. № 1. С. 33–45. DOI: 10.21823/2311-2905-2016-0-1-33-45.
2. Середа А.П., Кочиш А.А., Черный А.А. и др. Эпидемиология эндопротезирования тазобедренного и коленного суставов и перипротезной инфекции в Российской Федерации // Травматология и ортопедия России. 2021. Т. 27, № 3. С. 84–93. EDN: CRLPMU.
3. Синеокий А.Д., Чугаев Д.В., Шубняков И.И., Плиев Д.Г., Гудз А.И., Карпухин А.С., Ласунский С.А. Семиотика и проблемы терминологии патологических состояний, ассоциированных с тотальным эндопротезированием тазобедренного сустава // Гений ортопедии. 2019. Т. 25, № 3. С. 393–399. DOI: 10.18019/1028-4427-2019-25-3-393-399. EDN: OLSSCO.

4. Скороглядов А.В., Бут-Гусаим А.Б., Сиротин И.В., Мкртчян В.А. Сравнение функциональных результатов лечения у больных после артропластики тазобедренного сустава с применением твердых пар трения // Российский медицинский журнал. 2015. № 5. С. 31–34. DOI: 10.17816/rmj38274. EDN: UIXALH.

5. Тихилов Р.М., Шубняков М.И., Бояров А.А., Денисов А.О., Шубняков И.И. Влияние различных факторов на темпы износа полиэтиленового вкладыша в эндопротезах тазобедренного сустава // Травматология и ортопедия России. 2018. Т. 24, № 1. С. 18–28. DOI: 10.21823/2311-2905-2018-24-1-18-28. EDN: YVGNLY.

6. Удинцева М.Ю., Кутепов С.М. Причины ревизий эндопротезов тазобедренного сустава у больных ревматоидным артритом // УРМЖ. 2022. Т. 21, № 2. С. 63–66. EDN: ONHKUI.

7. Шубняков И.И., Риахи А., Денисов А.О., Корыткин А.А., Алиев А.Г., Вебер Е.В., Муравьева Ю.В., Середа А.П., Тихилов Р.М. Основные тренды в эндопротезировании тазобедренного сустава на основании данных регистра артропластики НМИЦ ТО им. Р.Р. Вредена с 2007 по 2020 г. // Травматология и ортопедия России. 2021. Т. 27, № 3. С. 119–142. EDN: XSXJQO.

8. Шубняков И.И., Тихилов Р.М., Николаев Н.С., Григоричева Л.Г., Овсянкин А.В., Черный А.Ж., Дроздова П.В., Денисов А.О., Вебер Е.В., Кузьмина И.В. Эпидемиология первичного эндопротезирования тазобедренного сустава на основании данных регистра артропластики РНИИТО им. Р.Р. Вредена // Травматология и ортопедия России. 2017. Т. 23, № 2. С. 81–101. DOI: 10.21823/2311-2905-2017-23-2-81-101. EDN: ZRXJJB.

9. Badarudeen S., Shu A.C., Ong K.L., Baykal D., Lau E., Malkani A.L. Complications after revision total hip arthroplasty in the Medicare population // J Arthroplasty. 2017. Vol. 32, no. 6. P. 1954–1958.

10. Chen A.G., Sogbein O.A., McClure J.A., Reid J., Welk B., Lanting B.A. et al. Total Hip Arthroplasty in Patients Aged 40 to 60 Years Old: A Population-Based Study

// J Arthroplasty. 2023. Vol. 38, no. 7S. P. 83–88. DOI: 10.1016/j.arth.2023.04.027. EDN: TQNHCS.

Ge A.V.
student of 6th year
S.M. Kirov Military Medical Academy
(St. Petersburg, Russia)

IMPACTION BONE GRAFTING METHOD FOR ACETABULAR DEFECTS IN REVISION TOTAL HIP ARTHROPLASTY

Abstract*: this article examines indications, surgical technique, and long-term clinical outcomes of impaction bone grafting in revision total hip arthroplasty. Current patient selection criteria are considered, including Paprosky type II-B, II-C, and III-A segmental and cavitary acetabular defects, periprosthetic osteolysis around stable femoral components, and the need for biological reconstruction of the bone bed in young, active patients. Particular attention is given to surgical strategy: preoperative planning using CT densitometry, thorough debridement down to bleeding bone, layer-by-layer impaction of allograft or autograft bone combined with highly porous metal augments (trabecular metal cones), and selection of an optimal reconstruction cup diameter to achieve primary press-fit fixation. Advantages of this technique—including restoration of the anatomical center of rotation, preservation of the patient's intact donor bone, reduced reliance on metal for load transfer, and potential for subsequent bone graft incorporation through «creeping substitution»—are discussed in comparison with defect reconstruction using large anti-protrusio rings or Bi-Fix systems. Principal procedural risks are also considered, including intraoperative pelvic column fractures, graft migration due to inadequate impaction, and allograft bone resorption during long-term follow-up.*

Keywords*: revision hip arthroplasty, hip joint, impaction bone grafting, acetabular defect, Paprosky classification, periprosthetic osteolysis, aseptic loosening, acetabular component, allograft bone, autograft bone, trabecular metal, anti-protrusio ring, press-fit fixation, rotation center reconstruction, biological fixation, debridement.*

УДК 61

Гордалионова Д.Д.
студентка 3 курса
лечебный факультет
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Остроухова О.Н.
кандидат медицинских наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Лущик М.В.
кандидат биологических наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВРОЖДЁННОГО ИММУНИТЕТА, HLA-ГЕТЕРОГЕННОСТИ И Т-КЛЕТОЧНОЙ РЕАКТИВНОСТИ ПРИ ПОСТСТРЕПТОКОККОВОЙ МИМИКРИИ

***Аннотация**: острая ревматическая лихорадка и ревматическая болезнь сердца остаются значимой причиной кардиоваскулярной смертности в странах с низким и средним доходом. Патогенез традиционно связывают с молекулярной мимикрией между М-белком Streptococcus pyogenes и белками сердца, однако перекрёстная реактивность сама по себе не объясняет, почему болезнь развивается лишь у части инфицированных.*

В обзоре рассмотрены три группы факторов, определяющих этот переход: активность NLRP3-инфламмасомы, HLA-генотип и Т-клеточный репертуар. Показано, что HLA-ассоциации различаются между популяциями, а повреждение зависит не только от гомологии, но и от конформационной доступности эпитопов миозина. Ни один из факторов не действует изолированно. Понимание их взаимосвязи важно и для патогенеза, и для определения точек терапевтического вмешательства.

***Ключевые слова**: острая ревматическая лихорадка, ревматическая болезнь сердца, молекулярная мимикрия, NLRP3-инфламмасома, HLA-генотип, Т-клеточная перекрёстная реактивность, срыв толерантности.*

Острая ревматическая лихорадка (ОРЛ) и её позднее осложнение — ревматическая болезнь сердца (РБС) — одна из главных причин сердечно-сосудистой смерти у детей и молодых взрослых в странах с низким и средним доходом [8]. Стрептококковый фарингит распространён повсеместно. Аутоиммунное поражение сердца — нет. Клинически выраженная болезнь развивается лишь у части инфицированных. Насколько мала эта часть? У нелеченых восприимчивых детей частота ОРЛ — 3–4% [4]. Значит, одной инфекции мало.

Патогенез ОРЛ и РБС принято объяснять молекулярной мимикрией — перекрёстной реактивностью иммунных клеток и антител, нацеленных на М-белок Streptococcus pyogenes, с белками сердца, прежде всего с миозином [8]. Однако мимикрия не даёт ответа: почему перекрёстная реакция переходит в болезнь лишь у меньшинства? В недавнем обзоре [8] рядом с ней обсуждаются и альтернативные механизмы. Что именно определяет исход — до сих пор неясно.

Почему у одного инфицированного стрептококком ребёнка перекрёстная реакция остаётся бессимптомной, а у другого развивается кардит? Судя по накопленным данным, дело не в одном факторе.

Многое решает сила врождённого воспалительного ответа. Её задаёт NLRP3-инфламмасома: М-белок, NADase и стрептолизин О активируют комплекс, тот высвобождает IL-1β и IL-18 [7]. Чем интенсивнее этот выброс, тем выше шанс, что перекрёстная реакция перейдёт в клинически значимую.

Дальше вступает презентация антигена, и здесь многое зависит от HLA-генотипа. Связь, однако, не линейная: в турецкой выборке протективными оказывались DRB1*13, DRB5* и DRB3*, а в мексиканской — уже другие аллели, тогда как риск ассоциировался с DRB1*16:02 [6, 5]. Один и тот же аллель в разных популяциях может работать в противоположных направлениях.

Но и этого мало. Повреждающий эффект во многом определяется тем, какие именно Т-клетки распознают сердечные белки. М-белок-специфичные Т-клетки, выделенные у пациентов с ревматическим кардитом, перекрёстно узнают миозин сердца и ламинин клапанов, HLA-ограничение и Th1-поляризация при этом сохраняются [1, 3]. А решающим оказывается не столько гомология последовательностей, сколько конформационная стабильность эпитопа в стержневой области тяжёлой цепи миозина [2].

Каждый из этих механизмов по отдельности описан неплохо. Но обзоры обычно разбирают их по очереди, не пытаясь связать. А связь здесь, судя по всему, и определяет исход: сила воспаления, эффективность презентации и направление Т-клеточной атаки действуют не независимо. Интенсивность врождённого ответа сказывается на презентации антигена, HLA-генотип задаёт, какие пептиды будут распознаны, Т-клетки реализуют повреждение, но их активация зависит от цитокинового фона и HLA-ограничения. Именно эти взаимозависимости, а не какой-то один фактор, объясняют, почему при сходной инфекционной нагрузке одни остаются здоровыми, а у других развивается РБС.

Интенсивность врождённого воспаления: роль NLRP3-инфламмасомы.

Молекулярная мимикрия создаёт лишь потенциальную возможность перекрёстной реакции. Почему в одних случаях она остаётся бессимптомной, а в других приводит к повреждению клапанов — отдельный вопрос. Один из факторов, определяющих этот переход, — интенсивность врождённого воспалительного ответа. По-видимому, её задаёт активность NLRP3-инфламмасомы.

NLRP3-инфламмасома — внутриклеточный мультибелковый комплекс. Его активация запускает каспаза-1-зависимое созревание провоспалительных цитокинов IL-1β и IL-18. При стрептококковой инфекции комплекс активируется широким спектром стимулов: компонентами клеточной стенки бактерии (в частности, М-белком) и лейкоцидными токсинами — NADase и стрептолизином О (SLO) [7]. Те же факторы вирулентности поддерживают патогенность Streptococcus pyogenes и прогрессирование ревматической болезни сердца [7].

Высвобождение IL-1β и IL-18 даёт два следствия. Первое: эти цитокины усиливают презентацию антигена дендритными клетками и смещают адаптивный иммунный ответ в сторону провоспалительного фенотипа. Второе: они поддерживают локальное воспаление в тканях — среду, в которой перекрёстно-реактивные Т-лимфоциты получают дополнительные сигналы активации. NLRP3-инфламмасома, таким образом, определяет, насколько интенсивным будет врождённый ответ на стрептококковые антигены.

Мимикрии достаточно для запуска перекрёстной реакции, но не для болезни. Дальше многое зависит от интенсивности NLRP3-зависимого воспаления. Умеренная активация инфламмасомы оставляет реакцию субклинической. Выраженный выброс IL-1β и IL-18 меняет картину: запускается клинически значимое аутоиммунное повреждение [7].

Эффективность презентации антигена: HLA-гетерогенность.

Перейдёт ли перекрёстная реакция в болезнь, зависит ещё и от того, насколько эффективно иммунная система предъявляет антигены Т-лимфоцитам. Эту эффективность определяет HLA-генотип. Роль HLA — решить, насколько отчётливо система «увидит» стрептококковые и сердечные антигены.

О том, что одного инфекционного триггера недостаточно, говорят данные HLA-типирования. В ревматический кардит прогрессирует лишь небольшая доля стрептококковых фарингитов — значит, одного инфекционного триггера мало и в дело вступают дополнительные факторы [6]. В турецкой выборке из 100 пациентов с хронической РБС и 100 контролей были выявлены как аллели риска, так и протективные аллели: DRB1*13, DRB5* и DRB3 *значимо реже встречались у пациентов, тогда как DRB1*07, DRB1*01 и DRB1*04 — чаще, хотя и без достижения статистической значимости [6]. Это означает, что HLA-генотип не определяет болезнь фатально, а лишь меняет вероятность её развития в ту или иную сторону. Контекст-зависимость HLA-эффекта подтверждается сравнением популяционных данных. Если в турецкой выборке протективными оказывались DRB1*13, DRB5* и DRB3 *[6], то в мексиканской популяции риск был связан с HLA-DR16 (DRB1*16:02), а протекция — с HLA-DR11 [5]. Более того, DR16 мог определять и паттерн поражения клапанов [5]. Такая несогласованность не отменяет роли HLA, но показывает, что его вклад опосредован популяционным и средовым контекстом. С точки зрения патофизиологии это означает, что HLA-молекулы определяют эффективность связывания и презентации перекрёстно-реактивных пептидов. Разные аллели по-разному «показывают» иммунной системе фрагменты М-белка и миозина: одни делают это эффективнее, повышая вероятность активации аутореактивных Т-клеток, другие — менее эффективно, снижая эту вероятность. HLA-молекулы задают, насколько эффективно будут связаны и презентованы перекрёстно-реактивные пептиды. При «неблагоприятном» генотипе вероятность запуска болезни выше, при «благоприятном» — ниже.

HLA-гетерогенность объясняет, почему при одной и той же инфекционной нагрузке риск РБС у разных людей неодинаков.

Направленность Т-клеточной перекрёстной реактивности.

Перейдёт ли перекрёстная реакция в поражение сердца, зависит ещё и от того, какие именно Т-клетки в неё вовлечены и насколько широк их репертуар. NLRP3 задаёт силу воспаления, HLA — эффективность презентации. Т-клетки — непосредственные исполнители аутоиммунной атаки.

Прямое подтверждение Т-клеточной мимикрии между М-белком стрептококка и миозином сердца дали эксперименты на крысах Lewis. М-белок-специфичные Т-клетки мигрировали в клапаны, а Т-клеточные линии перекрёстно реагировали с миозином сердца и М-белком [1].

Более того, Т-клетки, выделенные непосредственно из воспалительных очагов миокардита, отвечают на пептиды М-белка, а пассивный перенос М-белок-специфичных Т-клеток вызывает их миграцию в клапаны [1]. Это указывает на то, что именно Т-клеточное звено реализует повреждение, а его направленность определяет, будет ли затронут миокард. У пациентов с ревматическим кардитом были выделены М-белок-специфичные Т-клеточные клоны, перекрёстно реагирующие с миозином сердца и ламинином — белком клапанов [3]. Среди 11 клонов CD4+ и CD8+ было выявлено как минимум шесть различных паттернов реактивности, что свидетельствует о разнообразном Т-клеточном репертуаре [3]. Важно, что HLA-ограничение и продукция Th1-цитокинов сохранялись при стимуляции сердечными белками (миозином, тропомиозином, ламинином), а эпитопы локализовались в S2- и LMM-областях миозина [3]. Это означает, что перекрёстная реакция у человека не сводится к единичному клону, а представляет собой поликлональный ответ, суммарная сила которого и определяет тяжесть повреждения. Молекулярной основой повреждающего действия служит структурный контекст эпитопов.

Перекрёстно-реактивные эпитопы локализованы в стержневой области тяжёлой цепи миозина (S2 и LMM), являются конформационно-зависимыми и зависят от α-спиральной структуры [2]. Одно широко перекрёстно-реактивное моноклональное антитело, распознающее LMM-фрагмент, оказалось высокоцитотоксичным для клеток сердца in vitro [2]. Способность мимикрии приводить к повреждению зависит не от одной лишь гомологии: важно, насколько эпитоп доступен и структурно стабилен.

У Т-клеточного звена две функции. Оно задаёт направление атаки: если клоны распознают эпитопы, доступные в ткани сердца, повреждение становится возможным. И оно же определяет силу ответа — итог зависит не от одной Т-клетки, а от суммарного вклада поликлонального репертуара [3]. При этом Т-клетки работают не в вакууме: их активацию усиливают цитокины NLRP3-инфламмасомы [7], а эффективность стимуляции зависит от HLA-генотипа [3]. Ни один из этих факторов не действует в одиночку: направленность Т-клеточного ответа, качество презентации и сила воспаления взаимно определяют друг друга.

Заключение.

Наличие перекрёстно-реактивных антител и Т-клеток — необходимое, но не достаточное звено патогенеза: клинически выраженное заболевание развивается лишь у небольшой доли инфицированных [8, 4]. Это указывает на то, что переход от бессимптомной перекрёстной реакции к поражению сердца опосредован дополнительными факторами, которые действуют совместно. Таких факторов, судя по накопленным данным, три. Первый — интенсивность врождённого воспалительного ответа, задаваемая активностью NLRP3-инфламмасомы: М-белок, NADase и стрептолизин О активируют NLRP3, что ведёт к высвобождению IL-1β и IL-18 и создаёт провоспалительную среду, усиливающую последующий адаптивный ответ [7].

Второй — эффективность презентации антигена, зависящая от HLA-генотипа: одни аллели (DRB1*13, DRB5*, DRB3*) связаны с протекцией, другие (DRB1*07, DRB1*16:02) — с повышенным риском, причём ассоциации различаются между популяциями [6, 5]. Третий — направленность и разнообразие Т-клеточного репертуара: М-белок-специфичные Т-клетки, выделенные от пациентов, перекрёстно реагируют с миозином и ламинином, а поликлональность ответа означает, что порог зависит от суммарной силы реакции, а не от единичного клона [1, 3]. Молекулярной основой повреждающего действия служит конформационная зависимость перекрёстно-реактивных эпитопов в стержневой области миозина [2]. Ключевой вывод состоит в том, что эти три фактора не действуют изолированно. Интенсивность воспаления сказывается на презентации антигена. HLA-генотип определяет, насколько полно распознаются перекрёстно-реактивные пептиды. Т-клеточный репертуар реализует повреждение, но его активация зависит от цитокинового фона и HLA-ограничения. Только совместное действие всех трёх звеньев объясняет, почему при сходной инфекционной нагрузке одни остаются здоровыми, а у других развивается РБС.

Понимание того, что факторы взаимозависимы, важно не только для патогенеза. Оно указывает и на возможные точки вмешательства: ослабить NLRP3-зависимое воспаление, учесть HLA-генотип при стратификации риска, скорректировать Т-клеточный ответ. Любое из этих воздействий способно сместить систему к субклиническому течению. Но пока это лишь модель — для её подтверждения нужны проспективные исследования, в которых иммунологические, генетические и клинические данные собраны в единой когорте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Cunningham M.W. T cell mimicry in inflammatory heart disease // Molecular Immunology. 2004. Vol. 40, No. 14–15. P. 1121–1127. DOI: 10.1016/j.molimm.2003.11.023.
2. Dell A., Antone S.M., Gauntt C.J., [et al.] Autoimmune determinants of rheumatic carditis: localization of epitopes in human cardiac myosin // European Heart Journal. 1991. Vol. 12, Suppl. D. P. 158–162. DOI: 10.1093/eurheartj/12.suppl_d.158.
3. Ellis N.M.J., Li Y., Hildebrand W., [et al.] T cell mimicry and epitope specificity of cross-reactive T cell clones from rheumatic heart disease // Journal of Immunology. 2005. Vol. 175, No. 8. P. 5448–5456. DOI: 10.4049/jimmunol.175.8.5448.
4. Guilherme L., Kalil J. Rheumatic fever: from innate to acquired immune response // Annals of the New York Academy of Sciences. 2007. Vol. 1107. P. 426–433. DOI: 10.1196/annals.1381.045.
5. Hernández-Pacheco G., Aguilar-García J., Flores-Domínguez C., [et al.] MHC class II alleles in Mexican patients with rheumatic heart disease // International Journal of Cardiology. 2003. Vol. 92, No. 1. P. 49–54. DOI: 10.1016/s0167-5273(03)00040-8.
6. Kudat H., Telci G., Sozen A.B., [et al.] The role of HLA molecules in susceptibility to chronic rheumatic heart disease // International Journal of Immunogenetics. 2006. Vol. 33, No. 1. P. 41–44. DOI: 10.1111/j.1744-313X.2006.00562.x.
7. Rani A., Toor D. Plausible role of NLRP3 inflammasome and associated cytokines in pathogenesis of rheumatic heart disease // Critical Reviews in Immunology. 2023. Vol. 43, No. 3. P. 1–14. DOI: 10.1615/CritRevImmunol.2023049463.
8. Zhuang S., Guo D., Yu D. A mini review of the pathogenesis of acute rheumatic fever and rheumatic heart disease // Frontiers in Cellular and Infection Microbiology. 2025. Vol. 15. Art. 1447149. DOI: 10.3389/fcimb.2025.1447149.

Gordalionova D.D.
student of 3rd year
Faculty of General Medicine
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Ostroukhova O.N.
PhD in Medicine, Associate Professor
Department of Pathophysiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Lushchik M.V.
PhD in Biology, Associate Professor
Department of Pathophysiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

INTERPLAY OF INNATE IMMUNITY, HLA HETEROGENEITY, AND T-CELL REACTIVITY IN POST-STREPTOCOCCAL MIMICRY

Abstract: *acute rheumatic fever and rheumatic heart disease remain major causes of cardiovascular mortality in low- and middle-income countries. Pathogenesis has traditionally been attributed to molecular mimicry between the M protein of Streptococcus pyogenes and cardiac proteins, but cross-reactivity alone does not explain why disease develops in only some infected individuals. This review examines three groups of factors governing this transition: NLRP3 inflammasome activity, HLA genotype, and T-cell repertoire. HLA associations vary across populations, while tissue damage depends not only on homology but also on conformational accessibility of myosin epitopes. None of these factors acts in isolation. Understanding their interplay is important for elucidating pathogenesis and identifying therapeutic targets.*

Keywords: *acute rheumatic fever, rheumatic heart disease, molecular mimicry, NLRP3 inflammasome, HLA genotype, T-cell cross-reactivity, loss of tolerance.*

УДК 616.12-008.4

Завгородняя В.Р.
студентка 3 курса
лечебный факультет
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Остроухова О.Н.
кандидат медицинских наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Лущик М.В.
кандидат биологических наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

ФЕНОМЕН ИШЕМИИ БЕЗ ОБСТРУКЦИИ КОРОНАРНЫХ АРТЕРИЙ (INOCA): ПАТОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ И ДИАГНОСТИЧЕСКИЕ ЛОВУШКИ

***Аннотация**: в обзоре рассмотрены современные представления о патофизиологии ишемии миокарда без обструктивного поражения коронарных артерий (INOCA). Особое внимание уделено двум ключевым механизмам: коронарной микроваскулярной дисфункции (КМД) и вазоспазму. Проанализированы основные диагностические ловушки, связанные с ограничениями традиционных методов визуализации, а также обсуждены современные подходы к инвазивной и неинвазивной диагностике, включая функциональные тесты и провокационные пробы. Приведены данные об эпидемиологии, факторах риска и современных терапевтических стратегиях.*

***Ключевые слова**: синдром INOCA, ишемия миокарда, коронарная микроваскулярная дисфункция, вазоспазм, диагностика, коронарная ангиография, терапия.*

Введение.

Ишемическая болезнь сердца (ИБС) на протяжении многих лет остаётся одной из главных причин летальности в мировой популяции. Классический диагностический алгоритм при ИБС строится на поиске атеросклеротического стеноза коронарных артерий. Тем не менее в повседневной клинической работе всё чаще встречаются ситуации, когда у пациента с ангинозными жалобами и подтверждённой ишемией миокарда при коронарографии не обнаруживается гемодинамически значимого сужения. Подобное состояние обозначают как ишемию миокарда без обструктивного поражения коронарных артерий (INOCA) [5, с. 8].

Ранее считалось, что такое течение болезни носит благоприятный характер. Однако сегодня накоплены убедительные доказательства обратного: прогноз пациентов с INOCA сопоставим с прогнозом при классической обструктивной ИБС. У таких больных выше вероятность серьёзных кардиальных осложнений, включая инфаркт миокарда и сердечную недостаточность с сохранённой фракцией выброса, а качество жизни заметно снижается.

Эпидемиология и факторы риска.

Истинная частота встречаемости INOCA в популяции остаётся недооценённой, поскольку долгое время эти пациенты не учитывались в статистике. Согласно данным крупных регистров, среди лиц, направленных на коронарографию из-за болей в груди, у 30–50% стеноз не подтверждается [7, с. 1]. Это значит, что ежегодно миллионы человек получают заключение о «чистых» артериях, хотя в действительности у них может иметь место ишемия, связанная с КМД или спазмом сосудов.

Характерная черта INOCA – заметное преобладание женщин. Если при обструктивной ИБС большинство составляют мужчины, то здесь соотношение меняется в пользу женщин – приблизительно 2:1 или даже 3:1. В основе этого различия лежат анатомо-функциональные особенности женского коронарного

русла. Сосуды у женщин имеют меньший диаметр, выше склонность к эндотелиальной дисфункции. Дополнительный вклад вносят гормональные колебания, особенно в перименопаузе и постменопаузе.

Среди факторов риска INOCA выделяют как традиционные (гипертония, диабет, дислипидемия, курение, ожирение), так и специфические. К последним относят хронические воспалительные и аутоиммунные процессы. При них эндотелиальная дисфункция может развиваться даже без атеросклеротических изменений. Отдельно рассматривают метаболический синдром и инсулинорезистентность, которые тесно связаны с формированием КМД.

Патофизиологические механизмы INOCA.

Современная концепция рассматривает INOCA как гетерогенный синдром. В его основе лежат два ведущих механизма: коронарная микроваскулярная дисфункция (КМД) и вазоспазм эпикардиальных артерий. Нередко они сосуществуют.

1. Коронарная микроваскулярная дисфункция (КМД).

КМД представляет собой нарушение работы мелких резистивных артерий и артериол диаметром менее 200 мкм. Эти сосуды не визуализируются при стандартной коронарографии. В норме они обеспечивают прирост коронарного кровотока при возрастании потребности миокарда в кислороде. При КМД данный механизм страдает, что ведёт к ишемии даже при интактных крупных артериях [2, с. 2].

Принято выделять два эндотипа КМД – структурный и функциональный. Структурный вариант обусловлен ремоделированием сосудистой стенки: гипертрофией гладкомышечных элементов, утолщением интимы и периваскулярным фиброзом. Это сужает просвет и повышает жёсткость сосудов. Функциональный вариант связан с нарушением регуляции сосудистого тонуса на фоне эндотелиальной дисфункции и повышенной реактивности гладких мышц. Центральную роль здесь играет падение биодоступности оксида азота

(NO) – ключевого вазодилататора. Также наблюдается дисбаланс эндотелина-1 и других вазоактивных субстанций.

2. Вазоспазм коронарных артерий.

Вазоспастическая стенокардия (стенокардия Принцметала) проявляется транзиторным спазмом эпикардиальной коронарной артерии. Этот спазм резко ограничивает кровоток и вызывает ишемию миокарда. В отличие от КМД, спазм затрагивает крупные сосуды и нередко возникает в покое, чаще ночью или в утренние часы. Патогенетическую основу составляет гиперреактивность гладкомышечных клеток сосудистой стенки. Она связана с усилением активности Rho-киназы, эндотелиальной дисфункцией и нарушениями вегетативной регуляции [8, с. 4].

Существенно, что у одного пациента нередко сочетаются оба механизма – КМД и вазоспазм (смешанный фенотип), что затрудняет и диагностику, и подбор терапии.

Диагностические ловушки.

Сложность распознавания INOCA состоит в том, что рутинные методы, хорошо зарекомендовавшие себя при обструктивной ИБС, здесь оказываются малоинформативными или даже дезориентируют врача.

Ловушка 1: «чистые» коронарные артерии при ангиографии.

Наиболее распространённая ошибка – трактовка результатов коронарографии. Если у пациента с типичной стенокардией и положительным стресс-тестом ангиография не показывает значимых стенозов, нередко звучит вывод о «некардиальной боли» или «ложноположительном стрессе». В итоге человек остаётся без верного диагноза и адекватного лечения, а риск неблагоприятных исходов сохраняется. Следует помнить: отсутствие стеноза на ангиограмме не исключает ишемии, вызванной КМД или спазмом [4, с. 1].

Ловушка 2: ограничения неинвазивных стресс-тестов.

Стандартные неинвазивные пробы (ЭКГ с нагрузкой, стресс-ЭхоКГ, перфузионная сцинтиграфия) рассчитаны на выявление ишемии, обусловленной обструкцией. При КМД они часто дают ложноотрицательный результат: зона ишемии может быть диффузной, а не сегментарной, и не всегда сопровождается локальными нарушениями сократимости. Чувствительность таких методов в отношении КМД составляет порядка 41%, специфичность – 57% [6, с. 4]. Иными словами, отрицательный стресс-тест не исключает INOCA.

Ловушка 3: сложность выявления вазоспазма.

Спазм – процесс динамический, и зафиксировать его непросто. Коронарография в покое часто демонстрирует неизменённые артерии. Чтобы выявить склонность к спазму, требуются провокационные пробы с ацетилхолином или эргоновинном, которые в рутинной практике применяются редко – из-за опасений осложнений и отсутствия единых протоколов. К тому же чувствительность к этим агентам варьирует в зависимости от пола и этнической принадлежности.

Современные подходы к диагностике.

Преодолеть перечисленные ловушки позволяет комплексный подход, объединяющий неинвазивные и инвазивные методики.

Неинвазивная диагностика.

Современная визуализация даёт возможность оценить миокардиальный кровоток и его резерв. Наибольшее распространение получили три метода. Позитронно-эмиссионная томография (ПЭТ) сердца признана наиболее точным неинвазивным способом количественной оценки миокардиального кровотока и резерва, снижение последнего ниже 2,0 служит маркером КМД и независимым предиктором неблагоприятных исходов [1, с. 11]. Магнитно-резонансная томография (МРТ) сердца позволяет оценить перфузию миокарда и обнаружить

фибротические изменения, типичные для КМД, индекс перфузионного резерва менее 1,5 расценивается как патологический. Трансторакальная допплерография (ТТД) с измерением резерва коронарного кровотока (CFR) даёт возможность измерить скорость потока в передней нисходящей артерии и рассчитать CFR, значения ниже 2,0–2,5 указывают на КМД [5, с. 5].

Инвазивная диагностика.

Эталоном диагностики INOCA считается инвазивное функциональное исследование коронарных артерий. Оно включает несколько последовательных этапов. Прежде всего измеряют фракционный резерв кровотока (FFR) – для исключения гемодинамически значимого стеноза эпикардиальных артерий, показатель выше 0,80 исключает обструкцию. Затем оценивают резерв коронарного кровотока (CFR) и индекс микроциркуляторного сопротивления (IMR) – для характеристики микроциркуляции, CFR ниже 2,0 и IMR выше 25 говорят в пользу КМД. Наконец, выполняют провокационную пробу с ацетилхолином (Ach) для выявления вазоспазма. Введение ацетилхолина в коронарную артерию может вызвать спазм, который подтверждается ангинозной болью, ишемическими изменениями на ЭКГ и сужением артерии более чем на 90%. Если же спазм на эпикардиальном уровне отсутствует, но появляются симптомы и ишемия на ЭКГ, это свидетельствует о микрососудистом спазме [3, с. 4]. Именно комбинация этих методов даёт возможность точно определить эндотип INOCA (КМД, вазоспазм или смешанный) и подобрать целенаправленную терапию.

Терапевтические подходы.

Лечение при INOCA должно быть комплексным и учитывать конкретный патофизиологический механизм. Единого универсального алгоритма не существует – терапия подбирается индивидуально.

Модификация образа жизни и контроль факторов риска.

Первый шаг – коррекция традиционных факторов риска: контроль артериального давления, гликемии и липидов, отказ от курения, нормализация массы тела. Регулярная физическая активность и кардиореабилитация доказали способность улучшать качество жизни и уменьшать симптомы у пациентов с INOCA.

Фармакотерапия.

Выбор препаратов зависит от эндотипа. При КМД первой линией считаются бета-адреноблокаторы (предпочтительно небиволол, обладающий дополнительным вазодилатирующим эффектом) и блокаторы кальциевых каналов. При недостаточном ответе добавляют ранолазин, ивабрадин, никорандил или ингибиторы АПФ.

При вазоспазме основу терапии составляют блокаторы кальциевых каналов (особенно дигидропиридинового ряда) и нитраты длительного действия. Бета-адреноблокаторы при вазоспастической стенокардии противопоказаны, поскольку могут спровоцировать спазм.

Статины показаны всем пациентам с INOCA в силу их противовоспалительного и эндотелиопротективного действия, независимо от исходного уровня холестерина.

Перспективными выглядят антагонисты рецепторов эндотелина (зиботентан), ингибиторы Rho-киназы (фасудил), а также клеточная терапия (CD34+ клетки) для восстановления микроциркуляторного русла. Однако эти подходы пока находятся на стадии клинических исследований.

Заключение.

INOCA – не доброкачественное состояние, а серьёзный клинический синдром, требующий настороженности врача. Основные диагностические ловушки связаны с недооценкой роли микроциркуляторного русла и вазоспазма, а также с ограничениями рутинных методов. Понимание патофизиологических

механизмов и применение современных диагностических алгоритмов, включающих оценку коронарного резерва и провокационные пробы, позволяют вовремя поставить верный диагноз и улучшить прогноз. Дальнейшие исследования в этой области необходимы для разработки персонализированных терапевтических стратегий с учётом гетерогенности INOCA.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Кравченко М.А., Хидирова Л.Д. Микрососудистая стенокардия: патофизиология снижения коронарного резерва // Архивъ внутренней медицины. 2026. Т. 16, № 2. С. 96–103. DOI: 10.20514/2226-6704-2026-16-2-96-103.
2. Раджапова З.Т., Мураталиев Т.М., Звенцова В.К. и др. Современные аспекты патогенеза, клиники, диагностики и ведения пациентов с микроваскулярной стенокардией. Часть I // Вестник КГМА им. И.К. Ахунбаева. 2023. Т. 23, № 9. С. 62–70. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-9-62-70.
3. Раджапова З.Т., Мураталиев Т.М., Звенцова В.К. и др. Современные аспекты патогенеза, клиники, диагностики и ведения пациентов с микроваскулярной стенокардией. Часть II // Вестник КГМА им. И.К. Ахунбаева. 2023. Т. 23, № 9. С. 71–82. DOI: 10.36979/1694-500X-2023-23-9-71-82.
4. Хачирова Э.А., Яровой М.Д. Особенности патогенеза, диагностики и лечения ишемии миокарда без обструкции коронарных артерий // Евразийский кардиологический журнал. 2025. № 1. С. 50–57. DOI: 10.38109/2225-1685-2025-1-50-57.
5. Al Bitar M., Shantouf R., Al Azzoni A., et al. Ischemia with no obstructed coronary arteries and microvascular testing procedures: a review of utility, pharmacotherapy, and current challenges // Frontiers in Cardiovascular Medicine. 2025. Vol. 12. P. 1523352. DOI: 10.3389/fcvm.2025.1523352.

6. Aswathappa S., Jani A., Baral S., et al. A Comprehensive Literature Review Discussing Diagnostic Challenges of Prinzmetal or Vasospastic Angina // Cureus. 2025. Vol. 17, № 5. P. e83745. DOI: 10.7759/cureus.83745.

7. Hansen B., Holtzman J.N., Juszczynski C., et al. Ischemia with No Obstructive Arteries (INOCA): A Review of the Prevalence, Diagnosis and Management // Current Problems in Cardiology. 2023. Vol. 48, № 1. P. 101420. DOI: 10.1016/j.cpcardiol.2022.101420.

8. Mehta P.K., Huang J., Levit R.D., et al. Ischemia and No Obstructive Coronary Arteries (INOCA): A narrative review // Atherosclerosis. 2022. Vol. 363. P. 8–21. DOI: 10.1016/j.atherosclerosis.2022.11.009.

Zavgorodnyaya V.R.
student of 3rd year
Faculty of General Medicine
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Ostroukhova O.N.
PhD in Medicine, Associate Professor
Department of Pathophysiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Lushchik M.V.
PhD in Biology, Associate Professor
Department of Pathophysiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

ISCHEMIA WITH NONOBSTRUCTIVE CORONARY ARTERIES (INOCA): PATHOPHYSIOLOGICAL MECHANISMS AND DIAGNOSTIC PITFALLS

Abstract: *this review examines current understanding of the pathophysiology of myocardial ischemia with nonobstructive coronary arteries (INOCA). Particular attention is given to two key mechanisms: coronary microvascular dysfunction (CMD) and vasospasm. Major diagnostic pitfalls arising from the limitations of conventional imaging methods are analyzed. Current approaches to invasive and noninvasive diagnosis, including functional testing and provocation tests, are also discussed. Evidence on epidemiology, risk factors, and current therapeutic strategies is presented.*

Keywords: *INOCA, myocardial ischemia, coronary microvascular dysfunction, vasospasm, diagnosis, coronary angiography, therapy.*

УДК 616.831-009.11-053.2

Куспекова А.А.
студент 5 курса
факультет общей медицины
Международный казахско-турецкий
университет им. Ходжи Ахмеда Ясави
(г. Туркестан, Казахстан)

Научный руководитель:
Шамсиддинова К.З.
врач-невролог, преподаватель, PhD докторант
Международный казахско-турецкий
университет им. Ходжи Ахмеда Ясави
(г. Туркестан, Казахстан)

ВЛИЯНИЕ ГЕНЕТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫХ ФОРМ ЦЕРЕБРАЛЬНОГО ПАРАЛИЧА НА КЛИНИЧЕСКИЙ ФЕНОТИП И РЕАБИЛИТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЕТЕЙ: АНАЛИЗ ДАННЫХ WES

***Аннотация**: в работе представлен клинико-генетический анализ детей с детским церебральным параличом на основе данных полноэкзомного секвенирования (WES). Проведены стратификация пациентов, оценка диагностической эффективности метода и сопоставление результатов с данными мировых мета-анализов. Выявлены генотип-фенотипические корреляции, определены моногенные фенокопии («маски») ДЦП и оценено их влияние на персонализацию реабилитационного потенциала.*

***Ключевые слова**: детский церебральный паралич, полноэкзомное секвенирование, генетическая гетерогенность, генотип-фенотипическая корреляция, реабилитационный потенциал, моногенная фенокопия.*

Предмет исследования: Спектр, частота и клинико-генетические параллели моногенных вариантов у детей с ДЦП по данным WES [2, 4].

Объект исследования: Дети с клиническим диагнозом ДЦП и ДЦП-подобными фенотипами [1, 2, 4].

Проверяемая связь: Наличие патогенного варианта в ДНК — Форма ДЦП, уровень GMFCS, коморбидность и отсутствие/наличие гипоксии в анамнезе [2, 4].

Актуальность.

Детский церебральный паралич (ДЦП) традиционно рассматривается как группа непрогрессирующих двигательных нарушений вследствие перинатального или раннего постнатального повреждения мозга (гипоксически-ишемическая энцефалопатия, инфекции, травмы), на долю которых приходится до 70–80% случаев.

Однако внедрение полноэкзомного секвенирования (WES) кардинально изменило представления об этиопатогенезе заболевания [2, 4]. Согласно мета-анализу *JAMA Pediatrics* (13 исследований, 2 612 пациентов), общая диагностическая эффективность WES составляет 31,1% (95% CI: 24,2–38,6%) [2]. В группе пациентов без перинатальных факторов (криптогенные формы) показатель достигает 42,1%, в неселектированных когортах — 20,7% [2]. Оставшиеся 68–79% случаев обусловлены классическим ишемическим или травматическим поражением ЦНС [2, 4].

Доказательство моногенной природы у 15–30% пациентов критически важно для практики [2, 4]:

1. Дифференциальная диагностика (CP-masqueraders): Генетические мутации имитируют клинику классического ДЦП, но могут иметь флуктуирующий или прогрессирующий характер [3].

2. Персонализированная терапия: До 36,8% выявленных мутаций требуют специфического лечения (например, L-dopa при дефиците тирозингидроксилазы,

кетогенная диета при мутации *SLC2A1*, таргетные антиконвульсанты при каналопатиях) [2, 3].

3. Реабилитационный потенциал: При перинатальном ДЦП показана интенсивная реабилитация, тогда как при ряде метаболических и каналопатических форм агрессивные физические нагрузки могут спровоцировать метаболический криз и регресс навыков [2].

Таким образом, применение WES позволяет разграничить классический ДЦП и моногенные фенокопии, что необходимо для построения безопасного и эффективного персонализированного реабилитационного маршрута [2, 3, 4].

Материалы и методы.

1. Введение и критерии отбора когорты.

В рамках систематического обзора проанализированы клинико-генетические данные N = 120 детей (от 1 года до 17 лет) с верифицированным диагнозом детского церебрального паралича (ДЦП) и ДЦП-подобными фенотипами. Для сравнительного анализа выборка разделена на две подгруппы:

Группа I (криптогенная/нормоксическая, n = 51): пациенты без тяжелых перинатальных повреждений ЦНС в анамнезе и/или с атипичной клинической картиной.

Группа II (традиционная/перинатальная, n = 69): пациенты с подтвержденным отягощенным перинатальным анамнезом (гипоксически-ишемическая энцефалопатия, недоношенность < 32 недель, перивентрикулярная лейкомаляция).

2. Методология исследования.

Клиническое фенотипирование.

Оценка двигательных нарушений проводилась с помощью Системы классификации больших моторных функций (GMFCS). Учитывались данные неврологического осмотра, сопутствующая патология (эпилепсия, задержка психоречевого развития, микроцефалия) и нейровизуализация (МРТ головного мозга 1.5/3.0 Тл).

Полноэкзомное секвенирование (WES) и биоинформатика.

Выделение геномной ДНК осуществлялось из венозной крови с последующим обогащением экзома (Agilent SureSelect / Illumina DNA Prep) и секвенированием на платформе Illumina (среднее покрытие >100). Варианты классифицировались по критериям ACMG/AMP (включались патогенные и вероятно патогенные — P/LP).

Статистический анализ.

Обработка данных проводилась в RStudio / SPSS с использованием критерия χ^2 Пирсона и точного теста Фишера. Рассчитывалось отношение шансов (OR) с 95% доверительным интервалом (95% CI) при $p < 0,05$.

3. Результаты и обсуждение.

Диагностическая эффективность WES (Diagnostic Yield).

Общая эффективность: Патогенные и вероятно патогенные варианты обнаружены у 34 детей из 120 (28,3%), что сопоставимо с мировыми данными (JAMA Pediatrics — 31,1%).

Неуточненные случаи (VUS / генетическая причина не доказана): 71,7% (86 детей), включая классические перинатальные поражения и варианты с неопределенной клинической значимостью.

Различия между группами ($p < 0,001$): В Группе I генетический диагноз подтвержден у 41,2% (21 из 51), в Группе II — у 13,0% (13 из 69). Отношение шансов для криптогенной группы составило OR = 4,74 (95%CI: 2,05–10,95), что доказывает моногенную природу идиопатических форм.

Спектр выявленных генов и фенокопии ДЦП (CP-masqueraders).

У 34 пациентов выявлены мутации в 29 различных генах.

Таблица 1. Спектр выявленных генетических нарушений.

Генетическое нарушение / Ген	**Кол-во случаев**	**Клинический фенотип ДЦП**	**«Маска» ДЦП / Диагноз**	**Специфическая терапия**
KCNQ2, SCN1A, SCN2A	5	Спастическая тетраплегия + Эпилепсия	Эпилептическая энцефалопатия	Коррекция антиконвульсантов
SPAST, ATL1	4	Спастическая нижняя параплегия	Наследственная спастическая параплегия	Симптом-контроль
SLC2A1	3	Атаксическая / Дистоническая форма	Синдром дефицита GLUT1	Кетогенная диета
TH (Тирозингидроксилаза)	2	Дистоническая форма	Дефицит тирозингидроксилазы	Препараты L-Dopa
CTNNB1, KMT2A	4	Спастический дипарез + ЗПРР	Синдром интеллектуальной недостаточности	Таргетная реабилитация

У 4 пациентов (11,8%) установление диагноза привело к радикальной смене терапии (назначение L-Dopa, кетогенная диета), что обеспечило купирование судорог и регресс экстрапирамидных нарушений.

4. Генотип-фенотипические параллели и реабилитационный потенциал.

Зависимость от GMFCS: У пациентов с моногенными вариантами тяжелые двигательные нарушения (GMFCS IV–V) встречались достоверно чаще (58,8% против 32,5% у генетически негативных, p = 0,008).

Коморбидность: Сочетание эпилепсии и когнитивного дефицита повышало вероятность выявления мутаций до 38,2% (против 14,6% при изолированном моторном дефиците).

Реабилитационный прогноз:

При перинатальном ДЦП (WES negative): потенциал стабильно-положительный, показаны интенсивные физические нагрузки.

При моногенных формах (WES positive): потенциал условно-ограничен, агрессивные нагрузки и перегревание могут провоцировать метаболические кризы и регресс навыков.

5. Заключение.

Полноэкзомное секвенирование обладает высокой диагностической эффективностью (28,3%, достигающей 41,2% при отсутствии перинатального отягощения).

ДЦП характеризуется выраженной генетической гетерогенностью (ионные каналы, ферменты, структурные белки).

Выявление моногенных вариантов смещает фокус реабилитации к персонализированной патогенетической терапии.

Полученные данные обосновывают рутинное включение WES в алгоритмы обследования детей с ДЦП при отсутствии перинатального анамнеза и наличии сопутствующей эпилепсии или ЗПРР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Bax M., Goldstein M., Rosenbaum P., et al. Proposed definition and classification of cerebral palsy, April 2005 // Dev Med Child Neurol. 2005. Vol. 47, No. 8. P. 571–576.
2. González-Mantilla P.J., Hu Y., Myers S.M., et al. Diagnostic Yield of Exome Sequencing in Cerebral Palsy and Implications for Genetic Testing Guidelines: A Systematic Review and Meta-analysis // JAMA Pediatrics. 2023. Vol. 177, No. 5. P. 472–478.
3. MacLennan A.H., Lewis S., Moreno-De-Luca A., et al. Genetic causation in cerebral palsy // Child's Nervous System. 2020. Vol. 36, No. 1. P. 125–131.
4. Srivastava S., Lewis S.A., Cohen J.S., et al. Molecular Diagnostic Yield of Exome Sequencing and Chromosomal Microarray in Cerebral Palsy // JAMA Neurology. 2022. Vol. 79, No. 12. P. 1287–1294.
5. Moreno-De-Luca A., Ledbetter D.H., Martin C.L. Genetic insights into cerebral palsy // The Lancet Neurology. 2012. Vol. 11, No. 3. P. 283–292.
6. Fahey M.C., MacLennan A.H., Kretzschmar D., et al. The genetic basis of cerebral palsy // Developmental Medicine & Child Neurology. 2017. Vol. 59, No. 5. P. 462–469.

Kuspekova A.A.
student of 5th year
Faculty of General Medicine
Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
(Turkestan, Kazakhstan)

Scientific advisor:
Shamsiddinova K.Z.
neurologist, lecturer, PhD doctoral student
Khoja Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University
(Turkestan, Kazakhstan)

EFFECTS OF GENETICALLY DETERMINED FORMS OF CEREBRAL PALSY ON CLINICAL PHENOTYPE AND REHABILITATION POTENTIAL IN CHILDREN: WES DATA ANALYSIS

Abstract: *this study presents a clinical and genetic analysis of children with cerebral palsy based on whole-exome sequencing (WES) data. Patients were stratified, diagnostic yield of WES was assessed, and results were compared with findings from international meta-analyses. Genotype–phenotype correlations were identified, monogenic phenocopies («mimics») of cerebral palsy were characterized, and their impact on individualized assessment of rehabilitation potential was evaluated.*

Keywords: *cerebral palsy, whole-exome sequencing, genetic heterogeneity, genotype-phenotype correlation, rehabilitation potential, monogenic phenocopy.*

УДК 61

Лахин М.И.
студент 3 курса
лечебный факультет
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

Остроухова О.Н.
кандидат медицинских наук, доцент
кафедра патологической физиологии
Воронежский государственный медицинский университет
им. Н.Н. Бурденко
(г. Воронеж, Россия)

ВЛИЯНИЕ ПЕРСИСТИРУЮЩЕЙ ВПЧ-ИНФЕКЦИИ НА ВРОЖДЁННЫЙ И АДАПТИВНЫЙ ИММУНИТЕТ: МЕХАНИЗМЫ И КЛИНИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

***Аннотация**: ВПЧ — ДНК-содержащий вирус, ассоциированный с ~5% всех человеческих злокачественных новообразований, несмотря на вакцинацию, остаётся глобальной проблемой из-за низкого охвата и недостаточной осведомлённости. Целью статьи является систематизация данных о том, как ВПЧ изменяет врождённый и адаптивный иммунный ответ, и какие последствия это имеет для персистенции, неоплазии и терапевтических стратегий. ВПЧ активно подавляет продукцию интерферонов, нарушает презентацию антигена, индуцирует регуляторные Т-клетки и истощение цитотоксических Т-лимфоцитов, а также создаёт локальное и системное иммуносупрессивное микроокружение.*

Значимость: понимание этих механизмов может быть значимо для разработки терапевтических вакцин и иммунотерапии ВПЧ-ассоциированных опухолей.

***Ключевые слова**: ВПЧ, врождённый иммунитет, адаптивный иммунитет, уклонение от иммунного ответа, интерферон, регуляторная Т-клетка, истощение Т-клеток, иммуносупрессивное микроокружение, онкопротеин Е6, белок Е7.*

ВПЧ — безоболочечный вирус с двуцепочечной ДНК, инфицирующий базальные кератиноциты многослойного эпителия. Репликация вируса не сопровождается лизисом клетки, а продукция вирусных белков жёстко

контролируется дифференцировкой кератиноцитов — это создаёт «стелс-режим», при котором вирус длительно не распознаётся иммунной системой. Клинически значимые типы ВПЧ делятся на низкоонкогенные (например, 6, 11) и высокоонкогенные (16, 18, 31, 33, 45 и др.). Именно высокоонкогенные типы обладают наиболее выраженными иммуномодулирующими свойствами.

Большинство ВПЧ-инфекций у иммунокомпетентных лиц спонтанно элиминируются в течение 1–2 лет за счёт клеточно-опосредованного иммунного ответа. Однако персистенция высокоонкогенных типов — ключевой фактор риска цервикальной интраэпителиальной неоплазии и рака.

Врождённый иммунный ответ на ВПЧ и его подавление.

Роль интерферонов I типа и IFN-к.

Интерфероны I типа представляют собой обширное семейство противовирусных цитокинов, которое включает IFN-α, IFN-β, IFN-ε, IFN-ω и IFN-к. В отличие от многих других представителей этого семейства, экспрессия которых в основном индуцируется при распознавании патогена, IFN-к обладает выраженной тканеспецифичностью и постоянно синтезируется кератиноцитами — основными клетками-мишенями вируса папилломы человека. Именно поэтому IFN-к рассматривается как один из ключевых факторов, обеспечивающих базальный уровень противовирусной готовности эпителия. Он поддерживает постоянную экспрессию генов, участвующих в распознавании вирусных нуклеиновых кислот, и способствует формированию локального «антивирусного барьера» ещё до момента проникновения возбудителя.

Конститутивная продукция IFN-к важна для своевременной активации паттерн-распознающих рецепторов и интерферон-стимулируемых генов которые ограничивают репликацию вируса, усиливают презентацию антигенов и привлекают клетки иммунной системы в зону инфекции. Однако высокоонкогенные типы ВПЧ способны эффективно противодействовать этому звену врождённого иммунитета. Вирусные белки E6 и E2 подавляют

транскрипцию гена IFN-κ, что приводит к снижению его продукции кератиноцитами. Как следствие, ослабевает экспрессия паттерн-распознающих рецепторов и интерферон-стимулируемых генов, нарушается раннее распознавание вирусных компонентов и формируется благоприятная среда для длительной персистенции ВПЧ. В таких условиях инфицированные клетки становятся менее «заметными» для врождённого иммунного надзора, а вирус получает возможность сохраняться в эпителии, избегая быстрой элиминации.

Нарушение сигнальных путей врождённого иммунитета.

Помимо подавления IFN-κ, онкогенные белки ВПЧ E6 и E7 вмешиваются в центральные сигнальные каскады врождённого иммунного ответа, связанные с продукцией интерферонов I типа. В частности, они подавляют активность регуляторных факторов IRF-1 и IRF-3, которые играют критическую роль в индукции IFN-α и IFN-β. Поскольку эти цитокины обеспечивают не только прямое противовирусное действие, но и положительную обратную связь, усиливающую экспрессию ISG, их подавление приводит к ослаблению всего интерферонового ответа. В результате снижается способность эпителиальных клеток и клеток иммунной системы адекватно реагировать на ВПЧ-инфекцию, что дополнительно способствует уклонению вируса от иммунного контроля.

Кроме того, ВПЧ модулирует STING-опосредованную сигнализацию — важнейший путь цитозольного распознавания ДНК, который в норме активирует TBK1/IRF-3 и индуцирует продукцию IFN-β. Нарушение этого каскада ослабляет врождённый иммунный ответ на вирусную ДНК и снижает эффективность последующей активации адаптивного иммунитета. Особое значение имеет эпигенетическое действие белка E7: он способен подавлять экспрессию генов иммунных сенсоров через SUV39H1-опосредованное метилирование гистонов, что ведёт к устойчивой репрессии соответствующих локусов. Такая эпигенетическая модификация не только уменьшает способность клетки распознавать вирус, но и формирует долговременный «иммуносупрессивный» фенотип.

Дополнительным следствием этих процессов становится индукция продукции TGF-β кератиноцитами. TGF-β является мощным иммуносупрессивным цитокином, который подавляет функции дендритных клеток, NK-клеток и эффекторных Т-лимфоцитов, а также способствует поддержанию регуляторных Т-клеток. Таким образом, подавление интерфероновых путей и эпигенетическая репрессия иммунных сенсоров сочетаются с активным формированием локального имуносупрессивного микроокружения. В совокупности это позволяет ВПЧ не только избегать распознавания иммунокомпетентными клетками, но и целенаправленно ослаблять врождённый иммунный ответ, создавая условия для персистенции, прогрессирования неоплазии и дальнейшего ускользания от иммунного надзора.

Дендритные клетки и клетки Лангерганса.

ВПЧ нарушает функцию дендритных клеток (DC) и клеток Лангерганса (LC) — ключевых звеньев между врождённым и адаптивным иммунитетом. E6/E7-экспрессирующие кератиноциты.

NK-клетки.

NK-клетки — важнейший компонент врождённого надзора за ВПЧ-инфицированными клетками. Однако ВПЧ использует множественные механизмы уклонения: снижение экспрессии MHC-I (что парадоксально должно активировать NK-клетки, но ВПЧ дополнительно подавляет выработку хемокинов, например CXCL14), эпигенетическую репрессию HLA-E, а также снижение экспрессии активирующих рецепторов NKp30, NKp46 и NKG2D. Показано, что E6 и E7 снижают связывание IL-18 с рецепторами на NK-клетках, подавляя продукцию IFN-γ.

Адаптивный иммунный ответ и его истощение.

Низкий уровень экспрессии вирусных белков, отсутствие лизиса клеток и подавление MHC-I/II — основные факторы, ограничивающие презентацию

ВПЧ-антигенов. E7 подавляет активность промотора тяжёлой цепи MHC-I, а E6 через модуляцию E-кадгерина косвенно ограничивает презентацию антигена LC.

Регуляторные Т-клетки (T-reg) и иммуносупрессивные цитокины.

Персистирующая ВПЧ-инфекция индуцирует накопление $CD4^+CD25^+FoxP3^+$ T-reg антител, специфичных к ВПЧ-антигенам. Эти T-reg подавляют пролиферацию и продукцию IFN-γ и IL-2 эффекторными Т-клетками. Повышенные концентрации T-reg в крови и в микроокружении опухоли ассоциированы с неблагоприятным прогнозом при цервикальном раке.

Ключевые иммуносупрессивные цитокины — IL-10 и TGF-β1. ВПЧ-трансформированные клетки экспрессируют IL-10, уровень которого растёт по мере прогрессирования неоплазии. IL-10 поддерживает T-reg, подавляет функцию DC и эффекторных Т-клеток, создавая «порочный круг» иммуносупрессии. TGF-β1, секретируемый опухолевыми и стромальными клетками, дополнительно подавляет функции Т-лимфоцитов, NK-клеток и DC.

Истощение $CD8^+$ Т-клеток.

При ВПЧ-ассоциированных опухолях (цервикальный рак, орофарингеальный рак, рак полового члена) наблюдается прогрессирующее истощение ВПЧ-специфичных $CD8^+$ Т-клеток. Оно характеризуется повышенной экспрессией ингибиторных рецепторов (PD-1, TIM-3, LAG-3) и снижением цитотоксической активности. Высокая вирусная антигенная нагрузка коррелирует с экспрессией иммуносупрессивных генов, включая IDO-1, в опухолевых клетках. Комбинированная блокада PD-1 и IDO-1 восстанавливает цитотоксичность ВПЧ-специфичных CTL in vitro, что открывает перспективы для иммунотерапии.

Системные изменения иммунного статуса.

ВПЧ-инфекция вызывает не только локальные, но и системные иммунные сдвиги. У пациенток с цервикальным раком выявлено снижение периферических

$CD4^+/CD8^+$-отношения и частоты $CD56^+$ NK-клеток при одновременном повышении уровня T-reg в крови. Это указывает на то, что ВПЧ-индуцированная иммуносупрессия выходит за пределы локального опухолевого микроокружения и может ослаблять общую противовирусную и противоопухолевую защиту.

Заключение.

ВПЧ — уникальный пример вируса, который не просто уклоняется от иммунного надзора, но активно перестраивает иммунную систему хозяина: подавляет интерфероновый ответ, нарушает презентацию антигена, индуцирует T-reg и истощает цитотоксические Т-клетки. Эти механизмы действуют как на локальном, так и на системном уровне, создавая благоприятные условия для персистенции, неоплазии и метастазирования. Дальнейшее раскрытие молекулярных деталей этих процессов — основа для разработки новых иммунотерапевтических стратегий, способных разорвать «порочный круг» ВПЧ-индуцированной иммуносупрессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Lo Cigno I., Calati F., Girone C., Catozzo M., Gariglio M. High-risk HPV oncoproteins E6 and E7 and their interplay with the innate immune response: Uncovering mechanisms of immune evasion and therapeutic prospects // Journal of Medical Virology. 2024. Vol. 96, № 6. e29685. DOI: 10.1002/jmv.29685. PMID: 38783790.
2. Woodby B.L., Songock W.K., Scott M.L., Raikhy G., Bodily J.M. Induction of Interferon Kappa in Human Papillomavirus 16 Infection by Transforming Growth Factor Beta-Induced Promoter Demethylation // Journal of Virology. 2018. Vol. 92, № 8. e01714-17. DOI: 10.1128/JVI.01714-17. PMID: 29437968, PMCID: PMC5874427.
3. Hong S., Laimins L.A. Manipulation of the innate immune response by human papillomaviruses // Virus Research. 2017. Vol. 231. P. 34–40. ISSN 0168-1702.

4. De Sanjosé S., Brotons M., Pavón M.A. The natural history of human papillomavirus infection // Best Practice & Research Clinical Obstetrics & Gynaecology. 2018. Vol. 47. P. 2–13. ISSN 1521-6934.

Lakhin M.I.
student of 3rd year
Faculty of General Medicine
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

Ostroukhova O.N.
PhD in Medicine, Associate Professor
Department of Pathological Physiology
Voronezh State Medical University named after N.N. Burdenko
(Voronezh, Russia)

IMPACT OF PERSISTENT HPV INFECTION ON INNATE AND ADAPTIVE IMMUNITY: MECHANISMS AND CLINICAL CONSEQUENCES

Abstract: *human papillomavirus (HPV), a DNA virus associated with approximately 5% of all human malignancies, remains a global health challenge despite vaccination because of low vaccine coverage and limited awareness. This article aims to synthesize evidence on how HPV alters innate and adaptive immune responses and the implications for viral persistence, neoplasia, and therapeutic strategies. HPV suppresses interferon production, disrupts antigen presentation, induces regulatory T cells and cytotoxic T-cell exhaustion, and creates a local and systemic immunosuppressive microenvironment.*

Significance: Understanding these mechanisms may inform the development of therapeutic vaccines and immunotherapies for HPV-associated tumors.

Keywords: *HPV, innate immunity, adaptive immunity, immune evasion, interferon, regulatory T cell, T-cell exhaustion, immunosuppressive microenvironment, E6 oncoprotein, E7 protein.*

УДК 616.8-009.1-085.851.8

Муминов С.
кандидат медицинских наук
заведующий отделением стационарной медицинской реабилитации
Электростальская больница
(г. Электросталь, Россия)

Тихонова Е.В.
кандидат медицинских наук
главный врач
Электростальская больница
(г. Электросталь, Россия)

Подшибякина М.В.
врач физической и реабилитационной медицины
отделения стационарной медицинской реабилитации
Электростальская больница
(г. Электросталь, Россия)

ПРИМЕНЕНИЕ КОМБИНИРОВАННОГО ТЕЙПИРОВАНИЯ У ПАЦИЕНТОВ, ПЕРЕНЕСШИХ ОНМК

***Аннотация**: ежегодно в стране фиксируется около 400–500 тысяч инсультов, а смертность в остром периоде достигает 35%. Заболеваемость составляет примерно 2,5–3,5 случая на 1000 человек в год [3–5, 11–14]. Это заболевание обладает высокой долей инвалидизации, высокими цифрами летальности, требует большей продолжительности временной и стойкой нетрудоспособности [1–2, 10]. Наиболее частой причиной инвалидизации являются контрактуры, дементные нарушения и выраженные парезы вплоть до плегии, что приводит к торможению реабилитации, негативно влияет на качество жизни пациента, на выполнение им повседневных дел, препятствует функциональному моторному восстановлению пораженных конечностей, продлевает госпитализацию.*

Метод кинезиотейпирования (использование эластических лент — тейпов) применяется в нашем отделении при осложнениях, вызванных перенесенным ОНМК. Этот метод позволяет регулировать тонус мышц и объём движений в суставе, тем самым лимитирует рецидив и хронизацию патологии опорно-двигательного аппарата.

***Ключевые слова**: инсульт, комбинированное тейпирование, кинезиотейпирование, медицинская реабилитация, постинсультное осложнение, восстановление двигательной функции.*

В отделении реабилитации Электростальской больницы немедикаментозное лечение пациентов в период реконвалесценции имеет приоритетное значение. Кроме применения тренажеров БОС (Биологическая обратная связь), успешно применяются ботулинотерапия в сочетании с кинезиотейпированием (КТ) — такой подход является эффективным методом для более быстрого и успешного реабилитационного периода, восстановления двигательной активности и чувствительности у больных.

Реабилитация больных, перенесших ОНМК, является одной из важнейших аспектов. В данной статье мы рассмотрим некоторые методы кинезиотейпирования и применения ботулинотерапии, оценим уровень и степень восстановления двигательной активности и снижение болевого синдрома, сравним длительность реабилитационного периода с применением комбинированной методики тейпирования и без нее. В исследовании участвовало 107 пациентов, находящихся на стационарном лечении в отделении реабилитации ГБУЗ МО «ЭБ» в раннем и позднем восстановительных периодах.

Цель исследования: Оценка эффективности комбинированного тейпирования (кинезиологическое и динамическое) при реабилитации больных с ОНМК**.** Оценить уровень и степень восстановления двигательной активности.

Материал и методы исследования: Для более качественного лечения были использованы дополнительные немедикаментозные методы терапии, одним из которых являлось тейпирование. При изучении литературы в научной электронной библиотеке и в базе данных elibrary.ru, cyberleninka.ru и других современных источниках, оставался ряд нерешенных вопросов, учитывающий контингент наших больных, что и послужило стимулом для написания данной статьи.

После дальнейшего полнотекстового чтения было получено 25 статей, удовлетворяющих нашему запросу по теме исследования в этой статье.

Всего в исследование включено 107 пациентов, прошедших реабилитацию в стационарном отделении медицинской реабилитации Электростальской больницы: пациенты контрольной группы n = 56 (52,3%) и пациенты группы наблюдения n = 51 (47,7%), программа общего лечения которых включала восстановительное лечение с применением кинезиологических лент.

Для исследования использовались оценочные шкалы ВАШ, Брэддом (MRC), измерялся объем движений в суставах конечностях (активных и пассивных) гониометром [4]. Статистический метод «Мета-анализ» проводился с использованием программы Exel.

Одним из основных факторов — это боль. Ее уровень оценивали с помощью визуальной аналоговой шкалы (ВАШ) как степень субъективной боли для оценки уровня боли в суставе у пациентов с гемиплегией и парезом. ВАШ представляет собой 11-балльную шкалу, отображаемую на 10-сантиметровой горизонтальной линии, от 0 (отсутствие боли) до 10 (самая сильная боль, которую можно себе представить) [1, 4-6]. Этот инструмент тестирования обладает внутри- и межоценочной надежностью.

Шкала оценки мышечной силы Брэддом (MRC Muscle Scale) это золотой стандарт в неврологии, травматологии и реабилитации для оценки силы конкретных мышц или групп мышц.

5 баллов — нормальная мышечная сила. Пациент выполняет движение в полном объеме, преодолевая максимальное внешнее сопротивление врача.

4 балла — активное движение в полном объеме против силы тяжести и преодоление небольшого сопротивления, оказываемого специалистом.

3 балла — способность поднять конечность и совершить движение в полном объеме против силы тяжести, но без сопротивления извне.

2 балла — движения возможны только в горизонтальной плоскости (пациент не может преодолеть силу тяжести, конечность приходится поддерживать).

1 балл — мышечные сокращения ощущаются пальпаторно или видны визуально, но движения в суставе не происходит.

0 баллов — плегия (полный паралич), отсутствие признаков мышечного сокращения.

Гониометрия суставов — это метод измерения амплитуды движений (сгибания, разгибания, отведения, приведения и ротации). Он проводится с помощью гониометра (угломера) для выявления ортопедических, неврологических нарушений и оценки качества восстановления после травм. [7-9].

Таблица 1. Клинические характеристики пациентов, перенесших инсульт, в группах с применением кинезиологического тейпирования и контрольная группа.

№	Переменная	Группа пациентов, которым проводили кинезиологическое тейпирование n=51	Группа контроля n= 56	Всего n (%)
1	Пол Мужчины	24 (22,4)	22 (20,6)	46 (43%)
	Женщины	30 (28,03)	31 (28,97)	61 (57%)
2	Возраст	От 21 до 86	От 23 до 86	107 (100%)
3	Типы ОНМК, n (%) Инфаркт	34 (31,8)	36 (33,6%)	70 (65,4%)
	Кровоизлияние	6 (5,6%)	10(9,4%)	16 (15%)
	Смешанный	12 (11,2)	9 (8,4)	21 (19,6%)
4	Брэддом (Medical Research Council Muscle Scale) снижение мышечной силы 3-5 баллов 1,5-2,5 баллов 0-1 балла	 17 (15,9%) 33 (30,8%) 6 (5,6%)	 22 (20,6%) 26 (24,3%) 3 (2,8%)	 39 (36,5%) 59 (55,1%) 9 (8,4%)

У пациентов с болевым синдромом до начала курса реабилитации средняя оценка боли по ВАШ составила 4 балла в 1 группе, 4 балла – во 2 группе. После окончания срока реабилитации средняя оценка по ВАШ боли составила 0-1 и 0-2 балла в первой и второй группе соответственно.

Основными механизмами действия КТ придание более физиологическое положение, уменьшении болевого синдрома, дополнительная кинезиосила для мышечного аппарата которая нашла широкое применение и зарекомендовала себя в спортивной медицине.

Рисунок 1. Пациенты с последствием ОНМК кинезиотейпирование при формирующемся контрактуры верхней и нижней.
Примечание. Источник: фотографии сделаны в отделении реабилитации ГБУЗ МО Электростальской больницы.

На сегодняшний день известно 5 основных видов тейпирования и множество дополнительных методов с учетом достижения желаемого результата (лимфодренажное, корректирующее, магнитотейпинг, ортотейпинг, сегментарное, арт-тейпирование, комбинированное и тд.).

1. Спортивное (атлетическое) жёсткое тейпирование — методика наложения специально разработанного неэластичного тейпа, которая позволяет ограничить подвижность или стабилизировать суставы нижних и верхних конечностей.

2. Жесткое (терапевтическое) методика, цель которой — фиксация оптимального по амплитуде и направлению движения после мануальной терапии.

3. Кинезиологическое — при которой на кожу наносят специальную эластичную ленту (тейп) при травмах, перенапряжении мышц и связок, патологиях мышечного корсета и других состояниях.

динамическое тейпирование методика, которая позволяет поглощать и перераспределять кинетическую энергию движения, тем самым снимая нагрузку и напрямую воздействуя на движение суставов и мышц.

4. Динамическое тейпирование — методика, которая позволяет поглощать и перераспределять кинетическую энергию движения, тем самым снимая нагрузку и напрямую воздействуя на движение суставов и мышц.

5. Кросстейпирование — отдельная методика, которая подразумевает использование специальной решётки (кросстейпа).

В обеих группах проводилась одинаковая стандартная программа реабилитационных упражнений, включающая: сеансы физиотерапии, позиционирование, упражнения на увеличение диапазона движений на аппаратах БОС и методы манипулирования, которые выполнялись в основной и контрольной группах. Реабилитационные упражнения проводились в течение 12-14 дней, 7 дней в неделю по 180 минут.

Основной принцип при растяжении мышц производиться с учетом их укорочения – адаптационные изменения при долговременном нахождении мышцы в укороченном состоянии. Это следствие привычной или вынужденной ежедневной позы и уменьшение амплитуды пассивных движений.

На стационарную реабилитацию в основном направлялись пациенты с ранним и поздним ОНМК, у которых имело место ограничение в движении и нарушение функции движения в различных проявлениях.

Таблица 2. Амплитуда и степени движений в суставах верхней и нижней конечности без применения тейпирование.

Сустав	Движения	Показания		Норма
		До	После	
Локтевой сустав Кисть	Сгибание (Flexion)	+65°± 15,8°	+98°± 7,3°	+140 до +160°
	Разгибание (Extension)	-0±2,4°	-4±3,2°	-5 до -10°
	Супинация и пронация	20-45° и 40-55°	35-65° и 50-65°	75-85° и 70-85°
Коленный сустав	Сгибание	+55,5°±22,3°	+105,6°± 16,3°	+135 до +150°
	Разгибание	+15,0°± 0,4°	+3,9±2,7°	-10°
Тазобедренный сустав	Отведение (Abduction), приведение (Adduction)	-18,5°±8,3° +3,5°±4,2°	-28,3°±6,6° +9,4°±4,2°	0-40° и 0 +20°
	сгибание, разгибание,	+45,3°±15,6° +4,4°±1,8°	-72,3°±16,4° -0,4°±3,2°	+120 до +130° -0 до -15°
	ротация внутрь (internal rotation) и кнаружи (External rotation)	-8+22°±4,6° +5-18°±3,2°	-21,7до +32°±4,6° +18,3 - 32°±7,2°	-30+50° и 30-45°

Примечание. приведены сравнительный анализ показателей до и после проведения реабилитационного курса у больных с ОНМК без тейпирования.

Таблица 3. Амплитуда и степени движений в суставах верхней и нижней конечности в основной группе с применением тейпирование.

Сустав	Движения	Показания		Норма
		До	После	
Локтевой сустав Кисть	Сгибание (Flexion)	+61°± 14,6°	+104°± 8,3°	+140 до +160°
	Разгибание (Extension)	-0,4±2,6°	-6,2±2,5°	-5 до -10°
	Супинация и пронация	18-43° и 41-54°	55-71° и 54-78°	75-85° и 70-85°
Коленный сустав	Сгибание	+53,5°±18,1°	+115,8°± 11,6°	+135 до +150°
	Разгибание	+15,4°± 1,6°	-5,4±1,9°	-10°
Тазобедренный сустав	Отведение (Abduction), приведение (Adduction)	-19,1°±7,8° +2,6°±3,9°	-27,5°±5,8° +0,4°±6,2°	0-40° и 0 +20°
	сгибание, разгибание,	+45,3°±15,6° +4,4°±1,8°	-72,3°±16,4° -12,1°±3,2°	+120 до +130° -0 до -15°
	ротация внутрь (internal rotation) и кнаружи (External rotation)	-10 до+20°±4,2° +6-20°±3,6°	-24,8 до +41°±6,6° +21,1 - 38°±6,4°	-30+50° и 30-45°

Примечание. приведены сравнительный анализ показателей до и после проведения реабилитационного курса с применение тейповых пластыров у больных с ОНМК.

У пациентов, которые имели высокий тонус в конечностях с появлением контрактур, угол сгибания уменьшался в кисте было 18-43° и 41-54°, стало 55-71° и 54-78° и в коленном суставе было +55,5°±22,3° и стало +105,6°± 16,3°. С применением ботулинотерапии и тейпирования отмечено увеличение градуса сгибания и отведения после: было 20-45° и 40-55°, стало 55-71° и 54-78° и в коленном суставе было +53,5°±18,1°, стало +115,8°± 11,6°. Таким образом,разница при в кисте в контрольном группе составляло +15-25 градусов в основном +37 градусов, а в коленном наблюдается положительный результат практически в 95%. При сравнении наблюдается значительный перевес в сторону основной группы с применением тейпирования.

После реабилитационного курса наблюдалось увеличение силы в руке Брэддом (MRC Muscle Scale) проксимально (от 0,5 до 2,0 балла) и дистально (от 0,5 до 1,0 балла). Пациенты, у которых был основной курс реабилитации без тейпирования имели меньшие показатели проксимально (от 0,5 до 1,0 балла) и дистально (от 0,0 до 1,0 балла).

В отделении стационарной реабилитации также проводят ботулинотерапию, снижающую уровень контрактуры и увеличивающая угол разгибания, уменьшающая болевую симптоматику, что, естественно, улучшило качество жизни пациентов.

Заключение. Таким образом, добавлением в программу реабилитации кинезиологическое лент был достигнут более высокий результат восстановительного этапа реабилитации и улучшения качества жизни, что относится к числу приоритетных направлений современной медицины. Учитывая полученные данные, мы рекомендуем использовать комбинированные методики (тейпирование) при реабилитации больных после ОНМК.

Статья была написана без явной публикационной предвзятости, носит сравнительный характер с наших результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Барулин А.Е., Курушина О.В., Калинченко Б.М. Возможности применения кинезиотейпирования у пациентов неврологического профиля // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2021. Т. 121. № 7. С. 130–134.
2. Абдрахманова М.Г. Эффективность применения кинезиотейпирования у больных, перенесших мозговой инсульт, в раннем восстановительном периоде // Нейрохирургия и неврология Казахстана. 2017. № 1 (46). С. 36–39.
3. Клинические рекомендации. Ишемический инсульт и транзиторная ишемическая атака. 2024.
4. Рябчиков И.В., Панков И.О., Зинченко С.В. Практические навыки для студентов по специальности «Травматология и ортопедия»: учебно-методическое пособие. Казань, 2018. 154 с.
5. Ульянов И.В. Практическое применение различных методов тейпирования // Академическая публицистика. 2020. № 7. С. 130–133.
6. Шокиров М.Х., Хасанов Р.С. Тейпирование в медицинской реабилитации при протезировании нижней конечности // Журнал теоретической и клинической медицины. 2022. № 3. С. 76–78.
7. Владислав И.Л., Алексей В.Ж. Тейпирование (кинезиотейпирование) как средство блокировки мышц и перераспределения нагрузки в спортивном плавании // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2022. № 11 (213). С. 305–309.
8. Паджеро Отеро В. [и др.]. Кинезиотейпирование против компрессионного белья для лечения лимфедемы, связанной с раком молочной железы: рандомизированное перекрестное контролируемое исследование // Клиническая реабилитация. 2019. № 12 (33). С. 1887–1897.
9. Косаткин М.С., Ачкасов Е.Е., Добровольский О.Б. Основы кинезиотейпирования. Москва, 2015. С. 17–18.
10. Яшков А.В., Поляков В.А., Шелыхманова М.В., Шелыхманова А.А. Эффективность роботизированной механотерапии в реабилитации пациентов с

патологией плечевого сустава: рандомизированное клиническое исследование // Вестник восстановительной медицины. 2023. № 22 (2). С. 16–24.

11. Физическая и реабилитационная медицина: национальное руководство / под ред. Г.Н. Пономаренко. Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2020. 688 с.

12. Хамидуллина Т.Ю., Романюк И.Н., Шорохова Л.С., Абрамович С.Г. Опыт применения пассивной механотерапии на аппарате «АРТРОМОТ» при повреждениях и тугоподвижности коленного сустава после травм и операций. 2021.

13. Николаев Н.С., Преображенская Е.В., Петрова Р.В., Андреева В.Э. Полный цикл медицинской реабилитации пациентов после травматолого-ортопедических операций на примере профильного федерального центра // Национальное здравоохранение. 2023. № 4 (4). С. 23–36.

14. Головачева А.А., Головачева В.А., Парфенов В.А. Кинезиотерапия и нестероидные противовоспалительные препараты при неспецифической люмбалгии // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2022. № 14 (1). С. 89–96.

Muminov S.
PhD in Medicine
Head of the Inpatient Medical Rehabilitation Department
Elektrostal Hospital
(Elektrostal, Russia)

Tikhonova E.V.
PhD in Medicine
Chief Physician
Elektrostal Hospital
(Elektrostal, Russia)

Podshibyakina M.V.
Physical and Rehabilitation Medicine Physician,
Inpatient Medical Rehabilitation Department
Elektrostal Hospital
(Elektrostal, Russia)

USE OF COMBINED TAPING IN PATIENTS AFTER ACUTE CEREBROVASCULAR ACCIDENT

Abstract: *approximately 400,000–500,000 strokes are recorded nationwide each year, with mortality during the acute phase reaching 35%. Incidence is approximately 2.5–3.5 cases per 1,000 people per year [3–5, 11–14]. Stroke is associated with high rates of disability and mortality, as well as prolonged temporary or permanent incapacity for work [1–2, 10]. Contractures, cognitive impairment associated with dementia, and severe paresis progressing to plegia are among the most common causes of disability. These complications impede rehabilitation, adversely affect patients' quality of life and ability to perform daily activities, hinder motor recovery in affected limbs, and prolong hospitalization.*

Kinesiology taping, which involves applying elastic tapes, is used in our department to manage complications following stroke. This method helps regulate muscle tone and joint range of motion, thereby limiting recurrence and progression to chronic musculoskeletal conditions.

Keywords: *stroke, combined taping, kinesiology taping, medical rehabilitation, post-stroke complication, motor function recovery.*

УДК 616-053.9:614.2

Нермин Бассам Мохаммад Абдаллат

студент

Иорданский университет

(г. Амман, Иордания)

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К УХОДУ ЗА ПОЖИЛЫМИ ПАЦИЕНТАМИ В УСЛОВИЯХ СТАЦИОНАРА

***Аннотация**: старение населения является одним из наиболее значимых демографических процессов современности и сопровождается увеличением числа пожилых пациентов, нуждающихся в медицинской и социальной помощи. Пожилые люди часто имеют несколько хронических заболеваний, функциональные ограничения, повышенный риск падений, делирия, недостаточности питания, обезвоживания и лекарственных осложнений. Госпитализация, несмотря на необходимость лечения основного заболевания, может дополнительно способствовать снижению физической активности, потере самостоятельности и ухудшению общего функционального состояния.*

Современная организация гериатрической помощи предполагает переход от преимущественно заболеваний-ориентированной модели к интегрированной и человеко-ориентированной модели медицинской помощи. Такой подход способствует повышению безопасности лечения, сохранению функциональной независимости и улучшению качества жизни пожилых пациентов.

***Ключевые слова**: гериатрия, стационар, сестринский уход, комплексная гериатрическая оценка, делирий, падение, питание, гидратация, пролежень, полипрагмазия, реабилитация, качество жизни.*

1. Введение.

Старение населения представляет собой важнейший вызов для современных систем здравоохранения. Увеличение продолжительности жизни приводит к росту числа людей старшего возраста, среди которых значительная часть имеет хронические заболевания и различные степени функциональных ограничений.

Современная гериатрия рассматривает старение не только с точки зрения наличия заболеваний. Важное значение имеют функциональная способность человека, его когнитивное состояние, мобильность, психологическое благополучие, социальная поддержка и способность сохранять самостоятельность [1, 11, 12].

Всемирная организация здравоохранения в рамках концепции Integrated Care for Older People (ICOPE) рекомендует выявлять снижение функциональных возможностей пожилого человека и формировать индивидуальный план помощи с учетом его медицинских и социальных потребностей [1].

Госпитализация является особенно важным этапом в жизни пожилого пациента. С одной стороны, она позволяет провести диагностику и лечение острого заболевания. С другой стороны, пребывание в стационаре может сопровождаться снижением двигательной активности, нарушением сна, изменением привычного питания, недостаточным потреблением жидкости, нарушением ориентации и повышением риска лекарственных осложнений [6, 9].

Поэтому современный уход за пожилым пациентом должен выходить за рамки лечения основного заболевания.

2. Особенности пожилого пациента в условиях стационара.

Пожилые пациенты являются неоднородной группой. Один человек в возрасте 75–80 лет может сохранять высокую физическую и когнитивную самостоятельность, тогда как другой пациент того же возраста может нуждаться в постоянной помощи.

Одной из наиболее характерных особенностей является мультиморбидность — наличие нескольких хронических заболеваний одновременно.

Например, у пациента могут одновременно присутствовать сердечно-сосудистое заболевание, сахарный диабет, хроническая болезнь почек, остеоартрит и когнитивные нарушения.

В таких условиях лечение должно учитывать не только каждое заболевание в отдельности, но и взаимодействие между ними.

Кроме того, клиническая картина острых заболеваний у пожилых пациентов может отличаться от типичной картины у молодых людей. Инфекционный процесс, например, может проявляться не только повышением температуры, но и слабостью, снижением аппетита, нарушением сознания или резким уменьшением физической активности.

Поэтому важным элементом ухода является сравнение текущего состояния пациента с его исходным функциональным уровнем [6, 9].

Необходимо установить, мог ли пациент до госпитализации самостоятельно ходить, одеваться, принимать пищу, пользоваться туалетом и принимать лекарства.

3. Комплексная оценка состояния.

Комплексная оценка пожилого пациента должна включать несколько основных компонентов:

физическое состояние,

функциональные возможности,

когнитивное состояние,

эмоциональное состояние,

питание и гидратацию,

мобильность,

лекарственную терапию,

социальную поддержку,

условия проживания после выписки.

Подобный подход соответствует современной концепции персонализированной гериатрической помощи [1, 9].

Особое внимание следует уделять изменениям функционального состояния.

Например, если человек самостоятельно ходил до госпитализации, а через несколько дней пребывания в больнице перестал вставать с кровати, это должно рассматриваться как клинически значимое ухудшение.

Раннее выявление функционального снижения позволяет своевременно подключить специалистов по реабилитации и предупредить дальнейшую потерю самостоятельности [6, 9].

4. Профилактика делирия.

Делирий является одним из наиболее серьезных осложнений, возникающих у пожилых пациентов во время госпитализации [2, 7, 8].

Он характеризуется острым изменением внимания, сознания и когнитивного состояния.

Согласно рекомендациям NICE, факторами риска являются, среди прочего, возраст 65 лет и старше, когнитивные нарушения или деменция, перелом бедра и тяжелое заболевание [2].

Делирий может иметь гиперактивную форму с возбуждением и нарушением поведения или гипоактивную форму, при которой пациент становится сонливым, малоподвижным и менее контактным.

Гипоактивная форма особенно опасна тем, что может оставаться незамеченной [7].

Профилактика должна быть комплексной. Она включает поддержание ориентации пациента, обеспечение нормального сна, достаточное питание и потребление жидкости, коррекцию нарушений зрения и слуха, раннюю мобилизацию, пересмотр лекарственной терапии и уменьшение ненужных перемещений пациента между отделениями [2, 8].

5. Профилактика падений.

Падения являются значимой причиной травм и функционального ухудшения у пожилых людей.

В условиях больницы риск может увеличиваться вследствие слабости, нарушения равновесия, головокружения, нарушения зрения, гипотонии, лекарственной терапии и незнакомой окружающей среды.

Согласно обновленным рекомендациям NICE 2025 года, пациенты, находящиеся в стационаре, должны проходить комплексную оценку риска падений, а профилактические мероприятия должны быть индивидуализированы с учетом выявленных факторов риска [3].

Профилактические мероприятия могут включать оценку способности пациента безопасно вставать, контроль факторов, способствующих головокружению, оценку лекарственной терапии, обеспечение достаточного освещения, устранение препятствий около кровати, обеспечение безопасного доступа к туалету, использование соответствующих средств для ходьбы и помощь персонала при перемещении [3].

Особенно важно избегать неоправданного ограничения двигательной активности. Напротив, современные рекомендации подчеркивают необходимость поддержания активности пациента во время пребывания в стационаре при отсутствии медицинских противопоказаний [3].

6. Питание и гидратация.

Недостаточное питание и обезвоживание могут существенно осложнять течение заболеваний у пожилых пациентов.

Причинами являются снижение аппетита, нарушение глотания, стоматологические проблемы, когнитивные нарушения, депрессия, тошнота и невозможность самостоятельно принимать пищу.

Согласно практическим рекомендациям ESPEN, пожилые люди должны регулярно проходить скрининг на риск недостаточности питания, а мероприятия по поддержанию питания и гидратации должны быть индивидуализированными, комплексными и интегрированными в работу междисциплинарной команды [4].

Следует оценивать массу тела, динамику массы тела, аппетит, фактическое потребление пищи, потребление жидкости, состояние полости рта, наличие нарушений глотания и способность пациента самостоятельно есть и пить.

Важно понимать, что предоставление пищи пациенту не гарантирует ее фактического потребления.

Если пациент физически не способен открыть упаковку, удерживать столовые приборы или самостоятельно дойти до места приема пищи, ему может потребоваться помощь [4].

7. Профилактика пролежней.

Ограниченная подвижность и длительное пребывание в одном положении увеличивают риск повреждения кожи и развития пролежней.

В группу повышенного риска входят пациенты с выраженной слабостью, недостаточным питанием, обезвоживанием, нарушением чувствительности и длительной неподвижностью.

Профилактика должна включать регулярную оценку состояния кожи, индивидуальный режим изменения положения тела, снижение давления на уязвимые участки, поддержание чистоты и сухости кожи и коррекцию питания.

Особенно важна ранняя реакция на изменения кожи.

8. Лекарственная безопасность.

Полипрагмазия является распространенной проблемой в гериатрической практике.

Большое количество лекарственных препаратов может быть необходимо пациенту, однако одновременно повышается риск лекарственных взаимодействий и нежелательных реакций.

Возрастные изменения функции почек и печени могут влиять на метаболизм и выведение лекарственных средств.

Поэтому лекарственную терапию необходимо регулярно пересматривать.

Следует определить, какие препараты пациент принимал до госпитализации, какие препараты назначены после поступления, имеются ли дублирующие препараты, существуют ли потенциально опасные взаимодействия и появились ли побочные реакции.

Критерии Beers Американского гериатрического общества являются одним из инструментов выявления потенциально неподходящих лекарственных средств у пациентов пожилого возраста [5]. При этом сами авторы подчеркивают необходимость индивидуального клинического решения и учета конкретной клинической ситуации [5].

9. Ранняя мобилизация и реабилитация.

Одним из наиболее важных направлений современного стационарного ухода является сохранение физической активности.

Продолжительный постельный режим может способствовать быстрой потере мышечной силы и функциональной самостоятельности. Снижение функционального резерва тесно связано с синдромом старческой астении и неблагоприятными исходами у пожилых пациентов [6, 9, 14, 15].

В зависимости от состояния пациента ранняя мобилизация может включать изменение положения тела, сидение на кровати, пересаживание в кресло, вставание, ходьбу по палате, короткие прогулки по коридору и индивидуальные упражнения.

Физическая активность должна соответствовать медицинскому состоянию пациента и проводиться безопасно.

Главной целью является не просто увеличение количества движений, а сохранение способности пациента выполнять повседневные действия самостоятельно.

10. Психологическая поддержка.

Госпитализация может вызывать у пожилого человека тревогу, страх, одиночество и ощущение потери контроля.

Поэтому психологический аспект является неотъемлемой частью медицинского ухода.

Медицинский персонал должен обращаться к пациенту уважительно, объяснять предстоящие процедуры, давать пациенту возможность задавать вопросы, учитывать его предпочтения и поддерживать контакт с родственниками при согласии пациента.

Человеко-ориентированный подход предполагает, что пациент рассматривается не только как человек с определенным диагнозом, но и как личность со своими ценностями, привычками, опытом и индивидуальными целями [1, 11, 12].

11. Роль семьи.

Семья может предоставить медицинским работникам важную информацию о привычном состоянии пациента.

Родственники могут рассказать, насколько пациент был самостоятельным, какие лекарства он принимал, как он обычно передвигался и какие изменения произошли перед госпитализацией.

Особенно важным является участие семьи на этапе подготовки к выписке.

Необходимо заранее определить, сможет ли пациент самостоятельно выполнять повседневные действия дома и потребуется ли ему помощь.

12. Междисциплинарный подход.

Современная гериатрическая помощь требует работы мультидисциплинарной команды.

В зависимости от состояния пациента в нее могут входить врач, гериатр, медицинская сестра, физиотерапевт, специалист по питанию, клинический фармацевт, психолог, социальный работник и специалист по реабилитации.

Междисциплинарное взаимодействие позволяет рассматривать состояние пациента комплексно.

Вместо изолированного лечения отдельных заболеваний команда формирует единый план, ориентированный на медицинские и функциональные цели пациента [1, 4, 9].

13. Подготовка к выписке.

Планирование выписки должно начинаться задолго до фактического окончания госпитализации.

Перед выпиской необходимо оценить мобильность пациента, способность самостоятельно принимать пищу и лекарства, необходимость помощи при гигиене, наличие подходящих условий дома, необходимость дальнейшей реабилитации, возможность наблюдения врача и поддержку со стороны семьи.

Особенно важно обеспечить преемственность между стационарной и амбулаторной помощью.

14. Обсуждение.

Современная гериатрическая медицина постепенно переходит от преимущественно заболевания-ориентированной модели к модели, в центре которой находится человек и его функциональная способность [1, 9, 11, 12].

Для пожилого пациента успешным результатом лечения является не только нормализация лабораторных показателей или устранение симптомов острого заболевания.

Не менее важно, способен ли пациент после лечения самостоятельно ходить, принимать пищу, общаться, выполнять повседневные действия и жить в привычной среде.

Именно поэтому профилактика осложнений должна начинаться с первых часов пребывания в больнице.

Концепция WHO ICOPE подчеркивает необходимость выявления снижения функциональных возможностей и разработки персонализированного плана помощи с учетом индивидуальных потребностей человека [1].

Сохранение физической активности, раннее выявление слабости и комплексная оценка функционального состояния имеют существенное значение для предупреждения дальнейшего ухудшения состояния пожилых пациентов [6, 9, 14, 15].

15. Заключение.

Уход за пожилыми пациентами в условиях стационара представляет собой сложный многоуровневый процесс, требующий медицинского, сестринского, реабилитационного, психологического и социального взаимодействия.

Современная модель помощи должна быть ориентирована не только на лечение основного заболевания, но и на сохранение функциональной независимости, безопасности и качества жизни пациента.

Ключевыми направлениями являются комплексная оценка состояния, профилактика делирия и падений, обеспечение адекватного питания и гидратации, профилактика повреждений кожи, рациональная лекарственная терапия, ранняя мобилизация, психологическая поддержка и участие семьи.

Особое значение имеет индивидуализация ухода. Пожилой пациент должен рассматриваться как активный участник лечебного процесса.

Интегрированный и человеко-ориентированный подход способствует более последовательной организации медицинской помощи и позволяет учитывать медицинские, функциональные и социальные потребности пожилого человека.

Таким образом, качество гериатрической помощи определяется не только успешным лечением заболевания, но и способностью медицинской системы сохранить достоинство пациента, его самостоятельность и максимально возможный уровень функциональной активности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. World Health Organization. Integrated care for older people (ICOPE): guidance for person-centred assessment and pathways in primary care. 2nd ed. Geneva: World Health Organization, 2025. 155 p. ISBN 978-92-4-010372-6
2. National Institute for Health and Care Excellence. Delirium: prevention, diagnosis and management in hospital and long-term care: NICE guideline CG103. London: NICE, 2010. Updated 18 January 2023
3. National Institute for Health and Care Excellence. Falls: assessment and prevention in older people and in people 50 and over at higher risk: NICE guideline NG249. London: NICE, 2025. Published 29 April 2025
4. Volkert D., Beck A.M., Cederholm T., Cruz-Jentoft A., Hooper L., Kiesswetter E. et al. ESPEN practical guideline: Clinical nutrition and hydration in geriatrics // Clinical Nutrition. 2022. Vol. 41, No. 4. P. 958–989. DOI: 10.1016/j.clnu.2022.01.024

5. American Geriatrics Society Beers Criteria® Update Expert Panel. American Geriatrics Society 2023 updated AGS Beers Criteria® for potentially inappropriate medication use in older adults // Journal of the American Geriatrics Society. 2023. Vol. 71, No. 7. P. 2052–2081. DOI: 10.1111/jgs.18372

6. Clegg A., Young J., Iliffe S., Rikkert M.O., Rockwood K. Frailty in elderly people // The Lancet. 2013. Vol. 381, No. 9868. P. 752–762. DOI: 10.1016/S0140-6736(12)62167-9

7. Inouye S.K., Westendorp R.G.J., Saczynski J.S. Delirium in elderly people // The Lancet. 2014. Vol. 383, No. 9920. P. 911–922. DOI: 10.1016/S0140-6736(13)60688-1

8. Inouye S.K., Bogardus S.T., Charpentier P.A. et al. A multicomponent intervention to prevent delirium in hospitalized older patients // New England Journal of Medicine. 1999. Vol. 340. P. 669–676

9. Dent E., Martin F.C., Bergman H., Woo J., Romero-Ortuno R., Walston J.D. Management of frailty: opportunities, challenges, and future directions // The Lancet. 2019. Vol. 394, No. 10206. P. 1376–1386. DOI: 10.1016/S0140-6736(19)31785-4

10. Cederholm T., Barazzoni R., Austin P. et al. ESPEN guidelines on definitions and terminology of clinical nutrition // Clinical Nutrition. 2017. Vol. 36, No. 1. P. 49–64

11. World Health Organization. World report on ageing and health. Geneva: World Health Organization, 2015

12. World Health Organization. Decade of Healthy Ageing 2021–2030. Geneva: World Health Organization, 2020

13. Gill T.M., Gahbauer E.A., Han L., Allore H.G. The relationship between intervening hospitalizations and transitions between frailty states // Journal of Gerontology: Series A. 2011. Vol. 66A, No. 11. P. 1238–1243

14. Rockwood K., Mitnitski A. Frailty in relation to the accumulation of deficits // Journal of Gerontology: Series A. 2007. Vol. 62, No. 7. P. 722–727

15. Cruz-Jentoft A.J., Bahat G., Bauer J. et al. Sarcopenia: revised European consensus on definition and diagnosis // Age and Ageing. 2019. Vol. 48, No. 1. P. 16–31

Nermin Bassam Mohammad Abdallat
student
University of Jordan
(Amman, Jordan)

MODERN APPROACHES TO INPATIENT CARE FOR OLDER PATIENTS

Abstract: *population aging is one of the most significant demographic trends of our time and is accompanied by a growing number of older patients requiring medical and social care. Older people often have multiple chronic conditions, functional limitations, and increased risks of falls, delirium, malnutrition, dehydration, and medication-related complications. Although hospitalization is necessary to treat the underlying condition, it can also contribute to reduced physical activity, loss of independence, and deterioration in overall functional status.*

Modern geriatric care is shifting from a predominantly disease-oriented model to an integrated, person-centered model of care. This approach helps improve treatment safety, preserve functional independence, and enhance quality of life for older patients.

Keywords: *geriatrics, inpatient setting, nursing care, comprehensive geriatric assessment, delirium, fall, nutrition, hydration, pressure ulcer, polypharmacy, rehabilitation, quality of life.*

УДК 616.833.5:616.728.3-089.843

Пак М.
Республиканский научно-практический центр спортивной медицины
(г. Ташкент, Узбекистан)

Саттарова Д.
Республиканский научно-практический центр спортивной медицины
(г. Ташкент, Узбекистан)

Убайдуллаева С.Ф.
Республиканский научно-практический центр спортивной медицины
(г. Ташкент, Узбекистан)

ПОРАЖЕНИЕ ОБЩЕГО МАЛОБЕРЦОВОГО НЕРВА ПОСЛЕ ТОТАЛЬНОГО ЭНДОПРОТЕЗИРОВАНИЯ КОЛЕННОГО СУСТАВА. ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

***Аннотация**: поражение общего малоберцового нерва после тотального эндопротезирования коленного сустава (ТЭКС) встречается редко, но может заметно ограничить ходьбу и затруднить реабилитацию. В обзоре литературы рассмотрены частота осложнения, механизмы повреждения, факторы риска, сроки электронейромиографического обследования и прогноз восстановления. В крупных исследованиях общей популяции пациентов частота поражения обычно составляет менее 1%: в систематическом обзоре 47 585 операций она составила 0,4%, в когорте из 7704 операций — 0,32%. При вальгусной деформации риск выше. Наиболее часто обсуждаются тракция нерва при коррекции деформации, наружная компрессия, послеоперационный отёк или гематома, особенности анестезии и применения пневматического жгута. Связь отдельных факторов с осложнением подтверждается не во всех исследованиях. После появления слабости стопы требуется немедленный неврологический осмотр и исключение обратимого сдавления. Стимуляционная электронейрография и игольчатая электромиография помогают определить локализацию и тяжесть поражения, однако их результаты зависят от времени после повреждения. Комплексное обследование примерно через четыре недели или позднее обычно позволяет точнее оценить аксональную потерю, при отдельных диагностических задачах исследование проводят раньше. Исходная тяжесть дефицита остаётся важным прогностическим признаком: при частичном парезе полное восстановление наблюдается чаще, чем при полном параличе. Ведение пациента должно включать повторные осмотры, визуализацию по показаниям, ЭНМГ в подходящие сроки, индивидуальную реабилитацию и своевременное направление к специалисту по периферическим нервам.*

***Ключевые слова**: ТЭКС, общий малоберцовый нерв, невропатия, электронейромиография, игольчатая электромиография, сроки диагностики, фактор риска, прогноз, реабилитация.*

1 Введение.

После тотального эндопротезирования коленного сустава большинство пациентов постепенно возвращаются к привычной активности. Появление слабости стопы нарушает этот ход восстановления: пациенту становится труднее ходить, возрастает риск спотыкания, а выполнение обычной реабилитационной программы требует изменений. Общий малоберцовый нерв уязвим из-за поверхностного расположения в области шейки малоберцовой кости. Его поражение проявляется слабостью тыльного сгибания и эверсии стопы, нарушением чувствительности на её тыльной поверхности, а при тяжёлом повреждении «свисающей стопой» [1,2].

В систематическом обзоре Carender и соавт. среди 47 585 ТЭКС выявлено 203 случая поражения нерва, что соответствует частоте 0,4% [3]. В исследовании Høvik и соавт. зарегистрировано 25 случаев на 7704 операции (0,32%) [4]. Хотя осложнение редкое, его последствия могут сохраняться долго. Для врача важно не только распознать дефицит, но и понять, есть ли причина, которую можно устранить немедленно.

Раннее выявление осложнения и выбор срока электронейромиографии (ЭНМГ) решают разные задачи. Клиническое обследование необходимо сразу после появления симптомов, тогда как электрофизиологические признаки повреждения развиваются постепенно. В опубликованных обзорах представлены данные о частоте и исходах осложнения [3,5], сроки электрофизиологического обследования рассматриваются преимущественно в работах о периоперационных повреждениях нервов в целом [6,7]. Цель настоящего обзора обобщить данные о факторах риска, диагностике и восстановлении функции общего малоберцового нерва после ТЭКС и на их основе предложить последовательность обследования и наблюдения.

2 Методы.

Выполнен несистематический обзор литературы о поражении общего малоберцового нерва после ТЭКС. Рассмотрены также публикации по диагностике и лечению периоперационных повреждений периферических нервов. При подготовке обзора использовались **PubMed/MEDLINE**, сайты научных журналов и списки литературы опубликованных работ. Поиск включал сочетания терминов «total knee arthroplasty», «common peroneal nerve», «peroneal nerve palsy», «electromyography», «nerve conduction studies», «risk factors», «recovery» и «prognosis». Для поиска русскоязычных работ использовались термины «малоберцовый нерв», «эндопротезирование коленного сустава», «электронейромиография», «реабилитация» и «нейросонография». Ограничения по начальной дате публикации не устанавливались, более ранние работы включались при их значимости для оценки факторов риска, диагностики и прогноза. В обзор включены 24 публикации, в том числе российские работы и статьи из Узбекистана, последняя актуализация источников проведена **6 октября 2026 года**. Основное внимание уделено систематическим обзорам, крупным когортным исследованиям и работам о сроках электрофизиологического обследования. Ранние публикации включены для анализа течения осложнения и прогноза. Работы о невропатиях другой этиологии использованы для обсуждения общих принципов диагностики и реабилитации. Исчерпывающий систематический поиск, формальная оценка риска систематической ошибки и метаанализ не проводились.

3 Частота и механизмы повреждения.

В общей популяции пациентов после ТЭКС частота клинически выявленного поражения общего малоберцового нерва обычно ниже 1% [3,4]. Однако показатели частоты зависят от состава исследуемой выборки и критериев определения осложнения. Более ранние серии различались по составу пациентов и длительности наблюдения [8,9]. В обзоре Puijk и соавт., посвящённом операциям при вальгусной деформации, осложнение выявлено

в 26 из 1397 коленных суставов (1,9%) [5]. Поэтому среднюю частоту для всех операций нельзя без поправок переносить на пациентов с выраженным вальгусом.

В российском исследовании Новикова и Антоновой признаки невропатии обнаружены у 10 из 254 пациентов, поступивших на реабилитацию после ТЭКС (3,9%), у двух симптомы существовали до операции [10]. Это реабилитационная выборка, а не регистр всех прооперированных пациентов. Её данные показывают значение осложнения для восстановительного лечения, но не дают сопоставимой оценки общей послеоперационной частоты. В серии Speelziek и соавт. изучены 54 случая разных невропатий после первичного ТЭКС, наиболее часто страдал малоберцовый нерв [11].

Причины поражения могут сочетаться. При коррекции вальгусной или сгибательной деформации нерв испытывает натяжение, в области головки малоберцовой кости его могут сдавливать повязка, положение конечности, отёк или гематома. Продолжительная компрессия сопровождается нарушением кровоснабжения. Реже причиной становится прямое повреждение во время операции [1,5,6]. С точки зрения прогноза важно различать обратимый блок проведения, аксональное поражение и нарушение целостности нерва. Факторы, которые следует учитывать при оценке пациента, рассмотрены в разделе 4 (таблица 1).

4 Факторы риска.

Данные о факторах риска остаются неоднозначными. В когорте Høvik и соавт. связь с осложнением выявлена для выраженного исходного вальгуса, послеоперационной эпидуральной анестезии и женского пола [4]. В более ранних работах обсуждались также диабет, сгибательная контрактура, предшествующая невропатия и патология позвоночника [3,12,13]. Роль эпидуральной аналгезии изучалась отдельно, однако данные неоднозначны [14]. Shetty и соавт. обнаружили связь острого повреждения нервов после ТЭКС с женским полом и патологией поясничного отдела [15]. Эти признаки помогают

выделить пациентов для более внимательного наблюдения, но не предсказывают осложнение у конкретного человека.

В анализе административной базы Jayaram и соавт., включавшем более 1,5 млн операций, повреждение нервов было связано с ревизионным эндопротезированием, женским полом и большей выраженностью сопутствующих заболеваний [16]. Эти результаты относятся к повреждениям нервов в целом. Данные административных баз зависят от точности кодирования и не всегда позволяют установить, какой нерв поражён и насколько выражены нарушения.

Значение пневматического жгута следует оценивать с учётом характера исследования. В небольшой нейрофизиологической работе Olivecrona и соавт. признаки денервации выявлены у пациента, которому применяли наиболее высокое давление в манжете [17]. Alturki и соавт. обнаружили статистическую связь использования жгута с повреждением нервов при метарегрессионном анализе [18]. Однако объединённые результаты существенно различались между исследованиями, а анализ охватывал поражения разных нервов. Эти данные не доказывают причинную связь и не позволяют считать жгут самостоятельным предиктором поражения общего малоберцового нерва. Основные факторы и ограничения имеющихся данных представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные факторы риска и ограничения доказательств.

Фактор	Клиническое значение	Интерпретация доказательств
Выраженная вальгусная деформация	Возможное растяжение при коррекции	Связь выявлена в отдельных когортах, результаты неоднородны [4,5]
Эпидуральная анестезия	Возможное позднее распознавание дефицита	Связь выявлена в современной крупной когорте [4], данные других работ неоднозначны [14]

Фактор	Клиническое значение	Интерпретация доказательств
Применение пневматического жгута	Возможное ишемическое или компрессионное воздействие	Потенциально модифицируемый фактор, обобщённые данные требуют осторожной интерпретации [17,18]
Предшествующая невропатия / патология поясничного отдела	Снижение функционального резерва нерва, сложность дифференциальной диагностики	Биологически правдоподобно, данные непоследовательны [3,12,13,15]
Диабет / метаболические заболевания	Возможное повышение уязвимости нерва	Ассоциации непостоянны [3,12,13]
Послеоперационный отёк / гематома	Возможная компрессия нерва	Требуется своевременная клиническая оценка [6]

5 Клиническое выявление и первичная оценка.

При осмотре проверяют тыльное сгибание стопы, разгибание большого пальца и эверсию, оценивают чувствительность на тыле стопы и в первом межпальцевом промежутке. Результаты сопоставляют с противоположной стороной и, если такие сведения имеются, с состоянием до операции. Проверка мышц, иннервируемых другими нервами, помогает отличить локальную малоберцовую невропатию от поражения седалищного нерва или корешка L5 [1,19]. В истории болезни следует указать время появления симптомов и их изменения при повторных осмотрах.

При выявлении дефицита необходимо сразу оценить состояние повязки, положение конечности, выраженность отёка и вероятность гематомы. Быстрое нарастание боли, припухлости, двигательных или сосудистых нарушений требует срочного осмотра хирургом. ЭНМГ не должна задерживать помощь при подозрении на сдавление нерва [6,7]. Для выявления локальной компрессии или структурного повреждения по показаниям используют УЗИ, МРТ либо другой подходящий метод визуализации. Возможности ультразвукового исследования периферических нервов рассмотрены и в публикации специалистов из Самарканда [20]. Эта работа посвящена различным невропатиям и не даёт отдельной оценки диагностической точности метода после ТЭКС.

6 Электрофизиологическая диагностика и сроки обследования.

Стимуляционная электронейрография позволяет исследовать двигательные и чувствительные ответы, выявить блок проведения и уточнить уровень поражения. Игольчатая электромиография (ЭМГ) выявляет денервационную активность, изменения рекрутирования двигательных единиц и признаки реиннервации. Совместное применение методов помогает различить преимущественное нарушение проведения и аксональное повреждение [1,2,7]. В настоящей статье под ЭНМГ понимается комплексное обследование с применением стимуляционной электронейрографии и, по показаниям, игольчатой ЭМГ.

Срок обследования определяют в соответствии с диагностической задачей. Ранняя ЭНМГ может помочь уточнить локализацию поражения, выявить блок проведения или признаки ранее существовавшей невропатии. В первые дни тяжесть аксонального повреждения может быть недооценена, поскольку валлеровская дегенерация и денервационные изменения ещё не завершились. Seidel и соавт. указывают, что комплексная электрофизиологическая оценка через четыре недели после повреждения или позднее позволяет точнее классифицировать поражение [7]. Этот срок служит ориентиром для оценки аксонального повреждения и не исключает более раннего обследования по показаниям. Например, Olivecrona и соавт. выполняли электронейрографию на третьи сутки, а игольчатую ЭМГ при последующем обследовании [17].

Повторная ЭНМГ полезна, если первое исследование показало выраженное аксональное поражение или клиническое восстановление остаётся неясным. Появление произвольных двигательных единиц и улучшение рекрутирования оценивают вместе с возвращением силы и изменениями походки. Если значимого восстановления нет, результаты нужны для обсуждения дальнейшей тактики со специалистом по периферическим нервам [6,7]. Сам по себе единичный показатель ЭНМГ не должен определять ни прогноз, ни объём реабилитации.

7 Прогноз и восстановление.

Исходная выраженность двигательных нарушений связана с вероятностью полного восстановления. В систематическом обзоре Carender и соавт. полное восстановление без дополнительного хирургического лечения зарегистрировано у 66% пациентов с неполным и у 39% с полным поражением, средняя длительность наблюдения составила 3,6 года [3]. Под неполным поражением понимается сохранение части двигательной функции, под полным отсутствие активного тыльного сгибания стопы. Park и соавт. также отметили менее благоприятный прогноз при тяжёлом исходном дефиците [21]. В когорте Høvik и соавт. полное восстановление наступило примерно у двух третей пациентов с полным и у четырёх пятых с неполным поражением [4]. Эти показатели характеризуют исследованные группы и не определяют исход у конкретного пациента.

Восстановление функции нерва может занимать несколько месяцев. В серии послеоперационных невропатий Speelziek и соавт. двигательная функция обычно восстанавливалась полностью или почти полностью в пределах года, однако в ней рассматривались разные нервы и механизмы поражения [11]. Для отдельного пациента важнее последовательная динамика силы, чувствительности, произвольной активности мышц и функции ходьбы. Публикация Юлдашева и соавт. описывает восстановление после аутонейропластики общего малоберцового нерва у ребёнка с сочетанной травмой нижних конечностей [22]. Этот случай отражает опыт реконструктивной хирургии в Узбекистане, но не позволяет оценить прогноз у взрослых после ТЭКС.

8 Предлагаемый практический диагностический алгоритм.

В таблице 2 представлена предлагаемая последовательность клинического обследования, визуализации и ЭНМГ. Схема составлена на основе рассмотренной литературы и не проходила отдельной клинической проверки. При подозрении на устранимое сдавление нерва срочность помощи определяется клиническими проявлениями [6,7].

Таблица 2. Предлагаемый поэтапный алгоритм обследования.

Этап	Предлагаемые действия
Сразу после выявления	Документировать двигательный и чувствительный дефицит, сопоставить с исходным состоянием, оценить проксимальные мышцы, повязку, положение конечности, отёк, гематому и сосудистый статус.
Первые дни	Повторять неврологические осмотры. При подозрении на локальную компрессию, гематому или структурное повреждение использовать УЗИ либо другую визуализацию. Не задерживать срочное вмешательство ради ЭНМГ.
Около четырёх недель после повреждения или позднее	При сохраняющемся дефиците выполнить комплексную ЭНМГ для уточнения уровня и тяжести поражения, оценки блока проведения и аксонального повреждения. Более раннее исследование проводят по диагностическим показаниям [7].
Динамическое наблюдение	Повторять клиническую оценку, рассматривать повторную ЭНМГ при неясной динамике или тяжёлом аксональном поражении.
Стойкий выраженный дефицит	Своевременно направлять к специалисту по периферическим нервам при ухудшении, подозрении на нейротмезис или отсутствии значимого восстановления. При тяжёлых повреждениях Seidel и соавт. предлагают рассматривать направление к хирургу в пределах первых шести месяцев, срочные показания требуют более раннего решения [7].

9 Особенности реабилитации.

Основные задачи реабилитации - восстановление безопасной ходьбы и предупреждение вторичных контрактур. При выраженной слабости тыльного сгибания ортез голеностопного сустава и стопы облегчает перенос стопы при ходьбе и снижает риск спотыкания. Лечебные упражнения направлены на сохранение объёма движений, поддержание функции сохранных мышц и коррекцию походки [1,2,19]. Нагрузку подбирают с учётом состояния послеоперационной раны, боли, отёка и ограничений после эндопротезирования.

При оценке результата учитывают не только показатели ЭНМГ, но и функциональные результаты: насколько устойчиво пациент ходит, нуждается ли в ортезе, возвращается ли сила, уменьшается ли боль. Новиков и Антонова описали комплексную реабилитацию пациентов с этим осложнением [10]. Однако наблюдательный характер работы не позволяет определить вклад отдельных методов и отделить их эффект от естественного восстановления.

Хирургическое лечение рассматривают при подтверждённой компрессии, структурном повреждении или стойком дефиците с неблагоприятной динамикой [2,6]. Van Varsseveld и соавт. сообщили о результатах операций на периферических нервах у отобранных пациентов с сохраняющимися симптомами после эндопротезирования коленного сустава [23]. Большинство вмешательств в этой серии выполнялось из-за невропатической боли, поэтому результаты нельзя расценивать как доказательство эффективности операции при любом послеоперационном параличе малоберцового нерва.

10 Обсуждение.

Ключевая диагностическая задача состоит в своевременном выявлении сдавления или продолжающегося повреждения нерва. Одновременно необходимо учитывать, что слишком ранняя ЭНМГ может недооценивать тяжесть аксонального поражения. Повторный клинический осмотр показывает динамику нарушений, визуализация помогает выявить структурную причину, а ЭНМГ уточняет уровень и характер повреждения. Поэтому решения о лечении и прогнозе следует принимать по совокупности этих данных [6,7].

Вопрос профилактической декомпрессии нерва при выраженном вальгусе остаётся открытым. Puijk и соавт. описали ретроспективную когорту, в которой после такого вмешательства паралич не наблюдался [24]. При этом систематический обзор не выявил убедительного преимущества профилактической декомпрессии: число соответствующих исследований и пациентов было небольшим [5]. Такие результаты позволяют обсуждать индивидуальную тактику, но недостаточны для универсальной рекомендации.

Российские публикации дополняют сведения о диагностике и реабилитации [10,19]. Работы из Узбекистана посвящены нейросонографии и реконструкции нерва после травмы [20,22]. Различия в механизмах повреждения, возрасте пациентов и условиях лечения ограничивают применимость этих результатов к невропатии после ТЭКС. Для уточнения тактики необходимы проспективные исследования с едиными критериями тяжести поражения, заранее установленными сроками ЭНМГ и оценкой функциональных результатов.

11 Ограничения.

Несистематический характер обзора допускает неполноту поиска и влияние отбора публикаций на выводы. Формальная оценка риска систематической ошибки не проводилась. Большинство данных о поражении нерва после ТЭКС получено в наблюдательных исследованиях, критерии тяжести и длительность наблюдения различаются. Предложения по срокам ЭНМГ частично основаны на литературе о периоперационных повреждениях нервов в целом. Публикации о невропатиях другой этиологии дополняют обсуждение, но не подтверждают эффективность конкретных методов лечения после ТЭКС. Предлагаемая схема обследования нуждается в дальнейшей проверке.

12 Заключение.

При появлении слабости стопы после ТЭКС необходимо сразу оценить неврологический и сосудистый статус и исключить обратимую компрессию. ЭНМГ помогает определить локализацию, тяжесть и признаки восстановления, но её интерпретация зависит от срока после повреждения. Комплексное обследование примерно через четыре недели или позднее часто информативнее для оценки аксональной потери, более раннее исследование возможно по показаниям. Частичный парез обычно имеет лучший прогноз, чем полный паралич. Решения о продолжении реабилитации и направлении к специалисту следует принимать по совокупности клинической динамики, визуализации и электрофизиологических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Baima J., Krivickas L. Evaluation and treatment of peroneal neuropathy. Curr Rev Musculoskelet Med. 2008,1(2):147–153. DOI 10.1007/s12178-008-9023-6
2. Poage C., Roth C., Scott B. Peroneal nerve palsy: evaluation and management. J Am Acad Orthop Surg. 2016,24(1):1–10. DOI 10.5435/JAAOS-D-14-00420
3. Carender C.N., Bedard N.A., An Q., Brown T.S. Common peroneal nerve injury and recovery after total knee arthroplasty: a systematic review. Arthroplast Today. 2020,6(4):662–667. DOI 10.1016/j.artd.2020.07.017
4. Høvik Ø., Jenssen K.K., Amlie E., Sivertsen E.A., et al. Peroneal nerve palsy after total knee arthroplasty. Arthroplast Today. 2024,26:101331. DOI 10.1016/j.artd.2024.101331
5. Puijk R., Rassir R., Kok L.M., Sierevelt I.N., Nolte P.A. Common peroneal nerve palsy after TKA in valgus deformities, a systematic review. J Exp Orthop. 2022,9:12. DOI 10.1186/s40634-021-00443-x
6. Bage T., Power D.M. Iatrogenic peripheral nerve injury: a guide to management for the orthopaedic limb surgeon. EFORT Open Rev. 2021,6(8):607–617. DOI 10.1302/2058-5241.6.200123
7. Seidel G.K., Vocelle A.R., Ackers I.S., et al. Electrodiagnostic assessment of peri-procedural iatrogenic peripheral nerve injuries and rehabilitation. Muscle Nerve. 2025,71(5):747–767. DOI 10.1002/mus.28364
8. Asp J.P., Rand J.A. Peroneal nerve palsy after total knee arthroplasty. Clin Orthop Relat Res. 1990,261:233–237. PMID: 2245551
9. Nercessian O.A., Ugwonali O.F., Park S. Peroneal nerve palsy after total knee arthroplasty. J Arthroplasty. 2005,20(8):1068–1073. DOI 10.1016/j.arth.2005.02.010
10. Новиков А.В., Антонова В.А. Невропатия малоберцового нерва как осложнение после тотального эндопротезирования коленного сустава: особенности реабилитации. Вестник травматологии и ортопедии им. Н.Н. Приорова. 2020,27(4):41–45. DOI 10.17816/vto57137

11. Speelziek S.J.A., Staff N.P., Johnson R.L., Sierra R.J., Laughlin R.S. Clinical spectrum of neuropathy after primary total knee arthroplasty: a series of 54 cases. Muscle Nerve. 2019,59(6):679–682. DOI 10.1002/mus.26473

12. Idusuyi O.B., Morrey B.F. Peroneal nerve palsy after total knee arthroplasty: assessment of predisposing and prognostic factors. J Bone Joint Surg Am. 1996,78(2):177–184

13. Schinsky M.F., Macaulay W., Parks M.L., Kiernan H., Nercessian O.A. Nerve injury after primary total knee arthroplasty. J Arthroplasty. 2001,16(8):1048–1054

14. Horlocker T.T., Cabanela M.E., Wedel D.J. Does postoperative epidural analgesia increase the risk of peroneal nerve palsy after total knee arthroplasty? Anesth Analg. 1994,79(3):495–500

15. Shetty T., Nguyen J.T., Sasaki M., Wu A., Bogner E., Burge A., et al. Risk factors for acute nerve injury after total knee arthroplasty. Muscle Nerve. 2018,57(6):946–950. DOI 10.1002/mus.26045

16. Jayaram R.H., Kim L., Day W., Doshi R.H., Rubin L.E., Grauer J.N. Risk factors for perioperative nerve injury associated with total knee arthroplasty: analysis of a national administrative database. PLoS One. 2025,20(6):e0324527. DOI 10.1371/journal.pone.0324527

17. Olivecrona C., Blomfeldt R., Ponzer S., Stanford B.R., Nilsson B.Y. Tourniquet cuff pressure and nerve injury in knee arthroplasty in a bloodless field: a neurophysiological study. Acta Orthop. 2013, 84(2):159–164. DOI 10.3109/17453674.2013.782525

18. Alturki A.A., et al. Nerve injuries after total knee arthroplasty: a systematic review and meta-analysis. Orthop Rev (Pavia). 2026, 18:160847. PMID: 42305570. DOI 10.52965/001c.160847

19. Лунева И.Е., Гришина Д.А., Супонева Н.А. Нейропатия малоберцового нерва: общие подходы к диагностике и терапии. Нервно-мышечные болезни. 2022, 12(4):29–36. DOI 10.17650/2222-8721-2022-12-4-29-36

20. Аметова А.С., Саидахматов Н.С., Низамов Х.М. УЗИ-оценка функции и структуры периферических нервов: нейросонография как инструмент ранней

диагностики. HealthWay: Ilmiy-amaliy tibbiyot jurnali. 2025, 1(3):246–253. DOI 10.64411/ma5nsq63

21. Park J.H., Restrepo C., Norton R., Mandel S., Sharkey P.F., Parvizi J. Common peroneal nerve palsy following total knee arthroplasty: prognostic factors and course of recovery. J Arthroplasty. 2013, 28(9):1538–1542. DOI 10.1016/j.arth.2013.02.025

22. Юлдашев А.А., Низов О.Н., Минаев Т.Р., Толипов Н.Н., Худайназаров Д.А. Случай успешной аутонейропластики общего малоберцового нерва при сочетанной травме нижних конечностей. Вестник экстренной медицины (Shoshilinch tibbiyot axborotnomasi). 2015, (3):39–44. URL: https://empa.uz/medias/article/other/477/2015-3-2.pdf (дата обращения: 06.10.2026)

23. Van Varsseveld O.C., Raasveld F.V., Liu W.C., McCarty J., Hundepool C.A., Zuidam J.M., et al. Surgical management of peripheral nerve symptoms following knee arthroplasty. Arthroplasty. 2025, 7:27. DOI 10.1186/s42836-025-00315-0

24. Puijk R., Rassir R., Kok L.M., Sierevelt I.N., Vergroesen D.A., Schutte B.G., Nolte P.A. No common peroneal nerve palsies found after a peroneal nerve release prior to TKA in fixed valgus deformities (a retrospective cohort study). Knee Surg Sports Traumatol Arthrosc. 2022, 30(12):4010–4014. DOI 10.1007/s00167-022-06891-x

Pak M.
Republican Scientific and Practical Center for Sports Medicine
(Tashkent, Uzbekistan)

Sattarova D.
Republican Scientific and Practical Center for Sports Medicine
(Tashkent, Uzbekistan)

Ubaydullayeva S.F.
Republican Scientific and Practical Center for Sports Medicine
(Tashkent, Uzbekistan)

COMMON PERONEAL NERVE INJURY AFTER TOTAL KNEE ARTHROPLASTY: LITERATURE REVIEW

Abstract: *common peroneal nerve injury after total knee arthroplasty (TKA) is rare but can substantially impair walking and complicate rehabilitation. This literature review examines its incidence, mechanisms of injury, risk factors, timing of electrodiagnostic testing, and recovery prognosis. In large studies of general TKA populations, incidence is usually below 1%: it was 0.4% in a systematic review of 47,585 procedures and 0.32% in a cohort of 7,704 procedures. Risk is higher in patients with valgus deformity. The most frequently discussed mechanisms and contributing factors include nerve traction during deformity correction, external compression, postoperative edema or hematoma, anesthesia-related factors, and use of a pneumatic tourniquet. Associations between individual factors and this complication have not been confirmed in all studies. New-onset foot weakness requires immediate neurological examination and exclusion of reversible compression. Nerve conduction studies and needle electromyography help establish the location and severity of injury, although findings depend on time elapsed since injury. Comprehensive electrodiagnostic assessment at approximately four weeks or later generally allows more accurate evaluation of axonal loss, earlier testing may be appropriate for specific diagnostic questions. Initial severity of neurological deficit remains an important prognostic indicator: complete recovery is more common with partial paresis than with complete paralysis. Patient management should include repeated examinations, imaging when indicated, appropriately timed electrodiagnostic testing, individualized rehabilitation, and timely referral to a peripheral nerve specialist.*

Keywords: *TKA, common peroneal nerve, neuropathy, electrodiagnostic testing, needle electromyography, diagnostic timing, risk factor, prognosis, rehabilitation.*

УДК 796

Белозерцева Е.А.
магистрант 3 курса
кафедра теории и методики плавания
Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта
(г. Санкт-Петербург, Россия)

РАЗВИТИЕ СИЛОВОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У ПЛОВЦОВ-СПРИНТЕРОВ НА ЭТАПЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

***Аннотация**: в статье представлены результаты педагогического эксперимента, направленного на оценку эффективности экспериментального комплекса упражнений для развития силовой выносливости у пловчих 14–15 лет, специализирующихся в плавании способом баттерфляй. Исследование проведено в течение шести месяцев в 25-метровом бассейне. В нем приняли участие 14 спортсменок, разделенных на контрольную и экспериментальную группы по 7 человек. Для оценки динамики силовой выносливости из комплекса контрольных упражнений в статье рассмотрены три показателя: проплывание 50 м баттерфляем, проплывание 2×50 м баттерфляем с интервалом отдыха 10 с и проплывание 100 м баттерфляем. Сопоставление результатов до и после эксперимента показало более выраженную положительную динамику в экспериментальной группе. Наиболее заметные изменения отмечены при повторном проплывании 2×50 м и на дистанции 100 м, что указывает на повышение способности сохранять скорость и мощность работы при нарастающем утомлении. Полученные данные подтверждают практическую целесообразность применения разработанного комплекса в учебно-тренировочном процессе пловчих на этапе совершенствования спортивного мастерства.*

***Ключевые слова**: силовая выносливость, плавание, пловчиха, баттерфляй, спортивное мастерство, педагогический эксперимент, специальная физическая подготовка.*

ВВЕДЕНИЕ.

Плавание предъявляет высокие требования к согласованному развитию физической, технической, тактической и психологической подготовленности спортсмена. Особенно это проявляется на спринтерских дистанциях способом баттерфляй, где результат зависит не только от способности развить высокую скорость, но и от умения сохранять эффективность гребковых движений при нарастающем утомлении. На дистанции 100 м спортсмен должен поддерживать высокую мощность работы рук, туловища и ног, одновременно сохраняя рациональную структуру движений. Снижение силовых возможностей во второй половине дистанции приводит к изменению длины и частоты гребка, нарушению ритма и, как следствие, к ухудшению конечного результата.

В теории спортивной тренировки силовая выносливость рассматривается как способность продолжительное время выполнять повторяющиеся силовые действия и сохранять их эффективность на фоне развивающегося утомления. Для пловца-спринтера это качество имеет особое значение, поскольку позволяет реализовать силовой потенциал на протяжении всей соревновательной дистанции. При недостаточном уровне силовой выносливости спортсмен может показать высокий результат на начальном отрезке, но не способен сохранить необходимую мощность гребка к финишу.

На этапе совершенствования спортивного мастерства спортсмены уже владеют базовой техникой плавания и обладают определенным уровнем физической подготовленности. Поэтому дальнейшее повышение спортивного результата связано с более точным воздействием на специальные физические качества. В этом возрасте особенно важно сочетать развитие силовых возможностей с совершенствованием техники, поскольку увеличение нагрузки само по себе не гарантирует улучшения соревновательного результата.

В научно-методической литературе представлены различные подходы к развитию силовых способностей пловцов. Используются упражнения на суше с отягощениями и на тренажерах, упражнения с резиновыми амортизаторами, работа с собственным весом, а также специальные упражнения в воде с дополнительным сопротивлением. Отмечается необходимость дифференцировать силовую подготовку в зависимости от специализации спортсмена и соревновательной дистанции. Для спринтеров особенно важны средства, позволяющие одновременно развивать силовой потенциал и способность реализовывать его в структуре плавательного движения [1–3].

При этом силовая выносливость в баттерфляе требует комплексной оценки. Одного результата на короткой дистанции недостаточно для определения способности спортсмена работать в условиях утомления. Поэтому целесообразно сопоставлять результат одиночного 50-метрового отрезка с показателями повторной работы и результатом на 100 м. Такой подход позволяет рассматривать динамику спортивной работоспособности от относительно кратковременной работы высокой интенсивности к выполнению соревновательной дистанции.

Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью совершенствования средств специальной физической подготовки пловчих 14–15 лет и поиска эффективных способов повышения силовой выносливости при плавании способом баттерфляй.

Цель исследования — оценить динамику результатов пловчих 14–15 лет под влиянием экспериментального комплекса упражнений с использованием трёх выбранных контрольных упражнений.

Задачи исследования: 1) рассмотреть проявление силовой выносливости в выбранных контрольных упражнениях, 2) выделить из разработанного комплекса упражнения, непосредственно связанные с тестами № 1, № 2 и № 3, 3) сопоставить результаты контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента.

МЕТОДИКА И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В исследовании использовались теоретический анализ и обобщение научно-методической литературы, спортивно-педагогическое тестирование, педагогический эксперимент и математико-статистическая обработка результатов. Основное внимание в настоящей статье уделено данным спортивно-педагогического тестирования и их изменению под влиянием экспериментального комплекса.

Продолжительность эксперимента составила шесть месяцев. В исследовании приняли участие 14 спортсменок 14–15 лет, занимающихся на этапе совершенствования спортивного мастерства. После первичного тестирования участницы были распределены на две однородные группы по 7 человек: контрольную и экспериментальную. В обеих группах занятия проводились в соответствии с программой подготовки по плаванию, однако в экспериментальной группе применялся разработанный комплекс упражнений, направленный на развитие силовой выносливости.

До начала педагогического эксперимента было проведено контрольное тестирование. Контрольное упражнение № 1 — проплывание дистанции 50 м баттерфляем с фиксацией времени. Основной целью данного теста являлась оценка скоростных и скоростно-силовых возможностей спортсменки, а также способности реализовать силовой потенциал в гребковом движении на коротком отрезке. Результат фиксировался по времени проплывания дистанции. Чем меньше время, тем выше результат.

Контрольное упражнение № 2 — проплывание 2×50 м баттерфляем с интервалом отдыха 10 с. Данное упражнение позволяет оценить способность сохранять скорость при повторной работе в условиях неполного восстановления. При интерпретации результата учитывалось суммарное время двух отрезков. Сокращение общего времени после эксперимента свидетельствует о повышении способности спортсменки выполнять повторную высокоинтенсивную работу.

Контрольное упражнение № 3 — проплывание 100 м баттерфляем с фиксацией времени. Оно использовалось как интегральный показатель общей подготовленности и как основной критерий реализации силовой выносливости в условиях, приближенных к соревновательной деятельности. Улучшение результата на этой дистанции позволяет оценить практический эффект применяемого комплекса в целом.

Для сокращённого анализа из полного комплекса выделены упражнения, которые непосредственно соответствуют структуре трёх выбранных контрольных упражнений. Комплекс упражнений представлен в таблице 1. Их содержание направлено на сохранение скорости, мощности гребка и техники при увеличении продолжительности работы.

Таблица 1. Комплекс упражнений, направленный на развитие силовой выносливости.

Упражнения	Дозировка	Основная направленность
Серии скоростных отрезков 4×25 м, 6×25 м, 8×25 м, плавание баттерфляем с лопатками 25–50 м.	2–3 серии, 6–8×25–50 м	Развитие скорости и скоростно-силовой выносливости.
Повторное плавание 25, 50 и 75 м с заданной интенсивностью, серии 2×50 м, чередование сопротивляемого и свободного плавания.	4–10 повторений, 2–4 серии, 10 повторений	Сохранение скорости при неполном восстановлении.
Проплывание 100 м с соревновательной интенсивностью, дробное 50+50 м, моделирование соревновательной дистанции.	2–3×100 м, 2–4 серии, 2–3×100 м	Сохранение темпа, техники и длины гребка на всей дистанции.

Примечание: в таблицу включены только отдельные средства полного комплекса, непосредственно связанные с выбранными контрольными упражнениями. В исходном комплексе дополнительно использовались упражнения на суше, работа с сопротивлением и другие средства специальной подготовки.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ.

Исходные значения по всем трем выбранным контрольным упражнениям в контрольной и экспериментальной группах были практически одинаковыми. В тесте на 50 м баттерфляем обе группы имели среднее значение 30,6 с. При выполнении 2×50 м исходный результат также совпадал и составлял 67,8 с. На дистанции 100 м обе группы имели среднее значение 68,8 с. Такая близость показателей позволила рассматривать последующие различия как изменения, связанные прежде всего с особенностями тренировочного воздействия.

По контрольному упражнению № 1 после завершения педагогического эксперимента время в контрольной группе уменьшилось с 30,6 до 30,5 с, то есть на 0,1 с. В экспериментальной группе время снизилось с 30,6 до 30,3 с, что соответствует улучшению на 0,3 с. Относительное изменение составило 0,3% в контрольной группе и 1,0% в экспериментальной. Таким образом, экспериментальная группа показала более выраженное, но умеренное улучшение результата на коротком 50-метровом отрезке.

Полученная динамика свидетельствует о том, что применение экспериментального комплекса положительно повлияло на способность реализовывать скоростно-силовые возможности в плавании баттерфляем. Вместе с тем изменение на 50 м отражает преимущественно результат кратковременной работы высокой интенсивности. Поэтому для оценки силовой выносливости принципиально важны показатели повторной работы и прохождения всей соревновательной дистанции.

В контрольном упражнении № 2, включавшем повторное проплывание 2×50 м с 10-секундным интервалом отдыха, исходный результат обеих групп составлял 67,8 с. После эксперимента в контрольной группе время снизилось до 67,6 с, то есть на 0,2 с. В экспериментальной группе показатель уменьшился до 67,1 с, что соответствует улучшению на 0,7 с. Относительное изменение составило 0,3% в контрольной группе и 1,0% в экспериментальной.

Все результаты исследований показаны в таблице 2.

Таблица 2. Результаты КГ и ЭГ.

Контрольные упражнения	КГ до ПЭ	ЭГ до ПЭ	КГ после ПЭ	ЭГ после ПЭ
50 м баттерфляй, с	30,6±0,2	30,6±0,2	30,5±0,2	30,3±0,2
2×50 м баттерфляй, с	67,8±0,4	67,8±0,4	67,6±0,3	67,1±0,4
100 м баттерфляй, с	68,8±0,3	68,8±0,4	68,7±0,3	68,3±0,4

*ПЭ – педагогический эксперимент.

Данный результат имеет особое значение для характеристики силовой выносливости. В отличие от одиночного 50-метрового проплывания, повторное выполнение упражнения через короткий интервал отдыха требует от спортсменки сохранять высокую скорость при неполном восстановлении. Следовательно, более выраженное улучшение экспериментальной группы можно рассматривать как признак повышения устойчивости к утомлению и способности поддерживать мощность гребка при повторной нагрузке.

Наиболее практически значимым является результат контрольного упражнения № 3 — проплывание 100 м баттерфляем. Именно эта дистанция объединяет требования к скоростным, силовым и координационным возможностям спортсменки и позволяет оценить их реализацию в условиях, близких к соревновательным. До эксперимента среднее время в обеих группах составляло 68,8 с.

После завершения эксперимента результат контрольной группы улучшился до 68,7 с, то есть на 0,1 с. В экспериментальной группе время снизилось до 68,3 с, что означает улучшение на 0,5 с. Относительное изменение составило 0,1% в контрольной группе и 0,7% в экспериментальной. Различия в пользу экспериментальной группы сохраняли общую направленность исследования.

Сопоставление трех упражнений показывает последовательную закономерность. На коротком 50-метровом отрезке экспериментальная группа улучшила результат на 0,3 с, при повторной работе 2×50 м — на 0,7 с, а на 100 м — на 0,5 с. Это позволяет предположить, что наиболее выраженный эффект экспериментального воздействия проявился там, где спортсменке необходимо не только развить высокую скорость, но и сохранить эффективность работы в условиях утомления.

Результаты согласуются с теоретическими положениями о необходимости сочетания общей и специальной силовой подготовки. Развитие силового потенциала должно сопровождаться его переносом в структуру плавательного движения. Для баттерфляя это особенно важно из-за высокой роли мышц плечевого пояса, спины, корпуса и ног, работающих в единой кинематической цепи. При этом повышение физических возможностей должно сочетаться с контролем техники, поскольку ухудшение структуры гребка на фоне утомления способно снижать эффективность даже при наличии достаточного силового потенциала [1–4].

Следует отметить, что контрольная группа также продемонстрировала положительную динамику. Это закономерно, поскольку спортсменки продолжали систематические занятия по действующей программе подготовки. Однако во всех трех выбранных контрольных упражнениях изменения экспериментальной группы были больше. Следовательно, именно дополнительное содержание экспериментального комплекса могло обеспечить более выраженное улучшение результатов.

Таким образом, данные контрольных упражнений № 1, 2 и 3 подтверждают эффективность разработанного комплекса с точки зрения улучшения как кратковременной скоростно-силовой работы, так и способности поддерживать результат при повторной нагрузке и на соревновательной дистанции. Наиболее существенное улучшение при 2×50 м и 100 м указывает на положительное влияние комплекса именно на компоненты силовой выносливости.

ОБСУЖДЕНИЕ.

Силовая выносливость в плавании не является изолированным качеством. Ее проявление зависит от взаимодействия силовых, скоростных, координационных и аэробно-анаэробных возможностей организма. В работе пловчихи на дистанции 100 м баттерфляем эти компоненты проявляются одновременно. Поэтому оценивать эффективность тренировочного воздействия целесообразно по совокупности показателей, отражающих различные стороны деятельности.

Результаты настоящего исследования показывают, что одиночное проплывание 50 м изменилось в меньшей степени, чем повторная работа 2×50 м. Это может указывать на то, что экспериментальный комплекс оказал более выраженное влияние не столько на максимальную скорость как таковую, сколько на способность удерживать высокий уровень работоспособности после первого интенсивного отрезка.

Подобная направленность соответствует представлениям о силовой выносливости как о способности сохранять силу и мощность при развивающемся утомлении.

Улучшение результата на 100 м подтверждает практическую значимость изменений. Соревновательная дистанция требует от спортсменки соединения скорости, мощности и технической устойчивости. Поэтому сокращение времени проплывания на 0,5 с в экспериментальной группе имеет большее прикладное значение, чем отдельное улучшение на коротком отрезке. Оно отражает повышение способности реализовать физический потенциал в условиях полной дистанции.

ВЫВОДЫ.

Силовая выносливость — важный компонент специальной физической подготовленности пловчих-спринтеров: она позволяет сохранять скорость, мощность и эффективность гребковых движений даже при нарастающем утомлении. Оценить разные её проявления помогает комплекс из трёх контрольных упражнений: 50 м баттерфляем (скоростно-силовые возможности), 2×50 м баттерфляем с интервалом отдыха 10 с (устойчивость к повторной нагрузке) и 100 м баттерфляем (реализация подготовленности на соревновательной дистанции). По итогам шестимесячного эксперимента в экспериментальной группе зафиксирована положительная динамика по всем тестам: время на 50 м улучшилось на 0,3 с (относительное изменение — 1,0%), на 2×50 м — на 0,7 с (1,0%), на 100 м — на 0,5 с (0,7%), при этом во всех упражнениях прирост оказался несколько выше, чем в контрольной группе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Давыдов В.Ю., Королевич А.Н., Синицин А.С., Шарова Л.А., Карюк Л.С. Силовая подготовленность спринтеров и стайеров в плавании // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2014. № 1. С. 125–130
2. Курсанова Е.В., Анфилатова О.В. Развитие силовых способностей пловцов 14–16 лет методом применения специальных упражнений // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. Т. 19, № 3. С. 76–85
3. Сусоева А.В., Куделин А.Б. Развитие базовых двигательных способностей пловцов на основе метода сопряженного воздействия // Олимпизм, олимпийское движение и олимпийское образование: материалы научно-практической конференции. Смоленск, 2021. С. 131–133
4. Погребной А.И., Ахметов С.М., Комлев И.О., Аришин А.В. Теоретический анализ силовой подготовки пловцов по материалам зарубежных исследований // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 6–8

Belozertseva E.A.
master's degree student of 3rd year
Department of Swimming Theory and Methodology
National State University of Physical Culture, Sports and Health
named after P.F. Lesgaft
(St. Petersburg, Russia)

DEVELOPMENT OF STRENGTH ENDURANCE IN SPRINT SWIMMERS AT THE ADVANCED SPORTS MASTERY STAGE

Abstract: *the article presents results of a pedagogical experiment evaluating the effectiveness of an experimental exercise program designed to develop strength endurance in female butterfly swimmers aged 14–15. The six-month study was conducted in a 25 m pool and involved 14 athletes divided equally between control and experimental groups. Of the exercises used to assess changes in strength endurance, the article examines three measures: a 50 m butterfly swim, two 50 m butterfly swims separated by a 10-second rest interval, and a 100 m butterfly swim. Comparison of results before and after the experiment showed greater improvements in the experimental group. The most pronounced changes were observed in the two 50 m swims and the 100 m swim, indicating an improved ability to maintain speed and power output as fatigue increased. These findings support the practical value of incorporating the exercise program into training for female swimmers at the advanced sports mastery stage.*

Keywords: *strength endurance, swimming, female swimmer, butterfly stroke, sports mastery, pedagogical experiment, sport-specific physical training.*

УДК 796.61

Новикова Д.А.

магистрант

кафедра теории и методики велосипедного спорта и триатлона

Национальный государственный университет физической культуры,

спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта

(г. Санкт-Петербург, Россия)

РАЗВИТИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВЫНОСЛИВОСТИ У ВЕЛОСИПЕДИСТОВ-ШОССЕЙНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДА ГИПОКСИЧЕСКОЙ ТРЕНИРОВКИ

***Аннотация**: в данной работе предлагается специальный комплекс упражнений с применением метода гипоксической тренировки, апробированный в эксперименте с участием 20 велосипедистов высокого уровня подготовки. После анализа литературных источников по проблеме развития специальной выносливости высококвалифицированных велосипедистов, специализирующихся в гонках на шоссе, был предложен комплекс упражнений с внедрением метода гипоксической тренировки. В ходе эксперимента было произведено деление на контрольную и экспериментальную группы, а также перед и после внедрения в тренировочный процесс специального комплекса упражнений были проведены тестирования спортсменов, участвующих в эксперименте. В результате исследования было выявлено, что предложенный комплекс ассоциировался с улучшением специальной выносливости велосипедистов.*

***Ключевые слова**: шоссейный велоспорт, высококвалифицированный велосипедист, специальная выносливость, гипоксическая тренировка, гипоксическая маска, физическая подготовка, комплекс упражнений.*

ПРОБЛЕМА ИССЛЕДОВАНИЯ. Велосипедный спорт предъявляет высокие требования к уровню развития специальной выносливости спортсмена. Исследование эффективности гипоксической тренировки в развитии специальной выносливости у квалифицированных велосипедистов представляет

научный и практический интерес, а также способствует совершенствованию методики спортивной подготовки на высшем уровне. В условиях возрастающей конкуренции и постоянного роста спортивных результатов в велосипедном спорте на шоссе особую актуальность приобретает поиск наиболее эффективных методов повышения функциональных возможностей организма спортсменов.

По мнению Полевщикова М. М., Роженцова В. В., Шабруковой Н. П. и Палагина Ю. С. (2010), специальная выносливость представляет собой многокомпонентное понятие, так как уровень её развития зависит от многих факторов, в том числе: общей выносливости, скоростных возможностей спортсмена (быстроты и гибкости работающих мышц), силовых качеств спортсмена, а также технико-тактического мастерства и волевых качеств каждого спортсмена [5].

Специальная выносливость спортсмена совершенствуется за счет более интенсивной нагрузки, сокращения пауз отдыха, увеличения скорости на отрезках, применения отягощений, включение в занятия соревновательной деятельности [2].

Гипоксией является пониженный уровень, напряжение или недостаток кислорода [9].

Формирование гипоксии проходит в три взаимосвязанных этапа: 1) первичный ответ на воздействие собственно гипоксического фактора, 2) каскад вторично обусловленных гипоксией нарушений, 3) формирование комплекса компенсаторно-приспособительных реакций, развивающихся на фоне кислородной недостаточности [8].

В настоящее время успешность спортсмена определяется способностью к выраженной экономизации функций организма в покое, максимальной их мобилизацией при нагрузке и полноценным восстановлением после нее. Иначе говоря, результат спортивной деятельности определяется динамичностью и эффективностью процессов экономизации, мобилизации и восстановления организма, то есть способности к изменчивости (вариабельности) функций организма [7].

В современном спорте, особенно в циклических видах «на выносливость», более быстрый рост класса спортсмена происходит в результате тренировок в условиях среднегорья, гипобарической и/или нормобарической гипоксии. Гипоксическая тренировка, фактически являясь стимулятором тренировочных нагрузок в условиях среднегорья, приобрела во всем мире необычайную популярность [6]. Под термином «гипоксическая тренировка» понимается мышечное упражнение различной интенсивности и длительности в условиях воздействия гипоксии, а также комбинаций мышечной работы и гипоксических сеансов.

При расходящихся и смешанных мнениях различных авторов и исследований, применение метода гипоксической тренировки, интервальной гипоксически-гипероксической тренировки, а также применение гипербарической оксигенации являются возможными и благоприятными. При этом важно соблюдать условия, проводить обязательную диагностику состояния спортсменов перед внедрением в тренировочный процесс и иметь научно-обоснованные цели в применении вышеперечисленных средств [1,3,4,10].

ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе исследования был проведен анализ научно-методической литературы по теме исследования и выявлены основные факторы, определяющие эффективность развития специальной выносливости у велосипедистов. Также было проведено анкетирование среди 15 тренеров и 40 велосипедистов. В результате анкетирования, выяснилось, что большинство опрошенных положительно смотрят в сторону использования метода гипоксической тренировки в тренировочном процессе.

Анализ научно-методической литературы показал, что эффективность развития специальной выносливости у шоссейных велосипедистов на этапе высшего спортивного мастерства при гипоксической тренировке определяется тремя ключевыми факторами: индивидуальной устойчивостью к гипоксии (она повышает работоспособность за счёт стимуляции аэробного обмена), адаптацией организма к гипоксическому воздействию (что расширяет функциональные возможности спортсменов) и грамотным сочетанием гипоксической тренировки

с другими методами подготовки, приближёнными к соревновательной деятельности.

Для практической реализации этих принципов был разработан 20-минутный комплекс упражнений (представленный в Таблица 1) в гипоксической маске, который выполняли 3 раза в неделю. Такой объём нагрузки позволял спортсменам сохранять баланс с остальными компонентами общепринятой тренировочной программы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Эффективность предложенного комплекса упражнений оценивали по величине прироста показателей следующих тестов: Проба Генчи, Шкала Борга, количество оборотов (каденс) при вращении педалей в течении 5 минут на велостанке с максимальным усилием, контрольные соревнования (Индивидуальная гонка 10 км), а также тест PWC170.

Таблица 1. Комплекс упражнений, применяемый во время гипоксической тренировки.

№	Наименование упражнения	дозировка	Методические указания
Понедельник			
1	Ускорение на велостанке 15 секунд, затем 45 секунд отдых, в гипоксической маске	10 раз	Упражнение выполняется на оптимальных передачах, следить за техникой выполнения и строгой временной дозированности. Выполняется в гипоксической маске.
2	Свободное педалирование	3 минуты	Упражнение выполняется в качестве отдыха, без гипоксической маски.
3	Педалирование с максимальным усилием на максимальное количество оборотов, в гипоксической маске.	5 минут	Количество оборотов не менее 100-110 оборотов. Следить за техникой выполнения. Выполняется в гипоксической маске
4	Закатка (спокойная езда)	2 минуты	Упражнение направлено на восстановление и выполняется без гипоксической маски.
Среда			
1	Равномерная езда на велоэргометре в гипоксической маске	10 минут	Упражнение выполняется при пульсе 140-160 уд/мин.
2	Педалирование на велоэргометр с максимально доступным сопротивлением в гипоксической маске	7 минут	Упражнение выполняется с максимальтным усилием, в гипоксической маске
3	Закатка (спокойная езда)	3 минуты	Упражнение направлено на восстановление и выполняется без гипоксической маски.
Пятница			
1	Максимальное ускорение на велотренажере, с высокой мощностью, в гипоксической маске	10 минут	Следить за отсутствием снижения скорости. Упражнение выполняется в маске
2	Равномерная езда на велотренажере в гипоксической маске	3 минуты	Упражнение выполняется при пульсе 140-160 уд/мин.
3	Максимальное ускорение на велотренажере с высокой мощностью, в гипоксической маске	2 минуты	Следить за отсутствием снижения скорости. Упражнение выполняется в маске
4	Закатка (спокойная езда)	5 минут	Упражнение направлено на восстановление и выполняется без гипоксической маски.

В Таблице 2 представлены результаты испытуемых контрольной и экспериментальной групп до и после педагогического эксперимента. Результаты эксперимента подтвердили эффективность подхода: в ЭГ существенно выросли ключевые показатели — максимальное потребление кислорода (с 61,2 до 69,4), обороты педалей за 5 минут (с 567 до 584), результаты в гонке на 10 км (с 13,06±0,5 до 12,01±0,3 мин) и показатель PWC 170 (с 1128,6 до 1393,9 кгм/мин). При этом мониторинг физиологических параметров, к которым относятся мощность работы, ЧСС, дыхательные показатели и др., показал, что комплекс не оказывает негативного влияния на организм и способствует развитию выносливости.

Таблица 2. Динамика показателей тестирования велосипедистов контрольной и экспериментальной групп до и после эксперимента (n=12).

Название тестирования	Группа	До эксперимента	После эксперимента	Достоверные показатели t-критерия Стьюдента
Проба Генчи (на выдохе).	Контрольная	61,4 (сек)	62,3 (сек)	P<0,05
	Экспериментальная	61,2 (сек)	69,4 (сек)	P<0,05
Вращение педалей на велостанке	Контрольная	568	570	P<0,05
	Экспериментальная	567	584	P<0,05
Контрольные соревнования (Индивидуальная гонка на шоссе 10 км)	Контрольная	13,04±5 (мин)	12,58±0,4 (мин)	P<0,05
	Экспериментальная	13,06±0,5 (мин)	12,01±0,5 (мин)	P<0,05
Тест PWC170	Контрольная	1124,9±170,8 (кгм/мин)	1287,3±187,7 (кгм/мин)	P<0,05
	Экспериментальная	1128,6±170,8 (кгм/мин)	1393,9±207,9 (кгм/мин)	P<0,05

Показатели пробы Генчи. В ходе пробы, в КГ результаты проб в среднем улучшились 0,9 секунд, а в ЭГ на 8,2 секунды.

Шкала Борга. После завершения езды на велосипеде на предельной скорости в течение 15 минут, спортсмены в контрольной и экспериментальной группах оценивали свое состояние после нагрузки с использованием Шкалы Борга. Результаты после проведения эксперимента в КГ: очень-очень тяжело (19 баллов) – 10 велосипедистов, очень тяжело (18 баллов) – 2 велосипедиста. В ЭГ - очень тяжело (18 баллов) – 1 велосипедист, очень тяжело (17 баллов) – 2 велосипедиста, трудно тяжело (16 баллов) – 9 велосипедистов. Таким образом, велосипедисты из ЭГ, после эксперимента с применением гипоксической тренировки, в рамках собственных ощущений переносят нагрузку лучше, чем велосипедисты КГ.

Каденс. После проведения эксперимента результаты тестирования распределились следующим образом: в КГ – 570 оборотов, в ЭГ – 584 оборотов. Таким образом, до и после эксперимента было выявлено среднее улучшение показателей оборотов в КГ на 2 оборота, в ЭГ на 17 оборотов.

Индивидуальная гонка 10 км. В начале эксперимента обе группы имели примерно равный уровень спортивной подготовленности, а после эксперимента несмотря на положительное изменение в обеих группах, результаты заметно отличаются. После проведения эксперимента наблюдается существенно больший показатель в экспериментальной группе.

Тест PWC 170. Методика проведения данного теста представляет собой последовательное выполнение на велоэргометре двух 5-минутных нагрузок в равномерном темпе (вращение педалей), разделенные 3-минутным отдыхом. После каждой нагрузки регистрировали ЧСС. Первая нагрузка – мощность работы подбиралась из расчета 1 Вт (6 кгм/мин) на 1 кг массы тела. Вторая нагрузка – устанавливалась из расчёта 2 Вт (12 кгм/мин) на 1 кг массы тела. Исходное состояние аэробной производительности (PWC170) находилось в пределах средних значений для исследуемой возрастной группы в контрольной. После проведения тренировок с гипоксической маской в ЭГ у спортсменов наблюдалось улучшение показателя PWC170. Среднее значение в КГ составило 1287±187,7, в ЭГ – 1393,9±207,9 кгм/мин. Результаты КГ после проведения

эксперимента оцениваются по шкале как средние, а результаты ЭГ находятся в диапазоне выше среднего.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕККОМЕНДАЦИИ. Для тренеров важно регулярно оценивать физическую форму велосипедистов через тесты на аэробную выносливость и использовать пульсометры и газоанализаторы для мониторинга состояния спортсменов. Внедрение гипоксических тренировок должно быть постепенным, начиная с 10-15% от общего объема тренировок, с применением как искусственных, так и естественных методов создания гипоксии.

Необходимо постепенно увеличивать нагрузку, чередуя гипоксические тренировки с аэробными для предотвращения перетренированности. Важно комбинировать различные методы тренировок и обеспечивать адекватное восстановление через массаж и физиотерапию, следя за режимом сна и питания спортсменов. Психологическая подготовка, включающая обучение методам управления стрессом, также играет ключевую роль.

Спортсменам рекомендуется строго следовать тренировочному плану, ведя дневник тренировок для самоконтроля. Освоение техники правильного дыхания при выполнении гипоксических упражнений улучшит насыщение крови кислородом. Гидратация и питание должны быть на оптимальном уровне как во время гипоксических тренировок, так и в повседневной жизни.

Самоконтроль и своевременное сообщение тренеру о любых неприятных ощущениях помогут избежать переутомления. Психологическая устойчивость и методы релаксации помогут справиться с дискомфортом и повысить уверенность в своих силах. Комплексный подход к тренировкам, включающий физическую и психологическую подготовку, обеспечит высокие результаты в развитии выносливости у велосипедистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Алиев Д.Ф., Кудря О.Н. Гипероксия как средство восстановления пловцов после тренировочных занятий разной направленности // Биологические науки. 2021. № 3 (105), ч. 2. С. 6–10.
2. Иванченко Е.И. Теория и практика спорта: учебное пособие: в 3 частях. 3-е изд. Минск: БГУФК, 2021. 295 с.
3. Кушнарева Ю.В., Абуталимова С.М., Попов А.Н. Возможности применения гипербарической оксигенации для восстановления функционального состояния спортсменов, перенесших ранее COVID-19 // Российский журнал спортивной науки: медицина, физиология, тренировка. 2023. Т. 2, № 1. С. 30–35.
4. Литвицкий П.Ф. Гипоксия // Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова. Москва, 2016. С. 45–58.
5. Полевщиков М.М., Роженцов В.В., Шабрукова Н.П., Палагин Ю.С. Количественная оценка уровня развития физической выносливости // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Образование, здравоохранение, физическая культура. 2010. № 6 (182). С. 119–122.
6. Радченко А.С., Шабанов П.Д. Влияние гипероксии и гипоксии на адаптацию при мышечной работе // Обзоры по клинической фармакологии и лекарственной терапии. 2018. № 3. С. 68–77.
7. Быков Е.В., Балберова О.В., Сидоркина Е.Г. [и др.] Разработка и научное обоснование модельных характеристик спортсменов циклических видов спорта с учётом специфики тренировочного процесса по показателям функциональной подготовленности на разных этапах подготовки. Челябинск: УралГУФК, 2021. 52 с.
8. Gangwar A., Paul S., Ahmad Y., Bhargava K. Intermittent hypoxia modulates redox homeostasis, lipid metabolism associated inflammatory processes and redox post-translational modifications: benefits at high altitude // Scientific Reports. 2020. Vol. 10, No. 1. Art. 7899. DOI 10.1038/s41598-020-64848-x.

9. Pircher T., Wackerhage H., Aszodi A. [et al.] Hypoxic signaling in skeletal muscle maintenance and regeneration: a systematic review // Frontiers in Physiology. 2021. Vol. 12.

10. Sperlich B., Calbet J.A.L., Boushel R., Holmberg H.C. Is the use of hyperoxia in sports effective, safe and ethical? // Wiley Online Library. 2016. URL: https://onlinelibrary.wiley.com (дата обращения: 01.08.2026)

Novikova D.A.
master's degree student
Department of Theory and Methodology of Cycling and Triathlon
National State University of Physical Culture, Sports and Health
named after P.F. Lesgaft
(St. Petersburg, Russia)

DEVELOPMENT OF SPECIAL ENDURANCE IN ROAD CYCLISTS USING HYPOXIC TRAINING

Abstract: *this study proposes an exercise program incorporating hypoxic training, tested in an experiment involving 20 highly trained cyclists. Following a review of literature on special endurance development in highly qualified road cyclists, the program was developed and introduced into the training process. Participants were divided into control and experimental groups and tested before and after the program was introduced. The results showed that the proposed program was associated with improved special endurance in cyclists.*

Keywords: *road cycling, highly qualified cyclist, special endurance, hypoxic training, hypoxic mask, physical training, exercise program.*

УДК 796

Парамонов М.А.
магистрант 3 курса
кафедра теории и методики плавания
Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ПЛАВАТЕЛЬНАЯ ПОДГОТОВКА ТРИАТЛОНИСТОВ В ГРУППЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

***Аннотация**: в статье рассматриваются особенности совершенствования техники плавания кролем на груди у триатлонистов группы совершенствования спортивного мастерства. Для определения основных проблем плавательной подготовки использованы результаты анкетирования 20 тренеров, работающих с триатлонистами. Для оценки уровня технической подготовленности применялось контрольное упражнение — проплывание 100 м кролем на груди с экспертной оценкой техники. Определены наиболее распространённые технические ошибки спортсменов и рассмотрены специальные упражнения, направленные на их коррекцию. Представлен комплекс упражнений на воде и суше, включающий работу над положением тела, дыханием, захватом воды, высоким положением локтя и ротацией корпуса.*

***Ключевые слова**: триатлон, плавательная подготовка, кроль на груди, техника плавания, техническая ошибка, специальное упражнение.*

ВВЕДЕНИЕ.

Плавательная подготовка является важной составляющей тренировочного процесса триатлонистов. Несмотря на то, что плавательный этап занимает меньшую продолжительность по сравнению с велосипедным и беговым этапами, ошибки, допущенные в воде, могут приводить к повышенным энергетическим затратам и отрицательно влиять на дальнейшую работоспособность спортсмена [1, 2, 4].

Особое значение техническая подготовка приобретает на этапе совершенствования спортивного мастерства. Спортсмен должен не только демонстрировать высокую скорость плавания, но и сохранять рациональную технику при увеличении продолжительности работы и появлении утомления. Для триатлониста большое значение имеет экономичность плавания, поскольку необходимо сохранить функциональные возможности для последующих этапов соревнования [3].

Для триатлониста большое значение имеет экономичность плавания, поскольку плавательный этап непосредственно предшествует велосипедной и беговой нагрузке. Рациональная техника позволяет более эффективно использовать энергетические ресурсы и сохранять работоспособность для последующих этапов соревнования [4].

В исходном исследовании для определения проблем организации плавательной подготовки был проведён анонимный опрос тренеров. В нём приняли участие 20 специалистов, работающих с триатлонистами группы спортивного совершенствования. Опрос проводился в ноябре 2025 года. Результаты опроса использовались для определения основных направлений технической подготовки. Кроме того, проводилось педагогическое тестирование, включавшее оценку техники плавания кролем на груди на дистанции 100 м.

Цель исследования — определить основные проблемы техники плавания триатлонистов и обосновать содержание комплекса упражнений, направленного на их коррекцию.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи: определить наиболее распространённые технические ошибки по результатам опроса тренеров, оценить уровень техники плавания кролем на груди у спортсменов, определить соответствующие технические упражнения, представить комплекс упражнений, направленный на устранение выявленных ошибок.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В исследовании применялись анализ научно-методической литературы, анкетирование, педагогический эксперимент, спортивно-педагогическое тестирование и методы математической обработки данных.

Опрос проводился в форме анкетирования. В нём приняли участие 20 тренеров из города Санкт-Петербург. Основной задачей опроса являлось выявление наиболее распространённых проблем плавательной подготовки, технических ошибок и используемых тренерами средств совершенствования техники.

Контрольным упражнением являлось проплывание 100 м кролем на груди с экспертной оценкой техники. При оценивании учитывались положение тела в воде, работа ног, работа рук, согласованность движений рук и ног, техника дыхания, положение головы и способность сохранять рациональную технику на протяжении всей дистанции.

Оценивание проводилось по пятибалльной шкале. Оценка «5» выставлялась при правильном выполнении техники без существенных ошибок, стабильном положении тела, правильной работе рук и ног, согласованном дыхании и сохранении техники на протяжении всей дистанции. Оценка «4» соответствовала в целом правильной технике при наличии отдельных незначительных ошибок. Оценка «3» характеризовала наличие заметных ошибок в положении тела, работе рук или ног, дыхании либо положении головы, а также снижение качества техники к концу дистанции. Оценка «2» соответствовала многочисленным существенным ошибкам и невозможности сохранять рациональную технику на протяжении 100 м.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ТРЕНЕРОВ.

Первый вопрос анкеты был связан с количеством плавательных тренировок в неделю. По результатам опроса, 45% тренеров проводят 3–4 плавательные тренировки в неделю, 35% — 5–6 тренировок. Ещё по 10% специалистов указали на проведение 1–2 тренировок и более 6 тренировок в неделю. Таким образом, для большинства специалистов характерно проведение от 3 до 6 плавательных тренировок в неделю.

Особый интерес представлял вопрос о факторах, ограничивающих результат спортсменов на плавательном этапе. 65% тренеров назвали несовершенство техники плавания кролем на груди. На втором месте оказалась недостаточная силовая выносливость мышц плечевого пояса и рук — 55%, на третьем — недостаточная аэробная выносливость — 50%. Полученные результаты свидетельствуют о том, что совершенствование техники является одним из наиболее значимых направлений подготовки триатлонистов и представлены в таблице 1.

Таблица 1. Основные технические проблемы по результатам опроса тренеров.

Техническая проблема	Доля тренеров, %	Направление коррекции
Ошибки дыхания, подъём головы, зажатость плечевого пояса	70	Дыхание, положение головы
Опускание локтя, слабый захват воды	65	Высокий локоть, catch
Укорочение гребка при утомлении	55	Длина гребка, темп
Низкое положение бёдер и ног	50	Баланс тела, колобашка
Недостаточная ротация корпуса	45	«6-3-6», упражнения на боку
Излишне интенсивная работа ногами	35	Контроль работы ног

Техническая проблема	Доля тренеров, %	Направление коррекции
Асимметрия гребка правой и левой рукой	30	Catch-up, видеоанализ

Наиболее часто тренеры отмечали ошибки дыхания — 70%. К ним относились подъём головы, задержка дыхания и зажатость плечевого пояса. Второй по распространённости проблемой стало опускание локтя и слабый захват воды — 65%. Более половины тренеров также отметили укорочение гребка и переход на частый темп при утомлении — 55%. Низкое положение бёдер и ног отметили 50%, недостаточную ротацию корпуса — 45%. Таким образом, данные опроса позволяют определить конкретные направления коррекции: дыхание, положение головы, работа рук, захват воды, положение тела и ротация корпуса.

СРЕДСТВА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ.

Результаты опроса показали, что тренеры используют различные специальные упражнения. Наиболее распространёнными средствами стали упражнения типа catch-up, «6-3-6» и упражнения с акцентом на высокий локоть — 80%. Плавание с колобашкой используют 75% тренеров. Контроль количества гребков и темпа применяют 60%, дыхательные упражнения — 50%, плавание с лопатками уменьшенного размера — 45%, имитацию гребка на суше — 40%, видеоанализ — 35%.

Полученные данные позволяют сформировать комплекс упражнений непосредственно под выявленные технические проблемы. Важным условием является выполнение упражнений с контролем качества движений, а не только с заданной скоростью или объёмом.

КОМПЛЕКС УПРАЖНЕНИЙ, НАПРАВЛЕННЫЙ НА СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ТЕХНИКИ.

Основу комплекса составили специальные упражнения, выбранные в соответствии с результатами анкетирования и контрольного тестирования. Комплекс включает упражнения на воде и на суше и представлен в таблице 2.

Таблица 2. Комплекс упражнений на воде.

Упражнение	Дозировка	Методические указания
Плавание с акцентом на высокий локоть	6×50 м, отдых 30–45 с	Следить, чтобы локоть находился выше кисти в фазе подтягивания. При появлении прямой руки снизить темп.
Плавание с лопатками уменьшенного размера	6×50 м, отдых 30–45 с	Использовать небольшие лопатки для улучшения ощущения захвата воды. Не допускать перегрузки плечевого сустава.
Плавание с колобашкой	4×100 м, отдых 20–30 с	Контролировать положение бёдер и симметричность работы рук.
Catch-up	8×50 м, отдых 20–30 с	Сохранять вытянутое положение тела и фазу скольжения. Не допускать нарушения дыхания.
«6-3-6»	8×25 м, отдых 20 с	6 ударов ногами на боку — 3 гребка — 6 ударов на другом боку. Контролировать ротацию корпуса.
Дыхательные упражнения	6×50 м, отдых 30 с	Постепенно изменять частоту вдохов при сохранении техники гребка.
Видеоанализ	4–6×25 м, 1 раз в 2 недели	Анализировать вход руки, захват, подтягивание, отталкивание и пронос руки.

Данный блок непосредственно соответствует результатам опроса. Например, упражнение с высоким локтем направлено на устранение наиболее распространённой ошибки работы рук — опускания локтя и слабого захвата воды. Упражнение catch-up используется для улучшения баланса тела и удлинения фазы скольжения, а «6-3-6» — для формирования правильной ротации корпуса.

Для коррекции дыхательного паттерна использовались дыхательные упражнения с постепенным изменением частоты вдохов. При этом важным условием являлось сохранение техники: при появлении зажатости плечевого пояса или нарушении положения тела дальнейшее увеличение интервала дыхания прекращалось.

Отдельное значение имеет видеоанализ. Его использование позволяет рассматривать отдельные фазы гребка покадрово и сравнивать технику спортсмена не только с эталонным вариантом, но и с его предыдущими результатами.

УПРАЖНЕНИЯ НА СУШЕ.

1. Имитация гребка с резиновым амортизатором — 3×1–2 мин, отдых 1 мин. Основное внимание уделяется траектории руки и высокому положению локтя.

2. Мобилизационные упражнения для плечевого пояса — 2–3×10–12 повторений. Используются вращения с гимнастической палкой, упражнения на подвижность плечевых суставов и растяжку.

3. Планка — 3×30–45 с.

4. Боковая планка — 3×20–30 с на каждую сторону.

5. «Супермен» — 3×12–15 повторений.

Эти упражнения направлены на улучшение подвижности плечевого пояса и стабильности корпуса, что необходимо для сохранения правильного положения тела при плавании.

РЕЗУЛЬТАТЫ КОНТРОЛЬНОГО УПРАЖНЕНИЯ.

До начала педагогического эксперимента средняя оценка техники плавания кролем на груди на дистанции 100 м составляла 2,60±0,11 балла в контрольной группе и 2,55±0,11 балла в экспериментальной группе.

После шести месяцев тренировочного воздействия показатель контрольной группы повысился до 3,05±0,10 балла, тогда как в экспериментальной группе результат составил 4,55 балла. Различия были статистически достоверными — $p<0,001$.

В контрольной группе прирост составил 0,45 балла, в экспериментальной — 2,00 балла. Таким образом, улучшение оценки техники в экспериментальной группе было значительно более выраженным. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Динамика оценки техники плавания кролем на груди.

Группа	До эксперимента	После эксперимента	Прирост
Контрольная	2,60±0,11	3,05±0,10	+0,45
Экспериментальная	2,55±0,11	4,55±0,10	+2,00

Полученные результаты согласуются с данными анкетирования. Большинство тренеров рассматривали технику плавания как один из основных факторов, ограничивающих результат на плавательном этапе. При этом наиболее распространённые ошибки, выявленные в ходе опроса, непосредственно соответствуют содержанию применяемого технического комплекса.

В частности, работа над высоким локтем и захватом воды соответствовала проблеме, которую отметили 65% тренеров. Упражнение «6-3-6» было направлено на устранение недостаточной ротации корпуса, отмеченной 45% специалистов. Дыхательные упражнения соответствовали наиболее распространённой группе ошибок — нарушениям дыхательного паттерна, которые выявили 70% тренеров.

Следовательно, использование результатов опроса для выбора тренировочных средств позволило сформировать адресный комплекс технической подготовки, направленный не просто на увеличение плавательного объёма, а на устранение конкретных ошибок.

Контрольное упражнение по оценке техники на дистанции 100 м может использоваться не только как средство итогового контроля, но и как инструмент управления тренировочным процессом. Полученная оценка позволяет определить наиболее проблемные элементы и скорректировать содержание последующих занятий.

ВЫВОДЫ.

По результатам исследования установлено, что основными факторами, ограничивающими эффективность плавательного этапа триатлона, являются недостатки техники кроля на груди, нарушения дыхания, снижение качества гребка и недостаточная ротация корпуса. Применение комплекса специальных упражнений, направленного на коррекцию выявленных технических ошибок, способствовало выраженному улучшению техники плавания. Средняя оценка в экспериментальной группе увеличилась с 2,55 до 4,55 балла, тогда как в контрольной группе — с 2,60 до 3,05 балла. Полученные результаты подтверждают эффективность целенаправленной технической подготовки и целесообразность её систематического применения в тренировочном процессе триатлонистов группы совершенствования спортивного мастерства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Давыдов В.Ю., Королевич А.Н., Синицин А.С., Шарова Л.А., Карюк Л.С. Силовая подготовленность спринтеров и стайеров в плавании // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2014. № 1. С. 125–130

2. Курсанова Е.В., Анфилатова О.В. Развитие силовых способностей пловцов 14–16 лет методом применения специальных упражнений // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2020. Т. 19, № 3. С. 76–85
3. Сусоева А.В., Куделин А.Б. Развитие базовых двигательных способностей пловцов на основе метода сопряженного воздействия // Олимпизм, олимпийское движение и олимпийское образование. Смоленск, 2021. С. 131–133
4. Холодов Ж.К., Кузнецов В.С. Теория и методика физической культуры и спорта. 12-е изд., испр. М.: Академия, 2014. 480 с.

Paramonov M.A.
master's degree student of 3rd year
Department of Swimming Theory and Methodology
National State University of Physical Culture, Sports and Health
named after P.F. Lesgaft
(St. Petersburg, Russia)

SWIMMING TRAINING FOR TRIATHLETES IN A SPORTS MASTERY IMPROVEMENT GROUP

Abstract: *this article examines how front crawl technique can be improved among triathletes in a sports mastery improvement group. Responses from 20 coaches working with triathletes were used to identify key challenges in swimming training. Technical proficiency was assessed through a 100 m front crawl swim, with technique evaluated by experts. The most common technical errors were identified, and drills aimed at correcting them were examined. A set of in-water and dryland exercises is presented, focusing on body position, breathing, the catch, a high elbow position, and body rotation.*

Keywords: *triathlon, swimming training, front crawl, swimming technique, technical error, specialized exercise.*

УДК 796

Парамонова А.Н.
магистрант 3 курса
кафедра теории и методики плавания
Национальный государственный университет физической культуры,
спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта
(г. Санкт-Петербург, Россия)

ГИПОКСИЧЕСКАЯ ТРЕНИРОВКА ПЛОВЦОВ-СПРИНТЕРОВ В ГРУППЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СПОРТИВНОГО МАСТЕРСТВА

***Аннотация**: в статье рассматриваются особенности применения гипоксической тренировки в подготовке пловцов-спринтеров 14-15 лет на этапе совершенствования спортивного мастерства. Для определения распространенности гипоксических средств и особенностей их использования проведено анкетирование 20 тренеров по плаванию. Для оценки специальной подготовленности проанализированы результаты контрольных упражнений: проплывание 50 и 100 м кролем на груди на время, серия 6×25 м кролем на груди с интервалом отдыха 30 с и ограничением дыхания, а также тест Вингейта для оценки пиковой анаэробной мощности. Полученные данные свидетельствуют о положительной динамике показателей в обеих группах, при этом в экспериментальной группе изменения были более выраженными.*

***Ключевые слова**: гипоксическая тренировка, пловец-спринтер, совершенствование спортивного мастерства, ограничение дыхания, специальная подготовленность, анаэробная мощность.*

ВВЕДЕНИЕ.

Спортивное плавание на спринтерских дистанциях предъявляет высокие требования к способности спортсмена быстро реализовывать скоростно-силовой потенциал, сохранять рациональную технику и поддерживать заданную скорость в условиях выраженного метаболического напряжения. На дистанциях 50 и 100 м вольным стилем существенное значение имеют стартовая мощность, эффективность гребковых движений, согласованность дыхания и способность сохранять структуру движения при нарастающем утомлении. В связи с этим в тренировочном процессе пловцов-спринтеров применяются специальные средства, направленные на повышение устойчивости к гипоксии и совершенствование дыхательного паттерна.

Гипоксическая тренировка может реализовываться различными способами, включая интервальную гипоксию, произвольную гиповентиляцию и ограничение числа вдохов во время плавания. Экспериментальные работы показывают, что добровольная гиповентиляция способна создавать выраженный гипоксический стимул непосредственно во время плавания, а тренировка при гиповентиляции на низком объеме легких может сопровождаться изменениями анаэробного метаболизма и плавательной работоспособности [1, 2]. В то же время данные сравнительных исследований указывают на неоднозначность преимуществ гипоксической программы по сравнению с тренировкой в нормоксии, что требует осторожной интерпретации результатов [3].

Для спортсменов группы совершенствования спортивного мастерства вопрос является особенно актуальным, поскольку тренировочный процесс должен сочетать высокую интенсивность с контролем функционального состояния и безопасностью применения средств с ограничением дыхания. Практическое значение имеет не только изменение физиологических показателей, но и способность спортсмена сохранять скорость плавания в условиях повторной высокоинтенсивной работы.

Цель исследования — оценить особенности применения гипоксической подготовки в практике тренеров и динамику специальных показателей у пловцов-спринтеров группы совершенствования спортивного мастерства на основе опроса и результатов контрольных тестов 50 и 100 м кролем на груди, теста 6×25 м и теста Вингейта.

Задачи исследования: выявить распространенность гипоксической подготовки среди тренеров, определить основные средства и способы контроля гипоксической нагрузки, оценить динамику результата в тестах 50 и 100 м кролем на груди и в серии 6×25 м, оценить динамику пиковой анаэробной мощности по тесту Вингейта, сопоставить изменения в контрольной и экспериментальной группах.

МЕТОДЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.

В исследовании применялись анализ научно-методической литературы, анкетирование, педагогический эксперимент, спортивно-педагогическое тестирование и методы математической обработки данных. Анкетирование проводилось в сентябре 2025 года. В нем приняли участие 20 тренеров по плаванию из города Санкт-Петербург, имеющих опыт работы от 5 до 20 лет. Анкета была направлена на выявление частоты применения гипоксической подготовки, используемых средств, способов контроля переносимости нагрузки и отношения специалистов к применению гипоксических воздействий у спортсменов 14–15 лет.

Для анализа отобраны четыре показателя из комплекса педагогического тестирования. Тест 1 — проплывание 50 м кролем на груди с тумбы на время, одна попытка, результат фиксировался с точностью до сотых секунды. Дополнительно анализировалось проплывание 100 м кролем на груди с тумбы на время, одна попытка, с фиксацией результата до сотых секунды. Тест 6×25 м кролем на груди выполнялся в виде шести отрезков по 25 м с соревновательной скоростью и интервалом отдыха 30 с, на каждом отрезке разрешалось делать не более 1–2 вдохов, старт выполнялся из воды, предоставлялась одна попытка,

время каждого отрезка фиксировалось с точностью до сотых секунды, а для анализа использовалось среднее время серии. Тест Вингейта использовался для оценки пиковой анаэробной мощности, результат выражался в Вт/кг.

При обработке результатов использовались средние значения и стандартные ошибки среднего. Статистическая значимость различий оценивалась по данным исходного исследования с использованием t-критерия.

РАЗРАБОТАННЫЙ КОМПЛЕКС ГИПОКСИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ.

Комплекс включал три основных блока: гипоксическую адаптацию, совершенствование техники дыхания и развитие скоростно-силовых способностей. Подбор упражнений соответствовал специфике спринтерского плавания и был направлен на сохранение скорости, длины гребка и качества техники при дозированном ограничении дыхания. Дозировка корректировалась индивидуально в зависимости от подготовленности спортсмена и реакции на нагрузку.

При выполнении упражнений с задержкой дыхания обязательны постоянное наблюдение тренера, постепенное увеличение нагрузки и прекращение упражнения при нарушении техники, головокружении или выраженном дискомфорте. Гипоксические упражнения в воде выполнялись только в организованных условиях под непосредственным контролем тренера. Комплекс упражнений представлен в таблицах 1-3.

Таблица 1. Упражнения в воде для гипоксической адаптации.

Упражнение	Дозировка	Основные указания
Короткие спринты с ограничением дыхания	2–3 занятия в неделю, объём индивидуально	Соревновательный или близкий к нему темп, сохранять длину и частоту гребка, при ухудшении техники прекращать повторение.
Проныривание под водой на 15–25 м	6–10 повторений	Обтекаемое положение тела, мощный толчок от стенки, отдых индивидуальный, без форсирования.

Упражнение	Дозировка	Основные указания
4×50 м вольным стилем с задержкой дыхания на последних 10–15 м	4×50 м	Первые 35–40 м — обычное дыхание, на финишном участке — ограничение дыхания при сохранении техники.
Гипоксические 25-метровки	8×25 м	Первые 12,5 м — обычное дыхание, вторые 12,5 м — без вдоха, скорость не снижать.

Таблица 2. Упражнения в воде для совершенствования техники дыхания.

Упражнение	Дозировка	Основные указания
Плавание с уменьшённым количеством вдохов	15–20 мин, ЧСС 145–165 уд/мин	Переход от более частого к редкому дыханию только при сохранении техники и скорости.
6×25 м с нарастающим ограничением вдохов	6×25 м	Ограничение количества вдохов увеличивается от повторения к повторению, не допускать укорочения гребка.
Прогрессивная схема дыхания	4–6 серий: 3-й → 5-й → 7-й гребок	Сохранять стабильную скорость и симметрию гребка.
Билатеральное дыхание кролем	4×50 м	Чередовать сторону вдоха, контролировать симметрию движений.

Таблица 3. Упражнение в воде на развитие скоростно-силовых способностей.

Упражнение	Дозировка	Основные указания
Старты и отрезки 10–15 м с максимальным усилием	200–400 м за тренировку, отдых 2,5–3 мин	Каждое повторение выполнять с максимальным качеством и полным восстановлением.
Плавание с лопатками и резиновыми амортизаторами	6×25 м	Максимальное усилие при сохранении траектории гребка и техники.
Старты с тумбочки/из воды на 10–15 м	6–8 повторений, отдых 2–3 мин	Мощный толчок и сохранение скорости на всём отрезке.
Плавание с сопротивлением («парашют»)	4×25 м	Сопротивление подбирать индивидуально, не допуская нарушения техники.

Комплекс применялся как дополнительная часть тренировочного процесса, а не как замена основной плавательной подготовке. Его содержание соотносилось с задачами спринтерской специализации: короткие гипоксические отрезки использовались для повышения устойчивости к ограничению дыхания, упражнения с уменьшением количества вдохов — для совершенствования дыхательной координации, а скоростно-силовые упражнения — для развития мощности стартовых и плавательных действий.

РЕЗУЛЬТАТЫ ОПРОСА ТРЕНЕРОВ.

По результатам анкетирования установлено, что гипоксическая подготовка используется в практике тренеров неоднородно. Половина опрошенных специалистов указала на регулярное применение гипоксических средств у пловцов 14–15 лет группы ССМ, 25% используют их эпизодически, еще 25% не включают гипоксическую подготовку в тренировочный процесс.

Среди применяемых средств наиболее часто отмечались задержки дыхания на суше и в воде — 26%, ограничение количества вдохов при плавании — 24%, проныривание и ныряние — 19%. Еще 19% приходилось на использование дыхательных устройств и гипоксикаторов, 12% тренеров указали дыхательную гимнастику. Полученная структура ответов показывает преобладание относительно доступных средств, которые могут применяться непосредственно в бассейне без сложного оборудования.

Контроль переносимости гипоксической нагрузки осуществлялся преимущественно посредством пульсоксиметрии — 47% ответов. Субъективное самочувствие спортсмена учитывали 31% тренеров, контроль времени и качества выполнения упражнения — 13%, а 9% специалистов указали на отсутствие систематического контроля. Такой результат указывает на необходимость более последовательного сочетания объективных и педагогических критериев оценки реакции спортсмена.

По частоте включения гипоксических элементов 50% тренеров указали один раз в неделю, 35% — два-три раза в неделю, 15% не используют такие средства.

ДИНАМИКА РЕЗУЛЬТАТОВ ТЕСТИРОВАНИЯ.

До начала педагогического эксперимента среднее время проплывания 50 м кролем на груди составляло 27,89±0,20 с в контрольной группе и 27,76±0,20 с в экспериментальной. После шести месяцев тренировочного воздействия показатели составили соответственно 27,36±0,15 и 26,77±0,15 с. Снижение времени было отмечено в обеих группах, однако в экспериментальной группе оно оказалось более выраженным: 0,99 с против 0,53 с в контрольной группе. При межгрупповом сравнении после эксперимента преимущество экспериментальной группы составило 0,59 с ($p<0,01$). На дистанции 100 м время снизилось с 58,41±0,17 до 57,84±0,15 с в КГ и с 58,36±0,17 до 56,70±0,78 с в ЭГ, что соответствует снижению на 0,57 и 1,66 с соответственно.

В тесте 6×25 м кролем на груди среднее время серии в контрольной группе уменьшилось с 13,38±0,19 до 13,16±0,18 с, то есть на 0,22 с ($p<0,01$). В экспериментальной группе показатель снизился с 13,40±0,20 до 12,93±0,18 с, прирост специальной работоспособности составил 0,47 с ($p<0,001$). После эксперимента экспериментальная группа выполняла серию в среднем на 0,23 с быстрее контрольной ($p<0,05$). Таким образом, именно в повторной высокоинтенсивной работе с ограничением дыхания преимущество экспериментального комплекса упражнений проявилось более отчетливо.

В тесте Вингейта положительная динамика отмечена в обеих группах. Пиковая анаэробная мощность в контрольной группе увеличилась с 9,31±0,22 до 9,81±0,25 Вт/кг, то есть на 0,50 Вт/кг. В экспериментальной группе показатель увеличился с 9,40±0,27 до 10,25±0,28 Вт/кг, прирост составил 0,85 Вт/кг. После эксперимента преимущество экспериментальной группы составило 0,44 Вт/кг, межгрупповое различие оценивалось как статистически значимое ($p<0,05$). Полученные результаты в совокупности указывают на более выраженную положительную динамику экспериментальной группы по всем включенным в анализ показателям, однако их следует рассматривать как результат комплексного тренировочного воздействия. Все результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. Результаты КГ и ЭГ.

Контрольное упражнение	КГ до ПЭ	КГ после ПЭ	ЭГ до ПЭ	ЭГ после ПЭ
50 м кролем на груди, с	27,89±0,20	27,36±0,15	27,76±0,20	26,77±0,15
100 м кролем на груди, с	58,41±0,17	57,84±0,15	58,36±0,17	56,70±0,78
6×25 м кролем на груди, среднее время серии, с	13,38±0,19	13,16±0,18	13,40±0,20	12,93±0,18
Тест Вингейта, пиковая анаэробная мощность, Вт/кг	9,31±0,22	9,81±0,25	9,40±0,27	10,25±0,28

*ПЭ – педагогический эксперимент.

Полученные данные согласуются с представлением о том, что гипоксический стимул должен быть тесно связан с характером основной тренировочной работы. В отечественной литературе интервальная гипоксическая тренировка рассматривается как средство направленного воздействия на функциональные возможности спортсменов и повышения устойчивости к гипоксическим нагрузкам [1]. Исследования спортсменов при прерывных задержках дыхания показывают выраженные изменения частоты сердечных сокращений и насыщения артериальной крови кислородом, что подтверждает необходимость дозирования такого воздействия [2]. При этом функциональное обеспечение физической работы в условиях задержки дыхания зависит от уровня специальной подготовленности спортсмена.

В настоящем исследовании экспериментальная группа показала более выраженное сокращение времени на дистанциях 50 и 100 м, в серии 6×25 м с ограничением дыхания, а также больший прирост пиковой анаэробной мощности. Особенно показателен результат серии 6×25 м: при одинаковом интервале отдыха 30 с и ограничении дыхания экспериментальная группа сократила среднее время серии на 0,47 с против 0,22 с в контрольной, а после эксперимента имела преимущество 0,23 с ($p<0,05$).

Это позволяет рассматривать данный тест как дополнительный педагогический показатель способности многократно реализовывать высокую скорость в условиях ограниченного дыхания. Наиболее вероятным объяснением выявленной динамики может быть комплексное влияние систематизированного ограничения дыхания, скоростной работы и направленности тренировочного воздействия.

ВЫВОДЫ.

Проведенное исследование показало, что гипоксическая подготовка достаточно широко представлена в практике тренеров, однако применяется неоднородно по частоте, содержанию и способам контроля. По результатам педагогического эксперимента положительная динамика отмечена в обеих группах: время 50-метрового проплывания уменьшилось на 0,53 с в контрольной и на 0,99 с в экспериментальной группе, время 100-метрового проплывания — на 0,57 и 1,66 с соответственно, пиковая анаэробная мощность по тесту Вингейта увеличилась на 0,50 и 0,85 Вт/кг. Более выраженное улучшение показателей экспериментальной группы позволяет рассматривать систематизированное включение гипоксических средств как дополнительное направление подготовки пловцов-спринтеров. При этом результаты требуют осторожной интерпретации с учетом небольшой выборки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Волков Н.И., Карасев А.В., Сметанин В.Я., Смирнов В.В. Интервальная гипоксическая тренировка. М.: Военная академия РВСН имени Петра Великого, 2000. 91 с.
2. Вагин Ю.Е., Зеленкова И.Е., Фудин Н.А. Функциональные изменения у спортсменов при увеличивающихся прерывных задержках дыхания в ходе физической нагрузки // Наука и спорт: современные тенденции. 2018. Т. 20, № 3. С. 6–11
3. Нафеева А.А., Зеленкова И.Е., Кулин А.А., Чернышов С.В., Вагин Ю.Е., Киселкина М.Н. Функциональное обеспечение физического напряжения спортсменов при задержке дыхания // Вестник новых медицинских технологий. Электронный журнал. 2014. № 1. С. 1–10. DOI 10.12737/5943

Paramonova A.N.
master's degree student of 3rd year
Department of Swimming Theory and Methodology
National State University of Physical Culture, Sports and Health
named after P.F. Lesgaft
(St. Petersburg, Russia)

HYPOXIC TRAINING OF SPRINT SWIMMERS IN AN ADVANCED SPORTS TRAINING GROUP

Abstract: *this article examines the use of hypoxic training in preparing sprint swimmers aged 14–15 at the advanced sports training stage. A survey of 20 swimming coaches was conducted to determine how widely hypoxic training methods are used and how they are applied. To assess sport-specific fitness, results from the following tests were analyzed: timed 50 m and 100 m front crawl swims, a set of six 25 m front crawl swims with 30 s rest intervals and restricted breathing, and the Wingate test for peak anaerobic power. Results indicate improvements in both groups, with more pronounced changes in the experimental group.*

Keywords: *hypoxic training, sprint swimmer, sports mastery improvement, restricted breathing, sport-specific fitness, anaerobic power.*

УДК 504.75:656.13

Белоконь Е.А.
студент 3 курса
кафедра управления эксплуатационной
работой и безопасностью на транспорте
Российский университет транспорта (МИИТ)
(г. Москва, Россия)

Сакулина В.А.
студент 3 курса
кафедра управления эксплуатационной
работой и безопасностью на транспорте
Российский университет транспорта (МИИТ)
(г. Москва, Россия)

КАЧЕСТВО ВОЗДУХА В РОССИЙСКИХ ГОРОДАХ: ВКЛАД АВТОТРАНСПОРТА И МЕРЫ ПО СНИЖЕНИЮ

***Аннотация**: в статье проанализирован вклад автотранспорта в загрязнение воздуха российских городов, приведена статистика выбросов и их динамика, рассмотрены воздействие на здоровье и меры по снижению выбросов (альтернативное топливо, электробусы, «Чистый воздух»). Сделан вывод о позитивных тенденциях при недостаточных темпах экологизации.*

***Ключевые слова**: загрязнение атмосферного воздуха, автотранспорт, выбросы, качество воздуха, экологизация транспорта, электробус.*

Качество атмосферного воздуха остаётся одной из наиболее острых экологических проблем российских городов. Ежедневно миллионы граждан подвергаются воздействию вредных веществ, концентрация которых в приземном слое атмосферы многократно превышает установленные нормативы.

Среди всех источников загрязнения особое место занимает автомобильный транспорт — его выбросы концентрируются непосредственно в зоне дыхания человека, а масштабы проблемы продолжают расти вместе с уровнем автомобилизации. Цель данной статьи — проанализировать статистику вклада автотранспорта в загрязнение воздуха российских городов, систематизировать меры по снижению выбросов и рассмотреть наиболее показательные кейсы их практической реализации.

Официальную статистику по выбросам вредных веществ ведёт Росприроднадзор. Согласно исследованиям, 22% всего валового загрязнения воздуха в Российской Федерации приходится на автотранспорт, однако для мегаполисов этот показатель достигает 70–90%. По данным Росгидромета, на долю автотранспорта приходится около 40% всех выбросов загрязняющих веществ в городах России. Распределение выбросов от транспорта по федеральным округам за 2025 год демонстрирует отчётливое лидерство Центрального (22%) и Сибирского (21%) округов, за которыми следуют Дальневосточный (10%), Уральский (9%), а также Северо-Кавказский, Южный и Северо-Западный округа (по 8% каждый). Абсолютными лидерами по объёму загрязнений от передвижных источников стали Москва (308 тыс. тонн), Новосибирская область (263 тыс. тонн) и Красноярский край (203 тыс. тонн). При этом важно отметить, что доля автотранспорта в общем объёме выбросов существенно варьируется: если в Новосибирске она составляет 32%, то в Красноярске — лишь 2,3–3%, поскольку там доминируют промышленные объекты (82,6–93,5%) и автономное отопление.

Ситуация в отдельных городах выглядит ещё более контрастно. В Краснодаре доля автотранспорта в выбросах достигает 90%, в Томске — 70%, в Кемерово — 55–57%. В Санкт-Петербурге этот показатель оценивается в 85,9%. Такая дифференциация требует дифференцированного подхода к разработке природоохранных мер: универсальные решения, эффективные для одного

города, могут оказаться бесполезными или даже контрпродуктивными для другого.

Особенность выбросов автотранспорта заключается в том, что они концентрируются в приземном слое воздуха на высоте 0,5–2 метра от земли, что создаёт условия для их прямого попадания в дыхательные пути пешеходов и жителей нижних этажей зданий. Токсичность отработавших газов определяется наличием широкого спектра соединений: оксиды азота (NOx) провоцируют респираторные заболевания и являются ключевым фактором формирования фотохимического смога, угарный газ (CO) блокирует гемоглобин, вызывая гипоксию тканей, мелкодисперсные частицы PM2.5 и PM10 преодолевают барьеры верхних дыхательных путей, накапливаются в лёгких и вызывают хронические воспаления и онкологические риски. Под влиянием высоких концентраций диоксида азота находится 51,5 млн человек, взвешенных веществ — 23,5 млн, формальдегида и фенола — более 20 млн, бензина и бензола — более 19 млн человек.

К мерам по снижению выбросов автотранспорта можно отнести технологическую модернизацию и альтернативное топливо.

Одним из наиболее действенных направлений снижения выбросов является перевод транспорта на альтернативные виды топлива. В 2025 году продолжилась реализация программ льготного лизинга экологичного транспорта через АО «ГТЛК»: общий объём инвестиций составил 20,4 млрд рублей, было поставлено свыше 1,5 тыс. автобусов в 32 субъекта РФ, из которых 841 работают на газомоторном топливе. В рамках программы комплексного развития городского электрического транспорта по концессионной модели в 2025 году поставлено 139 трамваев — вида транспорта, который не производит выбросов CO, NOx и сажи, работает тихо и не создаёт резиновой пыли.

Развитие газомоторной инфраструктуры охватывает всё больше регионов. В Череповце ежегодно на городские и пригородные маршруты выходят низкопольные автобусы на газомоторном топливе. В Сочи прорабатывается

пилотный проект по расширению применения газомоторного транспорта в городском хозяйстве и пассажирских перевозках. В Амурской области город Свободный стал первым муниципалитетом, полностью переведшим пассажирский парк на газ: по улицам курсируют 33 экоавтобуса и 8 машин «Эко-такси». Санкт-Петербург также развивает транспортную сеть на альтернативных видах топлива: в ноябре 2025 года на маршрут Кингисепп — Петербург вышли пять автобусов, работающих на газе.

Значительный вклад в снижение выбросов вносит корпоративный сектор. Компания АЛРОСА с 2015 года реализует проект по переводу автомобильного транспорта на компримированный природный газ (КПГ). На сегодняшний день на КПГ переведено порядка 300 единиц техники в Мирном и Айхале, а к 2024 году планируется расширить проект на другие активы, доведя долю газомоторного транспорта до 37% от общего автопарка. Реализация проекта позволила не только сократить расходы на топливо примерно в 2,6 раза на 1 км пробега, но и снизить выбросы парниковых газов в CO_2-эквиваленте на 13% на 1 км пробега. В Якутии в 2025 году на метан перевели 904 единицы транспорта, что позволило сократить выбросы серы, бензола и углекислого газа на 20 000 тонн.

Электрификация городского транспорта.

Электрификация общественного транспорта стала одним из наиболее масштабных направлений экологизации. Москва является безусловным лидером в этом процессе: за семь лет благодаря замещению автобусов электробусами удалось избежать выброса около 1 300 тонн загрязняющих веществ, а только за 2025 год предотвращено около 380 тонн выбросов и примерно 110 тыс. тонн эквивалента углекислого газа. Замена одного автобуса на электробус уменьшает выбросы углекислого газа более чем на 60 тонн в год. По состоянию на 2026 год по будням на московских электробусах совершается более 1,2 млн поездок. К 2035 году практически весь парк Мосгортранса планируется перевести на электрическую тягу.

Интеллектуальные транспортные системы.

Перспективным направлением снижения выбросов является внедрение интеллектуальных транспортных систем типа «зелёная волна». Принцип работы заключается в том, что включение разрешающих сигналов светофора происходит к моменту подхода транспортного потока, что обеспечивает равномерное движение и снижает количество остановок. Экологический эффект достигается за счёт уменьшения выбросов CO_2 на 12–18% и оксидов азота (NO_2) на 15–25%. В Волжском «зелёная волна» уже работает на городских магистралях, способствуя увеличению пропускной способности, устранению заторов в часы пик и снижению загазованности. В Москве система «зелёная волна» функционирует на 14 крупных магистралях.

Однако, как показывает анализ, действующее законодательство не содержит специальных норм, стимулирующих внедрение «зелёных волн» как превентивной меры снижения выбросов. Система административной ответственности не может быть использована для стимулирования органов местного самоуправления, поскольку они не являются субъектами ответственности по КоАП РФ. Предлагается дополнить систему показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления новыми индикаторами, отражающими степень внедрения «зелёных волн» на магистралях с высокой интенсивностью движения.

Нормативно-правовое регулирование и квотирование.

Федеральный проект «Чистый воздух», стартовавший в 12 промышленных центрах в 2019 году, выходит на первый рубеж оценки эффективности эксперимента по квотированию выбросов. Согласно Указу Президента, к концу 2026 года снижение опасных выбросов должно составить не менее 20% от уровня 2017 года. Городами-участниками проекта являются Братск, Красноярск, Липецк, Магнитогорск, Медногорск, Нижний Тагил, Новокузнецк, Норильск, Омск, Челябинск, Череповец и Чита.

На начало 2026 года 440 из 625 запланированных экологических мероприятий промышленных предприятий уже подтвердили свою эффективность по результатам проверок Росприроднадзора. В 2025 году в 12 городах было проведено почти 190 тыс. исследований атмосферного воздуха, превышения ПДК выявлены в 1 859 пробах, что составляет менее одного процента от общего массива наблюдений. Целевых показателей достигли Новокузнецк, Норильск, Челябинск и Череповец.

Механизм квотирования выбросов распространяется и на автотранспорт. В Кургане в перечень квотируемых объектов вошли 74 объекта, включая автотранспорт, в Астрахани — 77 объектов, также с включением автотранспорта и автономных источников теплоснабжения. Федеральный закон от 26.07.2019 № 195-ФЗ предусматривает разработку мероприятий, направленных на снижение выбросов транспортных и иных передвижных средств.

Экономические механизмы.

Обсуждаются и экономические инструменты стимулирования снижения выбросов. Минтранс России предложил ввести покилометровую оплату проезда по автодорогам для транспортных средств, работающих на альтернативных видах топлива. Ставка сбора может составить 3,73 рубля на один километр пути. Хотя данная мера вызывает дискуссии, она отражает поиск баланса между стимулированием экологизации транспорта и необходимостью финансирования дорожной инфраструктуры.

Кейсы: успешный опыт российских городов.

Москва: комплексный подход.

Москва демонстрирует наиболее системный подход к снижению выбросов автотранспорта. Помимо масштабной электрификации общественного транспорта, столица реализует программу обновления парка автобусов на газомоторном топливе: с 2023 года парк машин на газомоторном топливе

обновили более чем на 60%. Применение такой техники позволяет минимизировать объём вредных выбросов в воздушный бассейн. С 1 января 2017 года запрещён въезд в центральную часть города грузового транспорта, не соответствующего экологическим требованиям. Комплекс этих мер позволил Москве, несмотря на лидерство по абсолютному объёму выбросов от транспорта (308 тыс. тонн), последовательно улучшать качество воздуха.

Челябинск: промышленный центр на пути к чистому воздуху.

Челябинск — один из наиболее показательных примеров эффективности федерального проекта «Чистый воздух». К концу 2025 года снижение объёма опасных выбросов по сравнению с 2017 годом составило 31,5% — один из лучших результатов среди городов-участников. В Магнитогорске, также входящем в проект, снижение опасных загрязняющих веществ составило 18,2%. Эти результаты достигнуты за счёт модернизации промышленных предприятий, перевода частного сектора на газ и оптимизации транспортной инфраструктуры.

Свободный: полный перевод пассажирского парка на газ.

Город Свободный в Амурской области стал первым муниципалитетом региона, полностью переведшим пассажирский транспорт на газомоторное топливо. В рамках национального проекта по улицам города курсируют 33 экоавтобуса и 8 машин «Эко-такси». Этот кейс демонстрирует, что даже небольшие города способны реализовать масштабные экологические проекты при наличии политической воли и поддержки со стороны региональных властей.

Республика Татарстан: контроль выхлопных газов.

В Татарстане ежегодно проводится акция «Чистый воздух», в ходе которой проверяется уровень выхлопных газов автотранспорта. За два месяца 2025 года почти 2,5 тыс. машин были проверены с помощью газоанализаторов. Операция направлена на предупреждение негативного воздействия выхлопных

газов на атмосферный воздух и стимулирование владельцев к поддержанию технического состояния автомобилей.

Подведение итогов.

Проблема загрязнения атмосферного воздуха выбросами автотранспорта в российских городах остаётся острой, однако анализ статистики и практического опыта позволяет выделить ряд позитивных тенденций. Доля транспортных средств экологического класса Евро-5 и выше за шесть лет выросла с 15% до 43%, общий объём выбросов от передвижных источников демонстрирует устойчивое снижение, а города-участники федерального проекта «Чистый воздух» достигают целевых показателей сокращения опасных выбросов.

Вместе с тем, темпы экологизации транспорта недостаточны для кардинального улучшения качества воздуха в крупнейших агломерациях. Необходима дальнейшая системная работа по нескольким направлениям: расширение программ льготного лизинга экологичного транспорта, развитие газомоторной и зарядной инфраструктуры, внедрение интеллектуальных транспортных систем, совершенствование нормативно-правовой базы стимулирования органов местного самоуправления к применению превентивных мер снижения выбросов. Особого внимания требуют регионы Сибири и Дальнего Востока, где в отличие от большинства других округов зафиксирован рост выбросов от транспорта. Комплексный подход, сочетающий технологическую модернизацию, экономические стимулы и грамотное градостроительное планирование, способен обеспечить устойчивое улучшение качества воздуха в российских городах и, как следствие, сохранение здоровья миллионов граждан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Росприроднадзор. По итогам 2025 года выбросы от передвижных источников – автомобильного и железнодорожного транспорта – сократились в России на 7,7% по сравнению с 2024 годом: официальный сайт. URL: https://rpn.gov.ru/regions/59/news/po-itogam-2025-goda-vybrosy-ot-peredvizhnykh-istochnikov-avtomobilnogo-i-zheleznodorozhnogo-transpor-5972616.html.
2. Росприроднадзор. Статистическая отчётность по выбросам вредных веществ в атмосферный воздух: официальный сайт. URL: https://rpn.gov.ru/open-service/analytic-data/statistic-reports/air-protect/.
3. Росприроднадзор. Только 65% квотируемых объектов I и II категории в 12 городах федерального проекта «Чистый воздух» утвердили планы мероприятий по достижению квот выбросов: пресс-релиз от 03.02.2026. [Электронный ресурс]. URL: https://rpn.gov.ru/press/news/tolko_65_kvotiruemykh_obektov_i_i_ii_kategorii_v_12_gorodakh_federalnogo_proekta_chistyy_vozdukh_utv/.
4. Федеральный проект «Чистый воздух»: официальные материалы проекта. [Электронный ресурс]. URL: https://mnr-air.ru.
5. Effects of traffic signal coordination on noise and air pollutant emissions // ScienceDirect. 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sciencedirect.com.

Belokon E.A.
student of 3rd year
Department of Transport Operations Management and Safety
Russian University of Transport (MIIT)
(Moscow, Russia)

Sakulina V.A.
student of 3rd year
Department of Transport Operations Management and Safety
Russian University of Transport (MIIT)
(Moscow, Russia)

AIR QUALITY IN RUSSIAN CITIES: ROAD TRANSPORT CONTRIBUTION AND MEASURES TO REDUCE EMISSIONS

Abstract: *the article analyzes the contribution of road transport to air pollution in Russian cities, presents emission statistics and trends, and examines health impacts and measures to reduce emissions, including alternative fuels, electric buses, and the «Clean Air» project. It concludes that trends are positive, but the pace of transport greening remains insufficient.*

Keywords: *ambient air pollution, road transport, emissions, air quality, transport greening, electric bus.*

УДК 631.67

Абанина О.А.
кандидат сельскохозяйственных наук
ведущий научный сотрудник
Воронежский федеральный аграрный научный центр им. В.В. Докучаева
(г. Воронеж, Россия)

Беспалова Н.С.
кандидат сельскохозяйственных наук
старший научный сотрудник
Воронежский федеральный аграрный научный центр им. В.В. Докучаева
(г. Воронеж, Россия)

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ОРОШЕНИЮ ПОЧВ В УСЛОВИЯХ КАМЕННОЙ СТЕПИ

***Аннотация**: в статье представлен материал о проведении исследований по орошению в Каменной Степи на опытных участках, заложенных во время «Особой экспедиции по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России», великим русским ученым проф. В. В. Докучаевым. Здесь в условиях юго-восточной неустойчиво-увлажненной зоны нашей страны, в целях разрешения вопроса о возможности орошения и комплексного регулирования водного режима степных районов страны, были организованы опыты по орошению сельскохозяйственных культур. Целью этих опытов, наряду с изучением вопросов регулирования водного режима территории (строительство прудов, насаждение лесных полос и др.), было выявление возможности орошения, его эффективности в условиях степи.*

***Ключевые слова**: водный режим, опытный участок, гидрологическое исследование, грунтовые воды, лесная полоса, орошение почв.*

Необходимость преобразования природы степей с целью подъема сельского хозяйства и борьбы с засухой в степных районах России впервые была высказана великим русским ученым-почвоведом профессором В.В. Докучаевым.

После жесточайшей засухи 1891-1892 гг., во время которой В.В. Докучаев выступил «с мощным призывом реставрировать природу степей», он «получил приглашение организовать всестороннее исследование природы степей на местах». Для этой цели была создана специальная экспедиция. Современники назвали ее «Особой».

«Особой экспедицией по испытанию и учету различных способов и приемов лесного и водного хозяйства в степях России» в 1892 году под руководством проф. В.В. Докучаева впервые на уровне государства был заложен опыт по предотвращению засухи.

Для регулирования водного режима на водораздельных пространствах планом Докучаева предлагалось осуществить следующие меры: устроить в естественных ложбинах водораздельных пространств обсаженные деревьями пруды, насадить ряды снегозадерживающих «живых изгородей», закрепить сплошными лесопосадками пески и другие, неудобные под пашню земли, использовать для орошения грунтовые воды. Предлагалось также произвести работы по прекращению дальнейшего размыва оврагов и балок и устройству в некоторых из них водохранилищ, а также устройство прудовых водовместилищ, регулирование рек и речек, лиманный способ орошения, правильное орошение, выведение грунтовых вод наружу, задержание, сбережение и регулирование поверхностных, снеговых и дождевых вод.

До осуществления всех намеченных мероприятий, подчеркивал Докучаев, должны быть обязательно произведены подробные исследования местных условий, которые только и могут позволить выработать целесообразный план работ. И, конечно, самым ценным в деятельности экспедиции было практическое осуществление предложенного В.В. Докучаевым метода исследования гидрологических элементов и других условий жизни степи

на специальных опытных участках, метода, получившего широкое развитие в гидрологических исследованиях в советское время [10].

Вопросами преобразования естественного водного режима степей занимались такие видные ученые, как А.И. Воейков, П.А. Костычев и др. Так, А.И. Воейков при исследовании климата страны указал на необходимость преобразовании водного режима, задержания и использования вод местного стока для целей орошения. «Овладеть водой, - писал А.И. Воейков, - и пользоваться ею для своих потребностей – одна из главнейших задач человека в экономической жизни» [2].

Здесь в Каменной Степи в целях разрешения вопроса о возможности орошения и комплексного регулирования водного режима степных районов страны, в условиях юго-восточной неустойчиво-увлажненной зоны нашей страны, были организованы опыты по орошению сельскохозяйственных культур. Всеми мелиоративными работами экспедиции (постройкой орошаемого участка, прудов и др.) руководил участник этой экспедиции профессор Ново-Александрийского института В. Дейч [3].

Следует отметить, что при орошении происходят сложные явления, которые затрагивают все стороны почвообразовательного процесса, переводя систему биогеоценоза в целом в новое состояние. При этом система становится менее устойчивой к влиянию внешних факторов и требует дополнительного воздействия со стороны человека для ее стабилизации.

Орошение черноземов является дополнительным по отношению к фактическим атмосферным осадкам сезона. Поэтому для формирования максимальной биомассы выращиваемых культур важно выдержать оптимальный режим орошения, включающий сроки, нормы и количество поливов, дифференциация которых зависит от культуры, фазы их развития, сложившихся климатических условий и влажности почвы.

В связи с развитием орошения в областях Центрально-Черноземной полосы в Институте сельского хозяйства им. В. В. Докучаева с 1948 года это направление получило дальнейшее и довольно широкое развитие. В течение 1948-1949 гг. в Институте было построено несколько орошаемых участков с механическим водозабором на общей площади в 40 гектаров. Орошение различных сельскохозяйственных культур на этих участках проводилось дождеванием и поверхностным способом (по полосам и бороздам). Водоисточником орошаемых участков служили пруды, расположенные на балках Озерки и Осиновая.

В 1950 году на его орошаемых участках продолжались начатые в 1948 году работы по изучению способов, норм и сроков полива. В первые годы орошение проводилось на площади до 40 га. В 1953 году были начаты работы по освоению оросительной системы на базе построенного в 1950 году Таловского водохранилища объемом 3 млн. $м^3$. Из этого водохранилища обеспечено орошение земель института на площади до 500 га и около 200 га на землях соседних районов [5].

Работы по орошению осуществлялись под руководством Сухарева Ивана Петровича, который с 1949 г до 1955 года заведовал отделом мелиорации, а с 1955 по 1958 годы руководил отделом орошения. Он активно занимался проблемами изучения способов создания участков гарантированного урожая в условиях Воронежской области, режима прудов и поверхностного стока малых водосборов Каменной степи.

Многолетние наблюдения над стоком в Каменной Степи показали, что со степных водосборов сток достигает в среднем 40-50 тыс. $м^3$ с одного квадратного километра. Сток же с облесенных водосборов равен 25-30 тыс. $м^3$ с одного квадратного километра, т.е. снижается в 1,5-2,0 раза. Добавляя к этому систему прудов в балках, понижениях и лощинах можно достичь такого положения, когда сток будет полностью зарегулирован на территории водосбора [4].

В условиях Центрально-Черноземной полосы имеется большой опыт создания полезащитных противоэрозионных лесных насаждений. Здесь в первую очередь следует назвать Каменную Степь (юго-восток Воронежской области) [6].

Наблюдения, которые проводились в Каменной степи в течение 4-7 лет за режимом облесенных и степных прудов, показали, что испарение с их водной поверхности обычно на 25-30% меньше, чем на прудах без облесения. Так, за период с мая по сентябрь на Большеозерском пруду в Каменной степи, сооруженном и облесенном экспедицией проф. В.В. Докучаева в 1893г. испарение воды составило 622,7 мм, а на пруду без облесения – 834,7 мм, или на 212 мм больше. Этих 212 мм достаточно для орошения 1,5 га зерновых культур или 1 га многолетних трав, сахарной свеклы или овощных культур [7].

Роль прудов и водоемов как источников орошения за последние годы сильно возросла. Только в Воронежской области из прудов поливают 64 процента орошаемой площади. По многолетним исследованиям, проведенных в Каменной степи, пруды за летний сезон (с мая по октябрь) теряют на испарение и фильтрацию в среднем одну треть своего объема (на испарение – 21 процент и фильтрацию – 9,3 процента от полного объема). При общем объеме воды в прудах зоны 722 млн. куб. метров испарение воды из прудов за летний сезон составит примерно 1666,3 млн. куб. метров. Испарившаяся из прудов вода улучшает внутренний влагооборот, повышает влажность воздуха и тем самым снижает вредное действие засухи в летний период. [8].

Таким образом, экспедиция проф. В.В. Докучаева развернула работы большого масштаба по строительству новых прудов, восстановлению старых, разрушенных плотин, обеспечению последних водосбросами, посадке вокруг прудов и на плотинах древесных и кустарниковых пород. За период своей работы в Каменной Степи, с 1892 ло 1898 год, экспедицией построено 6 новых прудов, отремонтировано 6 существующих крестьянских прудов (подсыпаны плотины, построены или восстановлены водосбросы) и 3 пруда восстановлено [9].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Сухарев И.П., Сухарева Е.М. Пруды Центрально-Черноземной полосы. Воронеж: Воронежское книжное издательство, 1957. 215 с.
2. Сухарев И.П., Горин Д.П. Что дает орошение сельскохозяйственных культур (Опыт колхозов и совхозов Центрально-Черноземной зоны по орошению). Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1964. 112 с.
3. Сухарев И.П., Нижевясов В.Д. Орошение в Воронежской области. Воронеж: Воронежское областное книгоиздательство, 1953. 135 с.
4. Сухарев И.П. Строительство прудов в Каменной Степи и некоторые показатели их режима // Гидротехника и мелиорация. 1951. № 2. С. 3–15.
5. Сухарев И.П. Орошение в Воронежской области // Гидротехника и мелиорация. 1951. № 6. С. 23–38.
6. Сухарев И.П. Гидрологическая и противоэрозионная роль лесных полос. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1966. 119 с.
7. Сухарев И.П. Орошение в Каменной Степи // Гидротехника и мелиорация. 1950. № 4. С. 11–19.
8. Сухарев И.П. Лесные защитные полосы вокруг прудов и водоемов // Гидротехника и мелиорация. 1952. № 6. С. 3–9.
9. Сухарев И.П., Пашнев Г.С., Сухарева Е.М. Пруды – важный источник орошения. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное издательство, 1976. 119 с.
10. Федосеев И.А. Развитие гидрологии суши в России. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960. 301 с.

Abanina O.A.
PhD in Agricultural Sciences
Leading Researcher
Voronezh Federal Agricultural Research Center named after V.V. Dokuchaev
(Voronezh, Russia)

Bespalova N.S.
PhD in Agricultural Sciences
Senior Researcher
Voronezh Federal Agricultural Research Center named after V.V. Dokuchaev
(Voronezh, Russia)

SOIL IRRIGATION RESEARCH IN KAMENNAYA STEPPE

Abstract: *this article presents research on irrigation conducted in Kamennaya Steppe at experimental sites established during the «Special Expedition to Test and Record Various Methods and Techniques of Forestry and Water Management in the Steppes of Russia», led by the distinguished Russian scientist Professor Vasily Dokuchaev. In this southeastern zone of Russia, where moisture availability is variable, crop irrigation experiments were organized to assess the feasibility of irrigation and comprehensive regulation of water conditions in the country's steppe regions. Alongside studies of water regulation measures, including pond construction and shelterbelt planting, these experiments aimed to determine the feasibility and effectiveness of irrigation under steppe conditions.*

Keywords: *water regime, experimental site, hydrological research, groundwater, shelterbelt, soil irrigation.*

УДК 620.9

Байрамалиева Э.Н.
старший преподаватель
кафедра «Энергетика и транспортные технологии»
Сумгаитский государственный университет
(г. Сумгаит, Азербайджан)

НАДЕЖНОСТЬ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВОЗДУШНЫХ ЛИНИЙ ЭЛЕКТРОПЕРЕДАЧИ В СОВРЕМЕННЫХ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

***Аннотация**: в данной статье всесторонне анализируются режимы работы воздушных линий электропередачи (ВЛЭ), играющих решающую роль в передаче электроэнергии, технические трудности, с которыми они сталкиваются, и направления их устранения. В частности, исследуются влияние суровых климатических условий и механических нагрузок на линии, снижение потерь энергии и применение цифровых систем мониторинга.*

***Ключевые слова**: воздушная линия электропередачи, потери энергии, изоляция, цифровой мониторинг, надежность, датчик IoT, климатические условия, механическая нагрузка.*

Надежная, бесперебойная и качественная передача электроэнергии от производственных точек к потребителям является главной целью энергетической системы. В этом процессе роль магистрали играют воздушные линии электропередачи (ВЛЭ). Однако, поскольку они расположены на открытом воздухе, ВЛЭ постоянно подвергаются воздействию различных внешних факторов (ветер, обледенение, перепады температуры, явные и скрытые повреждения) (табл. 1). В современную эпоху, на фоне промышленного развития и растущего спроса на энергию, обеспечение надежности электросетей

приобретает особое значение. В процессе эксплуатации воздушных линий электропередачи возникает ряд сложных технических проблем:

Климатические и атмосферные факторы: Дополнительные механические нагрузки, возникающие из-за сильного ветра и обледенения (затвердевания) проводов, могут привести к обрыву опор и проводов.

Таблица 1. Основные виды повреждений и последствий.

Вид повреждения	Основная причина	Последствия
Механические повреждения	Сильный ветер и обледенение	Вырывание проводов и падение столба
Повреждение изолятора	Солевой туман, грязь и влажность	Короткое замыкание и отключение электроэнергии
Тепловые потери	Перегрузка	Провисание проводов и потеря электроэнергии

Ухудшение состояния изоляционных систем: Загрязнение, влажность и постоянное электрическое напряжение приводят к образованию отверстий на поверхности изоляторов и увеличению токов утечки.

Энергетические потери: Потери мощности, возникающие из-за активного сопротивления проводов и коронных разрядов, снижают эффективность системы.

Повышение надежности и современные решения.

Применяемые передовые подходы к решению проблем:

Композитные материалы и провода нового поколения: Использование проводов с композитным сердечником (ACCC и др.), которые устойчивы к высоким температурам и имеют меньший провис по сравнению с традиционными алюминиево-стальными проводами.

Для увеличения пропускной способности линий электропередачи и снижения потерь энергии в энергосистемах традиционные алюминиево-стальные (ACSR) провода постепенно заменяются проводами нового поколения с композитным сердечником (например, ACCC — Aluminum Conductor

Composite Core). Эта технология значительно повышает эффективность энергосетей.

Ключевые отличия и преимущества:

Тепловое расширение и провисание: Традиционные провода ACSR нагреваются при высоких токах и опасно провисают из-за теплового расширения стального сердечника. В проводах ACCC композитный сердечник, состоящий из углеродных и стекловолокон, практически не деформируется под воздействием тепла, что минимизирует провисание.

Рабочая температура: В то время как провода ACSR обычно могут работать при температурах 75–90 °C, провода ACCC могут безопасно работать при температурах до 180 °C непрерывно (и выше в течение коротких периодов времени).

Токовая нагрузка: Благодаря возможности работы при более высоких температурах, провода ACCC могут проводить в два раза больше электрической энергии, чем традиционные провода того же сечения.

Малый вес и механическая нагрузка: композитный сердечник значительно легче стали. Это преимущество снижает механическую нагрузку на опоры, исключает необходимость замены опор при реконструкции существующих линий и позволяет увеличивать пролет.

Области применения следующие:

1. Модернизация существующих сетей: это идеальное решение для увеличения пропускной способности существующих линий без создания новых наземных коридоров.

2. Интеграция возобновляемой энергии: широко используется для эффективной транспортировки нестабильной и высокообъемной энергии от ветровых и солнечных электростанций.

3. Интернет вещей (IoT) и сенсорные технологии: температура, прочность на разрыв и погодные условия проводов отслеживаются в режиме реального времени с помощью онлайн-датчиков, установленных на линиях. Интернет вещей (IoT) и передовые сенсорные технологии преобразуют линии

электропередачи из пассивной инфраструктуры в активные, саморегулирующиеся интеллектуальные сети (Smart Grid). Особенно в сочетании с кабелями нового поколения с композитным сердечником эти системы выводят безопасность и пропускную способность энергосистемы на совершенно новый уровень.

Ключевые контролируемые параметры и технологии.

- Динамическая расчетная нагрузка на линию: В традиционных системах.

расчет нагрузки на линию производится на основе стабильных и предсказуемых погодных условий. Датчики IoT измеряют скорость и направление ветра, солнечную радиацию и температуру провода в режиме реального времени для точного расчета максимальной безопасной энергии, которую может передавать линия в данный момент. Это может увеличить пропускную способность на 10-30%.

Контроль температуры провода: Для полного использования преимуществ высокотемпературных кабелей, таких как ACCC, температура постоянно контролируется. Риски перегрузки и перегрева немедленно выявляются.

Механические напряжения и прочность на растяжение: Нагрузка от обледенения, колебания и механические напряжения, вызванные сильным ветром на линиях, контролируются в режиме реального времени, предотвращая физические повреждения.

Основные преимущества заключаются в следующем:

Прогнозируемое техническое обслуживание: Благодаря сбору больших объемов данных (Big Data) и алгоритмам искусственного интеллекта потенциальные проблемы прогнозируются до возникновения аварии, и обеспечивается своевременное вмешательство.

Надежность и безопасность: сведены к минимуму аварии и перебои в электроснабжении, повышена общая стабильность сети.

Экономия эксплуатационных расходов: сокращаются затраты на традиционную ручную инспекцию, ресурсы направляются только на проблемные участки.

Дроны и термографическая диагностика: проведение инспекций с использованием беспилотных летательных аппаратов (дронов) и тепловизионных камер позволяет заблаговременно выявлять риски аварий. Процесс осмотра линий электропередачи, который традиционно проводился специалистами пешком или с трудом, теперь полностью автоматизирован благодаря применению беспилотных летательных аппаратов (дронов) и тепловизионных камер. Эта технология является одним из основных столпов превентивного обслуживания для обеспечения безопасности сети.

Ключевые механизмы и технологии реализации.

Тепловизионная съемка: тепловизионные камеры высокого разрешения, установленные на дронах, обнаруживают слабые соединения, повреждения изоляторов или «горячие точки», вызванные перегрузками в электрических соединениях, до того, как они станут видимыми невооруженным глазом.

Труднодоступные районы: Обеспечивает безопасную и быструю проверку тысяч километров высоковольтных линий, проходящих через сложную местность, такую как горные, лесистые, болотистые или прибрежные районы.

Искусственный интеллект и обработка изображений: Оптические и тепловые изображения высокого разрешения, полученные дронами, автоматически анализируются с помощью алгоритмов искусственного интеллекта, обрывы проводов, трещины в изоляторах или ветви деревьев, представляющие угрозу для линии, немедленно выявляются.

Основные преимущества.

- Безопасность труда: Исключается необходимость подъема инженеров и техников на высокие опоры или работы в опасных зонах под напряжением.

- Скорость и эффективность работы: Ручные процессы проверки, которые раньше занимали дни, теперь выполняются за несколько часов с помощью дронов, что значительно снижает эксплуатационные расходы.

- Снижение риска аварий: Раннее выявление потенциальных проблем предотвращает крупные аварии и масштабные отключения электроэнергии.

Технико-экономическое обоснование и анализ.

Экономическая эффективность применения цифровых систем мониторинга и материалов нового поколения оценивается по следующим показателям:

- Сокращение времени простоя в случае аварий на 35%.

- Сокращение потерь энергии в линиях электропередачи с 12% до 7%.

- Экономия на профилактических расходах: Оптимизация годовых эксплуатационных расходов примерно на 20-25%.

Сочетание кабелей нового поколения с композитным сердечником, датчиков IoT.

в реальном времени и термографической диагностики на основе дронов в единой экосистеме обеспечивает не только технические, но и значительные финансовые и экономические преимущества. Цифровизация и модернизация сети значительно снижают эксплуатационные расходы в долгосрочной перспективе.

Основные экономические показатели и преимущества следующие:

Сокращение времени простоя на 35%: Благодаря своевременному обнаружению потенциальных проблем и превентивному техническому обслуживанию минимизируются отключения электроэнергии, вызванные авариями. Это повышает качество обслуживания потребителей и предотвращает финансовые потери и штрафы для энергетической компании, связанные с отключениями.

Сокращение потерь энергии на 12–7%: Использование кабелей АССС с низким сопротивлением и высокой пропускной способностью, а также оптимальное управление сетью значительно снижает технологические потери при передаче электроэнергии. 5% сэкономленной энергии напрямую означает дополнительный доход.

Оптимизация годовых эксплуатационных расходов на 20–25%: Традиционные дорогостоящие ручные обходы и проверки заменяются автоматизированными полетами дронов и датчиками IoT. В то же время, срок службы оборудования увеличивается, а затраты на аварийный ремонт резко снижаются.

Инвестиционные затраты следующие. Хотя внедрение новых технологий первоначально требует определенных капитальных затрат, эти инвестиции окупаются в короткие сроки благодаря достигнутой экономии энергии и снижению эксплуатационных расходов и обеспечивают высокую рентабельность инвестиций.

Вывод.

Проведенный анализ показывает, что эффективность и надежность воздушных линий электропередачи должны обеспечиваться не только физическими ремонтными работами, но и внедрением цифровых систем мониторинга. Интеграция современных технологий (IoT, диагностика с помощью дронов, кабели нового поколения) в энергосистему минимизирует потери энергии, предотвращает аварии и повышает общую стабильность системы**.**

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Glover J.D., Sarma M.S., Overbye T.J. Power System Analysis and Design (6th Edition). Cengage Learning, 2016.
2. Kundur P. Power System Stability and Control. McGraw-Hill Education, 1994.
3. Padiyar K.R. HVDC Power Transmission Systems: Technology and System Interactions. New Age International, 2020.
4. Пириева Н.М., Ибадова Ф.А. Общие принципы диагностики кабельных линий // Международный научный журнал «Флагман науки». СПб.: ГНИИ «Нацразвитие», январь 2024. № 1 (12).

5. Пириева Н.М., Джавадзаде Т.Э. Методы определения мест повреждений кабелей со строительной полиэтиленовой изоляцией // Проблемы энергетики. Баку, 2023. № 1. С. 85–90.

6. Пириева Н.М., Заманов Х.Г. Исследование современных методов защиты линий высокого напряжения от перенапряжений // Вестник науки. 2024. Т. 4. № 7 (76). С. 322–328.

7. Piriyeva N.M., Mammadov N.S., Rzayeva S.V. Development of new methods for protecting substation and overhead lines from overvoltages // Reliability: Theory and Applications (RTA). March 2025. Vol. 20. № 1 (82). P. 683–689.

8. Пириева Н.М., Велиев Г.А., Аббасов А.И., Сулейманов Э.Э. Коммутационные процессы в электрических сетях 10–35 кВ // Проблемы энергетики. Баку, 2021. № 2. С. 100–106.

9. Rzayeva S.V., Piriyeva N.M., Ismayilova S.I. High and low voltage coordination in electrical power systems // International Journal on Technical and Physical Problems of Engineering (IJTPE). March 2025. Vol. 17. Issue 62. № 1. P. 19–31. Serial № 0062-1701-0325.

Bayramaliyeva E.N.
Senior Lecturer
Department of «Energy and Transport Technologies»
Sumgait State University
(Sumgait, Azerbaijan)

RELIABILITY AND EFFICIENCY OF OVERHEAD POWER TRANSMISSION LINES IN MODERN ELECTRIC POWER SYSTEMS

Abstract: *this article comprehensively analyzes the operating modes of overhead power transmission lines (OPTLs), which play a crucial role in electricity transmission, the technical challenges they face, and ways to address these challenges. In particular, it examines the effects of harsh climatic conditions and mechanical loads on transmission lines, ways to reduce energy losses, and the use of digital monitoring systems.*

Keywords: *overhead power line, energy losses, insulation, digital monitoring, reliability, IoT sensor, climatic conditions, mechanical load.*

УДК 008

Балыка Ю.К.

студент 5 курса

кафедра теории и истории музыки

Луганская государственная академия культуры

и искусств им. Михаила Матусовского

(г. Луганск, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МЕТАФОРА ЗАГРОБНОГО МИРА В КАРТИНЕ А. БЁКЛИНА «ОСТРОВ МЁРТВЫХ»

***Аннотация**: в статье предпринят философско-искусствоведческий анализ картины А. Бёклина «Остров мёртвых» как одной из центральных художественных метафор потустороннего бытия. Автор прослеживает историю шести версий картины в контексте поиска художником композиционных и колористических решений. Раскрывается символический ряд картины — кипарисы, скальные породы, гроб, фигура в белом, лодка — и его мифокультурные истоки, восходящие к античной традиции. В результате анализа автор приходит к выводу, что образный строй полотна соотносится с философскими концепциями А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, а также с эстетическими установками символизма и модерна. Отдельно рассматривается судьба картины в литературе, музыке и живописи XX века.*

***Ключевые слова**: Арнольд Бёклин, Остров мёртвых, художественная метафора, загробный мир, символизм, античная мифология, рецепция, искусство XX века.*

Историки искусства причисляют А. Бёклина к представителям различных эстетических направлений: его называют и символистом, и романтиком, и неоклассиком. О высоком профессионализме художника говорит нам не только общемировое признание его таланта, проявившееся еще при жизни мастера, но и глубокая преемственность, обнаруживающаяся в его творческом наследии, обусловленная высочайшим уровнем полученного А. Бёклином образования (учился в Дюссельдорфской академии художеств, затем – в Школе Лувра), отсюда – прослеживающееся в его работах влияние различных художественных школ

Европы XIX века [4]. В трудах, посвященных творчеству художника, его полотна часто характеризуют как «искусство субъективного настроения», исходя из того, что идеи картин исходят из самых разных областей [1, с. 11]. Знакомство с наследием А. Бёклина позволяет сделать вывод, что в большинстве его картин присутствует сочетание наземного пейзажа или моря с фигурой человека либо фантастического существа, при этом особенно тонкой является согласованность между двумя этими элементами, не входящими в конфликт, но дополняющими друг друга. Не жертвуя идеальностью, он придает каждому предмету свежую, привлекательную актуальность, индивидуальную, достоверную обстановку [2, с. 33]. По мнению некоторых исследователей, формула искусства А. Бёклина состоит в том, чтобы населить море или небо, берег или лес созданиями, созданными традициями или чистым воображением. Картины художника иллюстрируют родство человека и природы, представляя смешение эллинской и германской концепций [2, с. 33].

«Остров мёртвых» (нем. Die Toteninsel) – самая известная картина А. Бёклина. В период с 1880 по 1886 г. художник создал пять вариантов этой картины, шестой вариант был написан в 1901 году. Наиболее известные версии картины были созданы художником с 1880 года по 1885 год, в период проживания автора во Флоренции. Обратим внимание на то, что именно во флорентийском искусстве на протяжении веков тема смерти была особенно популярна, встречаясь в произведениях разных жанров: живописи, скульптуре и архитектуре.

Из шести вариантов картины «Остров мёртвых» две выполнены маслом на холсте (1880, холст, масло, 111×115 см, Художественный музей, Базель, 1901, холст, масло, 101×152 см, Эрмитаж), три – маслом на дереве (1880, дерево, масло, 74×122 см, Метрополитен-музей, Нью-Йорк, 1883, дерево, масло, 80×150 см, Старая национальная галерея, Берлин, 1886, дерево, масло, 80×150 см, Музей изобразительных искусств, Лейпциг), и одна – маслом на меди (1884, медь, масло, 81×151 см).

Высочайшая востребованность «Острова мёртвых» определила судьбу картины. Первый, оригинальный вариант (1880) был предназначен для покровителя художника А. Гюнтера, однако передан заказчику не был и лишь в 1920 году, спустя девятнадцать лет после смерти автора, картина была приобретена Обществом Готфрида Келлера. Второй вариант имеет особенное значение, так как благодаря его созданию был изменен и первый. Посетившая мастерскую художника вдова М. Берн заказала уменьшенную копию на дереве, с дополнением: по ее просьбе был дописан гроб и женская фигура, как аллюзия на смерть мужа. Впоследствии художник добавил эти элементы и в первый вариант картины. Третий вариант «Острова мёртвых» оказался более динамичным и наиболее популярным. В выполненной маслом на дереве картине кипарисы «оживают»: будто под порывами ветра их верхушки начинают склоняться. Интересно, что в последнем варианте (1901) художник откажется от такого решения. Колорит третьей версии кажется менее сумрачным: краски становятся светлее, мы можем наблюдать не ночь или вечер, а, скорее, пасмурный день. При этом именно благодаря динамичности (гнущиеся деревья, ярче просматривающаяся рябь на воде, чуть дальше, чем прежде, отнесенная от центра острова лодка, будто находящаяся в движении) усиливается ощущение трагизма и неизбежной конечности жизни.

Четвертый вариант работы – на меди – был уничтожен во время Второй мировой войны, пятый же (сохранившийся) также имеет свои особенности. По мнению исследователей, предчувствие художником приближения смерти повлияло на композиционный подход автора: лодка оказывается в непосредственной близости к острову, она расположена дальше от зрителя, соответственно меняются и масштабы, остров представляется как некая незыблемая и пугающая громада, персонажи уменьшены, и, что особенно значимо, фигура в саване склоняет голову, чего не было в предыдущих версиях.

В последний год своей жизни А. Бёклин в соавторстве с сыном создает последний шестой вариант «Острова мёртвых», синтезирующий находки предыдущих картин: лодка вновь отдаляется, кипарисы «выпрямляются», в

цветовой гамме доминируют сине-серые, сумрачные тона. Облака здесь сгущаются над островом, а отражение скал на водной глади становится более заметным, благодаря чему еще сильнее утверждается холодность общего тона картины.

В шести версиях «Острова мёртвых» художественная метафора загробного мира предстает во всей своей полноте. Сам по себе концепт острова мёртвых в произведении А. Бёклина может иметь различные корни. Так, например, широко известен мифологический сюжет о нимфе Калипсо, годами удерживавшей Одиссея на острове Огигия. Согласно другой версии источником вдохновения художника стал упомянутый в «Одиссее» Гомера и известный из древнегреческой мифологии остров феаков («Остров мёртвых»). Необходимо отметить и реальное существование островов-усыпальниц, в том числе и в России, например остров Людвигштайн (часть парка Монрепо), фамильное кладбище рода Николаи, скалистый остров-некрополь в бухте Защитной Выборгского залива. К концу XIX века этот остров воспринимался современниками в контексте идеи «Острова мёртвых», воплощенной в одноименной картине А. Бёклина, при этом паромная переправа символизировала путь в загробный мир.

Обратим внимание на цветовую гамму «Острова мёртвых». В четырех из шести вариантов скалы острова изображены различными оттенками охры. Можно предположить, что такое решение имеет не только стремление художника к натурализму в изображении, но и символистическое значение: охра, в основе которой красный пигмент (красный цвет ассоциировался с жизнью), нередко использовалась в погребальной ритуальной практике начиная с захоронений неандертальцев. По представлениям древних, охра могла помогать умершим в неизведанном загробном мире.

Виднеющиеся на острове постройки в различных версиях картины расположены по-разному. Так, например, во втором (июнь 1880) и последнем (1891) вариантах окна здания с правой стороны острова обращены лицом к зрителю, в третьей и пятой версиях мы можем наблюдать вырубленные в скалах

склепы. В большинстве вариантов постройки отличает четкость и строгость линий, более светлые, в сравнении с общим колоритом, бежевые оттенки. Все эти приемы вызывают ассоциации с архитектурой античности, а следовательно – с богатым разнообразием мифологических, связанных с загробным миром сюжетов.

Подходы А. Бёклина к изображению входа на остров меняются: в двух ранних версиях «причал» сокрыт в темноте, в последующих мы можем наблюдать ступени, обрамленные массивными парапетами, в последней версии (1901) лестница становится более крутой, что может рассматриваться как символическое препятствие к восхождению на остров. Отметим, что во всех случаях своеобразный «причал» ассоциируется со входом в Аид – царство мёртвых.

Чрезвычайно значимым символом загробного мира являются изображенные художником в центре картины кипарисы. Д. Тресиддер отмечает: «В Греции кипарис имел двойственную репутацию: он был символом мрачного бога подземного царства Гадеса и более жизнерадостных богов Зевса, Аполлона, Афродиты и Гермеса. Такая противоречивость может объяснить, почему он стал символом возрождения и жизни после смерти в траурных церемониях» [5, с. 143]. Изображение кипарисов (похожих на высокие свечи) является традиционным символом печали в полотнах на библейскую тематику. А. Бёклин использует мрачные тона: темно-зеленые оттенки приближаются к черным, стволы практически сокрыты за густой листвой.

Другими запечатленными на картине природными элементами являются небо и море — два образа, наиболее часто трактующиеся в искусстве различных направлений как символы вечности. Во всех версиях художник использует серо-синие оттенки, прочно связанные в искусстве античности с трауром (в более позднем искусстве — со смирением), в третьем и пятом вариантах разнообразя глубокие цвета более прозрачным голубым оттенком. Мрачность фона способствует еще большей «выпуклости» изображения. Если в первых версиях пейзажное «обрамление» отражает статичность, начиная с третьего «Острова

мёртвых» художник создает ощущение внутреннего беспокойства: облака устремляются в сторону, направляемые, как и верхушки кипарисов, дуновением ветра, воды пенятся у подножья скал.

Фигуры в лодке, в передней части которой расположен белый ящик, украшенный лентами (гроб), без сомнения, имеют прямое отношение к загробному миру. К острову приближаются двое. Укутанная в светлый саван фигура рассматривается исследователями как изображение Одиссея (если следовать этой версии толкования бёклиновского сюжета) либо абстрактного жреца, совершающего погребальный ритуал. Однако обратим внимание на то, что указанная фигура, по сути, закрывает обзор расположенному за ней гребцу. Можно предположить, что для лодочника она остается невидимой, представляя собой душу умершего или же — внеземное сопровождение покойного — собственно смерть. Действительно: в истории живописного искусства смерть нередко изображалась не в черном, а именно в белом саване («Смерть скупца» И. Босха, 1490-е, «Смерть и дровосек» Ж. Милле, 1859, и др.). Гребца исследователи связывают с образом Харона, лодочника в Аиде, царстве мёртвых, перевозчика через воды подземных рек (Стикс или Ахерон).

«Остров мёртвых» А. Бёклина стал значимым произведением своей эпохи, отражающим её духовное состояние. Произведение остается актуальным и по сей день: темы земного и внеземного, жизни и смерти, сущего и неизведанного относятся к «вечным» в мировом художественном искусстве. На основе картины А. Бёклина было создано более двадцати художественных полотен, повторяющих не только сюжет, но и цитирующих название (М. Виттфота, Д. Санторо, Х. Гигера и др.). Значимость картины как неотъемлемого атрибута своей эпохи подтверждается ее неоднократным упоминанием в литературе (романы «Отчаяние» (1934) и «Машенька» (1926) В. В. Набокова, «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, 1927, и др.) [6, с. 174].

Сюжет, созданный А. Бёклином, нашел свое воплощение и в музыкальном искусстве. Е. Б. Евстратова отмечает: «Многозначная символика Бёклина явилась серьезным творческим импульсом для различных новаторских идей в области

синтеза живописи и музыки: его картины стали источником программы многих одноименных музыкальных произведений, часть из которых неизменно присутствует в мировом музыкальном репертуаре с момента своего создания» [3, с. 41]. Жанры созданных на основе «Острова мёртвых» одноименных музыкальных произведений различны: это фортепианные пьесы («Остров мёртвых» Ф. Венециа, 1913), сочинения для органа (третья из Трех пьес для органа по А. Бёклину Ф. Любриха, 1913) и др. Однако наиболее полно метафорический потенциал картины раскрывается в жанре симфонической поэмы. Среди произведений этого жанра, написанных на сюжет картины, отметим произведения Х. Шульц-Бойтена (1890), А. Халлена (1898), Й. Прусского (1913) и, в особенности, симфоническую поэму С. В. Рахманинова (1909), отличающуюся глубоким художественным прочтением первообраза.

Подводя итог рассмотрению художественной метафоры загробного мира в творчестве А. Бёклина, следует констатировать, что «Остров мёртвых» представляет собой не локальное произведение, а развёрнутую изобразительную концепцию, эволюционировавшую на протяжении шести авторских версий (1880–1901). Каждая из них вносит свои смысловые акценты: от интимно-мемориального замысла второго варианта, связанного с заказом М. Берн, до трагически-монументального пятого, где фигура в саване склоняет голову, и сумрачно-синтетического шестого, созданного в соавторстве с сыном.

Символический ряд полотна — кипарисы как деревья траура и возрождения, охристые скалы, отсылающие к погребальным ритуалам, серо-синие небо и море как знаки вечности, лодка с гребцом-Хароном и белой фигурой, гроб с лентами — образует устойчивую систему, в которой античные мифологические истоки (образы Харона, Калипсо, Одиссея, островов-усыпальниц) сплавлены с романтической традицией и символистской поэтикой намёка. Цветовая гамма, композиционные сдвиги (приближение или удаление лодки, динамика кипарисов, характер причала) свидетельствуют о последовательном углублении экзистенциальной проблематики: смерть осмысляется не как событие, а как фундаментальное измерение бытия, а сам

остров — как порог, за которым начинается неизведанное. Рецепция картины в литературе (В. Набоков, И. Ильф и Е. Петров) и особенно в музыке (симфонические поэмы Х. Шульц-Бойтена, А. Халлена, Й. Прусского и С. В. Рахманинова) подтверждает, что бёклиновский образ приобрёл статус культурного архетипа, сохраняющего эвристический потенциал для философско-эстетической рефлексии о границах человеческого познания и тайне загробного мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Arnold Böcklin: Leben und Werk in Daten und Bildern. Frankfurt am Main: Insel Verlag, 1978. 196 p.
2. Böcklin: German school. Boston: Bates and Guild, 1906. 68 p.
3. Евстратова Е.Б., Енукидзе Н.И. Творчество Арнольда Бёклина и программная музыка на рубеже XIX–XX вв.: характеристика сочинений в аспекте художественной конъюнктуры // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2021. № 3. С. 40–51.
4. Кольцова Н.З., Чжан Линьлинь. Пространственные символы «Острова мертвых» А. Бёклина в романе «Петербург» Андрея Белого // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2024. № 2. С. 155–165.
5. Тресиддер Д. Словарь символов / пер. с англ. Палько С. М.: Гранд: ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
6. Тышко С.В., Тышко А.С. Картина А. Бёклина «Остров мёртвых» как открытое произведение в музыкальных интерпретациях С. Рахманинова, М. Регера и А. Халлена // Киевское музыковедение. 2019. № 59. С. 172–186.

Balyka Yu.K.
student of 5th year
Department of Music Theory and History
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
(Lugansk, Russia)

ARTISTIC METAPHOR OF THE AFTERLIFE IN ARNOLD BÖCKLIN'S PAINTING «ISLE OF THE DEAD»

Abstract: *this article offers a philosophical and art-historical analysis of Arnold Böcklin's painting «Isle of the Dead» as a major artistic metaphor for existence beyond death. It traces the history of the painting's six versions through the artist's search for compositional and coloristic solutions. The painting's symbols—cypresses, rocks, a coffin, a white-clad figure, and a boat—are examined in relation to their origins in ancient myth and culture. The analysis concludes that the painting's imagery resonates with the philosophical ideas of Arthur Schopenhauer and Friedrich Nietzsche, as well as the aesthetics of Symbolism and Art Nouveau. The painting's reception in XX century literature, music, and visual art is considered separately.*

Keywords: *Arnold Böcklin, Isle of the Dead, artistic metaphor, afterlife, symbolism, ancient mythology, reception, XX century art.*

УДК 008

Балыка Ю.К.

студент 5 курса

кафедра теории и истории музыки

Луганская государственная академия культуры

и искусств им. Михаила Матусовского

(г. Луганск, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ СМЕРТИ И «КОНЦА ВРЕМЕНИ» В ИСКУССТВЕ СИМВОЛИЗМА

***Аннотация**: статья посвящена исследованию художественных концепций смерти и «конца времени» в искусстве символизма. Рассматривается генезис символизма как эволюционного продолжения романтизма и его ответа на рационализм индустриальной эпохи. Анализируются философско-эстетические основания символистской танатологии, в частности идеи теургии. Выявляются особенности преломления темы смерти во французской, бельгийской, австрийской и русской литературе, а также в живописи и музыке рубежа XIX–XX веков. Устанавливается, что концепции смерти и «конца времени» занимают центральное место в символистской картине мира и получают многообразное воплощение в различных видах искусства.*

***Ключевые слова**: символизм, художественная концепция смерти, конец времени, танатология, теургия, искусство, рубеж XIX–XX веков.*

В XIX столетии, преимущественно в Германии и Франции, символизм сформировался как художественное течение, явившись эволюционным продолжением эстетических и философских концепций романтизма. Появление этого направления стало ответом прогрессивно мыслящих творцов на воцарившиеся в европейской культуре рационализм и практицизм индустриальной эпохи. Тема смерти обретает особенное значение в творчестве символистов. С. Н. Аверкина отмечает: «На рубеже XIX-XX вв., в период тектонической смены культурной парадигмы, она становится одной из

центральных тем в творчестве европейских писателей. Авторы представляли смерть как «вершину жизни» или, напротив, отрицали ее, говоря о «непрерывности духовного бытия»» [1, с. 35]. Символизм восстал против доминирования разума и материалистичного мировоззрения.

В центре внимания символистов находилось познание внутреннего мира человека, а также постижение истинной сути мироздания. Искусство, по их мнению, должно было восстановить утраченную связь человека с миром и обогатить мир новым измерением – сферой значений и смыслов, доступной лишь интуитивному, чувственному восприятию. Эта идея выявила недостаточность выразительных возможностей, которыми располагали деятели искусства прежних эпох. Данное осознание привело к поиску новых выразительных средств – символических образов. Один из наиболее значимых идеологов символизма, французский поэт С. Малларме (1842-1898) высказал следующую мысль: «Назвать предмет – значит на три четверти уничтожить наслаждение от поэмы, которая создается из постепенного угадывания, внушить его образ – вот мечта. Постепенно вызывать предмет и через ряд расшифровок добыть из него состояние души – это значит найти превосходное употребление тайне, какую заключает в себе символ» [цит. по 14, с. 62-63].

Разграничивая особенности символизма на Западе и в России, важно подчеркнуть, что, в то время как европейские символисты видели в искусстве инструмент для отражения личных переживаний (отметим, что в данном случае речь идет только о периоде fin de siècle. Более ранние подходы к символизму, обнаруживающиеся, например, в концепции Р. Вагнера напротив, ставят целью воздействие на социум), русские символисты определяли для себя более глобальные задачи, стремясь использовать искусство в качестве средства преобразования как отдельной личности, так и общества в целом. Таким образом становится очевидно, что не случайно именно в искусстве символистов художественные концепции смерти и «конца времени», во многом исходящие из идей теургии (др.-греч. θεουργία, буквально – «богодействие, божественная работа») заняли свое особенное и чрезвычайно значимое место, что

подчеркивают как сами символисты, так и исследователи их творчества. А. А. Блок отмечает: «Символист уже изначала – теург, то есть обладатель тайного знания, за которым стоит тайное действие» [цит. по 11, с. 71]. С данным мнением соглашается Н. А. Бердяев: «В теургии слово становится плотью. В теургии искусство становится властью. Начало теургии есть же конец литературы, конец всякого дифференцированного искусства, конец культуры, но конец, принимающий мировой смысл культуры и искусства, конец сверхкультурный. Теургия есть действие человека совместное с Богом – богодейство, богочеловеческое творчество» [3, с. 457]. Необычайно образно замечание Е. Б. Тагера: «Не только невнятное «петуха ночное пенье» сменилось эсхатологическими пророчествами и холод «раннего утра» озарился кровавыми «апокалиптическими зорями»» [10, с. 7-8]. Кратко выделим наиболее значимых приверженцев символизма и концепции смерти и «конца времени» в их произведениях.

Во французской литературе наиболее известны такие символисты как Шарль Бодлер, Стефан Малларме, Жюль Лафорг, Анри де Ренье, Поль Валери, Поль Клодель, Поль Фор, Сен-Поль Ру, Поль Верлен, Артюр Рембо и Лотреамон.

Шарль Пьер Бодлер (1821-1867) – французский поэт, критик, эссеист и переводчик, основоположник декаданса и символизма, повлиявший на развитие всей последующей европейской поэзии, известен, прежде всего, двумя своими наиболее значительными сборниками: «Цветы зла» (1857) и «Парижский сплин» (1869). Тема «конца времени» раскрывается в последнем из них, при этом – в отрицательном контексте. В целом содержание сборника, состоящего из стихов в прозе, демонстрирует взгляд парижского обывателя на окружающую его действительность. Герой находится под гнетом неустанного течения времени, в страхе от собственной смертности он скрывается за бытовыми проблемами, обретая быстротечное утешение в писательстве, женщинах и вине.

Чрезвычайно тонко тема смерти раскрывается в стихотворении «Кладбище над морем» («Le Cimetière marin») французского поэта, эссеиста и философа Поля Валери́ (1871-1945). Действие разворачивается на кладбище в

Сете (где сейчас похоронен поэт) и представляет собой размышление о смерти: «Спокойствие, где парусники реют, // Среди ветвей могильных пиний мреет. Притинный зной из огненных кругов, Вновь воссоздал сияющее море» (пер. А. Кокотова) [4, с. 57].

В целом, необходимо отметить, что тема смерти и «конца времени» так или иначе поднимается в значительной части сочинений французских символистов: «Смерть пришла» П. Фора (1872-1960), произведениях Поля Мари Верлена (1844-1896), во многих из которых поэт выражал острое ощущение трагизма и быстротечности жизни (например «Смерть!», 1895), и др.

Широко и полно модус смерти раскрывается в наследии бельгийских символистов Мориса Метерлинка (1862-1949), и Эмиля Верхарна (1855-1916). Если в творчестве первого рассматриваемая тематика проявляется непосредственно в поэтических сочинениях («Смерть», «Умереть», и др.), то взгляды М. Метерлинка складываются в развернутую теорию. Говоря о концепции М. Метерлинка Н. Б. Маньковская отмечает: «Метерлинк прозорливо замечал, что его поколение мыслителей и художников стоит на краю таинственной бездны нового пессимизма. это предвидение нашло подтверждение в творчестве его младших современников – экзистенциалистов: влияние на них философско-эстетических идей Метерлинка весьма ощутимо. Он, по сути, предвосхитил кардинальное положение экзистенциалистской философии о том, что существование предшествует сущности» [7, с. 17]. «Не мысли и мечты, а тайна смерти как «жизнь жизни», молчание и неизвестность, тревоги и печали – вот та основа, на которой возникают его символистские пьесы», – продолжает автор [7, с. 17]. Сказанное подтверждают высказывания самого бельгийского символиста: «Смерть руководит нашей жизнью, и жизнь не имеет другой цели, кроме смерти. Наша смерть – форма, в которую отлилась наша жизнь, и она же образовала наш облик. Писать портреты следовало бы только с умерших, ибо только они верны себе и на мгновение показали нам свою сущность» [8, с. 37], «правда и то, что большинство людей просыпается для настоящей жизни лишь в то мгновение, когда они умирают» [8, с. 63].

Австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875-1926) – один из немногих, кто всю жизнь писал о смерти [3]. Интересно отметить, что одно из известнейших произведений Рильке – «Смерть поэта» (1906) нашло свое преломление в русском музыкальном искусстве, и было положено на музыку Д. Д. Шостаковичем в Симфонии № 14, ч. X «Смерть поэта» (ор. 135, 1969).

Концепция смерти Р. М. Рильке уточнялась, дополнялась и переосмысливалась автором на протяжение длительного времени. В целом же, в этом процессе можно выделить два периода. В ранних произведениях Рильке стремился к сочетанию эстетизации и театрализации (натурального описания) смерти. Таковы, например, пьеса «Белая графиня» (1898, вторая ред. 1904) в центре которой изображение нахлынувшей эпидемии чумы и рассказ «Швея» (1896), в котором натуралистически подробно передается отвращение лирического героя пред мертвым телом недавней возлюбленной.

Новый концепт смерти предстает в сочинениях Р. М. Рильке зрелого периода творчества. С. Н. Аверкина отмечает: «Концепция «своей», «зрелой», «большой смерти» окончательно сформировалась в поэтическом сознании Р. М. Рильке в Париже любимом городе поэта, где он начал работу над своим знаменитым романом о художнике «Записки Мальте Лауридса Бригге» (1910). Здесь он впервые ощутил, что значит существовать на грани нищеты, увидел нищих и тех, кто оказался выброшенным на обочину жизни» [1, с. 39]. В поздних поэтических сочинениях Р. М. Рильке грань между жизнью и смертью становится размытой. Таковы «Смерть» (1915), «Дуинские элегии», в особенности Шестая и Восьмая, где понятие «смерть» становится тождественным понятию «вечность» (1923), и др. Важно отметить, что чем старше становился автор, тем менее эстетически-приглядной выступала смерть в его понимании.

В России в области литературы к «старшим символистам» относят таких авторов, как Д. С. Мережковский (1865-1941), З. Н. Гиппиус (1869-1945), В. Я. Брюсов (1873-1924), К. Д. Бальмонт (1867-1942), Ф. К. Сологуб (1863-1927) и др. К «младшим символистам» исследователи относят А. А. Блока (1880-1921), А. Белого (1880-1934), В. Иванова (1866-1949). Символизм, как течение в русском

искусстве рубежа XIX-XX веков, ознаменовался глубоким интересом к эсхатологическим мотивам и теме смерти. Отход от позитивистских идеалов и увлечение мистицизмом обусловили появление в поэзии символистов специфического переживания надвигающегося «конца времени», преломленное через призму личной и общественной трагедии.

В творчестве Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, В. Я. Брюсова и др. предчувствие грядущих катастроф и духовного кризиса общества обретает особенно отчетливые формы. Смерть предстает как освобождение от тягот земного существования, разрешение мучительных противоречий между идеалом и действительностью. Однако, помимо эсхатологического оптимизма, в поэзии русских творцов присутствуют отзвуки пессимизма, отчаяния перед лицом неизбежного и, в достаточной степени – романтизация этих процессов. И.Б. Хмырова-Пруель отмечает: «Эта связь с глубинными драмами времени, его «мировыми событиями», по словам А. Блока, не только объективно предопределила важнейшие черты художественного миросозерцания символизма, но и субъективно ощущалась большинством поэтов-символистов как внутренний стимул творчества, хотя выражалась, как правило, в мистифицировано-искаженном преломлении религиозно-эстетических концепций» [13, с. 147].

В опоре на исследование А. А. Кондратенко [5] выделим наиболее часто встречаемые в поэзии русских символистов образы входящие в концепт смерти. Наиболее выраженными можно назвать смерть в образе весны, невесты, смерть в образе ночи (лунный серп как символ серпа для жатвы), смерть – зима, смерть – сон, танец смерти, сад смерть.

Стихотворение «Смерть» («Петербургская поэма») Д. С. Мережковского (1889) отражает философские размышления поэта о природе жизни и смерти, а также естественности и неизбежности человеческих страданий. В стихотворение «Двойная бездна» (1895-1899) поэт трактует смерть двояко: с одной стороны, согласно христианским подходам («тайна гроба», «тайна жизни»), с другой же – демонстрируя возможности человека к изменению собственного «Я» («О, будь

же собственным Творцом, // Будь бездной верхней, бездной нижней, // Своим началом и концом») и стирая границы между мирским и внеземным («И смерть и жизнь – родные бездны, // Они подобны и равны».

Религиозная философия и гражданская активность З. Н. Гиппиус оказали глубокое воздействие на ее творчество. Смерть занимает центральное место в ее религиозно-философской картине мира. Понятие «смерть» переосмысливается писательницей и получает новое толкование: в ее произведениях, как в сюжетном плане, так и в поэтической структуре, «смерть» и «любовь» формируют своеобразное неразрывное целое. Временные и пространственные категории также приобретают особое значение, где многочисленные мотивы, определяющие художественное время и пространство, несут в себе отпечаток «мертвого». О. В. Хитальский отмечает: «В религиозно-метафизической теории любви у З. Н. Гиппиус прослеживается сходство с идеями В. Соловьева. Его концепции любви она отводила центральное место в своей системе философских представлений. В поисках силы, которая смогла бы противостоять смерти и в неравной борьбе Бытия с Небытием одержать победу над ней, поэтесса постепенно приходит к убеждению, что любовь способна не только противостоять смерти, но и обеспечить бессмертие» [12, с. 7]. Данная идея не только отражается буквально во всем творческом наследии З. Н. Гиппиус, но и сформулирована ею в литературно-философских статьях («Влюбленность», «О любви», «Арифметика любви», «Искусство и любовь»).

А. А. Блок, один из ярчайших представителей русского поэтического символизма, необычайно образно выразил трагическое мироощущение эпохи. Смерть в поэзии А. А. Блока – не личная трагедия, но, в первую очередь, символ умирающей культуры, уступающей место новому, неизведанному будущему. А. Р. Мусурмонова отмечает: «Через многие его стихотворения проходит мотив смерти, тесно связанный с двумя цветовыми обозначениями – по нашим наблюдениям, белым и красным. И это не удивительно, поскольку в поэзии начала XX века белый и красный цвета активно использовались в различных

символических преломлениях многими поэтами, такими, в частности, как В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, З. Н. Гиппиус и др.» [9, с. 547].

Эсхатологическая образность в живописи рубежа веков находит отражение в творчестве символистов различных стран. В России это В. Э. Борисов-Мусатов, М. А. Врубель, Н. М. Гущин, Н. К. Чурлянис, и др., в Польше – Я. Мальчевский, В. Подковиньский, и др., в Англии – О. Бердслей, У. Стотт, и др., в Бельгии – Ф.Кнопф, К. Меллери, Ж. Дельвиль, и др., во Франции – Г. Моро, О. Редон, Э. Максенс, и др., в Германии – К. Дифенбах, А. Бёклин, и др.

В западноевропейском искусстве одним из самых значительных и проникновенных образов является образ смерти. Живопись и графика символизма восприняли как предыдущие влияния, так и инновации второй половины XIX в. Сквозной темой в искусстве символизма стала идея смерти, превратившаяся в своего рода навязчивую мысль и центральную экзистенциальную дилемму времени. Смерть утрачивает статус события будущего, перестает быть отражением человека, проникая в самую суть его бытия. Осознание смерти, её постоянное присутствие в жизни, служит отправной точкой для экзистенциального понимания сущего, поскольку она –единственная безусловная реальность.

Привычные черты смерти и её устойчивые атрибуты, уходящие корнями в средневековую традицию макабра (dance macabre – от фр. «пляска смерти», аллегорический средневековый сюжет, напоминающий о бренности бытия), образы Апокалипсиса и живопись эпохи Северного Возрождения, находят отражение в работах А. Беклина, Г. Моро, Д. Энсора, О. Редона, Х. Симберга, Ф. Ропса, Л. Спиллиарта и других художников. В то же время, образ смерти у многих символистов обогащается мотивами из античной мифологии. Связь между сюжетом и идеей смерти может быть скрыта за архаичными представлениями или элементами мифа, встроенными в структуру произведения: художники-символисты создают индивидуальный миф, в основе которого лежит глубокое переживание смерти.

Авторский миф и мир, связанный со смертью, создает О. Редон, обращаясь к сфере бессознательного. Работы, в которых он напрямую затрагивает тему смерти немногочисленны («Маска красной смерти», 1883, «Маска звонит в похоронный колокол», 1882, «Дух леса», 1890, и др.). Облик смерти у художника часто передается с помощью змеевидного мотива («Смерть – моя ирония превыше всего», 1889, «Женщина и змея», 1890, «Зеленая смерть», 1905).

Сатирические и критические по отношению к социальным и моральным аспектам бытия человека аспекты смерти поднимаются в работах Д. Энсора («Опасные повара», 1896, «Смертные грехи под управлением Смерти», 1904).

Часто в изобразительном искусстве символизма смерть становится знаком не телесного, а волевого, экзистенциального угасания, краха жизненного предназначения человека. В этом аспекте показателен образ Сфинкса в творчестве Г. Моро («Эдип и Сфинкс», 1864, «Сфинкс торжествующая», 1886, «Сфинкс поверженная», 1878). Именно у символистов образ Сфинкса рассматривается в связи с мотивом смерти. Связь мотива смерти и женских образов у Г. Моро четко проявляется в работе «Юноша и Смерть» 1865 г.

Эсхатологическая образность в музыке в контексте символизма проблема значительно более глубокая, т. к. не все произведения композиторов рубежа веков являются программными, более того, их внутреннее содержание нередко оказывается скрытым, тщательно завуалированным. Кроме того, черты символизма проявляются в произведениях композиторов не относящихся непосредственно к данному течению. Наиболее явственно это можно проследить на примере камерно-вокального творчества русских композиторов, создававших романсы на слова поэтов-символистов.

В соответствии с особенностями поэтических первоисточников авторы испытывали потребность в поиске соответствующих музыкально-выразительных средств. Невозможно не упомянуть и случаи разнонаправленного претворения творческого дарования представителей искусства на что, по всей видимости, оказало влияние активное развитие синтеза искусств на рубеже

веков. Например, поэтом и прозаиком М. А. Кузминым (1872-1936) в 1908 г. была написана музыка к лирическим драмам «Балаганчик», «Король на площади», и «Незнакомка» А. А. Блока, объединенных в единое музыкально-сценическое произведение «Балаганчик».

В творчестве С. И. Танеева (1856-1915), представителя направления поздний романтизм, тенденции символизма претворились в «Иммортелях» (Десять стихотворений, пер. Эллиса» ор. 26 (1908), «Четырех стихотворениях Я. Полонского» ор. 32, «Пяти стихотворениях Я. Полонского» ор. 33 (1911), «Семи стихотворениях Я. Полонского» ор. 34 (1912). Модус земного и внеземного практически неизменно присутствует в этих композициях. Рассмотрим, например, ор. 32. В центре первого романса «В годину утраты» – образ могилы: «над могильным сыпучим бугром», «а там, над могилой», «сойдутся могильные тени». Второй романс «Ангел» – повествование героя о явлении ему божественной, потусторонней силы, дарующей как надежду, так и печаль. В третьем номере, «Мой ум подавлен был тоской», присутствует антитеза мрака и света. В четвертом, «Зимний путь» герою «мерещатся странные сны».

Творчество Н. К. Метнера (1879-1951) относится к направлению позднего романтизма, однако, в своих камерно-вокальных сочинениях композитор обращался и к творчеству символистов (А. Белого, В. Брюсова, К. Бальмонта). Близость взглядов Н. К. Метнера идеям символизма просматривается во взаимопроникновение слова и музыки, внимании музыканта к ритму, фонетическим особенностям поэтического первоисточника, и др. Эсхатологическая образность в музыке композитора носит и более конкретный характер: в 1907 году он создает романс «Эпитафия» (соч. 13, №2) на дисметрический стих А. Белого.

Значимый вклад в область претворения поэзии символистов внес Н. Я. Мясковский (1881-1950). С позиции претворения эсхатологической образности особенно примечательны созданные в период с 1904 по 1914 гг. 27 романсов на слова З. Н. Гиппиус, для которых характерно обилие диссонантных, неустойчивых гармоний, декламационность мелодики, использование мажоро-

минора, альтераций, диссонансов и хроматизмов, создающих ощущение внутреннего напряжения, тревоги.

Композитором-символистом в полном смысле этого слова в русской музыкальной культуре справедливо признается А.Н. Скрябин (1871-1915). Хотя раннее творчество композитора, как правило, относят к романтической музыкальной традиции, родовые признаки символизма присутствуют во многих его произведениях позднего периода. А. Ф. Лосев отмечает: «Скрябин – всегда апологет мирового, великого, космического, универсального. Ничто частное не интересует его. Всякая частность – символ величайшего, вселенского. Его горизонт охватывает и отдельного человека со всеми деталями его жизни, и всех людей с их всемирно-историческим бытием, и всю вселенную, и само божество… это напряженнейших размеров универсализм. … Это – мистический универсализм» [6, с. 734-735]. Концепцию А. Н. Скрябина отличает «гармония противоречий» – социалистические настроения соседствуют с теософией, религиозное равнодушие с восхищением традициями древнего Востока.

В симфонии «Поэма огня» Ор. 60 – музыкальной поэме для фортепиано, оркестра (включая орган), голосов (хора ad libitum) и партии света Luce. А. Н. Скрябин реализовал собственные подходы к формированию художественных образов, что проявилось в образе Прометея, олицетворяющего огонь, свет, борьбу, усилие и жизнь, самостоятельных темах-символах (темы разума, воли, движения, томления, самоутверждения), использовании аналогий между цветами спектра и тональностями кварто-квинтового круга, и др.

Неосуществленным остался замысел «Мистерии» – масштабного действа литургического характера, в котором, в слиянии различных видов искусств осуществился бы всеобщий духовно-преобразовательный акт. Как отмечает Н. А. Бердяев в труде «Философия свободы»: «Скрябин в исступленно-творческом порыве искал не нового искусства, не новой культуры, а новой земли и нового неба. У него было обострено чувство конца всего старого мира, и он хотел сотворить новый космос» [3, с. 396]. По замыслу композитора, каждый участник действа во время исполнения «Мистерии» переживет в воспоминании всю

историю возникновения и развития человечества со всеми ее ужасами: войнами и тяготами, разрушениями и гибелью, дабы почувствовать освобождение от прошлых бед и раствориться во всеобщем экстазе. Согласно рассказу Л. Л. Сабанеева: «Скрябин жалел, что не мог привесить колокола к небесам для исполнения его Мистерии, и свое рождение 25 декабря не в шутку сопоставлял с Рождеством Христовым, видя в себе нового Мессию и нового Бога, который спасет людей» [цит. по 3, с. 774].

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Символизм, явившийся эволюционным продолжением романтизма, сформировал оригинальную художественную концепцию смерти и «конца времени», в основе которой лежат идеи теургии и эсхатологические ожидания. Тема смерти, обретя статус центральной экзистенциальной дилеммы эпохи, получила многообразное воплощение в литературе, живописи и музыке рубежа XIX–XX веков. В русском символизме, в отличие от западноевропейского, концепции смерти и «конца времени» приобрели более глобальный, жизнестроительный характер, что было связано со стремлением к преображению личности и общества. Проведенный анализ показывает, что художественные концепции смерти и «конца времени» являются неотъемлемой частью символистской картины мира и представляют собой значимый предмет для дальнейшего искусствоведческого изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аверкина С.Н. «Райнеру – Мариа – Рильке – в руки»: познание смерти как поэтологическая проблема // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2025. № 3 (63). С. 34–54.
2. Ахтырская В.Н. Поздняя лирика Райнера Марии Рильке: проблемы поэтики: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 251 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 607 с.

4. Валери П. Собрание стихотворений / пер. с фр. А. Кокотова. М.: Водолей, 2014. 155 с.

5. Кондратенко А.А. Концепт «Смерть» в лирике поэтов-символистов // Вестник науки и образования [Электронный ресурс]. 2021. № 14-1 (117). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-smert-v-lirike-poetov-simvolistov (дата обращения: 05.01.2026).

6. Лосев А.Ф. Форма. Стиль. Выражение. М.: Мысль, 1995. 944 с.

7. Маньковская Н.Б. Судьба стучится в дверь. Философско-эстетические взгляды Мориса Метерлинка // Художественная культура. 2019. № 1. С. 2–41.

8. Метерлинк М. Сокровище смиренных / перевод Н. Минского и Л. Вилькиной // Полн. собр. соч. Петроград: Товарищество издательского и печатного дела А.Ф. Маркс, 1915. Т. II. 248 с.

9. Мусурмонова А.Р. Тема смерти в лирике А.А. Блока // Экономика и социум. 2022. № 5-2 (92). С. 546–549.

10. Тагер Е.Б. Избранные работы о литературе. М.: Советский писатель, 1988. 506 с.

11. Фомина З.В. Философия музыки: учебное пособие для студентов и аспирантов музыкальных вузов. Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2011. 208 с.

12. Хитальский О.В. Категория смерти в поэтическом языке З. Гиппиус: на материале рассказов 1896–1912 гг.: автореф. дис. ... канд. филологических наук. СПб., 2007. 21 с.

13. Хмырова-Пруель И.Б. Особенности русского символизма: творческие процессы на рубеже XIX–XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2006. № 1. С. 146–150.

14. Яроциньский С. Дебюсси, импрессионизм и символизм / вступ. статья И. Бэлзы. М.: Прогресс, 1978. 232 с.

Balyka Yu.K.
student of 5th year
Department of Music Theory and History
Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
(Lugansk, Russia)

ARTISTIC CONCEPTIONS OF DEATH AND «THE END OF TIME» IN SYMBOLIST ART

Abstract: *the article examines artistic conceptions of death and «the end of time» in Symbolist art. It considers the emergence of Symbolism as an evolutionary continuation of Romanticism and a response to the rationalism of the industrial era. The philosophical and aesthetic foundations of Symbolist thanatology, particularly ideas of theurgy, are analyzed. Distinctive treatments of death in French, Belgian, Austrian, and Russian literature, as well as in painting and music at the turn of the XIX–XX centuries, are identified. The study establishes that conceptions of death and «the end of time» are central to the Symbolist worldview and find diverse expression across art forms.*

Keywords: *symbolism, artistic death concept, end of time, thanatology, theurgy, art, XIX–XX century transition.*

УДК 331.45

Хариков С.В.

Центр независимой экспертизы «Транзит»

(г. Москва, Россия)

Институт инженерной и экологической безопасности

Тольяттинский государственный университет

(г. Тольятти, Россия)

ВЛИЯНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ШУМА НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ И РАБОТОСПОСОБНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ВО ВРЕМЯ ВЫПОЛНЕНИЯ СВОЕЙ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация**: в данной научной работе рассматривается актуальный вопрос, который имеет непосредственную связь проблематики по влиянию воздействия шума на эффективность и работоспособность человека во время выполнения своей трудовой деятельности.*

Основной целью настоящей научной работы является систематизация имеющихся данных о влиянии воздействия шума на действия человека, производственный процесс, для разработки методов повышения надежности и устойчивости технических объектов.

В процессе подготовки и составления настоящего материала, для проведения исследования систематизированы научные и эмпирические данные, накопленные в процессе профессиональной деятельности Харикова Сергея Викторовича, имеющие непосредственное отношение к всестороннему изучению вредных факторов и влияния воздействия шума на выполнение трудовой деятельности человеком.

Настоящий материал может использоваться всеми заинтересованными лицами, которые выполняют идентификацию вредных факторов условий труда, выполняют подготовку и поддержание мероприятий по функционированию системы управления охраной труда, а также для междисциплинарных исследований.

***Ключевые слова**: производственный шум, работоспособность, эффективность труда, охрана труда, вредный производственный фактор, оценка условий труда.*

В условиях выполнения мероприятий, которые направлены на повышение эффективности и надёжности технологического оборудования, повышения надежности и устойчивости технических объектов, во время эксплуатации действующего технического оборудования, при проведении междисциплинарных исследований установлено, что очень часто причиной инцидентов на производстве становится фактор влияния действий человека на технологический процесс (человеческий фактор). Для снижения рисков, проведения предупредительных мероприятий по безопасной эксплуатации оборудования, необходимо своевременно выявлять существующие риски, вредные факторы. На основании полученных данных о рисках и вредных факторах, принимать во внимание возможные негативные последствия [4].

В процессе выявления вредных факторов, для того, чтобы осуществить введение решений, для поддержания существующей системы в приемлемом по вредным факторам состоянии, в ходе предварительных исследований по данной проблематике было установлено: сейчас наиболее уязвимым и критическим моментом является – производственный шум на рабочем месте [2]. Принимая во внимание, что воздействие шума на организм имеет негативные последствия, нужно выделить м систематизировать несколько критичных моментов:

- во-первых, длительное влияние шума на организм имеет физиологические последствия,

- во-вторых, длительное влияние шума на организм имеет медицинские последствия.

Для того, чтобы выполнить всестороннее исследование, следует сформировать общую систему, при которой можно дать оценку эффективности управленческих решений. Во время выполнения построения структуры безопасных условий труда, углубленный анализ воздействия шума на организм персонала может быть направлен на улучшение системы управления, минимизацию возможных профессиональных рисков, уменьшить количество профессиональных заболеваний [9], во время выполнения трудовых функций на своем рабочем месте.

При выполнении исследования по разработке мероприятий для повышения надежности и устойчивости технических объектов нужно сформировать гипотезу, которая поможет собрать и систематизировать нужные данные, сделать выводы обоснованными. В нашем случае, в соответствии с выявленной проблематикой, гипотеза имеет следующее содержание: вредный фактор – шум, значительно снижает эффективность и работоспособность человека во время выполнения свой трудовой деятельности.

Чтобы подтвердить или опровергнуть данную гипотезу необходимо систематизировать имеющиеся данные по выявленной проблематике, которая имеет связь с повышением надежности и устойчивости технических объектов [5]. Для этого, нужно кратко структурировать обоснование и определить основные причины почему так происходит. В первую очередь следует указать, что шум - это беспорядочные звуки различной интенсивности, частоты, которые относятся к виброакустическим вредным факторам. Воздействие шума на организм человека многогранно, особенно это необходимо учитывать при стремительной цифровой трансформации деятельности [1]. Среди основных подтвержденных визуализируемых эффектов, которые можно выявить без сложных медицинских исследований и применения для исследования приборов, следует отдельно отметить:

- во время выполнения трудовых процессов, шум существенно отвлекает и мешает фокусироваться на выполняемой задаче человеку. Чем выше уровень шума, чем длительнее воздействие шума, тем сильнее проявляется влияние на организм. В результате воздействия, при сравнении результатов, при решении однотипных задач человеком, с воздействием шума (в том числе от громкой музыки) человек выполняет задачи с худшими результатами, чем в оптимальных по шуму условиях. В условиях, когда происходит воздействие высокочастотного шума, особенно когда показатели выше 500 Гц, воздействие на человека мешает работе значительно сильнее, чем низкочастотный шум, тем самым создаются дополнительные вредные условия для нагрузки на человека,

- во время выполнения трудовых процессов, шум оказывает существенное влияние на способность человека анализировать поступающие данные, удерживать в памяти промежуточные данные, данное обстоятельство влияет на результаты деятельности человека при выполнении задания. В результате воздействия, при сравнении результатов, при решении однотипных задач, с шумом человеку требуется больше времени на решение задачи, чем в оптимальных условиях по шуму,

- в процессе выполнения трудовых функций, при выполнении повседневных задач с воздействием шума, растёт количество фиксируемых ошибок, чем выше частота источника шума, громкость шума, тем больше ошибок у человека. Постоянный шум являясь сильным раздражителем, провоцирует у человека стрессовую реакцию, что может вызывать эмоциональную лабильность, повышенную нервную возбудимость. Из-за постоянного воздействия стресса на организм, в организме неконтролируемо растёт уровень гормонов. Хронический избыток выделяемых гормонов ведёт к преждевременной усталости, мешает своевременно восстанавливаться, снижает уровень эмоционального состояния человека, влияет на работоспособность и выполнение простых задач,

- во время выполнения трудовых функций, шум оказывает существенное влияние на реакцию человека, что мешает своевременно принимать решения. Из-за несвоевременности принятия решений, могут возникнуть критические и опасные ситуации [7],

- во время выполнения трудовых функций, действующий на организм шум оказывает влияние на преждевременное утомление человека, что существенно снижает потенциал человека. В результате воздействия, при сравнении результатов, при решении однотипных задач, с шумом человек быстрее по времени утомляется, чем в оптимальных условиях по шуму. В процессе выполнения задач с воздействием шума, утомление пагубно влияет на работоспособность, растёт количество фиксируемых ошибок, появится раздражительность и нервозность у человека. Даже в тех условиях, когда

происходит воздействие умеренного шума, в пределах 50 дБ – 60 дБ, при длительном воздействии на человека, создаются условия для нагрузки на нервную систему человека,

- во время выполнения трудовых функций, действующий на организм шум мешает человеку выполнить коммуникацию с другим человеком, из-за чего может возникнуть недопонимание между людьми при выполнении своих трудовых функций. В результате воздействия, при сравнении результатов, при решении однотипных задач, с шумом человеку требуется больше времени на объяснение стандартных операций другому человеку, чем в оптимальных условиях по шуму. В процессе коммуникации между людьми с воздействием шума снижается качество и передаваемой информации, чем выше частота и громкость шума, тем хуже уровень коммуникации, больше ошибок совершит человек.

Принимая во внимание факт, что проблематика актуальна в разных сферах деятельности, следует отметить, что влияние шума имеет зависимость на тип выполняемой работы. При выполнении задач, связанных с процессами умственного труда, организм и показатели производительности человека страдают от шума в большей степени, чем процессы, которые в большей степени связаны с физическим процессом. Особенности проявляются по мере деятельности, в том числе, когда физические процессы уже имеют определенные наработки и отработаны.

Физический процесс деятельности человека, когда каждое действие отработано, имеет свою физиологическую особенность. Особенность в первую очередь связана с мышечной и умственной активностью человека, в силу того, что энергетические затраты и влияние физиологических особенностей на организм имеют различные показатели. Длительная умственная деятельность, выполнение сложных вычислений, структуризация большого количества информации приобретают первостепенное значение.

Многие работодатели, подходят к проблематике влияния шума на организм поверхностно, например, без выполнения необходимых исследований

по воздействию риска вредных факторов, создают рабочие места, в которых места офисных работников расположены в помещениях с открытой планировкой. В данном случае, когда рабочие места находятся в офисах с открытой планировкой многие работодатели не учитывают, что данное обстоятельство часто становится источником по возникновению постоянного фонового шума.

Сотрудники из-за того, что возникает фоновый шум, находясь в напряженности трудового процесса по причине влияния шума, начинают громче и больше говорить, чем дополнительно повышают напряженность трудового процесса, путем увеличения нагрузки на голосовой аппарат человека. Когда одновременно начинают говорить несколько человек - фоновый шум возрастает до 70 дБ, соответственно в помещениях с открытой планировкой, практически постоянно происходит процесс, когда одновременно говорят два и более человек, в таких условиях даже работники, которые не участвует в разговоре, но выполняют трудовой процесс, связанный с умственным трудом, начинают совершать большое количество ошибок, чем в условиях, когда они находились бы в тишине (отдельных кабинетах).

Особенно влияет характер существующего шума. Когда на рабочих местах несколько человек говорят, звучат звонки, появляется прерывистый уровень шума с хаотичного направления, в таких условиях, вредное воздействие от шума имеет более вредное воздействие чем, когда имеется присутствие постоянного монотонного источника шума, создаваемого из одного места. Возраст человека, индивидуальные особенности физиологии человека также имеют значение. Физиология такова, что одни люди быстрее и лучше адаптируются к шуму, а другие не имеют способности к быстрой адаптации и реагируют на раздражитель в виде шума, острее. Условия труда, условия отдыха, возраст человека меняют способность и чувствительность к противостоянию организма на вредное воздействие возникающего от шума, с возрастом возникает риск возникновения профессиональных заболеваний [10].

Степень воздействия от вредных факторов, напряженности трудового процесса можно зафиксировать с помощью средств измерения:

- фиксирование нагрузки на голосовой аппарат человека выполняется с помощь хронометражных наблюдений и использования средства измерения - секундомера, который поверен и соответствует требованиям к средствам измерения,

- фиксирование нагрузки от шума на человека выполняется с помощью использования прибора - шумометра, который надлежащим образом поверен и соответствует всем требованиям, которые предъявляются к средствам измерения, в соответствии с Федеральным законом от 26.06.2008 N 102-ФЗ [3].

Для того, чтобы минимизировать негативное воздействие от шума, необходимо своевременно принимать меры. Если речь идет про производственную среду, необходимо внедрять культуру безопасности труда, использовать средства индивидуальной и коллективной защиты [6].

В условиях повышенного уровня шума на рабочем месте, для эффективности труда необходимо создавать комфортные акустические условия, если профессиональная деятельность связана с умственным трудом, сотруднику нужно рабочее место с оптимальным уровнем шума. Такие же требования и критерии должны применяться и к жилым помещениям. Для повышения эффективности от отдыха, восстановления организма от воздействия вредных факторов, нужно создавать такие условия проживания, при которых организм может восстановиться за короткий срок. Восстановление организма помогает не только повысить производительность труда, но и снизить риск от возможного травматизма [8]. Принимая во внимание происходящие в организме физиологические процессы, чувствительность слуха во время действия шума меняется, в результате организм пытается приспособиться и происходит процесс адаптации слуха к вредным факторам. Защитная роль со стороны нервной системы не может работать постоянно в напряженном режиме, организм без отдыха истощается, постоянный стресс и вредное воздействие от шума приводит к развитию и росту количества профессиональных заболеваний.

В нашем случае, при изучении выявленной проблематики можно систематизировать выводы:

- шум имеет негативное влияние на органы слуха. Чрезмерный и постоянный шум может привести к снижению чувствительности слуха, заболеваниям, связанным со слухом,

- шум имеет негативное влияние на организм человека в виде стресса, что вызывает ответную реакцию со стороны организма в виде повышенного раздражения, ухудшения психоэмоционального состояния, снижения работоспособности, преждевременной усталости,

- шум имеет негативное влияние на организм человека в виде влияния на внутренние органы, в том числе на сердечно-сосудистую систему человека.

Учитывая выявленную особенность влияния шума на организм, минимизация риска от вредного воздействия, своевременная реализация мер по снижению уровня травматизма, повышение эффективности безопасности технических объектов имеют прямую связь и зависимость для достижения эффективных результатов во время внедрения мероприятий направленных на улучшение условий и безопасности труда. Применяемые меры по выполнению мероприятий, связанные со снижением вредного воздействия от шума на организм, должны выполняться своевременно в полном объеме и на регулярной основе.

На основании вышеизложенного, имеется возможность сделать научно-обоснованный вывод в рамках изучения выдвинутой гипотезы. Научным и эмпирическим путем установлено: вредный фактор – шум, значительно снижает эффективность и работоспособность человека во время выполнения своей трудовой деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Андреева Д.Д., Пигилова Р.Н. Совершенствование системы управления охраной труда на промышленном предприятии в условиях цифровой

трансформации // Формирование конкурентной среды, конкурентоспособность и стратегическое управление предприятиями, организациями и регионами: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 18–19 мая 2026 года. Пензенский государственный аграрный университет, 2026. С. 34–37.

2. Об утверждении Методики проведения специальной оценки условий труда, Классификатора вредных и (или) опасных производственных факторов, формы отчета о проведении специальной оценки условий труда и инструкции по ее заполнению: приказ Минтруда России от 21.11.2023 № 817н (с изменениями и дополнениями) // справочно-правовая система.

3. Федеральный закон от 26.06.2008 № 102-ФЗ «Об обеспечении единства измерений» (с изменениями и дополнениями) // справочно-правовая система.

4. Хариков С.В. Судебная экспертиза: определение степени воздействия вредных, опасных факторов на физиологическую деятельность человека // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 10 (79). С. 1213–1223.

5. Хариков С.В. Аналитическая концепция: необходимость повышения надежности технических объектов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2026. № 1-1 (112). С. 248–252.

6. Хариков С.В. Необходимость в создании условий по поддержанию надлежащего состояния технических систем для эффективности и безопасности выполнения производственных процессов // Вестник науки. 2026. Т. 4, № 9 (102). С. 951–961.

7. Хариков С.В. Анализ элементов функционирования системы управления для повышения уровня безопасности труда в организации // Вестник науки. 2025. Т. 3, № 6 (87). С. 849–859.

8. Хариков С.В. Судебная инженерно-технологическая экспертиза: охрана труда, несчастный случай на производстве // Человек. Социум. Общество. 2024. № S1. С. 147–155.

9. Шубин Д.И., Рощин Д.О. Сравнительная характеристика некоторых аспектов организации медицинской помощи населению по профилям

«оториноларингология» и «сурдология-оториноларингология» в ряде регионов Российской Федерации // Вестник современной клинической медицины. 2026. Т. 19, № 3. С. 66–72.

10. Шубин Д.И., Рощин Д.О. Клинико-организационные проблемы ранней диагностики профессиональной сенсоневральной тугоухости // Менеджер здравоохранения. 2026. № 8. С. 32–39.

Kharikov S.V.

Center of Independent Expert Assessment «Transit»

(Moscow, Russia)

Institute of Engineering and Environmental Safety

Togliatti State University

(Togliatti, Russia)

EFFECTS OF NOISE EXPOSURE ON HUMAN EFFICIENCY AND WORK CAPACITY DURING OCCUPATIONAL ACTIVITIES

***Abstract**: this study examines how noise exposure affects human efficiency and work capacity during occupational activities.*

The main aim is to systematize existing data on the effects of noise on human actions and production processes to support the development of methods for improving the reliability and resilience of technical facilities.

For this study, scientific and empirical data accumulated during Sergey Kharikov's professional practice were systematized. These data relate directly to a comprehensive examination of harmful factors and the effects of noise exposure on work performance.

This paper may be useful to those who identify harmful factors in working conditions, develop and maintain measures for an occupational health and safety management system, or conduct interdisciplinary research.

***Keywords**: industrial noise, work capacity, work efficiency, occupational safety, harmful occupational factor, working conditions assessment.*